Роберт Хайнлайн

Чужак в чужом краю

Чужак в чужом краю

Роберт Хайнлайн

Чужак в чужом краю

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. ЧУЖАК В ЧУЖОМ КРАЮ
ЧУЖАК В ЧУЖОМ КРАЮ
Часть I. ОН БЫЛ ЗАЧАТ ПОРОЧНО
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Часть II. АСТРОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Часть III. ПЛОДЫ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО ВОСПИТАНИЯ
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Часть IV. ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Часть V. СЧАСТЛИВЫЙ УДЕЛ
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39

ДВЕРЬ В ЛЕТО
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая

Аннотация

В четвертый том серии «Библиотека фантастики» вошли два романа известного американского писателя, первого в истории Гранд-мастера фантастики — Роберта Энсона Хайнлайна (1907-1988).

Представленные в книге романы «Чужак в чужом краю» (Премия Хьюго 1961) и «Дверь в лето», признанный лучшим произведением, несколько необычны для творчества Роберта Хайнлайна. Наряду с традиционным для автора динамичным сюжетом, в этих произведениях присутствуют и тонкий юмор, и философское осмысление многих жизненных проблем, и глубокое знание человеческой психологии.

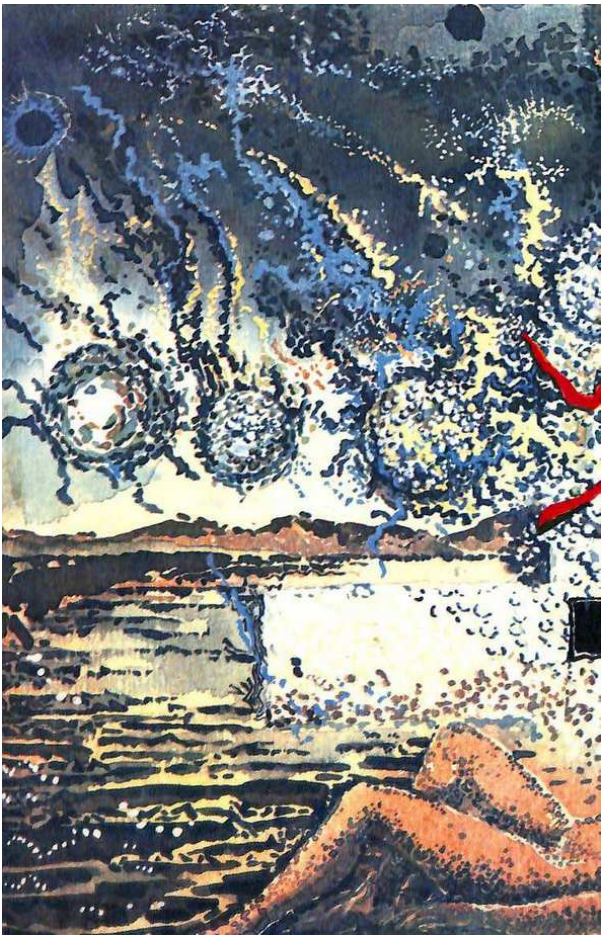
Кстати, роман «Чужак в чужом краю» в свое время послужил настоящей «библией» для хиппи…

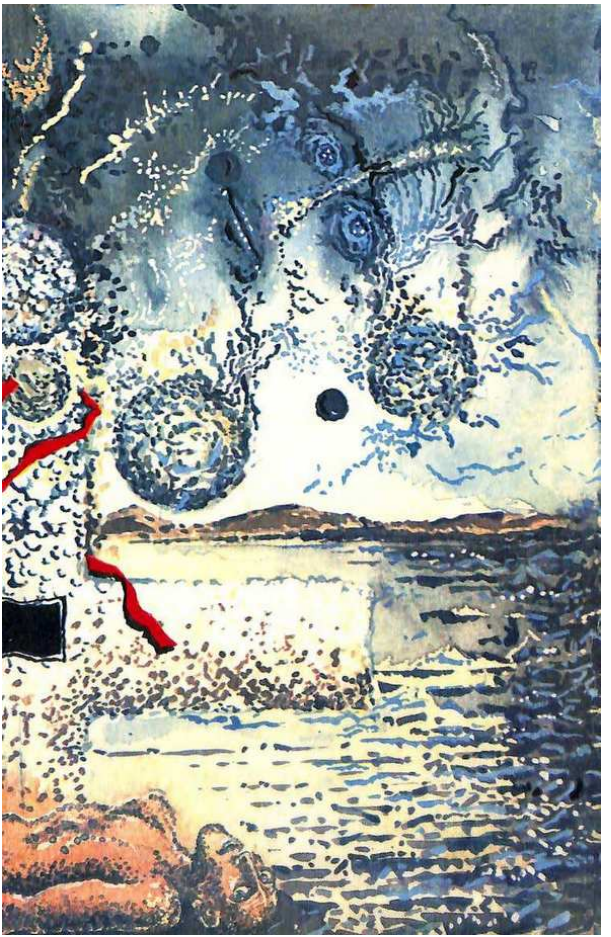
Эта книга не оставит равнодушными любителей хорошей фантастики (и не только их).

Иллюстрации *В. Г. Еременко*.

+18

created by
poRUchik





БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ 4

Дверь в лето

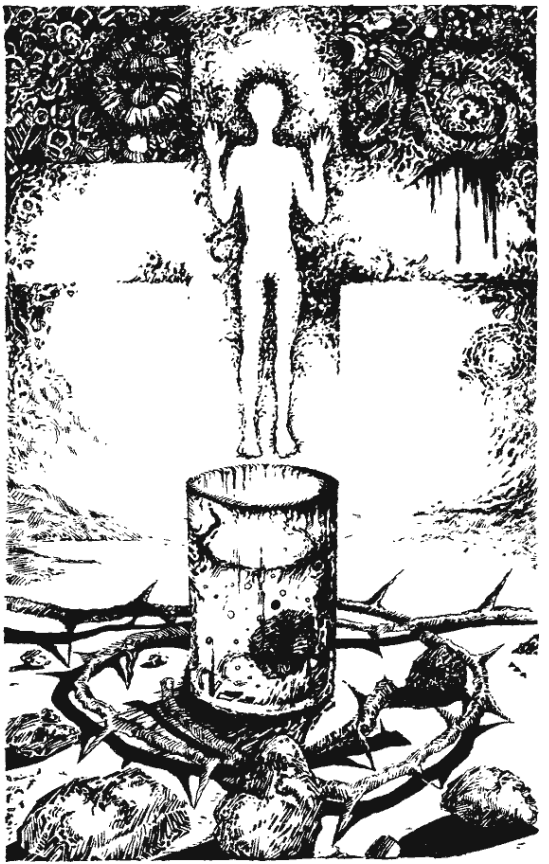
Роберт
Хайнлайн

Чужак в чужом краю

РОСТОВ-НА-ДОНУ
"ГЕРМЕС"
1992

Роберт Хайнлайн
ЧУЖАК В ЧУЖОМ КРАЮ

ЧУЖАК
в чужом краю



ЧУЖАК В ЧУЖОМ КРАЮ

Часть I
ОН БЫЛ ЗАЧАТ ПОРОЧНО
Глава 1

Первую экспедицию на Марс земляне организовали в те времена, когда — по их убеждению — наибольшую опасность для человека представлял сам человек. Это произошло через восемь земных лет после основания первой колонии на Луне. Тогда все межпланетные перелеты совершались в момент противостояния планет. От Земли до Марса — двести пятьдесят восемь дней, столько же обратно, да еще четыреста пятьдесят пять дней нужно ждать на Марсе, пока расположение планет не позволит вылететь на Землю.

К тому же путешествие на Марс могло стать успешным, если по дороге вам удалось дозаправиться на орбитальной станции, не разбиться при посадке, найти на Марсе воду для реакторов и избежать тысячи всевозможных неприятностей.

Восемь членов экипажа корабля «Посланец» должны были уживаться лучше, чем это получалось бы у людей на Земле. Чисто мужской состав забраковали как нездоровый и психологически нестабильный. Оптимальным был признан эки-

паж из четырех супружеских пар, подобранных так, чтобы все члены экипажа в совокупности имели необходимый в полете перечень специальностей.

Главный подрядчик, Эдинбургский университет, привлек для формирования экипажа Институт Социальных Исследований. После того, как были отсеяны добровольцы, не подходящие по возрасту, состоянию здоровья, коэффициенту интеллекта, темпераменту или профессиональной подготовке, осталось девять тысяч, в принципе, подходящих кандидатов. Для экспедиции требовались: штурман, врач, повар, механик, командир корабля, лингвист, химик, специалист по электронике, физик, геолог, биохимик, биолог, ядерщик, фотограф и специалисты по гидропонике и ракетной технике. Набралось несколько сот экипажей, члены которых имели указанные специальности; три из них составляли супружеские пары. Когда же подрядчик предложил снизить ценз психологической совместимости, субподрядчик в ответ заявил, что отказывается и от работы, и от вознаграждения.

Компьютеры продолжали обрабатывать данные. У капитана Майкла Бранта, магистра естественных наук, офицера запаса и ветерана

лунных походов, нашелся в институте приятель, который подобрал для него нескольких женщин-добровольцев и обработал их данные на совместимость с капитаном. В результате Брант сел в самолет, отправился в Австралию и предложил руку и сердце доктору Уинифред Коберн, сорокалетней девственнице. Компьютеры, мигая лампочками, определили состав экипажа:

капитан Майкл Брант, тридцати двух лет, — командир, пилот, штурман, повар-любитель, фотограф-любитель, специалист по ракетной технике;

доктор Уинифред Коберн-Брант, сорока одного года, — лингвист, историк, практикующая медицинская сестра, заведующая хозяйством;

мистер Френсис Сини, двадцати восьми лет, — помощник командира, второй пилот, штурман, астрофизик, фотограф;

доктор Ольга Ковалик-Сини, двадцати девяти лет, — повар, биохимик, специалист по гидропонике;

доктор Уорд Смит, сорока пяти лет, — терапевт, хирург, биолог;

доктор Мэри Джейн Лайл-Смит, двадца-

ти шести лет, — специалист по электронике, энергетике и ядерной физике;

мистер Сергей Римски, тридцати пяти лет, — специалист по электронике, химик, механик, метролог, специалист по криогенной технике;

миссис Элеонора Альварес-Римски, тридцати двух лет, — геолог, селенолог, специалист по гидропонике.

У членов экипажа были все необходимые в полете специальности, часть из которых будущие астронавты получили путем интенсивного обучения в последние недели перед вылетом. И самое главное — члены экипажа были полностью совместимы психологически.

«Посланец» стартовал. В течение нескольких недель его сообщения были слышны в радиоприемниках. Потом сигналы стали слабее, их улавливали лишь спутники-ретрансляторы. Согласно сообщениям, экипаж был здоров и бодр. За неделю члены экипажа адаптировались к невесомости и перестали принимать таблетки от тошноты. Единственным заболеванием, с которым пришлось бороться доктору Смиту, была потница. Если у капитана Бранта и возникали

проблемы, то он о них не сообщал.

«Посланец» вышел на посадочную орбиту внутри орбиты Фобоса и две недели фотографировал Марс. Затем капитан Брант передал:

> «Завтра в 12-00 по общекосмическому времени мы садимся на юге Lacus Soli»[1]

На этом связь оборвалась.

Глава 2

Прошло двадцать пять лет, прежде чем земляне снова отправились на Марс. Через шесть лет после того, как замолчал «Посланец», Международное Общество Астронавтов запустило к Марсу беспилотный корабль «Зомби», который благополучно вернулся. Фотографии, сделанные «Зомби», изображали местность, мало привлекательную по земным меркам. Данные приборов, которыми был оснащен корабль, подтвердили, что атмосфера Марса разрежена и практически непригодна для жизни.

По фотографиям можно было предположить, что марсианские каналы являются технически-

---

[1] Примечания: 1
Lacus Soli — Солнечное озеро *(лат.)*

ми сооружениями, а некоторые объекты были признаны руинами городов. И если бы не третья мировая война, на Марс вылетел бы новый отряд астронавтов.

«Чемпион» стартовал через несколько лет после войны, и его экипаж был более многочисленным, чем экипаж пропавшего «Посланца». На борту «Чемпиона» находились восемнадцать человек команды и двадцать три добровольца, все мужчины. «Чемпион» покрыл расстояние от Земли до Марса за девятнадцать дней и приземлился на юге Lacus Soli, где капитан ван Тромп собирался начать поиски «Посланца». Сообщения от экспедиции ван Тромпа поступали на Землю ежедневно. Вот три самых важных:

Первое:

> «Найден ракетный корабль «Посланец». Все члены экипажа погибли».

Второе:

> «На Марсе есть жизнь».

Третье:

> «Поправка к сообщению 23-105: обна-

ружен оставшийся в живых астронавт с «Посланца».

Глава 3

Капитан Виллем ван Тромп был осторожным человеком. Он предварил свое прибытие на Землю таким сообщением:

> «Не устраивайте моему пассажиру шумного приема. Необходим автомобиль скорой помощи, носилки, палата с гидравлической кроватью и вооруженная охрана».

Капитан поручил корабельному врачу проследить, чтобы Валентайна Майкла Смита (именно так звали пассажира «Чемпиона») поместили в отдельную палату медицинского центра в Бетесде, уложили в гидравлическую кровать и изолировали от внешнего мира. Сам ван Тромп отправился на чрезвычайное заседание Верховного Совета Федерации.

В ту минуту, когда Смита укладывали в Бетесде в кровать, Верховный министр науки раздраженно говорил ван Тромпу:

— Капитан, ваше положение командира так называемой «научной экспедиции» дает вам право приказывать медицинской службе охранять человека, за которого вы в ответе. Но я не понимаю, на каком основании вы осмеливаетесь вмешиваться в дела моего министерства? Ведь Смит — это просто клад для науки!

— Да, сэр.

— В таком случае, — министр науки обернулся к Верховному министру по делам мира и безопасности, — Дэвид, распорядитесь, пожалуйста, чтобы к Смиту пропустили профессора Тиргартена, доктора Окадзиму и остальных.

Министр по делам мира взглянул на капитана Тромпа. Тот покачал головой.

— В чем дело? — спросил министр науки. — Вы ведь сказали, что он не болен!

— Выслушайте капитана, Пьер, — попросил министр по делам мира. — Говорите, капитан.

— Смит не болен, сэр, — терпеливо начал разъяснять ван Тромп, — но и здоровым его назвать нельзя. Он не адаптирован к земному тяготению. Здесь он весит в два с половиной раза больше, чем весил на Марсе, и его мышцам не справиться с такой нагрузкой. Смит не привык к атмосферному давлению, которое мы здесь считаем нормаль-

ным. Он не приспособлен ни к чему земному, для него здесь все — сплошные перегрузки. Черт возьми, господа, я сам устал, как собака, хоть и родился на этой планете!

Министр науки посмотрел на капитана с осуждением:

— Вполне естественно, капитан, идет адаптационный период. Я тоже побывал в космосе и все это испытал. И молодой человек по имени Смит…

Капитан ван Тромп решил, что больше не стоит сдерживаться. Потом можно будет оправдаться усталостью: он чувствовал себя так, как будто приземлился на Юпитере. И капитан перебил министра:

— О-о! «Молодой человек»! «Человек»! Да как вы не понимаете, что Смит — не человек?!!

— Что?!

— Смит — не человек.

— Вот как? Поясните свои слова, капитан.

— Смит — разумное существо земного происхождения, но он не человек, а марсианин. Мы — первые люди, которых он увидел. Смит думает и чувствует по-марсиански. Его воспитало племя, совершенно не похожее на нас. Смит не может отличить мужчину от женщины. Он — человек по рождению, но марсианин по воспитанию.

Если вы спешите уничтожить этот, как вы выразились, клад, — зовите ваших дубинноголовых профессоров! Пусть Смит сойдет с ума раньше, чем привыкнет жить в сумасшедшем мире; я же умываю руки. Свою задачу я выполнил.

— И с честью выполнили, капитан, — вступил в разговор Генеральный Секретарь Дуглас. — Если вашему человекомарсианину нужен денек-другой, чтобы привыкнуть к Земле, я думаю, наука подождет. Пит, не обижайтесь на капитана: он устал.

— Есть дело, которое не может ждать! — возразил министр средств массовой информации.

— Да, Джок?

— Господин Секретарь, если мы в ближайшее время не покажем марсианина по стереовидению, начнутся беспорядки.

— Пожалуй, вы преувеличиваете, Джок. Мы включим в информационные выпуски марсианский материал. Завтра — награждение капитана и всего экипажа, а послезавтра, когда капитан отдохнет, — его рассказ о полете.

Министр покачал головой.

— Что не годится, Джок?

— Люди ждали, что им привезут настоящего марсианина. Раз его не привезли, нужен хотя бы

Смит, причем немедленно.

— Вам нужен живой марсианин? — Генеральный Секретарь Дуглас обернулся к ван Тромпу.— Вы снимали марсиан?

— Мы перевели на них километры пленки.

— Чего же вам еще, Джок? Нет живых марсиан — показывайте фильмы. Да, капитан, марсиане не выступали против вас?

— Нет, сэр, но они нас и не приветствовали.

— Не понял?

Капитан ван Тромп подыскивал ответ.

— Видите ли, сэр, говорить с марсианином — все равно что кричать в лесу. Вы не получите ответа: ни да, ни нет.

— Вы привели с собой вашего лингвиста, как его там?..

— Доктора Махмуда, сэр? Доктор Махмуд нездоров. У него нервный срыв. («Читай: «мертвецки пьян», — подумал капитан ван Тромп.)

— Космическая эйфория?

— Да, пожалуй. («У-у, сухопутные крысы!»).

— Ну что ж, побеседуем с ним, когда ему станет лучше. А заодно пригласим нашего юного гостя Смита. Я думаю, это будет полезно.

— Возможно, — с сомнением произнес ван Тромп.

…А юный гость изо всех сил старался выжить. Невыносимое давление чужого мира стало ощущаться меньше, когда его поместили в мягкое гнездо. Сердце и легкие едва справлялись с усиленной гравитацией, приторно густой и невыносимо горячей атмосферой. Смит боролся. Он отвел все три уровня на управление дыханием и работой сердца. Через некоторое время, когда пульс и дыхание замедлились, Смит решил, что можно уделить внимание и другим проблемам. Он выделил часть второго уровня для наблюдения за своим организмом и окружающим пространством, а остальное использовал для осмысления последних событий. Нужно было не только приспособиться к новому миру, но и попытаться понять его.

С чего начать? С того, как он покинул Марс? Или с того, как очутился в этом гнетущем мире? Смит снова болезненно ощутил жар и грохот, которыми встретила его эта планета. Нет, он еще не готов все это осмыслить! Назад! Назад! К тому моменту, когда он впервые увидел чужаков, впоследствии оказавшихся соплеменниками. Нет, еще дальше, в то прошлое, когда он с ужасом осознал, что он — чужак. Назад, к самому началу!

Смит мыслил не так, как мыслят земляне. Его

обучили основам английского языка, но английский был нужен ему, как он был бы нужен индусу для объяснения с турком. Английский был для Смита сложным кодом, с помощью которого можно лишь приблизительно выразить мысли. Образы и ассоциации, возникавшие в его мозгу, невозможно было привести к земным: они были порождены иной культурой.

В соседней комнате доктор Тадеуш играл в криббидж с Томом Мичемом, приставленным к Смиту в качестве сиделки. Одним глазом доктор смотрел в карты, а другим — на датчики. Увидев, что пульс у Смита упал до двадцати ударов в минуту, Тадеуш бросился в его комнату. Мичем вскочил следом.

Гидравлическая кровать тихо покачивалась. Смит казался мертвым.

— Позвать доктора Нельсона! — приказал Тадеуш.

— Есть, сэр! — мгновенно отозвался Мичем. — А, может, сделаем электрошок, док? — неуверенно добавил он.

— Позвать доктора Нельсона!!

Мичем выбежал. Тадеуш смотрел на пациента, не решаясь прикоснуться к нему. Вошел доктор Нельсон. Он двигался тяжело и неловко, как

человек, долго пробывший в космосе и еще не привыкший к земному тяготению.

— Что случилось?

— Две минуты назад, сэр, пульс и температура пациента резко упали.

— Что вы предприняли?

— Ничего, сэр, согласно вашему указанию.

— Хорошо, — Нельсон посмотрел на Смита, потом на датчики, такие же, как в соседней комнате. — Будут какие-нибудь изменения — дайте мне знать.

Он собрался уходить. Тадеуш испуганно промямлил:

— Позвольте, доктор…

— Что — «доктор»? Какой диагноз вы ему ставите?

— Это ваш пациент, и мне не хотелось бы…

— Ваш диагноз?

— Хорошо, сэр. Это, скорее всего, шок, травматический шок, за которым последует смерть.

Нельсон кивнул:

— Для большинства ситуаций это было бы справедливо. Но перед вами уникальный случай. Мне уже приходилось видеть его в таком состоянии. Смотрите.

Нельсон поднял руку пациента и отпустил.

Рука не упала.

— Каталепсия? — неуверенно спросил Тадеуш.

— Называйте это как хотите, только не трогайте его и всегда зовите меня. — Нельсон опустил руку Смита, покачал головой и вернулся на пост. Мичем собрал карты:

— Сыграем?

— Не хочу.

— Знаете, док, мне сдается, что он еще до утра сыграет в ящик.

— Вашего мнения на этот счет никто не спрашивает. Можете пойти покурить. Мне надо подумать.

Мичем пожал плечами и вышел в коридор, где стояла охрана. Солдаты вытянулись, но, увидев, кто идет, снова расслабились. Солдат повыше спросил:

— Что за шум?

— Он выкидывал коленца, а мы гадали, что бы это значило. Дайте закурить, черти!

Солдат пониже вынул пачку сигарет:

— А как насчет выпить?

— Что-то не хочется, — Мичем взял сигарету.

— Слушай, а почему к нему не пускают женщин? Он что, сексуальный маньяк?

— Я сам ничего не знаю, кроме того, что его

привезли с «Чемпиона», и ему нужен абсолютный покой.

— С «Чемпиона»? Тогда все ясно, — заявил высокий солдат.

— Что тебе ясно?

— Как же! Столько времени баб не только не трогал, но и не видел! Вот и свихнулся маленько. А теперь они боятся, что он на бабу глянет и удавится. Я на его месте точно бы удавился!

Смит видел, как появились врачи, понял, что они пришли с добрыми намерениями, и ушел в себя окончательно. А утром, в тот час, когда сиделки умывают больных, он вернулся. Активизировал сердце, дыхание и стал осматриваться.

Смит оглядел комнату, оценивая каждую деталь. Он видел это помещение впервые: раньше у него не хватало на это сил. Обстановка была необычной; ни на Марсе, ни на «Чемпионе» не было ничего подобного. Восстановив события, приведшие его из родных мест сюда, Смит уже готов был признать новый мир, принять его и даже полюбить.

В комнате было еще одно живое существо: с потолка, кружась, спускался паук. Смит с восхищением смотрел на этот танец, готовый признать в пауке соплеменника и опекуна.

Вошел доктор Арчер Фрейм, стажер, сменивший доктора Тадеуша.

— Здравствуйте, — сказал он. — Как вы себя чувствуете?

Смит проанализировал фразу. В первой части он узнал формальность, не требующую ответа. Для второй в его памяти было зафиксировано несколько значений. Если подобный вопрос задавал доктор Нельсон, он имел определенный смысл; в устах же капитана ван Тромпа этот вопрос, превращался в пустой звук.

Смит всякий раз испытывал неловкость при обращении с этими существами. Он встревожился, но приказал себе успокоиться и рискнул ответить:

— Чувствую хорошо.

— Отлично! — улыбнулся человек. — Сейчас придет доктор Нельсон. На завтрак пойдете?

Смит знал значения всех произнесенных слов, но сомневался, что правильно понял вопрос. Да, он знал, что съедобен, но его не предупреждали, что он может пойти кому-то на завтрак. Видимо, это большая честь? Или запасы пищи на Земле настолько истощились, что им приходиться есть себе подобных? В душе Смита не возникло протеста, он почувствовал лишь сожаление, что не

успел познать этот мир.

Вошел доктор Нельсон и избавил его от необходимости обдумывать ответ. Доктор посмотрел на Смита, потом на приборы, потом опять на Смита:

— Желудок работает?

Смит понял: это был привычный для него вопрос.

— Нет.

— Ладно, это мы исправим. Но прежде всего надо поесть.

Сначала Нельсон кормил Смита с ложки, потом попросил его есть самостоятельно. Это было трудно, но Смит торжествовал: в этом мире он впервые обходился без помощи. Он опустошил тарелку и решил узнать, кто его облагодетельствовал, позволив себя съесть.

— Кто это был? — спросил Смит.

— Не кто, а что. Синтетическая пищевая масса. Это тебе что-нибудь говорит? Доел? Вылезай-ка из кровати.

— Прошу прощения? — Смит знал, что эта фраза используется, когда необходимо возобновить прерванное по какой-либо причине общение.

— Я говорю — вставай. Пройдись. Сил у тебя, конечно, немного, но если будешь валяться в кровати, их не прибавится.

Нельсон открыл кран и стал выпускать воду из баллона. Смит отогнал тревогу: Нельсон никогда не делал ему ничего плохого.

Вода, поддерживавшая тело Смита, вылилась, и он оказался на дне кровати среди складок непромокаемой ткани.

— Доктор Фрейм, возьмите его под руки, — попросил Нельсон.

Поддерживаемый с двух сторон и подбадриваемый Нельсоном, Смит кое-как перелез через борт кровати.

— Спокойно! Выпрямись! — командовал Нельсон. — Не бойся, я поддержу.

Смит сделал над собой усилие и выпрямился. У него была слабая мускулатура, но хорошо развитая грудная клетка. Еще на «Чемпионе» его постригли и побрили. На бледном лице выделялись мягкий детский рот и глаза умудренного жизнью старика.

Смит постоял на дрожащих ногах и шагнул вперед. Сделав три шага, он по-детски радостно улыбнулся.

— Умница! — похвалил Нельсон.

Смит сделал еще шаг и потерял равновесие. Врачи едва успели подхватить его.

— Черт! — выдохнул Нельсон. — Падает… Да-

вайте-ка положим его в кровать… Нет, сперва нужно набрать воду.

Наполнив баллон, врачи осторожно уложили в кровать Смита, застывшего в позе зародыша.

— Положите ему под затылок валик, — распорядился Нельсон. — Если что-нибудь случится — позовите меня. Вечером вернемся к занятиям. Через три месяца он у нас будет лазать по деревьям не хуже обезьяны. Все идет нормально.

— Да, доктор, — ответил Фрейм без особого энтузиазма.

— И еще: когда он вернется, покажите ему, как пользоваться ванной. Позовите себе в помощь сиделку и следите, чтобы он не падал.

— Хорошо, сэр, но как ему объяснить…

— Объяснять ничего не нужно. Он все равно не поймет. Именно покажите…

… Ленч Смит съел без посторонней помощи. Санитар, забирая поднос, наклонился к нему и тихо сказал:

— Слушай, у меня к тебе есть дело.

— Простите?

— Мы можем заработать кучу денег.

— Денег? Что это такое?

— Брось философствовать. Деньги нужны всем. Мне некогда долго разговаривать: смываться

пора. Я из Пирлесс Фичерс. На нас работают лучшие писатели. Они будут задавать вопросы, а ты будешь на них просто отвечать. За это получишь шестьдесят тысяч. На, подпиши.

Смит взял протянутый лист бумаги и уставился на него, держа текст вверх ногами.

Санитар воскликнул:

— Боже! Да ты читать не умеешь!

Смит понял и ответил:

— Нет.

— Ну, ладно, я прочитаю, ты поставишь отпечаток пальца, а я засвидетельствую. «Я, нижеподписавшийся, Валентайн Майкл Смит, известный как Человек с Марса, передаю компании Пирлесс Фичерс Лимитед все права на мой (основанный на фактах моей биографии) рассказ «В плену у марсиан» в обмен на…»

— Санитар!

В дверях стоял доктор Фрейм. Санитар быстро сунул бумагу за пазуху.

— Иду, сэр. Я забирал поднос.

— Что вы читали? Учтите, я вас запомнил. Вы знаете, что с этим больным разговаривать нельзя.

Санитар и врач вышли. Дверь закрылась. Смит долго лежал без движения, пытаясь осмыслить

это событие, но, как ни старался, ничего не смог понять.

Глава 4

Джиллиан Бордмэн считалась хорошей медицинской сестрой, и у нее было серьезное хобби — мужчины. В тот день она была старшей по этажу, где лежал Смит. Когда она услышала, что больной из палаты К-12 ни разу в жизни не видел женщину, она не поверила своим ушам и решила нанести визит странному пациенту.

Джиллиан знала, что женщинам нельзя посещать этого больного, однако себя она не относила к разряду посетителей и потому гордо проплыла мимо охраны (у солдат тоже была странная привычка понимать приказы буквально) в соседнюю с палатой Смита комнату.

Доктор Тадеуш обернулся к ней:

— Здравствуй, солнышко! Каким ветром тебя сюда занесло?

— Я исполняю свои служебные обязанности. Как поживает ваш пациент?

— Не волнуйся, рыбка, присмотр за этим больным в твои обязанности не входит. Можешь проверить по журналу.

— Знаю. Но я хочу его увидеть.

— Это запрещено.

— Ну, Тэд, не будь таким правильным…

Тадеуш принялся изучать свои ногти.

— Если я тебя к нему впущу, то закончу свою карьеру в Антарктиде. Не знаю, что будет, если доктор Нельсон застанет тебя даже здесь.

— Он, должен сюда прийти?

— Нет, если я его не позову. Он все еще отсыпается после полета.

— Откуда же такое рвение?

— Я все сказал, сестра.

— Хорошо, доктор… Вонючка!

— Джилл!

— Тюфяк!

Тадеуш вздохнул.

— Так мы встречаемся в субботу?

— Конечно. Разве женщина способна сердиться целых три дня? — пожала плечами Джиллиан.

Она вернулась на свой пост и отыскала ключ от комнаты, примыкающей к палате К-12 с другой стороны. В этой комнате дежурили сиделки, обслуживающие высокопоставленных больных. Не в ее характере было сдаваться.

Джиллиан беспрепятственно прошла в эту комнату: солдаты и не знали, что она сообщается

с вверенной им палатой. Перед заветной дверью Джиллиан задержалась, испытывая чувство, знакомое ей с тех времен, когда она студенткой убегала с дежурства. Она отперла дверь и заглянула в палату. Больной лежал в гидравлической кровати. Когда Джилл вошла, он повернул к ней голову. Сначала у нее возникло впечатление, что лечить его уже бесполезно. Его лицо ничего не выражало; такие лица бывают у безнадежно больных. Потом она заметила в его глазах живой интерес. Может, у него парализованы мышцы лица?

По профессиональной привычке она спросила:

— Ну, как мы себя чувствуем? Лучше?

Смит перевел вопрос на свой язык. Его смутило, что он должен содержать сведения и о состоянии ее организма. Он решил, что это свидетельствует об особом расположении и желании сблизиться. Вторую часть вопроса Смит часто слышал от Нельсона и ответил на нее:

— Да.

— Вот и хорошо. — Обычный больной, если не считать лица без выражения. Если он и не видел женщин, то хорошо это скрывает. — Вам что-нибудь нужно?

Джилл заметила, что на тумбочке отсутствует

положенный стакан:

— Принести вам воды?

Смит сразу заметил, что новое существо не такое, как другие. Он сравнил его с тем, которое видел на картинке у Нельсона еще на «Чемпионе». Нельсон пытался объяснить ему анатомические особенности той части человеческого рода, которая называлась «женщины». Новое существо было «женщиной».

Смит ощутил одновременно и радость, и разочарование. Однако он подавил оба чувства, чтобы процесс познания нового явления не отразился на датчиках Тадеуша. Когда же Смит перевел последний вопрос, его охватило такое волнение, что он почти выпустил из-под контроля сердце, но вовремя опомнился и отругал себя за недисциплинированность. Потом проверил перевод. Нет, он не ошибся. Эта женщина предлагала ему воду. Она хотела сблизиться.

С трудом подбирая слова для приличествующего ситуации ответа, он произнес:

— Благодарю вас за воду. Пусть она у вас будет в изобилии.

Сестра Бордмэн опешила.

— О, как мило!

Она нашла стакан, наполнила его и подала

больному.

— Пейте вы, — сказал Смит.

«Он думает, что я решила его отравить», — подумала сестра, но просьба звучала очень настойчиво, и Джилл подчинилась. Она отпила из стакана. Больной тоже сделал глоток и откинулся на кровати с таким видом, будто сделал что-то значительное.

Джилл решила, что никакого приключения из этого не выйдет и сказала:

— Ну что ж, если вам больше ничего не нужно, я пойду.

И пошла к двери. Он крикнул ей вслед:

— Нет!

— Что?

— Не уходи!

— Я на работе. Мне нужно идти.

Он смерил ее взглядом:

— Ты женщина?

Джилл обиделась. Она хотела сказать что-нибудь резкое, но увидев серьезное лицо и тревожные глаза Смита, передумала. Она почувствовала, что он действительно до сих пор не видел женщин и не знает, что это такое. И она ответила:

— Да, я — женщина.

Смит не сводил с нее глаз. Джилл смутилась.

Она ожидала, что на нее будут смотреть глазами самца, а попала как будто под объектив микроскопа.

— Ну что, похожа я на женщину?

— Я не знаю, — медленно проговорил Смит. — Как должна выглядеть женщина? Что делает тебя женщиной?

— О Господи! — (Такого странного разговора с мужчиной Джилл не приходилось вести, пожалуй, со дня конфирмации). — Может быть, мне раздеться?

Смит молчал, анализируя услышанное. Первую фразу он не понял. Наверное, это одна из формальных фраз, которые люди так часто используют… Но она произнесена с силой, поэтому может быть последним сообщением перед уходом. Возможно, он вел себя с женщиной настолько неправильно, что она сейчас дематериализуется.

Смит не хотел, чтобы женщина умерла, даже если это ее право или обязанность. Только что они разделили воду, и вот новообретенный брат по воде уходит и дематериализуется! Смит пришел бы в ужас, если бы не нужно было подавлять чувства. Он решил, что если она сейчас умрет, он умрет тоже — после воды иначе нельзя.

Во второй фразе встречались знакомые слова.

Смит понял суть действия и то, что действие мыслится как предполагаемое. Может быть, это выход из кризиса? Может быть, если женщина снимет с себя одежду, никому из них не придется умирать? Он радостно улыбнулся:

— Да, пожалуйста.

Джилл открыла рот. Закрыла. Опять открыла и сказала:

— Черт меня возьми!

По интонации Смит понял, что ответил неправильно. Он стал настраиваться на дематериализацию, с нежностью перебирая в уме все, что пережил и познал. Особое внимание в своих воспоминаниях он уделял этой женщине. Вдруг Смит увидел, что женщина наклонилась к нему. Она смотрела ему в лицо и, очевидно, не собиралась умирать.

— Может, я неправильно вас поняла? Вы просили меня снять одежду?

Смит перевел вопрос правильно и ответил в надежде, что нового кризиса не будет.

— Да.

— Так оно и есть. Да, брат, не такой уж ты больной!

Смит сразу же отметил слово «брат» — женщина напоминала, что они побратались через

воду. Потом он подумал, соответствует ли его состояние тому, о котором говорит новый брат.

— Я не болен, — подтвердил он.

— Провалиться мне на этом месте, если у тебя не все в порядке! Но раздеваться я не буду. Мне пора.

Она выпрямилась и пошла к двери. На пороге оглянулась и с игривой улыбкой сказала:

— Ты можешь попросить меня об этом в другом месте. Тогда посмотришь, что делает меня женщиной.

Женщина ушла. Смит расслабился и отключил внимание от своей палаты. Он был горд, что исправил ситуацию, и им не пришлось умирать. Но нужно было еще многое осознать. В речи женщины было несколько новых слов, а те, которые не являлись новыми, оказались сгруппированными таким образом, что смысл фраз был неясен. Он испытывал какое-то радостное чувство, которое вполне могло сопутствовать общению братьев по воде, но к этому чувству подмешивалось что-то, одновременно и тревожное и приятное. Смит думал о своем новом брате, этой женщине, и вслушивался в свое радостно-тревожное чувство. Он вспомнил, как впервые присутствовал при дематериализации. Но сейчас это воспоминание,

неизвестно почему, вызвало у него ощущение счастья.

Жаль, что здесь нет доктора Махмуда. Так много нужно узнать — и неоткуда.

Остаток дежурства прошел, как во сне. Перед глазами Джилл стояло лицо марсианина, а в памяти крутились его безумные слова. Нет, Смит не безумен, она работала в психиатрических клиниках и знала, что марсианин был в здравом рассудке. Он не безумен, а невинен, решила она, а потом подумала, что и это слово не подходит. У него невинное лицо, но отнюдь не невинные глаза. Кем же надо быть, чтобы так выглядеть?

Когда-то она работала в монастырской больнице и видела такое лицо у сестры-монашки. Однако в лице Смита ничего женского не было.

Джилл переодевалась, когда к ней заглянула другая сестра.

— Джилл, к телефону.

Джилл ответила, не включая изображения.

— Это Флоренс Найнтингейл? — спросил баритон.

— Да. Это ты, Бен?

— Верный поборник свободы слова собственной персоной. Ты занята, малышка?

— Что ты задумал?

— Я задумал угостить тебя бифштексом, напоить ликером и задать тебе вопросик.

— Я отвечу «нет».

— Не тот вопрос, что ты думаешь.

— О, ты умеешь задавать и другие вопросы? А ну-ка!

— Потом. Когда ты подобреешь.

— А бифштекс будет натуральный? Не синтет?

— Обещаю. Ткнешь в него вилкой — и он замычит.

— У тебя, наверное, банковский счет закрыт, Бен?

— Это постыдно, но не смертельно. Так как?

— Уговорил.

— Через десять минут на крыше медицинского центра.

Джилл сняла надетый было костюм, повесила его в шкаф и выбрала платье, которое держала специально для таких случаев. Платье было простого покроя, почти прозрачное и, скорее, подчеркивало то, что должно было скрывать. Джилл с удовлетворением оглядела себя в зеркало и отправилась на крышу.

Пока она осматривалась в ожидании Бена Кэкстона, к ней подошел дежуривший на крыше санитар.

— Вас ждет машина, мисс Бордмэн. Вон тот «тальбот».

— Спасибо, Джек.

Джилл увидела такси с открытой дверцей. Она села в аэромобиль и уже собиралась сказать Бену двусмысленный комплимент, когда увидела, что его нет. Такси было автоматическим. Дверца закрылась, машина взлетела, развернулась и направилась к другому берегу Потомака. На площадке над Александрией машина приземлилась, в нее сел Бен, и аэромобиль снова взлетел.

Джилл взглянула на Бена.

— Ты посмотри какие мы! С каких это пор за своими подругами ты присылаешь роботов?

— Есть причины, малышка, — Бен погладил ее по колену. — Нельзя, чтобы нас видели вместе.

— Что!?

— Нельзя, чтобы нас видели вместе. Остынь.

— И кто же из нас прокаженный?

— Мы оба. Джилл, я — газетчик…

— А я уж подумала, что ты кто-то другой.

— … А ты работаешь в больнице, где лежит марсианин.

— И поэтому мне нельзя здороваться с твоей мамой?

— Объясняю популярно. В округе более тысячи

репортеров, литературных агентов, борзописцев и всякой другой шушеры плюс толпа, которая набежала, когда прилетел «Чемпион». Все они хотят поговорить с Человеком с Марса, но никому это еще не удалось. Поэтому мы с тобой поступили бы не слишком благоразумно, если бы вышли из больницы вместе.

— Ну и что из того, что вместе? Я же не Человек с Марса.

— Конечно, нет, — Бен посмотрел на Джилл. — Но ты поможешь мне с ним встретиться. Именно поэтому я за тобой и не заехал.

— Бен, ты, наверное, на солнце перегрелся. Там вооруженная охрана.

— Мы все продумаем.

— О чем тут думать?

— Погоди, давай сначала поедим.

— Наконец-то ты заговорил разумно. А ты не разоришься окончательно? Ты ведь на мели.

Кэкстон нахмурился.

— Джилл, я не рискну войти в ресторан ближе, чем где-нибудь в Луисвилле. На этой колымаге мы доберемся туда не раньше, чем через два часа. Поэтому давай пообедаем у меня.

— …сказал паук мухе. Бен, я устала и не могу бороться.

— А тебя никто об этом и не просит. Честное благородное.

— Тогда нам вообще не о чем говорить. А, впрочем, поехали, честный-благородный…

Кэкстон стал нажимать на кнопки, и такси, кружившее на месте, направилось к отелю, где жил Бен.

— Сколько времени тебе нужно, чтобы пропитаться ликером? — спросил Бен, набирая номер телефона. — Я закажу бифштекс.

Джилл спросила:

— Бен, в твоем хлеву есть собственная кухня?

— Есть. Ты хочешь, чтобы я сам поджарил тебе бифштекс?

— Я поджарю. Дай мне трубку.

Джилл стала делать заказ, оглядываясь на Бена и проверяя, согласен ли он. Такси приземлилось на крыше отеля, и они спустились в номер Бена. Номер был старомодный, с живым газоном в гостиной. Джилл сняла туфли и прошлась по траве.

— Здорово-то как, — вздохнула она, — ноги устали.

— Садись и отдыхай.

— Нет, я хочу еще по траве походить, чтобы на завтра хватило.

— Как хочешь, — Бен ушел в столовую и стал смешивать напитки.

Вскоре Джилл тоже занялась хозяйством. Она достала из лифта бифштекс-полуфабрикат с картофелем и салатом, поставила салат в холодильник и собралась разогревать картофель и жарить мясо.

— Бен, здесь что, нет дистанционного управления?

Бен подошел к плите и повернул выключатель.

— Тебе придется готовить на открытом огне. Не боишься?

— Ничего страшного. Я же в скаутах была.

Они вернулись в гостиную. Джилл села у ног Бена, и они принялись за мартини. Напротив стоял аппарат стереовидения, замаскированный под аквариум. Бен включил аппарат, гуппи и меченосцы исчезли, а на экране появилось изображение известного обозревателя Огатеса Гривса.

— ...можно с уверенностью утверждать, — вещал обозреватель, — что Человеку с Марса постоянно вводят наркотики, чтобы он не мог предать огласке эти факты. Разглашение их было бы для правительства...

Кэкстон выключил стереовизор.

— Бедняга, — посочувствовал он, — ничего-то ты не знаешь. Хотя насчет наркотиков... Он, пожалуй, прав.

— Не прав, — сказала вдруг Джилл.

— Да? Откуда ты знаешь, малышка?

— Знаю, — Джилл сказала больше, чем хотела. — За ним постоянно наблюдает врач, но назначений седативных средств я не видела.

— Это вовсе не означает, что их нет. Или тебе поручили уход за ним?

— Нет, и даже наоборот. Туда вообще не пускают женщин — у двери стоит вооруженная охрана.

— Это мне известно. Но тогда ты не можешь знать, шпигуют его наркотиками или нет.

Джилл закусила губу: «Придется признаться во всем, чтобы подтвердить сказанное».

— Бен, ты меня не выдашь?

— В смысле?

— Не выдашь?

— Это понятие растяжимое, но я постараюсь.

— Ну, хорошо. Налей-ка мне еще. — Он налил, и Джилл продолжила. — Я знаю, что Человека с Марса не колют наркотиками. Я с ним говорила.

Кэкстон присвистнул.

— Я так и предполагал. Проснувшись сегодня утром, я подумал: «Надо позвонить Джилл. Не может быть, чтобы она ничего не знала». Выпей еще, солнышко, мне для тебя ничего не жалко. Можешь прямо из графина.

— Отстань!

— Ну хочешь, я тебе ножки потру? Мадам, позвольте взять у вас интервью. Как…

— Бен! Ты обещал! Если ты сошлешься на мой рассказ, меня уволят.

— Я скажу «из надежных источников».

— Я боюсь.

— Я сейчас умру от неудовлетворенного любопытства, и тебе придется доедать мой бифштекс.

— Ладно, я расскажу, только ты не должен мои слова использовать.

Бен молчал. Джилл рассказала, как она обманула охрану.

— Ты можешь пройти туда еще раз?

— Пожалуй, могу. Но не хочу: это рискованно.

— Слушай, проведи меня. Я оденусь электриком: комбинезон, профсоюзный значок, инструменты. Ты дашь мне ключ…

— Нет.

— Почему? Будь умницей, девочка. Это будет величайшая сенсация со времен Колумба

и Изабеллы. Единственное, чего я боюсь — это встретить там более расторопного «электрика».

— А я боюсь за себя, — перебила Джилл. — Для тебя это сенсация, а для меня крах карьеры. Меня дисквалифицируют, уволят и вышлют из города.

— Правда?

— Правда.

— Мадам, позвольте предложить вам взятку.

— Сколько? Я соглашусь, если ее хватит на то, чтобы провести остаток жизни в Рио-де-Жанейро.

— Я не могу перещеголять Ассошиэйтед Пресс или Рейтер. Сотни хватит?

— За кого ты меня принимаешь?

— Сто пятьдесят!

— Как связаться *с* Ассошиэйтед Пресс?

— Капитолий, 10-9000. Джилл, я на тебе женюсь. Это предел моих возможностей.

Джилл вздрогнула.

— Что ты сказал?

— Выходи за меня замуж. Когда тебя будут выгонять из города, я тебя встречу и привезу сюда. Ты пройдешь по нашей траве — и забудешь свой позор. Но сначала ты проведешь меня в ту комнату.

— Ты серьезно, Бен? Ты повторишь свои слова

при Беспристрастном Свидетеле?

— Повторю, — вздохнул Кэкстон. — Зови.

Джилл встала.

— Я не приму от тебя такой жертвы, Бен, — сказала она мягко, целуя его в щеку. — И, пожалуйста, не шути так со старыми девами.

— Я не шутил.

— Сомневаюсь в этом. Ладно, вытри помаду; я расскажу тебе все, что знаю, и мы подумаем, как тебе извлечь из этого выгоду, не подводя меня. Идет?

— Идет!

— Я уверена, что под действием наркотиков он не был, и готова поручиться, что он был в здравом уме, хотя говорил странные вещи.

— Было бы странно, если бы он не говорил странных вещей.

— ?!

— Джилл, у нас мало сведений о Марсе, но мы хорошо знаем, что марсиане сильно отличаются от людей. Представь, что ты попала в дикое племя, которое носит шкуры. Какой ты вернешься оттуда через десяток лет? А это еще слабое сравнение: Марс отстоит от нас на сорок миллионов миль.

— Понимаю, — кивнула Джилл. — Именно по-

этому я и пропустила его глупости мимо ушей. Не такая уж я тупица.

— Ну что ты! Ты просто умница, хоть и женщина.

— Тебе нравится, когда тебя поливают мартини?

— Извини. Женщины умнее мужчин, история это не раз подтверждала. Давай налью.

Джилл смягчилась и продолжала:

— Просто глупо, но к нему не пускают женщин. Он вовсе не сексуальный маньяк.

— Наверное, его оберегают от излишних волнений.

— Он не был взволнован. Ему было просто любопытно. Я не чувствовала, что на меня смотрит мужчина.

— Если бы ты разделась, он, может быть, поступил бы как мужчина.

— Не думаю. Мне кажется, он уже слышал, что есть женщины и есть мужчины, и хотел увидеть, в чем между ними разница.

— Vive la difference![2] — провозгласил Кэкстон.

— Не говори сальностей!

— Что ты! Я поблагодарил Господа за то, что

---

[2] Примечания: 2

Vive la difference — Да здравствует разница *(франц.)*

он позволил мне родиться человеком, а не марсианином.

— Хватит шутить, Бен.

— Я абсолютно серьезен.

— Ну, значит, успокойся. Он не обидел бы меня. Ты не видел, какое у него лицо, а я видела.

— Какое же у него лицо?

Джилл задумалась.

— Бен, ты когда-нибудь видел ангела?

— Ни одного, кроме тебя.

— И я не видела, но он был именно, как ангел. Совершенно безмятежное лицо и мудрые глаза. Не по-земному чистое лицо, — она передернула плечами.

— Не по-земному… — повторил Бен. — Посмотреть бы на него.

— Бен, почему его держат взаперти? Он и мухи не обидит.

— Ему дают освоиться. Он не привык к земному тяготению и паршиво себя чувствует.

— Мышечная слабость не опасна; гравитационная миастения гораздо серьезнее, но мы и с ней справляемся.

— Его нужно оберегать от простуды и инфекций: на Марсе он с ними не сталкивался.

— Ну да, у него нет антител. Хотя постой, я

слышала, что доктор Нельсон — он летал на «Чемпионе» — по пути на Землю делал Смиту переливания и заменил ему половину крови.

— Можно мне это опубликовать, Джилл?

— Только не ссылайся на меня… Да, ему сделали прививки против всех болезней, за исключением родильной горячки. Кроме того, для защиты от инфекции, по-моему, не нужна вооруженная охрана.

— М-м-м, Джилл, я тоже знаю кое-что, чего ты можешь не знать. Опубликовать это «кое-что» я не могу, потому что не хочу подводить людей. Но если ты обещаешь молчать, тебе расскажу.

— Обещаю.

— Это длинная история. Хочешь еще выпить?

— Нет, я хочу есть. Где звонок?

— Вот он.

— Так позвони.

— Позвонить? Не ты ли собиралась готовить обед?

— Бен Кэкстон, я лучше умру с голоду, чем встану и нажму кнопку, которая находится в полуметре от тебя.

— Как прикажешь, — он нажал кнопку. — Но вернемся к Валентайну Майклу Смиту. Есть серьезные сомнения относительно его права

носить фамилию Смит.

— Как так?

— Милочка, твой приятель — первый незаконнорожденный в истории освоения космоса.

— Черт возьми!

— Веди себя прилично!.. Ты слышала что-нибудь об экспедиции на «Посланце?» В ней участвовали четыре супружеские пары. Две из них носили фамилии Брант и Смит. Так вот, твой приятель с ангельским лицом — сын миссис Смит от капитана Бранта.

— Откуда это известно? И не все ли равно? Зачем копаться в их грязном белье? Этих людей уже нет в живых.

— Откуда это известно, я могу объяснить. На «Посланце» летели люди, о которых было известно все: группа крови, резус-фактор, цвет глаз и волос — все эти генетические штучки, в которых ты понимаешь больше, чем я. Так вот, по результатам анализа генетических признаков точно установлено, что матерью Смита была Мэри Джейн Лайл-Смит, а отцом — Майкл Брант. У Смита великолепная наследственность: коэффициент умственного развития его отца был 163,

матери — 170[3]. Ты говоришь, не все ли равно? Нет, не все. И чем дальше, тем больше людей будут этим интересоваться. Ты знаешь, что такое Лайл-Драйв?

— Конечно. Это форма пространства, в которой «Чемпион» летел на Марс.

— И все корабли после «Чемпиона». А ты знаешь, кто эту форму вычислил?

— Ты хочешь сказать, что это *ОНА?*

— Ну конечно! Доктор-Мэри Джейн Лайл-Смит! Перед вылетом на Марс она, в основном, закончила расчеты, оставалось доработать лишь кое-какие детали. Она запатентовала изобретение, а патент вверила попечению Фонда Науки. Поэтому твой приятель является собственником изобретения, а распоряжается изобретением и получает от него доход Фонд Науки. Это миллионы, а может — сотни миллионов; я даже не представляю, сколько.

Принесли обед. Бен, чтобы не мять газон, опустил с потолка висячие столики: один — к своему креслу, другой — к сидящей на газоне Джилл.

---

[3] Примечания: 3

Коэффициент умственного развития (коэффициент интеллекта — IQ) — количественный показатель, используемый в психологии для определения уровня интеллектуального развития. Обычно у среднего человека IQ равен 90-100 баллам. — *(Прим. ред.)*

— Вкусно?

— Очень.

— Спасибо. Старался.

— Бен, — спросила Джилл, проглотив очередной кусок, — если Смит незаконнорожденный, имеет ли он право наследования?

— Он не незаконнорожденный. Доктор Мэри Джейн была из Беркли, а по законам Калифорнии не существует понятия «незаконнорожденный». На родине капитана Бранта, в Новой Зеландии, также цивилизованные законы. В штате, где родился доктор Уорд Смит, муж Мэри Джейн, ребенок, рожденный в браке, всегда считается законным. Перед нами, Джилл, человек, имеющий троих законных родителей.

— Постой, Бен. Этого не может быть. Я не адвокат, но…

— Вот именно. Адвокатов такие мелочи не трогают. По всем законам Смит является законнорожденным, хотя на деле он незаконнорожденный. Он имеет право наследования. Его мать была богата, отцы тоже не были нищими. Брант вложил все деньги, полученные за лунные походы, в Лунар Энтерпрайзез и получал бешеные дивиденды. У него был опасный недостаток — он играл, но ему везло. Выигрыши Брант снова вкла-

дывал в дело. У Уорда Смита было фамильное состояние. И наш Смит наследует и то, и другое.

— Недурно!

— Это еще не все, рыбка. Смит — наследник всего экипажа.

— Как это?

— Все члены экипажа подписали Джентльменское Соглашение Первопроходца, по которому каждый из них (или ребенок каждого из них) является наследником всех остальных. Они хорошо обдумали свое соглашение, взяв за образцы подобные же контракты XVI и XVII веков. Все они были состоятельными людьми: у многих были акции Лунар Энтерпрайзез. Так что Смит, кажется, может получить контрольный пакет.

Джилл подумала о пациенте из палаты К-12, вспомнила, какую трогательную церемонию он устроил с водой, и ей стало жаль его.

Кэкстон продолжал:

— Любопытно было бы почитать бортовой журнал «Посланца». Его нашли, но вряд ли опубликуют.

— Почему, Бен?

— Это грязная история. Чтобы ее услышать, мне пришлось хорошо напоить информатора… Доктор Уорд Смит сделал жене кесарево сече-

ние, и она умерла под ножом. Его последующие поступки подтверждают мой рассказ. Тем же скальпелем, которым делал операцию, он перерезал горло сначала капитану, а потом себе. Извини, малышка.

— Я медсестра и спокойно воспринимаю такие вещи.

— Ты лгунья, и за это я тебя люблю. Я три года работал в полиции, но так и не научился спокойно реагировать на подобное.

— А что случилось с остальными?

— Этого мы не узнаем, если не добудем у бюрократов журнал. Но я, хитроглазый газетчик, надеюсь, что добудем и узнаем. Секретность порождает тиранию.

— Бен, мне кажется, для него будет лучше, если наследство ему не достанется. Он не от мира сего.

— Точно сказано. И деньги ему не нужны. Человек с Марса с голоду не умрет. Любое правительство, университет или институт согласятся иметь его постоянным гостем.

— Ему лучше отказаться от наследства.

— Это не так легко, Джилл. Помнишь дело Дженерал Атомикс против Ларкин и К°?

— Проходила в школе, как и все. Но при чем

тут Смит?

— Восстановим события. Русские отправили на Луну первый корабль, который разбился. Потом стартовала американо-канадская экспедиция — и вернулась, никого на Луне не оставив. Соединенные Штаты вместе с Общим рынком стали готовить экспедицию колонистов; параллельно с ними такую же экспедицию готовила Россия. В это время Дженерал Атомикс запускает корабль с одного из арендуемых у Эквадора островов. Прилетают на Луну наши и русские, а парни из Дженерал Атомикс уже тут как тут.

Получилось, что Дженерал Атомикс, шведская фирма с контрольным пакетом акций в Штатах, застолбила Луну. Наши, вроде, не собирались их сгонять, но русские на могли успокоиться. Верховный Суд решил, что юридическое лицо не может быть собственником планеты, и владельцами Луны стали люди, первыми на нее ступившие — Ларкин и его экипаж. Их признали суверенной нацией и приняли в Федерацию. Неудачливые претенденты на обладание Луной получили компенсацию, а Луну отдали на концессию Дженерал Атомикс и ее дочерней фирме Лунар Энтерпрайзез. Такое решение никому особенно не понравилось, но его считают ком-

промиссом, более или менее удовлетворяющим все заинтересованные стороны. Позже на основе этого решения был разработан закон о колонизации планет, направленный на предотвращение кровопролития. Этот закон себя оправдал: третья мировая война началась не из-за столкновения интересов в космосе. Так вот, решение по делу Ларкина — закон, применимый к Смиту.

Джилл покачала головой.

— Я тебя не понимаю.

— Подумай, Джилл. По нашим законам Смит является суверенной нацией и собственником планеты Марс.

Глава 5

У Джилл округлились глаза.

— Или я перебрала мартини, Бен, или ты сказал, что наш пациент — владелец Марса.

— Именно это я и сказал. Он там прожил необходимое для этого время. Он — король Марса, президент, единственный гражданин — назови его, как хочешь. Если бы «Чемпион» не оставил колонистов на Марсе, право собственности Смита на Марс потеряло бы силу. Но колонисты остались, и Смит, даже находясь на Земле, владеет

Марсом. Ему не нужно делить планету с новыми поселенцами: они на ней всего лишь иммигранты и не станут ее гражданами, пока Смит не даст им этого статуса.

— Фантастика!

— Но вполне законная. Теперь ты понимаешь, рыбка, почему люди проявляют такой интерес к Смиту? Почему власти прячут его в больнице, что кстати, незаконно. Смит, кроме всего прочего, является гражданином Соединенных Штатов и Федерации, а гражданина, даже осужденного преступника, по закону нельзя лишать общения с внешним миром на территории Федерации. Более того, на протяжении всей истории считалось недружественным актом по отношению к прибывшему с визитом иностранному монарху — каковым является Смит — сажать его под замок, не позволять принимать посетителей и представителей прессы — каковым являюсь я. Ну что, теперь ты согласна провести меня к Смиту?

— Бен, я боюсь. Если меня поймают, что мне будет?

— Тебя посадят в камеру со звуконепроницаемыми стенами, три врача засвидетельствуют твою невменяемость, и каждый второй високосный год тебе позволят передавать письмо на

волю. Мне интересно, что будет со Смитом?

— А что ему могут сделать?

— Он может, например, умереть, не выдержав земного тяготения.

— Ты хочешь сказать, что его могут убить?

— Тихо, тихо, не пугайся! Пожалуй, убивать его не станут. Ведь, во-первых, Смит — сокровищница научной информации. Во-вторых, он может стать посредником между нами и марсианской цивилизацией. Помнишь классику — Герберт Уэллс, «Война миров»?

— В школе проходили.

— Вдруг марсиане проявят враждебность? Почему бы и нет? А мы не будем знать, на что они способны. Смит может выполнить роль миротворца и предотвратить Первую Межпланетную войну. Это, конечно, маловероятно, но полностью исключать возможность такого поворота событий правительство не может. Жизнь на Марсе — это политический фактор, который еще никак не учитывается.

— Значит, ему ничего не сделают?

— В ближайшее время — ничего. Если Генеральный Секретарь не ошибается. В правительстве сейчас разброд.

— Я не слежу за политическими событиями.

— А надо бы. За ними надо следить, как за своим артериальным давлением.

— За ним я тоже не слежу.

— Не перебивай. Итак, разношерстное большинство, возглавляемое Дугласом, вот-вот распадется: у них разногласия по пакистанскому вопросу. В этом случае господину Генеральному Секретарю будет предъявлен вотум недоверия, и он отправится к себе в провинцию. Человек с Марса может либо сильно укрепить позиции Дугласа, либо катастрофически ускорить его падение. Ну, ты согласна провести меня к Смиту?

— Я уйду в монастырь. Есть еще кофе?

— Сейчас посмотрю.

Они встали. Джилл, потянувшись, простонала:

— О-о-о-х! Старые косточки. Не нужно кофе, Бен. Завтра у меня трудный день. Отвези меня домой. Или отправь: для пущей конспирации.

— Ладно, хотя время еще детское. — Бен вышел в спальню и вынес оттуда какой-то предмет размером с небольшую зажигалку. — Ну что, проведешь меня?

— Бен, я бы рада, но…

— Успокойся. Это опасно, но не только для тебя, — он показал ей «зажигалку». — Установишь там «жучок»?

— Что это такое?

— Лучший друг шпионов со времен Микки Финна — диктофон. Питается от батарейки, так что обнаружить его будет сложно. Рабочие детали в пластиковых футлярах, но экранированы. Излучение, как от электронных часов. Кассеты хватает на сутки. Потом ее нужно вынуть и поставить другую.

— Он не взорвется? — испуганно спросила Джилл.

— Гарантирую. Можешь даже положить его вместе с начинкой в пирог и поставить в печку.

— Бен, я боюсь входить в комнату к Смиту.

— Войди в соседнюю.

— …Ну, ладно.

— У этой штуки слух, как у собаки. Прилепи ее вогнутой стороной к стене, например, липкой лентой — и она запишет все, что будет происходить в соседней комнате.

— Меня могут заметить, когда я буду заходить или выходить… Бен, палата Смита имеет общую стену с другой палатой, куда можно войти из соседнего коридора. Может, я прилеплю диктофон там?

— Хорошо.

— Ладно, я постараюсь. Давай его сюда.

Кэкстон протер диктофон носовым платком.

— Надень перчатки.

— Зачем?

— Чтобы не провести отпуск за решеткой. Не трогай его без перчаток и постарайся, чтобы никто его у тебя не видел.

— Великолепная перспектива!

— Идешь на попятный?

Джилл тяжело вздохнула.

— Нет.

— Умничка!

Блеснул свет, Бен глянул в окно.

— Это твое такси. Я его вызвал, когда ходил за диктофоном.

— Поищи, пожалуйста, мои туфли и не провожай меня. Чем реже сейчас нас будут видеть вместе, тем лучше.

— Как прикажешь.

Бен помог Джилл обуться. Она обхватила его голову руками и поцеловала.

— Милый Бен! Я не знала, что ты преступник, но ты хорошо готовишь, если тебе расфасовать продукты и настроить плиту. Я бы согласилась выйти за тебя замуж, если бы мне еще раз удалось выманить у тебя предложение.

— Предложение остается в силе.

— Разве гангстеры женятся на своих подружках? — и Джилл поспешно вышла.

… Джилл установила диктофон без труда. Женщина, лежавшая в нужной палате, была прикована к постели. Джилл зашла поболтать к ней и прикрепила диктофон над полочкой для туалетных принадлежностей, сетуя на то, что горничные никогда не вытирают там пыль. Назавтра она так же легко сменила кассету: больная спала. Она проснулась, когда медсестра спускалась со стула; Джилл рассказала ей больничную сплетню.

Извлеченную из диктофона запись Джилл отправила по почте, сочтя это более безопасным, чем игру в юных разведчиков.

Третью кассету ей вставить не удалось: больная долго не засыпала и, едва Джилл успела влезть на стул, проснулась.

— Здравствуйте, мисс Бордмэн!

Джилл застыла.

— Здравствуйте, миссис Фритчли. — Выдавила она. — Как вам спалось?

— Хорошо, — грозно произнесла женщина. — Но у меня болит спина.

— Давайте я ее разомну.

— Это бесполезно. Что вы все копаетесь в туа-

летной комнате? Что там случилось?

— Мыши, — Джилл с трудом проглотила слюну.

— Мыши? Немедленно переведите меня в другую комнату!

Джилл сняла прибор со стены, сунула его в карман и слезла со стула.

— Не волнуйтесь, миссис Фритчли, мышей нет. Я только смотрела, есть ли норы.

— Это правда?

— Конечно. Давайте я разомну вам спину.

После этого Джилл решила рискнуть установить диктофон в комнате, через которую она входила к Смиту. Она взяла ключ от этой палаты, но обнаружила, что дверь не заперта, а на кровати сидят двое часовых.

— Что нужно? — один из них обернулся к Джилл.

— Ничего. Не сидите на кровати, ребята, — сухо ответила она. — Если вам нужны стулья, скажите, мы их вам принесем.

Солдаты неохотно встали. Джилл вышла, стараясь не показать, что испугалась.

До конца смены диктофон пролежал у Джилл в кармане. Она решила немедленно вернуть его Кэкстону. В такси Джилл успокоилась и набрала

номер Бена.

— Кэкстон слушает.

— Бен, это Джилл. Нужно встретиться.

— Это не слишком благоразумно, — медленно ответил он.

— Бен, очень нужно. Я уже еду.

— Ну, ладно, что теперь поделаешь…

— Какой энтузиазм!

— Не подумай, что я…

— Пока! — Она отключилась, подумала и решила не держать на Бена зла. Сама виновата: влезла не в свое дело. От политики лучше держаться подальше.

В объятиях Бена Джилл почувствовала себя спокойнее. Он такой милый, может быть, действительно стоит выйти за него замуж. Она хотела заговорить, но Бен зажал ей рот рукой.

— Молчи, — прошептал он. — Нас наверняка подслушивают.

Она кивнула, вынула из кармана диктофон и отдала Кэкстону. Он поднял брови и вместо ответа вручил ей вечерний выпуск «Пост».

— Читала газеты? — спросил он обычным голосом. — Посмотри, пока я умоюсь.

— Спасибо.

Бен показал Джилл, что нужно читать, и вышел,

забрав диктофон. В указанной Беном колонке Джилл прочла:

Бен Кэкстон

ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО

Всем известно, что тюрьмы сродни больницам: из них трудно выбраться. Но заключенный пользуется большей свободой, чем пациент больницы. Заключенный может послать за адвокатом, призвать Беспристрастного Свидетеля, потребовать и добиться открытого слушания дела.

Но стоит врачу подписать распоряжение «ПОСЕТИТЕЛЕЙ НЕ ВПУСКАТЬ» — и пациента предают забвению, как Железную Маску. Конечно, ближайших родственников к больному пускают, но у Человека с Марса нет родственников или близких. Астронавты с «Посланца» не имели их на Земле. Если у Железной Маски… простите, у Человека с Марса, и есть родственник, который мог бы представлять его интересы, то мы, репортеры, его еще не нашли.

Кто опекает Человека с Марса? Кто

приказал окружить его вооруженной охраной? Неужели болезнь его так страшна, что с ним нельзя видеться и говорить? Я обращаюсь к Вам, господин Генеральный Секретарь. «Физическая слабость», «неспособность справиться с земным тяготением» — это не ответ. Будь это правдой — зачем была бы нужна вооруженная охрана? Хватило бы дюжего санитара.

Может быть, болезнь Человека с Марса носит финансовый характер? Или политический…

— и далее в том же духе.

Джилл догадалась, что Бен подначивает правительство, пытаясь спровоцировать его на открытые действия. Она понимала, что это опасно, но не знала, откуда исходит опасность и насколько она велика.

Джилл пролистала газету. Там были репортажи о «Чемпионе», фотографии Генерального Секретаря Дугласа, раздающего медали, интервью с капитаном ван Тромпом и его ребятами, марсианские кадры. О Смите было написано немного: он медленно адаптируется к земным условиям.

Вышел Бен и положил на колени Джилл несколько листков тончайшей бумаги.

— Вот еще газета. — И опять ушел.

Это оказалась распечатка первой диктофонной записи. Реплики были помечены: Первый голос, Второй голос и так далее. Бен, где мог, написал имена говоривших. В самом начале стояло:

«Все голоса — мужские».

Из большинства реплик явствовало, что Смит под присмотром доктора Нельсона и еще одного врача ел, умывался, проходил курс массажа и занимался физическими упражнениями.

Попался и совсем не больничный отрывок. Джилл прочла его несколько раз.

Доктор Нельсон: Как ты себя чувствуешь, сынок? Можешь говорить?

Смит: Да.

Доктор Нельсон: С тобой хочет побеседовать один человек.

Смит: Кто?

(Примечание Кэкстона: «Все реплики Смита начинаются с паузы»).

Нельсон: Это наш великий… *(непонятное слово — «марсианин»?).* Он наш Старший Брат. Ты поговоришь с ним?

Смит *(чрезвычайно длинная пауза)*: Я

очень счастлив. Старший Брат будет говорить. А я буду слушать и расти.

Нельсон: Нет, нет! Он хочет задать тебе несколько вопросов.

Смит: Я не могу учить Старшего Брата.

Нельсон: Старший брат так хочет. Ты позволишь ему задавать вопросы?

Смит: Да.

(Шум).

Нельсон: Проходите сюда, сэр. Доктор Махмуд будет переводить.

Джилл прочитала: «Новый голос». Кэкстон зачеркнул это, а сверху написал: «Генеральный Секретарь Дуглас!!!»

Генеральный Секретарь: зачем нужен переводчик? Вы же говорили, что Смит понимает английский.

Нельсон: И да, и нет, Ваше Превосходительство. Он знает многие слова, но, как говорит доктор Махмуд, не всегда может однозначно понять смысл услышанного. Могут возникнуть недоразумения.

Генеральный Секретарь: Я думаю, мы поймем друг друга. В молодости я путешествовал по Бразилии автостопом, не зная

ни слова по-португальски. Представьте нас друг другу и оставьте вдвоем.

Нельсон: Сэр, позвольте мне остаться с моим пациентом.

Генеральный Секретарь: Доктор, боюсь, это невозможно. Извините.

Нельсон: Простите, сэр, но я не могу Вам подчиниться. Медицинская этика…

Генеральный секретарь *(перебивает)*: Я юрист и разбираюсь в таких вещах. Не пугайте меня своей этикой. Ваш пациент сам выбрал вас?

Нельсон: Нет, но…

Генеральный Секретарь: Вы предоставили ему возможность выбора? Сомневаюсь. Ваш пациент находится под опекой государства, и я действую как опекун — де-факто и де-юре. И я хочу поговорить с ним наедине.

Нельсон *(длинная пауза, потом сдавленно)*: Если так, Ваше Превосходительство, то я отказываюсь от пациента.

Генеральный Секретарь: Вы меня не так поняли, доктор. Я не подвергал сомнению правильность вашего лечения. Но ни один врач не может запретить мате-

ри поговорить с сыном наедине. Может быть, вы опасаетесь, что я могу причинить ему вред?

Нельсон: Нет, но…

Генеральный Секретарь: Тогда в чем же дело? Представьте нас друг другу, и покончим с этим. Наши пререкания могут причинить больному гораздо больший вред.

Нельсон: Ваше Превосходительство, я представлю Вас. Но после выберите другого врача для Вашего… подопечного.

Генеральный Секретарь: Простите, доктор, но я не могу пока принять вашу отставку. Обсудим этот вопрос позже. А сейчас, прошу вас…

Нельсон: Пройдите сюда, сэр. Сынок, вот человек, который хочет с тобой поговорить. Это наш Великий Старший Брат.

Смит: *(нечленораздельно)*.

Генеральный Секретарь: Что он сказал?

Нельсон: Он приветствует Вас. Махмуд говорит, что это означает «Я всего лишь яйцо», или что-то в таком роде. Это выражение почтения. Сынок, говори по-

человечески.

Смит: Да.

Нельсон: Пожалуйста, говорите проще, Ваше Превосходительство.

Генеральный Секретарь: Да, конечно.

Нельсон: До свидания, ваше Превосходительство. До свидания, сынок.

Генеральный Секретарь: Спасибо, доктор. До скорого.

Генеральный Секретарь *(Смиту)*: Как ты себя чувствуешь?

Смит: Отлично.

Генеральный Секретарь: Хорошо. Нуждаешься ли ты в чем-нибудь? Если да, то скажи. Мы стараемся, чтобы тебе было хорошо. У меня есть к тебе просьба. Ты умеешь писать?

Смит: Писать? Что такое — писать?

Генеральный Секретарь: М-да. Ну, ладно, подойдет и отпечаток пальца. Сейчас я прочитаю тебе документ. Там много юридических рассуждений, но его суть заключается в следующем. Поскольку ты уже не живешь на Марсе, то должен отказаться от каких бы то ни было, то есть — от всех — претензий на эту планету.

Ты меня понимаешь? Ты отпишешь свои права собственности в пользу государства.

Смит: *(молчание).*

Генеральный Секретарь: Хорошо, пойдем с другой стороны. Ты ведь не считаешь, что Марс — твоя собственность?

Смит *(значительная пауза)*: Я не понимаю.

Генеральный Секретарь: Ладно, давай попробуем по-другому. Ты хочешь остаться у нас?

Смит: Я не знаю. Меня послали Старшие Братья. *(Длинное непонятное высказывание, похожее на кваканье лягушки и вой терзаемой кошки).*

Генеральный Секретарь: Черт возьми, могли бы за это время более основательно обучить его английскому! Послушай, сынок, не горячись. Дай мне правую руку. Нет, поверни другой стороной. Дай сюда! Я тебе ничего плохого не сделаю… Доктор! Доктор Нельсон!

Второй врач: Да, сэр?

Генеральный Секретарь: Позовите доктора Нельсона!

Второй врач: Доктора Нельсона? Он ушел, сэр. Он сказал, что Вы отстранили его от работы с этим больным.

Генеральный Секретарь: Он так сказал? Проклятье! Тогда вы сделайте что-нибудь: искусственное дыхание, укол! Что вы стоите, разве не видите — человек умирает!

Второй врач: Боюсь, что сделать ничего нельзя, сэр. Нужно просто подождать, пока он не выйдет из этого состояния. Доктор Нельсон всегда в таких случаях ждал.

Генеральный Секретарь: Чертов Нельсон!

Голос Генерального Секретаря и голос доктора Нельсона в записи больше не встречались. Джилл, вспомнив больничные пересуды, догадалась, что Смит «ушел» в свое обычное оцепенение. Появились новые голоса.

Первый: Можешь говорить в полный голос. Он все равно не слышит.

Второй: Убери поднос. Вернется в нормальное состояние — тогда покормим.

Вошел Бен. В руках он держал еще несколько тонких бумажных листков, которые не стал показывать Джилл. Он спросил:

— Проголодалась?

— Ужасно.

— Пойдем, застрелим корову!

Они не разговаривали до тех пор, пока не доехали до Александрии и не пересели в такси с балтиморским номером. И только запрограммировав такси на полет в Хэгерстаун, штат Мэриленд, Бен обратился к Джилл:

— Теперь можно поговорить.

— К чему такая конспирация?

— Прости, золотце. Я точно не знаю, установлены ли в моем доме диктофоны, но могу предположить, что, скорее всего — да. Если подслушиваю я, то могут подслушивать и меня. Такси, которое я вызвал из отеля, могло быть чистым, но могло и иметь уши. Особая служба работает оперативно. В этой машине… — он пощупал сиденье. — Не могут же они нашпиговать все машины?.. В случайном такси ничего не должно быть…

Джилл вздрогнула.

— Бен, ты думаешь, они…, — и не договорила.

— И думать не надо. Ты же видела мою статью. Вот уже девять часов, как я ее сдал. Ты считаешь,

правительство за здорово живешь простит мне такой выпад?

— Но ты всегда выступал против властей.

— Сейчас — другое дело. Я обвинил правительство в том, что оно содержит Смита, как политического заключенного. Джилл, правительство — живой организм, и, как всякое существо, оно руководствуется инстинктом самосохранения. Оно отвечает ударом на удар. В этот раз я нанес очень чувствительный удар. Но мне не следовало впутывать тебя в это дело.

— А я перестала бояться в тот момент, когда принесла тебе эту штуковину.

— Все знают о нашей связи. Если меня возьмут в оборот, то и тебе несдобровать.

Джилл задумалась. Ей трудно было поверить, что она, которую в детстве ни разу серьезно не отшлепали и, может быть, пару раз отчитали во взрослой жизни, в опасности. Как медицинской сестре, ей приходилось видеть следы жестоких пыток, но разве могло что-нибудь подобное случиться с ней?

Такси заходило на посадку, когда Джилл спросила:

— Бен, что будет, если Смит умрет?

— Хороший вопрос, — нахмурился Бен. — Если

вопросов больше нет, урок окончен.

— А если серьезно?

— Гм… Я уже давно об этом думаю. Вот лучшие ответы, которые я нашел. Если Смит умрет, его право собственности на Марс потеряет силу. Возможно, оно перейдет к колонистам, которые прилетели туда на «Чемпионе». Правительство, вероятнее всего, приняло какое-то решение на этот счет, прежде чем отправлять корабль на Марс. «Чемпион» принадлежит Федерации, но вполне возможно, что Марс отдан на откуп лично Генеральному Секретарю Дугласу. Это помогло бы ему еще какое-то время продержаться у власти. С другой стороны, Смит может умереть — и при этом ничего не изменится.

— Почему?

— Потому что дело Ларкина — не совсем точный прецедент. Луна была необитаема, а Марс заселен марсианами. В настоящий момент их в расчет не принимают. Но не исключено, что Верховный Суд учтет политическую ситуацию и вынесет решение о том, что на планете, заселенной негуманоидами, наши законы недействительны. Тогда придется отвоевывать Марс у марсиан.

— Все равно будет шум. Ты только подумай: один человек владеет целой планетой! Это неве-

роятно!

— Никогда не говори этого слова адвокату. Он тебя не поймет, потому что по долгу службы по три раза в день делает из мухи слона и наоборот. Кроме того, в истории есть прецедент. В XV веке Папа Римский отдал Западное полушарие Испании и Португалии, хотя там жили индейцы, у которых были свои законы, обычаи и права собственности. Теперь одна половина Южной Америки говорит по-испански, а другая — по-португальски.

— Да, но сейчас не XV век.

— Законнику все равно. Если Верховный Суд примет решение по аналогии с делом Ларкина, Смит может сдать Марс в концессию и получить за это миллионы, а скорее — миллиарды. Если же суд отдаст права собственности на Марс государству, все получит Генеральный Секретарь Дуглас.

— …Бен, зачем человеку столько?

— А зачем насекомые летят на свет?.. Состояние Смита почти так же значительно, как и его положение марсианского монарха. У него можно отобрать права первопоселенца, но никак нельзя оспорить его прав на Лайл-Драйв и долю в Лунар Энтерпрайзез. Что будет, если он умрет?..

Объявятся разные кузены и кузины. Но от этих падких на деньги деятелей Фонд Науки успешно отбивается вот уже более двадцати пяти лет… Если Смит умрет, не оставив завещания, его собственность отойдет государству.

— Федерации или Соединенным Штатам?

— Это отдельный вопрос, на который я не могу ответить. Родители Смита — выходцы из двух разных стран, входящих в Федерацию. Смит родился за пределами Федерации… тут столкнется множество интересов… Но в любом случае Смит своего состояния не получит: он не может отличить ассигнацию от авиабилета. Деньги Смита получит тот, кто первым его одурачит. А что касается жизни Смита, то даже Ллойд не решится застраховать ее — это верный проигрыш.

— Бедный, бедный мальчик!

Глава 6

Ресторан, в который они приехали, находился «на природе». Столики стояли под деревьями и на лужайке, спускающейся к озеру. Джилл хотела сесть под деревьями, но Бен изменил ее заказ; дав на лапу метрдотелю, он попросил столик у воды.

Джилл возмутилась:

— Я не понимаю, зачем платить такие деньги, если нельзя сидеть среди деревьев и нужно терпеть этот идиотский «ящик».

— Спокойно, малышка. Столы под деревьями наверняка оборудованы микрофонами. А наш столик чистый, потому что его только что принесли из кладовой. Что же касается стереовизора, то обедать без него было бы не по-американски, а, кроме того, ящик отлично «забьет» направленный микрофон, если за нами охотятся.

— Ты думаешь, что за нами пристально следят? — Джилл передернула плечами. — Бен, я не создана для жизни в бегах.

— Тоже мне! Когда я описывал скандал на Дженерал Синтетике, я ни разу не ночевал дважды в одном и том же месте и не ел ничего, кроме консервов. Придется и тебе привыкать — это хорошо стимулирует обмен веществ.

— Моему обмену веществ такая стимуляция не требуется. Все, что мне нужно — это какой-нибудь пожилой и состоятельный больной.

— А как же я?

— А ты — после того, как сыграет в ящик мой будущий супруг. Тогда я стану такой богатой, что смогу содержать тебя в должности любовника.

— Давай сегодня же и начнем.

— Я же ясно сказала: после того, как умрет мой будущий муж.

Музыкальная программа вдруг прервалась, и на экране появилось лицо диктора, который, улыбаясь, объявил:

— Программа «Нью Уорлд Нетворкс» вместе со своим спонсором «Уайз Герл Мальтузиан Лозенгез» уступает свое время в эфире правительственной программе для передачи важного сообщения. Девушки, будьте благоразумны, пользуйтесь таблетками «Уайз Герл». Это стопроцентное, доступное без рецепта и приятное на вкус средство. Забудьте старые, примитивные и ненадежные снадобья — и Его любовь будет всегда с Вами, — диктор, хищный красавец, посмотрел куда-то в сторону и торопливо добавил. — Передаю слово мисс Уайз Герл, которая, в свою очередь, уступит место перед стереокамерами Генеральному Секретарю.

На экране стереовизора появилась молодая женщина, такая чувственная и соблазнительная, что, взглянув на нее, все мужчины должны были сразу воспылать к ней страстью. Она потянулась, вильнула бедрами и интимным голосом проворковала:

— Я принимаю только «Уайз Герл».

Изображение исчезло и зазвучал гимн Федерации. Бен спросил:

— А ты принимаешь «Уайз Герл»?

— Не твое дело, — смутилась Джилл, потом добавила, — а почему ты решил, что мне вообще это нужно?

Кэкстон не ответил: на весь экран расплылось отеческое лицо Генерального Секретаря.

— Друзья! — начал Дуглас. — Сограждане по Федерации! Сегодня мне оказана величайшая честь. Триумфальное возвращение славного «Чемпиона»... — и он начал поздравлять землян с успешно осуществленным актом общения с другой планетой. Он убеждал слушателей, что успех «Чемпиона» — это успех персонально каждого жителя Земли, что каждый мог бы возглавить экспедицию на Марс, если бы не был связан повседневной работой, и что он, Генеральный Секретарь Дуглас, был только скромным орудием воли народа. Речь Секретаря Дугласа была великолепно продумана и основывалась на мысли, что всякий простой человек ничем не хуже, а, скорее, даже лучше большинства себе подобных, и что старый добрый Джо Дуглас — такой же простой человек, как и все. Об этой его простоте свидетельствовали слегка сдвинутый галстук и

взъерошенные волосы.

Кэкстону стало любопытно, кто написал эту речь. Наверное, Джим Сэнфорт, самый искусный льстец в команде Дугласа. До того как Сэнфорт ушел в политику, он был весьма преуспевающим специалистом по рекламе. Да, этот пассаж с «рукой, качающей колыбель», бесспорно, работа Джима: он всегда играет на самых чувствительных струнах.

— Выключи эту муть! — потребовала Джилл.

— Тихо, моя радость. Мне нужно послушать.

— …и вот, друзья, мне оказана честь представить вам нашего нового согражданина Валентайна Майкла Смита, Человека с Марса. Майк, мы знаем, что ты устал и не совсем здоров, но, пожалуйста, скажи своим друзьям пару слов.

На экране появился человек в инвалидной коляске. С одной стороны над ним нависал Дуглас, а по другую сторону коляски стояла очень фотогеничная сестра милосердия в жестко накрахмаленном халате.

Джилл вскрикнула. Бен шикнул:

— Тихо!

На детском лице человека в коляске появилась робкая улыбка. Он посмотрел в объектив и сказал:

— Привет, ребята. Простите, что я сижу. Я еще не совсем здоров.

Он говорил с видимым трудом, и как только он замолчал, сестра стала считать его пульс.

Отвечая на вопросы Дугласа, он выразил благодарность капитану ван Тромпу и его экипажу, поблагодарил врачей за спасение его жизни, заверил всех, что население Марса приветствует контакт с Землей и обещал помочь в налаживании добрых отношений между двумя планетами. Сестра хотела было прервать интервью, но Дуглас вкрадчиво спросил:

— Майк, ты в состоянии ответить еще на один вопрос?

— Конечно, мистер Дуглас.

— Майк, тебе понравились наши девушки?

— Еще как!

На младенческом лице Смита проступил ужас, сменившийся выражением восторга и румянцем. Объектив переместился на лицо Генерального Секретаря.

— Майк просил передать, — продолжал Дуглас отеческим тоном, — что он обязательно выступит перед вами еще раз, как только поправится. Ему нужно набраться сил. Я думаю, на следующей неделе доктора позволят ему снова встретиться с вами.

Опять пошла реклама противозачаточных таб-

леток. Зрителям наглядно продемонстрировали, что девушка, которая не принимает таблеток «Уайз Герл», не только неблагоразумна, но и непривлекательна настолько, что от нее шарахаются мужчины. Бен переключил стереовизор на другой канал, обернулся к Джилл и хмуро проговорил:

— Приготовленную на завтра статью можно порвать и выбросить. Дуглас опередил нас.

— Бен!

— Что?

— Это был не человек с Марса!

— Что-о?!! Ты уверена, малышка?

— Это был человек, очень похожий на нашего пациента, но не он.

Бен возразил, что Смита видели десятки людей: охрана, врачи, сестры, астронавты с «Чемпиона», возможно, и другие люди. Они могли смотреть этот информационный выпуск и заметить подмену. Вряд ли правительство стало бы рисковать.

Джилл, упрямо выпятив нижнюю губу, повторила, что человек, показанный по стереовидению, — не Смит.

— Не веришь, и не надо! — рассердилась она. — Ох уж эти мужчины!

— Ну, Джилл!

— Отвези меня домой!

Бен пошел за такси. Он не стал брать его в ресторане, а нанял в отеле напротив. В такси Джилл холодно молчала. Бен вытащил диктофонные записи и стал их перечитывать.

— Джилл! — позвал он.

— Слушаю, мистер Кэкстон.

— Какой «мистер»! Джилл, прости меня. Я был не прав.

— Как вам удалось прийти к такому блестящему заключению?

— Вот! — он хлопнул ладонью по бумаге. — Смит не мог выступать по стереовидению. Он впал в оцепенение.

— Слава Богу, ты начинаешь понимать очевидное.

— Джилл! Какой же я идиот! Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Они наняли актера, который сыграл Смита. Я тебе это говорила еще час назад.

— Типаж хорошо подобран и тщательно обучен. Что это значит? Я вижу два возможных объяснения. Первое: Смит умер…

— Умер! — она снова вспомнила странную церемонию питья воды, вспомнила мягкую неземную энергию, исходящую от Смита, и ей

стало невыносимо грустно.

— Ну да. В этом случае будет «жить» двойник, столько, сколько потребуется Дугласу. Когда нужда в Смите отпадет, он «умрет», а двойника отправят вон из города под каким-нибудь наркотиком или с лоботомией… Если Смит мертв, все очень скоро утихнет, и мы никогда не узнаем правду. Поэтому давай рассмотрим второй вариант и предположим, что он жив.

— Я надеюсь, что жив!

— Что тебе Гекуба, что ты Гекубе? — наскоро переврал Шекспира Кэкстон. — Если Смит жив, то, возможно, все будет в порядке. Может случиться, что через три-четыре недели Смит будет в состоянии предстать перед публикой, и двойника разжалуют… Хотя вряд ли…

— Почему?

— Подумай сама. Дуглас уже пытался выдавить из Смита нужные слова, но не смог. А ему эти слова нужны во что бы то ни стало. Поэтому Дуглас постарается спрятать настоящего Смита подальше, и мы никогда больше не увидим живого Человека с Марса.

— Смита убьют?

— Ну, зачем так грубо? Его поместят в частную клинику и будут тщательно оберегать от внеш-

него мира.

— Боже мой, что же делать?

Кэкстон помрачнел.

— Придется принять их правила игры. Или найти зубастого адвоката, взять Беспристрастного Свидетеля и требовать встречи со Смитом. Может быть, удастся вывести их на чистую воду.

— Бен, я с тобой!

— Тебе нельзя выступать открыто. Ты рискуешь своей карьерой.

— Но кто, кроме меня, сможет это опознать?

— Честно говоря, я и сам отличу человека, воспитанного инопланетянами, от актера, изображающего такого человека. А ты будешь моим козырем: ты в курсе дела и имеешь доступ в клинику. Если я вдруг пропаду, поступай по своему усмотрению.

— Бен, с тобой ведь ничего не случится?

— Девочка, я влез не в свою весовую категорию.

— Бен, мне это не нравится. Что ты собираешься делать, когда увидишь Смита?

— Я спрошу, хочет ли он уйти из больницы. Если он скажет «да», я приглашу его с собой. В присутствии Беспристрастного Свидетеля никто не посмеет его остановить.

— А что дальше? За ним нужно ухаживать, Бен. Он сам о себе не позаботится.

Бен нахмурился.

— Я думал об этом. Я готов за ним ухаживать. Поселим его у меня…

— А я буду за ним присматривать. И все будет хорошо, Бен!

— Разогнались! Дуглас нас спокойно выследит и водворит Смита обратно в палату. А заодно и нас с тобой, — Кэкстон наморщил лоб.

— Я знаю человека, который нам поможет! — воскликнул он через некоторое время.

— Кто это?

— Знаешь Джабла Харшоу?

— Кто же его не знает?

— Это одно из его достоинств. Именно потому, что его все знают, его трудно убрать. Он одновременно врач и юрист, поэтому сладить с ним еще труднее. Но самое главное, он такой закоренелый индивидуалист, что, если нужно, в одиночку выйдет против всей Федерации с перочинным ножом. Поэтому с ним просто невозможно справиться. Я с ним познакомился во время проверки на лояльность; на него можно положиться. Если мне удастся вытащить Смита из Бетесды, я отвезу его к Харшоу в Поконос. И тогда мы им всем

покажем!

Глава 7

Джилл ушла с дежурства на десять минут раньше. Нельзя оказаться замешанной в попытку Бена встретиться со Смитом, но нужно быть рядом. Бену может понадобится помощь.

Охраны в коридоре не было. Дежурство выдалось напряженное — она возилась с двумя хирургическими больными — и только раз успела проверить дверь палаты К-12. Дверь была заперта. Соседняя тоже. Отпирать ее не было времени. Джилл старалась хотя бы следить, кто входит на этаж. Бен не появлялся; Джилл задала несколько осторожных вопросов своей помощнице и по ответам поняла, что за время ее отсутствия в палату К-12 никто не входил. Джилл недоумевала: Бен не назначил точного времени, но он намеревался осуществить задуманное около полудня.

Наконец, Джилл не выдержала. Улучив свободную минутку, она постучала в комнату врача, заглянула туда и изобразила удивление.

— О! Доброе утро, доктор. Я надеялась увидеть здесь доктора Фрейма.

— Я его не видел, сестра. Я доктор Браш. Чему

могу быть полезен?

Типично мужская реакция. Джилл успокоилась:

— Спасибо, ничего не нужно. Как поживает Человек с Марса?

— Кто?

Она улыбнулась.

— Доктор, для больницы уже не секрет, кто Ваш пациент, — Джилл указала рукой на дверь в палату.

Врач удивился:

— Вы хотите сказать, что он лежит здесь?

— А что, его там нет?

— Нет, с точностью до шести знаков. Здесь лежит миссис Роуз Банкерсон — пациентка доктора Гарнера. Ее привезли утром.

— Правда? А что случилось с Человеком с Марса?

— Не имею ни малейшего представления. Так хотел на него посмотреть — и не успел. Еще вчера он был здесь… Везет же некоторым людям! А мне достается Бог знает что, — он включил экран над столом.

Джилл увидела кровать с водяным баллоном, поверх которого колыхалось тело маленькой старушки.

— Что с ней?

— Гм, если бы у нее не было столько денег, это называлось бы старческим маразмом. А с ее деньгами — это «обследование и общеукрепляющие процедуры».

Джилл немного поболтала, потом сказала, что, кажется, ее зовут на пост, и ушла. Достала ночной журнал — да, вот оно:

> «Смит В. М., К-12 — переведен».

И ниже:

> «Роуз С. Банкерсон (ж), К-12 (специальная диета, кухня проинструктирована доктором Гарнером, предписаний нет, дежурный по этажу не отвечает)».

Почему Смита переместили ночью? Чтобы никто не видел? Куда же его отправили? Можно было позвонить в приемное отделение, но, наслушавшись предостережений Бена, Джилл стала осторожной. Она решила подождать естественного развития событий и послушать, что говорят.

Сначала она позвонила Бену на работу. Ей сказали, что его нет в городе. У Джилл от испуга отнялся язык, но она овладела собой и попросила

оставить Бену записку.

Джилл позвонила Бену домой; его не было и там, и она вновь попросила оставить ему записку…

…Бен Кэкстон не терял времени зря. Он заполучил в свое распоряжение Джеймса Оливера Кавендиша. Бен мог воспользоваться услугами другого Беспристрастного Свидетеля, но авторитет Кавендиша был так велик, что к нему почти не нужен был адвокат. Этот почтенный господин не раз свидетельствовал в Верховном Суде; поговаривали также, что при нем составлено завещаний на миллиарды. Он зарабатывал за день больше, чем Бен за неделю, но Кэкстон собирался расплатиться с ним за счет редакции.

В качестве адвоката Бен пригласил Фрисби из «Биддл Фрисби, Фрисби, Биддл Рид», и вдвоем они отправились к Свидетелю Кавендишу. Дородный Кавендиш в своем белом одеянии был похож на Статую Свободы.

Еще до встречи с Кавендишем Бен объяснил Марку Фрисби, что им предстоит делать. В присутствии Свидетеля оба обязались зафиксировать и не обсуждать увиденное или услышанное (Фрисби заметил, что не имеет на это прав).

Такси привезло их в медицинский центр, и

они направились к директору. В приемной Бен вручил свою визитную карточку и сказал, что хочет видеть директора.

Суровая женщина спросила у Бена, договаривались ли они с директором о встрече. Бен признался, что нет.

— В таком случае, у вас мало шансов увидеть доктора Бремера. По какому делу вы пришли?

Кэкстон ответил громко, чтобы все окружающие слышали:

— Передайте, пожалуйста, директору, что пришел Кэкстон из «Вороньего гнезда» с адвокатом и Беспристрастным Свидетелем и хочет побеседовать с Валентайном Майклом Смитом, Человеком с Марса.

Женщина было испугалась, но овладела собой и холодно изрекла:

— Хорошо, я передам. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Спасибо, я постою.

Фрисби сломал сигарету; Кавендиш был совершенно спокоен, как человек, видавший виды; Кэкстон переминался с ноги на ногу. Наконец, «снежная королева» объявила:

— С вами поговорит мистер Берквист.

— Берквист? Джил Берквист?

— Мистер Джилберт Берквист.

Кэкстон знал Берквиста — он был из отряда марионеток Дугласа.

— Мне не нужен Берквист, я хочу поговорить с директором.

Но Берквист уже вышел им навстречу, помахивая рукой и радушно улыбаясь:

— Бенни Кэкстон! Здорово, приятель! Ты все там же?

— Все там же. Что ты здесь делаешь, Джил?

— Если я когда-нибудь освобожусь от общественной деятельности, я тоже возьму в газете колонку скандальной хроники слов эдак на тысячу и буду валять дурака. Я тебе завидую, Бен.

— Я тебя спрашиваю, Джил, что ты здесь делаешь? Я пришел поговорить с директором и с Человеком с Марса, а вовсе не за тем, чтобы ты мне заговаривал зубы.

— Не надо так, Бен. Доктора Бремера уже замучили газетчики, и Генеральный Секретарь прислал меня ему в помощь.

— Хорошо. Я хочу поговорить со Смитом.

— Бен, старина, этого хотят все репортеры, специальные корреспонденты, писатели, комментаторы, внештатные корреспонденты и корреспондентки… Двадцать минут назад сюда

приходила Ролли Пиперс. Она хотела расспросить Смита, как марсиане любят друг друга, — Берквист развел руками.

— Я хочу видеть Смита. Имею я на это право или нет?

— Бен, давай поговорим в другом месте, в спокойной обстановке. Там спросишь у меня все, что захочешь.

— У тебя я ничего не собираюсь спрашивать. Я хочу видеть Смита. Вот мой адвокат, Марк Фрисби. (Беспристрастного Свидетеля представлять не полагалось).

— Мы знакомы, — сказал Берквист. — Как здоровье отца, Марк? Все тот же насморк?

— Да, все по-старому.

— Дурацкий климат. Пойдем, Бен. И ты, Марк.

— Итак, — сказал Кэкстон, — я хочу видеть Валентайна Майкла Смита. Я представляю газету «Пост» и двести миллионов читателей. Мне дадут возможность поговорить со Смитом? Если нет, скажите об этом прямо и дайте юридическое обоснование вашему отказу.

— Марк, — вздохнул Берквист, — объясни этому сплетнику, что нельзя врываться в комнату к больному человеку. Смит вчера, несмотря на запреты врача, выступил перед общественностью.

Сейчас ему нужен покой, иначе он не сможет восстановить силы.

— Ходят слухи, — заметил Кэкстон, — что вчерашнее выступление — фальшивка.

Берквист перестал улыбаться:

— Фрисби, — сказал он холодно, — ваш клиент слишком резко выражается.

— Не горячитесь, Бен.

— Я знаю закон о клевете, Джил. Кого я сейчас оклеветал? Человека с Марса? Или кого-то еще? Ну, кого? — Бен повысил голос. — Я повторяю, что, по имеющимся у меня сведениям, человек, интервью с которым вчера передавали по третьему каналу, не был Майклом Смитом. Я хочу увидеть Человека с Марса и спросить его об этом.

В приемной стало очень тихо. Берквист посмотрел на Беспристрастного Свидетеля, нацепил на лицо улыбку и сказал:

— Похоже, Бен, что ты выторговал себе интервью с судебным процессом в придачу. Я сейчас вернусь.

Он вышел и вскоре вернулся.

— Я договорился, — сказал Берквист устало, — хотя ты, Бен, этого не заслуживаешь. Пройти может еще Марк: Смит болен, к нему нельзя приводить толпу.

— Нет, — отрезал Кэкстон.

— Что?

— Или все втроем, или никто.

— Бен, не упрямься. Тебе и так делают одолжение. Марк пойдет с тобой и подождет за дверью, а он, — Берквист кивком указал на Кавендиша, — тебе не нужен.

Кавендиш молчал, как будто ничего не слышал.

— Возможно. Но завтра я напишу в газете, что представители администрации отказали Беспристрастному Свидетелю в визите к Человеку с Марса.

Берквист пожал плечами.

— Хорошо. Я надеюсь, Бен, что клеймо клеветника тебя утихомирит.

Из уважения к возрасту Кавендиша они поднялись лифтом, потом по движущейся дорожке проследовали мимо лабораторий и кабинетов. Их остановил часовой, предупредил о них кого-то и, наконец, их впустили в комнату, где стояли датчики.

— Это доктор Таннер, — представил Берквист дежурного врача. — Доктор, познакомьтесь: мистер Кэкстон и мистер Фрисби. (Представлять Кавендиша он, как это и было положено,

не стал).

Таннер был обеспокоен.

— Господа, позвольте вас предупредить. Постарайтесь не говорить и не делать ничего, что могло бы взволновать больного. Он крайне возбужден и легко впадает в патологическое состояние, напоминающее транс.

— Эпилепсия? — спросил Бен.

— Неспециалист сказал бы «да». Но это, скорее, каталепсия.

— Вы специалист, доктор? Психиатр?

Доктор Таннер оглянулся на Берквиста.

— Да.

— Где вы учились?

Берквист вмешался:

— Бен, пойдем к больному. Доктора Таннера допросишь после.

— О'кей.

Таннер посмотрел на датчики, включил экран наблюдения, отпер дверь в палату и, приложив к губам палец, ввел туда посетителей.

В палате было темно.

— Наш пациент болезненно реагирует на свет, поэтому пришлось сделать затемнение, — приглушенным голосом объяснил Таннер.

Он подошел к кровати, стоявшей в центре

комнаты.

— Майк, я привел к тебе гостей.

На водяной подушке, закрытый до подмышек простыней, лежал молодой человек. Он молча смотрел на посетителей. Его круглое лицо было лишено всякого выражения. Это был тот самый человек, которого вчера показывали по стереовидению. Похоже, малышка Джилл подложила свинью. Придется отвечать за клевету — и конец карьере.

— Вы Валентайн Майкл Смит?

— Да.

— Человек с Марса?

— Да.

— Вы выступали вчера по стерео?

Молодой человек молчал. Таннер сказал:

— По-моему, он не понял. Майк, ты помнишь, что вы с мистером Дугласом делали вчера?

Больной недовольно ответил:

— Свет… Глазам больно.

— Да, свет мешал тебе. Мистер Дуглас велел тебе поздороваться с публикой.

— Долго ехал в кресле, — слабо улыбнулся больной.

— О'кей, — сказал Кэкстон. — Я понял. Майк, с тобой хорошо обращаются?

— Да.

— Ты можешь не жить здесь, если не хочешь. Ты ходишь?

Таннер торопливо заговорил:

— Мистер Кэкстон, я вас прошу… — Берквист взял Таннера за плечо.

— Хожу… немножко. Трудно.

— Я видел, у тебя есть коляска. Майк, если ты не хочешь здесь жить, я отвезу тебя, куда скажешь.

Таннер стряхнул руку Берквиста и возмутился:

— Я запрещаю давить на моего пациента!

— Он свободный человек или заключенный? — стоял на своем Кэкстон.

— Конечно, он свободный человек, — ответил Берквист. — Доктор, не мешайте дураку рыть себе могилу.

— Спасибо, Джил. Майк, ты слышал, ты — свободный человек. Ты можешь идти, куда хочешь.

Больной с ужасом посмотрел на Таннера:

— Нет! Нет! Нет!

— Нет — значит нет.

— Мистер Берквист, это уже слишком! — взорвался Таннер.

— Хорошо, доктор. Бен, хватит.

— Э-э… еще один вопрос, — Кэкстон лихорадочно соображал, стараясь придумать хитрый

вопрос. «Наверное, Джилл ошиблась; нет, она не могла ошибиться, она вчера очень верно рассудила!»

— Последний вопрос, — снизошел Берквист.

— Спасибо… Майк, вчера мистер Дуглас задавал тебе вопросы…

Больной не отвечал.

— …Он спросил тебя, нравятся ли тебе наши девушки, так?

— Нравятся, еще бы! — больной расплылся в улыбке.

— Хорошо, Майк. А где и когда ты видел девушек?

Улыбка испарилась. Больной глянул на Таннера, потом закатил глаза, собрался в позу зародыша — руки на груди, колени ко лбу — и застыл.

Таннер рявкнул:

— Вон отсюда! — и стал щупать пульс больного.

— Это переходит всякие границы, — возмутился Берквист. — Кэкстон, вы выйдете сами или мне позвать солдат?

— Мы уходим, — сдался Кэкстон.

Все, кроме Таннера, вышли. Берквист закрыл дверь.

— Джил, объясни, — снова взялся за свое Кэкс-

тон, — вы держали его под замком. Где он мог видеть девушек?

— Что за странный вопрос? Он видел десятки девушек. Сестры, лаборантки… Сам понимаешь.

— Не понимаю. Его обслуживали исключительно мужчины, пускать к нему женщин строго запрещалось.

— Не говори глупостей! — Берквист досадливо сморщился, а потом вдруг ухмыльнулся. — Вчера его сопровождала сестра-женщина.

— Да, действительно… — Бен умолк.

Когда Кэкстон, Фрисби и Кавендиш вышли из медицинского центра, Фрисби заметил:

— Бен, я думаю, что Генеральный Секретарь возбудит против тебя судебное дело, но все-таки, если тебе есть на кого сослаться…

— Ерунда, Марк. Дела не будет, — Бен сверкнул глазами. — Как знать, может быть, нам подсунули ту же фальшивку.

— Оставь, Бен.

— Не оставлю. Нам показали укрытого простыней человека одного возраста со Смитом. Берквист сказал, что это Смит, но Берквист сделал карьеру на отрицании очевидных фактов. Нам представили якобы психиатра, но когда я спросил, где он учился, меня отвлекли… Мистер

Кавендиш, вы видели какое-нибудь подтверждение тому, что перед нами лежал человек с Марса?

— Я не имею права высказывать своего мнения. Я смотрю и слушаю — и не более.

— Простите.

— Я могу считать свою миссию выполненной?

— Да, конечно. Спасибо, мистер Кавендиш.

— Благодарю вас, сэр. Очень интересный случай, — старый Свидетель снял белое одеяние и превратился в простого смертного. Черты его лица смягчились.

— Надо было привести кого-нибудь с «Чемпиона», — продолжал Кэкстон, — тогда было бы ясно.

— Должен заметить, — заговорил Кавендиш, — я был очень удивлен тем, что вы упустили весьма важную деталь.

— Да? Что же я прозевал?

— Мозоли.

— Мозоли?

— Ну да. По мозолям можно восстановить биографию человека. Я читал об этом в «Уитнесс Куортерли». У молодого человека, который никогда не носил обувь и находился под действием тяготения гораздо более слабого, чем наше, и

мозоли не должны быть похожи на наши.

— Господи! Мистер Кавендиш! Что же вы раньше молчали?

— Сэр! — старик развернул плечи и раздул ноздри. — Я не участник событий, я — Беспристрастный Свидетель.

— Простите, — Кэкстон нахмурился. — Давайте вернемся и посмотрим на его мозоли. Не будут пускать — я разнесу эту чертову больницу.

— Вам придется искать другого Свидетеля… я не должен был Вам подсказывать.

— Да, действительно, — Кэкстон помрачнел.

— Бен, успокойся, — увещевал Фрисби. — Не наживай лишних неприятностей. Лично я верю, что нам показали настоящего Человека с Марса.

Кэкстон покинул своих спутников, сел в такси, направил его в сторону редакции и задумался. Сегодня его в больницу уже не пустят. Две официальные беседы с одним больным в один день — это уже слишком.

Но надо же чем-то заполнить колонку! Значит, надо попасть в больницу. Как?

Он знает, где находится палата «Человека с Марса»… Что дальше? Нарядиться электриком? Не пройдет. Доктор Таннер его узнает.

Кстати, доктор ли этот Таннер? Врачи обычно

отказываются вмешиваться, когда политические соображения перевешивают гуманистические. Например, Нельсон умыл руки, потому что понял… Стоп! Нельсон, даже не глядя на мозоли, может сказать, Смит — тот парень или нет. Кэкстон позвонил своему помощнику и попросил выяснить номер телефона Нельсона. В редакционном списке важных людей значилось, что Нельсон живет в Нью-Мэйфлауре.

Кэкстон связался с Нельсоном… Нет, Нельсон не видел эту передачу. Да, он слышал о ней. Нет причин думать, что Смита подменили. Знает ли доктор о попытке принудить Смита к отказу от прав на Марс? Нет, такие вещи его не интересуют. И вообще, как можно «владеть» Марсом? Марс принадлежит марсианам. Доктор, давайте предположим, что кто-то…

Доктор прервал связь. Бен перезвонил опять, но услышал стандартный ответ робота: «Абонент временно прервал связь. Можете записать сообщение…»

Глупо было ожидать от Нельсона помощи. Но где одна глупость — там и другая: Кэкстон позвонил в Верховный Совет и потребовал к телефону Генерального Секретаря.

Кэкстон был опытной ищейкой и знал: для того,

чтобы раскрыть тайну, иногда достаточно привязаться к большому человеку и надоесть ему. Конечно, опасно дергать тигра за хвост — Бен, как никто, был знаком с психологией сильных мира сего — но и он чувствовал в себе силы.

Единственное, о чем забыл Бен — что звонить следовало не из такси, а из какого-нибудь общественного места.

Кэкстон перебрал с полдесятка мелких чиновников, все больше распаляясь от разговора к разговору, когда заметил, что его такси изменило курс.

Он спохватился, но было поздно, такси не повиновалось. Кэкстон с горечью понял, что попался — и как позорно! Его запеленговали и перехватили управление роботом-пилотом на приоритетной политической частоте. Взяли без лишнего шума.

Кэкстон попытался позвонить своему адвокату, но не успел этого сделать: такси приземлилось во внутреннем дворе какого-то дома, и сигнал не смог пробиться сквозь стену. Бен попытался выйти из машины, но дверца не открывалась. И тут он с удивлением почувствовал, что теряет сознание…

Глава 8

Джилл подумала, что Бен пошел по другому следу, а сообщить об этом ей не счел нужным, но сразу же отогнала эту мысль. Своими успехами Бен был обязан скрупулезным вниманием к людям. Он помнил дни рождения всех своих знакомых и скорее бы не отдал карточный долг, чем не ответил на открытку, где его благодарят за гостеприимство. Куда бы он ни отправился, каким бы срочным ни было дело, Бен обязательно выкроил бы минутку, чтобы написать записку.

Он должен был оставить ей весточку! Джилл позвонила Бену на работу и попала на его референта, Осберта Килгаллена, который сказал, что Бен ничего ей не передавал и с тех пор, как она звонила в первый раз, не появлялся и не звонил.

— Он не говорил, когда вернется?

— Нет, но он оставил указания, чем заполнить колонку. У нас всегда есть материал для такого случая.

— Значит, он звонил?

— Нет, он прислал письмо по статопринту из Филадельфии — из Паоли Флэта.

Джилл пришлось удовольствоваться этим.

Она отправилась в столовую для сестер и долго ковыряла вилкой в тарелке, не видя, что ест. «Все должно быть в порядке, — успокаивала она себя. — Неужели я влюбилась в этого?..»

— Бордмэн! Проснитесь!

Джилл очнулась и увидела Молли Уилрайт, диетолога.

— Простите.

— Я спрашиваю, *с* каких пор у вас на этаже стали класть в палаты-люкс больных, за которых платят благотворительные организации?

— Что вы!?

— Палата К-12 на вашем этаже?

— К-12? Там лежит богатая старуха, такая богатая, что дежурный врач прислушивается к каждому ее вздоху.

— Хм. Наверное, она вчера получила наследство. До этого она полтора года лежала в приюте для престарелых.

— Это какая-то ошибка.

— Не знаю. У меня на кухне ошибок не бывает. А диета — ничего себе! Вагон еды, королевский выбор блюд; и лекарства приказано давать не в чистом виде, а подмешивать в пищу. Поверьте, дорогая, диета может быть такой же уникальной, как отпечатки пальцев. — Мисс Уилрайт встала.

— Ну, ладно, я побежала.

— Чего хотела от тебя Молли? — спросила у Джилл другая сестра.

— Не знаю. Она что-то перепутала в предписаниях.

Джилл пришло в голову, что Человека с Марса можно найти по диете. Правда, в Медицинском Центре несколько кухонь, и чтобы их все проверить, нужна по крайней мере неделя. Во время морских войн Центр работал как флотский госпиталь и уже тогда был огромным. Потом его расширили и перевели в подчинение Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения. Теперь Центр принадлежал Федерации и представлял собой целый город.

Настораживала история с миссис Банкерсон. Центр принимал любых пациентов: частных, правительственных, состоящих на обеспечении благотворительных организаций. Этаж Джилл был отведен для правительственных больных, там лечились сенаторы Федерации и другие высокие чины. Странно, что в палату К-12 положили частного больного. Может быть, в отделении для частных больных не хватило места?

Долго думать об этом было некогда: на Джилл навалилась масса работы. Понадобилась склад-

ная кровать. Можно было позвонить на склад, но он находился в подвале, чуть ли не за четверть мили от Джилл, а кровать была срочно нужна. Тут Джилл вспомнила, что такая кровать стоит в дежурке при палате К-12, на ней еще сидели часовые, и Джилл их прогнала. Наверное, кровать вынесли в дежурку, когда в палате поставили гидравлическую. Если кровать из дежурки еще не отправили на склад, то ее можно взять.

Дверь дежурки была заперта и не открывалась ключом. Джилл подумала, что надо сказать об этом слесарю, и направилась в комнату врача, чтобы справиться насчет кровати у него. Врач оказался знакомым, — мистер Браш. Он не был ни стажером, ни врачом, живущим при больнице. Его, по его же собственным словам, пригласил доктор Гарнер специально для ухода за миссис Банкерсон. Браш обрадовался, увидев Джилл:

— А, мисс Бордмэн! Вы-то мне и нужны.

— Что же вы не позвонили? Как ваша больная?

— Больная в порядке. У меня проблемы.

— Что случилось?

— Пустяки, минутное дело. Надеюсь, сестра, вы сможете уделить мне столь незначительное время и никому об этом не рассказывать?

— Хорошо. Только позвольте мне позвонить

помощнице и предупредить ее.

— Нет, — поспешно возразил он. — Я выйду, вы закроете за мной дверь и не будете открывать, пока я не вернусь и не постучу вот так, — он отстучал первые такты популярной песенки.

— Хорошо, сэр — ответила Джилл неуверенно. — Что делать с больной?

— Ничего, ее нельзя беспокоить. Смотрите на экран.

— Где вас найти, если что-нибудь случится? В комнате отдыха врачей?

— В конце коридора, в мужской уборной. Все, я убегаю.

Он ушел, и Джилл заперла дверь. Она посмотрела на экран и на датчики. Женщина спала, ее пульс был четким и ритмичным, дыхание спокойным и ровным. «К чему такое неусыпное наблюдение?» — недоуменно подумала Джилл. Она решила все-таки проверить, стоит ли в дальней комнате складная кровать. Больную Джилл не потревожит — она умеет ходить так, чтобы не будить больных, а что до доктора Браша, то он, как и все врачи, не будет возмущаться тем, о чем не узнает.

Проходя мимо миссис Банкерсон, Джилл убедилась, что та спит. Дверь дежурки была заперта.

Джилл открыла ее ключом.

Складная кровать стояла на месте… И тут Джилл заметила, что комната занята. На стуле, с детской книжкой в руках, сидел Человек с Марса.

Смит увидел Джилл, и лицо его озарилось лучезарной улыбкой счастливого ребенка.

У Джилл закружилась голова. Валентайн Смит здесь? Не может быть! Его же перевели, в журнале записано…

Страшная догадка родилась у нее. Подставной «Человек с Марса» на стерео… умирающая старуха, и вместе с ней в палате — еще один человек… ключ, не отпирающий дверь… Через день-другой отсюда выедет каталка, а на ней под простыней — не один труп, а два!

Вслед за этой догадкой пришла еще одна: она рискует. Очень рискует.

Смит неловко встал со стула, протянул к ней руки и сказал:

— Брат мой!

— Здравствуй. Как живешь?

— Я здоров. Мне хорошо, — он сказал еще что-то на непонятом задыхающемся языке, потом поправился, — ты здесь, брат. Тебя не было. Теперь ты снова здесь. Ты — как вода.

Сердце Джилл таяло под лучами улыбки Смита, а кровь в жилах стыла от страха, что ее здесь застигнут. Смит этого не замечал. Он сказал:

— Видишь? Я хожу. Я становлюсь сильнее. — Он сделал несколько шагов и торжествующе улыбнулся.

Через силу улыбнулась и Джилл.

— О, да мы делаем успехи! Продолжай в том же духе. А мне надо идти, я на минутку заглянула.

— Не уходи, — на его лице отразилось огорчение.

— Я должна идти…

Огорчение переросло в горе.

— Я чем-то тебя обидел? Я не знал.

— Нет, ты меня ничем не обидел. Мне действительно нужно уходить, и чем скорее, тем лучше.

Его лицо вновь стало спокойным. Он сказал скорее утвердительно, чем вопросительно:

— Брат, возьмешь меня с собой.

— Я не могу. Мне нужно уходить. Слушай, не говори никому, что я была здесь, пожалуйста!

— Не говорить, что приходил мой брат по воде?

— Правильно. Никому не говори. Будь умницей, потерпи, пока я вернусь.

Смит переварил услышанное и сказал безмя-

тежно:

— Я буду ждать. Я не скажу.

— Вот и хорошо, — Джилл соображала, как она сможет выполнить обещание.

Она догадалась, что «испорченный» замок не был испорчен, глянула на дверь в коридор и поняла, почему дверь не открывалась: к ней был прибит засов. В больнице пользоваться такими засовами было запрещено. Те, что стояли на дверях ванных, уборных и других комнат, открывались снаружи специальными ключами. Этот же можно было открыть только изнутри. Джилл отодвинула его.

— Жди. Я приду.

— Я буду ждать.

Вернувшись в комнату врача, она услышала: Тук! Тук! Тук-тук!.. Тук! Тук!.. Это был сигнал Браша. Джилл поспешила к двери.

Браш ворвался в комнату с криком:

— Где вы были, сестра? Я стучал три раза! — он подозрительно покосился на дверь в палату.

— Больная стала вертеться, — солгала Джилл. — Я поправляла ей подушку.

— Черт возьми! Я же запретил вам отходить от стола!

Джилл видела, что он испуган, и пошла в контр-

атаку.

— Доктор, — сказала она сухо, — я за эту больную не отвечаю. Но раз уж вы мне ее доверили, я оказала ей помощь, которую сочла необходимой. Если у вас ко мне претензии, давайте позовем главного врача отделения.

— Что вы, из-за такого пустяка…

— Нет, сэр. Такую слабую старушку наполненная водой подушка может задушить. Есть сестры, способные стерпеть от врача любое обвинение. Я же ложных обвинений терпеть не хочу! Давайте позовем главного врача.

— Не надо, мисс Бордмэн. Я погорячился, не подумал. Прошу прощения.

— Хорошо, — отчеканила Джилл, — чем я еще могу быть полезна?

— Спасибо, больше ничего не нужно. Хотя… пожалуйста, никому не рассказывайте об этом.

— Конечно, нет — можете быть совершенно спокойны, доктор.

Джилл вернулась на свое место и сделала вид, что разбирает бумаги. Потом вспомнила, что так и не заказала на складе кровать. Она позвонила на склад, отослала помощницу с каким-то поручением и задумалась.

Где же Бен? Как его недостает! Позвонить бы

ему и переложить ответственность на его плечи. Но он пропал черт знает куда и свалил все на нее. Свалил? Раздражение, которое она подспудно чувствовала все утро, вдруг прошло. Бен не уехал бы, не дав ей знать, как закончилась его встреча с Человеком с Марса. Джилл, как участница заговора, имела право знать исход дела, а Бен всегда играл честно. «Если я вдруг пропаду, — вспомнила она, — ты — мой запасной козырь».

За все это время она даже не подумала, что с Беном могло что-то случиться, ей это не приходило в голову. А теперь пришло. И настало время — рано или поздно это случается с каждым — поставить на карту свою карьеру, жизнь и честь. Джилл Бордмэн приняла вызов судьбы в 15.47.

…Когда Джилл вышла, Человек с Марса сел на прежнее место и стал, выражаясь земным языком, ждать. Он испытывал тихое счастье от того, что брат обещал вернуться. Смит был готов сидеть в ожидании брата и год, и два, и три, ничего не делая и не двигаясь. Он не помнил точно, когда они побратались: Смит еще не мог измерить новое время и пространство — так сильно они отличались от того, к чему он привык в родном гнезде. Дело было не в том, что, измеренная земными годами, его жизнь оказывалась длиннее

или короче, а в том, что здесь он столкнулся с совершенно иным, чем дома, восприятием времени. Фразу «Это произошло позже, чем тебе кажется» нельзя перевести на марсианский язык, потому что у марсиан не существует понятия «позже». А фразу «Поспешишь — людей насмешишь» нельзя перевести, потому что на Марсе это — непреложная истина, нечто само собой разумеющееся, как на Земле то, что рыба плавает. Высказывание «Так было, есть и будет» на Марсе показалось бы таким же трюизмом, как на Земле «Дважды два — четыре».

Смит ждал.

Вошел Браш, посмотрел на него; Смит не пошевелился, и Браш вышел.

Услышав скрежет ключа в двери, Смит вспомнил, что такой же звук предшествовал последнему визиту брата по воде, и стал настраиваться на встречу с братом. В прошлый раз он удивился, когда дверь открылась, впустив к нему Джилл. Смит тогда еще не знал, что такое дверь, но сейчас уже усвоил это и отдался радости, которая приходит в присутствии братьев по гнезду или по воде, а иногда — в присутствии Старших Братьев.

Радость его несколько омрачилась от сознания, что брат ее не разделяет; брат скорее огорчен, да

так сильно, что вот-вот дематериализуется. Но Смит уже знал, что эти странные существа могут испытывать очень сильные отрицательные эмоции без риска для жизни. Брат Махмуд мог по пять раз в день переживать душевную агонию, но при этом и не думал умирать физически. Другой его брат, капитан ван Тромп, тоже часто испытывал приступы душевных страданий, которые, по понятиям Смита, давно должны были привести его к дематериализации, тем самым разрешив конфликт, а капитан был жив и здоров.

Поэтому Смит не обратил внимание на волнение Джилл.

Джилл сунула ему какой-то узел.

— Одевайся! Быстро!

Смит взял узел в руки и застыл в растерянности.

— Господи! Давай помогу!

Ей пришлось самой и раздеть его, и одеть. Пижаму и тапочки Смит носил не потому, что ему так велели. Он мог их снять и надеть, но делал это очень медленно. Сейчас Джилл взяла дело в свои руки. Она была медицинской сестрой, а Смит не испытывал стыда от своей наготы, поэтому обошлось без проблем. Смит был очарован кожей, которую Джилл натягивала ему на ноги.

Но брат по воде не дал почувствовать и полюбить новую кожу — Джилл принялась пристегивать чулки к повязкам. Форму сестры милосердия она выпросила у напарницы, якобы на маскарад для своей двоюродной сестры, которая носит одежду большого размера. Джилл надела на Смита пелерину — кажется, неплохо получилось. С туфлями было хуже: они оказались тесными, а Смит и босиком ходил плохо.

Джилл надела на него шапочку и приколола ее к волосам.

— Волосы у тебя коротковаты, — заметила она озабоченно. — Ну да ладно, сойдет, сейчас многие девушки такие носят.

Смит не ответил, так как плохо вник в смысл ее слов. Он попытался представить собственные волосы более длинными и решил, что на это нужно время.

— А теперь слушай внимательно, — сказала Джилл. — Что бы ни произошло, не говори ни слова. Понял?

— Не говорить. Я не буду говорить.

— Иди за мной. Я буду держать тебя за руку. Если знаешь какие-нибудь молитвы — молись.

— Молиться?

— Нет, не надо. Иди за мной и ничего не го-

вори.

Джилл открыла дверь, выглянула в коридор и, убедившись, что он пуст, вывела Смита из палаты.

Смит увидел вдруг множество незнакомых предметов, это выводило его из равновесия. В глаза ему бросались все новые и новые образы, и он ни на чем не мог сосредоточиться. Спотыкаясь, он поплелся вслед за Джилл, стараясь никуда не смотреть, чтобы спастись от окружающего хаоса.

Джилл вывела его в конец коридора и быстро ступила на движущуюся дорожку, бегущую направо. Смит повторил ее движение и чуть не упал. Джилл подхватила его. Поймав удивленный взгляд какой-то горничной, Джилл выругалась про себя и, сходя с дорожки, действовала уже осторожнее. Наконец лифт вынес их на крышу. Тут произошла заминка, которой Смит не заметил. Он наслаждался видом неба. Небо было ясное, глубокое, просто великолепное; Смит его так давно не видел. Джилл искала глазами такси. Людей на крыше не было. Сесть в воздушный автобус Джилл не решилась. Приземлилось какое-то такси.

— Джек! Эта машина не занята?

— Я ее вызвал для доктора Фипса.

— Вот жалость! Джек, как бы нам побыстрее уехать? Это моя двоюродная сестра Мэдж, она работает в южном крыле. Она простужена, и я не хочу ее долго держать на ветру.

Санитар почесал затылок:

— Вам, мисс Бордмэн, я отказать не могу. Езжайте этой машиной, а доктору Фипсу я вызову другую.

— Джек, ты просто прелесть! Мэдж, молчи, я сама все скажу. У нее болит горло, и голос совсем сел. Приедем домой — буду ее ромом отпаивать.

— Да, горячий ром — лучшее средство от простуды. Моя мать так всегда меня лечила.

Он набрал адрес Джилл, который знал наизусть, потом помог Джилл и «Мэдж» сесть в такси.

— Спасибо, Джек, большое спасибо, — поблагодарила Джилл за двоих.

Такси взлетело, и Джилл с облегчением вздохнула:

— Теперь можешь говорить.

— Что я должен говорить?

— Что хочешь.

Смит задумался. На приглашение нужно ответить так, как подобает отвечать брату. Он перебрал в уме несколько подходящих для таких

случаев фраз, но не сказал ни одной, потому что не смог их перевести. Наконец он нашел слова, которые переводились на этот странный пустой язык и могли быть сказаны брату:

— Пусть наши яйца живут в одном гнезде.

Джилл вздрогнула:

— Что? Что ты сказал?

Смит был огорчен непониманием, но решил, что в этом виноват он сам. Он уже заметил, что стремясь к единению с этими существами, он иногда причиняет им боль или приводит в волнение. Смит попытался исправить положение, порылся в своем скудном словарном запасе и сказал так:

— Мое гнездо — твое гнездо, а твое гнездо — мое гнездо.

На этот раз Джилл улыбнулась:

— О! Как мило! Я не уверена, что до конца тебя понимаю, но такого милого предложения мне не делали уже давно, — и добавила, помолчав. — Только сейчас мы по уши вляпались, поэтому давай подождем, ладно?

Смит понял Джилл не лучше, чем она поняла его, но видел, что ей приятно, и решил, что она просит подождать. Ждать ему было нетрудно: он откинулся на спинку сиденья и, довольный,

что между ними все хорошо, стал любоваться окрестностями. Со всех сторон громоздились незнакомые предметы, которые нужно было познать. Он отметил, что способ передвижения, практикуемый здесь, не позволяет в полной мере насладиться тем, что встречается на пути. Он чуть было не пустился в порицаемое Старшими Братьями сравнение марсианского образа жизни с земным, но сразу же выбросил из головы еретические мысли.

Джилл молчала, обдумывая свое положение. Она увидела, что такси подлетает к ее дому, и решила, что у нее останавливаться нельзя: там их сразу же найдут. Джилл не знала, как работает полиция, поэтому ждала нападения со всех сторон сразу. Во-первых, она могла оставить отпечатки пальцев в комнате Смита, во-вторых, их видели вместе. А может (Джилл слыхала об этом), полиция прочтет записанный в памяти робота маршрут. Джилл стерла свой адрес из памяти робота, и такси зависло над трассой. Куда лететь? Где спрятать взрослого мужчину, который сам даже одеться толком не может? А ведь его будут искать! Ах, если бы Бен был рядом! Бен, где ты?

Джилл взяла телефон и набрала номер Бена, уже не надеясь его застать. Ответил мужской

голос. Джилл было обрадовалась, но радость ее тут же погасла. Это был секретарь Бена.

— Говорит Джилл Бордмэн. Простите, мистер Килгаллен, я думала, что звоню мистеру Кэкстону домой.

— Так оно и есть. Но когда Бена нет дома больше суток, все звонки переадресовываются в редакцию.

— Значит, его до сих пор нет?

— Нет. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Да нет... Мистер Килгаллен, вам не кажется странным, что Бена так долго нет? Вы не беспокоитесь?

— Абсолютно. Бен прислал письмо, в котором сказано, что он не знает, когда вернется.

— И это нормально?

— В работе мистера Кэкстона это более, чем нормально, мисс Бордмэн.

— Возможно, но мне кажется, что в данном случае не все нормально. Я думаю, вам стоит объявить на всю страну, даже на весь мир, что Бен пропал.

Хотя в такси не было видеотелефона, Джилл почувствовала, что Осберт Килгаллен напыжился.

— Мне кажется, мисс Бордмэн, что я вправе сам истолковывать указания моего начальника.

Более того, осмелюсь вам сообщить, что каждый раз, когда мистер Кэкстон подолгу отсутствует, находится какая-нибудь добрая приятельница, которая звонит и поднимает панику…

«Какая-нибудь баба, которая хочет заарканить Бена, — перевела Джилл. — И этот тип думает, что я очередная…». У нее пропало всякое желание просить у Килгаллена помощи; она отключилась.

Куда же деться? Решение пришло внезапно. Если Бена нет, и к этому приложили руку власти, то никто не станет искать Валентайна Смита в квартире Бена, если, конечно, не догадаются, что она — сообщница скандального репортера. Но это маловероятно.

У Бена в холодильнике можно будет чем-нибудь поживиться, и найдется во что одеть этого взрослого ребенка. Джилл набрала адрес Бена, такси легло на заданный курс.

У дверей Бена Джилл сказала роботу-сторожу:

— Карфаген пал!

Реакции не было. Вот черт! Он поменял пароль. У Джилл затряслись поджилки, она старалась не смотреть на Смита. А, может, Бен уже дома? Джилл сказала сторожу, который еще и докладывал о посетителях:

— Бен, это Джилл.

Дверь открылась.

Джилл и Смит вошли, и дверь закрылась за ними. Джилл поначалу решила, что их впустил Бен, но потом поняла, что случайно угадала новый пароль, рассчитанный, вероятно, на то, чтобы польстить ей. Но сейчас ей не были нужны комплименты.

Смит стоял у края газона и оглядывался. Место было новое, охватить его сразу Смит не мог, но ему здесь нравилось. Здесь было не так интересно, как в летающем доме, но зато тихо. Тут можно было гнездиться. Он увидел окно и принял его за живую картину, какие видел дома. В больничной палате окон не было: палата находилась во внутреннем корпусе, и Смит еще не знал, что такое «окно». Он с уважением отметил, что имитация объемности и движения на картине совершенна — наверное, ее создал великий мастер. До сих пор он не видел ничего, что свидетельствовало бы о мастерстве людей в каком-либо деле. Сейчас люди выросли в его мнении, и на душе у него потеплело. Краем глаза он уловил какое-то движение: его брат снимал с ног тапочки и искусственную кожу.

Джилл вздохнула и, ступив босыми ногами на

газон, пошевелила пальцами.

— Ох, как ноги устали! — Она увидела, что Смит наблюдает за ней. — Разувайся и иди сюда. Тебе понравится.

Он недоуменно заморгал:

— Как?

— Совсем забыла. Давай сюда ноги, — она сняла с него туфли, отстегнула и стянула чулки. — Ну как, приятно?

Смит пошевелил пальцами и робко спросил:

— Ведь они живые?

— Ну да, живые, это настоящая трава. Бен заплатил большие деньги, чтобы устроить этот газон. Одно только освещение стоит больше, чем я зарабатываю в месяц. Так что ходи, получай удовольствие.

Смит не понял ничего, кроме того, что трава была живая, и что ему предлагали по ней ходить.

— Ходить по живому? — спросил он с недоверием и ужасом.

— А почему бы и нет? Траве не больно. Она здесь именно для этого и растет.

Смит подумал, что брат по воде не будет учить его дурному. Он решился пройти по траве и почувствовал, что это действительно приятно, а трава не протестует. Он включил чувствитель-

ность на максимальный уровень и понял: брат прав, трава предназначена для того, чтобы по ней ходили. Он попытался одобрить это странное предназначение — человеку было бы так же трудно одобрить каннибализм, который для Смита как раз не был странным.

Джилл вздохнула:

— Хватит развлекаться. Неизвестно, как долго мы будем в безопасности.

— В безопасности?

— Нам нельзя оставаться здесь надолго. Скоро начнут проверять всех, кто сегодня выходил из Центра.

Джилл задумалась и наморщила лоб. Ее квартира не подходит, квартира Бена — тоже. Бен собирался отвезти Смита к Джаблу Харшоу. Но она не знает ни самого Харшоу, ни его адреса. Бен говорил, он живет где-то в Поконосе. Придется искать: больше деваться им некуда.

— Почему ты несчастлив, брат?

Джилл вздрогнула и взглянула на Смита. Бедное дитя и не подозревает, как все плохо. Она попыталась оценить ситуацию с его точки зрения. Хоть это ей и не удалось, она поняла, что он не понимает, что им нужно бежать… От кого? От полиции? От больничного начальства?.. Она не

знала, что совершила, какие законы преступила; Джилл полагала, что всего лишь противопоставила себя большим людям, боссам.

Как объяснить Человеку с Марса, против кого они восстали, если она и сама этого не знает? Есть ли на Марсе полиция? С ним говорить — все равно что кричать в водосточную трубу!

А есть ли на Марсе водосточные трубы? Или дождь?

— Не обращай внимания, — ответила ему Джилл. — Самое главное — делай, как я говорю.

— Да.

Безграничное согласие, вечное «да». Джилл вдруг почувствовала, что он выпрыгнет из окна, если она его об этом попросит. Она была права — он бы выпрыгнул и наслаждался каждой секундой падения с двадцатого этажа, и удар, и смерть принял бы без удивления и протеста. Смит не понял бы, что это смерть; в нем не был воспитан страх смерти. Если бы его брат по воде выбрал для него такой необычный способ дематериализации, он согласился бы с этим способом и попытался бы его понять и принять.

— Нам нельзя здесь оставаться. Поедим, я дам тебе другую одежду, и пойдем. Раздевайся. — И она отправилась изучать гардероб Бена.

Джилл выбрала дорожный костюм, берет, рубашку, белье, туфли и вернулась к Смиту. За это время он успел запутаться в одежде, как котенок в вязании. Рука и голова были связаны подолом платья: он стал снимать платье, не сняв пелерину.

— Батюшки! — воскликнула Джилл и бросилась к нему на помощь.

Она стащила с него одежду и сунула ее в мусоропровод. Этте Шер она потом заплатит, а полицейским — в случае чего — не к чему будет прицепиться.

— А теперь, дружок, прежде чем одеться в чистое, нужно принять ванну. Они там за тобой совсем не следили. Пойдем.

Будучи медицинской сестрой, Джилл привыкла к дурным запахам, однако, как настоящий медик, она была фанатичным приверженцем мыла и воды. Ей казалось, что Смита давно никто не мыл. Хотя от него не так уж сильно пахло, Джилл почему-то вспомнилась лошадь после скачек.

Смит с восхищением смотрел, как Джилл наполняет ванну. В палате К-12 была ванна, но Смит не знал, каково ее назначение; его обтирали мокрой тканью, да и то редко: когда он впадал в транс, к нему боялись притрагиваться.

Джилл проверила температуру воды.

— Отлично. Лезь в воду.

Смит смотрел недоуменно.

— Живо! — скомандовала Джилл. — Лезь в воду.

Все слова были понятны, и Смит подчинился приказу, дрожа от волнения. Брат требует погрузить в воду все тело! О такой чести он и не помышлял. Он не помнил, чтобы кто-либо вообще удостоился такой привилегии. Смит начал понимать, что эти существа состоят в более близких отношениях с влагой жизни. Это невозможно понять, но нужно принять.

Смит погрузил в воду сначала одну дрожащую ногу, потом другую… и нырнул в ванну с головой.

— Эй! — закричала Джилл и вытащила его голову на поверхность. Ей показалось, что он мертв. Боже милостивый! Не успел же он за это время утонуть!? Испуганная, она стала трясти Смита:

— Смит! Очнись же! Очнись!

Издалека Смит услышал призыв брата и вернулся. Глаза его заблестели, сердцебиение ускорилось, дыхание восстановилось.

— Ты себя нормально чувствуешь? — спросила Джилл.

— Мне хорошо. Я очень счастлив… брат мой.

— Ты меня перепугал. Не ныряй больше. Как сейчас сидишь, так и сиди.

— Да, брат мой, — Смит добавил еще что-то на своем языке, зачерпнул ладонью воду так бережно, как будто это было жидкое золото, и поднес ее к губам. Прикоснувшись к воде губами, он протянул руку Джилл.

— Что ты делаешь! Не пей эту воду! И я ее пить не буду!

— Не будешь пить?

Его лицо выразило такую беспомощную обиду, что Джилл растерялась. Подумав, она нагнулась и коснулась воды губами.

— Спасибо.

— Пусть тебе никогда не придется испытать жажду!

— Я желаю того же и тебе. Но не пей, пожалуйста, эту воду. Если хочешь пить, скажи, я дам тебе другой воды.

Смит с умиротворенным видом откинулся назад. Джилл уже поняла, что он еще ни разу не принимал ванны и не знает, чего от него хотят. Конечно, можно было научить его этому, но время дорого!

А, ладно! Это хотя бы не так противно, как во-

зиться в больнице с брюзжащими стариками. Ее блузка промокла, когда она вытаскивала Смита из-под воды. Джилл сняла блузку и повесила на плечики. На ней была еще плиссированная юбка. Конечно, складки пропитаны специальным составом, но лишний раз мочить юбку не стоит. Джилл сняла и ее и осталась в бюстгальтере и трусиках.

Смит смотрел на нее с любопытством ребенка. Джилл покраснела и сама себе удивилась. Она считала себя свободной от излишней стыдливости; вдруг вспомнился первый поход на нудистский пляж, когда ей было пятнадцать лет. Но этот детский взгляд смущал ее. Джилл решила дальше не раздеваться, пусть уж лучше белье будет мокрым.

Свое смущение она постаралась скрыть проявлением заботы:

— Ну-ка, давай займемся мытьем!

Джилл наклонилась над ванной, налила в воду шампунь и стала взбивать пену. Смит тем временем вынул из воды руку и дотронулся до ее правой груди. Джилл отодвинулась.

— Ты что? Этого не надо!

Смит посмотрел на нее так, как будто она дала ему пощечину.

— Не надо? — спросил он в отчаянии.

— Нет, — твердо сказала Джилл и уже мягче добавила. — Не нужно меня отвлекать, нам надо торопиться.

Джилл вынула пробку, выпуская воду из ванны, и поставила Смита под душ. Потом включила сушилку и стала одеваться. Поток теплого воздуха испугал Смита, он задрожал. Джилл велела ему не бояться и держаться за поручень. Помогая Смиту выходить, она заявила:

— Ну, вот. Теперь от тебя пахнет свежестью, и, держу пари, ты чувствуешь себя лучше.

— Чувствую себя отлично.

— Хорошо. Давай одеваться.

Джилл повела Смита в спальню Бена. Она как раз показывала ему, как надевать шорты, когда прозвучал грозный голос:

— Откройте дверь!

Джилл уронила шорты. Откуда они узнали, что в доме кто-то есть?! Наверное, это робот-такси, черт бы его взял! Открыть? Или затаиться?.. Приказ повторили по внутреннему переговорному устройству. Джилл шепнула Смиту: «Сиди здесь», — и пошла в гостиную.

— Кто там? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— Именем закона, откройте!

— Именем какого закона? Не шутите! Скажите, кто вы, или я вызову полицию!

— Мы и есть полиция. Вы Джиллиан Бордмэн?

— Я? Я — Филлис О'Тул и жду мистера Кэкстона. Я сейчас позвоню в полицию и скажу, что вы нарушаете закон о неприкосновенности жилища!

— Мисс Бордмэн, у нас есть ордер на ваш арест. Откройте, иначе вам будет хуже.

— Я не мисс Бордмэн, и я вызываю полицию.

Ей не ответили. Джилл ждала. Вскоре она почувствовала тепло. Дверной замок стал красным, затем белым. Что-то хрустнуло, и дверь открылась.

Вошли двое мужчин. Один ухмыльнулся и сказал:

— Вот эта баба. Джонсон, посмотри, где марсианин.

— Слушаюсь, мистер Берквист.

Джилл преградила Джонсону путь. Он отодвинул ее и направился в спальню.

Джилл резким голосом спросила:

— Где ваш ордер? Это преступление!

Берквист примирительно проговорил:

— Не вредничай, голубушка. Веди себя прилично, иначе для тебя это плохо кончится.

Джилл попыталась ударить его ногой. Он ловко отступил.

— Вот непослушная, — пожурил он. — Джонсон, ты нашел его?

— Он здесь, мистер Берквист! Стоит, в чем мать родила. Что они тут делали?

— Неважно. Веди его сюда.

Появился Джонсон. Он заломил Смиту руку за спину и толкал его перед собой:

— Он не хочет идти.

— Захочет.

Джилл, проскочив мимо Берквиста, бросилась на Джонсона. Тот отшвырнул ее в сторону:

— Не лезь, шлюха!

Джилл повезло: Джонсон ударил ее не так сильно, как бил свою жену или упрямых арестованных.

До сих пор Смит не проявлял никаких чувств и ничего не говорил. Он молча покорялся, ничего не понимая и ничего не предпринимая. Когда же он увидел, что на его брата по воде подняли руку, то рванулся, высвободился, надвинулся на Джонсона, и… Джонсон исчез.

Только примятая трава говорила о том, что он стоял здесь. Джилл смотрела на траву и была близка к обмороку.

Берквист подобрал отвисшую челюсть и хрипло спросил:

— Что вы с ним сделали? — он посмотрел на Джилл.

— Я? Я ничего не делала.

— Так я и поверил. У вас здесь, наверное, люк или что-то в этом роде?

— Да нет! Куда делся ваш человек?!

Берквист провел языком по губам:

— Откуда я знаю? — он вынул из внутреннего кармана пистолет. — Со мной ваши трюки не пройдут. Ты стой здесь, а я займусь им.

Смит вернулся к пассивному ожиданию. Он не понимал происходящего и делал лишь минимум того, что от него требовалось. Оружие в руках людей он уже видел (это было на Марсе), и выражение лица Джилл, на которую был направлен пистолет, ему не понравилось. Он понял, что настал тот критический момент роста живого существа, когда за созерцанием должно последовать действие, дающее возможность дальнейшего роста. Смит начал действовать.

У Старших Братьев он прошел хорошую школу. Смит шагнул к Берквисту — тот перевел оружие на него. Смит сделал еще шаг — и Берквиста не стало.

Джилл закричала. Смит побледнел. Неужели он опять поступил неправильно? Он умоляюще взглянул на Джилл и задрожал; его глаза закатились, он упал, свернулся в комочек и застыл.

Джилл прекратила истерику. Больному нужна ее помощь! Не время плакать, не время гадать, куда исчезли непрошеные гости. Она опустилась на колени и стала осматривать Смита.

Дыхания не было, пульс не прощупывался, Джилл приложила ухо к груди Смита. Ей показалось, что и сердечная деятельность прекратилась, но через некоторое время она услыхала ленивое «тук-тук», а через пять секунд — еще такое же «тук-тук».

Состояние больного было похоже на транс, но такого глубокого транса Джилл не видела даже на сеансах гипнотической анестезии. Она слышала, что факиры-индусы умеют входить в такое состояние, но не могла этому поверить.

В обычной ситуации Джилл не решилась бы самостоятельно приводить больного в чувство, а вызвала бы врача. Но ситуация была необычной. Последние события нисколько не поколебали Джилл, а, напротив, укрепили ее в нежелании отдавать Смита в руки властей. После десяти минут безуспешной возни Джилл поняла, что

ничего не выйдет.

В спальне Бена она отыскала большой старый чемодан. В нем лежали магнитофон, бритвенный прибор, смена белья и другие вещи, которые могут пригодиться репортеру в дороге (даже аппарат для подключения к телефонной линии). Джилл отметила, что причина отсутствия Бена не та, которую назвал Килгаллен, поскольку чемодан на месте.

Она не стала терять времени: опустошила чемодан и понесла его в гостиную. Смит был тяжелее ее, но в больнице она привыкла таскать больных, и ей удалось засунуть Смита в чемодан. Чтобы закрыть чемодан, пришлось разогнуть тело Смита и согнуть его по-другому. Тело Майкла не поддавалось резким усилиям, но уступало настойчивому мягкому воздействию. В углы чемодана Джилл насовала тряпок Она хотела проделать в нем еще отверстия для воздуха, но не смогла. Подумав, она решила, что при таком слабом дыхании и замедленном обмене веществ Смит и так не задохнется.

Обеими руками Джилл едва подняла свою ношу; нести такую тяжесть она не могла. К счастью, чемодан был на колесиках. Безобразно помяв траву, Джилл стащила его на паркет.

На крышу она не поехала: с нее было достаточно полетов в такси. Джилл спустилась на первый этаж и вышла через служебную дверь. По дороге ей попался молодой человек, наблюдавший за выгрузкой продуктов из ресторана. Он посторонился и пропустил Джилл:

— Эй, сестричка, что у тебя в чемодане?

— Тело! — отрезала Джилл.

— Что ж, каков вопрос — таков ответ. Учту на будущее.

Часть II
АСТРОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО
Глава 9

…Каждый день на третьей от Солнца планете насчитывается на двадцать три тысячи человек больше, чем накануне, хотя для пяти миллиардов землян такой прирост является незначительным…

Верховный Суд осудил Королевство Южная Африка за дискриминацию белого меньшинства…

Собравшиеся в Рио законодатели мод постановили, что юбки должны стать длиннее и животы следует прикрывать…

Оборонительные устройства Федерации вращаются на околоземной орбите, грозя смертью каждому, кто посмеет нарушить покой планеты (его нарушали торговые космические корабли)…

На берегах Гудзона осело на полмиллиона передвижных домиков больше, чем в то же время в прошлом году…

Ассамблея Федерации объявила китайский рисовый пояс зоной голода…

Синтия Дачесс, известная как самая богатая женщина в мире, дала отставку шестому мужу…

Преподобный доктор Дэниэл Дигби, Верховный Епископ Церкви Нового Откровения (фостеритской) объявил, что назначил ангела Азриэля руководить сенатором Федерации Томасом Буном и ожидает божественного знамения сегодня вечером… (Службы новостей передавали подобные сообщения вполне серьезно, так как фостериты, случалось, громили редакции за их слишком вольные комментарии)…

У миссис и мистера Гаррисон Кэмпбелл VI родился сын от специально нанятой женщины; счастливые родители были в это время на курорте в Перу…

Доктор Горацио Квакенбуш, преподаватель изящных искусств в Йельской духовной семинарии, призвал к возрождению веры и возвышению духовных ценностей…

Трое специалистов по бактериологическому оружию задержаны в Торонто за моральную неустойчивость; они заявили, что обжалуют дело в Верховном Суде…

Верховный Суд Федерации приступил к рассмотрению переданного из Верховного Суда Соединенных Штатов дела «Рейнсберг против штата Миссури»…

Его Превосходительство Джозеф Э. Дуглас, Ге-

неральный Секретарь Всемирной Федерации свободных государств, завтракал и думал, почему ему не дают спокойно выпить чашку кофе. Сканирующее устройство с обратной связью считывало ему сообщения, подобранные ночной сменой референтов из последних выпусков газет. Слова стояли на экране сканера до тех пор, пока Дуглас смотрел на них. Сейчас Генеральному Секретарю не нужна была газета, он смотрел на экран, чтобы не смотреть на жену, сидевшую напротив.

— Джозеф!

Дуглас оторвал взгляд от экрана; текст исчез.

— Да, дорогая?

— Что у тебя случилось?

— Ничего особенного, дорогая.

— Джозеф, после того, как я промучилась с тобой тридцать пять лет, я знаю, случилось что-нибудь или нет.

«Что знает, то знает, этого у нее не отнимешь», — Дуглас смотрел на жену и удивлялся, как это ей удалось выжать из него бессрочный брачный контракт. В старые добрые времена, когда он был законодателем штата, она была его секретаршей. Сначала они заключили соглашение о трехмесячном сожительстве, чтобы платить не за два гостиничных номера, а за один. Они

договорились, что это чисто денежная операция, и их сожительство будет состоять в обитании под одной крышей, не более.

Дуглас попытался вспомнить, когда все переменилось. В биографии миссис Дуглас («Рядом с великими: История одной женщины») говорилось, что он сделал ей предложение во время подсчета голосов на своих первых победоносных выборах. Он был таким старомодным романтиком, что, оказывается, пообещал ей не разлучаться до самой смерти…

Бесполезно спорить с официальной версией.

— Джозеф! Отвечай!

— Ничего не случилось, дорогая, просто я плохо спал.

— Разумеется, плохо: тебя разбудили по какому-то делу.

А ведь их спальни отстоят друг от друга на тридцать метров!

— Откуда ты знаешь, дорогая?

— Женское чутье. Так какие новости принес тебе Брэдли?

— Прости, дорогая, у меня скоро заседание Совета, а я еще не просмотрел газеты.

— Джозеф Эджертон Дуглас, не увиливай от ответа!

Он вздохнул.

— Пропал этот идиот Смит.

— Смит? Человек с Марса? То есть как — «пропал»? Это смешно!

— Смешно это или грустно, дорогая, но он пропал. Исчез вчера из своей палаты.

— Каким образом?

— Вероятно, его переодели сестрой милосердия.

— Ладно, это не главное. Главное то, что он пропал. Скажи мне, пожалуйста, как вы собираетесь вернуть его обратно?

— Мы организовали поиски. Я поручил дело верным людям: Берквисту…

— Этому ослу? Да ты должен был поднять всю полицию, вплоть до последнего бездельника!

— Позволь, дорогая, ты не знаешь всех обстоятельств. Мы не можем поднять полицию. Официально Смит не пропал. Для публики мы держали другого, подставного Человека с Марса.

— Час от часу не легче. — Она побарабанила пальцами по столу. — Говорила же я тебе, что игры с двойниками добром не кончатся!

— Но, дорогая, не ты ли предложила подменить Смита двойником?

— Не я. И не перечь мне. Вызови сюда Берк-

виста.

— Берквист занят розысками Смита. От него еще не было известий.

— А я тебе скажу, что Берквист уже в Занзибаре. Он нас предал. Я ему никогда не верила. Когда ты нанимал его, я тебя предупреждала…

— Разве я его нанимал?

— Не перебивай… человек, который получает деньги от двух хозяев, найдет себе и третьего. — Она нахмурилась. — Джозеф, за этим стоит Восточная Коалиция. Вполне возможно, что на Ассамблее тебе предъявят вотум недоверия.

— Не вижу причин для беспокойства. Еще никто ничего не знает.

— Ради бога! Все всё узнают! Уж Восточная Коалиция об этом позаботится. Помолчи и дай мне подумать.

Дуглас замолчал. Он прочел в газете, что городской совет Лос-Анжелеса обратился к Федерации с просьбой о помощи в борьбе со смогом, поскольку Министерство здравоохранения в помощи отказало. Надо будет подкинуть Чарли что-нибудь, у него впереди избирательная кампания, будет кандидат от фостеритов… Акции Лунар Энтерпрайзез поднялись на два пункта…

— Джозеф!

— Да, дорогая?

— Наш Человек с Марса — настоящий, а тот, которого выдвинет Восточная Коалиция — подставной. Вот что нужно сказать.

— Но, дорогая, мы не можем этого утверждать.

— Что значит «не можем»? Мы ИНАЧЕ не можем!

— Так нельзя, дорогая. Ученые тут же обнаружат подмену. Если бы ты знала, чего мне стоило все это время прятать его от них!

— Ох уж эти мне ученые!

— Их нельзя не принимать в расчет, дорогая.

— В самом деле? Чего стоит их наука! Смесь догадок с суевериями! Давно пора ее запретить, а всех ученых — посадить! Единственная точная наука, Джозеф, — астрология!

— Я не знаю, дорогая. Я не разбираюсь в астрологии…

— Астрология существует не для того, чтобы ты в ней разбирался, а для того, чтобы ты ею пользовался.

— … а ученые — очень грамотные люди. Один профессор мне на днях рассказывал, что есть звезда, у которой удельный вес в шесть тысяч раз больше удельного веса свинца. Или даже в шестьдесят тысяч раз?.. Забыл.

— Господи! Да он все это выдумал! Молчи, Джозеф. Мы стоим на своем. Их марсианин — подставной. Пока они доказывают, что он настоящий, мы поднимаем Особую Службу и похищаем его. Если необходимы будут строгие меры или Смита застрелят при аресте за сопротивление властям — тем лучше, от него все равно толку не будет.

— Агнесс! Ты понимаешь, что говоришь?

— Ничего страшного я не говорю. Каждый из нас может споткнуться, упасть и убиться. Все мы в руках Господа.

— Смит мне нужен живым и здоровым.

— Тебя никто не заставляет его убивать. Ты просто должен принять необходимые меры. История тебя оправдает. Что важнее: благосостояние и покой пяти миллиардов людей или здоровье одного человека, который, к тому же, почти не гражданин?

Генеральный Секретарь молчал. Миссис Дуглас встала:

— Я не стану больше тратить время, доказывая тебе очевидное. Я еду к мадам Везан заказывать новый гороскоп. Я потратила лучшие годы жизни на то, чтобы сделать тебя тем, кто ты есть, и не хочу все потерять из-за твоей бесхребетности. Вытри яйцо с подбородка. — Она вышла.

Властитель чуть ли не всей планеты выпил еще две чашки кофе и только после этого нашел в себе силы отправиться на заседание. Бедняжка Агнесс! Он не оправдал ее надежд… и сейчас уже ничего не изменишь. Недостатки есть у всех, а она все время была верной, преданной женой… Наверное, устала от него… Но какое отношение это имеет к делу?

Дуглас расправил плечи. Катитесь все к черту! Он никому не позволит обойтись грубо с этим парнем, Смитом. Да, он путается у всех под ногами, но он такой беспомощный — рука не поднимается его обидеть. Если бы Агнесс видела, как он всего пугается, она бы так не говорила. Смит пробудил бы в ней материнские чувства… А есть ли у Агнесс материнские чувства? Глядя на нее, это трудно предположить. Однако наука утверждает, что материнские инстинкты присущи всем женщинам.

В любом случае, довольно плясать под ее дудку. Она говорит, что своим высоким положением он обязан ей, но он-то лучше знает, кто кому и чем обязан, да и отвечать за все придется ему. Дуглас гордо вскинул голову и вошел в зал Совета.

Весь день он ждал ехидного вопроса или тонкого намека, но ничего подобного не про-

изошло. Значит, как это ни маловероятно, факт исчезновения Смита еще не стал достоянием общественности. Генеральному Секретарю хотелось зажмуриться, тряхнуть головой и отогнать от себя этот кошмарный сон, но обстоятельства не позволяли. Более того, не позволяла жена.

Агнесс Дуглас не могла допустить, чтобы ее муж действовал самостоятельно. Его подчиненные выполняли ее распоряжения чуть ли не с большей готовностью, чем распоряжения самого Генерального Секретаря. Сначала миссис Дуглас послала за референтом мистера Дугласа по настроениям общественности (так Генеральный Секретарь именовал своего лучшего агента), затем обратила свою энергию на составление свежего гороскопа. В ее покоях был установлен телефонный аппарат специально для связи со студией мадам Везан. Миссис Дуглас включила аппарат. На экране появилось упитанное лицо мадам:

— Агнесс? Что-то случилось, дорогая? У меня Клиент.

— Твой телефон прослушивается?

— Конечно, нет.

— Тогда гони своего клиента.

Мадам Александра Везан не проявила ни ма-

лейшего неудовольствия.

— Минутку… — изображение на экране пропало, появилась заставка «Ждите».

В кабинет вошел человек. Это был Джеймс Сэнфорт, агент, за которым миссис Дуглас только что послала.

— Вы получили какое-нибудь сообщение от Берквиста?

— Я этим не занимаюсь. Спросите у Мак-Крэри.

Миссис Дуглас пропустила слова агента мимо ушей.

— Берквиста нужно срочно дискредитировать.

— Вы считаете, что он нас предал?

— Не будьте наивным. Прежде чем давать ему такое поручение, нужно было посоветоваться со мной.

— Его ведет Мак-Крэри.

— Вам также не мешает знать, что происходит. — Мадам Везан вновь появилась на экране. — Подождите за дверью.

Миссис Дуглас обернулась к экрану:

— Элли, дорогая, мне срочно нужны свежие гороскопы для меня и Джозефа.

— Хорошо, — предсказательница подумала и добавила: — Гороскоп будет более удачным, если вы, дорогая, сообщите мне, зачем он вам нужен.

Миссис Дуглас побарабанила пальцами по столу:

— Тебе обязательно это знать?

— Конечно, нет. Для составления гороскопа достаточно знать расположение звезд, математику и быть осведомленным о месте и времени рождения предмета. Вы, дорогая, могли бы этому легко научиться, если бы не ваша чрезмерная занятость… Но учтите: звезды говорят то, что мо́жет случиться, но не то, что действи́тельно случается. И если я хочу подробно проанализировать предсказания звезд и на основании этого анализа дать вам полезный совет, мне желательно знать, в каком направлении работать. Обращать больше внимания на Венеру или на Марс? Или…

— На Марс, — перебила миссис Дуглас. — Элли, мне нужен еще один гороскоп.

— Отлично. Для кого?

— Элли, я могу тебе полностью довериться?

Мадам Везан изобразила обиду:

— Агнесс, если вы мне не верите, лучше не консультируйтесь у меня. Обратитесь к кому-нибудь другому. Я не единственный адепт древнего искусства. Я слышала очень хорошие отзывы о профессоре фон Краусмейере, хотя он склонен… — она не договорила.

— Что ты, что ты! Я никому, кроме тебя, не доверю свою судьбу. Нас никто не может слышать на твоем конце линии?

— Конечно, нет, дорогая.

— Мне нужен гороскоп для Валентайна Майкла Смита.

— Валентайн Майкл… Человек с Марса?

— Да, да, Элли, его выкрали. Нам нужно его найти.

Два часа спустя мадам Александра Везан со вздохом облегчения встала из-за своего бюро. Ей пришлось отменить все встречи, назначенные на это время. Мадам потрудилась плодотворно: на столе лежал ворох листов, исписанных цифрами и исчерченных графиками. Александра Везан отличалась от других астрологов тем, что в своих расчетах использовала руководство по навигации и брошюру «Тайная наука судебной астрологии. Ключ к философскому камню», написанную ее покойным мужем профессором Симоном Магусом, гипнотизером, иллюзионистом и магом. Она верила его книге, как верила ему самому. Никто не мог составить гороскоп так, как Симон, особенно, когда он был трезв. Ему и книги-то были не нужны. Ей с ним никогда не сравниться: она без книг, как без рук. Расчеты ее

иногда не совсем точны: у Бекки Вези (это было ее настоящее имя) всегда было плохо с арифметикой — при умножении она частенько путала семерки с девятками.

Тем не менее, у мадам Везан получались хорошие гороскопы. У нее было много высокопоставленных клиентов.

Когда миссис Дуглас потребовала гороскоп для Человека с Марса, мадам Везан испугалась. У нее был подобный случай в молодости: профессор Симон должен был задавать ей вопросы, а какой-то идиот из зала потребовал, чтобы она отвечала с завязанными глазами. Еще тогда Бекки обнаружила, что у нее хорошая интуиция, поэтому сейчас, подавив страх, она продолжила игру.

Элли спросила у Агнесс точное место и время рождения Человека с Марса, уверенная, что они ей неизвестны. Однако запрошенная мадам Везан информация была в скором времени извлечена из бортового журнала «Посланца». Элли пришлось записать эти данные и пообещать позвонить, когда гороскопы будут готовы.

По прошествии двух часов мучительной арифметики предсказания для мистера и миссис Дуглас были готовы. Со Смитом ничего не получалось, и причина тому была проста и неис-

коренима: Смит родился не на Земле.

Астрологические талмуды не предусматривали такой возможности: их составители умерли еще до полетов на Луну. Мадам Везан решила вести расчеты по обычной схеме, сделав поправку на смещение в пространстве, однако сразу же запуталась в массе новых неразрешимых вопросов. Но главное — Элли не могла поручиться, что на Марсе знаки Зодиака те же, что и на Земле. А как же обойтись без знаков Зодиака? В детстве она так же мучилась с кубическими корнями и из-за этого бросила школу.

Мадам Везан достала тонизирующее средство, которое держала специально для таких случаев, и приняла двойную дозу. «А как бы поступил на моем месте Симон?» — подумала она. Ей даже почудился его голос: «Больше уверенности, девочка! Верь себе, и дураки тебе тоже поверят. Они за это платят».

Элли приободрилась и принялась переводить цифры и графики в слова. Написав предсказания для Дугласов, она обнаружила, что ей не составит труда сочинить прогноз и для Смита. Слова, ложась на бумагу, становились правдивыми. Мадам Везан уже заканчивала работу, когда позвонила Агнесс Дуглас:

— Элли! Ты еще не закончила!?

— Осталось буквально два слова. Вы знаете, дорогая, гороскоп Смита представляет собой серьезную и оригинальную научную проблему. Поскольку Смит рожден на другой планете, мне пришлось вести расчеты по-новому. Влияние Солнца на предмет ослаблено, воздействие Луны почти отсутствует. Юпитер действует абсолютно не так…

— Элли, мне все равно! Мне нужен результат.

— Он сию минуту будет готов.

— Слава Богу! Я уже думала, что ты расписываешься в своей несостоятельности.

Мадам Везан изобразила оскорбленное достоинство:

— Дорогая моя, наука — всегда наука, а истина — всегда истина. Меняется лишь ее оболочка. Наука, предсказавшая место и время появления на свет Христа, наука, сообщившая Цезарю дату и причину его смерти, — правдива и вечна.

— Да, конечно.

— Вы готовы слушать?

— Постой, я включу запись. Читай.

— Агнесс, в вашей жизни наступил переломный момент. У вас еще никогда не было такого тревожного положения звезд. Прежде всего вам

не следует нервничать и торопиться: каждый шаг должен быть тщательно продуман. В целом все складывается благоприятно… Повторяю, не следует спешить и расстраиваться по пустякам, — она продолжала давать советы. Бекки Вези всегда давала полезные советы оттого, что сама верила в их полезность. У Симона она научилась находить для клиента лазейку к счастью даже при самом неблагоприятном расположении светил.

Напряжение на лице Агнесс понемногу исчезло, она стала согласно кивать.

— Теперь вы понимаете, что исчезновение Смита необходимо — это подтверждают и остальные гороскопы. Не волнуйтесь: он найдется, и очень скоро. Самое главное — не драматизировать события. Сохраняйте спокойствие.

— Да, конечно.

— И еще. Венера доминирует над Марсом. Венера в данном случае ассоциируется с «вами, а Марс — с вашим мужем и юношей Смитом (как уникальное обстоятельство его рождения). Таким образом, на вас ложится двойная ответственность, и вы должны быть достойны ее. Вы должны проявить свое женское начало, заключающееся в спокойной мудрости и сдержанности, должны поддержать и направить мужа, успо-

коить и утешить его. Вы должны быть доброй и мудрой, как сама мать-Земля. Я чувствую в вас этот дар. Используйте же его.

Миссис Дуглас вздохнула:

— Элли, ты просто чудо! Я не знаю, как благодарить тебя!

— Я всего лишь скромная ученица великих мастеров древности. Благодарите их.

— Их я поблагодарить не могу, поэтому выражаю признательность тебе. С меня причитается.

— Спасибо, Агнесс, не нужно. Оказать вам услугу — честь для меня.

— А для меня честь — вознаградить тебя за услугу. Ни слова больше, Элли! — Мадам Везан дала себя уговорить и отключилась с чувством выполненного долга. Теперь она знала, что верно истолковала расположение светил. «Бедная Агнесс! Какое счастье облегчить ее тернистый путь, снять с нее часть нелегкой ноши!» — мадам Везан была горда тем, что ей удалось помочь миссис Дуглас.

Да и как же не гордиться! Она ведь почти на равных с женой Генерального Секретаря. Кто еще может этим похвастать? Юная Бекки Вези была такой ничтожной, что председатель местного избирательного комитета все время забывал, как

ее зовут, хотя не забывал заглянуть в вырез ее блузки. Бекки Вези не обижалась: она любила людей. Она любила Агнесс Дуглас. Она всех любила.

Мадам Вези посидела еще, греясь в лучах славы, выпила еще тонизирующего, и тут ее осенило. Она позвонила своему брокеру и приказала ему продать акции Лунар Энтерпрайзез.

— Элли, — усмехнулся он, — голодание вредно отражается на твоих умственных способностях.

— Слушай, Эд. Когда их курс упадет на десять пунктов, продай все акции, даже если ниже курс опускаться не будет. Когда же их курс поднимется пункта на три — покупай… А когда они доберутся до сегодняшнего уровня — снова продай.

Эд долго молчал, потом попросил:

— Элли, ты что-то знаешь? Скажи дяде Эду.

— Звезды кое-что шепнули мне, Эд.

Эд высказал предположение, невозможное с точки зрения астрологии.

— Что ж, не хочешь — не надо. У меня никогда не хватало совести на нечестную игру. Ты не будешь возражать, если я прокручу по твоей схеме и от себя?

— Играй, только осторожно. Сатурн стоит между Девой и Львом — положение щекотливое.

— Как скажешь, Элли.

Миссис Дуглас, получив от Элли подтверждение своим догадкам, взялась за дело: она потребовала принести досье Берквиста и отдала распоряжение о подрыве его репутации; она вызвала начальника Особой Службы Твитчелла — он вышел бледный и целый день ел поедом своего помощника; она поручила Сэнфорту выпустить еще одну передачу о Человеке с Марса и в ходе этой передачи сообщить, что по сведениям, исходящим из близких к правительству кругов, Смит собирается или даже уже отправился в Анды, где климат похож на марсианский. После этого миссис Дуглас задумалась над тем, как заставить Пакистан замолчать.

Она потребовала к себе мужа и убедила его поддержать Пакистан в его притязаниях на львиную долю кашмирского тория. (Он и сам собирался так поступить, поэтому легко дал себя уговорить, проглотив упрек в том, что еще вчера возражал против этой идеи). Урегулировав пакистанский вопрос, миссис Дуглас отправилась выступать перед Дочерьми Второй Революции с лекцией на тему «Материнство в новом мире».

Глава 10

В то время, как миссис Дуглас разглагольствовала о том, о чем не имела ни малейшего представления, Джабл Э. Харшоу, член коллегии адвокатов, доктор медицины, доктор естественных наук, бонвиван, гурман, сибарит, популярный автор и философ-неопессимист, сидел на краю бассейна у себя в Поконосе и наблюдал за плещущимися в воде тремя его секретаршами. Все они были очень красивыми женщинами и на редкость толковыми работниками. (Харшоу любил сочетать приятное с полезным). Энн была блондинкой, Мириам — рыжеволосой, а Доркас — брюнеткой; фигуры у них тоже различались: от пышной булочки Энн — до изящной статуэтки Доркас. Самая младшая была на пятнадцать лет моложе самой старшей, но самую старшую было трудно выделить. Харшоу напряженно работал. Большая часть его существа наблюдала за хорошенькими женщинами, резвящимися в воде, а маленькая частичка, звуко- и светонепроницаемая, сочиняла. Харшоу утверждал, что способ его творчества заключается в разделении организма: зрение, осязание и половые железы — сами по

себе, а головной мозг — сам по себе. Его бытовые привычки подтверждали эту теорию. На столе стоял магнитофон, но Харшоу пользовался им лишь для заметок. Готовый текст он диктовал стенографистке, следя за ее реакцией. Харшоу как раз приготовился диктовать и позвал:

— Ближняя!

— Это Энн, — ответила Доркас. — Она плескалась ближе всех.

— Нырни и достань ее.

Брюнетка нырнула; через несколько секунд Энн вышла из бассейна, вытерлась, надела платье и села у стола. Она молчала и не шевелилась: абсолютная память позволяла ей обходиться без стенографической машинки.

Харшоу достал бутылку из ведерка со льдом, налил бренди в стакан, отхлебнул и сказал:

— Энн, я придумал душещипательную вещицу… Котенок под рождество зашел в церковь погреться. Он голодный, холодный и одинокий. К тому же у него перебита лапа… Начнем: «Снег падал и падал…»

— Какой вы берете псевдоним?

— Молли Уодсуорт — эдакое корявое имечко. А название — «Чужие ясли». Поехали.

Харшоу диктовал и смотрел на Энн. Когда из-

под ее опущенных ресниц потекли слезы, Харшоу улыбнулся, закрыл глаза и тоже заплакал. Когда он закончил диктовать, у них обоих были одинаково мокрые щеки и умиленные души.

— Тридцать, — оценил свое творение Харшоу, — отошли его куда-нибудь в издательство, смотреть на него не могу.

— Джабл, вам когда-нибудь бывает стыдно?

— Никогда!

— В один прекрасный день я прослушаю ваш очередной опус, разозлюсь и лягну вас в пузо.

— Уноси ноги… и все остальное, пока не разозлился Я!

— Слушаюсь, босс! — и, подойдя сзади, Энн поцеловала его в лысину.

— Ближняя! — завопил снова Харшоу, и к нему выбежала Мириам.

Ожил громкоговоритель, установленный на крыше дома:

— Босс!

Харшоу произнес короткое слово, Мириам хихикнула.

— Что тебе, Ларри?

— К вам с визитом дама, а с ней тело.

Харшоу подумал.

— Она хорошенькая?

— Гм… да.

— Что ж ты резину тянешь? Впусти ее, — Харшоу откинулся в шезлонге. — Начнем: «Городской пейзаж, затем интерьер. На стуле с высокой прямой спинкой сидит полисмен, без фуражки, воротник расстегнут, на лбу пот. Между полицейским и зрителем, спиной к зрителю стоит человек Он замахивается, вынося руку за кадр, и бьет полисмена по лицу…» — Харшоу остановился. — Продолжим позже.

К дому подъехал автомобиль. За рулем сидела Джилл, рядом с ней — молодой человек. Автомобиль остановился, и молодой человек поспешно вышел.

— Вот она, Джабл.

— Я вижу. Здравствуй, девочка. Ларри, а где же тело?

— На заднем сидении, босс. Под одеялом.

— Это не тело, — запротестовала Джилл. — Это… Бен сказал, что вы… Я хочу сказать… — она понурила голову и заплакала.

— Не надо плакать, голубушка, — мягко произнес Харшоу, — редкое тело стоит слез. Доркас, Мириам, займитесь ею. Дайте ей чего-нибудь выпить и умойте ее.

Харшоу заглянул на заднее сидение, поднял

одеяло. Джилл вырвалась из рук Мириам и резко сказала:

— Да послушайте же меня, наконец! Он не умер! Не должен был умереть! Он… Господи! — она снова заплакала. — Я такая грязная… и устала…

— Похоже, что это все-таки труп, — вслух рассуждал Харшоу. — Температура тела приближается к температуре окружающей среды, типичное трупное окоченение. Когда он умер?

— Он не умер! Вытащите его оттуда! У меня больше нет сил его таскать.

— Конечно. Ларри, помоги мне. Фу, какой ты зеленый! Отойди в сторонку и сунь два пальца в рот — полегчает.

Мужчины вынули Валентайна Майкла Смита из машины и положили его на траву; он так и лежал согнутый. Доркас принесла стетоскоп, включила его и настроила. Харшоу надел наушники, послушал.

— Боюсь, вы ошиблись, — мягко обратился он к Джилл. — Я не смогу ему помочь. Кто это был?

Джилл вздохнула. Ни в ее лице, ни в голосе не было жизни.

— Человек с Марса. Я так старалась…

— Я не сомневаюсь… Человек с Марса?!

— Да. Бен, Бен Кэкстон… сказал, что к вам мож-

но обратиться.

— Бен Кэкстон? Я польщен доверием… Т-с-с! — Харшоу жестом приказал всем молчать. Удивление все сильнее проступало на его лице. — Сердце! Ну и горилла же я! Доркас, живо наверх! Третий ящик в запертой части холодильника. Пароль — «сладкий сон». Принесешь весь ящик и шприц на кубик.

— Иду!

— Доктор, никакой стимуляции!

Харшоу обернулся к Джилл:

— Что?

— Простите, сэр, я всего лишь медсестра, но это особый случай. Я знаю, что нужно делать.

— Г-м… сорок лет назад мне стало ясно, что я не Господь Бог, десять лет спустя — что я не Эскулап. Что же нужно делать?

— Нужно попробовать его разбудить. Иначе, что бы вы ни делали, он будет уходить все глубже и глубже.

— Вперед! Только не топором. А потом попробуем мои методы.

— Хорошо, сэр, — Джилл опустилась на колени и принялась выпрямлять конечности Смита.

Это ей удалось; брови Харшоу поползли вверх. Джилл положила голову Смита к себе на колени

и нежно позвала:

— Проснись! Это я, твой брат по воде.

Его грудь медленно поднялась. Смит глубоко вздохнул, открыл глаза, увидел Джилл и улыбнулся детской улыбкой. Потом он посмотрел вокруг, и его улыбка погасла.

— Не волнуйся, — успокоила его Джилл, — это друзья.

— Друзья?

— Да. Все они — твои друзья. Не волнуйся и не уходи больше. Все хорошо.

Смит лежал, глядя на мир широко открытыми глазами, и был доволен, как кот у камина.

Через полчаса и его, и Джилл отправили в постель. Прежде чем подействовала таблетка, которую дал Харшоу, Джилл рассказала ему, в чем дело.

Харшоу осмотрел машину, в которой приехала Джилл. Она была взята напрокат на станции в Ридинге.

— Ларри, ты пустил ток по ограде?

— Нет.

— Пусти. Сотри с этой колымаги все отпечатки пальцев, отгони ее, когда стемнеет, в противоположную от Ридинга сторону, вот, скажем, в Ланкастер, и оставь в кювете. Потом езжай в Фи-

ладельфию, оттуда — в Скрэнтон, а оттуда можно и домой.

— Будет сделано, Джабл. Скажите, он действительно Человек с Марса?

— К сожалению, да. Поэтому, если тебя поймают в этой вагонетке, то будут допрашивать с большим пристрастием.

— То есть лучше ограбить банк, чем связываться с ним?

— Вот именно.

— Босс, вы не будете возражать, если я останусь ночевать в Филли?

— Как хочешь. Я только не понимаю, что можно ночью делать в Филадельфии? — Харшоу отвернулся. — Ближняя!

Джилл проспала до обеда и проснулась в отличном настроении. Она вдохнула запах жареного мяса и подумала, что доктор дал ей не успокаивающее, а снотворное. Пока она спала, кто-то унес ее рваную, грязную одежду и повесил на стул вечернее платье. Платье оказалось Джилл впору, и она решила, что оно, должно быть, принадлежит Мириам. Джилл умылась, накрасилась, причесалась и спустилась в гостиную, ощущая себя совсем иначе, чем вчера.

Доркас, свернувшись в кресле калачиком, вяза-

ла кружево; она кивнула Джилл, как члену семьи, и вновь углубилась в работу. Харшоу смешивал что-то в матовом графине.

— Выпьешь? — спросил он.

— Да, спасибо.

Харшоу до краев наполнил большие стаканы и подал один из них Джилл.

— Что это? — спросила она.

— Мое фирменное блюдо: треть водки, треть соляной кислоты, треть раствора для батареек, две щепотки соли и прошлогодняя муха.

— Выпейте виски с содовой, — посоветовала Доркас.

— Занимайся своим делом, — отверг ее совет Харшоу. — Соляная кислота способствует пищеварению, а муха — это белки.

Он поднял стакан и торжественно произнес:

— За наши благородные души! Нас так мало осталось! — и осушил стакан.

Джилл сделала глоток, потом еще один. Чем бы ни было это зелье — это было как раз то, что ей требовалось. По телу Джилл разлилось тепло. Она выпила половину, Харшоу долил доверху.

— Видела своего приятеля?

— Нет, я не знаю где он.

— Я к нему только что заглядывал. Спит, как

младенец. Его надо назвать Лазарем — он так охотно воскрес… Он станет с нами обедать?

— Не знаю, доктор.

— Ладно, проснется — спрошу. Не захочет сидеть с нами — принесем ему персональный обед. У нас здесь остров свободы, дорогая. Каждый поступает, как хочет… а если поступает не так, как хочу я, то я его выгоняю к чертям собачьим. Кстати, я не люблю, когда меня называют доктором.

— Но, сэр!..

— Мне не нужен этот титул. Вот если бы меня называли доктором народного танца или рыбалки — другое дело! А официальные звания — все равно, что разбавленное виски, которого я в рот не беру. Называй меня просто Джабл.

— Хорошо, но медицинская степень много значит…

— Будет значить, когда для нее придумают такое слово, чтобы люди не путали врача со спортивным судьей. Девочка, какие у тебя отношения с этим парнем?

— Я рассказывала вам, док… Джабл.

— Ты мне рассказывала, что произошло, но не рассказала, почему. Джилл, я же видел, как ты с ним говорила. Ты в него влюблена?

— Вот еще! Чепуха какая!

— Вовсе нет. Ты женщина, он мужчина — премилое сочетание.

— Видите ли, Джабл, он сидел в больнице, как в тюрьме, и я, вернее, Бен, решил, что он в опасности, и что ему нужно помочь освободиться и вступить в свои права.

— Милая моя, я не верю в бескорыстные поступки. Насколько я могу судить по твоему внешнему виду, железы внутренней секреции у тебя работают нормально. Стало быть, они работают либо на Бена, либо на этого парня. Тебе следует уяснить для себя самой мотив поведения и, исходя из этого, решить, что делать дальше. В свою очередь, я хотел бы знать, чего ты хочешь от меня.

Джилл было трудно ответить на этот вопрос. С тех пор, как она перешла свой Рубикон, она думала только о том, как бы уйти от преследования. Ясных планов у нее не было.

— Я не знаю.

— Так я и предполагал. Я предположил также, что ты хочешь сохранить за собой место работы и диплом. Исходя из этого, я послал твоему шефу телеграмму из Монреаля, где сообщил, что тебя вызвали к серьезно больному родственнику. Я верно поступил?

Джилл почувствовала внезапное облегчение. В

последнее время она не думала о своей судьбе, но в глубине ее сознания затаилась горькая мысль о том, что она бесповоротно испортила себе карьеру. И вот…

— Большое спасибо, Джабл. Я еще не успела прогулять свое дежурство. По графику у меня сегодня выходной.

— Отлично. Что ты будешь делать дальше?

— Я еще не думала… Пожалуй, нужно связаться с банком и снять кое-какие деньги… — она остановилась, пытаясь вспомнить, сколько за ней числится. Сбережения ее были невелики, но она все время забывала, сколько у нее денег.

Харшоу так и не дал ей вспомнить.

— Как только ты позвонишь в банк, у тебя из ушей посыплются полицейские. Я тебе советую сидеть тихо, пока все не уляжется.

— Но я не хочу быть вам в тягость.

— А ты мне уже в тягость. Не переживай: не ты первая, не ты последняя. Никто не может быть мне в тягость против моей воли. Поэтому не волнуйся. Далее: ты говорила, что хотела помочь парню вступить в свои права. Ты рассчитывала на мое содействие?

— Бен сказал, что вы можете помочь…

— Какое право имел Бен за меня расписывать-

ся? Я не заинтересован в защите так называемых прав твоего приятеля. Его право на Марс писано вилами по воде. Я — юрист и понимаю, что к чему. Что же до денег, которые он должен унаследовать, то, исходя из некоторых фактов его биографии и наших странных обычаев, он имеет очень мало шансов что-то получить. Для него же лучше, если он не получит наследства. Если Бен рассчитывал на меня, то он сильно ошибался. Я не только не стану бороться за права Смита, но даже не стану читать в газетах, как за его права борется кто-то другой.

Джилл почувствовала себя одинокой и беззащитной:

— Тогда нам лучше уехать.

— Что ты! Зачем?

— Вы сказали…

— Я сказал, что не буду защищать его прав, как адвокат. Но я приму его, как гостя, у себя в доме. Он может оставаться здесь, сколько пожелает. Я просто хотел предупредить, что не собираюсь соответствовать вашим с Беном Кэкстоном романтическим представлениям обо мне и лезть для этого в политику. Милая моя, когда-то я думал, что делаю человечеству добро. Мне это льстило. Потом я обнаружил, что человечеству

не нужно, чтобы ему делали добро, наоборот, оно отвергает всякие попытки сделать ему добро. С тех пор я делаю добро только одному человеку — Джаблу Харшоу. — Он отвернулся. — Доркас, не пора ли обедать? Кто-нибудь что-нибудь делает в этом доме?

— Мириам готовит обед. — Доркас отложила вязание и встала.

— Я никак не могу понять, как они ухитряются распределять работу?

— Вы же не знаете, что такое работа, босс. — Она похлопала Джабла по животу. — А вот поесть никогда не забываете.

Прозвучал гонг, и все пошли к столу. Мириам устраивала обед по современной моде: на столе было много разных салатов. Она сидела во главе стола, прекрасная и холодная, как снежная королева. Появилось новое лицо — молодой человек немного старше Ларри; все называли его Дюк. С Джилл он вел себя так, как будто она уже давно здесь живет. Еду подавали неантропоморфные роботы, которыми управляла Мириам. Все было очень вкусным и, насколько Джилл могла судить, натуральным.

Харшоу, тем не менее, был недоволен. Он жаловался, что нож тупой, мясо жесткое; он обвинил

Мириам в том, что она подала остатки вчерашнего обеда. Джилл стало неловко за Мириам; остальные, казалось, ничего не слышали. Вдруг Энн отложила вилку.

— Он начал вспоминать, как готовила его мамочка, — заявила она.

— Он вспомнил, что он босс, — подхватила Доркас.

— Когда это было в последний раз?

— Дней десять назад.

— Давненько. — Энн глазами сделала знак Доркас и Мириам; те встали.

Дюк продолжал есть. Харшоу спохватился:

— Девочки, не за обедом же! Подождите!

Но те неумолимо приближались к Харшоу. Робот едва успел выскочить у них из-под ног. Энн схватила босса за ноги, Доркас и Мириам — за руки. Несмотря на его отчаянные вопли, они понесли его во двор. Вопли прекратились. Послышался всплеск. Девушки вернулись и, как ни в чем не бывало, продолжили обед.

— Еще салата, Джилл?

Пришел Харшоу, сменивший костюм на пижаму. Когда Харшоу уносили, робот накрыл его тарелку. Теперь он открыл ее, и Харшоу снова принялся за еду.

— Я остановился на том, что женщина, которая не умеет готовить, — это просто пустое место. Если меня не начнут обслуживать как следует, я всех уволю. Что на десерт, Мириам?

— Пирог с клубникой.

— Это уже на что-то похоже! Увольнение откладывается до среды.

После обеда Джилл пошла в гостиную. Ей хотелось посмотреть новости и узнать, скажут ли что-нибудь о ней. В гостиной стереовизора не оказалось. Джилл стала припоминать обстановку других комнат, но ничего похожего на стереовизор не вспомнила. Газет тоже не было видно, кругом валялись только книги и журналы.

Никто не входил. Интересно, который час? Джилл оставила наручные часы наверху, поэтому она стала оглядываться, ища часы на стене и не нашла их. Джилл покопалась в памяти и обнаружила, что в этом доме ей пока не попадались на глаза ни часы, ни календарь.

Она подумала, что можно лечь поспать. Взяла с полки книгу; это оказались «Просто сказки» Киплинга. Джилл забрала книгу с собой.

Кровать в комнате Джилл была оборудована по последнему слову техники. Там был автоматический массажер, кофеварка, монитор погоды,

читающий аппарат… Не хватало только будильника. Джилл подумала, что не проспит больше, чем сможет, и легла. Вставила книгу в читающий аппарат — и по потолку побежали слова. Вскоре пальцы Джилл разжались, выпустив блок управления. Свет погас, и Джилл уснула.

Джабл Харшоу уснул не так легко. Он был недоволен собой. Интерес к гостям угас и уступил место досаде. Пятьдесят лет назад он дал себе страшную клятву не подбирать бездомных кошек, а сейчас, расслабленный жрицами Венеры, подобрал сразу двоих, даже троих, если считать Кэкстона.

Он не подумал о том, что нарушал свой обет каждый год: последовательностью Харшоу не отличался. Ему не жалко было кормить еще двоих: не в его характере было считать деньги. Харшоу прожил более ста лет, испытал бедность, побывал богатым. Перемены в финансовом положении он воспринимал, как перемены погоды, и никогда не считал сдачу.

Он боялся, что по следу Джилл к его воротам придет полиция, и начнется скандал. Непременно придет и непременно начнется. Эта девчонка наверняка наследила, как корова в валенках.

До каких же пор люди будут стучать к нему в

дверь, задавать вопросы, взывать о помощи? А он будет принимать решения и помогать. Ему уже надоело думать и действовать, мысли о будущем раздражали его.

Трудно ожидать разумного поведения от человеческого существа; большинство людей прямо-таки напрашиваются на неприятности. Почему его до сих пор не оставили в покое? Он отгораживался, как мог. Ему казалось, что, предоставленный самому себе, он достигнет высшего блаженства, уйдет в нирвану, растворится в воздухе, как индийский факир. Когда же его оставят в покое?

Около полуночи он отложил взятую было сигарету — двадцать седьмую за день — и сел на кровати. Зажегся свет.

— Ближняя! — крикнул он в микрофон.

Вошла Доркас в халате и тапочках.

— Слушаю вас, босс, — зевнула она.

— Доркас, в течение последних двадцати или тридцати лет, я был никчемным паразитом.

Доркас снова зевнула:

— Это не новость.

— Нельзя успокаиваться. В жизни каждого человека наступает время, когда он перестает быть благоразумным. Он встает во весь рост и высту-

пает на борьбу со Злом во имя Добра и Свободы.

— О-о-о-о!

— Перестань зевать! Пришло время бороться!

— Я хотя бы оденусь.

— Разумеется. Подними остальных. У нас много работы. Вылей на Дюка ведро воды и вели ему отыскать и отремонтировать этот ящик. Я хочу послушать новости.

Доркас испугалась.

— Починить стереовизор?

— Вот именно. Если Дюк будет упрямиться, скажи ему, чтоб шел на все четыре стороны. Живо! У нас много дел!

— Хорошо, — неуверенно согласилась Доркас, — но, может быть, сначала измерим вам температуру?

— Успокойся, женщина!

Дюк настроил стереовизор как раз вовремя. Передавали второе сфабрикованное интервью с «Человеком с Марса». В комментариях сообщили, что Смит, по непроверенным пока сведениям, отправляется в Анды. «Дважды два — четыре», подумал Джабл и до утра повис на телефоне. На рассвете Доркас принесла ему завтрак: шесть сырых яиц, смешанных с бренди. Поедая яйца, Харшоу сделал вывод: долгая жизнь хороша тем,

что успеваешь познакомиться со многими влиятельными людьми, и в трудный момент есть кому позвонить.

Харшоу заготовил бомбу, но взрывать ее не спешил. Он ждал, чтобы сильные мира сего сами спровоцировали взрыв. Он понимал, что власти могут снова засадить Смита в больницу, ссылаясь на его невменяемость. С юридической точки зрения Смит был действительно невменяем; с медицинской — его можно было считать психопатом.

Харшоу определил у него сильный ситуационный психоз, проистекающий, во-первых, оттого, что Смит был воспитан чужой цивилизацией, а во-вторых оттого, что он был пересажен опять-таки в чужую цивилизацию. Будучи грудным младенцем, то есть находясь в начале развития, Смит успешно прижился в инородной среде. Сейчас он — взрослый человек с полностью сформировавшимися привычками и определившимся мышлением. Сможет ли он подстроиться под новые условия столь же успешно? Доктор Харшоу намеревался это выяснить. Впервые за много лет он почувствовал интерес к медицине.

Кроме того, ему хотелось подразнить власть имущих. В нем было больше стремления к

свободе, чем полагается по праву каждому американцу. Возможность противопоставить себя планетарному правительству приятно щекотала его самолюбие.

Глава 11

Вокруг заурядной звезды класса G, расположенный на задворках галактики средней величины, спокойно вращались планеты, как вращались они и за миллиарды лет до того. Четыре из них были достаточно велики для того, чтобы их можно было назвать планетами. Остальные — мелкие камешки, не заметные в свете звезды или затерянные в темноте космоса. Все планеты, как это водится, были подвержены странной форме энтропии, называемой жизнью. Температура на поверхности третьей и четвертой планет колебалась вокруг точки замерзания окиси водорода, поэтому там получили развитие сходные формы жизни, между которыми был вполне возможен достаточно успешный контакт.

Марсиан, живущих на четвертом камешке, не особенно волновали контакты с Землей. Куколки радостно прыгали по планете, учась жить; восемь из девяти куколок погибали в процессе обучения.

Взрослые марсиане, существенно отличающиеся от них обликом и сознанием, жили в сказочно красивых городах и были настолько же тихими, насколько куколки были буйными. Взрослые занимались умственной деятельностью.

Марсиане много работали в человеческом понимании этого слова: им нужно было управлять планетой, указывать растениям, когда и где расти, собирать и развивать выживших куколок, лелеять яйца, рожденные куколками, наблюдать за ними, поощрять их правильное созревание. Нужно было воспитывать яйца, уговаривать их отказаться от ребяческих выходок и пройти фазу метаморфоз. Это была далеко не вся жизнь, а лишь незначительная ее часть, как, например, прогулка с собакой для директора транснациональной корпорации. Впрочем, при взгляде на Землю со стороны, прогулка с собакой может показаться очень важным делом.

И марсиане, и люди были разумными существами, но развитие их интеллекта происходило в совершенно разных направлениях. Все мотивы человеческого поведения, все людские страхи и надежды были порождены трогательно прекрасным способом размножения людей. То же самое было верно для Марса, но только в зеркальном от-

ражении. Размножение марсиан происходило по обычной для этой галактики двуполой схеме, но совершенно иначе, чем на Земле. Земной биолог мог считать такое размножение половым, земной психолог — никогда! Все куколки на Марсе были женского пола, а все взрослые марсиане — мужского. Такое разделение существовало лишь с точки зрения биологической функции; социального разделения, определяющего всю жизнь человечества, на Марсе не было. Там нельзя было вступить в брак. Взрослые марсиане были огромными, как пещерные люди. Они были физически бездеятельны, но интеллектуально активны. Куколки были толстенькими пушистыми колобками, полными бездумной энергии. В психологии марсиан и людей не наблюдалось ничего общего. Полярность полов на Земле была одновременно и движущей, и направляющей силой всех человеческих поступков — от сочинения сонетов до создания атомной бомбы. Если кто-то сочтет это преувеличением, он может поинтересоваться, много ли в патентных бюро заявок на открытие способов стерилизации людей, много ли в музеях портретов евнухов?

Марсиане не обратили внимания на визиты земных кораблей. События, связанные с ними,

были слишком недавними и поэтому не имели значения. Если бы на Марсе были газеты, то в одном их номере могли бы уместиться события целого столетия. Контакт с иной цивилизацией не был нов для марсиан: подобное случалось в прошлом, повторится и в будущем. Действовать же, с точки зрения марсиан, следовало тогда, когда соседняя цивилизация будет полностью осмыслена (а на это уходил примерно миллион земных лет).

Важным событием на Марсе считалось совсем не то, что на Земле. Дематериализованные Старшие Братья мимоходом решили послать гнездящегося на Марсе человека на Землю, чтобы он узнал о ней побольше, и возвратились к действительно важным делам.

Незадолго до того (на Земле это было время правления императора Августа) марсианский художник начал создавать произведение искусства. По земным меркам оно могло быть названо одновременно поэмой, оперой и трактатом; это были определенным образом организованные эмоции. Человек не способен представить себе подобное творение, как слепой от рождения не может представить закат. Поэтому неважно, к какому виду искусства принадлежало произ-

ведение марсианского мастера. Важно было то, что он дематериализовался, не успев закончить свой шедевр.

Внезапная дематериализация была редкостью на Марсе. Марсиане считали, что жизнь должна являть собой законченное целое, а физическая смерть — наступать в специально отведенный, подобающий момент. Художник же так увлекся работой, что забыл уйти с холода. Когда его обнаружили, тело было уже непригодно для пищи. Но художник не ощутил своей дематериализации и продолжал творить.

Марсианское искусство делилось на две категории: в первую попадали работы живых взрослых марсиан, яркие, часто радикальные и примитивные, во вторую — творчество дематериализованных Старших Братьев, консервативное, сложное по форме и содержанию. Работы, принадлежащие к разным категориям, оценивались по-разному.

По каким же критериям оценивать работу неожиданно умершего мастера? Ее начал живой, материальный марсианин, а закончил бесплотный Старший Брат. Художник же, рассеянный, как все художники Вселенной, не заметил своего перехода в новое качество и продолжал работу

в прежнем, материальном стиле. Открыл ли он тем самым новую категорию искусства? Стоит ли в будущем практиковать дематериализацию в процессе творчества? Старшие Братья столетиями обсуждали захватывающие перспективы, а материальные марсиане с нетерпением ожидали окончательного решения.

Вопрос был вдвойне важным, потому что произведение являлось религиозным по содержанию (в земном понимании этого слова) и очень богатым эмоционально. В нем описывался контакт марсиан с населением пятой планеты — событие, произошедшее давно, но для марсиан памятное и важное в такой же степени, как для землян осталось незабываемым одно, казалось бы, самое рядовое распятие. Марсиане встретились с жителями пятой планеты, познали их и перешли к действую... В результате от пятой планеты[4] остались обломки... а также память и любовь марсиан. Это произведение являлось одной из многих попыток передать и обобщить прекрасный и сложный исторический опыт.

[4] Примечания: 4

Имеется в виду гипотетическая планета Фаэтон, якобы распавшаяся на множество астероидов. Сторонники гипотезы считают, что Фаэтон по массе не уступал Марсу и обращался вокруг Солнца по почти круговой орбите между Марсом и Юпитером. *(Прим. ред.)*

Однако, прежде чем оценивать произведение, нужно было договориться, с какой точки зрения его оценивать.

А это было нелегко.

На третьей планете Валентайн Майкл Смит был занят другими мыслями. Впрочем, он и не знал ничего об эпохальном произведении. Его воспитатель и братья воспитателя не отягощали ученика тем, чего он не в силах был понять. Смит знал о гибели пятой планеты, как всякий школьник Земли знает о гибели Трои. Но ему не показывали произведений искусства, которых он не мог осмыслить. Смит получил нестандартное воспитание: он знал и умел гораздо больше, чем юные марсиане, но гораздо меньше, чем взрослые. Его воспитатель и братья воспитателя с прохладцей относились к программе обучения чужака. Они изучали его самого и узнали о людях гораздо больше, чем люди сами о себе знали.

Смит был счастлив. У него появился новый брат по воде Джабл и вместе с ним обилие новых друзей; новых впечатлений было так много, что он не успевал их осмысливать. Он их только запоминал, чтобы впоследствии оживить и переработать.

Брат Джабл сказал, что новое место можно познать быстрее, если научиться читать. Смит отвлекся от созерцания и целый день просидел с Джилл над книгой. Он даже не плавал в бассейне в этот день, а это была большая жертва, поэтому по ночам он тоже читал. На закуску к Британской Энциклопедии Смит предпочитал медицинские и юридические книги Джабла. Однажды брат Джабл, видя, как Смит листает книгу, остановился и стал задавать вопросы по прочитанному. Смиту это напомнило, как его экзаменовали Старшие Братья. Джабл, по-видимому, был недоволен ответами, и Смит решил, что книгу нужно обдумать. Он был полностью уверен, что отвечал теми же словами, что вычитал в книге, хотя не все слова ему были понятны.

Однако с бассейном не могло сравниться ничто, особенно когда с ним купались Джилл, Мириам, Ларри и все остальные. Смит не сразу научился плавать, но заметил, что умеет то, чего не умеют

остальные. Он опускался на дно и блаженствовал там. Его вытаскивали и ругали, и если бы Смит не понимал, что все хотят ему добра, он уходил бы в транс.

Как-то он продемонстрировал свое умение Джаблу, просидев на дне очень долго; потом пытался научить этому Джилл, но она боялась, и Смит не решился настаивать. Когда Смит впервые понял, что новые братья могут не все, что может он, ему пришлось долго ломать над этим голову.

Смит был счастлив, чего нельзя было сказать о Харшоу. Джабл бездельничал, иногда отвлекаясь, чтобы понаблюдать за редким подопытным животным. Он не составлял для Смита какой бы то ни было программы умственного и физического развития, а пустил все на самотек. Организованное руководство осуществляла Джилл. Харшоу считал, что она уделяет Смиту слишком много внимания: он не любил, когда женщина возится с мужчиной, как с ребенком.

А Джилл всего лишь обучала Смита поведению в обществе людей. Смит уже ел за столом, сам одевался (Харшоу не был полностью в этом уверен и все собирался спросить Джилл, помогает ли она Смиту одеваться), привык к распорядку жизни в доме и выучил важнейшие бытовые правила.

Когда Смит впервые сел со всеми за стол, он умел пользоваться только ложкой. Джилл резала для него мясо. К концу обеда он уже пытался есть, как все. На следующий день он вел себя за столом, с таким же, как у Джилл, избытком хороших манер.

Когда Харшоу увидел, что Смит читает со скоростью компьютера и запоминает все, что прочитал, — он не стал делать из этого сенсацию и проводить измерения скорости восприятия информации. Харшоу вел себя с высокомерным смирением человека, который знает достаточно, чтобы понять, как мало он знает. Что толку в измерениях, если ты не знаешь, что именно измеряешь?

Безусловно, интересно наблюдать за превращением экзотического животного в человека, но Харшоу, наблюдая за Смитом, не испытывал удовлетворения.

Как и Генеральный Секретарь Дуглас, он ждал, что вот-вот что-то случится.

Но ничего не случалось, и Харшоу надоело ждать. Неужели полицейские настолько глупы, что не могли выследить не очень умную девушку с бездыханным телом в чемодане? Или они ее все же выследили и теперь наблюдают за его домом?

Мысль о том, что правительство наблюдает за его личной жизнью, привела Харшоу в ярость. Это такая же низость, как и вскрывать письма!

Кстати! Они и это могут! Правительство! На три четверти паразитическая, а на четверть — бессмысленная структура! Харшоу понимал, что изолировать Смита от государства невозможно, но нельзя же называть зло добром только потому, что зло неизбежно. Пропади оно пропадом, это государство!

Вполне возможно, что власти знают, где находится Человек с Марса, но им выгодно оставить пока все как есть. Если так, то сколько это продлится? Сколько можно удерживать готовую взорваться бомбу?

И где, наконец, этот идиот Бен Кэкстон?..

Джилл Бордмэн вывела его из задумчивости:

— Джабл!

— А, это ты, глазастая? Извини, я задумался. Садись. Хочешь выпить?

— Нет, спасибо. Мне нужно с вами поговорить.

— Ты здорово прыгаешь в воду. Прыгни-ка еще разок.

Джилл закусила губу, как двенадцатилетняя девочка, и умоляюще посмотрела на Харшоу:

— Джабл! Пожалуйста, выслушайте меня.

Он вздохнул:

— Вытрись. Ветер холодный.

— Мне не холодно. Я могу оставить Майкла здесь?

Харшоу удивленно заморгал:

— Конечно. Девочки за ним присмотрят, это нетрудно. А ты уезжаешь?

— Да, — Джилл опустила глаза.

— Жаль… Но удерживать тебя я не могу.

— Ах, Джабл! Я бы и рада остаться.

— Так оставайся.

— Нет, я должна ехать.

— Не понял. Еще раз.

— Как вы не понимаете, Джабл! Мне у вас нравится, вы к нам так добры. Но я не могу здесь остаться. Бена до сих пор нет. Я должна его найти.

Харшоу произнес крепкое словцо, потом добавил:

— Как ты собираешься его разыскивать?

— Не знаю, — нахмурилась она. — Но я не могу здесь прохлаждаться, когда его нет.

— Джиллиан, Бен — взрослый человек. Ты ему не мать и даже не жена. Какое право ты имеешь искать его?

— Никакого. — Джилл пошевелила в траве

ногой. — Но я знаю, что если бы я пропала, Бен искал бы меня… пока не нашел. Поэтому я должна искать его.

Харшоу мысленно послал проклятье всем богам, которые должны удерживать людей от глупостей, но не делают этого, а вслух сказал:

— Давай рассудим здраво. Ты собираешься нанять детектива?

— Наверное. — Она выглядела крайне несчастной. — Я еще ни разу в жизни не нанимала детектива. Это дорого?

— Очень.

— А если платить в рассрочку?

— Обычно они берут наличными и вперед. Не грусти, девочка. Я уже нанял детектива. Лучшего в стране. Не стоит тебе влезать в долги, чтобы нанять лучшего после самого лучшего.

— И вы ничего мне не сказали?

— А зачем?

— Уже что-нибудь известно?

— Пока ничего. Именно поэтому я тебе ничего не говорил. Сначала я думал, ты зря беспокоишься. Я, как и его секретарь Килгаллен, решил, что Бен пошел по какому-то следу и скоро вернется с новым материалом. — Джабл нахмурился и вздохнул. — Теперь я так не думаю. Этот идиот

Килгаллен получил по статопринту письмо, что Бен задерживается. Я поручил своим людям стащить или сфотографировать эту бумажку. Письмо оказалось подлинным.

— Почему же Бен не прислал ничего мне? Это на него не похоже.

Харшоу подавил стон.

— Пошевели мозгами, Джилл. Если на клетке со львом написано «Буйвол», не верь глазам своим. Ты приехала в пятницу. Письмо отправлено в 10.34 утра в четверг. Оно было получено без задержки: в конторе Бена есть статопринт. А теперь скажи — зачем Бену посылать письмо по статопринту в рабочее время, если есть телефон?

— Действительно, зачем? Я бы на его месте позвонила. Телефон — самый…

— Ты не Бен. У репортера может быть тысяча причин на это. Он мог послать письменное сообщение, чтобы избежать неточностей. Ему могло понадобиться зафиксировать сам факт передачи сообщения или чтобы сообщение пришло не сразу. Килгаллен не нашел в этом ничего странного, он знает специфику профессии. Но дело в том, что письмо отправлено не из Филадельфии.

— Но…

— Не перебивай. Можно передать письмо по

телефону, а можно принести на статопринт готовый текст. Когда человек приносит готовый текст, адресат получает его факсимиле. Когда же человек диктует письмо по телефону, его кто-то печатает.

— Ну…

— Что из этого следует?

— Джабл, я так волнуюсь, что ничего не соображаю.

— Не волнуйся: я в этом тоже ничего не соображаю. Но на меня работает человек, который соображает. По фотографии он изготовил копию письма и отправился в Паоли Флэт под именем Осберта Килгаллена. У него респектабельный вид, честное лицо, и он выпытал у служащей такие вещи, какие рассказывают только в суде. То, что она сообщила, отнюдь не радует. Служащие обычно не помнят, кто и что передает. Отстучала — и забыла. Но эта дама — поклонница Бена. Каждый день читает его колонку — просто безобразие… Ближняя!

Появилась мокрая Энн.

— Напомнишь мне, — сказал ей Харшоу, — написать статью о регулярном чтении газет. Идея: большинство неврозов происходит от нездоровой привычки вбирать в себя беды пяти миллиардов

чужих людей. Название: «Сплетни без границ». Или нет — «Планета сплетничает».

— Босс, вы нездоровы.

— О, только не я! Проследи, чтобы я написал эту статью в течение следующей недели. Теперь исчезни. Я занят. — Он обернулся к Джиллиан. — Эта дама, услышав имя Бена, затрепетала: она говорит со своим героем. Но тут же разочаровалась: он не заплатил ни за изображение, ни за разговор. Поэтому она запомнила Бена и еще то, что передача письма была оплачена из телефона-автомата в Вашингтоне.

— В Вашингтоне? — повторила Джилл. — Зачем же Бену звонить из…

— Вот именно. Если он стоит в телефонной будке в Вашингтоне, он может связаться с Килгалленом напрямую. Это дешевле и быстрее, чем звонить в Филадельфию, чтобы оттуда отправили письмо назад в Вашингтон. Может быть, Бен боялся, что телефон прослушивается, но надеялся, что статопринт не контролируется. А может, он подозревал, что и статопринт контролируется, и проверял, так ли это. Я не пойму, в чем здесь дело, но боюсь, что если мы продолжим поиски Бена, мы поставим его жизнь под угрозу…

— Джабл, нет!

— Да, — устало сказал Джабл. — Бен ходит по краю пропасти, он сделал на этом карьеру. Сейчас он перешел все границы. Если он исчез по своей воле, не стоит привлекать к этому факту внимание. Килгаллен спокоен. Колонки Бена не пустуют: его статьи выходят каждый день. Я проверял.

— Бен заготавливал материал впрок.

— Или их пишет Килгаллен. В любом случае, официально Бен не пропал. Он на работе. Может быть, он решил на время выйти из игры, а тебя не предупредил, чтобы не подвергать опасности.

Джилл закрыла лицо руками:

— Джабл, что мне делать?

— Не волноваться. Самое худшее, что ему грозит — это смерть. А она грозит нам всем, не сегодня — так завтра. Спроси у Майка… Ему легче дематериализоваться, чем выслушать упрек. Если я скажу ему, что мы собираемся его зарезать и зажарить на обед, он со слезами на глазах будет благодарить за оказанную честь.

— Знаю, — тихо ответила Джилл,— но не разделяю его взглядов.

— Я тоже, — согласился Харшоу, — но начинаю понимать их: это утешительная мысль для пожилого человека. Способность наслаждаться

неизбежным — я всю жизнь пытался развить ее в себе. А этот мальчик, который уже имеет право избирать и быть избранным, но не знает, что перед автомобилем нужно посторониться, показал мне, что я… не стал умнее, чем был в детском саду. Ты спрашивала, можно ли оставить у меня Майка. Да я его сам не отпущу, пока не выучусь у него тому, что он знает, а я — нет. Эта самая дематериализация! Она — не фрейдовское желание смерти, ничего похожего на «Самую усталую реку». Это как у Стивенсона: «С радостью живу, с радостью умру». Но Стивенсон жил с радостью, потому, что вкусно обедал, а Майк знает какой-то секрет.

— Я ничего не понимаю, — угрюмо проговорила Джилл. — И волнуюсь за Бена.

— Я тоже. И мне кажется, что он не прячется.

— Вы же только что…

— Прости… Мои люди не ограничились визитом к Килгаллену и в Паоли Флэт. Они узнали, что в четверг утром Бен приходил в медицинский центр с адвокатом и Беспристрастным Свидетелем Джеймсом Оливером Кавендишем — ты знаешь, что это значит?

— Нет.

— Если Бен пригласил Кавендиша, — дело было

серьезным. По воробьям не стреляют из пушки. Бен хотел поговорить с Человеком с Марса в присутствии Свидетеля.

— Не может быть, — выдохнула Джилл.

— Это мне сказал сам Кавендиш, а ему можно верить, как Писанию.

— Тоже мне апостол! В четверг утром ко мне на этаж никто не заходил.

— Не торопись. Я же не сказал, что они говорили с Майком. Они говорили с «Человеком с Марса», очевидно, с подставным, которого показывали по стереовидению.

— Ну конечно! И Бен вывел их на чистую воду!

— Нет, у него это не вышло. И у Кавендиша тоже. Ты же знаешь, как обязан вести себя Беспристрастный Свидетель?

— Не знаю. Я никогда их не видела.

— Ну да?! Энн!..

Энн стояла на трамплине. Джабл крикнул ей:

— Тебе виден тот дом на горе? Какого он цвета?

Энн посмотрела и сказала:

— С нашей стороны белый.

Джабл обернулся к Джилл:

— Вот видишь, Энн не стала говорить, что дом белый целиком. И вся королевская рать не заста-

вит ее сказать это до тех пор, пока она не пойдет и не посмотрит. Но даже и тогда она не сможет утверждать, что дом остался белым после того, как она ушла.

— Энн — Беспристрастный Свидетель?

— Да, у нее диплом без ограничения, с правом свидетельствовать в Верховном Суде. Спроси у нее как-нибудь, почему она оставила практику. Только ничего больше не планируй на этот день. Она будет тебе рассказывать правду, всю правду и ничего кроме правды, а это займет много времени. Так вот, вернемся к Кавендишу. Бен пригласил его с условием, что Кавендиш станет свидетельствовать открыто. Когда это потребовалось, Кавендиш рассказал все в мельчайших подробностях. Но интересно другое — то, чего он не сказал. Он не сказал, что человек, с которым они беседовали, не являлся Человеком с Марса. Но он не сказал также ни одного слова в подтверждение того, что этот человек ЯВЛЯЕТСЯ Человеком с Марса! Если бы ты знала Кавендиша, ты бы поняла, что это многое значит. Если бы Кавендиш видел Майка, он объявил бы об этом так, чтобы все поняли — что он видел Майка. В противном случае Кавендиш обычно действует по-другому. Например, он описывает форму ушей

представленного им человека, а она не совпадает с формой ушей Майка. Следовательно, им подсунули фальшивку. Кавендиш это понимает, но не имеет права прямо высказать свое мнение.

— Я же сказала, что на мой этаж никто не входил.

— Пойдем дальше. Все это произошло задолго до того, как ты выкрала Майка. Кавендиш говорит, что они встретились с «Человеком с Марса» в 9.14 в четверг. Майк в это время был в больнице, его вполне можно было показать посетителям. Почему самому знаменитому Беспристрастному Свидетелю подсунули фальшивку? Почему они пошли на такой риск?

— Вы меня спрашиваете? — пожала плечами Джилл. — Я не знаю. Бен говорил мне, что спросит у Майка, хочет ли тот уйти из больницы, и если Майк скажет «да», то Бен заберет его с собой.

— Бен спросил, и двойник, естественно, ответил «нет».

— Но не могли же они знать, что́ именно Бен собирался спрашивать. И все равно Майк не пошел бы с Беном!

— Тогда почему он пошел с тобой?

— Я его брат по воде, как и вы сейчас. Он считает, что можно верить каждому, с кем разделил

глоток воды. Брату по воде он подчиняется во всем, а с остальными норовист, как осел. Бен не смог бы его увести. По крайней мере, на прошлой неделе. Сейчас Майк, наверное, уже не такой.

— Да. Он очень быстро меняется. Я еще никогда не видел, чтобы мышечная ткань с такой скоростью росла. Но вернемся к делу: Кавендиш сообщил, что Бен оставил его и адвоката — некоего Фрисби — в 9.31 и сел в такси. Через час Бен или кто-то другой, назвавшийся его именем, передал в Паоли Флэт по телефону письмо.

— Вы думаете, что это не Бен…

— Да, скорее всего, это был кто-то другой. Кавендиш запомнил и сообщил номер такси; я поручил своим людям выяснить дневной маршрут этой машины. Если Бен пользовался своей кредитной карточкой, ее номер должен быть записан в памяти робота. Но даже если Бен бросал монетки, должны были остаться записи: время, направление следования…

— Ну?

— Записи показывают, что в четверг утром машина была в ремонте. Значит, Кавендиш дал не тот номер, либо кто-то уничтожил запись. Суд может решить, что Свидетель неправильно запомнил номер машины, тем более, что его об

этом не просили. А я говорю, что с Кавендишем такого случиться не могло. Он не дает показаний, в достоверности которых не уверен. — Харшоу нахмурился. — Джилл, ты втягиваешь меня в дело, в которое я не хочу вмешиваться. Можно допустить, что Бен отправил письмо из Вашингтона в Вашингтон через Филадельфию. Гораздо труднее предположить, что он станет стирать из памяти робота свой маршрут. Вероятнее всего, это сделал тот, кому был известен маршрут Бена и кто хотел скрыть свою осведомленность. Он же отправил письмо, чтобы никто не догадался об исчезновении Бена.

— Исчезновении? Вы хотите сказать — его похитили?!

— Осторожнее на поворотах, Джилл. «Похитили» — нехорошее слово…

— Еще бы! Джабл, об этом надо растрезвонить на всю страну, а мы сидим!

— Не суетись, Джилл. Возможно, Бена уже нет в живых.

— Да, в самом деле, — сникла Джилл.

— Пока не увидим его мертвым, будем считать, что он жив. Джилл, ты знаешь, чего нельзя делать, когда человека похищают? Именно того, что предлагаешь ты — бежать следом и кричать.

Похититель может испугаться и убить свою жертву.

Джилл была в отчаянии. Харшоу меж тем продолжал:

— Я должен предусмотреть все варианты развития событий. Поэтому мне пришлось допустить возможность гибели Бена, тем более, что он долго не появляется. Сейчас мы условились считать, что он жив. Тогда поиски лишь увеличат риск: неведомые силы, в руках которых находится Бен, уничтожат его.

— Почему неведомые? Мы знаем, кто его похитил.

— Правда?

— Конечно! Те же люди, которые заперли Майка в больнице! Это — правительство.

Харшоу покачал головой:

— Это всего лишь догадка. У Бена много врагов, и не все они — члены правительства. Должен заметить, что твоя гипотеза наиболее вероятна и вместе с тем весьма расплывчата. Правительство состоит из нескольких миллионов человек. Кому из них Бен стал поперек дороги?

— Я уже говорила — Генеральному Секретарю Дугласу.

— Нет, — возразил Харшоу, — Генеральный

Секретарь не совершает ничего противозаконного, даже если это ему выгодно. Мы никогда не докажем, что он хоть что-нибудь слышал о похищении Бена. И что скорее всего — он об этом действительно не знает. Нам нужно выяснить, кто из команды Дугласа это сделал… Когда Бену показывали двойника, с ним ходил один из подручных Дугласа; сначала он все отговаривал Бена, а когда не получилось — пошел с ним. Теперь оказывается, что этот тип тоже пропал в четверг. Мне кажется, это не просто совпадение, потому что ему было поручено проведение операции «Двойник». Его зовут Джилберт Берквист.

— Берквист?!

— Ну да, Берквист. У меня есть основания… Джилл, что с тобой? Не падай в обморок, не то я брошу тебя в воду.

— Джабл, этот Берквист… только один?

— По-моему, один. Я больше не слышал такой фамилии. Ты его знаешь?

— Пожалуй, знаю. Если это тот Берквист, то его вряд ли стоит искать.

— Гм… Объясни.

— Видите ли, Джабл, я не все вам рассказала…

— Вполне естественно. Рассказывай сейчас.

Запинаясь, Джилл сообщила о том, как вдруг

исчезли люди, пришедшие арестовать их со Смитом.

— А потом, — грустно закончила Джилл, — я закричала и испугала Майка. Он ушел в транс, и я замучилась, пока дотащила его сюда.

— Жаль, что ты раньше умолчала об этом факте.

Она покраснела.

— Я боялась, что никто не поверит. И потом, Джабл, нам за это могут что-нибудь сделать?

— Что? — удивился Харшоу.

— В тюрьму посадить или еще что-нибудь?

— Милая моя, ни присутствие при совершении чуда, ни совершение оного не являются преступлением. Помолчи, я подумаю.

Минут десять Джабл думал. Потом открыл глаза и сказал:

— Нет проблем, малышка. Где Майк, опять лежит на дне?

— Да.

— Нырни к нему и скажи, пусть идет ко мне в кабинет. Я хочу, чтобы он повторил чудо. Зрителей не нужно… Хотя нет — один нужен. Скажи Энн, пусть наденет свидетельское одеяние — я использую ее по прямому назначению. И еще мне нужен Дюк.

— Хорошо, босс.

— Ты не имеешь права называть меня боссом. Я тебя на работу не нанимал.

— Хорошо, Джабл.

— Надо бы иметь кого-то, чье отсутствие мы пережили бы безболезненно. А Майк может проделать такую штуку с неодушевленным предметом?

— Не знаю.

— Ладно, проверим. Зови его. — Джабл сверкнул глазами. — Какой способ избавиться от… Нет, нельзя. За дело, Джилл!

Глава 12

Через несколько минут Джилл вошла в кабинет Харшоу. Энн уже была там, облаченная в одежду Беспристрастного Свидетеля; она взглянула на Джилл и ничего не сказала. Джилл отыскала свободный стул и молча села. Харшоу диктовал Доркас, не обращая внимания на остальных: «…из-под распростертого тела, пропитав уголок ковра и собираясь в лужицу у камина. Две праздные мухи насторожились. Вошла мисс Симпсон и схватилась за голову. «Боже! — выдохнула она. — Папин любимый ковер!.. Да и сам папа!». Конец

главы, Доркас, и конец части. Можешь отсылать. Свободна.

Доркас вышла, забрав стенографическую машинку и улыбнувшись Джилл.

— Где Майк? — спросил Джабл.

— Скоро будет, — ответила Джиллиан. — Одевается.

— Одевается, — ворчливо передразнил Харшоу. — Не на званый обед собирается…

— Не может же он ходить голым!

— Он не голый, на нем есть кожа. Веди его сюда.

— Джабл, так нельзя. Он должен научиться ходить в одежде.

— Зачем ты навязываешь ему свою христианско-буржуазную ханжескую мораль?

— При чем тут мораль? Я прививаю ему важнейшие бытовые привычки!

— Привычки, мораль — какая разница? Женщина, ради Бога в небесах и в душе, пойми — перед нами личность, не искалеченная идиотскими табу нашего племени, а ты хочешь сделать из него третьесортного обывателя. Пойдем до конца: купи ему атташе-кейс!

— Ничего подобного! Я стараюсь избавить его от неприятностей. Я ему добра желаю!

Джабл фыркнул.

— Так говорит чистоплотная хозяйка, стерилизуя блудливую кошку.

— Ух! — Джилл сосчитала до десяти. Потом сухо произнесла: — Вы здесь хозяин, доктор Харшоу, и мы перед вами в долгу. Сейчас я приведу Майка.

Она поднялась.

— Джилл!

— Да, сэр?

— Сядь и не соревнуйся со мной во вредности: я старше и опытнее. Далее: ты никак не можешь оказаться у меня в долгу, потому что я никогда не делаю того, что мне невыгодно. Кстати, другие тоже не делают, но я, в отличие от многих, еще и осознаю это. Поэтому не изобретай себе долгов, иначе ты начнешь испытывать ко мне чувство благодарности, а это первый предательский шаг к моральной деградации. Ты полюбила мою мысль?

Джилл прикусила губу, потом улыбнулась.

— Я не знаю, как это делается.

— Я тоже, но хочу научиться у Майка. Так вот, я говорю вполне серьезно: благодарность есть эвфемизм для обозначения отвращения. Отвращение большинства людей меня не беспокоит, но мне не хотелось бы стать отвратительным для

такой маленькой хорошенькой девочки.

— Что вы, Джабл, я ничего подобного не испытываю!

— Надеюсь… но начнешь испытывать, если взрастишь в своем сознании мысль, что ты передо мной в долгу… У японцев существует пять способов выражения благодарности. Каждая из этих фраз буквально переводится как выражение недобрых чувств. Если бы англосаксы были так же честны! Но они выдумали чувства, которые человеческая нервная система не способна производить.

— Джабл, вы старый циник. Я вам уже благодарна и буду благодарна в дальнейшем.

— А ты сентиментальная девчонка. Мы друг друга отлично дополняем. Давай-ка закатимся в Атлантик-Сити и покутим!

— Как можно, Джабл?

— Где же твоя благодарность?

— Я готова. Когда едем?

— Ехать нужно было сорок лет назад. Это во-первых, а во-вторых, ты права: Майк должен обучиться человеческим привычкам. Он должен разуваться в мечети, сидеть с покрытой головой в синагоге и прикрывать наготу, когда этого требуют нормы морали. Иначе его сожгут за ересь.

Только ради Аримана, не подвергай его идеологической обработке.

— Не думаю, что у меня это получится.

— Пора бы уже Майку одеться.

— Пойду, гляну, что он делает…

— Минутку, Джилл. Я объяснил, почему не хочу обвинять кого-либо в похищении Бена. Если Бен, скажем так, незаконно задержан, то мы не можем никого уличить в том, что он стремился избавиться от свидетеля в лице Бена. Если Бен жив, у него есть шанс остаться в живых. Я в первый же день твоего приезда предпринял другой шаг. Ты читаешь Библию?

— Иногда.

— Читай чаще, эта книга заслуживает изучения, так как содержит практические советы на все случаи жизни. «Каждый, кто делает зло, боится света» — это сказал Иоанн, а может быть, Иисус — неважно. Я все время ждал, что у нас начнут отбивать Майка. Не могли же они не заметить, как ты тащила его сюда. Я живу на отшибе и тяжелой артиллерии во дворе не держу. Единственное оружие, которого они боятся и которое их остановило, — это общественное мнение. Я устроил так, что малейший скандал в моем доме автоматически станет достоянием общественности. И

не какой-нибудь, а мировой. Неважно, какие при этом будут действовать рычаги. Главное в том, что если здесь что-нибудь случится, это покажут сразу по трем программам стереовидения. Кроме того, немедленно будут оповещены специальными сообщениями большие люди, которым будет приятно поймать на горячем нашего уважаемого Генерального Секретаря.

Харшоу угрюмо продолжил:

— Но я не могу ждать бесконечно. Когда я все организовывал, то опасался, что скандал произойдет сейчас же. А теперь мне кажется, что — пока внимание предупрежденных мною людей не ослабло — нам следует поторопить события.

— Каким образом, Джабл?

— Я думал об этом последние три дня. Ты своим рассказом о чуде навела меня на мысль.

— Простите, Джабл, что я не рассказала об этом раньше. Я боялась, что мне не поверят, и рада тому, что вы верите.

— Я не говорил, что верю.

— Как?!

— Я верю, что ты говорила правду, Джилл. Но сны и галлюцинации — тоже правда в своем роде. То, что произойдет сейчас, произойдет на глазах Беспристрастного Свидетеля и перед объекти-

вами кинокамер, которые уже работают. — Он нажал кнопку. — Я не думаю, что Энн, находясь при исполнении служебных обязанностей (а кинокамеры — и подавно), заснет или поддастся чьему-либо гипнотическому воздействию. Мы разберемся, с какой правдой имеем дело, а потом подумаем, как вынудить к действию власть имущих… и, может быть, придумаем, как помочь Бену. Веди Майка.

Причина отсутствия Майка не была сверхъестественной: он стреножил себя шнурками. Сделав шаг, он упал, затянув при этом узлы. Ему понадобилось значительное время, чтобы проанализировать происшествие, развязать шнурки и завязать их правильно. По марсианской привычке времени он не считал и был огорчен только тем, что неправильно усвоил уроки Джилл. Когда Джилл пришла за ним, Майк исповедовался ей в своей несостоятельности, хотя шнурки уже были завязаны как надо.

Джилл утешила его, пригладила волосы и повела за собой.

— Здорово, сынок. Садись, — приветствовал его Харшоу.

— Здорово, Джабл, — торжественно произнес Валентайн Майкл Смит, сел и погрузился в ожи-

дание.

— Что ты сегодня узнал, мальчик? — спросил Харшоу.

Смит радостно улыбнулся и, как всегда, после небольшой паузы ответил:

— Я научился, прыгая в воду, делать сальто в полтора оборота. Разбегаешься, прыгаешь и входишь в воду…

— Я видел — носки вытянуты, колени прямые, стопы вместе.

— Неправильно? — огорченно спросил Смит.

— Для первого раза очень даже правильно. А теперь вспомни, как это делает Доркас.

Смит подумал.

— Вода охотно принимает Доркас, любит его.

— Не его, а ее. Доркас — она.

— Ее, — поправился Смит. — Разве я говорю неправильно? Я читал в словаре Уэбстера (3-е издание, Спрингфилд, Массачусетс), что мужской род включает женский. Словарь приводит пример из закона о контрактах (5-е издание, Чикаго, Иллинойс, 1978, с. 1012). Там сказано…

— Постой, постой, — прервал Харшоу. — Мужской род действительно включает женский, но только в том случае, когда ты говоришь вообще. Если же о конкретной женщине, то следует гово-

рить «она», «ей», «ее».

— Я запомню.

— Ты бы лучше вынудил Доркас на деле доказать ее женский род. — Харшоу задумался. — Джилл, парень спит с тобой или с кем-нибудь из вас?

— По-моему, он вообще не спит.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Отвечаю: он не спит со мной.

— Я спросил не из праздного любопытства, а из научного интереса. Майк, чему ты еще научился?

— Я нашел два способа завязывать шнурки. Один хорош для того, чтобы падать, другой — чтобы ходить. Я выучил спряжения…

— Что еще?

Майк восторженно улыбнулся:

— Вчера я учился ездить на тракторе. Так здорово!

Джабл выразительно глянул на Джилл.

— Когда это произошло?

— Вечером, когда ты спал, Джабл. Все было хорошо, Дюк не дал ему упасть.

— Понятно, что не дал… Майк, ты читал что-нибудь?

— Да, Джабл.

— Что?

— Я прочел, — доложил Майк, — еще три тома энциклопедии: «Marub — Mushe», «Mushr — Ozon» и «P — Planti». Ты не велел мне читать энциклопедию помногу, поэтому на «Planti» я остановился. Потом я прочел трагедию «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира. Потом — «Мемуары» Джакомо Казановы в переводе Френсиса Уэллмена. Потом я осмысливал прочитанное. Потом Джилл позвала меня завтракать.

— Ты что-нибудь понял?

— Не знаю, Джабл, — в голосе Смита была тревога.

— Что тебе неясно?

— Я не смог охватить всей полноты того, что прочитал. Читая у Мастера Уильяма Шекспира о смерти Ромео, я почувствовал, что полон счастья. А после я прочел, что он дематериализовался слишком рано — по крайней мере, мне так показалось. Почему так?

— Потому что он сопливый идиот.

— Прошу прощения?

— Я сам не знаю, Майк.

Смит пробормотал что-то по марсиански, а по-человечески сказал:

— Я только яйцо.

— Что? Мне кажется, ты меня о чем-то просишь, Майк. Чего ты хочешь?

Смит поколебался, потом выпалил:

— Брат мой Джабл, пожалуйста, спроси Ромео, почему он дематериализовался! Я не могу с ним говорить, я только яйцо. А ты можешь. Спроси и после объяснишь мне.

Майк, по-видимому, считал, что Ромео существовал на самом деле, и сейчас просил его, Джабла, вызвать дух Ромео и потребовать у него отчета о поступках плоти. Как объяснить Майку, что Монтекки и Капулетти не существовали в материальном мире? Джабл не оперировал понятиями, опираясь на которые, можно было бы объяснить Смиту, что такое художественная литература.

Джилл испугалась, что Майк сейчас свернется в клубок и оцепенеет.

Майк действительно был близок к этому, но изо всех сил держался; он дал себе слово не прибегать к подобному средству в присутствии друзей. Он видел, что причиняет этим беспокойство всем, кроме доктора Нельсона. Майк замедлил сердце, успокоил чувства, улыбнулся и сказал:

— Я подожду, пока понимание придет само.

— Хорошо, — согласился Джабл. — А в следу-

ющий раз, когда ты соберешься читать, спроси меня или Джилл — кого угодно — художественная ли это литература. Тебе, пожалуй, не стоит ее читать…

— Я буду спрашивать, Джабл.

Майк решил, что обязательно расскажет Старшим Братьям, что такое художественная литература, когда сам это поймет… Тут он с удивлением заметил, что сомневается — поймут ли они. Предположение о том, что существуют вещи, столь же непонятные для Старших Братьев, как и для него самого, было даже более революционным, чем само понятие художественной литературы. Майк решил подумать об этом в другой раз, в спокойной обстановке.

— …но я позвал тебя не для того, — говорил тем временем брат Джабл, — чтобы рассуждать о литературе. Майк, вспомни, пожалуйста, тот день, когда Джилл забрала тебя из больницы.

— Из больницы? — переспросил Майк.

— Мне кажется, Джабл, — вмешалась Джилл, — Майк не знает, что он был именно в больнице. Давайте я попробую…

— Вперед!

— Майк, ты помнишь, как жил в комнате один, пока я тебя не одела и не увела?

— Да, Джилл.

— Потом мы поехали в другое место, я тебя раздела и велела принять ванну.

— Да, это было такое счастье! — Смит улыбнулся воспоминанию.

— Потом я тебя вытерла, и тут пришли двое.

Улыбка погасла. Смит задрожал и стал уходить в себя.

— Майк! Остановись! — приказала Джилл. — Не смей уходить!

Майк взял себя в руки.

— Хорошо, Джилл.

— Слушай, Майк. Вспомни, что было, только не волнуйся. Пришли двое мужчин, один потащил тебя в гостиную…

— Туда, где растет трава, — подтвердил Майк.

— Правильно, там на полу растет трава. Я хотела помешать ему, но он меня ударил. Потом он пропал. Помнишь?

— Ты не сердишься на меня за это?

— Что ты! Нет, конечно. Один пропал, второй навел на меня пистолет и тоже пропал. Я испугалась, а не рассердилась.

— И сейчас не сердишься?

— Майк, милый, я никогда на тебя не сердилась. Мы с Джаблом просто хотим понять, что

произошло. Те двое пришли, ты что-то сделал, и они пропали. Почему? Что ты сделал, скажи?

— Я скажу. Тот человек — большой — ударил меня, и я испугался. Я… — тут он перешел на марсианский. — Я не знаю слов.

— Объясни постепенно, — попросил Харшоу.

— Я постараюсь, Джабл. Передо мной есть что-то. Это плохая вещь, ее не должно быть. И я… — он опять запнулся. — Это просто, гораздо проще, чем завязывать шнурки! Но слов нет. Извините, пожалуйста…

Он немного помолчал и продолжил:

— Может быть, слова есть в «Plant — raum» или в «Rayn — sarr», или в «Sars — Sors». Я прочту их сегодня, а завтра за завтраком вам расскажу.

— Может быть, и есть, — сказал Джабл. — Погоди-ка, Майк.

Он отошел в угол комнаты и взял в руки большую бутылку с бренди.

— Ты можешь сделать так, чтобы это пропало?

— Это плохая вещь?

— Предположим, что да.

— Но, Джабл, я должен точно знать, что она плохая. Это бутылка. Я не вижу в ней ничего плохого.

— А если я замахнусь и брошу ее в Джилл?

Смит произнес с мягкой грустью:

— Джабл, ты этого не сделаешь.

— Правда, не сделаю. Джилл, тогда ты брось в меня. Бутылка тяжелая, и если Майк не защитит меня, я получу по крайней мере поверхностное ранение.

— Джабл, я не хочу этого делать.

— Бросай! Это в интересах науки и… Бена Кэкстона.

— Но… — Джилл вскочила, схватила бутылку и швырнула ее Джаблу в голову.

Джабл хотел стоять прямо, но сработал рефлекс, и он пригнулся.

— Пролетела, — сказал Джабл с сожалением. — Я не хотел нагибаться, думал посмотреть. Майк, что с тобой?

Человек с Марса дрожал и выглядел совсем несчастным. Джилл обняла его за плечи:

— Ну, ну, все в порядке, милый! Ты все отлично сделал. Она никого не задела. Исчезла и все.

— Похоже, что исчезла, — согласился Джабл, оглядев комнату. Затем прикусил свой большой палец и спросил: — Энн, ты смотрела?

— Да.

— Что ты видела?

— Бутылка не просто исчезла. Процесс имел

определенную длительность. С моего места это выглядело так, будто бутылка сжалась и исчезла вдали. Но за пределы комнаты она не вылетела, я видела ее до момента исчезновения.

— Куда же она делась?

— Я больше ничего не могу добавить.

— М-м-м… Пленки прокрутим потом, но я верю. Майк!

— Да, Джабл?

— Где сейчас находится бутылка?

— Бутылка находится… — Майк снова запнулся. — Опять нет слов. Прости.

— Занятно. Сынок, ты можешь ее вернуть?

— Прошу прощения?

— Ты ее убрал. Теперь сделай так, чтобы она снова появилась.

— Я не могу. Бутылки нет.

Джабл задумался. «Этой способности можно найти неплохое применение. Есть пара-тройка парней, о которых жалеть никто не будет».

— Майк, а расстояние для тебя имеет значение?

— Прошу прощения?

— Если бы ты был в комнате, а я — на улице, футах в тридцати от дома, ты бы смог убрать бутылку?

— Да, — ответил несколько удивленный Смит.

— Гм… Подойди к окну. Предположим, Джилл и я стояли бы на той стороне бассейна, а ты здесь. Ты бы смог убрать бутылку?

— Да.

— Ну а если бы мы были за воротами, за четверть мили отсюда?

Смит задумался.

— Джабл, дело не в расстоянии, не в видении, а во ВНИКНОВЕНИИ.

— Постой, постой… Расстояние роли не играет. Тебе даже не нужно ничего видеть. Если ты знаешь, что где-то происходит что-то плохое, ты можешь это остановить? Так?

Смит встревожился.

— Почти так. Я недавно из гнезда. Чтобы вникать, я должен видеть. А Старшему Брату для этого глаза не нужны. Он вникает. Чувствует. Действует… Прости.

— Ты ни в чем не виноват, — угрюмо сказал Харшоу. — Видел бы тебя министр по делам мира — тут же объявил бы секретным оружием.

— Прошу прощения?

— Не обращай внимания.

Джабл вернулся к столу и взял в руки тяжелую пепельницу.

— Джилл, не бросай в лицо. Майк, выйди в коридор.

— Джабл, брат мой, пожалуйста, не надо!

— Что случилось? Я хочу провести еще один опыт, но в этот раз буду смотреть, куда она летит.

— Джабл!

— Да, Джилл?

— Я поняла, что тревожит Майка.

— Ну?

— В наших экспериментах я должна вам угрожать. А ведь мы Майку — братья по воде. Он не может понять, как между нами возможно такое. Это, наверное, совсем немарсианское поведение.

Харшоу нахмурился.

— И нас будут разбирать на заседании «Комитета по Немарсианским Деяниям»?

— Джабл, я не шучу!

— Я тоже. Ладно, Джилл, я сам ее брошу, — Харшоу дал пепельницу Майку. — Видишь, какая она тяжелая, сынок, какие острые у нее углы?

Смит внимательно осмотрел пепельницу.

— Я ее подброшу к потолку, — продолжал Харшоу, — и, падая, она ударит меня по голове.

Майк испуганно поднял глаза.

— Брат, ты умрешь?

— Нет, просто мне будет очень больно. Оп-ля! — Харшоу бросил пепельницу вверх.

В верхней точке траектории пепельница остановилась.

Харшоу смотрел на нее, и ему казалось, что перед ним — застывший кинокадр. Он прохрипел:

— Энн, что ты видишь?

Энн ответила бесцветным голосом:

— Пепельница остановилась в пяти дюймах от потолка. Я не вижу ничего, что бы ее удерживало, — и уже нормальным голосом добавила: — Джабл, я думаю, что вижу это... Если фильм покажет что-то другое, я порву диплом.

— Джилл?

— Пепельница висит в воздухе.

Джабл отошел к столу и, не сводя с пепельницы глаз, сел.

— Майк, — спросил он, — почему она не исчезла?

— Ты не просил убрать ее, — сказал Майк извиняющимся тоном, — ты велел ее остановить. Когда я убрал бутылку, ты захотел вернуть ее обратно. Я делаю что-то не так?

— Нет. Я забыл, что ты все понимаешь буквально.

Харшоу вспомнил проклятия и клятвы, модные

во времена его молодости, и подумал, что Майку их говорить нельзя. Пошлешь его к чертям — он и пойдет.

— Я рад, — ответил Смит сдержанно. — Простите, что бутылка пропала. И еще простите, что пропала пища. Но иначе было нельзя. Мне так казалось.

— О чем ты? Какая пища?

Джилл поспешно объяснила:

— Он имеет в виду тех типов, Джабл. Берквиста и его подручного.

— Ах, да, — Харшоу отметил, что у него самого немарсианские представления о пище. — Майк, не переживай, из них бы не вышло хорошей пищи. Такие отбросы бы забраковал любой инспектор пищевой службы. А самое главное — это было необходимо. Ты понял все совершенно правильно и поступил верно.

— Мне приятно это слышать, — с облегчением ответил Майк. — Только Старшие Братья никогда не ошибаются. А мне еще многому нужно учиться и расти, прежде чем я присоединюсь к Старшим Братьям. Джабл, можно, я опушу пепельницу?

— Ты хочешь ее убрать? Давай!

— Я уже не могу.

— Почему?

— Она сейчас не угрожает твоей голове. Я не нахожу в ней ничего плохого. Опустить?

— Конечно, опускай.

Харшоу ожидал, что пепельница, висевшая над его головой, упадет на пол, но она спикировала к столу, покачалась над ним и мягко опустилась.

— Спасибо, Джабл, — сказал Смит.

— Тебе спасибо, сынок. — Джабл взял пепельницу. Она была такая же, как раньше. — Тебе спасибо. За самые удивительные впечатления, которые мне довелось испытать с тех пор, как первая нанятая мною девчонка повела меня на чердак. Энн! Ты училась в Рейне?

— Да.

— Ты раньше сталкивалась с левитацией?

Энн подумала.

— Я видела то, что называют телекинезом. Его демонстрировали на игральных костях, а я в математике слаба и не могу точно сказать, телекинез это был или нет.

— Черт возьми! Если так рассуждать, то в пасмурный день нельзя сказать, что солнце встало.

— А как же иначе! Может быть, за тучами кто-то установил искусственный источник света… Один из моих сокурсников мог передвигать взглядом мелкие предметы, но для этого ему нужно было

выпить. Но я опять-таки ничего точно сказать не могу, потому что с ним пила и я, а в нетрезвом состоянии…

— И больше ты ничего не видела?

— Нет.

— У меня больше нет к тебе вопросов как к Свидетелю. Снимай свою простыню и садись, если хочешь.

— Спасибо, хочу. Но, памятуя вашу лекцию о мечетях и синагогах, я переоденусь в своей комнате.

— Как хочешь. Разбуди Дюка и скажи ему, чтобы занялся камерами.

— Хорошо, босс. Ничего без меня не делайте.

Энн пошла к двери.

— Обещать не могу. Майк, садись за стол. Ты можешь снова поднять пепельницу?

— Да. — Смит протянул руку и взял пепельницу.

— Не так!

— Не так?!

— Это я виноват. Ты можешь поднять ее, не касаясь руками?

— Могу, Джабл.

— Ну? Ты не устал?

— Нет, Джабл.

— Так в чем же дело? Она должна быть плохой?

— Нет, Джабл.

— Джабл, — вмешалась Джилл, — вы не попросили поднять пепельницу, а только спросили, может ли он ее поднять.

— Ах, да! — смутился Джабл. — Майк, пожалуйста, подними пепельницу, не касаясь ее руками. На фут над столом.

— Хорошо, Джабл. — Пепельница поднялась и зависла над столом. — Ты измеришь расстояние, Джабл? Если что не так, я ее передвину.

— Отлично. Держи. Устанешь — скажешь.

— Скажу.

— А можешь поднять что-нибудь еще? К примеру, этот карандаш. Если можешь — подними.

— Хорошо, Джабл.

Карандаш присоединился к пепельнице.

Постепенно их компанию пополнили другие предметы. Вернулась Энн и молча села на стул. Пришел Дюк со стремянкой, взглянул на представление раз, другой и стал устанавливать стремянку. Майк неуверенно произнес:

— Мне кажется, Джабл… — он тщательно подбирал слова, — я запутался в этих предметах.

— Не перенапрягайся.

— Кажется, я смогу поднять еще один. — Зашевелилось пресс-папье, поднялось и… все висевшие в воздухе предметы посыпались на пол.

Майк чуть не плакал.

— Джабл, мне очень жаль.

Харшоу похлопал его по плечу.

— Сынок, ты должен гордиться. То, что ты сделал, — это… — он искал сравнение среди фраз, известных Майку,— труднее, чем завязывать шнурки, и лучше, чем сделать сальто в полтора оборота. Ты это просто здорово сделал!

Майк удивился.

— Я не должен стыдиться?

— Ты должен гордиться.

— Да, Джабл, — с довольным видом сказал Майк. — Я горжусь.

— Отлично. Майк, я не могу поднять даже одну пепельницу, не прикасаясь к ней руками.

Смит испугался.

— Ты не можешь?

— Нет. Ты научишь меня?

— Да, Джабл. — Смит замолчал, смутившись. — У меня опять не слов. Я буду читать, читать и читать, пока не найду слова. Потом я научу моего брата.

— Только не очень разгоняйся.

— Прошу прощения?

— Я говорю, не разочаровывайся, если что-то не получится. Нужных слов может не быть в английском языке.

Смит подумал.

— Тогда я научу брата языку моего гнезда.

— Ты можешь опоздать лет на пятьдесят.

— Я сказал что-то не так?

— Вовсе нет. Но лучше начни заниматься с Джилл.

— У меня от этих занятий горло болит, — запротестовала Джилл.

— Будешь пить аспирин. — Харшоу строго взглянул на нее. — Это не причина, сестра. Вы назначаетесь младшим научным сотрудником в области марсианской лингвистики… что включает исполнение и ряда дополнительных обязанностей. Энн, прими ее на работу официально, пусть ей идет заработная плата.

— Она уже давно работает на кухне. Оплатить ей и эту работу?

Харшоу пожал плечами.

— Такую мелочь можешь решить сама.

— Джабл, — запротестовала Джилл, — у меня может не получиться!

— Сначала попробуй!

— Но…

— А где благодарность? Я предлагаю тебе работу!

Джилл прикусила губу.

— Я согласна… босс.

Смит робко коснулся ее руки.

— Джилл… я научу.

Джилл погладила его плечо.

— Спасибо, Майк. — Она посмотрела на Харшоу. — Я буду учиться специально, чтобы подразнить вас.

Харшоу улыбнулся.

— О, этот мотив я понимаю! Можно не сомневаться, ты все выучишь. Майк, что ты еще умеешь такого, чего не умеем мы?

— Не знаю, — удивился Смит.

— В самом деле, — поддержала его Джилл, — как он может ответить, если не знает, что мы умеем, а что — нет.

— И то правда. Энн, измени название должности на «сотрудник по исследованию языка, культуры и техники». Джилл, изучая язык, ты встретишься с незнакомыми нам явлениями их жизни. Будешь сообщать мне. Майк, если ты заметишь что-то, чего мы делать не умеем, а ты умеешь — тоже сообщи мне.

— Сообщу, Джабл. А что именно?

— Не знаю. Ну, например, что-то вроде того, что ты показывал сегодня. Или вроде твоего сидения под водой… Дюк!

— Босс, у меня полные руки пленки.

— Но говорить ты можешь? Мне показалось, что вода в бассейне мутная.

— Я сегодня же вечером добавлю туда осаждающий раствор, а завтра вычищу.

— Какая там степень загрязненности?

— Вода чистая, хоть к столу подавай. Только кажется мутной.

— Ладно. Сегодня ничего делать не надо. Я скажу, когда нужно будет чистить.

— Босс, никто ведь не захочет купаться в луже.

— Не захочет — не будет. Хватит болтать, Дюк. Фильмы готовы?

— Еще пять минут.

— Хорошо. Майк, ты знаешь, что такое пушка?

— Пушка, — заговорил Смит, — это оружие, предназначенное для метания снарядов с помощью взрывчатого вещества — например, пороха — и состоящее из ствола, закрытого с одной стороны, где…

— Хватит, хватит! Ты понимаешь, что это?

— Я не уверен, что понимаю.

— Ты видел что-нибудь похожее?

— Не знаю.

— Конечно, видел, — вмешалась Джилл. — Помнишь, Майк, в комнате, где растет трава — только не волнуйся! — Один человек меня ударил.

— Да.

— А второй направил на меня предмет.

— Это был плохой предмет.

— Это был пистолет. Та же пушка.

— В словаре Уэбстера, 3-е издание, Спрингфилд…

— Отлично, сынок, — перебил Харшоу. — Слушай. Если кто-нибудь направит на Джилл пушку, что ты будешь делать?

Смит думал больше, чем обычно.

— Уничтожу еще кусок пищи, если вы не будете сердиться.

— При таких обстоятельствах на тебя никто не будет сердиться… Я хочу знать кое-что еще. Ты можешь выбросить пушку, не выбрасывая человека?

Смит подумал.

— Чтобы осталось больше пищи?

— Я не это имел в виду. Ты можешь убрать оружие, не причиняя вреда человеку?

— Я не причиню ему вреда. Я уберу оружие, а

человека просто остановлю. Ему не будет больно. Он просто дематериализуется. Пища останется в целости.

Харшоу вздохнул.

— Я так и знал. А ты можешь просто убрать оружие? Не останавливать человека, не убивать его, а убрать только оружие — и все. Человек же пусть живет дальше.

Смит подумал.

— Это, конечно, легко. Но если я оставлю его в живых, он убьет Джилл. Я так понимаю.

Харшоу снова почувствовал, что этот невинный младенец отнюдь не младенец и далеко не невинный. Он представитель культуры, во многом значительно опередившей человеческую. И эти наивные речи говорит сверхчеловек. Харшоу ответил, осторожно подбирая слова:

— Майк, если наступит момент, когда нужно будет сделать что-то, чтобы помочь Джилл — обязательно помоги ей.

— Да, Джабл, я помогу.

— Не обращай внимания на пищу или на что-нибудь другое. Защищай Джилл.

— Я всегда буду защищать Джилл.

— Хорошо. Допустим, человек навел оружие… даже нет, он просто держит его в руке. А ты не

хочешь его убивать. Тебе… нужно только убрать оружие. Ты можешь это сделать?

Майк помолчал.

— Мне кажется, я понял. Оружие — плохая вещь. Но оно может понадобиться человеку, чтобы защитить свою жизнь. — Он еще поразмыслил. — Да, могу.

— Хорошо, Майк, я покажу тебе оружие. Это — плохая вещь.

— Я сделаю так, что оно исчезнет.

— Только не сразу.

— Не сразу?

— Нет. Я подниму оружие и направлю его на тебя. Прежде, чем оно посмотрит тебе в глаза, убери его. Но ничего не делай со мной: не останавливай, не убивай, не убирай в никуда.

— Что ты, брат Джабл! Я не хочу, чтобы ты пропал. Я надеюсь, что, когда ты дематериализуешься, мне позволят съесть твое тело. Я буду ценить и любить каждый твой кусочек, чтобы полностью познать тебя.

Харшоу с трудом подавил рвотный рефлекс:

— Спасибо, Майк.

— Я должен благодарить тебя, брат. А если мне придется дематериализоваться раньше, я надеюсь, что ты найдешь меня достойным познания.

И разделишь меня с Джилл. Я надеюсь на это.

Харшоу посмотрел на Джилл. Ее лицо было безмятежно, и Харшоу подумал, что это профессиональное. Он торжественно произнес:

— Я разделю тебя с Джилл, — и добавил: — Однако, мне кажется, никому из нас не стоит в ближайшее время идти на мясо. Сейчас я покажу тебе оружие. Ты должен ждать моего сигнала, а потом будь осторожен, потому что я еще не готов дематериализоваться. Мне еще очень много нужно сделать.

— Я буду осторожен, брат.

— Отлично. — Харшоу открыл ящик стола. — Смотри, Майк. Видишь пистолет? Я беру его в руку. Ничего не делай, пока я не скажу.

Харшоу вынул из ящика пистолет. Такие носили полицейские полвека назад.

— Приготовься, Майк! Давай! — Харшоу прицелился в Смита.

Рука Харшоу оказалась пустой. Джабл почувствовал, что его трясет, и решил прекратить опыты.

— Великолепно! — сказал он. — Я и прицелиться не успел, а у тебя уже готово!

— Я счастлив.

— Я тоже. Дюк, это попало на пленку?

— Да.

— Отлично. — Харшоу вздохнул. — Все, ребята, разбежались.

Энн попросила:

— Босс, расскажете мне потом, что засняли камеры?

— А ты сама не хочешь посмотреть?

— Что вы! Я не имею права смотреть фильм о том, чему была Свидетелем. Мне просто интересно, насколько верно я передала происходящее.

— О'кей!

Глава 13

Все ушли. Харшоу стал давать распоряжения Дюку.

— Что ты такой кислый?

— Босс, когда этот вурдалак свалит отсюда?

— Вурдалак? Ах ты, деревенщина!

— Пусть деревенщина. Зато у нас в Канзасе людоедство не в чести. Пока он отсюда не свалит, я буду есть на кухне.

Харшоу произнес ледяным голосом:

— Что ж, Энн хватит пяти минут, чтобы выписать тебе расчет. На сборы тебе должно хватить десяти.

Дюк устанавливал проектор. Он отложил взятую было в руки кассету с пленкой и сказал:

— То, что я говорю, не значит, что я собираюсь уходить.

— Для меня значит.

— Почему, черт возьми? Я не первый раз ем на кухне!

— Дело в принципе. В моем доме никто не может отказываться есть за общим столом потому, что он не хочет сидеть рядом с кем-то из моих гостей. Я — представитель вымирающего племени джентльменов, а джентльмен, когда ему нужно, может быть тверже стали. Сейчас мне это нужно, и я заявляю, что не позволю невежественному и суеверному мужлану указывать мне, с кем мне сидеть за одним столом. Я делю свой хлеб с мытарями и грешниками, но не с фарисеями!

Дюк медленно произнес:

— Если бы вы были младше или я — старше, я бы вам этого не спустил.

— Пусть это тебя не останавливает. Я крепче, чем тебе кажется… На шум сбежится весь дом. Ты уверен, что справишься с Человеком с Марса?

— Да я его одной рукой в бараний рог согну!

— Возможно, если тебе удастся достать его рукой.

— Что?

— Ты видел: я целился в него из пистолета. Где этот пистолет? Найди его, а потом будешь говорить, кого ты собираешься гнуть в бараний рог. Только сначала разыщи мой пистолет.

Дюк отвернулся и стал налаживать проектор:

— Это ловкость рук. Прокрутим фильмы — сами увидите.

— Дюк, отойди от проектора, — сказал Харшоу. — Я лично его налажу, когда ты получишь расчет и уйдешь.

— Джабл, лучше не трогайте проектор. Вы всегда его ломаете.

— Отойди, я сказал!

— Но…

— Я его разобью к чертям, если захочу. Я не могу принимать услуги от человека, который уже не работает у меня!

— Я не увольнялся! Это вы меня выгнали — без всякой на то причины!

— Дюк, — Харшоу старался говорить спокойно, — сядь и выслушай меня. Позволь мне предостеречь тебя — или убирайся немедленно. Не задерживайся даже для того, чтобы собрать вещи. Ты можешь прекратить свое существование раньше, чем успеешь закончить сборы.

— Что это значит, черт возьми?

— Буквально то, что я сказал. Дюк, пойми, неважно, сам ли ты уволился или я тебя выгнал. Твоя работа здесь закончилась в ту самую секунду, когда ты объявил, что не станешь есть за моим столом. Думаю, что тебе будет также неприятно оказаться убитым в моем доме. Поэтому сядь, и мы подумаем, как этого избежать.

Дюк испуганно моргнул и сел. Харшоу продолжал:

— Ты приходишься Майку братом по воде?

— Что? Разумеется, нет. Как я понимаю, это ерунда.

— Ты не так много понимаешь, а это — не ерунда.— Харшоу сдвинул брови. — Дюк, я не хочу тебя выгонять. Ты держишь технику в порядке и избавляешь меня от возни с нею. Но я должен удалить тебя и других, кто не приходится Майку братом по воде, чтобы с вами ничего не случилось. Можно, конечно, взять с Майка обещание никого не трогать без моего разрешения. Но во всем этом мало определенности, а Майк имеет обыкновение истолковывать все не так. Представь, что ты или Ларри — тебя ведь не будет — толкнет Джилл в воду. Тогда он окажется там же, где сейчас мой пистолет, и я не успею сказать

Майку, что Ларри не хотел Джилл ничего плохого. А жизнь Ларри не должна оборваться из-за моей неосторожности. Я согласен, что каждый виноват в своей смерти сам, но нельзя же давать ребенку в руки динамитную шашку.

— Босс, — медленно проговорил Дюк — вы преувеличиваете. Майк никого не обидит. А я против него ничего не имею, я просто не могу за едой слушать людоедские рассуждения. Он, конечно, дикий, но кроток, как ягненок. Он не способен никого обидеть.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Хорошо. У тебя есть оружие. Я повторяю: Майк опасен. Охота на марсиан позволена в любой сезон. Бери пушку и выходи на него. За убийство тебя не посадят — могу гарантировать. Ну, давай!

— Джабл… на самом деле вы ведь не хотите этого.

— Не хочу. Потому что ты не можешь. Если бы попробовал, твой пистолет отправился бы вслед за моим. А если бы при этом ты напугал Майка и не дал ему сосредоточиться, то и сам бы туда отправился. Дюк, ты не понимаешь, с чем шутишь. Майк не кроток, как ягненок, но он и не дикарь.

Это мы с тобой дикари… Ты держал дома змей?

— Гм… нет.

— А я в детстве держал. Однажды зимой во Флориде я поймал молодую змею. Я думал, что это кардинал. Ты их видел?

— Я не люблю змей.

— Еще один предрассудок. Большинство змей безопасны, очень полезны и красивы. За ними интересно наблюдать. Кардиналы — просто красавцы, красно-черно-желтые, гибкие. У них спокойный характер, с ними можно дружить. Мой новый друг меня, по-видимому, тоже любил. Я умел обращаться со змеями, знал, как их не пугать и не провоцировать на укус: укус даже неядовитой змеи удовольствия не доставляет. Детеныш кардинала был моим сокровищем. Я всюду с ним носился, всем показывал, держа его сзади за голову и позволяя ему обвиваться вокруг моего запястья. Как-то я показал свою коллекцию змей герпетологу зоопарка Тампа. Тот чуть не хлопнулся в обморок. Мой любимец не был кардиналом. Это была молодая коралловая змея — самая опасная в Северной Америке. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Что опасно держать змею дома? Я это и сам кому угодно скажу.

— Ради святого Петра! У меня были анаконды и гремучие змеи, а я до сих пор жив. Ядовитая змея не более опасна, чем заряженное ружье; но и с тем, и с другим нужно уметь обращаться. Та змея была опасной, потому что я не знал, чего от нее ждать. И если бы по своему невежеству я повел бы себя с ней неосторожно, она бы убила меня с той же легкостью, с какой бы кот на ее месте оцарапал. Поэтому я и хочу объяснить тебе, как следует вести себя с Майком. На вид Майк — обычный молодой человек, физически несколько недоразвитый, неловкий, исключительно невежественный, но сообразительный и готовый учиться. Но если он почувствует к тебе недоверие, то станет гораздо опаснее коралловой змеи, особенно, если ему покажется, что ты угрожаешь кому-либо из его братьев. Например, Джилл или мне.

Харшоу покачал головой:

— Дюк, если бы ты не удержался от желания дать мне по морде и тебя в этот момент увидел бы Майк — ты умер бы раньше, чем осознал свою смерть, а я не успел бы остановить Майка. Потом Майк стал бы извиняться, что уничтожил пищу, то есть, твое мясо. Но он не чувствовал бы вины в том, что убил: ты сам навязал ему необходимость

тебя убить. А кроме того, Майк считает, что тебе все равно, жив ты или нет. Он верит, что душа бессмертна.

— Я тоже в это верю. Но…

— Неужели? — устало сказал Джабл. — Никогда бы не подумал.

— Я действительно верю. Да, я не часто хожу в церковь, но меня воспитали в твердой вере.

— Ладно. Хотя мне всегда было непонятно, как Господь позволил своим созданиям разбить единую Веру на праведные и неправедные, и почему он так дилетантски управляет миром. Если ты действительно веришь в бессмертие души, я больше не волнуюсь по поводу того, что твои предрассудки доведут твое же тело до смерти. Что прикажешь с ним делать: похоронить или кремировать?

— Джабл, прошу, прекратите меня дразнить.

— Я тебя не дразню. Если ты утверждаешь, что коралловая змея — это безобидный кардинал, я не могу гарантировать тебе долгую жизнь. Любая твоя ошибка может стать последней. Я могу лишь обещать, что не позволю Майку съесть твое тело.

Дюк даже рот открыл. Потом заговорил — гневно, сбивчиво, путано.

Харшоу слушал, затем прервал:

— Ладно, остынь. Делай, что хочешь. Я хочу посмотреть фильм. А-а, чертова машина!

Джабл склонился к проектору:

— Не нужно так сильно. Вот так… — Дюк поправил то, что напутал Харшоу, и вставил кассету.

Вопрос о том, работает ли Дюк на Харшоу или нет, больше не поднимался. Проектор был настольный, рассчитанный на твердую видеозвуковую четырехмиллиметровую пленку. На экране происходили события, предшествовавшие исчезновению бутылки. Джабл увидел, как она летит ему в голову и исчезает в мгновение ока.

— Энн будет рада, когда узнает, что фильм подтвердил ее слова. Дюк, повтори в замедленном темпе.

— О'кей! — Дюк отмотал кассету назад и объявил: — Пускаю в десять раз медленнее.

Кадры были те же самые, а так как замедленный звук ничего не давал, то Дюк отключил его. Бутылка выпорхнула из рук Джилл, поплыла по направлению к голове Харшоу и пропала, но не сразу, а постепенно, становясь все меньше и меньше, пока не исчезла совсем.

— Дюк, можно еще медленнее?

— Секундочку. Что-то случилось со стереоэффектом.

— Что именно?

— Черт его знает. При просмотре с нормальной, скоростью все было в порядке. А при замедлении получилось искажение стереоэффекта: бутылка летела от нас, а казалось, что она летит вбок. Это могло произойти из-за внезапного смещения оптических осей камеры. Но камеру я не трогал. Может быть, испорчена кассета?

— Бог с ним, Дюк. Поставь другую кассету.

— Точно. Угол зрения будет другим и мы все увидим, даже если эта кассета испорчена. — Дюк сменил кассету. — Первую часть пустим быстро, а конец замедлим?

— Годится.

Когда Джилл взяла бутылку в руки, Дюк замедлил просмотр. Бутылка двинулась по направлению к Харшоу. Дюк выругался.

— Со второй камерой тоже что-то не в порядке.

— Да?

— Камера была установлена под таким углом, что бутылка должна была вылететь из кадра вбок, а она полетела вглубь. Вы видели?

— Да.

— Но этого не может быть! Одна и та же неисправность сразу в обеих камерах?

— Что значит «не может быть», если это есть?!

Интересно, если бы вместо камер стояли радары, что бы они показали?

— Откуда я знаю? Нужно перебрать камеры.

— Не нужно.

— То есть как?

— Дюк, камеры исправны. Скажи, что перпендикулярно всему остальному?

— Я плохо разгадываю шарады.

— Это не шарада. Я мог бы отослать тебя к мистеру Квадратусу из Планиметрик-Сити, но я тебя пожалею. Так что же перпендикулярно всему на свете? Ответ: два тела — бутылка и пистолет.

— Что-то вы темните, босс…

— Я никогда еще не выражался яснее. Вместо того, чтобы искать неисправности в камерах, которые не показали тебе ожидаемого, постарайся поверить увиденному. Давай посмотрим остальные фильмы.

Ничего нового для себя Харшоу из этих фильмов не почерпнул. Пепельница, висящая под потолком, не попала в кадр, было заснято лишь ее неторопливое возвращение. Изображение пистолета было очень маленьким, но, насколько Харшоу разобрал, пистолет исчез, не перемещаясь в пространстве. Наводя пистолет на Смита, Харшоу крепко держал оружие, поэтому резуль-

татом он остался доволен, если здесь уместно слово «доволен».

— Дюк, мне нужны копии.

Дюк поколебался:

— Я еще не уволен?

— Черт возьми! Нет, но с условием, что ты будешь есть за общим столом. Постарайся отложить свои предрассудки и слушай.

— Слушаю.

— Когда Майк просил позволения съесть мое старое жилистое мясо, он оказывал мне величайшую из известных ему почестей. Да, по единственному ЕГО закону, это — честь! Майк всосал это, если можно так выразиться, с молоком матери. Он оказывал мне величайшее доверие и просил о величайшем одолжении. Ему все равно, что думают об этом в Канзасе; он мерит жизнь теми мерками, которые ему преподали на Марсе.

— По мне лучше канзасские.

— По мне тоже. Но ни ты, ни я, ни Майк не вольны в выборе. Нельзя перечеркнуть то, чему тебя учили в детстве. Пойми, наконец, что ты, если бы тебя воспитывали марсиане, относился бы к съедению себе подобных так же, как Майк.

— Не думаю, Джабл. Конечно, Майку не повезло, он воспитывался не в цивилизованном обществе.

Но здесь другое, здесь — проявление инстинкта.

— Сам ты инстинкт! Дерьмо!

— Но это же инстинкт! Я не всосал с молоком матери, что нельзя быть людоедом. Я сам знал, что это — грех, страшный грех. Меня от одной мысли об этом тошнит. Это — чистый инстинкт.

— Дюк, — простонал Джабл, — так не бывает: ты разбираешься в сложнейших механизмах и не имеешь ни малейшего представления о том, как работает твое сердце или желудок. Твоей матери не было нужды говорить: «Не ешь своих друзей, сынок, это нехорошо». Ты впитал это убеждение из нашей культуры, как, впрочем, и я. Все эти анекдоты о каннибалах и миссионерах, сказки, мультики, фильмы ужасов — разве это инстинкт? В древности каннибализм присутствовал во всех ветвях человеческой расы. И твои, и мои предки были каннибалами.

— Ваши, наверняка, были.

— Дюк, ты, кажется, говорил мне, что в твоих жилах есть доля индейской крови.

— Ну да, одна восьмая. А что?

— Это значит, что и среди твоих предков были каннибалы, и тебя от твоих предков-каннибалов отделяет более короткий промежуток, чем меня от моих, потому что…

— Ты старый, лысый…

— Тихо! Ритуальный каннибализм был широко распространен в племенах коренного населения Америки — читай историю. Кроме того, будучи североамериканцами, мы можем иметь прадеда-конголезца — вот вам, пожалуйста, еще людоед. Если даже мы чистейшие англосаксы (что маловероятно: смешанные браки были, есть и будут), то это значит, что мы произошли от европейских, а не африканских или индейских людоедов. Все цивилизации проходили ступень людоедства. Дюк, глупо противопоставлять практику десятка поколений извечному инстинкту, по которому тысячи людей жили тысячи лет.

— Я не могу с вами спорить, Джабл, вы выворачиваете все мои слова наизнанку. Я останусь при своем мнении. Пусть мы произошли от дикарей, но сами-то мы — цивилизованные люди. По крайней мере — я.

Джабл улыбнулся.

— Из чего следует, что я — нет. Что ж, сынок, несмотря на то, что мои условные рефлексы не дадут мне жевать твое филе, несмотря на укоренившийся во мне предрассудок против такой возможности, я считаю табу на каннибализм величайшим изобретением человечества… именно

потому, что мы — нецивилизованные люди.

— Что?

— Если бы у нас не было этого табу, настолько сильного, что ты считаешь его инстинктом, я бы насчитал не один десяток человек, которым нельзя доверять даже при нынешних ценах на мясо.

Дюк не сдержал улыбки.

— Я бы, к примеру, не рискнул бы пойти в гости к теще.

— А взять нашего южного соседа! Ты можешь поручиться, что мы не попали бы к нему в холодильник? А Майку я доверяю, потому что он — цивилизованный человек.

— Что?

— Ну, не цивилизованный человек, а цивилизованный марсианин, если тебе так понятнее. Я много говорил с Майком и знаю, что марсиане не жрут друг друга, как пауки. Они съедают тела своих умерших, которые мы обычно сжигаем или закапываем в землю. Это формализованный и глубоко религиозный обычай. Марсианина никогда не рубят на мясо против его воли. У марсиан нет понятия «убить». Житель Марса умирает тогда, когда он сам этого хочет, и когда его друзья и души умерших предков позволяют ему это сделать. Решив умереть, марсианин умирает так

же легко, как мы с тобой закрываем глаза. Ему не нужны ни насилие, ни болезнь, ни лишнее снотворное. Вот он жив и здоров, а через секунду превращается в дух. Тогда его друзья съедают то, в чем он более не испытывает потребности, познавая его и воздавая честь его достоинствам. Дух присутствует при этом. Это своего рода обряд конфирмации. после которого дух приобретает статус Старшего Брата; как я это понимаю, — старейшины.

Дюк скорчил гримасу:

— Боже, какой пещерный обычай!

— Для Майка — это торжественная и даже радостная религиозная церемония.

Дюк фыркнул:

— Джабл, неужели вы верите в эти сказки? Это же людоедство плюс дичайшее суеверие.

— Я бы не рубил сплеча. Конечно, идею о Старших Братьях трудновато переварить, но Майк говорит об этом так, как мы говорим о дожде, прошедшем в последнюю среду. Кстати, к какой церкви ты принадлежишь?

Дюк ответил.

Джабл продолжал:

— Я так и думал. В Канзасе — это самое распространенное религиозное течение. Скажи, что ты

чувствуешь, когда участвуешь в акте каннибализма, допущенном и освященном христианской церковью?

— Что вы имеете в виду? — Дюк вытаращил глаза.

Джабл торжествующе выпрямился:

— Ты был членом общины или только посещал воскресную школу?

— Я был членом общины. Я и сейчас им остался, хотя редко хожу в церковь.

— Я подумал, что, возможно, тебя к причастию не допускали… Но ты понял, что я имею в виду, если сразу перестал соображать. — Джабл поднялся. — Дюк, я не стану обсуждать разницу между ритуалами. Не буду тратить время и на то, чтобы тебя перевоспитывать. Говори: уходишь? Если да, то я тебя провожу. Если нет — будь любезен сидеть с нами, каннибалами, за одним столом.

Дюк, нахмурившись, подумал.

— Пожалуй, остаюсь.

— Помни: я ни за что не отвечаю. Ты просмотрел фильмы. Если у тебя не совсем пустая голова, ты должен понимать, насколько опасным может быть наш человек-марсианин.

— Я не так глуп, как вам кажется, Джабл. И не позволю Майку выжить меня отсюда.

Помолчав, Дюк добавил:

— Вы говорите, он опасен. Хорошо, я не буду его заводить. Он мне даже нравится.

— Все же ты недооцениваешь его, Дюк. Если ты испытываешь к нему дружеские чувства, лучшее, что ты можешь сделать, — это предложить ему стакан воды. Понимаешь? Стать его братом по воде.

— М-м-м… я подумаю.

— Помни, Дюк, все должно быть честно. Если Майк примет от тебя воду, значит он доверяет тебе и будет полностью доверять всегда. Поэтому, если ты не готов верить ему и защищать его во всех ситуациях, лучше не пей с ним воду. Здесь — или все, или ничего.

— Я понимаю. Потому и сказал, что подумаю.

— О'кей. Только не тяни: может быть поздно. Мне кажется, что очень скоро дела примут серьезный оборот.

Глава 14

Если верить Лемюэлю Гулливеру, то в Лапуте ни одна сколько-нибудь важная персона не могла ни с кем беседовать без помощи клименола (по-английски — хлопуши), задача которого состояла

в том, чтобы хлопать по ушам или губам хозяина всякий раз, когда, по мнению слуги, хозяин хотел что-то сказать или услышать. С лапутянином-аристократом нельзя было поговорить без согласия его слуги-клименола.

Жители Марса не были знакомы с такой системой. Марсианские Старшие Братья испытывали в хлопушах такую же необходимость, как рыбы в зонтиках. Материальные марсиане могли бы держать хлопуш, но это противоречило стилю их жизни. Если марсианину требовалось несколько минут или лет на созерцание, он тратил именно столько, сколько ему было необходимо. Если в это время с ним хотел поговорить друг, то другу приходилось ждать. Впереди вечность — куда торопиться? У марсиан не существовало понятия «торопиться». Скорость, одновременность, ускорение и другие абстракции использовались в марсианской философии, но не в повседневной жизни.

И наоборот, поспешность человеческого существования не диктовалась рассчитанной по формуле потребностью во времени, а вытекала из сексуальной биполярности человеческого рода. На планете Земля постепенно развивалась система хлопушества. Было время, когда правители

устраивали открытые приемы, во время которых подданные могли войти к королю без посредников. Остатки этого обычая сохранялись вплоть до двадцатого столетия. Умные градоначальники держали двери открытыми для последней ресторанной певички. Что-то подобное было зафиксировано в поправках I и IX к Конституции Соединенных Штатов, впоследствии поглощенных законами Всемирной Федерации.

Ко времени полета «Чемпиона» на Марс возможность прямого контакта с правителем (независимо от формы правления) окончательно отмерла. О ранге правителя можно было судить по количеству клименолов, ограждающих его от подданных. Клименолы назывались адъютантами, референтами, личными секретарями, пресс-секретарями, агентами по связям с общественностью — но все они были клименолами, потому что каждый из них по своему усмотрению устанавливал или обрывал контакт хозяина с внешним миром. Кроме официально назначенных хлопуш, существовали неофициальные, самозваные, использующие для хлопания личные отношения с Большим Человеком. Они назывались компаньонами по гольфу, лоббистами, важными государственными деятелями,

родственниками. Эти неофициальные хлопуши, в свою очередь, окружали себя сетью официальных (уже вторичных) хлопуш и становились такими же недоступными, как сам Большой Человек. Вслед за вторичными официальными хлопушами вокруг первичных неофициальных хлопуш собирались вторичные неофициальные. Пробиться сквозь сложные, переплетающиеся сети хлопуш к более или менее значительному человеку было практически невозможно.

Доктор Джабл Харшоу, шутник-профессионал, диверсант-любитель и, наконец, сознательный бездельник, подобно марсианам, никогда не спешил. Сознавая, что жизнь коротка, и — в отличие от марсиан и канзасцев, — не веря в бессмертие души, он стремился каждое бесценное мгновение жизни прожить как вечность, без страха, без надежды, со смаком истинного сибарита. Для этого ему требовалось жилище, более вместительное, чем бочка Диогена, но менее просторное, чем дворец Кубла-хана. В собственности Харшоу было несколько акров земли, охраняемых электрическим забором, и дом из полутора десятков комнат со всеми удобствами и секретарями-домоправительницами. Харшоу прилагал необходимый минимум усилий, чтобы поддерживать в порядке

дом и платить работникам (легче быть богатым, чем бедным), а в остальном жил в ленивой роскоши, делая только то, что ему было приятно.

Он чрезвычайно огорчался, когда обстоятельства вынуждали его спешить; в такие моменты он всегда бывал недоволен собой.

В тот день ему нужно было поговорить с Первым Министром планеты. Он знал, что система хлопуш не даст ему такой возможности. Сам Харшоу считал ниже своего достоинства окружать себя приличествующими его положению клименолами. Он лично отвечал на телефонные звонки, почти каждый из которых давал ему возможность кому-нибудь нагрубить за то, что звонящий без видимой причины (причины в понимании Харшоу) нарушал его уединение. Харшоу знал, что во Дворце Министров так не заведено и Генеральный Секретарь сам не отвечает на звонки. Но у Харшоу был многолетний опыт использования человеческих привычек в своих интересах, и после завтрака он бодро приступил к делу.

Его имя позволило ему пробиться сквозь первые ряды хлопуш. Он был достаточно важной персоной, чтобы его не отключали. Харшоу перебрасывали от одного секретаря к другому и,

наконец, соединили с вежливым молодым человеком, который, казалось, готов был выслушать все, что скажет ему Харшоу, но никак не хотел соединять с Генеральным Секретарем.

Харшоу понимал, что легко может спровоцировать эту компанию на действия, стоит лишь сказать, что Человек с Марса живет у него. Но он не был уверен в том, что конечный результат в этом случае будет удовлетворительным. Харшоу предвидел также, что упоминание о Смите лишит его всяких шансов добраться до Дугласа, а действовать начнут подчиненные Генерального Секретаря. Это было нежелательно. Ставкой в начатой Джаблом игре являлась жизнь Бена Кэкстона, поэтому рисковать было нельзя.

В конце концов терпение Харшоу иссякло.

— Молодой человек, если мое дело не в вашей компетенции, позовите к телефону кого-нибудь более компетентного! Соедините меня с мистером Берквистом!

Улыбка мгновенно испарилась с лица чиновника, и Харшоу злорадно подумал, что, наконец, сумел уколоть эту лису. Он продолжал напирать:

— Не сидите, как пришитый! Вызовите по внутреннему телефону Джила Берквиста и скажите ему, что на связи его ждет Джабл Харшоу.

Чиновник произнес деревянным голосом:

— Мистера Берквиста здесь нет.

— Значит найдите его. Если вы лично не знаете Джилберта Берквиста, спросите вашего начальника, кто это такой и где его найти! Он личный помощник Генерального Секретаря. Если вы работаете во Дворце, вы должны были его видеть. Тридцать пять лет, шесть футов ростом, сто восемьдесят фунтов весом, волосы светлые, на макушке редкие, все время улыбается, зубы отличные. Если вы боитесь к нему обратиться, попросите вашего шефа. Довольно грызть ногти, действуйте!

Молодой человек сказал:

— Не прерывайте связь. Я все узнаю.

— Хорошо, я жду.

Изображение чиновника исчезло, появилась нейтральная заставка. Зазвучал голос:

— Пожалуйста, подождите. Время ожидания оплачивается нашей стороной. Используйте паузу, чтобы расслабиться.

Послышалась спокойная музыка; Джабл откинулся на спинку стула и огляделся. Энн читала, сидя вне поля зрения видеотелефона. Человек с Марса, также не попадающий в обзор камеры, смотрел по стереовидению новости, используя

наушники, чтобы не мешать разговору.

Джабл подумал, что пора вернуть этот мерзкий ящик в подвал.

— Что слушаешь, сынок? — спросил Джабл, потянулся к стереовизору и включил звук.

— Не знаю, — ответил Майк.

Опасения Джабла подтвердились: Майк смотрел фостеритскую программу. Пастырь читал церковные новости:

— …молодежная команда «Вера-в-Действии» вам продемонстрирует… Приходите, посмотрите, как от их соперников полетят пух и перья! Тренер команды, брат Хорнсби, просил передать вам, что нужно взять с собой только шлемы, перчатки и трости. В этот раз охоты на грешников не будет. Но на случай чрезмерного рвения с вашей стороны на посту будет команда «Юный Херувим» с аптечками первой помощи. — Пастырь сделал паузу и широко улыбнулся. — А теперь дети мои, чудесная новость! Послание ангела Рамзая к брату Артуру Ренвику и его доброй жене Доротее. Ваша молитва услышана: вы будете призваны на небеса в четверг на рассвете! Арт, встань, Дотти, встань. Поклонитесь!

Камера переместилась на конгрегацию, особо выделив брата и сестру Ренвик. Раздались бур-

ные аплодисменты и крики «Аллилуйя!». Брат Ренвик ответил на них боксерским приветствием, а сестра Ренвик улыбнулась, покраснела и прослезилась.

Камера вернулась к пастырю, призывавшему публику к тишине. Все замолчали. Пастырь продолжал:

— Церемония «Bon Voyage»[5] начнется в полночь; двери в это время должны быть закрыты. Поэтому приходите пораньше, и пусть эта церемония будет самым счастливым праздником в нашей жизни! Мы гордимся Артом и Дотти. Похоронная церемония состоится через полчаса после восхода солнца. Вслед за этим — завтрак для тех, кому рано на работу.

Тут пастырь напустил на себя суровый вид, и камера поехала на него, так что лицо фостерита заняло весь экран.

— После прошлой церемонии «Bon Voyage» в одной из комнат Счастья была найдена пустая бутылка из-под зелья, приготовляемого грешниками. Это дело прошлое; брат, совершивший ошибку, покаялся и понес наказание, отказавшись от обычной денежной скидки. Я уверен, что

---

[5] Примечания: 5

Bon Voyage — счастливого пути *(франц).*

он больше не собьется с пути. Обращаюсь ко всем остальным: дети мои, подумайте, стоит ли рисковать вечным счастьем ради мизерного мирского удовольствия? Добивайтесь священной печати одобрения, с которой вам улыбнется епископ Дигби. Не позволяйте грешникам осквернять ваши помыслы. Брат Арт, мне неловко говорить об этом сейчас…

— Ничего, пастырь, говорите.

— … в такой счастливый день. Но мы не должны забывать…

Харшоу выключил стереовизор.

— Майк, это тебе не нужно.

— Не нужно?

— М-м-м… («Рано или поздно парню придется с чем-то подобным столкнуться».) Ладно, смотри. Потом обязательно обсудим.

— Хорошо, Джабл.

Харшоу собирался напомнить Майку, что не следует буквально понимать услышанное, но тут музыка по фону прекратилась, на экране появилось изображение человека лет сорока, которого Харшоу определил как полицейского.

— Вы не Берквист, — задиристо заявил Джабл.

— Зачем вам нужен Джилберт Берквист?

Джабл подчеркнуто терпеливо ответил:

— Я хочу с ним поговорить. Послушайте, любезный, вы государственный служащий?

Тот поколебался:

— Да. Вы должны…

— Я ничего не должен! Я — гражданин Федерации, я плачу налоги, которые идут вам на зарплату. Все утро я пытаюсь позвонить нужному человеку, а меня водят за нос разные попугаи, живущие за счет моих налогов. А теперь еще вы! Назовите мне ваше имя, должность и табельный номер. И соедините меня с мистером Берквистом.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Вот еще! Я не обязан вам отвечать, я — частное лицо. А вы — нет; вопрос же, который я вам задал, любое частное лицо имеет право задать любому государственному служащему. Вспомните дело О'Келли против штата Калифорния, 1972 год. Я требую, чтобы вы назвали себя: имя, должность, номер в табеле.

Человек ответил без выражения:

— Вы — доктор Джабл Харшоу, звоните из…

— Боже! Вы так долго это выясняли? Это идиотизм. Мой адрес есть в любой библиотеке, в любой почтовой конторе. Меня все знают. Все, кто умеет читать. Вы что, читать не умеете?

— Доктор Харшоу, я — офицер полиции. Мне требуется ваша помощь. Скажите, зачем…

— Как вам не стыдно, сэр! Я юрист! Полиция имеет право приглашать частное лицо к сотрудничеству только при исключительных обстоятельствах. Например, во время преследования преступника. И даже в этом случае полицейский должен предъявить удостоверение личности. Разве мы с вами преследуем преступника? А как вы собираетесь показывать удостоверение? Прыгнете ко мне через экран? Далее, гражданина можно привлечь к сотрудничеству с полицией в разумных пределах в ходе расследования…

— Мы ведем расследование.

— Опять-таки, сэр, вы должны сначала представиться, сообщить о ваших намерениях, а если я того потребую, процитировать кодекс и доказать мне, что необходимость привлечения меня к сотрудничеству действительно существует. Вы ничего этого не сделали. Я хочу говорить с мистером Берквистом.

У полицейского заиграли на скулах желваки, но он ответил:

— Я — капитан Хейнрик из Бюро Особой Службы. Доказательством этому служит то, что я с вами говорю. Тем не менее… — Он вынул из

кармана документ, раскрыл его и ткнул в глаз видеотелефона.

Харшоу скользнул по документу взглядом.

— Очень хорошо, капитан, — прорычал он. — Теперь будьте любезны объяснить мне, почему вы не даете мне поговорить с мистером Берквистом?

— Мистера Берквиста нет.

— Почему вы не сказали об этом сразу? Соедините меня с кем-нибудь, равным ему по рангу. Я имею в виду с кем-нибудь, кто, как и Берквист, имеет прямой контакт с Генеральным Секретарем. Мне не нужны младшие помощники, которые даже высморкаться без разрешения свыше не смеют. Если нет Джила, соедините меня с другим серьезным человеком.

— Но вы же хотели поговорить с Генеральным Секретарем?

— Именно!

— Отлично. Вы можете объяснить, какое у вас дело к Генеральному Секретарю?

— Но могу и не объяснять. Вы что, конфиденциальный секретарь Генерального Секретаря? Вам позволено знать его секреты?

— Это к делу не относится.

— Как раз относится. Как офицер полиции, вы

должны знать это лучше меня. Я объясню суть дела человеку, у которого не будет никаких записывающих устройств и с условием, что мне дадут возможность переговорить с Генеральным Секретарем. Вы уверены, что нельзя позвать мистера Берквиста?

— Абсолютно.

— Должны же быть равные ему по рангу!

— Если ваше дело так секретно, зачем вы звоните по телефону?

— Мой добрый капитан, если вы проследили мой звонок, то вы должны знать, что по моему телефону можно вести сверхсекретные разговоры.

Офицер Особой Службы пропустил последнее замечание мимо ушей.

— Доктор, не ставьте мне условий, — ответил он. — Пока вы не объясните, о чем вы хотите говорить с Генеральным Секретарем, мы не двинемся с места. Если вы позвоните еще раз, ваш звонок будет переадресован мне. Позвоните сто раз подряд или через месяц — результат будет таким же. До тех пор, пока вы не согласитесь с нами сотрудничать.

Джабл радостно улыбнулся.

— В этом уже нет необходимости. Вы сообщили мне — неосознанно, а может, и сознательно — то,

что мне необходимо было знать, чтобы начать действовать… Или не начинать? Могу подождать до вечера. Да, пароль меняется. Слово «Берквист» уже не работает.

— Что вы имеете в виду?

— Капитан, дорогой, не надо! Не по телефону… Вы ведь знаете или должны были бы знать, что я — главный мозгополоскатель страны?

— Повторите, не понял.

— Как? Вы не в курсе, что такое аллегория? Боже, чему учат детей в школах? Можете играть в свои карты дальше. Вы мне больше не нужны.

Харшоу отключился, поставил телефон на десять минут на отказ, вышел к бассейну; велел Энн держать форму Свидетеля наготове, Майку — оставаться в пределах досягаемости, Мириам — отвечать на звонки. И уселся отдыхать.

Он был вполне доволен собой. Он не надеялся, что ему с первой попытки удастся соединиться с Генеральным Секретарем. Разведка боем дала кое-какие результаты, и Харшоу ждал, что его стычка с капитаном Хейнриком повлечет за собой звонок из высших сфер.

Если и не повлечет, то обмен любезностями с капитаном сам по себе является наградой. Харшоу придерживался мнения, что есть носы,

созданные специально для того, чтобы по ним щелкали. Это укрепляет всеобщее благоденствие, уменьшает извечную наглость чиновников и улучшает их породу. Харшоу сразу понял — у Хейнрика именно такой нос.

Но сколько еще ждать?.. А тут новая неприятность: ушел Дюк. Ушел на день, на неделю, или навсегда? Джабл не знал. Вчера за обедом Дюк был, а сегодня за завтраком не появился. Больше ничего достойного внимания в доме Харшоу не произошло. Отсутствие Дюка никого не огорчило.

Джабл взглянул на противоположную сторону бассейна, проследил, как Майк пытается повторить за Доркас прыжок в воду, и поймал себя на том, что намеренно не спрашивал у Майка, где может быть Дюк. Он боялся спросить у волка, что случилось с ягненком. Волк мог и ответить.

Однако слабости следует преодолевать.

— Майк! Иди сюда!

— Иду, Джабл. — Майк вылез из воды и потрусил, как щенок к хозяину.

Харшоу оглядел его и подумал, что сейчас он весит фунтов на двадцать больше, чем в день приезда: нарастил мускулы.

— Майк, ты не знаешь, где Дюк?

— Нет, Джабл.

Нет — и ладно: врать парень не умеет. Хотя стоп: он, как компьютер, отвечает только на тот вопрос, который ему задают. Когда его спросили, где бутылка, он тоже сказал, что не знает.

— Майк, когда ты его в последний раз видел?

— Он поднимался по лестнице, а мы с Джилл спускались. Это было утром, когда готовят завтрак. — Тут Майк с гордостью добавил: — Я помогал Джилл готовить.

— И больше ты Дюка не видел?

— Больше я Дюка не видел. Я жарил гренки.

— Что ты говоришь? Из тебя выйдет отличный муж для какой-нибудь девчонки, если ты не будешь осторожен.

— О, я очень осторожно жарил!

— Джабл!

— Слушаю, Энн.

— Дюк поел на кухне до общего завтрака и умотал в город. Я думала, вы знаете.

— Гм-м, — протянул Джабл, — я полагал, он поедет после ленча.

У него словно гора с плеч упала. Не то чтобы Дюк для него многое значил — нет, конечно, Харшоу никогда и никому не позволял стать значительным в его глазах. И все-таки хорошо,

что Дюк ушел от греха подальше.

Какой закон нарушается, если человека развернуть перпендикулярно всему на свете, то есть отправить в другое измерение?

Это не будет убийством, потому что для Майка это средство самозащиты или защиты ближнего, например, Джилл. Пожалуй, подойдут пенсильванские законы о колдовстве. Интересно, как может быть сформулировано обвинение? Гражданское право вряд ли подойдет — за нарушение общественного порядка Майка не привлечешь. Похоже, нужно разрабатывать для него особый закон. Майк уже поколебал основы медицины и физики, хотя ни медики, ни физики этого не заметили.

Харшоу вспомнил, какой трагедией для многих ученых стала теория относительности. Не в силах ее усвоить, они сошли со сцены навсегда. Несгибаемая старая гвардия вымерла, уступив место молодым гибким умам.

Дедушка рассказывал, что то же самое произошло в медицине, когда Пастер сформулировал основы микробиологии. Старые врачи сходили в могилу с проклятиями в адрес Пастера, но не утруждали себя изучением явлений, которые с точки зрения их здравого смысла были невоз-

можными.

Майк, по всей видимости, наделает больше шума, чем Пастер и Эйнштейн вместе взятые. Кстати о шуме:

— Ларри! Где Ларри?

— Здесь, босс, — послышалось в рупоре за спиной, — в мастерской.

— Сигнализатор тревоги у тебя?

— Да. Я с ним сплю, как вы сказали.

— Вылезай наверх и отдай его Энн. Энн, держи его вместе со свидетельской формой.

Энн кивнула. Ларри ответил:

— Хорошо, босс, иду. Уже пошел.

Джабл заметил, что Человек с Марса до сих пор стоит рядом, неподвижный, как изваяние. Скульптура? Харшоу покопался в памяти. «Давид» Микеланджело. Полудетские ноги и руки, безмятежное чувственное лицо и длинные спутанные волосы…

— Майк, ты свободен.

— Да, Джабл.

Он все не уходил. Джабл спросил:

— Тебя что-то беспокоит, сынок?

— Ты сказал, мы должны обязательно поговорить о том, что я видел в чертовом ящике.

— Ах, да, — Джабл вспомнил фостеритскую

передачу и поморщился. — Только не говори «чертов ящик»: это приемник стереовидения.

Майк удивился:

— Не «чертов ящик»? Ты сам его так называл!

— Да, это на самом деле чертов ящик, но ты должен называть его «приемник стереовидения».

— Я буду называть его «приемник стереовидения», но зачем? Я не понимаю.

Харшоу вздохнул. Он устал воспитывать Майка. В каждой беседе с Майком Харшоу обнаруживал, что человеческое поведение часто нельзя объяснить логически. Когда же Джабл пытался это сделать, он лишь попусту тратил время и силы.

— Я и сам не понимаю, Майк. Так хочет Джилл.

— Так хочет Джилл? Хорошо, Джабл.

— Теперь расскажи мне, что ты видел, слышал и что понял из этого.

Майк пересказал все, что было передано по стереовизору, все до последнего слова, даже рекламные врезки. Он почти закончил энциклопедию, а, следовательно, читал статьи «Религия», «Христианство», «Ислам», «Иудаизм», «Буддизм», «Конфуцианство» и многие другие, с ними связанные. Ничего из прочитанного он не понял. Сейчас Джабл выяснил, что:

а) Майк не заметил, что фостеритское действо

носило религиозный характер;

б) Майк помнил все, что в энциклопедии сказано о религиях, но ничего не понимал и оставил эту информацию для дальнейшего осмысления;

в) Майк имел весьма туманное представление о том, что такое религия, хотя знал девять словарных толкований этого понятия;

г) в марсианском языке не было слов, на которые можно было бы перевести хотя бы одно из этих толкований;

д) обычаи, которые Джабл описал Дюку как религиозные, для Майка таковыми не являлись, а были скорее бытовыми, как для Джабла покупка овощей;

е) в марсианском языке понятия «религия», «философия», «наука» не существуют по отдельности, а так как Майк думает по-марсиански, для него они также неразделимы — это то, что преподают Старшие Братья.

Майк не знал, что такое гипотеза и исследование. Он мог получить ответ на любой вопрос от Старших Братьев, всеведущих и непогрешимых как в метеорологии, так и в космической теологии. (Когда Майк услышал прогноз погоды, он решил, что это послание от земных Старших Братьев к живым землянам. Подобным же образом

он относился и к Британской энциклопедии). И наконец, что было хуже всего, Майк расценил передачу как объявление о предстоящей дематериализации двоих людей и последующем их присоединении к армии Старших Братьев. Майк страшно волновался. Правильно ли он понял? Майк знал, что его английский оставляет желать лучшего и поэтому он не всегда правильно понимает людей. Он еще только яйцо. Но правильно ли он понял это? Майк ждал встречи с человеческими Старшими Братьями, у него было так много вопросов к ним. Может быть, уже можно? Или нужно узнать еще что-то, прежде чем он будет готов с ними говорить?

Джабла спас сигнал к ленчу. Доркас принесла сэндвичи и кофе. Джабл ел молча, и это было вполне понятно Смиту: Старшие Братья учили, что еда — время для размышлений. Джабл, как мог, растягивал это время, проклиная себя за то, что позволил парню смотреть стерео. Правда, мальчик все равно столкнулся бы с религией, если ему предстоит провести остаток жизни на этой сумасшедшей планете. И все же было бы лучше, если бы это произошло позже, когда Майк привыкнет к нелогичности человеческого поведения. И как было бы хорошо, если бы он увидел

первыми не фостеритов!

Убежденный агностик, Джабл все религии — от тотемизма до самых интеллектуальных — ставил на одну доску. Но эмоционально некоторые религии были ему симпатичны, а некоторые — отвратительны. При упоминании о Церкви Нового Откровения у него волосы вставали дыбом. Фостеритские претензии на прямой контакт с Небом, их нетерпимость, обряды, напоминающие футбольные матчи или торги, — все это угнетало Харшоу. Если людям так уж необходимо ходить в церковь, почему не пойти в приличную церковь — католическую или квакерскую? Если Бог существует (в этом вопросе Джабл предпочитал сохранять нейтралитет) и если он хочет, чтобы его почитали (это Джабл полагал маловероятным, но, признавая свое невежество, допускал такую возможность), — то как Он, создатель Вселенной, может принимать почести в таком идиотском виде?

Джаблу приходилось призывать всю свою терпимость, чтобы допустить, что фостериты владеют Истиной, исключительной Истиной и только Истиной. Вселенная — величайшая глупость… мягко говоря. Но как это объяснить? Согласиться с тем, что абстрактное нечто по чи-

стой случайности оказалось атомами, которые чисто случайно сгруппировались таким образом, что друг против друга уселись Человек с Марса и мешок дерьма, который называется Джаблом?

Нет, он не может проглотить теорию чистой случайности, популярную среди людей, называющих себя учеными. Случайность не является объяснением Вселенной, случайности не достаточно для объяснения случайных событий. Сосуд не может вмещать сам себя.

Что дальше? Скальпелем Оккама[6] не вырезать первичную проблему: природу божественного разума. Есть ли основания для того, чтобы предпочесть одну гипотезу другой? Нет, если ты не разбираешься в проблеме. Джабл признал, что за всю свою долгую жизнь так и не разобрался в главных проблемах Вселенной.

Может быть, фостериты и правы.

В таком случае, как быть с его эстетическим вкусом и чувством собственного достоинства? Если фостериты захватили монополию на Истину, если Небо открыто только им, то он, Джабл Харшоу, джентльмен, предпочтет Истине вечное

[6] Примечания: 6

В соответствии с принципом «Скальпеля Оккама» (англ. философ-схоласт XIV в.) понятия, не сводимые к интуитивному и опытному знанию, должны удалиться из науки. — *(Прим. ред.)*

проклятие, обещанное грешникам, отвергающим Новое Откровение. Ему не дано видеть лицо Бога, зато он видит его наместников на Земле — этого фостериты не учли!

А Майк почти созрел, чтобы идти за ними. Это их восшествие на небеса в определенное время очень похоже на добровольную дематериализацию, которая практикуется на Марсе. Джабл подозревал, что для фостеритской практики скорее подойдет термин «убийство», но средства массовой информации на это намекали очень редко, а доказать что-либо еще никому не удалось. Первым на Небо отправился сам Фостер; он умер в заранее назначенное время. С тех пор восшествие считается у его последователей особой честью. Уже давно коронеры не отваживаются проводить расследования случаев смерти фостеритов. Впрочем, Джаблу все равно, и даже наоборот: хороший фостерит — мертвый фостерит.

Но как трудно будет это объяснить…

Нет смысла тянуть — лишняя чашка кофе не спасет.

— Майк, кто сотворил мир?

— Прошу прощения?

— Посмотри вокруг себя. Все, что видишь: Марс, звезды, ты, я, все остальные. Старшие Братья не

говорили тебе, кто все это сделал?

— Нет, Джабл, — удивился Майк.

— А ты никогда не задавался этим вопросом? Откуда взялось Солнце? Кто повесил звезды на небо? Кто все начал? Все: весь мир, Вселенную, которая жила, жила и дожила до нас, до нашего разговора?

Тут Джабл сам себе удивился. Он хотел начать разговор с позиций агностицизма, а заговорил, как хорошо вышколенный честный адвокат. Он против своей воли говорил в пользу верований, которых не разделял, но которых придерживалось большинство людей. Ну да, как же иначе? Он человек и отстаивает убеждения человеческого племени в борьбе против… чего? Точки зрения, не свойственной людям?

— Как Старшие Братья отвечают на такие вопросы?

— Джабл, я не понимаю, почему это вопросы?.. Извини.

— А я не понимаю твоего ответа.

Майк помолчал.

— Я постараюсь… слова неправильные… «повесил», «сотворил». Мир нельзя сотворить. Мир был. Мир есть. Мир будет…

— Ты хочешь сказать, что мир бесконечен и

неизменен: как было вначале, так будет всегда — без конца?

Майк радостно улыбнулся.

— Ты понял!

— Я не понял, — пробурчал Харшоу, — я цитирую… м-м-м… одного из наших Старших Братьев.

Харшоу решил испытать другой подход. Идею Бога-Создателя, как ни бейся, Майк не воспримет. Джабл и сам не мог ее как следует воспринять. В молодости он договорился сам с собой: по четным дням считать Вселенную сотворенной Богом, а по нечетным — вечной и неизменной, так как у каждой из этих идей были свои плюсы и минусы. 29 февраля он отвел для отдыха от обеих идей — для хаоса солипсизма в душе и сознании. Составив себе такое расписание, Харшоу вот уж более полувека не задавался неразрешимыми вопросами.

Джабл решил объяснить понятие религии в широком смысле, а к идее Бога вернуться позже.

Майк был согласен с тем, что знание приходит разными порциями: от маленьких кусочков, которые под силу птенцу, до огромных массивов, которые может одолеть только Старший Брат. Однако дальше дело не пошло: Джаблу не удалось провести границу между «большим знанием»

и «маленьким». Некоторые вопросы религии, которые можно было бы квалифицировать как «большое знание» не были для Майка вопросами (сотворение мира), другие были «маленькими вопросами» (жизнь после смерти).

Джабл отказался от этого подхода и перешел к факту одновременного существования многих религий. Он сказал, что у людей существует много путей получения «больших знаний» и каждый путь дает свои ответы на главные вопросы; и люди, идущие по какому-либо пути, лишь его считают истинным.

— Что такое Истина? — спросил Майк.

— («Что есть Истина? — спросил прокурор и умыл руки». Мне бы так). Истина, Майк, — это правильный ответ. Скажи, сколько у меня рук?

— Две руки, — ответил Майк и тут же уточнил: — Я вижу две руки.

Энн оторвалась от чтения:

— За полтора месяца из него вышел бы отменный Беспристрастный Свидетель.

— Тихо, Энн! Не сбивай, я сам собьюсь. Майк, ты правильно сказал. У меня две руки. Твой ответ был истинным. А если бы ты сказал, что у меня семь рук?

Майк забеспокоился:

— Не понимаю, как такое можно сказать.

— Я и не рассчитывал, что ты это скажешь. А если бы сказал, то сказал бы неправильно. Твой ответ не был бы истинным. Так вот, слушай внимательно, Майк. Каждая религия утверждает, что только она истинна, только она говорит правду. Но если одна религия скажет: две руки, то другая на тот же вопрос ответит: семь рук. На один и тот же вопрос фостериты говорят одно, буддисты — другое, мусульмане — третье; сколько религий — столько разных ответов.

Майк соображал изо всех сил:

— И все ответы правильные? Джабл, я не понимаю.

— Я тоже.

Человек с Марса снова забеспокоился, потом вдруг радостно улыбнулся:

— Я попрошу фостеритов поговорить с вашими Старшими Братьями, и тогда мы все узнаем и поймем. Как я могу это сделать?

Через несколько минут Джабл со стыдом вспомнил, что пообещал Майку встретиться с каким-нибудь фостеритским пастырем. Он никак не мог разубедить Майка в том, что фостериты общаются с земными Старшими Братьями. Камнем преткновения было то, что Майк не знал,

что такое ложь. Он запомнил определения лжи и фальши, но был далек от их понимания. («Говорить неправильно» можно только случайно). Поэтому Майк принял фостеритский балаган за чистую монету.

Джабл пытался объяснить Майку, что каждая религия претендует на то, что ей известен тот или иной способ общения со Старшими Братьями, но каждая религия дает свой ответ на один и тот же вопрос.

Майк сдерживал нетерпение:

— Брат мой Джабл! Я стараюсь, но не могу понять, как можно говорить разную правду. Моему народу Старшие Братья говорят всегда одну правду. Ваш народ…

— Стоп!

— Прошу прощения?

— Ты сказал «мой народ», имея в виду марсиан. Майк, ты не марсианин, ты человек.

— Что такое человек?

Джабл застонал. Конечно, можно было бы отослать Майка к словарю. Однако Майк никогда не задавал вопрос ради вопроса. Если уж он что-то спрашивал, значит, хотел получить информацию и рассчитывал, что Джабл в состоянии ему эту информацию дать.

— Я человек, ты человек, Ларри — человек.

— А Энн не человек?

— Гм… Энн — человек женского пола. Она женщина.

(— Спасибо, Джабл. — Заткнись, Энн!)

— А ребенок — человек? Я видел детей в чертовом… по стереовидению. Ребенок не похож на Энн, Энн не похожа на тебя, а ты не похож на на меня… Ребенок — это птенец человека?

— Да, ребенок — это птенец.

— Джабл, мне кажется, я понял, что мой народ — «марсиане» — люди. Не по форме. Человек не форма. Человек — это вникновение. Я правильно говорю?

«Хватит философии, — подумал Джабл. — До чего-то мы еще договоримся? Что такое человек? Ощипанное двуногое существо? Образ и подобие Бога? Или печальный результат «выживания сильнейших», рождающихся лишь для того, чтобы выплатить налоги и умереть? Марсиане, по-видимому, победили смерть, у них нет денег, собственности, стало быть, и налогов они не платят.

Мальчик прав: форма не главное в человеке: ведь форма бутылки не влияет на качество вина. Человека можно даже вылить из его бутылки,

как того беднягу, которого русские «спасли», поместив его мозг в стеклянную банку и опутав ее проводами, как телефонную станцию. Здорово они пошутили! Интересно, тот парень оценил их юмор?

Чем же, с точки зрения марсиан, человек отличается от других животных? Можно ли удивить достижениями техники народ, владеющий тайной левитации? Кому марсиане присудят первый приз: Асуанской плотине или коралловому атоллу? Напереть на сознание? А кто докажет, что синие киты или секвойи не имеют сознания и не умеют сочинять стихи?

Есть поприще, на котором человека никто не превзошел: человек проявил чудеса изобретательности, выдумывая способы убийства, порабощения, закабаления и отравления жизни себе подобных. Человек — это злобная насмешка над самим собой».

— Человек — это животное, которое смеется, — сказал в конце концов Джабл.

Майк подумал.

— Тогда я не человек, — сказал он.

— Почему?

— Я не умею смеяться. Я слышал смех, он пугал меня. Потом я понял, что это не страшно. Я пы-

тался научиться. — Майк запрокинул голову и издал звук, похожий на скрипучий кашель.

— Перестань. — Джабл закрыл ладонями уши.

— Вот видишь, — печально заключил Майк, — я не умею правильно смеяться, значит, я не человек.

— Постой, сынок, ты просто еще не научился. И никогда не научишься, если будешь просто копировать других. Ты засмеешься, я тебе обещаю. Поживешь с нами, посмотришь, какие мы смешные, — и засмеешься.

— Правда?

— Правда. Не волнуйся, все придет само собой. Даже марсианин засмеется, когда поймет, что мы такое.

— Я подожду, — умиротворенно согласился Майк.

— А пока ты ждешь, не сомневайся, что ты человек. Человек, рожденный женщиной самому себе на беду. Ты когда-нибудь поймешь это во всей полноте и засмеешься, потому что человек — это животное, которое смеется над собой. Вполне возможно, что твои марсианские друзья тоже люди в этом смысле слова.

— Да, Джабл.

Харшоу решил, что беседа окончена, и почув-

ствовал облегчение. Такого смущения он не испытывал давно — с того дня, когда отец — непоправимо поздно — стал объяснять ему, как живут и рождаются птицы, пчелы, цветы. Но Человек с Марса не уходил.

— Брат мой Джабл, — заговорил он, — ты спрашивал меня, кто сотворил мир, а у меня не было слов, потому что я неправильно понял тебя. Я не знал, что это вопрос. Я искал слово.

— Ну?

— Ты сказал: Бог сотворил мир.

— Нет, нет! — запротестовал Харшоу. — Так сказал не я. Так говорят религии. Я сказал, что сам не пойму всей глубины того, что принято обозначать словом «Бог».

— Да, Джабл, — подтвердил Майк. — Правильное слово — «Бог». Ты понял.

— Я должен признаться, что не понял.

— Понял, — настаивал Смит. — Я объясняю. У меня не было слова. Ты понимаешь, Энн понимает, я понимаю, трава под ногами понимает и радуется. У меня не было слова. Теперь оно есть. Это слово — «Бог».

— Дальше.

— Ты есть Бог. — Майк торжественно ткнул пальцем в Харшоу.

Джабл закрыл лицо руками.

— Господи, что я наделал! Майк, ты перепутал! Ты меня не понял! Забудь все, что я сказал. Завтра начнем сначала.

— Ты есть Бог, — повторил Майк невозмутимо. — Бог — тот, кто умеет вникать. Энн есть Бог, я есть Бог. Счастливая трава — тоже Бог. Джилл понимает красоту — Джилл тоже Бог. Все, что умеет думать и творить, — он защебетал что-то по-марсиански и улыбнулся.

— Умница, Майк. Подожди минутку. Энн, ты слушала?

— Слушала, босс.

— Запиши. И дальше будешь записывать. Я должен над этим поработать. — Тут Джабл взглянул на небо. — О, Господи! Генеральный Штаб и вся королевская рать! Энн, настрой сигнализатор на сигнал «человек погиб» и держи палец на кнопке. Может, они не сюда.

Харшоу снова взглянул на небо, по которому с юга летели две машины.

— Боюсь, что все-таки к нам, Майк! Прячься в бассейн, на самую глубину. И сиди тихо, не выходи, пока за тобой не придет Джилл.

— Да, Джабл.

— Ну, давай, живо!

— Да, Джабл!

Майк побежал к бассейну, прыгнул в воду и исчез. Прыгал он, старательно вытягивая ноги.

— Джилл! — закричал Джабл. — Прыгай в воду — и на берег! Ларри, ты тоже! Я хочу, чтобы было непонятно, сколько человек плавает в бассейне. Доркас! Выйди на берег и опять нырни! Энн!.. Нет, у тебя сигнализатор.

— Я надену плащ и выйду к бассейну, босс. Может, поставить задержку сигнала?

— Да, на тридцать секунд. Плащ наденешь, если они приземлятся. Не хочу заранее паниковать. — Он приставил ладонь козырьком ко лбу. — Одна собралась садиться. Здоровенная, как экскаватор. Черт побери, я думал, они начнут с переговоров.

Одна из Машин зависла и стала искать в саду место для посадки. Вторая тем временем кружила над усадьбой на малой высоте. Машины были большие, рассчитанные на отделение солдат. На бортах можно было различить знаки Федерации — стилизованные изображения Земли.

Энн надела плащ, взяла сигнализатор и выпрямилась, держа палец на кнопке. Приземлилась первая машина, ее борт открылся, и Джабл, воинственный, как петух, бросился навстречу непрошенным гостям. Из машины вышел че-

ловек

— Снимите вашу бочку с моих роз! — зарычал на него Джабл.

— Джабл Харшоу? — спросил человек.

— Велите вашим ослам поднять этот мусоровоз в воздух и отогнать его прочь из сада, в поле! Энн!

— Иду, босс.

— Джабл Харшоу, у меня есть ордер на ваш арест!

— Да пусть у вас будет ордер на арест хоть самого короля Англии! Уберите ваш металлолом с моих цветов. А потом я возбужу против вас дело. — Тут Джабл взглянул на человека и узнал его. — Так это вы! Хейнрик, вы родились дураком или вас в детстве плохо учили? И когда этот шакал в форме научится летать?

— Ознакомьтесь, пожалуйста, с ордером, — терпеливо проговорил капитан Хейнрик. — Затем…

— Ваша телега уберется, наконец, с моих клумб? Я потребую возмещения ущерба, и вы до конца жизни не расплатитесь!

Хейнрик заколебался.

— Ну! — завопил Джабл. — И пусть ваши олухи возьмут ноги в руки! Вон тот идиот с лошадиными зубами наступил на «Элизабет Хьюит»!

Хейнрик обернулся к своим людям.

— Эй, там, осторожнее с цветами! Пескин, не топчите куст! Роджерс, поднимите машину в воздух и выведите ее из сада. — Он вновь обратился к Харшоу: — Вы удовлетворены?

— Машина еще не поднялась, ущерб пока не возмещен. Предъявите удостоверение личности, покажите его Беспристрастному Свидетелю. Громко и четко назовите ваше имя, звание, организацию, в которой служите, и ваш табельный номер.

— Вы знаете, кто я. У меня ордер на ваш арест.

— А у меня есть право сделать вам пробор пистолетом, если вы откажетесь действовать по закону! Я не знаю, кто вы. Вы похожи на чучело, которое я видел по видеотелефону, но я не обязан вас узнавать. Вы должны назвать себя, по форме, указанной во Всемирном Кодексе, параграф 1602, часть II. И только тогда вы можете предъявить ордер. Это касается и остальных обезьян, в том числе и того питекантропа, который управляет колымагой.

— Это подчиненные мне полицейские.

— Я не знаю, кто они! Они могли купить костюмы у прогоревшего театра. Соблюдайте закон, сэр! Вы пришли в мой дом, утверждая, что вы

полицейские и имеете право на вторжение. А я утверждаю, что вы — нарушители порядка, и вы должны доказать мне обратное. В противном случае я имею право применить силу, чтобы изгнать вас из моих владений, что я и сделаю через три секунды.

— Не советую.

— Да кто вы такой, чтобы советовать мне? Вы ущемляете мои человеческие права, вы осуществляете против меня агрессию, вы угрожаете мне оружием. Ведь ваши ослы забавляются именно огнестрельным оружием. Вы преступник, а я честный гражданин! Да я вашу шкуру у порога положу, буду об нее ноги вытирать! — Харшоу потряс в воздухе кулаком. — Вон из моих владений!

— Ладно, доктор. Пусть будет по-вашему. — Хейнрик побагровел, но голосом владел по-прежнему.

Он показал удостоверение личности сначала Харшоу, который мельком взглянул на документ, затем Энн. Потом назвал полное имя, звание, место работы, табельный номер. Затем приказал проделать то же самое всем солдатам и пилоту. По окончании церемонии Харшоу любезно обратился к капитану:

— Чем могу быть вам полезен, капитан?

— У меня в руках ордер на арест Джилберта Берквиста.

— Покажите его сначала мне, затем Свидетелю.

— Показываю. У меня имеется также аналогичный ордер на арест Джиллиан Бордмэн.

— Что?

— Джиллиан Бордмэн. Обвиняется в похищении граждан.

— Боже мой!

— Далее. На Гектора К. Джонсона, Валентайна Майкла Смита и на вас, Джабл Харшоу.

— На меня? Опять что-то не так с налогами?

— Нет. Вам инкриминируются соучастие, укрывательство и сопротивление властям.

— Полноте, капитан! Как только вы представились, — я само сотрудничество. И останусь таковым. Что не мешает мне возбудить против вас, вашего непосредственного начальника и правительства дело о незаконных действиях, имевших место до момента вашего представления. Если вы и дальше будете действовать незаконно, я и это учту. О, да у вас целый список! Теперь я понял, зачем вам вторая машина. Ба, тут что-то не так. Какая-то миссис Бордмэн обвиняет-

ся в похищении Смита, а здесь Смит обвиняется в побеге… Ничего не понимаю!

— Все верно. Он сбежал, а она его похитила.

— А-а-а… Должно быть, непросто сделать это одновременно. А за что он отбывал заключение? В ордере не указано.

— Откуда я знаю? Он сбежал, и все тут. Мне приказано его поймать.

— Господи! А я оказывается, помогаю всем скрываться. Занятно… Вам будет несладко, когда выяснится, что вы спутали грешное с праведным.

Хейнрик холодно улыбнулся.

— Если кому и будет несладко, так это вам.

— Я надеюсь, все выяснится очень скоро. — Джабл повысил голос и обернулся к дому. — Если нас слышал судья Холланд, процесс — для всех нас — не затянется. А если поблизости случайно находится корреспондент Ассошиэйтед Пресс, то мы тут же и узнаем, куда можно предъявить такой иск.

— Все крутите ваши скользкие делишки, Харшоу?

— Клевета, сударь. Я возьму на заметку.

— Хоть на две. Мы здесь одни, вы ничего не докажете.

— Ой ли?!

Глава 15

Валентайн Майкл Смит поплыл в мутной воде в самую глубокую часть бассейна, что под вышкой, и устроился на дне. Он не понял, зачем брат по воде велел ему спрятаться. Он даже не понимал, что прячется. Джабл велел сидеть на дне и ждать Джилл — этого достаточно. Смит свернулся в комок, выпустил воздух из легких, зафиксировал язык, закатил глаза, замедлил сердце и фактически умер, разве что не дематериализовался. Он решил еще растянуть ощущение времени, так как ему о многом нужно было подумать.

Ему опять не удалось наладить полный контакт с братом по воде. Он знал, что контакт не установлен по его вине: он неправильно употребляет всякие неоднозначные слова человеческого языка и расстраивает Джабла.

Смит знал, что люди легко переносят сильные чувства, тем не менее огорчение Джабла печалило его. Правда, под конец разговора он, кажется, понял самое непонятное человеческое слово. Майкл давно, еще когда занимался с братом Махмудом, заметил, что длинные слова чаще всего

однозначны, а короткие — очень скользкие и меняют свои значения совершенно непредсказуемо. По крайней мере, ему так казалось. Понять короткое слово в человеческом языке — все равно, что набирать воду ножом. А это слово было очень короткое.

Но Смит понял это слово — слово «Бог». Недоразумение произошло оттого, что Смит неправильно подбирал другие слова. Понятие же «Бог» было таким простым, таким изначальным, таким необходимым, что на Марсе его мог бы объяснить и птенец. Но выразить его словами человеческого языка, да так, чтобы передать тончайшие оттенки марсианского смысла, было трудно.

Как же так? Почему нельзя высказать такую простую, всем известную вещь, без которой невозможно жить? Наверное, нужно спросить здешних Старших Братьев, как правильно говорить, чтобы не барахтаться в тине изменчивых значений. Если так, то нужно подождать, пока Джабл устроит ему встречу со Страшим Братом. Ведь он сам — только яйцо.

Майклу стало жаль, что он не получил права присутствовать при дематериализации брата Арта и брата Дотти.

Потом. Смит стал перебирать в памяти словарь

Уэбстера (3-е издание, Спрингфилд, Массачусетс)…

Он оторвался от словаря, так как ощутил, что его братья в беде. Смит остановился между словами «шербет» и «шеренга» и стал обдумывать ситуацию. Должен ли он покинуть бассейн с влагой жизни и присоединиться к братьям, чтобы познать и разделить их беду? Дома в этом не могло быть ни тени сомнения: там братья спешат на помощь друг другу и вместе противостоят неприятностям.

Но Джабл велел ему ждать.

Смит припомнил слова Джабла и удостоверился, что понял их правильно: он должен ждать Джилл.

Однако вернуться к словарю Смит не мог: тревога не покидала его. И тут Майку в голову пришла идея настолько смелая, что он задрожал бы, если бы тело его было к этому готово. Джабл велел ему держать под водой тело, но это не значит, что он сам должен сидеть в бассейне.

Смит поразмыслил над этим, боясь, как бы скользкие английские слова не завели его куда не следует. Он пришел к выводу, что Джабл не приказывал ему оставаться в теле, а это давало возможность выйти из тела, присоединиться к

братьям и вместе с ними пережить беду.

Смит решил прогуляться.

Он удивился собственной смелости: еще никогда он не предпринимал таких прогулок в одиночку. Всегда рядом был Старший Брат, который наблюдал, направлял, следил, чтобы тело Майка находилось в безопасности.

Сейчас рядом никого не было. Однако Смита переполняла уверенность, что он справится один и никому не будет за него стыдно. Он проверил все свои внутренние органы, убедился, что с ними в ближайшее время ничего не случится, и осторожно выбрался наружу, оставив для присмотра за телом лишь маленькую часть себя.

Смит выбрался на берег, напомнил себе, что нужно двигаться так, как будто тело при нем (иначе можно потерять ориентацию, забыть дорогу к бассейну, к телу — ко всему и улететь в незнакомые места, откуда нет возврата).

Смит огляделся. В саду приземлялась машина. Существа, которые она при этом подмяла, жаловались на боль и унижение. Может быть, именно их жалобы разбудили его? Трава живет для того, чтобы по ней ходили, кусты и цветы — нет. Это уже плохо. Нет, не только это плохо. Вот из машины выходит человек. К нему бежит Джабл. Смит

увидел волну гнева, прокатившуюся от Джабла к человеку, такую плотную, что если бы двое марсиан пустили друг в друга такие волны, оба немедленно бы дематериализовались бы.

Смит решил, что над этим нужно подумать и выяснить, чем можно помочь брату. Потом он оглянулся на остальных.

Доркас выбиралась из бассейна, она была взволнована, но не очень. Смит чувствовал, что она верит в силы Джабла. Ларри тоже только что вышел из бассейна, и с него стекала вода. Ларри был возбужден и весел, он верил в босса непоколебимо. Рядом с Ларри стояла Мириам. Ее настроение было средним между настроениями Ларри и Доркас. Чуть поодаль стояла Энн в белом наряде, который она носила с собой весь день. Ее настроения Смит не уловил: она казалась спокойной и строгой, как Старший Брат. Смита это неприятно удивило: он привык, что от Энн исходит мягкое, дружественное тепло.

Энн внимательно наблюдала за Джаблом и готова была ему помочь. И Ларри, и Доркас, и Мириам были готовы помочь Джаблу. Смит понял, что все они приходятся братьями Джаблу, а значит, и ему, Майку. Он разволновался и чуть было не потерял ориентацию, но вовремя

спохватился, успокоился и остановился, чтобы прочувствовать любовь ко всем сразу и к каждому в отдельности.

Джилл стояла в воде, держась одной рукой за край бассейна. Смит знал, что она ищет глазами его. Сидя на дне, он чувствовал ее присутствие. Но ее тревожило не только его благополучие, а что-то еще, более серьезное: она не успокоилась, даже узнав, что с ним все в порядке. Смит решил идти к ней и дать ей знать, что он рядом и разделит с ней беду.

Он так бы и поступил, если бы не смутное чувство вины: Смит не был уверен, что Джабл одобрит его прогулки в то время, когда ему необходимо сидеть на дне. Смит пошел на компромисс: если будет нужно, он сообщит им о себе и поможет.

Смит обратил внимание на человека, выходящего из машины и уловил его настроение. Настроение человека Смиту не понравилось, и он стал подробнее разглядывать его. В специальном кармане, прикрепленном к поясу человека, Смит увидел оружие. Смит был почти уверен, что это оружие. Он внимательно осмотрел предмет, сравнил его с оружием, которое ему приходилось видеть, сравнил с определением из словаря Уэб-

стера (3-е издание, Спрингфилд, Массачусетс).

Да, это оружие. Не только по форме, но и по недоброй энергии, исходящей от него. Смит заглянул в ствол, понял, как оружие должно действовать, и задумался. Отправить оружие прочь, пока человек не вышел из машины? Смит чувствовал, что это нужно сделать, но Джабл когда-то сказал ему не делать ничего с оружием, пока не скажут, что пора.

Смит чувствовал, что необходимость действия приближается, но решил ждать до последнего. Может быть, Джабл специально отправил его под воду, чтобы он не начал действовать раньше времени или неправильно?

Он подождет, но будет наблюдать за оружием. Не спуская с оружия глаз, Смит вошел в машину. Он еще никогда не чувствовал столько недоброй энергии. В машине были другие люди, один из них собрался выйти. От всех пахло, как от стаи хауга, унюхавшей неосторожную куколку; в руках они держали что-то такое же недоброе…

Смит знал, что форма предмета не определяет его сущности. Чтобы понять сущность предмета, нужно заглянуть внутрь формы. Его народ проходит в своем развитии пять форм: яйцо, куколка, птенец, взрослый, Старший Брат. И все

же сущность Старшего Брата угадывается по форме яйца…

Это что-то было похоже на оружие. Смит не знал, что это. Оружия такой величины он еще не видел. Да и форма не совсем знакома. Есть совершенно незнакомые детали.

И все-таки это оружие.

Какой-то человек пристегнул к поясу еще оружие, маленькое. В машину, оказывается, были встроены две огромные пушки и еще какие-то предметы, назначение которых Смит не понял, но почувствовал зло, исходящее от них.

Смит подумал, не уничтожить ли машину со всем содержимым, но его остановило нежелание уничтожить пищу и сознание того, что он еще не до конца понял суть происходящего. Лучше двигаться медленно, наблюдать внимательно и ждать сигнала от Джабла. А если Джабл решит, что правильное поведение — оставаться пассивным, то нужно будет вернуться на дно.

Смит покинул машину и стал смотреть, слушать, ждать. Человек, вышедший из машины первым, говорил с Джаблом о вещах, которые Смит только запомнил, но не мог понять: они находились за рамками его опыта. Вышли другие люди и разбрелись по саду; Смит рассредоточил

внимание, чтобы следить за всеми сразу. Машина поднялась в воздух, двинулась в сторону и освободила примятые кусты. Смит передал кустам посильное утешение.

Первый человек стал показывать Джаблу какие-то бумаги, которые Джабл передавал Энн. Вместе с Энн Смит прочел их. Слова относились к человеческим ритуалам, описания которых он встречал в медицинских и юридических книгах Джабла, и Смит не стал вдумываться в смысл документа, тем более что Джабла они не встревожили — зло шло с другой стороны. Смит был счастлив, когда в двух документах прочитал свое имя: он всегда испытывал восторг, когда его читал; ему тогда казалось, что он раздваивается, а это умеют только Старшие Братья.

Джабл и человек, который первым вышел из машины, направились к бассейну. Рядом с ними шла Энн. Смит слегка ослабил ощущение времени, так, чтобы они двигались быстрее, но чтобы он сам успевал следить за остальными. Подошли еще трое из прилетевших в машине.

Вышедший первым остановился рядом с Джилл и Ларри, вынул из кармана картинку и посмотрел на нее, затем — на Джилл. Смит почувствовал, как в нем зарождается страх и нарастает напря-

жение. Джабл говорил: «Защищай Джилл. Не бойся, что уничтожишь пищу. Не думай ни о чем. Защищай Джилл».

Нужно защитить Джилл, даже если что-то будет сделано не так. Правда, было бы хорошо почувствовать поддержку и одобрение Джабла.

Когда человек, вышедший из машины первым, указал на Джилл, и двое его помощников поспешили к ней со своим злым оружием, Смит повернул их перпендикулярно всему на свете, отправив в пространство Допплера.

Первый посмотрел на то место, где они только что были, потянулся за своим оружием — и тоже исчез.

Подбежали еще четверо. Смит не хотел их убивать. Он знал, что Джабл будет доволен больше, если он их просто остановит. Но остановить вещь, даже пепельницу, — это работа, а у Смита нет тела. Только Старший Брат может обойтись без тела, а он — всего лишь яйцо. И четверо исчезли.

Теперь зло грозило со стороны машины, стоящей на земле. Смит направился к ней. Он больше ни в чем не сомневался. Машина и пилот исчезли.

Смит чуть было не проглядел дозорную машину. Он уже начал расслабляться, когда вновь

ощутил недобрую энергию. Смит глянул вверх: вторая машина заходила на посадку.

Смит до предела растянул время, взлетел в воздух и осмотрел машину. Она вся пропитана злом, и за это отправилась в никуда. Смит вернулся к друзьям, стоявшим у бассейна.

Все были взволнованы; Доркас рыдала, Джилл утешала ее, держа в своих объятиях. Одна Энн была спокойна. Зла больше не оставалось, можно было вернуться к прерванным размышлениям. С Доркас Джилл справится сама — Джилл, как никто, понимает боль. Кроме того, Смит не был уверен, что действовал правильно, и боялся, что Джабл не одобрит его поступков. Поэтому он почел за лучшее скрыться. Майкл нырнул в бассейн, отыскал свое тело и вошел внутрь.

Смит попытался осмыслить события, но не смог: происшедшее было так ново и незнакомо, что не помещалось все сразу. Он не успел познать и полюбить людей, которых ему пришлось убить. И Смит вернулся к словарю. Он был занят статьей «эклиптика», когда ощутил приближение Джилл. Смит вернулся в активное состояние, чтобы не заставлять Джилл ждать: он знал, что брат Джилл не может долго находиться под водой.

Когда Джилл дотронулась до него, Смит взял ее

голову в ладони и поцеловал. Он научился этому совсем недавно и не до конца понимал, что это значит. Здесь было то же, что и в ритуале с водой, и еще что-то, что Смиту очень хотелось понять.

Глава 16

Харшоу не стал ждать, пока Джиллиан вытащит из воды своего подопечного. Он велел дать Доркас успокаивающее и поспешил в кабинет, чтобы услышать (или не услышать) от Энн объяснение событий, произошедших за последние десять минут.

— Ближняя! — крикнул он через плечо.

Подбежала Мириам и, запыхавшись, сказала:

— Я ближняя, босс. Что все это…

— Девочка, молчи.

— Но, босс…

— Прикуси язык. Все узнаешь в свое время. Энн за неделю не перескажет всего, что было. Сейчас мне начнут обрывать телефон, а репортеры посыплются с деревьев, как жуки. Пока не началось светопреставление, я хочу кое-куда позвонить. Мне казалось, что ты из тех женщин, которые могут работать даже с ненакрашенными губами. Кстати, не оплачивайте Доркас время, которое

она провела в истерике.

— Как вы можете, босс, — возмутилась Мириам. — Вы хотите, чтобы мы все от вас ушли?

— Ерунда!

— Перестаньте придираться к Доркас. Я сама чуть в обморок не упала. А сейчас так точно заплачу.

— Только попробуй — и я тебя отшлепаю. — Харшоу ухмыльнулся. — Ладно, выпиши ей премию за работу в суровых условиях. Всем выпиши, и мне тоже, уж я-то заслужил.

— Хорошо, только кто вам ее заплатит?

— Налогоплательщики. Если постараться, можно сбросить доллар-другой с суммы налогов… Проклятье!

Они как раз вошли в кабинет, где уже трезвонил телефон. Харшоу упал в кресло и включил видеотелефон:

— Харшоу слушает. Кто говорит, черт вас возьми?

— Не старайтесь, док, — ответило лицо с экрана. — Я вас давно не боюсь. Как дела?

Харшоу узнал Томаса Маккензи, главного продюсера программы «Нью Уорлд Нетворкс» и немного смягчился.

— В порядке, Том. Я очень спешу, поэтому, по-

жалуйста…

— Вы спешите? Попробовали бы вы работать в моем режиме: сорок восемь часов в сутки. У вас в ближайшее время появится что-нибудь для нас? Я уже не говорю о технике, но я плачу трем съемочным группам только за то, что они сидят и ждут вашего сигнала. Мне для вас ничего не жалко, мы пользуемся вашими сценариями; надеюсь, будем сотрудничать и дальше, но что я должен сказать бухгалтеру?

— Неужели до вас ничего не дошло?

— А что должно было дойти?

Тут Харшоу узнал, что в «Нью Уорлд Нетворкс» не видели и не слышали о вторжении полиции в его дом. На вопросы Маккензи Харшоу отвечал уклончиво, так как решил, что правдивые ответы создадут о нем весьма определенное мнение. Джабл договорился с Томом, что если в ближайшие двадцать четыре часа не произойдет ничего достойного внимания, «Нью Уорлд Нетворкс» снимет наблюдение.

Когда сеанс закончился, Харшоу распорядился:

— Позови Ларри. Пусть возьмет у Энн сигнализатор и принесет сюда.

Пока Мириам ходила за Ларри, Харшоу позвонил еще в два места и узнал, что ни в одном

из них не был получен сигнал о налете Особой Службы на его дом. Харшоу не стал проверять, дошли ли «подвешенные» сообщения: разумеется, нет; их отправка должна была осуществиться по тому самому сигналу тревоги, которого никто не услышал.

Вошел Ларри с сигнализатором тревоги.

— Вот он, босс.

— Дай-ка я на него гляну. Вот тебе урок, Ларри: не доверяй технике более сложной, чем нож или вилка.

— Хорошо, не буду. Что еще?

— Можно как-нибудь проверить эту штуковину? Чтобы не поднимать шума?

— Конечно. Изготовитель предусмотрел режим проверки. Там есть специальный переключатель. Двигаешь его в позицию «проверка», нажимаешь кнопку «тревога» и загорается лампочка. Можно сделать проверку в реальных условиях. Вызвать кого-нибудь по этой самой рации и сказать, что тревога проверочная. Потом нажать кнопку.

— Если проверка покажет, что связи нет, ты сможешь найти неполадку?

— Не знаю. Я такие задачи решаю на системном уровне. Вот Дюк — тот на молекулярном.

— Понимаю. Я тоже, сынок, умею больше голо-

вой, чем руками. Но все-таки попробуй.

— Что еще, Джабл?

— Если встретишь человека, который изобрел колесо, пришли его ко мне. Выскочка!

Джабл подумал было, что это Дюк испортил передатчик, но сразу же отказался от этой мысли. Лучше поразмыслить над тем, что произошло в саду и как парню удалось это сделать, сидя под водой. Джабл ни на секунду не сомневался, что без Майка тут не обошлось.

То, что происходило в этой комнате вчера, впечатляло разум, но не душу. Мышь — такое же чудо природы, как и слон, и все же разница есть: слон больше. Увидев, как исчезла бутылка, можно было предположить, что с таким же успехом исчезнет и машина, в которой сидит отделение солдат. Но бутылка — одно, а солдаты — другое.

Довольно оплакивать полицейских. Туда им и дорога! Хотя бывают и честные полицейские… И даже последний взяточник-констебль не заслуживает того, чтобы выбрасывать его в никуда. А береговая охрана — вообще порядочные люди.

Но хотя, чтобы завербоваться в Особую Службу, нужно быть вором и садистом одновременно. Это же гестапо! Штурмовики. Каратели. Джабл вспомнил золотое время, когда для защиты прав

гражданина было достаточно «Билля о правах», и никакая Федерация не смела рта раскрыть.

Отставить рефлексию! Надо подумать о будущем. Отряд Хейнрика должен был держать связь с базой по радио. Стало быть, исчезновение отряда не останется незамеченным. Пошлют еще один отряд. Особенно если Майк поймал вторую машину в момент передачи сообщения.

— Мириам!

— Да, босс.

— Приведи сюда Майка, Джилл, Ларри — всех. Заприте двери и закройте все окна на первом этаже.

— Что-то опять случилось?

— Пошевеливайся!

Если обезьяны начнут ломиться в дом, — вернее, когда они начнут ломиться в дом, можно натравить на них Майка. Но боевые действия необходимо прекратить, а это значит, что Джабл должен пробиться к Генеральному Секретарю.

Как?

Позвонить во Дворец? Нет, Хейнрик предупредил — и, наверное, не соврал, — что звонки Харшоу во Дворец Министров будут направляться к нему или к другому офицеру Особой Службы, сидящему в том же кабинете… А почему бы и

нет? Они оторопеют и, может, соединят со своим шефом? Уж он-то, боров, наверняка имеет прямой контакт с Генеральным Секретарем!

Бесполезно. Разве убедишь человека, который верит только в пушки, что у тебя есть что-то получше? Он будет посылать отряд за отрядом, пушку за пушкой, пока они не кончатся, но до него не дойдет, что не всегда можно арестовать человека, местонахождение которого известно.

Что ж, не мытьем, так катаньем — политика проста. Эх, Бена бы сюда, он знает, что и кому сказать…

Правда, если бы Бен не исчез, не произошло бы того, что произошло. Значит, надо искать кого-то другого, кто знает. Идиот! Полчаса назад говорил с ним! Джабл стал звонить Тому Маккензи, которого оберегали три слоя хлопуш. Все хлопуши знали Джабла и пропускали его. Пока Харшоу звонил, пришли все его сотрудники и Человек с Марса. Все сели. Мириам подсунула Харшоу листок с надписью: «Окна и двери закрыты». Джабл кивнул и ниже написал: «Ларри — передатчик?». Потом сказал в телефон:

— Том, прости, что снова беспокою.

— Что вы, Джабл, я всегда рад вас слышать.

— Том, что ты делаешь, когда тебе надо погово-

рить с Генеральным Секретарем?

— Звоню его пресс-секретарю Джиму Сэнфорту. Джим все решает.

— А если тебе нужно поговорить лично с Генеральным Секретарем?

— Прошу Джима все устроить. Говорю ему, в чем дело. Джабл, наш телефон не прослушивается.

— Том, представь, что тебе в ближайшие десять минут обязательно нужно поговорить с Дугласом.

Брови Маккензи поползли вверх.

— Ну, я бы объяснил Джиму, зачем…

— Нет.

— Джабл, будьте благоразумны.

— Это как раз то, чего я не умею. Представь, что три дня назад ты поймал Джима за руку, когда он лез к тебе в карман. Ты не хочешь объяснять ему, в чем дело, но тебе очень нужно поговорить с Дугласом.

Маккензи вздохнул:

— Что ж, я бы сказал Джиму, что мне нужно поговорить с боссом и если меня не соединят с ним, правительство не получит от нашей программы ни грана информации.

— Отлично, Том, ты сейчас так и сделаешь.

— Что?!

— Ты позвонишь во Дворец по другому телефону, а когда тебе дадут Дугласа, включишь меня. Мне нужно срочно с ним поговорить.

Маккензи скривился.

— Джабл, дружище…

— Не хочешь?

— Не в этом дело. Я, в принципе, могу поговорить с Генеральным Секретарем. Но я не могу передавать это право другому. Джабл, я вас очень уважаю. Нашей программе было бы очень больно отказываться от сотрудничества с вами. Я понимаю, что вы вправе отказаться от возобновления контракта. Но я не могу связать вас с Генеральным Секретарем. Человек не способен говорить с Генеральным Секретарем, если тот сам ему не позвонит.

— А если я заключу с вами контракт на выгодных для вас условиях? На семь лет?

У Маккензи был такой вид, будто у него разболелся зуб.

— Все равно не могу. Я потеряю место. И вам не с кем будет заключать контракт.

Джабл хотел было позвать к экрану Майка и представить его, но раздумал. Именно по программе «Нью Уорлд Нетворкс» прошли интервью

с подставным Человеком с Марса, и Маккензи либо сам участвовал в фарсе, либо ничего не знал и не поверил бы, что покровители так надули его.

— Ладно, Том, не хочешь — не надо. Но ты ведь знаешь все лазейки в коридорах власти. Скажи, кто еще, кроме Сэнфорта, может позвонить Дугласу в любое время и поговорить с ним?

— Никто.

— Черт побери, ни один человек не способен жить в вакууме! Должен же найтись кто-то, кто звонит Дугласу, и секретарь его не отшивает!

— Может быть, кто-нибудь из Кабинета Министров? Не знаю…

— Я тоже никого из них не знаю. Я не имею в виду политиков. У него есть друг, который может пригласить его на партию в покер?

— Могу назвать пару имен. Джейк Алленби тебя устроит?

— Я его знаю. Он меня не любит. Я его тоже не люблю, и ему об этом известно.

— У Дугласа мало близких друзей. Жена отбивала. Погодите, Джабл! Как вы относитесь к астрологии?

— Не пробовал. Предпочитаю бренди.

— Дело вкуса. Слушайте внимательно, Джабл. Если вы кому-нибудь проболтаетесь, что слыша-

ли от меня, я перережу вашу лживую глотку!

— Согласен. Продолжай.

— Агнесс Дуглас предпочитает астрологию многому другому. И я знаю, как она получает прогнозы. Ее астролог может позвонить ей в любое время. А миссис Дуглас — главный министр в кабинете мистера Дугласа, можете мне поверить. Позвоните астрологу. Остальное зависит от вас.

— У меня в списке на рассылку рождественских открыток нет имен астрологов, — с сомнением произнес Харшоу. — Как зовут этого типа?

— Ее зовут мадам Александра Везан. Посмотрите в справочнике городской телефонной сети Вашингтона.

— Вот он, — торжествующе объявил Джабл. — Том, спасибо, ты меня так выручил!

— Не за что. Есть что-нибудь интересное?

— Подожди. — Харшоу пробежал глазами записку, которую ему подвинула Мириам: «Ларри говорит, что передатчик не работает. Причины он не знает». — У нас не сработал сигнализатор тревоги, он и сейчас молчит.

— Я кого-нибудь пришлю.

— Спасибо.

Джабл отключился и заказал разговор с Александрой Везан, попросив оператора соединить

их через шифрующее устройство, если телефон мадам Везан оборудован для этого. Вскоре он увидел на экране ее величавые черты. Джабл с улыбкой приветствовал астролога:

— Привет, землячка!

Везан вздрогнула и удивленно раскрыла глаза:

— О, док Харшоу! Старый мошенник! Ей-богу, рада вас видеть. Где вы скрывались все это время?

— Вот именно, Бекки, скрывался. Ищейки на хвосте сидят.

Бекки ответила, не раздумывая:

— Может быть, я могу помочь? Вам нужны деньги?

— У меня куча денег, Бекки, плюс очень неприятное положение. И помочь мне может только сам Генеральный Секретарь. Мне очень нужно с ним поговорить. Немедленно.

Она посмотрела ему прямо в лицо:

— Это непросто, док.

— Знаю, Бекки. Я уже пытался пробиться к нему — ничего не вышло. Мне не хотелось бы втягивать тебя в это дело, но я сижу на пороховой бочке. Может, ты подскажешь мне какой-нибудь номер телефона или другой способ поговорить с ним? Я не хочу, чтобы мы фигурировали в этом

деле вместе. Тебе будет плохо, и я не смогу посмотреть профессору в глаза… упокой Господь его душу.

— Я знаю, о чем бы попросил меня сейчас профессор. Не говорите ерунды, док! Профессор всегда говорил, что вы единственный в мире настоящий костоправ. Он никогда не забывал того, что было в Элктоне.

— Не стоит вспоминать, Бекки. Мне заплатили за это.

— Вы спасли ему жизнь.

— Ничего подобного. Он сам хотел жить, а ты хорошо за ним ухаживала.

— Док, мы теряем время. У вас очень срочный разговор?

— Исключительно. Мне шьют такое дело, что погорю и я, и все, кто со мной рядом. Федерация уже дала ордер, с минуты на минуту мне его предъявят. А я не могу скрыться: они знают, где меня искать. Только мистер Дуглас может их остановить.

— Я постараюсь помочь.

— Я на тебя надеюсь, Бекки. Но это может занять несколько часов. И если ты не успеешь, они организуют процесс, который, скорее всего, будет закрытым. А я уже слишком стар для подобных

дел.

— Док, вы в состоянии рассказать поподробнее? Мне нужно составить гороскоп, тогда я буду знать, что делать. Вы Меркурий, потому что доктор. Если вы мне скажете, с кем или с чем имеете дело, гороскоп будет еще лучше.

— Девочка, сейчас не время для этого. — («Кому же доверять?» — подумал Харшоу). — Пойми, если ты хоть что-то будешь знать о моем деле, то окажешься в таком же положении, как и я.

— Док, не темните. Вы ведь знаете — я никогда без куска хлеба не останусь.

— Ладно. Я Меркурий, а мои неприятности начались из-за Марса.

— Какие неприятности? — Она пронзительно взглянула на Харшоу.

— Ты смотришь новости? Человек с Марса, если им верить, отправился в Анды. Но это сказки для дураков. Он здесь.

Бекки испугалась не так сильно, как ожидал Харшоу.

— При чем здесь вы, док?

— Понимаешь, Бекки, есть на нашей печальной планете люди, которые хотят наложить на парня лапу. Они намерены использовать его в своих интересах. Но он — мой клиент, и, естественно, я

должен его защитить. А для этого мне необходимо поговорить с мистером Дугласом.

— Человек с Марса — ваш клиент? И вы можете его предъявить?

— Только мистеру Дугласу. Ты знаешь, Бекки, как это бывает: босс обычно добрый человек, любит детей и собак и не знает, что вытворяют его подручные. Особенно если они сначала организовывают осаду, а потом устраивают закрытый процесс.

— Конечно, — кивнула она.

— Вот я и хочу переговорить с мистером Дугласом, пока меня не загребли.

— Вы хотите только поговорить с ним?

— Да. Я дам тебе свой номер и буду ждать звонка… или стука в дверь. Если даже ничего не получится, все равно спасибо. Я знаю, Бекки, что ты постараешься.

— Не отключайтесь!

— Что?

— Не прерывайте связь, док. Если что-то выйдет, мы включим вас в разговор.

Мадам Везан прекратила диалог с Харшоу и позвонила Агнесс Дуглас. Она говорила со спокойной уверенностью, подчеркивая, что события развиваются в соответствии с ее предсказаниями.

Наступил критический момент, когда Агнесс, используя женскую проницательность и мудрость, должна подсказать мужу верный шаг.

— Агнесс, дорогая, такое расположение планет бывает раз в тысячу лет: Марс, Венера и Меркурий вместе, причем Венера в зените, то есть в доминирующей позиции. Таким образом, вы видите…

— Элли, я не разбираюсь в твоих выкладках. Говори конкретно, что я должна делать.

И более искушенный клиент не понял бы выкладок Элли: их попросту не было, она импровизировала. Совесть ее была чиста: она говорила высшую правду, давала добрый совет и была вдвойне счастлива оттого, что помогала двоим друзьям одновременно.

— Что вы, дорогая, вы все понимаете, у вас врожденный талант! Венера — это, как всегда, вы; Марс обычно символизирует вашего мужа, а сейчас еще и молодого Смита; Меркурий — это доктор Харшоу. Чтобы ликвидировать дисбаланс, вызванный усилением Марса, Венера должна содействовать Меркурию до тех пор, пока кризис не минует. Но у вас мало времени. Венера обладает силой, пока движется к зениту и находится в нем. Когда Венера покидает зенит, ее покидает и сила. У вас осталось всего семь минут; после этого

ваше влияние ослабеет. Спешите.

— Тебе следовало предупредить меня об этом раньше.

— Дорогая, я целый день сидела у телефона, ожидая разрешающего звонка. Я уже говорила вам, что звезды могут сообщить лишь общую идею, но утаить детали. Время еще не упущено. У другого телефона ждет доктор Харшоу. Пока Венера в зените, вам нужно обязательно соединить доктора с вашим мужем.

— Хорошо, Элли. Мне нужно вызвать Джозефа с очередного заседания. Ты дашь мне номер телефона этого доктора Ракшоу или потом переадресуешь звонок?

— Я подключу его к вашей линии, только приведите мистера Дугласа. Поторопитесь, дорогая!

— Бегу.

Когда Агнесс Дуглас исчезла с экрана, Бекки подошла к другому телефону. Ее профессия требовала полной телефонизации. Это была самая важная статья накладных расходов. Весело напевая, она звонила своему брокеру.

Глава 17

Бекки отошла от экрана, и Джабл откинулся на

спинку кресла.

— Ближняя! — позвал он.

— Слушаю, босс, — откликнулась Мириам.

— Пишем для группы «Риал Экспириенс». Укажи, что у рассказчицы должен быть низкий интимный голос.

— Как у меня?

— Нет, не такой интимный. Возьми список аннулированных фамилий, который нам прислали из комиссии по переписи населения, выбери оттуда любую и подбери к ней имя понежней и поженственней. Чтобы оканчивалось на «а»: у таких девушек обычно бюст не меньше пятого размера.

— Ты смотри, ни у одной из нас имя не оканчивается на «а».

— Потому вы все и плоские… Анжела. Ее зовут Анжела. Название: «Замужем за марсианином». Начинай: «Всю жизнь я мечтала стать астронавтом. Абзац. Когда я была совсем маленькой веснушчатой девчонкой, то, как, и мои старшие братья, собирала этикетки от спичечных коробочек и плакала, когда мама не позволяла мне ложиться спать со шлемом космического юнги на голове. В то беззаботное время я и не представляла, куда заведет меня мой мальчишеский

характер…»

— Босс!

— Да, Доркас!

— Летят еще две машины.

— Продолжим позже. Мириам, к телефону! — Джабл подошел к окну и увидел две машины, идущие на посадку. — Ларри, запри дверь! Энн, надевай плащ! Джилл, иди к Майку! Майк, делай, что скажет Джилл!

— Хорошо, Джабл. Сделаю.

— Джилл, следи за ним, пока сможешь. Пусть лучше выбрасывает оружие, чем людей.

— Хорошо, Джабл.

— Пора прекратить уничтожение полицейских.

— Телефон, босс!

— Всем выйти из поля зрения телефона. Мириам, измени название на «Замужем за человеком».

Джабл сел в кресло и сказал в телефон:

— Слушаю.

С экрана на него глянуло чье-то доброжелательное лицо. Зазвучал голос:

— Доктор Харшоу?

— Да.

— С вами сейчас будет говорить Генеральный

Секретарь.

— О'кей!

На экране появился лохматый Его Превосходительство Джозеф Эджертон Дуглас, Генеральный Секретарь Всемирной Федерации Свободных Наций.

— Доктор Харшоу? Я слышал, вам нужно со мной поговорить?

— Нет, сэр.

— То есть как?!

— Позвольте, я объясню, господин Секретарь. Это вам нужно со мной поговорить.

Дуглас удивился, потом ухмыльнулся:

— Доктор, даю вам десять секунд на то, чтобы вы это доказали.

— Хорошо, сэр. Меня пригласили адвокатом к Человеку с Марса.

— Повторите. — Генеральный Секретарь подобрался и утратил растрепанный вид.

— Я адвокат Валентайна Майкла Смита. Это позволяет мне выступать в роли посла Марса, если исходить из решения по делу Ларкина.

— Вы сошли с ума!

— Тем не менее я действую от имени Человека с Марса. Он намерен начать с вами переговоры.

— Человек с Марса в Эквадоре.

— Простите, господин Секретарь, Смит — я имею в виду настоящего Валентайна Майкла Смита, а не того, который выступал по стереовидению, — в прошлый четверг бежал из Медицинского Центра в Бетесде в сопровождении медицинской сестры Джиллиан Бордмэн. Он отстаивал и сейчас отстаивает свое право на свободу. Если ваши подчиненные сообщили вам что-то другое, то либо лгут они, либо лгу я.

Дуглас задумался. Кто-то невидимый что-то сказал ему. Наконец он выговорил:

— Даже если вы говорите правду, доктор, вы не имеете права выступать от имени молодого Смита. Он подопечный государства.

Джабл покачал головой.

— Это невозможно. Решение по делу Ларкина…

— Послушайте, я юрист и уверяю вас…

— А я, как юрист, должен отстаивать свое мнение и права клиента.

— О, вы юрист? Я думал, что вы просто поверенный.

— Да, я его поверенный, а кроме того, имею право выступать в Верховном Суде.

Джабл услышал глухой стук и скосил глаза в сторону. Ларри прошептал:

— Это в парадную дверь, босс. Пойти посмот-

реть?

Джабл покачал головой.

— Господин Секретарь, время идет. Ваши люди, хулиганы из Особой Службы, ломятся ко мне в дом. Вы их остано́вите, чтобы мы могли начать переговоры? Иначе придется говорить в суде со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Генеральный Секретарь опять посоветовался с кем-то невидимым.

— Вас пытаются арестовать, доктор? Это новость для меня.

— Если вы прислушаетесь, сэр, то услышите, их топот на лестнице. Майк! Энн! Идите сюда!

Джабл отодвинул кресло, чтобы Майка и Энн можно было видеть на экране Генерального Секретаря.

— Господин Генеральный Секретарь, это Человек с Марса, — представил Харшоу. Белая одежда Энн говорила сама за себя.

Дуглас посмотрел на Смита. Смит увидел Дугласа и смутился:

— Джабл…

— Погоди, Майк. Господин Секретарь, ваши люди ворвались в мой дом. Они уже стучат в дверь кабинета. — Джабл отвернулся от экрана. — Ларри, открой. Майк, не волнуйся.

— Да, Джабл. Этот человек… Я знаю его.

— Он тоже тебя знает, — и через плечо: — Сержант, входите.

Сержант Особой Службы с автоматом стоял на пороге. Он крикнул в коридор:

— Майор! Они здесь!

Дуглас сказал:

— Я сам поговорю с офицером, если вы позволите, доктор.

Джабл почувствовал облегчение, когда увидел, что у майора застегнута кобура: Майк уже сделал охотничью стойку на автомат сержанта. Джабл не испытывал особой любви к солдатам Особой Службы, но не хотел, чтобы Майк демонстрировал свои способности.

Майор огляделся.

— Вы Джабл Харшоу?

— Да. Проходите. С вами хочет поговорить ваш босс.

— Хватит фокусов. Я пришел за обвиняемыми. Мне нужны еще…

— Идите сюда! С вами хочет говорить Генеральный Секретарь.

Майор вздрогнул, вошел в кабинет, подошел к экрану, глянул — и вытянулся, взяв под козырек.

Дуглас кивнул.

— Имя, звание, должность.

— Сэр, майор К. Д. Блох, Особая Служба, рота «Черио», Эйнклейв, Бэррэкс.

— Скажите, что вы там делаете?

— Сэр, по телефону это довольно затруднительно. Я…

— Говорите, майор, не стесняйтесь…

— Хорошо, сэр. Я прибыл сюда во исполнение приказа. Видите ли…

— Не вижу.

— Сэр, полтора часа назад сюда был выслан отряд для осуществления ряда задержаний! Когда связь по радио с ними прервалась, меня отрядили на помощь.

— Кто вас послал?

— Комендант, сэр.

— Вы нашли первый отряд?

— Нет, сэр. Абсолютно никаких следов.

— Доктор, вы видели первый отряд? — обратился Дуглас к Харшоу.

— Я не обязан следить за вашими служащими, господин Секретарь.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Это правда, сэр. Но я не на допросе. И соглашусь на допрос лишь в судебном порядке. Я защищаю права клиента, а не приставлен нянь-

кой к этим… ребятам в форме. Но на основании увиденного мной я могу предположить, что вы их не найдете.

— М-м-м… возможно. Майор, соберите своих людей и возвращайтесь.

— Есть, сэр. — Майор снова козырнул.

— Минутку! — вступил Харшоу. — Эти люди ворвались в мой дом. Я требую предъявить ордер.

— Майор, покажите ему ордер.

Майор Блох побагровел:

— Сэр, ордера были в первом отряде.

Дуглас широко раскрыл глаза:

— Молодой человек, вы говорите мне, что врываетесь в дом гражданина без ордера?

— Но, сэр! Вы не поняли! Ордера есть. Они у капитана Хейнрика.

На лице Дугласа отразилось отвращение.

— Возвращайтесь на базу и отправляйтесь под арест. Я еще поговорю с вами.

— Есть, сэр.

— Подождите, — снова вмешался Харшоу. — Я намерен осуществить свое право на арест граждан. Я помещу его в местную тюрьму за вооруженное вторжение в частное владение.

— В этом есть необходимость? — заморгал Дуглас.

— Я полагаю, что есть. Эти парни такие неуловимые. Мне бы не хотелось его упускать. А в этой ситуации кроме чисто юридической стороны дела существует еще и материальная.

— Можете не сомневаться, сэр, что ваши убытки будут возмещены полностью.

— Спасибо, сэр. Но как удержать очередного форменного олуха в форме от того, чтобы он опять не вломился ко мне в дом? Моя твердыня разрушена и открыта новому вторжению. Господин Секретарь, если бы не мои крепкие двери, меня выволокли бы из дома, не дав поговорить с вами! И вы слышали, что майор намекает на кого-то другого, у которого якобы есть ордера.

— Доктор, мне ничего не известно ни о каком ордере.

— Ордерах, сэр. Речь шла о ряде задержаний. Пожалуй, здесь лучше употребить термин «секретные инструкции».

— О, это серьезное обвинение!

— Однако и дело достаточно серьезное.

— Доктор, я ничего не знаю ни о каких ордерах. Но я даю вам слово, что сейчас же начну разбираться: выясню, на каком основании ордера были выданы — если они были выданы — и в дальнейшем буду поступать в соответствии с

законом. Что еще?

— Сэр, я вправе ожидать большего. Я объясню вам, на каком основании были выданы ордера. Кто-то из ваших помощников, в избытке рвения, уговорил податливого судью выдать их, чтобы получить возможность схватить меня и моих гостей и тайно допросить нас. Тайно! Сэр, я согласен отвечать на ваши вопросы по этому делу, но не допущу, чтобы меня допрашивал этот… — Джабл указал большим пальцем в сторону майора, — …где-нибудь в комнате без окон. Сэр, надеюсь на вашу справедливость! Если же ордера не будут немедленно аннулированы и мне не дадут гарантий, что я, Человек с Марса и сестра Бордмэн восстановлены в правах и обладаем полной свободой передвижения, мне придется искать других защитников. Есть люди и партии, заинтересованные в Человеке с Марса.

— Вы мне угрожаете?

— Нет, сэр. Я вас прошу о помощи. Мы хотим начать переговоры. Но не можем этого сделать, пока нас травят. Прошу вас, сэр, отзовите ваших гончих.

Дуглас глянул в сторону.

— Ордера, если таковые существуют, предъявляться вам не будут. Сразу же после их обнаруже-

ния они будут отменены.

— Спасибо, сэр.

Дуглас посмотрел на майора Блоха.

— Вы все-таки настаиваете на его аресте?

— Бог с ним, он всего лишь болван в фуражке. Убытки тоже забудем. У нас есть более важные проблемы.

— Вы свободны, майор. — Офицер поспешно вышел. — Господин адвокат, вопросы, которые вы затронули, нельзя урегулировать по телефону.

— Я согласен с Вами, сэр.

— Я приглашаю вас и вашего… гм… клиента во Дворец. Я пришлю за вами свою яхту. Вы сможете собраться за час?

Харшоу покачал головой:

— Спасибо, господин Секретарь. Не беспокойтесь. Мы переночуем у себя, соберемся не спеша, а транспорт я найду сам.

Мистер Дуглас нахмурился:

— Доктор, вы сами говорили, что беседа будет официальной. Следовательно, я должен оказать вам официальное гостеприимство.

— Видите ли, сэр, мой клиент по горло сыт официальным гостеприимством. Все как раз и началось с того, что он решил от него освободиться.

Лицо Дугласа напряглось:

— Сэр, вы хотите сказать…

— Я ничего не хочу сказать. Смит перенес много волнений и еще не привык к официальным церемониям. Он будет крепче спать дома. Как, впрочем, и я. Я немолодой человек, сэр, и привык к своей постели. А если переговоры сорвутся и моему клиенту придется искать себе другого защитника? Мы не можем злоупотреблять Вашим гостеприимством.

— Опять угрозы, — нахмурился Генеральный Секретарь. — Я считал, что вы мне доверяете, сэр. Не вы ли говорили, что готовы вести переговоры?

— Я доверяю Вам, сэр, — (с таким же успехом можно сказать, что я китайский император), — и мы действительно готовы вести переговоры. Но я понимаю слово «переговоры» в его изначальном смысле, который шире, чем просто примирение. Могу заверить вас, что ничего лишнего мы не потребуем. Но мы не можем начать переговоры немедленно. Нужно еще немного подождать.

— В чем дело?

— Нам нужно время, чтобы сформировать делегацию для переговоров; вы можете использовать это время в тех же целях.

— Хорошо, только пусть ваша делегация будет не слишком многочисленной. С нашей стороны также не будет много участников. Чем меньше народу, тем лучше.

— Безусловно. Наша группа будет состоять из меня, Смита, Свидетеля…

— Неужели…

— Беспристрастный Свидетель не помешает. И еще двоих, из которых один по неизвестной причине отсутствует. Клиент считает необходимым присутствие на переговорах Бена Кэкстона, которого я не могу найти.

Сколько пришлось пережить, чтобы получить возможность сказать эти слова! Джабл ждал. Дуглас молчал. Наконец он спросил:

— Вы имеете в виду этого бульварного сплетника Бена Кэкстона?

— Кэкстон, о котором я говорю, ведет колонку в одном из агентств печати.

— Об этом не может быть и речи!

— Значит, переговоры не состоятся, — покачал головой Харшоу. — Мне не позволено обходится без него или кем-либо его заменять. Простите, что побеспокоил Вас и отнял столько времени.

Он протянул руку, делая вид, что хочет выключить аппарат.

— Погодите!

— Да, сэр?

— Я не закончил разговор.

— О, покорнейше прошу прощения, господин Генеральный Секретарь!

— Ничего страшного, доктор. Вы читаете то, что пишет Кэкстон в своем разделе?

— Нет.

— Вот именно. Мне бы тоже не хотелось это читать. Я не могу позволить, чтобы на переговорах присутствовал журналист, да еще такого толка! Это крайне непорядочный человек. Он получает деньги за то, что копается в чужом грязном белье.

— Господин Секретарь, наша сторона не возражает против присутствия прессы, и даже наоборот — настаивает на этом.

— Это смешно!

— Возможно. Но я обслуживаю клиента согласно его требованиям и моим собственным критериям качества. Если результат наших переговоров окажется губительным для Человека с Марса и его планеты, я обязан оповестить об этом каждого жителя нашей планеты. Точно так же я обязан сообщить согражданам и о своем успехе. Я не хочу вести переговоры с погонами.

— Ах, оставьте! Погоны — не самый большой позор. Просто я хотел, чтобы все было тихо-мирно, без выкручивания рук.

— В таком случае пусть присутствуют репортеры. Тем более что мы в ближайшие дни выступим по стереовидению и объявим о своем желании вести открытые переговоры.

— Что? Вы не должны сейчас выступать по стереовидению, да и в других средствах массовой информации! Это противоречит только что достигнутой договоренности.

— Не вижу никакого противоречия. Вы хотите сказать, что любой гражданин, прежде чем выступать по каналам массовой информации, должен спросить Вашего разрешения?

— Нет, конечно, но…

— Боюсь, что уже поздно. Я почти договорился с продюсерами. Остановить меня может только машина с солдатами. Вы можете предварить мое выступление сообщением о том, что Человек с Марса вернулся из Эквадора и отдыхает в Поконосе. Чтобы никто не подумал, будто правительство можно застать врасплох. Вы понимаете?

— Разумеется. — Генеральный Секретарь некоторое время молчал, разглядывая невозмутимого Харшоу. — Подождите, пожалуйста. — И исчез

с экрана.

Харшоу поманил к себе Ларри. Закрыв рукой микрофон, он прошептал:

— От нашего сигнализатора толку не добьешься. Я не знаю, когда Дуглас прикажет передать сообщение, да и будет ли оно передано вообще. Может, он пошлет новых легавых. Ты потихоньку выйди, позвони Тому Маккензи и скажи, пусть включает свою технику, иначе пропустит величайшую сенсацию со времен падения Трои. Будь осторожен: в саду могут сидеть легавые.

— Как звонить Маккензи?

— Спроси у Мириам.

На экране вновь появился Дуглас:

— Доктор Харшоу, я принимаю ваше предложение. Сообщение будет в основном звучать так, как вы его сформулировали, но с небольшими дополнениями. — Дуглас улыбнулся, это он умел. — Я добавил, что Человек с Марса открыто обсудит с представителями правительства некоторые вопросы межпланетных отношений после того, как отдохнет от путешествия.

Улыбка Секретаря стала холодной — он больше не был похож на доброго дядю Джо Дугласа.

Харшоу восхитился: как ловко старый мошенник превратил свое поражение в победу!

— Отлично, господин Секретарь. Именно об этом мы и собирались объявить.

— Спасибо. Теперь о вашем Кэкстоне. Переговоры будут открытыми, но его там быть не должно. Пусть смотрит их по стереовидению. Ему этого хватит, чтобы сочинять сплетни. В зал переговоров Кэкстон допущен не будет.

— Тогда не будет и переговоров. Несмотря на все заявления.

— Вы меня, кажется, не поняли, господин адвокат. Присутствие этого человека оскорбляет меня. У меня есть личные привилегии.

— Вы правы, сэр, они у Вас есть.

— Значит, не будем больше об этом говорить.

— Сэр, Вы тоже не поняли меня. Личные привилегии есть и у Смита.

— Что?

— Вы вольны сами подбирать членов своей делегации. Зовите хоть самого Вельзевула — мы не имеем права возражать. Смит имеет такое же право подбирать членов своей делегации. Если на переговорах не будет Кэкстона, не будет и нас. Мы будем говорить с кем-нибудь другим, кто станет возражать против Вашего присутствия, даже если Вы представитесь переводчиком с хинди.

Харшоу верно рассчитал, что Дуглас уже не в

том возрасте, чтобы вспылить. Генеральный Секретарь долго не отвечал. Наконец он заговорил, обращаясь к Человеку с Марса (Майк стоял тихо и неподвижно, как Беспристрастный Свидетель):

— Смит, почему вы настаиваете на этом смехотворном условии?

Харшоу поспешно вмешался.

— Не отвечай, Майк, — и, обернувшись, к Дугласу: — Тс-с-с, господин Секретарь! Нельзя! По закону Вы не имеет права спрашивать моего клиента, почему он дал мне то или иное распоряжение. Тем более, что мой клиент только недавно научился изъясняться по-английски, а Вы не можете обратиться к нему на его родном языке. Если вы выучите марсианский, я позволю вам задать Смиту этот вопрос на его языке. Но не сегодня.

Дуглас нахмурился:

— Я мог бы спросить у вас, на какие законы вы ссылаетесь, но мне некогда. Мне нужно руководить правительством. Я уступаю. Но не надейтесь, что я стану здороваться за руку с этим вашим Кэкстоном.

— Как пожелаете, сэр. Но вернемся к исходным позициям: я не могу разыскать Кэкстона.

Дуглас рассмеялся:

— Вы выговорили себе привилегию, осуществ-

ление которой я считаю для себя оскорблением. Я согласен: приводите, кого хотите. Но собирайте их сами.

— Вполне справедливо, сэр. Но надеюсь, Вы сможете оказать услугу Человеку с Марса?

— Какую?

— Мы уже договорились о том, что переговоры не начнутся, если на них не будет присутствовать Кэкстон. Этот вопрос не подлежит дальнейшему обсуждению. Но я не могу найти Кэкстона. Я всего лишь частное лицо.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я неуважительно отзывался об офицерах и солдатах Особой Службы — припишите это раздражению старика, которому помяли клумбы и выломали дверь. Но на самом деле я признаю, что они достойно выполняют свои служебные обязанности. Кроме того, с ними повсеместно сотрудничает полиция. Господин Секретарь, если бы Вы позвонили коменданту Особой Службы и сказали ему, что Вам нужно найти человека, он в течение часа развил бы такую деятельность, которой я не добился бы от него за год.

— Ради чего я должен поднимать на ноги всю полицию? Чтобы найти этого скандалиста?

— Сэр, я прошу Вас об этом, как о милости для

Человека с Марса.

— Это абсурд, но я это сделаю. — Дуглас покосился на Майка. — Как одолжение Смиту. Надеюсь, что в ответ на это вы тоже пойдете мне навстречу — во время переговоров.

— Могу вас уверить, что ваш шаг значительно разряжает ситуацию.

— Но я ничего не могу гарантировать. Вы говорите, что Кэкстон пропал. Он мог попасть под машину, а я не умею воскрешать из мертвых.

— Я надеюсь, что ничего такого не случилось, иначе все пропало.

— Что вы имеете в виду?

— Я уже говорил моему клиенту о возможности подобного исхода, но он и слушать не хочет, — вздохнул Харшоу — Если мы не найдем Кэкстона, переговорам грозит полный провал.

— Что ж… я постараюсь, доктор. Но не ждите от меня чудес.

— Сэр, я Вас понимаю. Я тоже не верю в чудеса. Но мой клиент воспитан на Марсе. У него другая точка зрения. Будем же уповать на чудо.

— Если что-нибудь выяснится, я дам вам знать. Больше ничего обещать не могу.

Харшоу, не вставая, поклонился:

— Ваш покорный слуга, сэр.

Когда экран погас, Харшоу поднялся — и очутился в объятиях Джиллиан.

— Джабл, вы были великолепны!

— Рано радоваться, девочка…

— Больше, чем вы сделали, сделать было невозможно. — Она поцеловала его.

— Отпусти меня! Ты еще на свет не родилась, а я уже зарекся целоваться! Прояви уважение к старости! — с этими словами Джабл сам поцеловал Джилл. — Это чтобы перебить вкус Дугласа — до ужаса тошнотворный тип. А теперь поцелуй Майка, он заслужил: мужественно терпел мое вранье.

— С удовольствием! — Джилл отпустила Харшоу и обняла Человека с Марса. — Вы прекрасно врали, Джабл! — И поцеловала Майка.

Джабл наблюдал, как Майк отвечает на поцелуй: торжественно, но довольно привычно. Харшоу оценил на «отлично» старание и на «удовлетворительно» — результат.

— Сынок, — сказал он, — ты меня удивляешь. Я признаться, думал, что ты испугаешься и уйдешь в себя.

— В первый раз так и было, — серьезно ответил Майк.

— Прекрасно! Джилл, прими мои поздравления!

Представь подробный отчет об эксперименте.

— Джабл, вы вредина, но я вас все равно люблю и не разозлюсь. В первый раз Майк действительно немножко разволновался, но теперь все в порядке — сами видите.

— Да, — подтвердил Майк, — это хорошо. Это сближение братьев по воде. Я тебе покажу. — Он отпустил Джилл и направился, к Харшоу.

— Нет, — жестом остановил его Джабл. — Это хорошо, когда брат по воде — молодая хорошенькая женщина, как Джилл. Я тебя разочарую.

— Правильно ли ты говоришь, брат мой Джабл?

— Я говорю совершенно правильно. С девушками можешь целоваться сколько душе угодно. Это как карты: попробуешь — не остановишься.

— Прошу прощения?

— Это помогает сблизиться с ними. Гм-м… — Джабл оглянулся. — Интересно, повторится ли эффект первого поцелуя? Доркас, мне нужна твоя помощь в проведении научного эксперимента.

— Идите к черту, босс. Я не морская свинка!

— К черту я отправлюсь, когда придет время. А ты не будь упрямой девчонкой. Майк не заразный, иначе я не позволил бы ему плавать в бассейне. Кстати, Мириам — когда вернется

Ларри, скажи ему, что бассейн нужно почистить — пора всех выводить на чистую воду. Ну, Доркас?

— Вы уверены, что это будет наш первый поцелуй?

— Проверим. Майк, ты когда-нибудь целовал Доркас?

— Нет, Джабл. Я только сегодня узнал, что она мой брат по воде.

— И она тоже?

— Да. И Энн. и Мириам, и Ларри. Они твои братья, брат мой Джабл.

— Ну что ж, в сущности, правильно.

— Да. Сущность — не в разделении воды, а во вникновении. Я правильно говорю?

— Совершенно правильно.

— Они твои братья. — Майк задумался, подбирая слова. — Значит, по свойству транзитивности, они и мои братья. — Майк глянул на Доркас. — Сближение братьев — это хорошо.

— Ну, Доркас, — подстегнул Джабл.

— О, господи! Босс, вас хлебом не корми, дай кого-нибудь подразнить. А Майк все воспринимает серьезно, бедняга.

Доркас подошла к Майку, поднялась на цыпочки и протянула к нему руки:

— Майк, поцелуй меня!

Майк поцеловал. Несколько секунд они «сближались». Доркас потеряла сознание.

Джабл подхватил ее на руки. Джилл пришлось прикрикнуть на Майка, чтобы он не ушел в себя. Доркас очнулась и заверила Майка, что чувствует себя хорошо и готова к дальнейшему сближению. Вот только надо отдышаться:

— Ф-фу!

У Мириам глаза стали круглыми:

— Я тоже хочу попробовать.

— Сначала я, по праву старшей. Босс, я вам больше не нужна как Свидетель? — спросила Энн.

— Пока нет.

— Держите плащ. Хотите сделать ставки?

— На что?

— Десять против одного, что я не потеряю сознание. Правда, не откажусь и проиграть.

— Идет.

— Ставки принимаются в долларах, а не в центах. Майк, милый… давай сблизимся.

Энн не хватило воздуха. Майк, благодаря марсианской выучке, мог бы продержаться без воздуха еще столько же. Энн судорожно вздохнула и сказала:

— Я плохо подготовилась, босс. Дайте мне еще

одну попытку.

Она повернулась было к Майку, но ее похлопала по плечу Мириам:

— Ты выбыла, голубушка.

— Не торопись, успеешь.

— Я сказала, выбыла! Не жульничай!

— Черт с тобой. — Энн отступила.

Мириам подошла к Майку, улыбнулась и ничего не сказала. Они сблизились и продолжали сближаться.

— Ближняя!

Мириам оглянулась:

— Босс, вы же видите, я занята!

— Хорошо, но дай мне хотя бы пройти к телефону.

— Я не слышала, честное слово!

— Еще бы! Однако давайте соблюдать приличия. Вдруг это звонит Генеральный Секретарь?

Звонил Маккензи:

— Джабл, что происходит? Чертовщина какая-то!

— Что случилось?

— Позвонил ваш человек и велел все бросить и мчаться к вам снимать что-то страшно срочное. Я отрядил съемочную группу…

— Она здесь не появлялась.

— Я знаю. Они заблудились к северу от вас. Наш диспетчер уже направил их к вам, скоро они будут на месте. Что мы упустили?

— Пока ничего. — («Черт, надо было посадить кого-нибудь к «ящику». Может, Дуглас только сделал вид, что согласился, а сам послал новый отряд легавых, пока мы тут по телефону развлекаемся? Стареешь, Джабл»). — Слушай, за последний час по стереовидению не передавали ничего экстренного?

— Нет, хотя, погоди: передавали, что Человек с Марса вернулся и отдыхает в По… Джабл! Не у вас ли он гостит?

— Минутку! Майк, иди сюда! Энн, надевай плащ!

— Надела, босс!

— Познакомьтесь: мистер Маккензи, Человек с Марса.

У Маккензи отвисла челюсть:

— Не отключайтесь! Дайте я наведу камеру! Запишем с телефона и сразу же пустим в эфир. Джабл, а это не утка? Вы можете поручиться?

— Том! Здесь Беспристрастный Свидетель! И потом, не хочешь — не снимай. Мы свяжемся с «Аргусом» или «Транс-Плэнет».

— Это нечестно, Джабл!

— Ладно, не буду. Хотя мы договаривались всего лишь о том, что вы начнете снимать по моему сигналу и, если материал окажется достойным эфира, вы его обнародуете. Но я не обещал не давать интервью другим программам. Правда, ты мне здорово помог, Том. Я тебе чрезвычайно признателен.

— Это вы о телефонном номере?

— Точно! Только не будем об этом говорить по телефону. Спросишь как-нибудь потом, с глазу на глаз.

— Стоит ли об этом говорить? Лучше будем помалкивать. Не отодвигайтесь…

— И еще. Отдай мне сообщения, которые мы для вас заготовили.

— Что? Ах да, хорошо. Они у меня в столе. Я уже готов. Можно начинать?

— Вперед!

— Этот выпуск я сделаю сам. — Маккензи отвернулся, очевидно, к своей камере. — Экстренные новости! Самые свежие новости всегда у «Нью Уорлд Нетворкс»! Нам позвонил Человек с Марса. Он будет говорить с вами. Стоп. Вставьте несколько слов благодарности спонсору. Джабл, о чем можно спрашивать?

— Только не о Южной Америке. Его лучше

спрашивать о плавании. Меня — о его планах на будущее.

— Конец заставки. Вступаем. Друзья! Перед вами Валентайн Майкл Смит, Человек с Марса. Как сообщалось, мистер Смит только что вернулся с Анд. Поприветствуем его! Поприветствуйте друзей, мистер Смит!

— Помаши рукой перед экраном, сынок. Улыбнись и помаши.

— Спасибо, Валентайн Майкл Смит! Мы рады видеть вас здоровым и загоревшим! Что помогло вам набраться сил? Наверное, плаванье?

— Босс! Кто-то идет!

— «Стоп» после слова «плаванье» Джабл, что там такое?

— Сейчас гляну. Джилл, следи за Майком… Наверное, полиция.

Это приземлялась заблудившаяся съемочная группа (опять на розы!), и по лестнице топали Ларри и Дюк. Маккензи решил закончить свой выпуск побыстрее — дальше пусть работает съемочная группа. Люди Маккензи, а вместе с ними Ларри и Дюк, принялись проверять оборудование. Майк ответил на пару пустых вопросов; на те, которые он не понял, пришлось отвечать Харшоу. Маккензи попрощался со зрителями,

заверив их, что через некоторое время они увидят цветное, объемное и более содержательное интервью.

— Оставайтесь на волне нашей станции! — сказал Маккензи и приготовился слушать доклад о состоянии оборудования.

Старший группы немедленно доложил:

— Вся техника в порядке, мистер Маккензи.

— Почему же она не работала, когда это потребовалось?

Техник покосился на Ларри и Дюка.

— Электронная техника работает лучше, когда к ней поступает питание: рубильник был выключен.

Дюк и Ларри начали выяснять отношения. Джабл примирил их. Ему было безразлично, кто из них виноват в том, что рубильник остался выключенным; сейчас он получил еще одно подтверждение тому, что техника достигла вершины своего развития тогда, когда по земле поехал первый автомобиль — «Форд» модели Т. С тех пор, по твердому убеждению Джабла, техника только деградировала.

Началась передача с цветным объемным изображением. Майк передал привет друзьям с «Чемпиона» и произнес несколько слов для

Махмуда на марсианском языке.

Наконец передача закончилась, Джабл отключил телефон на два часа, растянулся в кресле и почувствовал ужасную усталость. «Неужели старею?»

— Где обед? Чья сегодня очередь готовить? Мерзавки! Вы развалили мне хозяйство!

— Сегодня моя очередь, — ответила Джилл, — но…

— Каждый раз они находят оправдания!

— Босс! — вмешалась Энн. — Как мы могли готовить, если вы целый день продержали всех в кабинете под замком?

— Меня это не касается, — мрачно сказал Харшоу. — Даже если здесь случится второе пришествие, обед должен быть горячим и поспеть вовремя. Более того…

— Более того, — заключила Энн, — сейчас без двадцати восемь. До восьми обед будет готов двадцать раз. Так что перестаньте хныкать. Не маленький.

— Без двадцати восемь? Боже, мне кажется, что я уже сто лет не ел. И вы не даете мне возможности выпить аперитив!

— Бедняжка!

— Кто-нибудь, налейте! Всем разрешается вы-

пить. К черту обед! Уж я-то без него обойдусь! Энн, у нас есть продукты для шведского стола?

— Сколько угодно!

— Накроем шведский стол, и пусть каждый ест, когда захочет! О чем тут спорить!

— В самом деле, — согласилась Джилл.

Энн поцеловала Харшоу в лысину.

— Босс, вы поступили благородно. Сейчас мы вас напоим, накормим и даже в постель уложим. Джилл, я тебе помогу.

— Можно, я тоже помогу? — предложил свои услуги Смит.

— Конечно, Майк. Ты будешь носить подносы. Босс, сегодня жарко, давайте пообедаем у бассейна.

— Хорошая мысль.

Когда они ушли, Харшоу обратился к Дюку:

— Где тебя черти носили?

— Я думал.

— Этот день я тебе не оплачу. Даже не надейся! И что ты придумал?

— Я решил — пусть Майк ест, что хочет.

— Поздравляю! Человеческая мудрость на восемьдесят процентов заключается в умении не совать нос в чужие дела.

— Вы первый всюду суете свой нос.

— Я и не претендую на мудрость.

— Джабл, если я предложу Майку стакан воды, он не откажется?

— Думаю, что нет. Единственная человеческая черта у Майка — это желание всем нравиться. Но я хочу, чтобы ты понял, насколько это для него серьезно. Я согласился стать ему братом по воде, когда еще этого не понимал — и вот мне пришлось заняться решением всех его проблем. Если ты хочешь побрататься с Майком, то должен подумать, способен ли ты не лгать ему, не учить его дурному, не отказаться от него ни при каких обстоятельствах? Хорошо подумай.

— Именно этим я и занимался весь день. Скажите, Джабл — чем вас Майк приворожил, что вы захотели ему помочь?

— Невинностью. Честностью. Тебе, наверное, еще не приходилось встречать честных людей? Майк не успел вкусить плодов от древа познания Добра и Зла… и мы не знаем, чем он дышит. Я думаю, ты не пожалеешь, что побратался с Майком. Ты, кажется, собирался разливать напитки?

— Не могу найти штопор.

— Опять техника… Возьми стаканы — они стоят за «Анатомией меланхолии».

— Я знаю.

— Пропустим по стаканчику перед тем, как начать серьезно пить.

Дюк достал стаканы, Джабл налил и провозгласил:

— Выпьем за алкогольное братство, более привычное трепетной человеческой душе, чем всякое другое!

— Ваше здоровье!

Джабл вылил содержимое стакана в рот и крякнул:

— Эх, хорошо! Дюк, предложи Майку выпить на брудершафт, пусть узнает, как хорошо быть человеком. Стакан вина — и ты уже бог! Ближняя! Почему эти девчонки исчезают именно тогда, когда они мне более всего нужны? Ближняя!

— Я ближняя, — сказала Мириам с порога, — но…

— Мы остановились на словах «мой мальчишеский характер».

— Я закончила этот рассказ, пока вы болтали с Генеральным Секретарем.

— Тогда ты больше не ближняя. Отправь его в редакцию.

— Может, прочитаете? Я все равно буду переделывать — после того, как мы с Майком сблизились, я получила новое видение событий.

Джабла передернуло:

— Дитя мое, такие вещи и писать-то грешно, не то что переделывать в угоду прозе жизни. Девочка, правдивый рассказ должен быть выдуман до последней буквы.

— О'кей, босс. Энн зовет всех во двор закусить.

— Это очень кстати. Джентльмены, вы не против?

Общество дружно принялось пить, заедая спиртное рыбой и всякими скандинавскими штучками. Джабл предложил Майку бренди. Тот выпил и вскоре почувствовал возбуждение. Проанализировав причину возбуждения, Майк устранил ее, получив глюкозу из смеси этилового спирта с водой.

Джабл, наблюдавший за воздействием спиртного на организм Человека с Марса, увидел, что тот сначала опьянел, а затем очень быстро полностью протрезвел. Харшоу удивился и предложил Майку еще бренди, от которого тот не смог отказаться: брат предлагает. Джабл влил в Майка внушительное количество бренди, прежде чем понял, что напоить допьяна его нельзя.

Этого нельзя было сказать о самом Харшоу, хоть он был опытным выпивохой. Наблюдая за Майком, он не забывал подливать и себе, поэто-

му к концу эксперимента стал соображать не так живо, как обычно. Желая выяснить, почему Майк не пьянеет, Джабл задал двусмысленный вопрос, и Майк решив, что его спрашивают об исчезновении солдат Особой Службы (в котором он чувствовал себя виновным), принялся объяснять мотивы своего поведения и извиняться. Когда до Харшоу дошло, о чем парень толкует, он поспешил остановить Майка.

— Сынок, я ничего не хочу знать. Ты все сделал правильно. — Джабл моргал, как сова. — Только не надо мне этого рассказывать. И никому не надо рассказывать.

— Не рассказывать?

— Ни в коем случае. Все было сделано великолепно, и объяснения здесь ни к чему.

— Я не вникаю…

— Я тоже. Поэтому давай выпьем.

Стали прибывать репортеры; Джабл принимал их вежливо, приглашал выпить, закусить и отдохнуть, но к Человеку с Марса не подпускал и сам от ответов на вопросы уклонялся. Самых настырных Ларри и Дюк бросали в бассейн. Некоторые обижались и уходили, а другие отряхивались и снова подступали к Джаблу с вопросами. Тогда их опять бросали в воду.

Уже стемнело, когда к Харшоу подошла Доркас и шепотом сообщила:

— Босс, к телефону.

— Спроси, что передать, и запиши.

— Поговорите лучше сами, босс.

— Ох и отвечу же я! Сейчас так отвечу!

— Босс, это человек, с которым днем вы говорили целый час.

— Что ж ты сразу не сказала?

Джабл затопал по лестнице, пнул ногой дверь в кабинет и поспешил к телефону. На экране был виден какой-то чиновник, но как только вошел Харшоу, показался Дуглас.

— Долго же вы идете к телефону!

— Господин Секретарь, это мой собственный телефон. Хочу — вообще не подхожу.

— Похоже. Почему вы мне не сказали, что Кэкстон — алкоголик?

— Алкоголик?

— Отъявленный. Его нашли мертвецки пьяным в кутузке где-то в Сопоре.

— Рад слышать, что его нашли. Спасибо, сэр.

— Его взяли за бродяжничество. Судить его мы, так уж и быть, не станем. Отдадим вам.

— Я в долгу перед Вами, сэр.

— О, это не одолжение. Это урок. Я хочу, чтобы

вы посмотрели на него, небритого и грязного, и понюхали, как от него воняет.

— Хорошо, сэр. Когда его ждать?

— Машина вышла из Ногалеса минут десять назад. Скоро будет в Мэче, а еще через какое-то время у вас. Дадите пилоту расписку о получении.

— Обязательно.

— А теперь, господин адвокат, я умываю руки. Настала ваша очередь действовать. Я вас жду.

— Когда?

— Завтра в десять.

— И то правда: чем скорее, тем лучше.

Джабл спустился во двор и позвал:

— Джилл! Иди сюда, детка!

Она прибежала в сопровождении репортера. Джабл жестом велел ему отойти, добавив:

— У нас частный разговор. Семейный.

— О, у вас уже семья?

— Подонок, я тебе сказал: отстань.

Репортер осклабился и ушел. Харшоу наклонился к уху Джилл и произнес:

— Он жив и здоров.

— Бен?

— Кто же еще? Скоро будет здесь.

— Ах, Джабл! — Джилл заплакала.

Харшоу обнял ее за плечи.

— Перестань. Иди в дом и не выходи, пока не успокоишься.

— Хорошо, босс.

— Поплачь в подушку, потом умоешься.

Харшоу вышел к бассейну и провозгласил:

— Всем молчать! У меня важное сообщение. С вами было весело, большое спасибо! А теперь — все по домам!

— Док! Мистер Харшоу! Один вопрос!..

— Бросьте его в воду. Я — старый человек, мне нужен отдых. Моей семье тоже. Дюк, закрывай бутылки. Девочки, убирайте со стола.

Поднялась возня, кто-то ворчал, кого-то урезонивали. Через десять минут во дворе никого не было.

А еще через полчаса привезли Кэкстона. Пока Харшоу ставил подпись и печать в сопроводительном документе, Джилл бросилась к Бену на шею и разрыдалась.

Харшоу посмотрел на Кэкстона:

— Бен, я слышал ты целую неделю кутил.

Бен выругался, продолжая гладить Джилл по спине:

— Я пьян, но чем угодно поклянусь: капли в рот не брал.

— Что же случилось?

— Я не знаю. Не знаю, черт подери!

Харшоу промыл Бену желудок, сделал уколы, нейтрализующие алкоголь и барбитураты, велел вымыть, побрить и одеть. Потом Бена познакомили с Человеком с Марса и накормили, попутно посвящая в ход событий.

Бен ничего не соображал. Для него прошедшая неделя выпала из жизни. Он потерял сознание в Вашингтоне, а пришел в себя в Мексике.

— Я понимаю, что случилось. Меня напичкали наркотиками и бросили в какой-то чулан… а потом вытащили. Но я ничего не докажу. В Мексике найдется какая-нибудь деревня, жители которой подробно расскажут, как этот гринго буянил, напившись в баре. И я ничего не смогу сделать.

— Ну и не делай, — посоветовал Джабл. — Расслабься и отдыхай.

— Черта с два! Я этого…

— Тихо, тихо! Скажи спасибо, что ты еще жив. А «этот» уже согласен с дорогой душой делать то, что мы от него хотим.

— Расскажи подробнее. Мне кажется…

— Мне кажется, что тебе пора спать. Растворишь в стакане молока пилюлю доктора Харшоу для подпольных пьяниц, выпьешь — и в по-

стель.

Вскоре Кэкстон захрапел. Джабл отправился к себе в спальню и по дороге встретил Энн. От удивления его брови поползли вверх:

— Ты до сих пор не спишь? Уже утро.

— И не буду: не хочу проспать день. Ложитесь, босс.

— Сию минуту. Объясни мне, пожалуйста, что ты чувствовала, когда целовалась с Майком.

Энн задумалась, потом кокетливо улыбнулась:

— А вы сами попробуйте.

— Я уже стар и не собираюсь менять привычки. Но мне интересно все, что касается Майка. Есть что-нибудь особенное в его поцелуе?

Энн кивнула:

— Да. Он весь выкладывается.

— Ах ты, крыса! Я тоже выкладываюсь, то есть выкладывался, когда был моложе.

Энн покачала головой:

— Нет. Мне приходилось целоваться с мастерами этого дела. Они не могли вложить в поцелуй всего себя. Как бы они ни отдавались поцелую, часть их существа была занята чем-то еще. Кто-то боялся опоздать на последний автобус, кто-то хотел со мной переспать, кто-то любовался красотой своего поцелуя. Они думали о работе, о деньгах, о

том, что их увидит мой муж, папа, соседи. Майк не умеет целоваться, но когда он целует, он не занят ничем другим. В это время ты заменяешь ему Вселенную, а мгновение поцелуя становится вечностью, потому что у Майка нет планов, он никуда не спешит. Он просто целует тебя. Это даже страшновато. — Энн передернула плечами.

— Гм…

— Не хмыкайте, старый ловелас! Вы ничего не понимаете!

— Увы, и пожалуй, уже не пойму. Спокойной ночи. Кстати, я велел Майку запереть на ночь дверь.

— Собака на сене!

— Не торопи события. Он и так слишком быстро все усваивает.

Глава 18

Переговоры отложили на сутки. У Кэкстона появилась возможность отдохнуть, выслушать, что произошло за неделю, и «сблизиться» с Человеком с Марса: Майк вник, что Бен и Джилл — братья, и посоветовавшись с Джилл, торжественно поднес Бену стакан воды.

Джилл проинструктировала Кэкстона, как ве-

сти себя с Майком, и Бену стало не по себе. Ему не давали покоя тесные отношения между Майком и Джилл. Холостяцкие убеждения Бена сильно поколебались за последнюю неделю; как только они с Джилл остались наедине, он снова сделал предложение.

Джилл отвела взгляд:

— Бен, давай поговорим об этом в другое время.

— В чем дело? У меня есть работа, я здоров… буду здоров, когда поправлюсь, а пока из меня не выветрились эти «правдоподобные» наркотики, я испытываю потребность в откровенном разговоре. Я тебя люблю, хочу на тебе жениться и по вечерам растирать твои бедные усталые ножки. Может, я слишком стар? Или ты решила выйти за кого-то другого?

— Ни то, ни другое. Бен, милый, я люблю тебя, но сейчас не могу говорить о замужестве. У меня есть… некоторые обязанности.

Она так и не смягчилась.

Бен в конце концов понял, что Смит ему не соперник: он — пациент Джилл, а человек, который хочет жениться на сестре милосердия, должен смириться с тем, что она навсегда останется сестрой и матерью своих пациентов. С другой

стороны, если бы Джиллиан не была прирожденной сестрой милосердия, Бен и не полюбил бы ее. Дело было не в восьмерке, которую при ходьбе описывал ее тугой зад, и не в пышных формах: он не инфантильный самец, выбирающий самку по величине молочных желез. Бен любил ее сущность.

Черт возьми, нельзя же ревновать к каждому пациенту! Майк хороший парень, честный и чистый, Джилл сказала правду. А он, Бен, что может дать Джилл? Замужем за газетчиком — не то что у Христа за пазухой. Он неделями не ночует дома. Не всякая это стерпит, а Джилл стерпит.

Придя к такому выводу, Бен с легким сердцем принял из рук Майка воду.

Джабл использовал этот день для составления планов на будущее.

— Когда ко мне заявились Джиллиан и Майк, я сказал, что палец о палец не ударю ради, так называемых, прав парня. Теперь я передумал. Нельзя позволить правительству завладеть его наследством.

— Особенно такому правительству!

— Да никакому. Следующее будет не лучше. Ты недооцениваешь Джо Дугласа.

— Он дешевый политик.

— И к тому же некомпетентный, это я утверждаю с точностью до шести знаков. Но это не мешает ему быть неплохим управляющим мира, лучшим, чем мы заслуживаем. Я бы с удовольствием сыграл с ним в покер. Он бы не жульничал и с приятной улыбкой оплачивал проигрыши. Дуглас — довольно честный малый.

— Провалиться мне на этом месте, если я понимаю, о чем ты говоришь. Ты сам сказал, что Дуглас чуть не убил меня. Ты почти наизнанку вывернулся, выручая меня. Я до конца жизни останусь твоим должником. Как же я могу забыть, как он меня топил? И в том, что я жив, его заслуги нет.

— И все-таки забудь.

— Черта с два!

— Ну и дурак! Ты ничего не докажешь. И не нужно становиться моим должником. Не позволю возложить такое бремя на мои старые плечи. Я это сделал не для тебя.

— Как так?

— Я это сделал для девочки, которая собиралась бить в колокола и кричать, что ты пропал. Она пришла под мой кров с просьбой о помощи, и мне пришлось заменить ей отца. Она рвалась в бой, как тигрица; как я мог выпустить ее, наивную, против такой человекорезки, как наше

правительство? Но ты-то закоренелый грешник и циник, ты должен знать, как работает эта мясорубка. Если бы никто, кроме меня, не видел, как тебя туда затягивает, я не стал бы бороться с твоей кармой.

— А, с чем там бороться! Может, ее и нет у меня.

— Спорный вопрос. Крайности сходятся. В любом случае, не в моих правилах будить человека, спящего в сточной канаве. Делать добро — все равно, что лечить гемофилию: лечение заключается в том, чтобы не дать человеку истечь кровью… и позволить ему наплодить новых гемофиликов.

— Их можно стерилизовать.

— Какое право я имею на это? Я не Бог. Но мы уклоняемся от темы. Дуглас не приказывал тебя убить.

— Кто сказал?

— Я, непогрешимый Джабл Харшоу. В нашей стране убийство никогда не было государственной политикой. Если шериф избивает заключенного до смерти, шерифу чаще всего нездоровится. Убийство замалчивают в том случае, если это сделать легче, чем возбудить дело.

— Я сейчас перечислю тебе десяток сокрытых

убийств.

Джабл нетерпеливо отмахнулся:

— Я тебе сказал, что это — исключения из правил. Неугодных убивали и будут убивать. Но это не возводится в ранг государственной политики, и лишь поэтому ты жив. Тебя тихо сцапали и так же тихо прикончили бы, если бы не босс, который не любит грубой работы. Если бы он только узнал, что они забавляются подобными штучками, они поплатились бы работой, если не головой.

Харшоу остановился передохнуть.

— Эти вышибалы — всего лишь мелкие сошки в чьих-то руках; это тебе не легионеры Цезаря. А кто наш Цезарь? Адвокатишка Джо, который не понимает, что наша страна уже не прежняя свободная нация, а сатрап, правящий разноязыкими народами. Дуглас, которого тошнит при виде крови. И ты хочешь его свергнуть, а вместо него посадить человека из другой страны, где жизнь гражданина не стоит и цента, а убийство также привычно, как насморк? Давай, свергай, только после этого не ходи в одиночку по темным переулкам.

Кэкстон молчал.

— Как я уже говорил, Особая Служба — это инструмент. Всегда и везде найдутся люди, которые

за хорошие деньги будут делать грязную работу. Представь, насколько грязной она станет, если ты отберешь у Дугласа его несчастное большинство?

— Джабл, ты хочешь сказать, что я не должен критиковать администрацию?

— Что ты? Разумная критика полезна. Но прежде чем свергать правителя, нужно хорошо подумать, кто может прийти ему на смену. Демократия — слабая система правления; единственное, что можно сказать в ее пользу — она раз в пять сильнее других систем. Самым главным недостатком демократии является то, что лидеры выражают настроения масс, толпы, но в этом суть системы. Посмотри на Дугласа: невежественный, глуповатый, самодовольный — типичный американец чуть выше среднего уровня. Сравни его с человеком, который может сменить его на посту.

— Почти никакой разницы.

— Ошибаешься! Есть разница! Это разница между понятиями «плохой» и «хуже», а она больше, чем разница между понятиями «хороший» и «лучше».

— Что же мне делать?

— Ничего, — ответил Харшоу. — Я сделаю все сам. Надеюсь, ты не станешь клевать Джо Дугла-

са за решение, которое он примет под моим руководством. Его стоит даже похвалить за государственную мудрость…

— Прекрати! Меня сейчас стошнит!

— Подставь шляпу. Я рассказываю тебе, что собираюсь делать. Чтобы проехаться верхом на тигре, нужно держать его за уши.

— Не надувайся, как индюк, а приступай, наконец, к делу.

— А ты не капризничай и выслушай меня до конца. Майк имел несчастье оказаться наследником состояния, о котором не мечтал и Крез. Кроме того, в соответствии с одним из самых абсурдных в нашей истории судебных решений, он имеет право на осуществление политической власти над целой планетой. Я не хочу делать Майка принцем. Я не считаю также, что унаследованное богатство принадлежит ему: Майк его не создавал. А даже если бы и нажил… Идея собственности не так уж очевидна и естественна.

— Что-что?

— Отношения собственности — это мистические отношения, сложные абстракция, которую наши законники усложнили еще больше. Я не представлял всей сложности проблемы, пока не познакомился с позицией марсиан. У них нет пра-

ва собственности… даже на собственные тела.

— Погоди, Джабл. У животных — и то есть собственность. А марсиане — не животные. Они цивилизованные существа, имеющие свою культуру и строящие города.

— Ну да. Лисы роют норы, птицы вьют гнезда. Никто не понимает «мое-твое» лучше, чем цепная собака… У марсиан нет никакой другой собственности, кроме коллективной собственности миллионов и миллиардов Старших Братьев на всю планету.

— Слушай, Джабл, кто такие эти Старшие Братья?

— Тебе нужна официальная версия?

— Нет, твое мнение.

— Мне кажется, они существуют только в мозгу Майка, как результат набожной болтовни и суеверий, которые парню вдолбили в мозги в таком далеком детстве, что он теперь считает их реальностью.

— Джилл говорила о них достаточно серьезно.

— В присутствии Майка я тоже буду говорить о них серьезно. Обычная вежливость. Одна моя добрая знакомая верит в астрологию. Я не позволю себе обидеть ее, высказав все, что я думаю о ее увлечении. Способность человека верить в

невероятное — например, в то, что дети должны быть лучше родителей — вряд ли отомрет. Вера — это леность ума, но вера Майка в Старших Братьев не более иррациональна, чем убеждение в том, что молитвой можно вызвать дождь.

— Знаешь, Джабл, я тоже верю в бессмертие души, однако категорически против того, чтобы меня посещало привидение моего деда. У него был несносный характер.

— У моего деда характер был не лучше, и я, кстати, этот характер от него унаследовал. Но это вовсе не значит, что можно лишить гражданина его неотъемлемого права на собственность только потому, что он умер. Очевидно поэтому в округе, где я родился, очень уважали усопших предков и всегда выделяли большие деньги на содержание кладбища. У Майка не может быть собственности на Марсе, потому что там все принадлежит Старшим Братьям. И я не смогу ему объяснить, что он является собственником акций Лунар Энтерпрайзез, Лайл-Драйв и недвижимости. Их первоначальных владельцев нет в живых — тем хуже: они стали Старшими Братьями, и Майк никогда не помыслит претендовать на их собственность.

— Выходит, он неправоспособен?

— Вот именно. Майку не нужна собственность еще и потому, что он не понимает ее сути. Даже собственную зубную щетку он вряд ли считает своей. И если ты ее заберешь, он решит, что так велели Старшие Братья. — Джабл развел руками. — В части, касающейся отношений собственности, Майк неправоспособен, и нам не стоит добиваться признания его правомочий, так как неизвестно, кого назначат опекуном.

— Очень даже известно: Дугласа или кого-то из его марионеток.

— Ой ли? Ты знаешь, кто заседает в Верховном Суде? Они могут назначить какого-нибудь Саввонавонга, Нади или Кима.

— И то верно.

— И в этом случае Майк не доживет до старости или будет заперт на какой-нибудь закрытой даче, откуда сбежать не так легко, как из Бетесды.

— Что же ты собираешься делать?

— Отказаться от его номинального наследства. Оно слишком опасно.

— Ты можешь отказаться от таких денег?

— Не могу. Но отказ от наследства изменит соотношение сил. Любая претензия на наследство вызовет проверку правоспособности Майка. Нам же выгоднее заставить тигра бежать, если мы

уже схватили его за уши. Сейчас я изложу тебе план наших действий. Твоя задача — изо всех сил придираться к нему и находить, слабые места в его политической части. Юридическую часть я отработаю сам. Нам необходимо…

Глава 19

На следующее утро дипломатическая делегация Марса отправилась во Дворец Министров. Первому в истории Марса претенденту на марсианский престол Майку Смиту не было дела до цели поездки: он наслаждался самой поездкой. Он сидел между Джилл и Доркас в положенном по протоколу дипломатическом аэроавтобусе, слушал болтовню девушек и обозревал окрестности. Сидение было рассчитано на двоих; сидя втроем, они очаровательно сближались. Майк обнимал девушек за плечи, смотрел по сторонам, слушал и был счастлив больше, чем во время купания.

Смит впервые видел материальное воплощение земной цивилизации. Сходя с «Чемпиона», он был еще не в состоянии что-либо увидеть; из окна такси по дороге из Бетесды он тоже почти ничего не успел рассмотреть и ни во что не смог вникнуть. В последующие десять дней его мир

был ограничен забором, внутри которого находились дом Харшоу, бассейн, розы, трава, деревья.

За эти десять дней Майк немного освоился и уже узнавал окна. Он понял, что прозрачные стены сделаны специально для того, чтобы сквозь них смотреть. Сейчас он догадался, что нагромождения диковинных предметов — это города. Девушки помогли ему сориентироваться по движущейся карте, приветливо поблескивавшей на специальном пульте. Майк лишь недавно узнал, что люди тоже пользуются картами; тогда ему впервые захотелось домой. Та, первая карта, была неподвижной и мертвой по сравнению с картами, которые Майк видел дома, но тем не менее она ему понравилась. Пусть она была несовершенной по форме, но сама идея карты была марсианской. Они пролетели почти двести миль, и каждый дюйм этого пути Майк пытался впитать и полюбить. Он был поражен величиной человеческих городов и их кипучей жизнью, совершенно непохожей на жизнь его народа. Майк удивился, что города не вымирают. Разве под силу кому-нибудь, кроме Старших Братьев, созерцать такие массы событий и вникать в такие толщи настроений? Дома ему приходилось бывать в брошенных городах; эти города потрясали душу

Майка, но учителя очень скоро запретили ему подобные посещения, так как вникли, что он еще не созрел для таких эмоций.

Задав несколько вопросов Джилл и Доркас, Майк определил возраст города, в который они прилетели: чуть больше нескольких земных столетий. Земные единицы измерения времени не имели для Майка физического смысла, поэтому он перевел возраст города в марсианские единицы измерения и получил сто восемь марсианских лет.

Невероятно! Судя по размерам и количеству жителей этот город давно пора оставить, иначе он умрет, не выдержав напряжения мыслей и эмоций жителей. А по возрасту он всего лишь яйцо!

Майк подумал, что обязательно вернется в Вашингтон через сто лет; тогда люди уже должны уйти из города. Он будет бродить по его пустынным улицам, вслушиваться и вникать в его бесконечную красоту и боль. И если к тому времени он станет достаточно взрослым и сильным, то растворится в этом городе, сольется с ним.

Водитель повернул на восток, и Майк увидел море. Джилл сказала, что это вода. Доркас уточнила, что это Атлантический океан, и показала на

карте береговую линию. Еще дома Майку рассказывали о том, что на третьей от Солнца планете очень много воды, планета почти вся покрыта влагой жизни, а народ, живущий там, относится к своему богатству чрезвычайно небрежно. На Марсе же даже церемония братания обходилась без воды: вода была символом бытия, прекрасным и чаще всего недоступным.

Сейчас Майк понял, что знать теоретически и узреть воочию — не одно и то же. При виде Атлантического океана он преисполнился благоговейным ужасом, и Джилл пришлось приструнить его:

— Майк! Возьми себя в руки!

Майк подавил волнение и попытался подсчитать, сколько в океане воды, но запутался в цифрах.

Когда они приземлились, Джабл напомнил:

— Девочки, вы не забыли о своих обязанностях? Вы должны окружить Майка, вовремя наступать каблуками на слишком ретивые ноги и локтями отталкивать слишком ретивые животы. Энн, тебя это тоже касается, хоть ты и Свидетель. Может быть, скажешь, что Свидетель не имеет права топтаться по ногам в толпе?

— Босс, вокруг Свидетеля никто не толпится, но

я все же надела туфли на высокой шпильке, а вес у меня от природы внушительный.

— О'кей. Дюк, пусть Ларри поскорее за нами возвращается.

— Понял, босс. Не волнуйтесь.

— Я имею право волноваться, когда захочу. Пойдемте.

Харшоу, за ним Кэкстон, затем Майк в окружении женщин вышли из автобуса, который сразу же поднялся в воздух. На посадочной площадке, несмотря на многочисленных встречающих, царил порядок. Навстречу делегации поспешил человек.

— Вы доктор Харшоу? — вежливо осведомился он. — Я — Том Брэдли, старший адьютант Генерального Секретаря. Вас приглашают в апартаменты мистера Дугласа. Он хочет побеседовать с вами до начала официальных переговоров.

— Нет.

— Вы не поняли, — удивленно заморгал Брэдли. — Вас приглашает сам Генеральный Секретарь. Он сказал, что вы можете взять с собой мистера Смита, Человека с Марса.

— Нет. Мы идем прямо в конференц-зал. Пусть нас проводят. А я вам дам поручение. Мириам, письмо!

— Но, доктор Харшоу…

— Я сказал: нет. Будьте добры, отнесите это Генеральному Секретарю и сейчас же доставьте мне ответ. — Харшоу расписался на конверте, который подала ему Мириам, поверх подписи поставил отпечаток большого пальца и вручил конверт Брэдли. — Передайте Генеральному Секретарю, что я прошу его прочитать письмо немедленно — пока не начались переговоры.

— Генеральный Секретарь желает…

— Генеральный Секретарь желает прочитать мое письмо. Молодой человек, я провидец. Я обещаю вам, что вы потеряете место, если сейчас не поторопитесь.

— Джим, проводи, — сказал Брэдли, унося письмо.

Джабл вздохнул. Над этим письмом пришлось попотеть. Они с Энн написали чуть ли не десяток черновиков. Харшоу хотел, чтобы переговоры завершились подписанием честного соглашения и давал возможность Дугласу спокойно обдумать и взвесить все «за» и «против».

В молодом человеке, которому было велено их проводить, Джабл сразу распознал великого мастера держать нос по ветру; такие мастера есть в свите любого правителя. Молодой человек с

улыбкой представился:

— Меня зовут Джим Сэнфорт. Я выполняю обязанности пресс-секретаря при мистере Дугласе. Во время переговоров я буду сопровождать вас — устраивать пресс-конференции и все такое прочее. Вынужден вас огорчить: мы еще не готовы к переговорам; в самую последнюю минуту мы решили перенести их в более просторное помещение. Я думаю…

— Я думаю, что нам следует пройти именно в это помещение.

— Доктор, вы меня не поняли. Там сейчас устанавливают аппаратуру, тянут провода, там полно репортеров.

— Очень хорошо. Мы с ними поговорим.

— Но это невозможно! Я получил распоряжение…

— Юноша, можете его с таким же успехом забыть. Мы прибыли сюда с единственной целью — участвовать в открытых переговорах. Если вы к ним еще не подготовились, мы поговорим с представителями прессы в конференц-зале.

— Позвольте…

— Не держите Человека с Марса на ветру. — Харшоу повысил голос. — Есть здесь кто-нибудь, у кого хватило бы ума проводить нас?

— Пойдемте, доктор, — сдался Сэнфорт.

В конференц-зале кишмя кишели репортеры и технический персонал, но в центре уже стоял большой овальный стол, вокруг которого были расставлены стулья и столы поменьше. Майка сразу же заметили; попытки Сэнфорта сдержать толпу были тщетными. Тут кстати пришлись женщины: они благополучно эскортировали Майка к столу. Джабл усадил его за стол, по обе стороны от него расположились Доркас и Джилл, а за спиной — Беспристрастный Свидетель и Мириам. Харшоу не стал отгораживаться от объективов и избегать вопросов. Он заранее предупредил Майка, что люди будут делать странные вещи, но их за это не нужно разворачивать перпендикулярно, пока Джилл не даст такого распоряжения.

Смиту было не по себе в такой суматохе, но Джилл взяла его ладонь в свою, и ему стало легче.

Харшоу было на руку, что его снимают — чем больше, тем лучше. Что же касается вопросов, то Джабл их не боялся. За неделю общения с Майком он понял, что без квалифицированной помощи ни один репортер не вытащит из Майка ни одного толкового слова. Репортеры не были

готовы к тому, что Майк понимает все буквально и отвечает только на вопросы, заданные в явной форме, поэтому они ничего от него не услышали, кроме «не знаю» и «прошу прощения»…

Корреспондент агентства Рейтер предчувствовал драку за наследство и решил первым проверить правоспособность Майка. Он спросил:

— Мистер Смит, что вы знаете о законах наследования?

Майк до сих пор не мог вникнуть в человеческие идеи о собственности, а особенно — в законы завещания и наследования. Он знал за собой такую слабость, поэтому обратился к книге, которую прочел в библиотеке Джабла.

Майк стал подробно пересказывать трактат о наследовании и завещаниях, страницу за страницей, с точностью до запятой, совершенно бесстрастным голосом. Корреспондент разинул рот. В зале воцарилась гробовая тишина.

Джабл не останавливал Майка, пока тот не сообщил всем присутствующим, что такое вдовья часть наследства и пожизненные права вдовца на имущество жены, а также как трактовать кровное и единоутробное родство и наследование равными долями.

Наконец Харшоу сказал:

— Достаточно, Майк.

— Это еще не все, — удивленно взглянул на него Майк.

— Позже закончишь. У кого-нибудь есть другие вопросы?

Вылез корреспондент «Лондон Санди Пейпер»:

— Мистер Смит, мы слышали, вам нравятся девушки. Вы когда-нибудь целовались с девушкой?

— Да.

— Вам понравилось?

— Да.

— А что именно вам понравилось?

Майк объяснил:

— Целовать девушек очень приятно. Это как карты: попробуешь — не остановишься.

Загремели аплодисменты, и Майк испугался. Однако он увидел, что Доркас и Джилл не боятся, а изо всех сил стараются сдержать то шумное проявление удовольствия, которому он так и не научился. Майк преодолел страх и стал ждать, пока шум стихнет.

От дальнейших вопросов Майка избавило появление в толпе знакомого лица.

— Брат мой доктор Махмуд! — воскликнул Майк и от волнения перешел на марсианский.

Махмуд, переводчик с «Чемпиона», помахал

Майку рукой, улыбнулся и поспешил к нему, говоря что-то по-марсиански. Они продолжали изъясняться на непонятном окружающим языке; Майк — стремительно, Махмуд — медленно. Слушателям казалось, что носорог бодает металлический забор.

Репортеры некоторое время терпели, потом кто-то не выдержал:

— Доктор Махмуд, о чем вы разговариваете?

Махмуд ответил на оксфордском английском:

— В основном я прошу собеседника не торопиться.

— А что он говорит?

— О, это личное и для вас не представляет интереса. Мы с ним старые друзья, — и продолжил беседу по-марсиански.

Майк рассказывал брату о том, что произошло за время их разлуки: знание должно было сблизить братьев. События последних дней Майк воспринял по-марсиански, и рассказывать ему было не о чем, кроме как о новых братьях: о нежности Джилл и глубине Энн, о том, что он никак не может вникнуть в Джабла: сегодня он Старший Брат, а завтра — яйцо.

Махмуду же и вовсе нечего было рассказать о себе (с марсианской точки зрения): обильные

возлияния в честь Диониса, которыми вряд ли стоит хвастаться, да день в мечети, в течение которого он пролежал ничком на полу (в смысл этого ритуала Майк еще не вник). Новых братьев он за это время не приобрел.

Наконец Махмуд остановил Майка и протянул руку Харшоу:

— Вы доктор Харшоу? Майк рассказывал мне о вас, а по марсианским понятиям это равносильно представлению.

Пожимая Махмуду руку, Харшоу оглядел его: этакий лощеный британец, одетый со скромностью миллионера. Смуглая кожа и горбатый нос выдавали левантинское происхождение. Джаблу, который предпочитал натуральную кашу синтетическому мясу, не понравилась такая подделка под джентльмена. Но Майк встречает его как друга. Значит, он друг, пока не проявил себя как враг.

Махмуду Харшоу показался тем, что он называл «янки» — вульгарным, слишком небрежным в одежде, шумным, невежественным и провинциальным. Ко всему этому — он еще и врач! Доктор Махмуд был дурного мнения об американских врачах. Он еще не встречал среди них культурных людей и хороших специалистов. Узколобые шар-

латаны. Махмуд вообще не любил американцев: какое месиво они сотворили из религий, какая у них кухня (если это можно назвать кухней!), а их манеры, их архитектура (эклектика, доведенная до абсурда), их худосочное искусство! Их слепая, наглая вера в свое превосходство над миром, не признающая факта, что звезда Америки уже закатилась… А женщины! Больше всего Махмуд не любил американских женщин, нескромных, напористых, тощих — чуть ли не бесполых, которые тем не менее напоминали ему гурий. Четыре гурии сгрудились сейчас вокруг Майка — это на чисто мужских переговорах!..

И этих людей, в том числе женщин, Валентайн Майкл Смит с гордостью и радостью представляет как своих новых братьев, связывая их с Махмудом более сильными узами, чем человеческое братство! Махмуд наблюдал жизнь марсиан и знал, в чем суть этих уз, суть таких отношений. Ему не нужно было выдумывать неадекватные формулировки вроде «транзитивности» или «величин, равных друг другу вследствие их равенства какой-то третьей». Он видел, что марсиане бедны материально (по земным меркам), но богаты духовно; он вник в значение, которое марсиане придавали межличностным отношениям.

Делать нечего — он пил воду с Валентайном Майклом Смитом и должен оправдать его доверие. Может быть, эти янки не совсем деревенщина. Поэтому он приветливо улыбался.

— Да, да. Майкл с гордостью рассказал мне, что вы все приходитесь ему… — тут он вставил что-то по-марсиански.

— Что?

— Братья по воде. Вы меня понимаете?

— Да, вникаю, — ответил Харшоу.

Махмуд усомнился в правдивости его ответа, но вежливо продолжал:

— Поскольку я нахожусь с ним в той же степени родства, прошу считать и меня членом вашей семьи. Вас, доктор, я знаю. Это, надо полагать, мистер Кэкстон. Мистер Кэкстон, я видел вашу фотографию в газете — в вашей колонке. Теперь давайте познакомимся с дамами. Это, по-видимому, Энн.

— Да, но она при исполнении обязанностей свидетеля.

— О, конечно, я засвидетельствую ей свое почтение после.

Харшоу представил Махмуда остальным. Джилл удивила переводчика, когда обратилась к нему с марсианским приветствием, принятым

между братьями по воде. Она произнесла его на три октавы выше, чем это сделал бы марсианин, но без ошибок и без акцента. Это была чуть ли не единственная фраза, которую Джилл могла произнести, и одна из десятка-двух, которые она понимала. Приветствие Джилл выучила хорошо, так как слышала и произносила его по нескольку раз в день.

Доктор Махмуд поднял брови: о, эти люди не совсем варвары, у его юного друга неплохая интуиция. Махмуд поцеловал руку Джилл и произнес ответное приветствие.

Джилл видела, что Майк в восторге от того, что ей удалось прокаркать самую короткую из девяти марсианских фраз, которыми брат может приветствовать брата. Она не понимала всего смысла произнесенного, а если бы понимала, то никогда не обратилась бы с этим к мужчине, которого видит впервые.

Махмуд воспринял главное — марсианское значение фразы, и должным образом ответил. Джилл не поняла: ответ был за пределами ее познаний.

Но на нее снизошло вдохновение. На столе стояли графины с водой и стаканы. Джилл схватила стакан, налила воды и сказала, посмотрев Махмуду в глаза:

— Выпей. Наше гнездо всегда твое, — она коснулась воды губами и протянула стакан Махмуду.

Он ответил по-марсиански, но, увидев, что она не поняла, перевел:

— Кто разделяет воду, разделяет все.

Махмуд отпил глоток и хотел вернуть стакан Джилл, потом спохватился и протянул его Харшоу. Джабл сказал:

— Я не умею говорить по-марсиански, сынок, но спасибо тебе за воду. Пусть тебе никогда не придется испытать жажду. — Он выпил треть стакана и передал его Бену.

Кэкстон взглянул Махмуду в глаза и произнес:

— Пусть влага жизни сблизит нас, — пригубил воду и вручил стакан Доркас.

Доркас заколебалась, хотя церемония была ей не в новинку. Наконец она спросила:

— Доктор Махмуд, вы понимаете, насколько это серьезно для Майка?

— Понимаю, мисс.

— Это настолько же серьезно для нас. Вникаете?

— Полностью вникаю… иначе бы отказался пить.

— Ну что ж, пусть твоя вода всегда будет глубокой. Пусть наши яйца живут в одном гнезде. — По

ее щекам побежали слезы, она сделала глоток и поспешно отдала стакан Мириам.

Та прошептала:

— Возьми себя в руки, девочка!

Вслух, обращаясь к Майку, Мириам произнесла:

— Мы рады новому брату.

И Махмуду:

— Гнездо, вода, жизнь. Ты нам брат, — и вернула ему стакан.

Махмуд допил и сказал по-арабски:

— Если ты участвуешь в их делах, они твои братья.

— Аминь, — подытожил Джабл.

Махмуд бросил на него быстрый, взгляд, но не решился спросить, понимает ли Харшоу арабский. Не время и не место раскрывать душу. И все же на сердце потеплело, как всегда после братания через воду, хотя это и языческий обряд.

Появился запыхавшийся помощник церемониймейстера:

— Вы доктор Махмуд? Пойдемте со мной, доктор, вы должны сидеть на противоположной стороне.

Махмуд улыбнулся:

— Нет, я уже принадлежу этой стороне. Доркас,

можно, я сяду между вами и Валентайном Майклом Смитом?

— Разумеется, доктор. Я подвинусь.

Помощник церемониймейстера начал рыть копытом землю.

— Доктор Махмуд, я вас прошу! По протоколу вы должны сидеть по другую сторону стола. Сейчас придет Генеральный секретарь, кроме того, здесь полно репортеров и бог знает кого еще! Я просто не знаю, что делать?

— Значит, ничего не делайте, — посоветовал Харшоу.

— Что? Да кто вы такой? Вы хоть значитесь в списке? — Чиновник зашуршал бумагами.

— А вы кто такой? — Возмутился Харшоу. — Метрдотель? Я Джабл Харшоу; если меня в вашем списке нет, можете его порвать. Слушайте, любезный, Человек с Марса хочет, чтобы доктор Махмуд сидел с ним. Вам этого мало?

— Он не должен здесь сидеть! Все места распределены согласно должностям и званиям. Я не могу никого пересадить. Доктор Махмуд должен сидеть даже не за столом, а позади Генерального Секретаря и переводить ему. Вы же не сможете переводить?

— Я могу оказать помощь другого рода. — Джабл

выхватил из рук чиновника бумагу: — Давайте посмотрим. Человек с Марса сядет напротив Генерального Секретаря. Вот здесь, — тут Джабл взял карандаш, — наша половина стола — от сих до сих, — он провел толстую линию и стал зачеркивать имена участников, которым предназначались места на стороне делегации Марса. — Я сделал за вас половину работы. Занимайтесь своей стороной, а на своей я сам всех рассажу.

Чиновник лишился дара речи. Он исторгал какие-то нечленораздельные звуки. Джабл доброжелательно посмотрел на него:

— Что-то не так? Ах да! Совсем забыл! — И подписал свои художества:

«От имени В. М. Смита — Дж. Харшоу».

— Беги к своему командиру, сынок, покажи ему это и скажи: пусть лучше выучит правила организации официальных приемов для гостей с других планет.

Чиновник так и ушел с открытым ртом, вернувшись через некоторое время в сопровождении более высокого чина. Последний веско произнес:

— Доктор Харшоу, я — Старший церемониймейстер Ларю. Вам действительно нужна половина стола? Мне казалось, что ваша делегация не так

многочисленна.

— Это никого не касается.

— Посмею возразить: это касается меня. Мне негде рассаживать участников. Должны присутствовать почти все высшие государственные деятели. Если с вашей стороны будет кто-то еще — хотя вы об этом не предупреждали — я распоряжусь поставить еще один стол позади мистера Смита.

— Нет.

— Боюсь, что да. Прошу прощения.

— Боюсь, что просить прощения придется мне. Если Марсу не предоставят половину стола, мы уходим. Доложите Генеральному Секретарю, что вы сорвали переговоры, проявив неуважение к Человеку с Марса.

— Простите, мне это не послышалось?

— Отнюдь.

— Оригинальная шутка.

— Мне не до шуток, сынок. Смит либо правитель другой планеты, прибывший с официальным визитом к правителю нашей планеты и получающий все положенные почести, либо он просто турист и таковых не получает. Оглянитесь, сосчитайте присутствующих государственных деятелей высшего ранга — неужели они явились

бы на прием к туристу?

Ларю пробормотал:

— В истории не было прецедента…

— Вот вошел глава делегации Республики Луна. Пойдите, скажите ему, что в истории не было прецедента. Но не забудьте сразу пригнуться: у него вспыльчивый характер и молниеносный хук. Сынок, я старый человек, я плохо сплю и не мне учить тебя твоему ремеслу. Передай мистеру Дугласу, что мы поговорим с ним в другой раз, когда он будет готов оказать нам достойный прием. Пойдем, Майк, — Харшоу стал выбираться из-за стола.

— Что вы, что вы, доктор, — поспешно остановил его Ларю, — мы сейчас освободим вашу половину. Я что-нибудь придумаю. Вся эта сторона ваша.

— Так-то лучше, — продолжал стоять Харшоу. — Но где же марсианский флаг? И как насчет почестей?

— Боюсь, что я вас не понял.

— На каком языке мне с вами разговаривать? Смотрите: за спиной Генерального Секретаря поставили Знамя Федерации. Почему на нашей стороне ничего нет?

Ларю заморгал:

— Должен признаться, вы меня застали врасплох. Я не знал, что у Марса есть флаг.

— У Марса действительно нет флага. Но есть же у планеты какой-то другой символ государственности. — («Что у них там есть, я сам не знаю, но это к делу не относится»). — Я облегчу вам работу. Мириам, лист бумаги. — Харшоу начертил прямоугольник, внутри — традиционное изображение Марса — кружок со стрелкой, смотрящей в правый верхний угол: — Фон сделайте белым, изображение Марса — красным. Вообще-то это следовало бы вышить шелком по шелку, но за недостатком времени состряпайте флаг скаутским методом: краской по простыне. Вы были скаутом?

— Да, но очень давно.

— Отлично. Значит, вы знаете девиз скаутов. Так как же насчет почестей? Будет звучать гимн, когда войдет Генеральный Секретарь?

— Конечно.

— Тогда следом за гимном вы должны сыграть что-нибудь в честь Марса.

— Что именно? Даже если у марсиан есть гимн, мы его не знаем. Не требуйте от нас невозможного, доктор Харшоу!

— Я никогда этим не занимаюсь, сынок. Мы

пришли на скромную конференцию, которую вы превратили в балаган. А в балагане должны быть клоуны и слоны. Я понимаю, что вы не умеете играть марсианскую музыку. Хорошо, сыграйте что-нибудь на космическую тему, например, «Симфонию девяти планет». Возьмите оттуда тему Марса. Можете не полностью, достаточно, чтобы присутствующие узнали, что за произведение звучит.

Ларю задумался:

— Пожалуй, это возможно. Но, доктор, могу ли я позволить себе такую импровизацию в почестях правителю? Боюсь, что у меня нет на это полномочий.

— И смелости, — горько заключил Харшоу. — Что ж, нам не нужен балаган. Передайте мистеру Дугласу, что мы придем, когда он не будет так занят. Мне было приятно с тобой побеседовать, сынок. Буду рад поболтать еще разок, если к тому времени тебя не уволят. — Харшоу снова принялся неуклюже выбираться из-за стола, изображая себя таким дряхлым стариком, который с трудом может шевелиться.

— Доктор, не уходите, пожалуйста, — взмолился Ларю. — Генеральный Секретарь не придет, пока я не сообщу ему, что все готово. Пожалуйста,

подождите, пока я все устрою. Ладно?

— Ладно, — проворчал Харшоу. — И последнее, пока вы здесь. Я краем уха слышал, что кто-то с «Чемпиона» хочет присутствовать на конференции. Они друзья Смита, поэтому пропустите их, пожалуйста. На нашей половине достаточно места, чтобы всех разместить. — Харшоу вздохнул и потер спину в области почек.

— Хорошо, сэр, — неохотно согласился Ларю и ушел.

Мириам прошептала:

— Босс, уж не стойками ли на руках вы повредили себе спину?

— Замолчи, девчонка, не то побью!

Джабл с удовлетворением оглядывал зал, в котором все прибывало высокопоставленных особ. Он специально сказал Дугласу, что «хотел бы провести спокойную беседу в неофициальной обстановке». Джабл знал, что на это заявление, как мухи на сладкое, слетятся власть имущие и власти жаждущие. Теперь (Джабл был уверен) все эти набобы будут смотреть на Майка, как на правителя суверенной державы и ловить каждое его слово. А после этого — пусть попробуют усомниться в его правах!

Тем временем Сэнфорт пытался выгнать

репортеров, а несчастный помощник церемониймейстера метался, как клуша, которая не может собрать цыплят. Людей становилось больше и больше, и Джабл решил, что Генерального Секретаря ждать раньше одиннадцати часов не стоит. Очевидно, в течение этого часа Генеральный Секретарь хотел провести предварительную встречу, от которой Харшоу отказался. Впрочем, задержка была на руку Джаблу.

Вошел лидер Восточной Коалиции. Сегодня мистер Кунг не возглавлял свою делегацию; согласно протоколу, он являлся ее рядовым членом, но Джабл не удивился, увидев, что помощник церемониймейстера все бросил и поспешил усадить политического противника Дугласа на соседнее с оставленным для Генерального Секретаря место. Джабл укрепился во мнении, что Дуглас не дурак.

Вошли Нельсон и ван Тромп с «Чемпиона». Майк зашелся от восторга. Джабл обрадовался, что парень ведет себя естественно и не сидит перед камерами как чучело. Харшоу использовал замешательство, чтобы перетасовать членов своей делегации. Он посадил Майка напротив стула Генерального Секретаря, а сам устроился слева от Майка, чтобы подсказывать ему, как

реагировать и отвечать. Поскольку у Смита были весьма туманные представления о том, как вести себя в обществе, Джабл договорился с ним об условных сигналах, вроде тех, которые подают цирковым лошадям. Правда, Майк был умнее лошади и выучил все сигналы за пять минут.

Махмуд отошел от товарищей по экипажу и обратился к Харшоу:

— Доктор, капитан и доктор Нельсон также приходятся братьями нашему брату. Валентайн Майкл Смит хотел бы закрепить наше братство исполнением ритуала. Я попросил его подождать. Вы согласны?

— Конечно. Не в такой же толпе распивать воду. — («Черт, сколько же у Майка братьев?»). — Может, после конференции поедем ко мне? Перекусим и поговорим?

— Вы оказываете нам честь. Я думаю, капитан и доктор не откажутся от вашего предложения.

— Хорошо. Доктор Махмуд, вы не знаете, есть ли у Майка еще братья?

— Не знаю. Во всяком случае, в составе экипажа «Чемпиона» у него братьев больше нет. — Махмуд решил воздержаться от встречного вопроса. — Пойду, передам ваше приглашение Свену и Старику.

Вошел папский нунций, его усадили за главный стол. Да… в официальности переговоров сомневаться не приходится.

Кто-то похлопал Джабла по плечу.

— Здесь заседает Человек с Марса?

— Да, — подтвердил Джабл.

— Я — Том Бун, то есть сенатор Бун. У меня послание к нему от Верховного епископа Дигби.

Джабл переключил мозги на аварийную скорость:

— Меня зовут Джабл Харшоу, сенатор, — он сделал Майку знак встать и подать сенатору руку. — Познакомьтесь, это мистер Смит. Майк, это сенатор Бун.

— Здравствуйте, сенатор Бун, — сказал Майк, как на уроке хороших манер.

Он взглянул на сенатора с интересом. Смит уже знал, что «сенатор» не означает «Старший Брат», хотя что-то общее в этих словах есть; тем не менее ему было любопытно посмотреть на сенатора. Майк не усмотрел в сенаторе ничего особенного.

— Здравствуйте, мистер Смит, я не отниму у вас много времени, тем более, что переговоры, кажется, уже начинаются, Мистер Смит, Верховный епископ Дигби поручил мне пригласить вас на отправление религиозной службы в молельню

Архангела Фостера.

— Прошу прощения?

Вмешался Джабл:

— Сенатор, Человеку с Марса многое на Земле незнакомо. Однако мистеру Смиту довелось посмотреть вашу передачу по стереовидению.

— Это не то.

— Я знаю. Но он заинтересовался и задал мне много вопросов, из которых я не на все смог ответить.

Сенатор благожелательно посмотрел на Харшоу:

— Вы не разделяете нашу веру?

— Должен признаться, нет.

— Присоединяйтесь к нам. Не лишайте себя шанса очиститься от греха.

— Спасибо, с радостью. — («Еще бы! Так я и пустил к вам Майка одного!»).

— Приходите в следующее воскресенье. Я предупрежу епископа Дигби.

— Мы придем, если к тому времени нас не посадят в тюрьму.

Бун усмехнулся:

— А вы сообщите мне или Верховному епископу, и вас быстренько отпустят. — Он огляделся. — Здесь, кажется, не хватает стульев. Простому

сенатору и приткнуться негде.

— Окажите честь, сенатор, сядьте на нашей стороне, — предложил Джабл.

— Спасибо, сэр. Не возражаете, если я займу этот стул?

— Конечно, нет. Но если вы боитесь себя скомпрометировать, лучше присядьте не на нашей стороне. Я не хочу ставить вас в неловкое положение.

— Что вы! — Бун не испытывал неловкости. — Между нами, епископ проявил большой интерес к этому молодому человеку.

— Отлично. Располагайтесь. Рядом с вами сидит капитан ван Тромп; вы, наверное, его знаете.

— Ван Тромп? Конечно! Старый знакомый, — сенатор Бун кивнул Смиту и прошел на свое место.

Новые гости входили все реже. Вспыхнула ссора из-за места. Джабл смотрел на происходящее и все больше нервничал. Наконец, он не вытерпел и решил положить конец безобразию. Харшоу объяснил Майку, что он хочет предпринять, тот понял, что от него хотят, но не понял, зачем.

— Спасибо, сынок, — сказал Джабл и встал.

Он приблизился к участникам ссоры: помощнику церемониймейстера, главе уругвайской делегации и какому-то раздраженному человеку.

Уругваец говорил:

— Усадив его, вы должны найти место для лидеров государств — членов Федерации. Мы равноправные члены Федерации, и ни одно государство не должно иметь преимуществ перед другими. Если же делаются исключения…

Джабл прервал его тираду, обратившись к раздраженному человеку:

— Сэр, — он сделал паузу, чтобы привлечь внимание, — Человек с Марса поручил мне просить вас об одолжении. Будьте любезны, сядьте на нашей стороне стола, если ваше присутствие не требуется в другом месте.

Раздраженный человек сначала растерялся, а потом широко улыбнулся:

— Спасибо, меня это вполне устраивает.

Помощник церемониймейстера и уругваец запротестовали было, но Джабл не стал их слушать. Отвернувшись, он сказал:

— Давайте поторопимся, сэр, переговоры вот-вот начнутся.

В зал уже внесли подставку для флага, скорее напоминающую подставку для рождественской елки и затрапезную скатерть, испачканную красным — очевидно, марсианский флаг.

Майк встал навстречу Джаблу и незнакомцу.

Джабл торжественно произнес:

— Сэр, позвольте вам представить Валентайна Майкла Смита. Майк, познакомься с президентом Соединенных Штатов.

Майк низко поклонился. Президента посадили справа от Майка, а сзади водрузили импровизированный флаг. Зазвучала музыка, все встали. Раздался голос:

— Генеральный Секретарь!

Глава 20

Сначала Джабл решил, что Майк может не вставать, когда войдет Дуглас, но потом передумал. Ему не нужно было ставить Майка выше Дугласа, достаточно было доказать, что происходит встреча равных. Поэтому, когда все встали, Харшоу подал знак и Майку. С первыми звуками гимна открылись огромные двери в дальней стене, и вошел Дуглас. Он подошел к своему месту и собрался сесть.

Джабл тут же сделал Майку знак, и вышло так, что Майк и Генеральный секретарь сели одновременно, а после почтительной паузы уселись остальные. Джабл затаил дыхание. Неужели Ларю подведет?!. Правда, он не давал твердых

обещаний.

Раздались звуки «Симфонии» — звучала тема Марса, бога войны, впечатлявшая даже осведомленную публику. Глядя Дугласу в глаза, Джабл встал, как солдат по стойке «смирно». Поднялся и Дуглас — не очень охотно, но быстро.

Майк сидел, нисколько не смущаясь тем, что все опять вскочили. Марсианин ничего не понимал и только добросовестно выполнял все, чего хотел от него брат по воде.

Когда Джабл заказывал музыку в честь Марса, он долго думал, поднимать ли Майка, если заказ выполнят. Ответ зависел от роли Майка в этой комедии.

Музыка стихла. По знаку Джабла Майк встал, быстро поклонился и сел, почти одновременно со всеми. Все постарались сесть побыстрее, так как заметили, что Майк во время исполнения «Симфонии» сидел.

Джабл с облегчением вздохнул: наконец-то отделался! В молодости ему доводилось видеть, как одна из последних на Земле августейших особ принимала парад. Он заметил, что после исполнения гимна королева поклонилась, то есть выразила признательность за почтение, оказанное ее монаршему величеству. А глава

демократического государства пусть стоит во время исполнения своего гимна — не такая уж он важная птица.

Третьего не дано, как справедливо заметил Джабл. Либо Майк частное лицо, и тогда эта камарилья вообще не собралась бы, либо, по аналогии с делом Ларкина, парень является монархом. Джабл оглядывался: ага, папский нунций понял, в чем дело — лицо серьезное, а глаза смеются.

Дуглас заговорил:

— Мистер Смит, вы оказали нам честь и подарили радость, став нашим гостем. Мы надеемся, что на Земле вы будете чувствовать себя как дома, поскольку ваша родная планета Марс — наш сосед, наш добрый сосед… — И полились обтекаемые фразы, которые не давали ответа на вопрос, кого приветствовал Дуглас: монарха, туриста или путешественника, вернувшегося домой.

Джабл вглядывался в Дугласа, стараясь понять, читал ли тот его письмо. Но Дуглас на Харшоу не смотрел. Он закончил речь как всегда: говорил-говорил, но так ничего и не сказал.

— Ну, Майк, давай, — скомандовал Дуглас.

Майк заговорил по-марсиански. Потом перешел на английский и произнес: «Господин Генеральный Секретарь Федерации Свободных

Наций Планеты Земля» — и снова по-марсиански. Затем вновь по-английски: «Мы благодарны вам за гостеприимство. Мы передадим Старшим Братьям на Марс добрые пожелания от вас». Дальше опять по-марсиански.

Идею смешанной речи подала Джилл. Эта идея себя оправдала: скучная протокольная речь превратилась в произведение искусства сродни операм Вагнера. А для Майка не имело значения, на каком языке говорить. Он без труда выучил бы речь и на английском. Майк был счастлив, когда ему удавалось сделать приятное братьям.

Кто-то коснулся плеча Харшоу, сунул ему конверт и шепнул:

— От Генерального Секретаря.

Джабл поднял глаза и увидел Брэдли, который тут же ретировался. Джабл распечатал конверт и заглянул вовнутрь. Там была записка, подписанная: «Дж. Э. Д.». Ее текст состоял из одного слова:

«ДА».

Харшоу поднял голову, встретился глазами с Дугласом и кивнул ему. Дуглас тотчас же отвернулся.

Конференция близилась к концу. Осталось лишь оповестить о ней мир.

Майк дочитал речь. Джабл услышал:

— …сблизиться, получив от этого обоюдную выгоду согласно природе и характеру каждого народа…

Дуглас коротко, но тепло поблагодарил Человека с Марса.

Джабл поднялся:

— Господин Генеральный Секретарь…

— Да, доктор Харшоу?

— Мистер Смит выступает перед вами в двух ролях. С одной стороны, он монарх другой планеты, преодолевший бесконечные просторы космоса, чтобы принести нам привет и добрые пожелания своего народа. С другой — он человек и гражданин Соединенных Штатов Америки и Федерации, что дает ему определенные права и налагает на него определенные обязанности, причем нелегкие. Будучи адвокатом мистера Смита, я пытался разобраться в его делах, но несмотря на все свои старания, не смог даже составить полный перечень его имущества. В самое ближайшее время нужно разобраться с налогами. И вышеперечисленное — только мизерная толика той колоссальной работы, что предстоит проделать. — Тут Джабл остановился и долго сморкался. — Я старый человек и боюсь, что не успею закончить

порученное мне дело. Вы должны понимать, что мой клиент плохо разбирается в делах такого рода: на Марсе они решаются по-другому. Но он очень способный молодой человек, его родители были людьми незаурядными, и, надеюсь, их гены проявятся. Не сомневаюсь, что через несколько лет молодой человек разберется со своим наследством самостоятельно, без помощи дряхлого адвоката. Но, к сожалению, дела не ждут. А мистер Смит с большей охотой изучает историю, культуру и искусство нашей планеты, ставшей ему вторым домом. И я считаю, что он сделал правильный выбор. Мистер Смит от природы наделен мудростью, которая удивляет всех, кто с ним встречается, и продолжает удивлять меня. Когда я поделился с ним своими опасениями, он посмотрел на меня ясным взглядом и сказал: «Не мучайся, Джабл, посоветуйся с мистером Дугласом». — Джабл выдержал паузу и с волнением в голосе произнес: — Поэтому, мистер Дуглас, я хотел бы обсудить с вами некое частное дело. Давайте поговорим наедине, а дам и господ отпустим по домам!

— Выкладывайте свое дело, доктор Харшоу, — ответил Дуглас, — оставим протокольные формальности. Кто хочет, может уйти.

Никто не ушел.

— Ну что же, — сказал Джабл, — я изложу все в двух словах. Мистер Смит просит вашего согласия стать его адвокатом с полным правом распоряжаться всеми делами.

Дуглас, казалось, был поражен:

— Это слишком большая ответственность, доктор!

— Я знаю, сэр. Я говорил мистеру Смиту, что вы — самый занятой человек на нашей планете и у вас не будет времени заниматься его делами. — Джабл покачал головой и улыбнулся. — Но мои слова не произвели никакого эффекта. На Марсе от человека тем больше требуют, чем больше он занят. Мистер Смит сказал: «Давай попросим его», — и вот я вас прошу. Разумеется, мы не требуем немедленного ответа: у марсиан так не принято, они никогда не спешат и никогда не усложняют дела. Мы обойдемся без ревизии и долговых обязательств, а просто подпишем назначение. Хотя Майку даже этого не нужно: он готов доверить вам свое имущество сию же секунду и под честное слово. Это в характере марсиан. Если марсианин доверяет вам, то доверяет во всем… Да, я не сказал самого главного: мистер Смит обращается не к Генеральному Секретарю,

а к Джозефу Эджертону Дугласу, к вам лично. И если вы уйдете с государственной службы, то все равно останетесь адвокатом мистера Смита. Ваш преемник на государственном посту не сможет вмешаться в дела мистера Смита, поскольку это право доверено лично вам, а не человеку, занимающему Октагон.

Дуглас кивнул:

— Я не могу дать окончательный ответ, но благодарен за оказанное доверие.

— Если вы откажетесь от обязанностей адвоката мистера Смита сейчас или в дальнейшем, то они будут переданы Бенджамину Кэкстону. Встань, Бен, пусть тебя увидят. Если же ни вы, ни мистер Кэкстон не захотите или не сможете взять на себя исполнение обязанностей, то права будут переданы… кому?., мы сообщим в случае необходимости. Главное — пусть будет ясно, что всегда найдется замена. Где проект? — Джабл, казалось, растерялся. — Я не привык говорить без опоры на документы. Мириам, где записи?

Джабл взял у Мириам лист бумаги.

— Дай-ка мне остальные документы.

Мириам передала ему толстую пачку листов.

— Вот пакет документов, которые мы заготовили для вас, сэр, или для Кэкстона — словом,

для того, кто согласится стать адвокатом мистера Смита. Здесь оговорено право на получение вознаграждения за работу: сумма определяется самим адвокатом, установлен весьма значительный нижний предел… хотя… разглашать это не стоит. Далее — право помещать доходы в банк… Правда, мистер Смит не хотел бы связывать вас строгими инструкциями. Ваши полномочия не ограничиваются и в любой момент могут быть вами сложены, как, впрочем, и отозваны у вас. Читать все я не хочу, потому и записал.

Джабл с рассеянным видом посмотрел по сторонам.

— Мириам, будь умницей, отнеси документы Генеральному Секретарю. А эти экземпляры останутся у нас. Они еще могут понадобиться… Один экземпляр — Бену. Кажется, все… Господин Секретарь, вы ничего не хотите сказать?

— Несколько слов. Мистер Смит!

— Да, мистер Дуглас?

— Вы действительно этого хотите? Вы в самом деле хотите, чтобы я выполнил то, что написано в этих документах?

Джабл затаил дыхание и боялся поднять глаза на своего «клиента». Майка готовили к такому вопросу, но нельзя было предугадать, как именно

будет сформулирован вопрос и как его интерпретирует Майк.

— Да, мистер Дуглас, — голос Майка раздался на всю планету.

— Вы поручаете мне вести все ваши дела?

— Да, мистер Дуглас, пожалуйста. Это будет очень хорошо. Спасибо.

— Ну что же, все сказано однозначно. Доктор, я обещаю подумать и в ближайшее время дать ответ.

— Спасибо, сэр, — от меня и моего клиента.

Дуглас встал было, но в этот момент раздался голос Кунга:

— Минуточку! А как же дело Ларкина?

Джабл быстро сориентировался:

— Ах да, дело Ларкина. Я слышал о нем не раз, но в основном от некомпетентных людей. Так что же дело Ларкина?

— Я спрашиваю об этом у вас. Или у вашего клиента. Или у Генерального Секретаря.

— Можно мне ответить, господин Секретарь? — спросил Джабл.

— Да, пожалуйста.

— Превосходно. — Джабл вынул носовой платок и трубно высморкался. Потом, глядя Кунгу в глаза, заговорил: — Сэр, я обращаюсь к вам

лично, потому что в присутствии Генерального Секретаря нехорошо обращаться к вам, как к члену правительства. Давным-давно, когда я был еще мальчишкой, мы с приятелем организовали клуб. В каждом клубе должны быть свои правила, и первым правилом, которое мы единогласно приняли, был уговор называть наших матерей Ворчуньями. Глупо, конечно, но мы тогда были очень молоды… Мистер Кунг, вы понимаете, к чему я веду?

— Нет, доктор.

— Я применил наше «решение о Ворчуньях» всего один раз. Этого было достаточно, чтобы мой приятель его уже никогда не применял. Все, что я получил в результате применения уговора — это трепка от матери. Поэтому «решение о Ворчуньях» пришлось отменить… — Джабл прокашлялся. — Я предвидел, что кто-нибудь обязательно вспомнит о решении по делу Ларкина, и попытался заранее объяснить моему клиенту суть дела. Но он никак не мог взять в толк, как можно владеть Марсом. Ведь Марс населен народом, который гораздо древнее и мудрее нашего! Когда же мистер Смит понял, в чем дело, он просто рассмеялся… В детстве я поставил под сомнение право матери наказывать за непослушание. То-

гда я дешево отделался. Но я не могу позволить, чтобы в положении зарвавшегося юнца оказалась наша планета. Прежде чем раздавать земли, не принадлежащие нам, следовало бы узнать, какими розгами нас могут угостить марсиане.

Кунг не сдавался:

— Доктор Харшоу, если исходить из того, что решение по делу Ларкина — детский каприз, то на каком основании мистеру Смиту были оказаны почести, каких удостаиваются только монархи?

Джабл пожал плечами:

— Это вопрос к правительству, а не ко мне. Но я могу высказать свою точку зрения. Эти почести можно расценить как элементарную вежливость по отношению к старейшинам Марса.

— Не понял.

— Мистер Кунг, почести, оказанные мистеру Смиту, не были бездумной данью решению по делу Ларкина. Человеческому разуму трудно это понять, но мистер Смит — сама планета Марс.

— Прошу объяснить подробнее.

— В лице мистера Смита нам нанесли визит старейшины Марса — Старшие Братья. Почести Смиту — почести Старшим Братьям. Оскорбление Смиту — оскорбление Старшим Братьям. Это следует понимать буквально, как ни трудно

это осознать человеческому разуму. Проявление почтительности — всегда мудрый поступок, а известное нам решение по делу Ларкина не имеет ничего общего с мудростью. Это решение применимо к необитаемой планете, и ни один здравомыслящий человек не станет применять его к обитаемой.

Джабл глянул вверх, словно ища поддержки от небесных сил.

— Будьте уверены, мистер Кунг, что правители Марса видят, как мы встречаем их посланника. Мы поступили благоразумно, почтив их в его лице. Более того, я нахожу, что правительство нашей планеты поступило мудро, не пожалев для мистера Смита королевских почестей. И вы тоже это скоро поймете.

Кунг ответил:

— Доктор, если вы надеетесь меня запугать, то стараетесь напрасно.

— Я не пытаюсь никого запугать. И, к счастью для жителей нашей планеты, ваше мнение на ней не главное. — Харшоу обернулся к Дугласу. — Мне уже давно не приходилось произносить таких длинных речей. Я устал. Нельзя ли сделать перерыв, прежде чем вы объявите нам о вашем решении?

Глава 21

Было решено сделать перерыв. Джабл с досадой осознал, что улизнуть из зала не удастся из-за сенатора Буна и Президента Соединенных Штатов Америки. Оба понимали, что сидя на марсианской стороне стола, привлекли к себе внимание всего мира — и решили этим воспользоваться. К ним начали подходить люди.

Джабл поспешно предложил:

— Господин Президент, сенатор! Мы идем завтракать, не желаете ли присоединиться?

Харшоу верно рассудил, что лучше говорить с двумя политиками неофициально, чем с двумя десятками — официально.

К его великому облечению, у обоих были другие дела. Харшоу пришлось пообещать, что он приведет Майка и на фостеритскую службу, и в Белый Дом. (Подумаешь, всегда можно откреститься тем, что парень заболел!)

— Девочки, по местам!

Майка повели на крышу. Энн в своем белом плаще, величественная и прекрасная, как валькирия, шла впереди. Перед ней все расступались. Джабл, Бен и астронавты с «Чемпиона» прикры-

вали Майка с тыла. За рулем автобуса их ждал Ларри, и через несколько минут они высадились на крыше «Нью Мэйфлауэр». Там на них налетели репортеры, но девушки доблестно отбивались, и вскоре делегация спустилась в номер, снятый Дюком. Глядя на Мириам и Доркас, Джабл подумал, что, пожалуй, кошка защищает котят не так яростно. В коридоре стояла охрана, у дверей номера дежурил офицер Особой Службы. Джабл было возмутился, но тут же догадался, что это Дуглас выполняет один из пунктов договора, предложенного в письме, где Джабл просил его позаботится о безопасности Майка.

— Джилл! Следи за Майком! Все в порядке!

— Есть, босс!

Офицер взял под козырек, Джабл глянул на него:

— Ба! Привет, майор! Больше не выламываем дверей?

Майор Блох покраснел и не ответил. Харшоу подумал, не в наказание ли его сюда поставили?

В номере сидел Дюк.

— Располагайтесь, господа, — пригласил Джабл. — Как дела, Дюк?

— Записывающей аппаратуры я не обнаружил, — пожал плечами Дюк, — но это не значит, что

ее нет.

— Да я не об этом, пусть себе записывают. Я о продуктах спрашиваю. Ужасно хочу есть и к тому же привел троих гостей.

— Ах, вы об этом! При мне выгружали. Какой вы подозрительный, босс!

— Доживешь до моих лет, будешь еще хуже.

— Не доживу. Надоест.

— Дело вкуса. Мне до сих пор не надоело. Девочки, пошевеливайтесь! Кто первой принесет мне выпить, на один раз освобождается от обязанностей «Ближней». Но сначала напоите гостей. Садитесь, господа. Свен, какое зелье вы предпочитаете? Аквавит? Ларри, сбегай, купи пару бутылочек. И дюжину для капитана.

— Не нужно, Джабл, — сказал Нельсон, — я с удовольствием выпью скотч.

— Я тоже, — поддержал ван Тромп.

— Этого добра у нас хватит на полк солдат. Доктор Махмуд, если вы предпочитаете более слабые напитки, мы вас не обидим. У девочек богатые личные запасы.

Махмуд засмеялся в нерешительности:

— Да, пожалуй…

— Ну-ка, посмотри на меня. — Джабл заглянул ему в лицо. — Сынок, ты перенервничал. У меня

нет брома, придется заменить его девяностопроцентным спиртом, боюсь, даже двойной дозой. Можно капнуть туда что-нибудь для запаха.

Махмуд улыбнулся:

— Спасибо, доктор. Позвольте мне грешить на свой манер. Я пью чистый джин и запиваю водой.

— Не слушайте его, Джабл, — вмешался Нельсон. — Он пьет даже медицинский спирт. Вонючка хлещет все подряд, а потом кается.

— Я искренне раскаиваюсь, — серьезно сказал Махмуд. — Это грех.

— Не дразните его, Свен, — попросил Джабл. — Если человеку нравится усугублять свои грехи раскаянием — на здоровье. Каждому свое. Слушай, Вонючка, а как насчет еды? Энн натолкала полную сумку ветчины, наверняка есть что-то запрещенное. Мне проверить?

— Не надо. Я не ортодокс. Эти запреты устарели. Когда-то они действительно отвечали требованиям времени, но время-то переменилось.

Джабл вдруг погрустнел:

— Да-а… Только к лучшему ли? Впрочем, и наше время пройдет. Ешь, что хочешь, брат мой, Бог простит.

— Спасибо, но я, как правило, не ем в середине

дня.

— Лучше все-таки поешь, иначе действие спирта окажется сильнее, чем нужно. Кроме того, мои девочки хоть и делают орфографические ошибки, но замечательно готовят.

В это время вошла Мириам с подносом, на котором стояли стаканы.

— Босс, — возмутилась она, — это официальное заявление?

— Негодница! — завопил Харшоу. — Останешься после уроков и напишешь тысячу раз: «Я не буду вмешиваться в чужие разговоры»!

— Хорошо, босс. Это вам, капитан… вам, Нельсон… вам, доктор Махмуд. Вода отдельно.

— Спасибо, Мириам.

— А это вам, босс.

— Такое разбавленное!

— Энн велела. Вы устали, не стоит пить крепкое.

Джабл обвел всех страдальческим взором:

— Посмотрите, что они со мной делают, господа! Женщин нельзя допускать к власти. Мириам, напишешь эту фразу тысячу раз на санскрите.

— Хорошо, Босс. — Она погладила его по затылку. — Пейте, напивайтесь. Вы заслужили. Мы вами гордимся.

— Иди в кухню, женщина! У всех есть, что выпить? Где Бен?

— Взял стакан и пошел звонить в редакцию.

— Хорошо, можешь идти. Пришли сюда Майка. Господа, me ke aloha pau ole!

Все выпили.

— Майк помогает нам готовить. Он станет поваром, когда вырастет, — сказала Мириам.

— Ты еще не ушла? Все равно пришли его сюда. Доктор Нельсон хочет его осмотреть.

— Успеется, Джабл, — произнес Нельсон. — Великолепный скотч, но скажите, за что мы пили?

— Простите, это по-полинезийски: «Пусть наша дружба будет вечной». Подойдет к церемонии с водой. Кстати, господа, Дюк и Ларри тоже братья Майку. Надеюсь, вас это не смущает. Они, правда, не умеют говорить, зато с ними не страшно пройти вечером по темной улице.

— Если вы ручаетесь за них, Джабл, пусть войдут, и закроем двери, — сказал ван Тромп. — А пока давайте выпьем за женщин. Свен, помнишь свой хороший тост?

— За красивых женщин всей Вселенной? Нет, не хочу. Давайте выпьем за наших четырех.

Они выпили за своих братьев женского пола, и Нельсон спросил:

— Джабл, где вы их нашли?

— Вырастил у себя на клумбе. Стараешься, воспитываешь, учишь, а потом появляется какой-нибудь ловкач и женится на них. Это очень убыточное дело.

— Понимаю, — сочувственно проговорил Нельсон.

— Господа, надеюсь, вы все женаты?

Оказалось, что Махмуд не женат. Харшоу взглянул на него с опаской:

— Сделайте милость, дематериализуйтесь… Так и быть, не на голодный желудок, а после еды.

— О, я совершенно безопасен: закоренелый холостяк.

— Знаем мы таких холостяков. А кто с Доркас перемигивался?

— Я вас уверяю…

Махмуд хотел было сказать, что никогда не женится на женщине чужой веры, но решил, что это недипломатично, и перевел разговор на другую тему. — Кстати, Джабл, не делайте Майку подобных предложений. Он не вникнет, что вы шутите, и на самом деле дематериализуется. Не уверен, что это у него получится, но лучше не рисковать.

— У него получится, — сказал Нельсон. —

Доктор, то есть Джабл, вы не замечали ничего необычного в его обмене веществ?

— Что вы! Я не замечал ничего обычного!

— Здорово сказано!

Джабл обернулся к Махмуду:

— Не беспокойтесь, я не стану приглашать Майка к самоубийству. Я уже вник, что он не понимает шуток.

Джабл подмигнул.

— Но я еще не вник, что значит «вникать». Вонючка, ты говоришь по-марсиански?

— Немного.

— Ты хорошо говоришь, я слышал. Ты вникаешь, что такое «вникать»?

Махмуд задумался:

— Нет. Это самое важное слово в их языке. «Вникать» — лишь его приблизительный перевод. Настоящее значение гораздо шире. Мне кажется, что и через годы я не буду его знать. Чтобы вникнуть, что такое «вникать» — нужно думать по-марсиански. Вы уже, наверное, заметили, что у Майка необычный подход ко многому?

— Кто-кто, а я заметил!

— То-то и оно.

— А вот и закуска! — объявил Джабл. — Женщины, поставьте еду в пределах досягаемости

и соблюдайте почтительную тишину. Продолжайте, доктор. Может, вам мешает присутствие Майка?

— Абсолютно не мешает. — Махмуд обратился к Майку по-марсиански. Тот что-то ответил, радостно улыбнувшись. Потом лицо марсианина сделалось бесстрастным, и он принялся за еду. — Я пересказал Майку наш разговор, и он нашел мой ответ правильным. Если бы я был неправ, Майк заметил бы это и сказал бы мне. Впрочем, он мог и не заметить: он мыслит по-марсиански и, следовательно, видит другую картину мира. Вы понимаете?

— Да, вникаю, — ответил Джабл. — Язык формирует мышление.

— Вы правы, доктор. Кстати, вы говорите по-арабски?

— Что? А-а, говорю, но плохо, — скромно ответил Джабл. — Я был военным врачом в Северной Африке, там и научился. Я иногда читаю по-арабски, чтобы постигать слова Пророка в оригинале.

— Совершенно правильно! Коран нельзя переводить. Даже самый лучший перевод искажает строй мыслей! Теперь вы понимаете, как мне было трудно выучить английский. Не только потому, что грамматика моего родного языка

более проста — сам строй мыслей моего народа проще. А английский язык — один из сложнейших в мире. Его грамматическая и лексическая избыточность, сложность идиоматических ассоциаций позволяют описывать такие явления, которые невозможно описать на других языках. Я чуть не сошел с ума, пока научился думать по-английски. А когда научился, стал видеть мир по-другому, гораздо подробнее, чем в детстве. Однако есть вещи, о которых можно сказать по-арабски, и нельзя — по-английски.

— Поэтому я продолжаю читать по-арабски, — кивнул Джабл.

— А марсианский еще сложнее, чем английский. Более того, у марсиан другая схема абстрактного мышления, настолько отличная от земной, что на фоне этого различия не будет заметна разница между мышлениями араба и англичанина. На преодоление такой разницы у человека уходит несколько лет. Но я не уверен, что нам хватит вечности, чтобы научиться думать по-марсиански. Говорить мы научимся — говорят же китайцы на пиджин-инглиш… Возьмем слово «вникать». Я подозреваю, что его значение уходит корнями в те далекие времена, когда марсиане только-только начинали сознательную жизнь.

Это слово означает что-то вроде погружения в воду и одновременно принятие воды в себя.

— Постойте, Майк никогда не говорил «вникнуть», когда речь шла о том, чтобы выпить воды.

— А мы сейчас проверим. — Махмуд обратился к Майку по-марсиански.

Майк слегка удивился:

— «Вникнуть» — значить выпить, — подтвердил он.

Махмуд продолжал:

— Майк согласился бы, назови я еще сотню английских слов, которым в нашем мышлении соответствуют разные, порой даже противоположные понятия. «Вникнуть» для Майка — значит и любить, и бояться, и ненавидеть. Да, и ненавидеть, потому что по марсианским понятиям ненавидеть можно только то, во что ты вник, что познал настолько, что оно сливается с тобой, а ты — с ним. Только тогда можно ненавидеть. Мне кажется, что вследствие этого марсианская ненависть — настолько сильное чувство, что самая черная человеческая ненависть в сравнении с ней покажется легкой неприязнью…

Махмуд задумался:

— «Вникнуть» — значит слиться. Человеческая мысль «мне это больнее, чем тебе» имеет

марсианский оттенок. Марсиане инстинктивно сознают то, что мы усвоили на основе многолетнего опыта: наблюдатель в процессе наблюдения взаимодействует с объектом наблюдения. «Вникнуть» — значит понять объект наблюдения до такой степени, что становится возможным слияние, уравнение с ним. «Вникнуть» — это цель того, что мы называем религией, философией, наукой. Для нас это слово почти так же ничего не значит, как для слепого цвет. — Махмуд помолчал. — Джабл, если бы я изрубил вас на куски, сделал жаркое и съел, тогда мы вникли бы друг в друга: ничего из того, что нам принадлежит, не было бы утеряно, и в этом смысле было бы все равно, кто кого съел.

— Мне не было бы все равно, — запротестовал Джабл. Махмуд снова заговорил с Майком по-марсиански. Майк кивнул:

— Ты говоришь правильно, брат Махмуд. Я бы тоже так говорил. Ты есть Бог.

— Ну вот, — развел руками Махмуд. — Вы видите: все, чего я добился, — так это богохульства. Мы не можем думать по-марсиански.

— Ты есть Бог, — гнул свое Майк. — Бог вникнет.

— Давайте оставим этот разговор! Джабл, во

имя нашего братства, позвольте мне выпить еще порцию джина.

— Сейчас принесу, — отозвалась Доркас.

Обстановка в номере напоминала семейный пикник. И хозяин, и гости были людьми неспесивыми, опытными, признанными и потому не страдающими глупым честолюбием. Даже доктор Махмуд, всегда сохранявший дистанцию с людьми другой веры, сейчас расслабился. Ему чрезвычайно польстило, что Джабл чтил и читал в оригинале учение Пророка… Да и женщины у Джабла работали не такие уж бестелесные, как показалось с первого взгляда. Эта черненькая… Махмуд тут же отогнал мысль: нельзя, он здесь гость.

Махмуд оценил, что женщины не болтали, не вмешивались в серьезные мужские разговоры, а быстро и радушно подавали еду и питье. В то же время он был шокирован непочтением Мириам к хозяину: такие вольности обычно дозволяют только кошкам и детям-любимчикам.

Организацию этого «пикника» Джабл объяснил тем, что за едой и приятной беседой легче скоротать время. По поводу же места проведения Харшоу сказал:

— Если Генеральный Секретарь согласится, он

даст об этом знать. Останься мы во Дворце, он начал бы торговлю. А сюда он уж точно торговаться не придет.

— О чем торговаться? — спросил ван Тромп. — Он получил все, чего только мог желать.

— Не все. Дуглас наверняка хочет, чтобы мы не имели права снять с него обязанности. Представляете: мы снимаем с него обязанности (а с ними и права) и передаем их человеку, которого он ненавидит — этому негодяю с честными глазами, нашему брату Бену. И другие стали бы торговаться — тот же «будда» Кунг. Я ведь у него изо рта кусок вырвал! Кстати, именно из-за него мы не едим и не пьем ничего из того, что нам привезли.

— Джабл, неужели вы серьезно? — спросил Нельсон. — Я подумал, что вы просто гурман и не признаете чужой кухни. В этом отеле нас не могут отравить.

Джабл печально покачал головой:

— Свен, ВАС действительно никто не собирается травить. Но ваша жена может получить страховку за вас только потому, что вы ели за одним столом с Майком.

— Вы на самом деле так думаете?

— Свен, я могу позвать прислугу и заказать для

вас все, что хотите. Но сам я этого в рот не возьму и Майку не дам. Они знают, где мы; у них достаточно времени, чтобы состряпать что-нибудь пикантное. Я имею все основания подозревать, что добрая дюжина здешних официантов получают зарплату у Кунга. Пока мы не обезвредим силы, которые представляет Кунг, главная задача — сохранить Майку жизнь.

Джабл нахмурился:

— Возьмем к примеру паука «черная вдова». Это тишайшее, полезнейшее и очень красивое существо, самое симпатичное из паукообразных. Единственный недостаток бедняжки — сила, несоразмерная с величиной. В результате — каждый считает своим долгом убить «черную вдову».

— А как же иначе? Они очень ядовиты!

— А Майку и того хуже: он не такой красивый, как каракурт.

— Как можно, Джабл! — вмешалась Доркас. — Это нетактично, более того — неверно.

— Девочка, не это главное. Суть в том, что он не может избавиться от своего богатства, а владеть этим богатством равносильно смерти. Неприятностей нужно ждать со всех сторон, и не только от Кунга. Верховный Суд политически не

столь независим, как кажется… хотя суд Майка не убьет, а всего лишь заточит в темницу, как графа Монте-Кристо. Но есть еще масса организаций и частных лиц, которым выгодно, чтобы Майк оказался почетным гостем на собственных похоронах.

— Видеотелефон, босс!

— Энн, ты из Филадельфии кричишь?

— Нет, из Далласа!

— Скажи, что я занят.

— Это Бекки.

— Что ж ты сразу не сказала?! — Джабл вылетел в другую комнату. — Бекки! Рад тебя видеть, дорогая!

— Привет, док! Смотрела ваше выступление.

— Как впечатление?

— Никогда в жизни не видела более тонкой работы. Америка потеряла величайшего адвоката из-за того, что ваша мать не родила двойню.

— Это высокая оценка, Бекки. Спасибо. Но ты много сделала для того, чтобы спектакль состоялся. Называй цену.

Мадам Везан нахмурилась:

— Вы меня обижаете, док!

— Бекки, соловья баснями не кормят. Я старый, но могу поцеловать и обнять так, что ребра за-

трещат.

Она улыбнулась:

— Я хорошо помню, что вы можете. Помните, как вы шлепали меня, уверяя, что профессор будет жить?

— Что ты! Разве я мог так непрофессионально работать?

— Еще как мог!

— Значит, в тот момент тебе была необходима «шлепотерапия». И все-таки назови цену, только хорошенько посчитай нули.

— Док, я знаю другие способы делать деньги. Вы смотрели биржевые новости?

— Нет, и не рассказывай. Лучше приходи к нам выпить рюмочку.

— Увы, я занята. Обещала очень важному клиенту, что буду дома.

— Понимаю. А твои звезды случайно не говорят, что для этого клиента окажется лучше, если сегодняшняя сделка будет заключена без проволочки?

— Нужно посмотреть.

— Пожалуйста! И приходи к нам. Майк тебе понравится: он странноватый, но очень милый.

— Спасибо, док. Я постараюсь.

Они попрощались. Джабл вернулся к гостям

и застал Нельсона за осмотром Майка. Нельсон был обескуражен.

— Доктор, — сказал он, — я видел пациента десять дней назад. Откуда такие мускулы?

— О, мы вырезали купон из журнала «Для мужчин», и нам прислали комплекс упражнений. И вот слабачок весом в девяносто фунтов превратился…

— Доктор, мне не до шуток!

— Спросите самого пациента.

На вопрос Нельсона Майк ответил:

— Я их вымыслил.

— Правильно, — подтвердил Джабл, — Майк их «вымыслил». Когда я его впервые увидел, он был невероятной размазней: бледный, как из подземелья (так оно, наверное, и было). Я велел ему набираться сил — вот он и набрался.

— Делал упражнения? — с сомнением спросил Нельсон. — Плавал…

— За десять дней нельзя наплавать такие мускулы. Впечатление такое, как будто он не один год потел с гантелями. — Нельсон нахмурился. — Я знаю, что Майк управляет сердечной мышцей, которой большинство людей управлять не может. Но есть прецеденты…

— Доктор, — мягко предложил Джабл, — не

лучше ли смириться с тем, что мы в это явление не вникаем?

— Да, пожалуй, — вздохнул Нельсон. — Одевайся, Майк.

Джабл стал посвящать астронавтов в свои планы, уже почти осуществленные им:

— Моя цель была проста: «связать» деньги, чтобы за них не было драки даже в случае смерти Майка. Я специально оговорил обстоятельство: если Майк погибнет, права Дугласа теряют силу (ходили слухи, что права Дугласа бессрочны, а нам это было невыгодно). И вообще, если бы все зависело от меня, то я лишил бы Майка последнего пенни этого чертового наследства!

— Почему, Джабл?

— Капитан, у вас есть деньги? Я хотел сказать, вы богаты?

— Деньги? — фыркнул капитан. — Я получаю зарплату, а когда состарюсь, буду получать пенсию; у меня две дочки в колледже, а дом заложен… Да, богатство мне не помешало бы!..

— Вы сами не ведаете, что говорите. Богатство не сделало бы вас счастливым.

— Если бы ваши дети учились в колледже, вы бы так не рассуждали.

— У меня четверо детей, и все учились в колле-

дже. Я тогда был в долгах, как в шелках. Старшая дочь — мастер своего дела… она широко известна под фамилией мужа. Но вместо дочернего почтения — одна черная неблагодарность. Остальные же помнят день моего рождения, а в другие дни не беспокоят. Образование им не повредило. Я вспомнил о своих отпрысках затем, чтобы доказать вам, что отцу всегда нужно больше денег, чем у него есть… Вы можете найти фирму, которая платила бы вам больше, чем вы получаете сейчас?

— Об этом не может быть и речи, — отчеканил капитан. — Я профессионал.

— Вы хотите сказать, что ни за какие деньги не откажетесь от вождения космических кораблей?

— Я хотел сказать, что не возражаю против богатства.

— Это не поможет. Дочери всегда тратят на десять процентов больше, чем может честно заработать отец. Это, если хотите, закон Харшоу. Богатство, капитан, — я имею в виду настоящее богатство, когда нужен десяток бухгалтеров, чтобы не запутаться в налогах, — свело бы нас в могилу скорее, чем отставка.

— Чепуха! Я бы вложил его в акции и стриг бы купоны!

— Вы бы этого не сделали. Большое богатство нажить нетрудно, нужно всего-навсего посвятить этому жизнь. Но ни одна балерина так не вкалывает, как человек, приумножающий свое богатство. А это не ваш стиль, капитан. Вы не хотите делать деньги, вы хотите только тратить.

— Совершенно верно, сэр! Поэтому я и не понимаю, зачем лишать Майка богатства.

— Потому, что большое богатство — это величайшее проклятие, если, конечно, сам процесс не доставляет вам удовольствия. Но и тогда богатство имеет серьезные недостатки.

— Фу-ты ну-ты! Джабл, вы, как охранник гарема, убеждающий нормального мужчину в преимуществах жизни евнуха.

— Возможно, — согласился Джабл. — Человек обладает огромной способностью превозносить свои недостатки, и я не исключение. Поскольку мы с вами, сэр, нуждаемся в деньгах лишь затем, чтобы тратить их, мы не сможем стать богатыми. С другой стороны, нам нетрудно будет наскрести грошик-другой для удовлетворения всяких грешных потребностей. Но большое богатство!.. Вы видели этот фарс. Неужели вы считаете, что я мог назваться адвокатом Майка, то есть фактическим владельцем всего его добра и пообещать

что-то Дугласу в обмен на его поддержку? Майк мне верит: я его брат по воде… И я должен был украсть его состояние?

— Черт возьми, да!

— Конечно, можно было бы сделать и так. Нашему Генеральному Секретарю деньги нужны не больше, чем нам с вами. Ему нужна власть — Колокол, звон которого не достигает моего сердца. Если бы я пообещал Дугласу (а я бы с легким сердцем пообещал), что буду выделять средства на поддержку его администрации, он с таким же легким сердцем оставил бы все имущество Майку.

Джабл передернул плечами:

— Но когда я это вообразил, то… испугался! Капитан, вы не представляете себе, что такое большое богатство. Его владельца со всех сторон осаждают, как нищие в Бомбее, всяческие просители и требователи: одному вложи капитал, другому просто подари. С богатым человеком никто не дружит бескорыстно, и он становится подозрительным. Люди, которые могли бы с ним дружить, слишком горды и утонченны, чтобы переносить такую подозрительность. Хуже того, семья богатого человека постоянно находится в опасности. Капитан, вам приходило в голову, что

ваших дочерей могут похитить?

— Что?.. Не дай Бог! Не приходило.

— Если бы вы были так богаты, как Майк, вам пришлось бы приставить к дочкам охрану, и все равно вы не могли бы спать спокойно: а вдруг охрану перекупят? Припомните последние похищения — во всех соучаствовала прислуга. И очень немногие похищенные остались в живых. Можно ли за деньги купить что-то такое, ради чего не жалко сунуть в петлю голову дочери?

Ван Тромп задумался:

— Согласен. Остаюсь бедным.

— Аминь. Я тоже хочу жить, как привык: спать в своей постели — и спать спокойно. Ради Майка я чуть было не согласился провести остаток жизни в бухгалтерских подсчетах. Но меня вовремя осенило: пусть голова болит у Дугласа. Я не опасаюсь, что он начнет красть: только третьесортные политики охочи до денег. Дуглас же — высший сорт. Не кривись, Бен, а молись, чтобы он не свалил ответственность на тебя. Если все будет в порядке, я смогу спокойно заняться своими розами… Труднее было обойти решение по делу Ларкина.

— Мне кажется, здесь ты перегнул палку, Джабл, — вмешался Кэкстон. — Майк мог отпи-

сать Дугласу свое имущество, оставаясь при этом королем Марса.

— Бен, мальчик мой, — нежно проговорил Харшоу, — твои сплетни иногда интересно почитать…

— Спасибо.

— …но в политике ты неандерталец.

— Слава Богу, — вздохнул Кэкстон. — Я уж решил, что ты подобрел.

— Когда со мной это случится, пожалуйста, пристрели меня. Капитан, сколько человек вы оставили на Марсе?

— Двадцать три.

— Каков их статус согласно решению по делу Ларкина?

— Я не имею права об этом говорить, — сказал ван Тромп, нахмурившись.

— Тогда не говорите, — посоветовал Харшоу, — мы вычислим его сами.

Доктор Нельсон предложил:

— Я уже гражданский человек, капитан, и могу говорить, что хочу.

— И я, — подхватил Махмуд.

— Хорошо, я скажу, — решился ван Тромп. — Только, Бен, обещайте, что это не выплывет в печати.

— Может, мне уйти?

— Нет, послушайте. Все колонисты отписали свои права правительству, а присутствие Майка на Марсе спутало карты. Я не юрист, но понял, что если Майк откажется от своих прав, то Марс станет государственной колонией.

— А что толку от этой колонии? — спросил Кэкстон. — Я никоим образом не собираюсь умалять ваших достижений, капитан, но общеизвестно, что Марс не представляет особой ценности для человека. Может быть, там нашли что-то настолько ценное и стратегическое, что поставили на нем гриф «смертельно секретно»?

— Нет, все отчетные документы прошли без грифа, — покачал головой ван Тромп, — но ведь и Луна, когда мы туда прилетели, показалась нам бесполезным булыжником.

— Признаю свою ошибку, — сдался Бен. — Жаль, что мой дедушка не купил Лунар Энтерпрайзез. Но Марс-то населен!

— Населен, — с несчастным видом согласился ван Тромп. — Вонючка, объясни ему.

— Бен, — сказал Махмуд, — на Марсе достаточно места, чтобы организовать колонию, и, насколько я могу судить, марсиане не стали бы на нее нападать. Можно лететь на Марс хоть сейчас,

развешивать там флаги, но наша колония все равно будет муравейником под стеклом в школьном живом уголке. Я не знаю, на каком мы свете.

— И я не знаю, — кивнул Джабл. — Я вообще ничего не знал, кроме того, что администрация суетится вокруг этих так называемых прав, и тогда я решил, что она тоже не в курсе дела, — и пошел напролом. Нахальство — второе счастье.

Джабл ухмыльнулся и продолжил:

— Перед самым окончанием школы я выиграл диспут, процитировав указ Британской торгово-колониальной комиссии. Мне тогда никто ничего не смог возразить, потому что такой комиссии никогда не существовало. Сегодня утром пришлось вести себя так же бесстыдно. Администрации позарез нужны были права Майка на Марс, и Дуглас боялся, как бы мы не отдали их кому-нибудь другому. А я сыграл на его жадности и страхе и наглядно продемонстрировал глупость решения по делу Ларкина… — Джабл был явно доволен собой.

— И поставил себя в дурацкое положение.

— Бен, — с упреком произнес Харшоу, — они короновали Майка, исходя из своей же логики. Стоит ли напоминать, что лучше быть явным королем, чем тайным претендентом? Старая

скатерть и несколько аккордов музыки сослужили Майку хорошую службу: его положение стало более определенным, но никак не более простым. Если ты сюзерен Марса — будь любезен, предоставляй кому концессию, а кому — анклав. Владеть землей еще хлопотнее, чем владеть деньгами. Значит, снова отказываться от своих прав в пользу Дугласа? Этого я делать не хотел, как не хотел делать своего клиента заложником его так называемых прав. Поэтому нужно было показать, что решение по делу Ларкина неприменимо по отношению к Марсу.

Джабл ухмыльнулся:

— Вот и пришлось изворачиваться. Сначала я добился для Майка почестей. А почести оказываются либо монарху, либо… послу. Я стал убеждать публику, что Майк не карточный король — каким он является по пресловутому решению — а посланник марсианского народа! — Джабл передернул плечами. — Это был блеф чистейшей воды, но я рассчитывал на то, что ни Дуглас, ни Кунг не осведомлены в этом деле. Я сильно рисковал: рядом сидели вы — братья Майка. Если бы вы выступили против, мне не удалось бы убедить публику, что Майк — посол Марса.

— Я не воспринял ваше выступление как ложь,

— сказал капитан ван Тромп.

— Значит, я случайно угадал?

— Не совсем, — капитан «Чемпиона» заколебался. — Майк не столько посол, сколько лазутчик.

У Кэкстона отвисла челюсть. Харшоу потребовал:

— Объясните, сэр.

— Сию минуту, — сказал ван Тромп. — Мне кажется, что Старшие Братья послали Майка на Землю в разведку. Не поймите меня плохо: я не меньше вашего люблю парня. Однако у него нет причин быть лояльным по отношению к нам, то есть к Земле.

Капитан нахмурился и продолжил:

— Все думают, что марсианский Маугли с радостью вернется на Землю. Ничего подобного! Свен, не дай соврать.

— Майк не хотел лететь на Землю, — подтвердил Нельсон. — Он боялся нас и не подпускал к себе близко. Когда же марсиане велели ему отправиться с нами, он подчинился, как солдат, для которого лучше погибнуть в бою, чем не выполнить приказ.

— Минутку! — перебил Кэкстон. — Вы хотите сказать, что марсиане пошли на нас войной? Это же так нелепо, как нам воевать с Юпитером! У

нас гравитация в два с половиной раза сильнее, чем на Марсе, а на Юпитере — в два с половиной раза сильнее, чем у нас. Аналогичны различия в атмосферном давлении и температуре. Марсиане не выдержат наших условий, как мы не выдержим условий Юпитера.

— Вы не далеки от истины, — заметил ван Тромп.

— Какой же смысл нам нападать на Юпитер, а марсианам — на нас?

— Бен, вы что-нибудь слышали о плацдарме на Юпитере?

— Слышал и знаю, что дальше проектов дело не пошло. Это нереально.

— Это было нереальным несколько лет назад. Современная техника дает человеку возможность высадиться на Юпитере. Почему вы думаете, что марсиане глупее нас? Вы видели их города!

— И тем не менее непонятно, зачем им воевать с нами.

— Капитан!

— Да, Джабл?

— Позвольте и мне высказать кое-какие возражения. Вы знаете о делении цивилизаций на аполлоновские и дионисийские?

— Да, в общих чертах.

— Так вот, даже культура Зуни показалась бы марсианам дионисийской. Вы были на Марсе, а я много слышал о нем от Майка. У марсиан аполлоновская культура, они не могут быть агрессивными.

— Я бы на это не рассчитывал.

Махмуд вмешался а разговор:

— Капитан, мне кажется, доктор Харшоу прав. Я сужу о культуре по языку, а в языке марсиан я не нашел слова со значением «война». Я не встречал также таких понятий, как «оружие» и «борьба». Если же в языке отсутствует какое-то слово, то, следовательно, в культуре отсутствует соответствующее ему явление.

— Что за чепуха, Вонючка! Собаки дерутся и при этом прекрасно обходятся без слов!

— Собаки вообще обходятся без слов, — настаивал Махмуд. — Говорящие же существа обязательно обозначают все свои понятия словами. Появилось новое понятие — для него сразу подбирается новое слово, либо определение из уже имеющихся в языке слов. Нервная система, способная к вербализации понятий, никогда без нее не обходится. Если марсиане знают, что такое «война» — у них должно быть такое слово.

— Давайте проверим, — предложил Харшоу.

— Позовем Майка.

— Обойдемся пока без него, — мотнул головой ван Тромп. — Я давно убедился, что со специалистами не стоит спорить: они почти всегда способны доказать свою правоту. В то же время я могу назвать сотни специалистов, совершавших роковые ошибки — прошу прощения, Вонючка.

— Вы правы, капитан, но по-моему в этом случае прав я.

— Майк может и не знать, есть ли у марсиан слово «война». Двухлетний ребенок скажет вам, что в английском языке нет слова «компьютер». Давайте опираться на факты. Свен, расскажем об Эгню?

— Да, капитан, — кивнул Нельсон.

— Эгню был на «Чемпионе» вторым врачом. Свен считал его очень способным парнем. Одна беда — он терпеть не мог марсиан. Когда я увидел, что марсиане не проявляют враждебности, то приказал выходить из корабля без оружия. Эгню не выполнил приказ: мы так и не смогли отыскать его пистолет. Люди, которые в последний раз видели Эгню, сказали, что пистолет был при нем. В бортовой журнал мы записали: «Пропал без вести, считать погибшим». Двое наших людей видели, как Эгню вошел в ущелье между

двумя скалами. Потом туда же вошел марсианин. Ребята побежали в надежде предотвратить стычку и услышали выстрел. Бежавший первым рассказал потом, что, заглянув в ущелье, увидел Эгню, который через мгновение пропал из виду. Подбежавший чуть позже увидел марсианина, спокойно выходящего с другой стороны ущелья. Марсианин прошел мимо, не обратив на них никакого внимания. Ущелье было пусто.

Вот так-то, господа… Учитывая слабую гравитацию на Марсе, можно было предположить, что Эгню от страха перепрыгнул скалу. Но мы пытались прыгать — ничего не вышло. Я еще надеялся, что Эгню все-таки появится и предвкушал, какую взбучку закачу ему за ношение оружия. Трудно было себе представить, что человек может пропасть в мгновение ока, и я даже грешил подозрением, что у ребят возникли галлюцинации от недостатка кислорода… Однако Эгню так и не появился.

С тех пор я стал гораздо осторожнее относиться к марсианам, хотя с их стороны никаких враждебных действий не последовало, и с помощью Вонючки мы всегда получали от них все, что было необходимо… Я постарался замять происшествие. Конечно, скрыть отсутствие Эгню

было невозможно, но я сказал, что он, скорее всего, заблудился в скалах и умер от недостатка кислорода. Нельзя же бросаться в панику за сто миллионов миль от дома. Поэтому мне пришлось надоедать всем ребятам напоминаниями о том, что надо ходить группами, проверять кислородные баллоны и регулярно связываться по радио с кораблем. Парню, который видел исчезновение Эгню, я намекнул, что не стоит об этом распространяться: все равно никто не поверит, а его товарищ ничего не подтвердит. В результате победила официальная версия.

— Я склонен придерживаться ее и в дальнейшем, — сказал Махмуд.

— Умница, — кивнул ван Тромп, — А я просыпаюсь и думаю: «Что же случилось с Эгню?»

Харшоу молча слушал.

«Не рассказала ли Джилл Бену о том, как пропали Берквист и его подручный… как его там? Джонсон? Не проболтался ли кто-нибудь о сражении в саду? Скорее всего — нет. Все слышали разговор с Генеральным Секретарем и знают официальную версию: никакого отряда, никакого капитана Хейнрика и никаких ордеров. Молчать и не давать парню расправляться с неприятными субъектами!»

От мрачных мыслей Харшоу отвлекла Энн:

— Босс, пришел мистер Брэдли, старший адьютант Генерального Секретаря.

— Ты его впустила?

— Нет, мы говорили по домофону. Он сказал, что пришел к вам с какими-то документами и будет ждать ответа.

— Пусть передаст бумаги в окошко для почты. Вход на территорию посольства Марса закрыт.

— Я не могу держать человека в коридоре.

— Хорошие манеры не всегда приводят к хорошим результатам. Мы не упустим ни дюйма нашей территории, пока не добьемся своего.

— О'кей!

В пакете оказался единственный документ, но во множестве экземпляров. Харшоу раздал каждому по экземпляру и объявил:

— За каждую обнаруженную двусмысленность или ловушку даю по конфете!

Все углубились в чтение. Первым заговорил Джабл:

— Дуглас — честный политик — честно съел червяка и так же честно проглотил крючок.

— Похоже, — согласился Кэкстон.

— Есть другие мнения?

Все молчали.

— Отлично! Теперь заверим каждый экземпляр. Мириам, неси печать и позови Брэдли, пусть тоже распишется. Да налей ему чего-нибудь! Дюк, скажи администратору, что мы освобождаем номер, и вызови автобус. Мы покидаем этот Содом, как Лот, не оглядываясь! Свен, капитан, Вонючка, поехали с нами! У нас сад, бассейн, домашняя кухня, тишина и спокойствие!

Капитан и Нельсон, обремененные семейными обязанностями, отказались, а Махмуд принял приглашение. Подписывание документов растянулось надолго: Майк священнодействовал, с восторгом вырисовывая каждую буковку своего имени. Уже были собраны вещи, администратор прислал счет, а Майк все писал.

Харшоу взглянул на счет (набежала кругленькая сумма), написал на нем: «Принято к оплате. От имени В. М. Смита — Дж. Харшоу» и вручил все документы Брэдли.

— Пусть ваш шеф займется…

— Сэр! — возмутился Брэдли.

— Спросите цереминеймейстера, и он подтвердит, что платит ваша сторона.

Брэдли принял счет.

— Хорошо, — медленно проговорил он, — я отдам это Ларю.

— Спасибо, мистер Брэдли. Спасибо вам за все.

Часть III
ПЛОДЫ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО ВОСПИТАНИЯ
Глава 22

В одном из крайних витков спиральной галактики, неподалеку от звезды, известной некоторым под названием Солнце, зажглась новая звезда. До Марса ее свет дойдет через 729 марсианских или 1370 земных лет. Старшие Братья отметили это событие как полезное и продолжили обсуждение эпоса о пятой планете.

Отлет «Чемпиона» они только зафиксировали, не торопясь с оценкой произошедшего. За птенцом-чужаком, отправленным на Родину, установлено наблюдение; остается лишь ждать, пока накопится достаточный для вникновения объем информации.

Оставшиеся на Марсе люди боролись с суровым климатом — впрочем, менее суровым, чем в Антарктиде. Один из них дематериализовался в результате болезни, называемой «ностальгия». Старшие Братья приняли его раненую душу и отослали ее куда следует — подлечиться. В иные контакты с землянами они не вступали…

Земные астронавты новую звезду не заметили, поскольку самым быстрым сигналом, доступным их восприятию, был свет. Имя Человека с Марса несколько раз упоминалось в печати. Лидер правительственного меньшинства Федерации призвал к осуществлению нового подхода к проблемам перенаселения и голода в Юго-Восточной Азии. Он предложил давать денежное пособие семьям, где более пяти детей. Синтия Дачесс объявила, что получит совершенного во всех отношениях ребенка от специально подобранной пары родителей. Осталось только рассчитать момент зачатия, который бы гарантировал ребенку гениальность в музыке, живописи и политике. В интервью журналистам Синтия сказала, что лично будет наблюдать за развитием ребенка и собирается корректировать этот процесс с помощью гормональных препаратов. Верховный епископ Дигби назвал ее вавилонской блудницей и запретил фостеритам наниматься к ней в доноры. Агнесс Дуглас высказалась о ней так «Я не знакома с мисс Дачесс, но восхищаюсь ею. Пусть ее пример вдохновляет матерей всего мира».

Джабл Харшоу вырезал фотографию Синтии из журнала и повесил на кухне; фотография вскоре исчезла, и Джабл развеселился.

В остальном веселого было мало. Репортеры оставили Майка в покое, но им на смену пришла общественность. Дуглас, как и обещал, оберегал Майка от непрошенных посетителей. Вдоль забора ходили патрули Особой Службы, над домом кружила машина, не давая никому приземлиться. Джабл страдал.

Телефон пришлось оборудовать автоматикой, которая пропускала звонки лишь ограниченного круга людей.

Приходили горы писем. Харшоу сказал Джилл, что Майку пора взрослеть и самому разбирать почту.

— Помоги ему, если нужно, но, ради Бога, пусть все это не касается меня.

Писем было так много, что Джилл с Майком не успевали их даже сортировать. Харшоу позвонил сначала местному почтмейстеру — безрезультатно; затем связался с Брэдли — и почта на имя Майка начала приходить в отдельных мешках, разложенная по темам. Почту личного характера, не читая, использовали в хозяйстве: сначала как теплоизоляционный материал при строительстве погреба, потом — для борьбы с эрозией почвы в саду.

Много хлопот доставляла почта специальной

тематики. Какая-то посылка взорвалась прямо на почте, уничтожив подшивку объявлений «Разыскивается преступник» за несколько лет. Благо, почтмейстер в этот момент отлучился выпить кофе, а его напарница — пожилая дама с больными почками — сидела в уборной. Джабл хотел уже заказать у Дугласа придворного сапера, но тут выяснилось, что можно обойтись собственными силами: Майк отлично «чуял» взрывоопасные посылки.

Почту сваливали у ворот, Майк с почтительного расстояния осматривал ее, обезвреживал бомбы, и Ларри тащил оставшиеся пакеты в дом. Майк обожал сам вскрывать посылки, даже если содержимое оказывалось для него безынтересным. То, что не могло пригодиться в хозяйстве, шло на свалку. Туда же отправлялись все присланные лакомства, поскольку Джабл не был уверен, что чутье Майка распространяется и на яды. (Как-то Майк выпил раствор проявителя, который Дюк поставил в холодильник, а потом сказал, что у «холодного чая» был неприятный привкус).

Джабл позволил Джилл оставлять все, что понравится, и запретил за что-либо платить, благодарить или возвращать отправителю. Попадались присланные наложенным платежом

подарки и товары, которых никто не заказывал. Джабл квалифицировал такие посылки как провокацию и постановил, что их отправители не заслуживают ни благодарности, ни вознаграждения.

Присылали даже кошек и собак, которых Джабл советовал возвращать, чтобы не устраивать в саду зверинец.

Больше всего мороки было с личными посланиями. Просмотрев мешок-другой, Харшоу разбил их на такие категории:

А. Письма-прошения — на засыпку оврагов и т. п.

Б. Угрожающие письма — придерживать; по получении двух и более писем из одного источника — передавать в Особую Службу.

В. Деловые письма — пересылать Дугласу.

Г. Письма «сумасшедших» — просмотреть, а потом использовать для засыпки тех же оврагов.

Д. Дружественные письма — отвечать, если приложен конверт с обратным адресом и маркой. Заготовить стандартные ответы за подписью Джилл. (Собственноручный и содержательный ответ Майка — по мнению Харшоу — спровоцировал бы дальнейшую переписку).

Е. Сквернословные письма — передавать Хар-

шоу для ознакомления (Джабл заключил пари сам с собой, что не вычитает в них ничего нового для себя), после чего использовать по мере возникновения новых оврагов.

Ж. Брачные предложения и приглашения к сожительству — собирать.

З. Письма из научно-исследовательских и учебных учреждений — действовать так же, как при получении писем категории Д. Заготовить стандартные вежливые отказы. Серьезные письма передавать Харшоу.

И. Письма от знакомых (астронавтов, президента США и др.) — пусть Майк отвечает. Упражнения в эпистолярном искусстве общения пойдут ему на пользу. При необходимости — консультировать.

В результате работы значительно поубавилось. Джилл приходилось отвечать на одно-два письма в день, а Майку — и того меньше. Сортировка занимала час-полтора. В первые дни после конференции было много писем категории Ж, но потом их стало все меньше. Харшоу предупредил Джилл, чтобы она ничего не утаивала от Майка: то, что адресовано ему, ему и принадлежит.

На третий день после внедрения упомянутой классификации Джилл принесла Харшоу письмо категории Ж. Авторы таких писем обычно

вкладывали в конверты фотографии, часто рассчитанные на то, чтобы адресат не утруждал себя работой воображения. Автор последнего письма слегка перегнул палку: при взгляде на фотографию воображение немедленно начинало рисовать сладострастные картины.

Джилл возмутилась:

— Босс, вы только посмотрите на это!

Джабл прочитал письмо.

— Что говорит Майк?

— Он этого еще не видел…

Джабл скользнул взглядом по фотографии:

— Аппетитная дама… и знает, чего хочет. Ни в ее сексапильности, ни в прочих близких талантах сомневаться не приходится. Зачем ты суешь это мне? Я видел лучше.

— Я не знаю, что делать. Письмо безграмотное, а фотография… Можно мне ее порвать?

— Что написано на конверте?

— Ничего особенного: наш адрес и обратный.

— Читай вслух!

— Хм… Валентайну Майклу Смиту, Человеку с…

— По-моему, это письмо адресовано не тебе.

— Конечно, нет, но…

— Давай разберемся. Ты Майку не мать и не

нянька. Если мальчику хочется читать письма, которые ему пишут, — пусть читает, даже такую дрянь.

— Ему и без того проблем хватает, да и зачем Майку показывать эту дрянь? Он невинный младенец.

— Да-а? А сколько народу этот младенец отправил к чертям?

Джилл страдальчески скривилась.

Джабл продолжал:

— Если ты действительно желаешь ему добра, лучше объясни, что в нашем обществе косо смотрят на убийство. Если он выйдет в мир до того, как это усвоит — ему придется несладко.

— По-моему, Майк не очень-то хочет выходить в мир.

— А я намерен выбросить его из гнезда, как только он оперится. Я не собираюсь держать его всю жизнь в оранжерее, да и не могу: я умру раньше. А что касается невинности, то тут ты права… Сестра, вы слышали о лаборатории стерильности в Нотр-Даме?

— Читала.

— Так вот, туда свозят самых здоровых особей, и там они чахнут. Майку пора наконец узнать «грязь» и выработать против нее иммунитет.

Ведь рано или поздно он встретит эту деваху или другую такую же… Да с его популярностью и внешностью он всю жизнь может прыгать из постели в постель! И мы с тобой не сумеем его остановить. Более того, я не стану его удерживать: это не в моих правилах, хотя для себя самого я не выбрал бы такой образ жизни. Каждый день одно и тоже — скучно! Как ты считаешь?

Джилл покраснела.

— Тебе не надоедает? Впрочем, это не мое дело. Если ты не хочешь, чтобы первые три десятка баб, которые попадутся Майку на улице, загнали его насмерть — не перехватывай писем. Пусть читает и набирается ума. Сунь это послание в общую кучу, а когда он начнет спрашивать, объясни и постарайся не краснеть.

— Босс, когда вы начинаете рассуждать логически, то становитесь невыносимым.

— Оскорбление — не аргумент в споре.

— Хорошо, я дам Майку это письмо, а фотографию порву.

— Ни в коем случае!

— Отдать ее вам?

— Боже сохрани! Такими картинками увлекается Дюк. Не понравится Майку — отдашь Дюку.

— Дюк собирает такую гадость? А с виду поря-

дочный…

— Он и есть порядочный.

— Мне это не понятно.

Джабл вздохнул:

— Объясняй, не объясняй — ты все равно не поймешь. Дорогая моя, есть вопросы, на которые представители разных полов никогда не дают одинакового ответа. Только самые одаренные иногда вникают в мнение своего сексуального антипода. Здесь не помогут слова. Поверь мне, Дюк — благороднейший человек, хотя и увлекается подобными картинками.

— Я сама это Дюку не понесу! Он может неправильно понять.

— Фу-ты ну-ты! Что еще пишут?

— Ничего особенного. Как обычно: угрозы, аферы… Один тип просит пятилетнюю монополию на торговлю сувенирами.

— А что? Неплохая идея!

— Босс, вы серьезно?

— Разумеется, нет. Но ты подала мне идею рассказа. Ближняя!

Майк заинтересовался «грязной» фотографией. Он вник в смысл письма (теоретически) и стал разглядывать фотографию с восторгом, с каким обычно разглядывал бабочек. Бабочки и женщи-

ны возбуждали в нем жгучее любопытство. Майк понимал суть механических и биологических процессов, о которых говорилось в письмах, но ему было неясно, зачем торопить размножение и к чему возводить акт размножения в ранг ритуала, подобного церемонии с водой. Земным братьям недоставало чувства времени. Они спешили там, где нужно было подождать. В угоду им Майк научился ускорять ожидание; иногда это получалось так хорошо, что людям казалось: он спешит.

Майк пообещал Джилл не отвечать на подобные письма, но для себя решил, что это временно — до тех пор, пока не кончится ожидание. Майк не возражал, когда Джилл предложила отнести фотографию Дюку. Он и сам собирался это сделать. Он уже бывал у Дюка в гостях и видел его коллекцию. Майку запомнилось, как Дюк сказал: «Лицо у нее так себе, но ты посмотри на ноги, брат!». Майку понравилось, что соплеменник называет его братом, но в ногах он не нашел ничего особенного (разве что их было две, а не три — как у марсиан).

Что же касается лиц, то самое красивое на свете лицо было у Джабла. Неповторимое лицо. А у женщин из коллекции Дюка, можно сказать, лиц

не было вообще. Да, все молодые женщины — на одно лицо. А как же иначе?

Только лицо Джилл Майк не путал ни с каким другим. Джилл была первой женщиной, которую он увидел, его первым братом женского пола. Майк запомнил каждую морщинку на ее лице, каждую ресничку; он их много раз перебирал в счастливых раздумьях. Сейчас он знает лица Энн, Мириам и Доркас, но вначале он различал этих женщин только по росту, цвету волос и голосу. Когда все три, сидя в одной комнате, молчали (случалось и такое), то Энн была большая, Доркас — маленькая, а Мириам — средняя. Если не было Энн или Доркас, то Мириам можно было узнать по цвету волос, который назывался «каштановый», если речь шла о волосах, и «коричневый», если говорили о других предметах… Сейчас Майку нетрудно вспомнить лицо Энн и мысленно пересчитать все ее морщинки. В сущности, даже яйцо — это неповторимый мир, не похожий на другие. Так и каждая женщина потенциально имеет свое лицо, как бы слабо оно поначалу ни отличалось от других.

Майк вернул фотографию Дюку и обрадовался, когда увидел, что доставил ему удовольствие. (Смит ничем не жертвовал: он запомнил фотогра-

фию навсегда и в любой момент мог восстановить ее в памяти — даже лицо, искаженное сладкой истомой). Он выслушал от Дюка изъявления благодарности и вернулся к себе.

В отличие от Джабла, Майка не раздражало обилие корреспонденции; он купался в потоке писем, наслаждаясь рекламными объявлениями и брачными предложениями. Поездка во дворец открыла Майку глаза на поразительное многообразие нового мира, и он дал себе слово во все вникнуть. Ему нужно расти, расти и расти; на это уйдут века, но куда спешить? Майк знал, что вечность — то же самое, что переменчиво-прекрасное настоящее. Он решил больше не перечитывать Британскую энциклопедию: почта давала более живое представление о мире. Майк читал, вникал, а непонятное запоминал, чтобы обдумать ночью, когда все стихнет. Ему казалось, что он начинает вникать даже в смысл слов «бизнес», «купля», «продажа», и в другие немарсианские понятия. Энциклопедия не давала такой возможности, и Майк понял причину: она исходила из того, что читателю уже известны некоторые основные понятия, которые в действительности были Майку незнакомы.

Однажды пришел пакет от Генерального Се-

кретаря мистера Джозефа Эджертона Дугласа: чековая книжка и какие-то бумаги. Брат Джабл долго объяснял Майку, что такое деньги и как ими пользоваться. Но Майк ничего не понял, хотя Джабл несколько раз показал, как выписывать чек, получать по чеку деньги и пересчитывать их.

И вдруг произошло озарение, такое ослепительное, что Майк задрожал. Он вник, что такое деньги! Эти красивые картинки и яркие бляшки — не деньги. Это символы идеи, которая правит людьми и их миром! Деньги — не вещи, как близость — не вода. Деньги — это идея, такая же отвлеченная, как мысли Старших Братьев; деньги — это управляющая, уравновешивающая, сближающая сила.

Майка поразило величие денег. Он проникся уважением к Старшим Братьям этого племени, выдумавшим такую стройную, всеобъемлющую идею, отразившую целый мир. Если бы можно было встретиться хоть с одним из них!

Джабл подстрекал Майка тратить деньги, и Майк стал тратить их с робкой готовностью невесты, которую ведут к брачному ложу. Харшоу предложил ему для начала купить подарки друзьям, а Джилл помогла ограничить расходы

разумной суммой.

Майк узнал, что тратить деньги не легко. Вокруг было столько вещей, прекрасных и незнакомых!

— Нет, — говорила Джилл, — Дюку не нужен трактор.

— Дюку нравятся тракторы.

— У него уже есть один, ему хватит. Можно было бы купить вот этот бельгийский велосипед, и он бы его целыми днями разбирал и собирал. Но это дорого. Майк, милый, подарок не должен быть излишне дорогим. Дорогие вещи можно покупать разве что девушке, на которой хочешь жениться. По подарку должно быть видно, что ты помнишь и уважаешь вкусы друга. Это должно быть что-то такое, что человеку нравится, но чего он сам себе не купит.

— Не понял?

— Сейчас объясню. Постой, в сегодняшней почте есть кое-что для примера. — Она вышла и вскоре вернулась с ярким листком.

— Слушай: «Живая Афродита — подарочный набор фотографий для мужчин! Сочные цвета, лучшие фотографы! Примечание: заказы принимаются из штатов» м-м-м… Пенсильвании в списке нет, но мы постараемся как-нибудь заказать. Дюку это должно понравиться…

Альбом был доставлен на виллу Харшоу патрульной машиной Особой Службы. На упаковке красовалась надпись:

«По специальному заказу — Человеку с Марса».

Майк расцвел, Джилл поморщилась.

Выбрать подарок для Джабла оказалось не легко. Даже Джилл не могла придумать, что купить человеку, у которого есть все, что он хочет. Золотую рыбку? Висячие сады Семирамиды? Он не хочет заводить собаку, потому что если умрет собака — будет тосковать он, а если умрет он — будет тосковать собака. Спросили у домашних. Дюк сказал:

— Привет! Вы не знаете, что босс любит статуи?

— Правда? — удивилась Джилл. — Я не видела здесь ни одной скульптуры.

— То, что ему нравится, редко продается. А то, что продается, ему не нравится. Босс говорит, что современные скульптуры не могут смотреться рядом с розами.

— Дюк верно говорит, — подтвердила Энн. — Пойдем, я покажу вам фотографии.

В кабинете Харшоу Энн сняла с полки три са-

мые зачитанные книги.

— Ага, — сказала она, — босс любит Родена. Майк, что бы ты выбрал? Мне нравится эта — «Вечная весна».

Майк перевернул несколько страниц:

— Вот эту.

— Что? — Джилл передернула плечами. — Какой ужас! Дай мне Бог умереть лет на пятьдесят раньше, чем я стану так выглядеть!

— Это красота, — твердо сказал Майк.

— Майк, — запротестовала Джилл, — у тебя извращенный вкус. Ты еще хуже, чем Дюк!

В других обстоятельствах подобное заявление заставило бы Майка замолчать и провести ночь в поисках своей вины. Сейчас же он был уверен в себе. Изображенная на фотографии фигура была… как привет из дома. Хотя это была земная женщина, Майку казалось, что ее создал марсианский Старший Брат.

— Это красота, — настаивал Майк. — У нее есть свое лицо. Я вникаю.

— Джилл, — медленно произнесла Энн, — Майк прав.

— Энн! Неужели тебе это нравится?

— Мне на нее страшно смотреть. Но книга открывается сама собой в трех местах, причем на

этой странице — легче всего. Майк угадал любимую скульптуру Джабла.

— Я ее куплю, — решительно заявил Майк.

Энн позвонила в музей Родена в Париже, и только галльская вежливость удержала директора от смеха: «Продать работу Мастера? Моя дорогая леди, их нельзя не только продавать, но даже копировать! Non! Non! Non! Quelle idee!»

Пришлось звонить Брэдли; через два дня он сообщил, что правительство Франции сделает Человеку с Марса подарок — точную копию скульптуры «Та, что когда-то была Прекрасной Ольмиер». Единственное условие: подарок не должен выставляться.

Джилл помогла выбрать подарки для Энн, Мириам и Доркас, а когда Майк спросил, что купить для нее самой, сказала: «Ничего не нужно». Майк уже понял, что даже если все братья говорят правильно, то одни иногда говорят правильнее, чем другие. Поэтому он решил спросить совета у Энн.

— Она отказалась, потому что так полагается. А ты все равно что-нибудь подари. Например… — Энн выбрала странный подарок: Джилл и без него имела запах.

Когда подарок доставили, Майк совсем разочаровался: он был маленький, невзрачный и

издавал слишком сильный запах, не похожий на собственный запах Джилл. Но Джилл, увидев подарок, пришла в восторг и бросилась Майку на шею. А когда она его поцеловала, он понял, что подарил как раз то, что нужно, и подарок приблизил их друг к другу.

За обедом Майк обнаружил, что от Джилл еще более восхитительно пахнет Джилл, чем обычно. Он удивился, когда Доркас поцеловала его и шепнула на ухо:

— Майк, солнышко, ты подарил мне роскошный пеньюар, но, может быть, когда-нибудь подаришь и духи?

Майк не мог взять в толк, зачем ей духи. Доркас пахнет не так, как Джилл, значит, эти духи ей не подойдут. И к чему Доркас пахнуть, как пахнет Джилл? Доркас должна пахнуть, как Доркас…

Выручил Джабл:

— Дайте человеку спокойно поесть! Отстань, Доркас, ты и без духов хорошая кошка.

— Не лезьте не в свое дело, босс!

Странно: от Джилл еще сильнее пахнет Джилл, Доркас хочет, чтобы от нее пахло Джилл, а от нее пахнет ею самой. Джабл говорит, что от Доркас пахнет кошкой… В доме был кот (не домашний, а полунезависимый), который время от вре-

мени появлялся и снисходительно принимал пожертвования. Они с Майком прекрасно друг в друга вникали. Майк находил его плотоядные настроения созвучными своим. Он обнаружил, что зовут кота совсем не по-кошачьи (Фридрих Вильгельм Ницше). Однако Майк никому этого не говорил, потому что хоть и знал кошачье имя, но произнести его не мог… От кота пахло совсем не так, как от Доркас.

Дарить подарки было приятно и полезно: Майк узнал цену деньгам. Между тем он не забывал и о других вещах, которые хотел узнать. Джабл уже дважды откладывал визит к сенатору Буну, ничего не говоря Майку. Тот не замечал: для него «следующее воскресенье» ничего не значило. Но тут пришло письменное приглашение: на Буна давил епископ Дигби, и Бун решил надавить на Харшоу.

Майк принес письмо Джаблу.

— Майк! Зачем к ним идти? Давай пошлем их к черту!

И все же в ближайшее воскресенье присланный Буном автобус с живым водителем (Джабл не доверял роботам) доставил Майка, Джилл и Харшоу в молельню Архангела Фостера.

Глава 23

Всю дорогу Джабл предостерегал Майка, но Майк так и не понял от чего. Он старался слушать, но отвлекался на пейзаж. В конце концов Майк, глядя в окно, стал запоминать, что говорит Джабл:

— Смотри, мальчик, фостеритам нужны твои деньги и твое имя. Шутка ли, Человек с Марса в лоне фостеритской церкви! Они станут тебя обрабатывать — не поддавайся!

— Прошу прошения?

— Черт побери, ты меня не слушаешь?

— Извини, Джабл…

— Ладно, давай по-другому. Религия для многих является убежищем, и можно допустить, что какая-то религия владеет Абсолютной Истиной. Но догматическая религиозная вера — обратная сторона самодовольства. Вера, в которой я был воспитан, утверждала, что я — ее приверженец — лучше других. Я «благословлен», а они «прокляты»; я — в царстве добра, а они — в царстве греха. (И брат Махмуд попадет в царство греха). Деревенские мужики, которые мылись раз в месяц, претендовали на знание Абсолютной Истины.

Они сверху вниз смотрели на людей, которые не пели с ними хвастливых гимнов о том, на какой мы короткой ноге с Господом, как он нас любит и какую устроит всем остальным взбучку в Судный День.

— Джабл, — перебила Джилл, — он не вникает!

— Извини… Мои родители хотели, чтобы я стал проповедником. Очевидно, они кое-чего добились.

— И немало.

— Не смейся. Из меня вышел бы неплохой проповедник, не заведи я вредную привычку читать книги. Если бы я имел чуть больше уверенности в себе и чуть меньше знаний — я стал бы выдающимся евангелистом. И балаган, в который нас пригласили, назывался бы молельней Архангела Джабла.

Джилл брезгливо поджала губы:

— Джабл, такие вещи нельзя говорить после завтрака!

— Я серьезно. Образованный человек понимает, когда лжет, и это ограничивает его возможности. А настоящий шаман должен верить в то, что вещает, тогда его возможности безграничны и вера заразительна. Мне не хватило веры в свою непогрешимость, я не дотянул до пророка, оставшись

критиком. — Джабл нахмурился. — Фостериты искренни в своей вере, поэтому я их и боюсь. А Майк легко покупается на искренность.

— Как вы думаете, что они станут делать?

— Сначала обратят его в свою веру, а потом выманят деньги.

— Я думала, вы устроили все так, что никто не сможет отнять у Майка деньги.

— Против его воли — никто. И даже по своей воле он не откажется от состояния без разрешения правительства. Но если он захочет отдать деньги правительственной церкви — тут ему никто помешать не сможет.

— Почему?

— Милая моя, над церковью не властен никакой закон. Церкви дозволено то, что недозволено никому другому. Церковь не платит налогов, ни перед кем не отчитывается, никем не контролируется. Церковь — это все то, что только можно назвать церковью. Когда-то делались попытки разграничить религии и культы, но это оказалось невозможным… Если Майк обратится в фостеритство, завещает имущество церкви, а сам как-нибудь на рассвете решит взойти на небеса, — все будет совершенно законно, как церковная служба в воскресенье.

— Боже мой! А я-то думала, что Майк наконец-то в безопасности!

— Дорогая моя, по эту сторону могилы безопасности не ищи.

— Что же вы будете делать, Джабл?

— Ничего. Злиться.

Майк запомнил их разговор, даже не стараясь в него вникнуть. Предмет разговора, такой простой на родном языке, на английском становился неуловимым. Даже брат Махмуд не понял его, когда он высказал простейшую формулу: «Ты есть Бог». Поэтому Майк решил подождать; скоро брат Джилл выучится его языку, и тогда он все ей объяснит. Они вникнут друг в друга, и она его поймет.

Сенатор Бун ждал их на лестничной площадке.

— Привет, народ! Благослови вас Господь! Рад вас видеть, мистер Смит! И вас, доктор.

Он вынул изо рта сигарету и посмотрел на Джилл.

— Милая леди, кажется, я вас видел во Дворце?

— Да, сенатор. Меня зовут Джиллиан Бордмэн.

— Так я и думал. Вы верующая?

— Пожалуй, нет, сенатор.

— О, это никогда не поздно исправить. Мы будем рады, если вы посетите службу для но-

вообращенных. Вас проводят, а мы с мистером Смитом и доком пойдем в святилище.

— Сенатор!

— Да, док?

— Если мисс Бордмэн нельзя в святилище, то мы тоже туда не пойдем, а отправимся на службу новообращенных. Мисс Бордмэн — сестра милосердия при мистере Смите.

— Мистер Смит нездоров? — встревожился Бун.

Джабл пожал плечами:

— Мистер Смит еще не вполне акклиматизировался на нашей планете. Я сопровождаю его в качестве врача и привык работать в паре с сестрой. Можем узнать мнение мистера Смита на этот счет. Майк, тебе нужна Джилл?

— Да, Джабл.

— Хорошо, мистер Смит.

Бун снова вынул изо рта сигарету, сунул туда два пальца и свистнул. Прибежал мальчик-подросток, одетый херувимом: лосины, детские сандалии, длинная широкая рубаха, а на спине — крылышки, как у голубка. У него были золотистые кудри и солнечная улыбка. «Сфотографировать бы его для рекламы ячменного пива», — подумала Джилл.

Бун приказал:

— Лети в офис и скажи дежурному, что мне нужен еще один значок пилигрима. Пароль — «Марс».

— Марс,— повторил мальчик и взлетел над толпой.

Джилл поняла, почему у него такая широкая рубаха: под ней спрятано устройство для передвижения прыжками.

— Приходится держать значки на строгом учете, — посетовал Бун. — Вы и не представляете, сколько грешников хотят вкусить Божью Благодать, не искупив своих грехов. Мы тут прокатимся да поглазеем, пока принесут третий значок.

Они протиснулись сквозь толпу и вошли в молельню — высокий просторный зал. Бун остановился.

— Заметьте, — сказал он, — торговля присутствует везде, даже в деяниях Господа. Всякий гость, посетил он службу для новообращенных или нет, приходит сюда. И Что же он видит? — Бун показал на игровые автоматы. — Счастливый шанс. Бар и закусочная находятся в дальнем конце: редкий грешник дойдет туда, не попытав счастья. Но нельзя сказать, что мы берем у него деньги и ничего не даем взамен. Смотрите.

Бун протолкался к автомату, оттеснил игравшую на нем женщину:

— Дочь моя, позволь…

Она оглянулась и досада на ее лице сразу же уступила место радости:

— Прошу вас, епископ…

— Благослови тебя Господь. Видите, — Бун бросил в прорезь четверть доллара, — даже если грешник ничего не выигрывает, он получает в награду благословение и священный текст на память.

Автомат поурчал и остановился. В окошке показалось:

«БОГ— ВИДИТ—ТЕБЯ».

— А вот и сувенир. — Бун оторвал полоску бумаги, высунувшуюся из автомата. — Сохраните его, милая леди, и почаще думайте над ним.

Джилл сунула бумажку в кошелек, но сначала пробежала ее глазами.

«Но брюхо грешника набито грязью. Н. О., XXII; 17», —

значилось там.

— Обратите внимание, — продолжал Бун, — что

выигрыш выдается не деньгами, а жетонами. Обменять их на деньги можно в казне за баром. Обычно грешники сдают жетоны на благословение и поучительные тексты. Очень многие наши прихожане вступили на путь веры именно в казне.

— Не сомневаюсь, — буркнул Джабл.

— Особенно здорово бывает, когда они срывают банк. Тогда в окошке появляются три Всевидящих Ока, играет музыка, звонит колокол. Многие падают в обморок.

Бун дал Майку жетон.

— Попробуйте!

Майк поколебался. Джабл отобрал у него жетон (не стоит подпускать парня к однорукому бандиту) и сунул его в автомат.

Майк растянул ощущение времени и попытался вникнуть, что происходит внутри автомата. Он не хотел играть, не зная правил.

Завертелись барабаны, и Майк увидел нарисованные на них глаза. Интересно, что такое «сорвать банк»? Майк синхронизировал движение глаз на барабанах, и, когда автомат остановился, все три глаза смотрели из окошка.

Зазвенел колокол, хор запел осанну, автомат замигал лампочками и стал выплевывать жето-

ны. Бун рассыпался в поздравлениях.

Майку стало любопытно, отчего это происходит, и он опять выстроил глаза в одну линию. Все повторилось с той лишь разницей, что высыпалась не куча жетонов, а один.

— Черт меня возьми! Этого не может быть, — испугался Бун и бросил в автомат еще жетон, чтобы автомат не стоял пустой.

Майк все же не понял, что такое «сорвать банк», и еще раз выстроил глаза в ряд. У Буна отвисла челюсть. Джилл сжала руку Майка и шепотом приказала:

— Перестань!

— Джилл, я хотел посмотреть…

— Без разговоров! Прекрати! Дома все объясню.

— Я бы не спешил называть это чудом, — протянул Бун. — Мне кажется, здесь обычная авария. Херувим!.. Попробуем еще раз, — и бросил жетон.

Без вмешательства Майка автомат выдал:

«ФОСТЕР — ЛЮБИТ—ТЕБЯ».

Прибежал херувим:

— Добрый день. Что случилось?

— Три банка подряд, — сообщил Бун.

— Три???

— Ты глухой?! Музыки не слышал? Мы будем в баре, принесешь туда деньги. И проследи, чтобы отремонтировали автомат.

— Есть, епископ!…

— Пойдемте-ка от греха подальше, — заторопил всех Бун. — Неровен час, вы нас разорите. Вам всегда так везет, док?

— Всегда, — важно заявил Харшоу. Он уже понял, что без Майка дело не обошлось и молил (Бога?), чтобы это был его последний на сегодня фокус.

Бун подвел гостей к стойке с табличкой «Занято» и спросил:

— Расположимся здесь или милая леди предпочитает сидеть за столиком?

— О, спасибо, не стоит беспокоиться! («Еще раз назовешь милой леди — натравлю Майка»).

Подбежал буфетчик:

— Добрый день! Епископ, вам как всегда?

— Двойную порцию. Доктор, мистер Смит, что будете пить? Не стесняйтесь, вы гости Верховного епископа!

— Спасибо. Бренди, воду отдельно.

— Спасибо. Бренди, воды не нужно, — сказал Майк (во-первых, церемония возможна и без

воды, а во-вторых, ему не хотелось пить здесь воду).

— О-о-о! Мы серьезные люди! А что будет пить милая леди? Кока-колу? Молоко?

— Сенатор, — Джилл изо всех сил сдерживалась, — вашего гостеприимства хватит на мартини?

— Разумеется! У нас лучший мартини в мире — с благословениями вместо вермута. Двойной мартини для маленькой милой леди! Поторопись, сын мой, Господь тебя благослови! У нас мало времени. Сейчас засвидетельствуем почтение Архангелу Фостеру, и — в святилище, слушать Верховного епископа.

Принесли напитки и деньги в обмен на жетоны. Бун произнес тост-благословение и вручил Джаблу выигрыш — триста долларов. Джабл оставил деньги в сосуде для пожертвований.

Бун одобрительно кивнул:

— Это благородный жест, доктор! Мы помолимся о спасении вашей души. Выпьете еще?

Джилл надеялась, что кто-нибудь из мужчин скажет «да»: мартини был слабый, и ей хотелось добавки. Но все молчали, и Бун повел гостей прочь из бара. Они поднялись по лестнице и остановились перед дверью.

— Епископ Бун и три пилигрима — гости епи-

скопа Дигби, — провозгласил Бун.

Дверь открылась. Коридор привел их в большую, роскошно обставленную комнату, вроде приемной серьезного бизнесмена. Звучала рождественская музыка в сочетании с африканскими ритмами. Джилл захотелось танцевать.

Одна стена казалась прозрачной (потом выяснилось, что ее вообще нет), Бун сказал:

— Мы на месте — в Присутствии. На колени становиться не обязательно, но, если хотите, можете встать: почти все пилигримы становятся. А вот и Он — такой же, каким был, когда Его призвали на небеса.

Бун ткнул куда-то сигарой.

— Правда, смотрится как живой? Он святой, и Его тело не поддавалось тлению. В этом кресле Он сидел, когда писал свои послания, и прямо оттуда Его забрали на небо. Мы не сдвигали Его с места, а построили эту молельню вместо старой маленькой церкви, в которой Он работал.

В глубине комнаты, в кресле, похожем на трон, сидел старик. Как живой, но — не живой.

Он напомнил Джилл старого козла, которого она в детстве видела на ферме у бабушки. Ей стало не по себе, по коже пробежали мурашки.

Майк спросил по-марсиански:

— Брат мой, это Старший Брат?

— Не знаю, Майк. Говорят — да.

— Я не чувствую в нем Старшего Брата.

— Я же сказала — не знаю.

— От него исходит зло.

— Майк! Ты обещал!..

— Не буду, Джилл.

— Милая леди, — заинтересовался Бун, — о чем вы говорите? О чем вы спросили, мистер Смит?

— Это мы о своем, — поспешно ответила Джилл. — Сенатор, можно выйти? Мне дурно…

Она вновь взглянула на тело. В небе клубились тучи. Луч солнца пробился сквозь них и упал на лицо Архангела, глаза которого при этом заблестели, как живые.

Бун успокаивающим тоном сказал:

— Понимаю, это впечатляет. Но вы еще не были внизу, в галерее для новообращенных. Они смотрят на Архангела снизу и под другую музыку — тяжелый рок с инфразвуком: это помогает вспомнить о грехах. Мы же находимся в комнате Счастливых Дум; она предназначена для заслуженных деятелей церкви. Когда у меня плохое настроение, я прихожу сюда развеяться.

— Сенатор, я. вас прошу!

— Да, конечно. Подождите за дверью, дорогая.

Мистер Смит, вы можете остаться здесь, сколько захотите.

— Сенатор, не лучше ли нам отправиться на службу? — предложил Джабл.

Все направились к выходу. Джилл на самом деле было нехорошо: она боялась, что Майк сделает что-нибудь с этим мерзким чучелом, и их линчуют.

У входа в святилище стояли двое часовых; скрестив копья, они преградили путь. Бун с упреком сказал:

— Вот новости! Эти пилигримы — гости Верховного епископа… Где их значки?

Появились значки и входные номера.

— Сюда, епископ, — сказал привратник и повел их в бельэтаж.

Бун стал демонстрировать хорошие манеры:

— Только после вас, милая леди.

Вежливость сенатора объяснялась тем, что он хотел сесть рядом с Майком, но Джабл вынудил Буна остаться вежливым до конца: он поместил Майка между собою и Джилл.

Обстановка в бельэтаже была роскошная: откидные сидения, пепельницы, столики для закусок. Они сидели над толпой прихожан, футах в восьми от алтаря. Молодой пастор подогревал

толпу, притопывая под музыку и подергивая мускулистыми руками. Его густой бас заглушал хор:

— Оторвите свои задницы от скамеек! Шевелитесь, не давайте дьяволу усыпить вас!

Толпа, как огромная змея, переползла мимо алтаря из правого нефа в центральный. Люди пританцовывали под музыку. Бум-бум-мя-яу! Бум-бум-мя-яу! Джилл почувствовала, что ее захватывает этот ритм и ей хочется влиться в танцующую толпу, как вливались в нее все новые и новые люди, повинуясь голосу молодого пастора.

— Способный парень, — с одобрением заметил Бун. — Я работал с ним в паре — доводит толпу до белого каления. Преподобный отец Джеккерман. Вы должны его знать: он играл левым полузащитником в «Рэмз».

— Увы, я не увлекаюсь футболом, — признался Джабл.

— Не может быть! В сезон наши прихожане остаются в церкви после службы и смотрят матчи. Еду берут с собой. Стена за алтарем отодвигается, а за ней стоит большой аппарат стереовидения. Качество изображения и стереоэффект такие, что кажется — сидишь на футбольном поле. Да еще когда вокруг толпа — море удовольствия!

Херувим! — Бун свистнул.

Прибежал привратник:

— Слушаю, епископ.

— Сын мой, ты убежал так быстро, что я не успел отдать тебе приказ.

— Прошу прошения, епископ.

— На извинениях не взлетишь в небеса. Спрячь свою пружину и ходи ногами. Еще по одной, ребята? — Он заказал напитки и добавил: — Принеси мне из бара сигары.

— Иду, епископ.

— Благослови тебя Господь! Постой! — Голова змеи находилась как раз под ними. Бун перегнулся через перила, сложил руки рупором и крикнул: — Дон! Эй, Дон!

На крик обернулась женщина, Бун поманил ее к себе, она улыбнулась и отделилась от толпы.

— Принеси еще порцию виски с лимонным соком. Лети!

И новая гостья, и напитки прибыли быстро. Бун опустил еще одно сидение.

— Познакомьтесь, ребята, с мисс Дон Ардент. Дорогая, это мисс Джиллиан Бордмэн, а это — знаменитый доктор Джабл Харшоу.

— Сам доктор Харшоу? Доктор, у вас божественные рассказы!

— Спасибо.

— В самом деле! Один из них я записала на пленку и каждый вечер слушаю перед сном.

— Для писателя нет похвалы выше, — сказал Джабл с каменным лицом.

— Хватит об этом, Дон. Молодой человек между нами — Валентайн Майкл Смит, Человек с Марса.

— Силы небесные! — она вытаращила глаза.

— Благослови тебя Господь, — зарычал Бун.

— Вы действительно Человек с Марса? — спросила Дон.

— Да, мисс Дон Ардент.

— Называйте меня просто Дон. О, Господи!

Бун потрепал ее по плечу:

— Дочь моя, ты помнишь, что сомневаться в словах епископа грешно? Дорогая моя, будь добра, помоги Человеку с Марса узреть свет нашей веры.

— О, с радостью!

«Конечно, с радостью, сучка!» — подумала Джилл. Она с первого взгляда почувствовала неприязнь к мисс Ардент. На той было надето платье из плотной ткани с длинными рукавами и глухим воротом, которое, тем не менее, ничего не скрывало; оно было трикотажное, телесного

цвета, и под ним — как показалось Джилл — полностью отсутствовало белье. Да и зачем белье, когда есть такое тело? Впрочем, по сравнению с другими прихожанками, мисс Ардент выглядела скромницей: на некоторых были такие платья, что, танцуя, они едва не выскакивали из них.

У Джилл сложилось впечатление, что мисс Ардент только что вылезла из постели и ей не терпится залезть туда опять — с Майком. «Да перестань же ты совать ему в лицо свой бюст, дешевая девка!»

Бун прервал ее мысли:

— Я поговорю об этом с Верховным епископом. А сейчас возвращайся на место. Преподобному отцу без тебя не обойтись.

— Слушаюсь, епископ. Была рада познакомиться с вами, доктор, и с вами, мисс Броуд. Мистер Смит, надеюсь увидеться с вами еще. Я помолюсь за вас.

И чудо волнующей плоти унеслось прочь.

— Милая девочка, — сказала Бун. — Вы видели, как она работает?

— Пожалуй, нет. А что она делает?

— Как! Вы не знаете?

— Увы!

— И даже не слышали ее имени? Это же Дон

Ардент — самая высокооплачиваемая специалистка стриптиза во всей Байя Калифорниа. Она работает в радужном свете, а когда раздевается до туфель, освещенным остается только лицо. Знаете, это производит колоссальное впечатление. Она одна из лучших наших прихожанок. Разве скажешь, глядя ей в глаза, что раньше ее нравственность оставляла желать лучшего?

— Ни в коем случае.

— И тем не менее это так. Спросите — она вам расскажет. А еще лучше — пойдемте в исповедальню и узнаем, когда она собирается исповедоваться. После ее исповедей другие женщины охотнее рассказывают о своих грехах. Она ничего никогда не утаивает — всегда рада помочь людям. Очень искренняя дама. Каждую неделю после субботнего шоу прилетает сюда, в Воскресную школу, проводить Урок Счастья для молодых людей. С тех пор как она начала преподавать, посещаемость повысилась в три раза.

— Вполне возможно, — заметил Джабл. — А сколько лет этим молодым людям?

Бун засмеялся:

— Ах вы, проказник! Вам уже, наверное, кто-то сообщил девиз ее урока: «Молодым быть никогда не поздно!»

— Честное слово, вы первый. Но догадаться было не трудно…

— Посещать Воскресную школу вам можно будет только после того, как вы увидите свет Веры и очиститесь от греха. Наша церковь, пилигрим, — единственная Божья церковь, в отличие от вертепов Сатаны, объявляющих себя церквями и завлекающих людей в грех идолопоклонства и другие грехи. К нам нельзя войти, чтобы переждать дождь; сначала нужно очистить душу… О, съемка началась! — В углах зала замигали огни. — Преподобный уже завел публику. Сейчас вы увидите настоящую службу!

Танцующих все прибавлялось. Люди, оставшиеся сидеть, подпрыгивали на скамьях и отбивали ритм, топая ногами и хлопая в ладоши. Херувимы поднимали упавших — в основном женщин, бившихся в истерике. Их несли к алтарю, где они продолжали дергаться, как рыбы на песке. Бун указал сигарой на рыжеволосую женщину лет сорока в изорванном платье.

— Вот уже год, как в нее регулярно — на каждой службе — вселяется Святой Дух. Иногда Архангел Фостер говорит ее устами. Когда это случается, ее держат четверо прислужников. Она уже готова к восшествию на небо и может сделать это в любой

момент… Кому еще налить? Когда начинается съемка, бар перестает работать.

Майк позволил еще раз наполнить свой стакан. Он не разделял отвращения Джилл по отношению к происходящему. Его покоробило, что Старший Брат оказался куском испорченной пищи, но он отложил этот факт для дальнейшего осмысления и упивался творившимся внизу бедламом. Настроение службы было настолько марсианским, что Майк одновременно испытывал тоску по дому, и иллюзию того, что он дома. Внешне все было не по-марсиански, но Майк вникал, что внизу происходит сближение, как через воду, такое сильное и массовое, какого здесь ему еще не приходилось видеть. Ему нестерпимо хотелось, чтобы кто-нибудь пригласил его присоединиться к танцу. Он чувствовал, как подергиваются мышцы ног.

Потом он увидел мисс Дон Ардент. «Может, она позовет?» Ему не пришлось вычислять ее по росту и фигуре, которыми она была очень похожа на брата Джилл: у мисс Ардент было собственное лицо, на котором сквозь мягкую улыбку проглядывала печаль и мудрость. Может быть, когда-нибудь она согласится разделить с Майком воду? Сенатор Бун Майку не нравился; хорошо,

что Джабл оттер его подальше. А сидеть рядом с мисс Дон Ардент было бы неплохо.

Мисс Дон Ардент так и не взглянула на Майка. Людской поток понес ее дальше.

Человек на возвышении поднял руки. В зале стало тише. Вдруг он уронил руки вниз.

— Кто из вас счастлив?

— МЫ ВСЕ СЧАСТЛИВЫ!

— Почему?

— БОГ… ЛЮБИТ НАС!

— Откуда вы знаете?

— ТАК СКАЗАЛ ФОСТЕР!

Пастор упал на колени и поднял к небу кулак.

— Так услышим же львиный рык!

Толпа зарычала, завопила, завизжала. Звук то усиливался, то ослабевал, переходя с бархатных тонов на пронзительные. У Майка захватило дух, он готов был уйти в себя, но Джилл ему это запретила; Майк остался со всеми и купался в волнах их крика.

Пастор поднялся с колен.

— Наш первый гимн, — сказал он отрывисто, — посвящается компании «Манна Бейкериз», производящей священный хлеб! Братья и сестры! Завтра по всей стране начинается продажа изделий компании «Манна Бейкериз» по сниженным

ценам! Хлеб будет продаваться в пакетах с портретом Верховного епископа. Некоторым из вас в хлебе попадутся выигрышные билеты, которые можно обменять на деньги в ближайшей церкви Нового Откровения. Пусть ваши дети пойдут в школу с полными сумками священного хлеба, пусть делятся им с детьми грешников и приближают их к нашей вере! Оживим же ее свет священными словами нашего любимого гимна «В атаку, фостериты!». Три-четыре:

В атаку, фостериты!
Разгромим всех врагов!
С нами наша Вера,
И Господа любовь!

— Второй куплет! Три-четыре:

Нет грешникам пощады,
Бей их до конца…

Майк был так очарован, что даже не пытался вникать в смысл слов. Он понял, что суть не в словах, а в сближении, которые они несли людям. Прихожане вновь замаршировали по залу, на ходу выкрикивая слова гимна.

После гимна пастор читал объявления, посла-

ния ангелов и архангелов, рекламировал что-то еще, разыгрывал призы по входным номерам. Второй гимн («Поднимем счастливые лица!») посвящался торговой фирме «Даттельбаум Департамент Сторез». После гимна пастор подошел к краю сцены и приложил руку к уху.

— Что-что?

— Хотим… видеть… Дигби!

— Кого?!

— Хотим — видеть — ДИГБИ!!

— Громче! Он не слышит!

— ХО-ТИМ ДИГ-БИ!!! Хлоп-хлоп, топ-топ!

Начали шататься стены. Джабл наклонился к уху епископа:

— Еще немного, и мы повторим историю Самсона и филистимлян.

— Не волнуйтесь, наш цемент замешан на вере. А если серьезно, то движение стен заложено в проекте — производит впечатление и нагнетает атмосферу.

Погас свет, опустились шторы. На сцене в круге ослепительного света появился Верховный епископ Дигби. Он потрясал над головой сплетенными в замок руками.

Толпа встретила его львиным рыком и воздушными поцелуями. Епископ подошел к одер-

жимым, все еще сотрясаемым конвульсиями, и поцеловал каждую. Рядом с рыжеволосой он стал на колени и протянул руку за спину. Ему подали микрофон, который епископ приблизил к губам женщины.

Майк не понял, что она говорила: ему даже показалось, что она говорит не по-английски. В паузах между ее рыданиями Верховный епископ переводил:

— Архангел Фостер с нами…

— Он доволен тобой. Поцелуй сестру, стоящую справа.

— Архангел Фостер любит тебя. Поцелуй сестру, стоящую слева…

— Он хочет сказать кое-что одному из нас…

Женщина сказала что-то еще. Дигби не расслышал.

— Что? Громче, прошу вас.

Она что-то невнятно забормотала и забилась в истерике.

Дигби выпрямился и улыбнулся.

— Архангел передал послание пилигриму с другой планеты, Человеку с Марса, Валентайну Майклу Смиту. Где ты, Валентайн Майкл? Встань!

Джилл хотела остановить Майка, но Джабл

буркнул:

— Лучше не сопротивляться. Пусть встанет. Помаши им рукой, Майк. Садись.

Майк помахал им рукой и сел, удивленный тем, что люди начали скандировать: «Человек с Марса! Человек с Марса!». Ему было неловко: он не привык к славословиям; его смущал шум. Наконец служба в честь Человека с Марса прекратилась, Верховный епископ передал бразды правления молодому пастору и ушел. Бун поднялся:

— Пора идти, ребята. Лучше выйти, пока вся толпа не повалила.

Они шли через замысловатое сплетение арок Джабл спросил:

— Мы идем на стоянку? Я велел водителю подождать нас.

— Мы идем на аудиенцию к Верховному епископу.

— Что? Нам пора домой!

— Как вам не стыдно, доктор, — возмутился Бун. — Нужно же засвидетельствовать почтение человеку, который пригласил вас в гости!

Джабл сдался:

— Там хоть народу не будет? Парень и так перегружен впечатлениями.

— Только Верховный епископ Дигби.

Бун втолкнул их в лифт; через минуту они вошли в приемную Дигби. Открылась дверь, и Дигби поспешил навстречу гостям:

— Простите, что заставил вас ждать, но я принимал душ. Вспотел в сражении с Сатаной. Так вот он какой, Человек с Марса! Благослови тебя Господь, сын мой. Добро пожаловать в дом Господа. Архангел Фостер просил тебя быть, как дома. Он наблюдает за тобой.

Майк не отвечал. Джабл с удивлением заметил, что Дигби очень низенький. (Наверное, к прихожанам выходит на каблуках. А может, дело в освещении?) Епископ напомнил Джаблу торговца подержанными машинами: сердечная улыбка, радушные манеры. Мешала только козлиная бородка а ля Фостер. Нет, он определенно похож на кого-то. Ах да! Симон Магус, давно почивший муж Бекки Вези! Джабл сразу же почувствовал к священнику расположение. (Симон был очаровательным человеком).

А Дигби уже очаровывал Джилл:

— Не становись на колени, дочь моя. Мы беседуем, как друзья.

Выслушав его, Джилл поразилась: он почти все о ней знает.

— Я преклоняюсь перед твоим призванием, дочь моя. Архангел Фостер завещал нам избавлять тело от страданий, чтобы душа могла предаваться поискам Истины. Я знаю, что ты еще не вошла в нашу семью, но твое дело освящено Господом. Мы спутники в дороге на небеса.

Затем епископ обратился к Харшоу:

— Вы также наш друг и попутчик, доктор. Архангел Фостер говорит, что Господь велит нам быть счастливыми. Очень часто я, в минуту усталости или тяжких раздумий, обращаюсь к вашим книгам. Они возвращают мне душевное равновесие.

— Благодарю вас, епископ.

— Ваши произведения дарят людям счастье. Я велел выяснить ваше предназначение. Я понимаю, что вы неверующий, но даже Сатана имеет определенное место в Великом Плане, начертанном Господом. Вам еще не пришло время уверовать. Впрочем, довольно о вере. Я пригласил вас не затем, чтобы вести теологические споры. Мы ни с кем не спорим. Мы ждем, пока человек сам увидит свет Веры, и только тогда принимаем его в ее лоно. Давайте посидим и поболтаем, как добрые друзья.

Джаблу пришлось признать, что этот жулик

— хороший хозяин. Кофе, коньяк, закуска — все было высшего качества.

Майк нервничал, особенно когда Дигби отвел его в сторону, чтобы поговорить наедине. Но, в конце концов, нужно же когда-то учиться общаться с людьми. Бун показал Джилл ковчег с фостеритскими святынями; Джабл наблюдал за ними, намазывая на тост паштет из печенки. Где-то рядом щелкнул замок. Харшоу оглянулся: ни епископа, ни Майка в комнате не было.

— Где они, сенатор?

— Кто, доктор?

— Епископ Дигби и мистер Смит.

Бун указал на дверь в стене.

— Они удалились в комнату для частных аудиенций. Разве Верховный епископ вам ее не показывал?

— Ах да, — вспомнил Харшоу. — Это комната со стулом на подставке, то бишь троном, и скамеечкой для коленопреклонения. «Интересно, — подумал он, — кто будет сидеть на троне, а кто — стоять на коленях? Если епископ заведет с Майком разговор о религии, то ему придется снова принимать душ». — Надеюсь, они скоро вернутся.

— Вероятно. Мистер Смит имеет право сказать

епископу пару слов наедине. Я велю водителю вашего автобуса подъехать прямо к выходу из покоев епископа. Это сэкономит вам добрых десять минут.

— Очень мило с вашей стороны.

— Так что не стоит торопить мистера Смита, если он хочет излить душу. Я выйду, позвоню. — Бун ушел.

— Джабл, мне это не нравится, — встревожилась Джилл. — Они специально развели нас в разные стороны, чтобы поймать Майка одного.

— Очевидно.

— Какое право они имеют! Я сейчас ворвусь к ним и скажу Майку, что пора идти.

— Пожалуйста — если хочешь быть похожей на клушу. Если Дигби вздумал обратить Майка, то выйдет как раз наоборот. Убеждения Майка трудно поколебать.

— Все равно мне это не нравится.

— Расслабься и жуй.

— Я не хочу есть.

— Если бы я отказывался бесплатно пожевать, меня бы выгнали из Лиги писателей. — Харшоу поддел вилкой кусок ветчины, положил его на хлеб, намазанный маслом, добавил зелень и впился в бутерброд зубами.

Прошло десять минут, а Бун не возвращался. Джилл решительно встала.

— Джабл, я забираю Майка.

— Вперед.

Джилл подошла к двери:

— Заперто.

— Разумеется.

— Что делать? Выбивать?

— Будь здесь команда крепких парней с тараном, можно было бы попробовать. Не в каждом банке есть такая дверь.

— Что же делать?

— Постучи, если хочешь. Я пойду посмотрю, что делает Бун.

Джабл выглянул в коридор и увидел, что Бун возвращается.

— Извините, — сказал Бун, — водителя на месте не было, посылал херувима его искать. Он завтракал в Комнате Счастья.

— Сенатор, — попросил Джабл, — нам пора идти. Будьте добры, скажите об этом епископу Дигби.

— Сейчас я не имею права входить в комнату для частных аудиенций. Но если вы настаиваете, я позвоню.

— Пожалуйста, позвоните.

Буну не пришлось звонить: дверь открылась и вышел Майк.

Джилл взглянула ему в лицо и вздрогнула.

— Майк, все в порядке?

— Да, Джилл.

— Я скажу епископу, что вы уходите. — Бун вошел в комнату для частных аудиенций и тут же вышел.

— Верховного епископа нет. Вероятно, он ушел к себе. Как коты или повара́, Верховные епископы уходят, не прощаясь. Шутка. Он говорит, что лишнее «до свидания» не делает человека счастливее. Не обижайтесь.

— Что вы! Спасибо за интересную экскурсию. Провожать нас не нужно, мы выберемся сами.

Глава 24

На улице Джабл спросил:

— Майк, что ты об этом скажешь?

— Я не вник, — нахмурился Майк.

— Не ты один, сынок. О чем говорил тебе епископ?

Майк долго молчал, наконец сказал:

— Брат мой Джабл, мне нужно подумать, прежде чем я вникну.

— Ну-ну.

Джилл спросила:

— Джабл, как это получается?

— Что это?

— Все. Не церковь, а сумасшедший дом.

— Увы, Джилл, это церковь. Концентрированное отображение нашего времени.

— Что-что?

— Новое откровение — ерунда. Ни у Фостера, ни у Дигби нет оригинальных идей. Они собрали старые уловки, подмалевали их новыми красками и наладили бизнес. Процветающий бизнес, должен сказать. Не хотел бы я дожить до того времени, когда их религия станет обязательной для всех.

— О нет!

— О да! Гитлер начал с мелочей и в результате заработал ненависть. Дигби умнее: он торгует счастьем, причем оптом. А я приторговываю в розницу. — Джабл поморщился. — Я должен был бы его возненавидеть, но он напомнил мне, что мы — союзники, и я его полюбил. Он знает, что нужно человеку — счастье. Мы пережили столетия страха и нечистой совести, а Дигби говорит, что бояться нечего — ни сейчас, ни потом, поскольку Бог велит быть счастливыми. Изо дня в день он талдычит: не волнуйтесь, будьте счаст-

ливы, будьте счастливы, будьте.

— Но он много работает…

— Ха! Он много играет.

— Нет, мне кажется, он искренне верит, что посвятил жизнь…

— Не смеши! Из всей чепухи, которой нам запудривают мозги, самая вредная — альтруизм. Люди всегда делают только то, что хотят. Если человеку трудно сделать выбор, если шаг в какую-либо сторону выглядит как жертва, будь уверена: страдания человека в этот момент ничуть не благороднее, чем муки жадности. Они проистекают от необходимости отказаться от одной из одинаково желаемых возможностей. Работяга всегда страдает, когда у него появляется лишний доллар: выпить на него пива или купить конфет детям? Он сделает то, что более приятно и менее затруднительно. По большому счету и негодяй, и святой ведут себя одинаково. Дигби не исключение. Святой он или негодяй — он сам выбрал и потому это ему приятно.

— И все же — он святой или негодяй?

— Не все ли равно?

— Ах, Джабл! Не старайтесь быть циничнее, чем вы есть на самом деле! Разумеется, не все равно.

— Пожалуй, ты права. Будем надеяться, что

негодяй. Потому что святой в своей святости может наделать еще больше бед. Опять скажешь, что я циник?.. Ответь лучше, что тебе не понравилось в их службе?

— Абсолютно все. И не называй это службой.

— Ты хочешь сказать, что их служба не похожа на то, что ты видела в церкви в детстве? Мусульманская служба на это тоже не похожа. И иудейская, и буддистская.

— Конечно. Но то, что делают фостериты, вообще ни на что не похоже. Игровые автоматы, бар… Это недостойно!

— А что достойно? Храмовая проституция?

— ?!

— Восьминогий и двухголовый зверь в церкви так же неприличен, как и везде. Церковь, отвергающая секс, долго не просуществует. У танцев в честь Бога долгая история. Религиозному танцу не нужно быть красивым: церковь — не Большой театр; он должен быть страстным… Следуя твоей логике, нужно запретить индусский танец дождя.

— Это другое дело.

— Безусловно. Мы не в Индии. Теперь об игровых автоматах. Разве ты не видела, чтобы в церкви играли в бинго?

— Видела. В нашем приходе это делали, чтобы выкупить заложенное имущество. Но играли только по пятницам и не во время службы.

— Ты напоминаешь мне одну женщину, которая изменяла мужу только тогда, когда он был в отъезде, и ужасно гордилась своей добродетелью.

— Джабл, это не одно и то же!

— Возможно. Аналогия еще более скользкая вещь, чем логика. Но, милая леди…

— Не издевайтесь!

— Шутка. Джилл, то, что грешно в воскресенье, грешно и в пятницу. По крайней мере, я так вникаю и надеюсь, что Человек с Марса со мной согласится. Единственное, что отличает фостеритскую церковь от других, — отказ от священных текстов.

— У фостеритов есть тексты. Вот, взгляните.

— Я видел.

— Это просто подделка, под библейский стиль. А по смыслу — либо сальности, либо чепуха, либо просто мерзости.

Джабл долго молчал, потом спросил:

— Джилл, ты читала индусские священные тексты?

— Не помню. Наверное нет.

— А Коран? Или изложение какого-нибудь другого вероучения? Я бы процитировал тебе парочку сальностей или мерзостей из Библии, но не хочу оскорблять твое религиозное чувство.

— Я готова выслушать оскорбление.

— Хорошо, возьмем Ветхий Завет. Критика в его адрес обычно легче воспринимается верующими. Ты помнишь случай с Содомом и Гоморрой? Какой ценой оттуда спасся Лот?

— Конечно, знаю. Его жена превратилась в соляной столб.

— Мне это всегда казалось чересчур суровым наказанием. Но мы говорили о Лоте. Петр характеризует его как человека богопослушного, справедливого и добронравого, которого даже упоминание о грехе возмущало. Святой Петр, наверное, имеет право судить, что есть добродетель, а что — грех, если ему вручены ключи от Царства Небесного… Тем не менее трудно понять, почему он счел Лота образцом добродетели. Лот сбежал из города, спасая свою шкуру. Он приютил и накормил двоих странников, зная, что они влиятельные люди. А между тем, его гостеприимство (согласно, например, Корану и моим понятиям) стоило бы больше, если бы он думал, что они нищие. Есть в Библии еще одно доказательство

добродетели Лота. Прочитай главу 19, стих 8 в Книге Бытия.

— Что там сказано?

— Ты прочитай, я ведь могу и соврать.

— Джабл! Вреднее вас я никого не встречала.

— Ты очень хорошенькая девушка, поэтому я прощаю твое невежество. Я скажу, но ты все равно прочитай. Соседи Лота пришли к его дому и стали просить выдать этих двоих странников. Что они хотели с ними сделать, сама прочитаешь. Лот не спорил, а предложил сделку. Он предложил толпе для той же цели своих дочерей-девственниц, умоляя удовлетвориться девушками, но не ломать дверь.

— Джабл… в Библии действительно так написано?

— Не совсем, я модернизировал стиль, но смысл таков. Лот предложил толпе мужчин («молодых и старых», — говорит Библия) познать двух девственниц, а взамен — не ломать ему дверь. Я дурак, — Джабл просиял. — Надо было мне предложить то же, когда ко мне в дом ломились ребята из Особой Службы. Может, и меня пустили бы за это в рай? — Тут он нахмурился. — Нет, я не знаю, кто из вас девственницы и кого предлагать.

— Я не скажу.

— Впрочем, Лот мог и заблуждаться насчет дочерей… Но он пообещал, что они окажутся девственницами, и уговаривал толпу их попробовать. И этого подонка Библия называет праведником!

— В воскресной школе нам такого не рассказывали, — медленно проговорила Джилл.

— Поверь, это не единственная неожиданность для человека, который начинает читать Библию. Возьми Елисея. Он был такой святой, что прикосновение к его мощам воскрешало мертвых. А сам — лысый старый осел, как я. Однажды дети стали смеяться над его лысиной, как вы иногда смеетесь над моей. Бог наслал медведей, которые разорвали детей на куски. Вторая глава второй Книги Царств.

— Босс, я никогда не смеялась над вашей лысиной.

— А кто заказал средство для восстановления волос? Не ты? Кто бы она не была, пусть остерегается медведей. В Библии много таких мест. И самые отвратительные преступления, оказывается, совершаются с разрешения Бога. Более того, в ней начисто отсутствует здравый смысл и правила хорошего тона. Я не против Библии. И не против индусов, даже за то, что они освятили пор-

нографию. Я допускаю, что подобная мифология может быть словом божьим, что Бог — параноик, и потому приказал разорвать на куски детей, оскорблявших его пророка… Фостериты ничем не хуже других. Просто их хозяин — наш добрый приятель Джо, он и заказывает музыку. Ему хочется, чтобы люди были счастливы не только на небесах, но и на земле. Ему не нужно, чтобы ты умерщвлял плоть. Зачем? Это неделовой подход. Хочешь пить, играть, развратничать — пожалуйста, но только вместе со всеми, под присмотром! Приходи в церковь и веселись. Бог не против. Пусть твоя совесть успокоится! Будь счастлив!

Джилл не обнаружила счастья на лице Джабла.

— Конечно, у тебя есть и обязанности, — продолжал он. — Фостеритский Бог тоже хочет, чтобы его почитали и благодарили. А каждый, кто глуп настолько, что отказывается быть счастливым под его эгидой, достоин всяческих неприятностей. Но это правило, общее для всех богов. Не будем же осуждать Фостера и Дигби! У них действительно праведная вера.

— Босс, да вас уже обратили!

— Это невозможно. Не люблю хороводов, презираю толпу и терпеть не могу, когда дураки

мне указывают, куда пойти в воскресенье. Я добиваюсь, чтобы ты не критиковала то, что не подлежит критике. Литературные достоинства фостеритского Писания выше среднего, потому, что их тексты — плагиат. Что же до внутренней логики, то светские правила неприменимы к священным писаниям. Но и здесь Новое Откровение стои́т выше других: оно достаточно последовательно. Попробуй увязать Ветхий Завет с Новым или буддистскую доктрину с буддистскими апокрифами. С точки зрения морали, фостеризм есть фрейдизм, подслащенный для людей, неспособных воспринимать психологию в натуральном виде; хотя я сомневаюсь, что старый развратник, сочинивший Новое Откровение, то есть передавший его от Бога людям, знал это. Он просто шел в ногу со временем. Все устали от страха и чувства вины. Как можно было это пропустить?.. Все, молчи, я устал…

— Я и так молчу.

— «Женщина ввела меня во искушение…», — Джабл закрыл глаза.

Дома они застали Кэкстона и Махмуда. Бен огорчился, не найдя Джилл, и решил развеять тоску в обществе Энн, Мириам и Доркас. Махмуд, наведываясь, всегда говорил, что приезжает к

Майку и доктору Харшоу, но получал видимое удовольствие не только от общения с ними, а и от обедов и выпивок за столом Харшоу, от прогулок в его саду и компании его одалисок. Вот и сейчас Мириам делала ему массаж, а Доркас расчесывала его волосы.

— Можешь не вставать, — обратился Джабл к Махмуду.

— Я не могу встать: на мне сидят. Привет, Майк!

— Привет, брат мой Вонючка, доктор Махмуд!

Майк торжественно приветствовал Бена и, извинившись, сказал, что пойдет к себе.

— Иди, сынок, — отпустил его Харшоу.

— Майк, ты не хочешь есть? — удивилась Энн.

— Нет, я не голоден. Спасибо.

И ушел в дом.

Махмуд повернулся к Харшоу, едва не свалив Мириам:

— Джабл, что тревожит нашего брата?

— Его, кажется, тошнит, — сказал Бен.

— Пусть отдохнет. Он сегодня объелся религией.

И Джабл вкратце описал утренние события.

Махмуд нахмурился:

— Стоило ли оставлять его наедине с Дигби?

Прости меня, брат, но это слишком необдуманный поступок.

— Вонючка, ему рано или поздно пришлось бы с этим столкнуться. Майк говорил, что ты ему что-то проповедовал. Почему Дигби не имеет права проповедовать свое? Ответь, как ученый, а не как мусульманин.

— Я на все вопросы отвечаю, как мусульманин.

— Извини. Я тебя понимаю, но не согласен с тобой.

— Джабл, я употребил слово «мусульманин» в его точном смысле, а не в том, который подразумевает Марьям под термином «магометанин».

— И будешь магометанином, пока не научишься правильно произносить мое имя! Не вертись!

— Хорошо, Марьям. Ой! У женщин не должно быть мускулов! Джабл, как ученый, я считаю Майка венцом моей карьеры. Как мусульманин, вижу в нем желание подчиниться воле Бога и рад за него, хотя здесь нас ожидают трудности, потому что он еще не вник в смысл английского слова «Бог». Или арабского «Аллах». А как человек и раб Божий, я люблю парня и не хочу, чтобы он попал под дурное влияние. Помимо религиозных соображений существуют еще и моральные.

Например, я считаю, что Дигби может оказать на Майка дурное влияние. Вы согласны?

— Браво! — зааплодировал Бен. — Вонючка, ты мне нравишься! Скоро я куплю ковер и начну учить арабский.

— Я польщен. Ковер разрешаю не покупать.

Джабл вздохнул:

— Согласен. Пусть лучше Майк начнет курить марихуану, чем его совратит Дигби. Но, с другой стороны, его не так просто совратить: тут мало получасовой беседы. И твоему хорошему влиянию Майк тоже не уступит. Убеждения и интеллект у него одинаковой силы. Пророк Мухаммед не выдержал бы конкуренции с Майком.

— На все воля Аллаха.

— Что исключает дальнейший спор.

— Пока вас не было, мы говорили о религии, — вступила в беседу Доркас. — Босс, вам известно, что у женщин есть души?

— Неужели? Первый раз слышу.

— Вонючка сказал, что есть.

— Марьям хотела знать, почему магометане считают, что душа есть только у мужчин, — объяснил Махмуд.

— Мириам, это вульгарное заблуждение, подобное тому, что евреи замешивают мацу на крови

христианских младенцев. В Коране говорится, что в рай попадают целыми семьями: и мужчины и женщины. Возьмем стих 70, «Украшения из золота». Правда, Вонючка?

— «Войдите в сад, вы и ваши жены, и радуйтесь» — таков приблизительный перевод, — подтвердил Махмуд.

— Я слышала, что в раю магометане развлекаются с гуриями. Куда же они девают жен? — спросила Мириам.

— Гурии, — принялся объяснять Джабл, — это особые существа. Кстати, есть гурии мужского пола. Им не нужны души, они сами духи — бессмертные, неизменные и прекрасные. Им не нужно зарабатывать право на вход в рай, они предусмотрены штатным расписанием. Они разносят еду, напитки, от которых не бывает похмелья, поют и танцуют по заказу гостей. А души жен бездельничают: едят, пьют и развлекаются. Я правильно говорю, Вонючка?

— Близко к истине, но достаточно оригинально в смысле стиля. — Махмуд неожиданно сел, сбросив на пол Мириам. — У ваших женщин, наверное, все-таки нет душ.

— Возьми свои слова назад, неблагодарный! Иноверец!

— Успокойся, Марьям. Если у тебя нет души, значит, ты бессмертна. Джабл, может ли случиться, что человек умрет и не заметит этого?

— Не знаю, не пробовал.

— А вдруг я умер на Марсе и сейчас мне только кажется, что я вернулся домой? Посмотрите вокруг! Сад, которому позавидовал бы сам Пророк, четыре прекрасные гурии в любое время подают яства и вина. Разве это не рай?

— Нет. Налоги я плачу далеко не райские.

— Меня это как-то не трогает.

— Теперь гурии. Даже если допустить, что наши одинаково красивы, достаточно ли они красивы для гурий?

— Мне хватает.

— Остается еще одно качество, присущее гуриям.

— Не будем углубляться. Допустим, это не физическое качество, а вечное состояние души.

— В таком случае я утверждаю, что перед нами — не гурии.

— Ну, что ж, — вздохнул Махмуд, — придется кого-нибудь из них превратить.

— Почему кого-нибудь? Давай уж сразу всех четырех.

— Нет, брат мой. Хотя шариат и позволяет

иметь четырех жен, счастливым можно быть только с одной.

— Тем лучше для меня. Кого берешь?

— Сейчас увидим. Марьям, воспитать из тебя гурию?

— Иди к черту!

— Джилл, как ты?

— Джилл оставь для меня, — запротестовал Бен.

— Ладно. Энн?

— Не могу. У меня свидание.

— Доркас, ты моя последняя надежда!

— Я постараюсь ею остаться.

У себя в комнате Майк лег на кровать, принял позу зародыша, закатил глаза, зафиксировал язык и замедлил сердцебиение. Джилл сердилась, если он делал это днем, но смирялась, если не при всех. (Есть масса вещей, которые нельзя делать при всех, и Джилл сердилась только из-за них). А ему так хотелось сосредоточиться и подумать: он совершил поступок, который Джилл не одобрила бы.

У Майка возникло человеческое желание сказать самому себе, что его вынудили так поступить, но марсианское воспитание не позволило воспользоваться этой лазейкой. Он достиг крити-

ческой точки, требовалось правильное действие, и он выбрал. Он вникал, что этот выбор правильный. Тем не менее брат Джилл запрещает так поступать. Значит, возможности выбора нет. Противоречие: в критической точке должна быть возможность выбора. Лишь совершая выбор, дух может расти.

Может быть, не стоило выбрасывать пищу? Хотя нет, компромиссного варианта Джилл тоже не приемлет.

В эту минуту существо, несущее в себе человеческие гены и марсианское сознание, существо, до сих пор не отдавшее предпочтение ни тому, ни другому, завершило одну из стадий роста: оно перестало быть птенцом. Майк по-человечески остро ощутил всю глубину пучины одиночества, в которую ввергает человека возможность и необходимость совершать свободный выбор, и по-марсиански спокойно и даже радостно стал впитывать печаль открытия, соглашаться с его последствиями. С горьким наслаждением он понял, что последний выбор он совершил сам, без помощи Джилл. Брат по воде может учить, предупреждать, направлять, но он не может разделить твой выбор. Выбор — это твоя собственность, которой владеешь без права продажи, передачи

или залога. Собственность и собственник составляют единое целое. Ты есть действие, которое предпринимаешь в критический момент.

Осознав свою самостоятельность, Майк мог глубже вникнуть в братьев, погрузиться в них, не растворяясь. Он стал перебирать в памяти многочисленных марсианских братьев, и немногочисленных земных, чтобы полюбить их по-новому, отыскать в каждом ту неповторимую самостоятельность, которую открыл в себе.

Майк еще долго оставался в трансе: во многое нужно было вникнуть, многое обдумать с точки зрения взрослого человека (марсианина?)… Все, что он видел, слышал, пережил в Молельне Архангела Фостера (до момента, когда он остался один на один с Дигби), было непонятно. Почему епископ Бун вызвал у него неприязнь, почему мисс Ардент, не будучи братом, ощущалась как брат, почему от танцующей и кричащей толпы исходило добро… и что такое говорил Джабл? Слова Джабла тревожили сильнее всего. Майк вслушивался в них снова и снова, сравнивал их с тем, чему его учили в родном гнезде… Очень трудным было слово «церковь», которое Джабл повторял без конца. В марсианском языке не было соответствующего понятия (было понятие

широкое, всеобъемлющее, включающее в себя странные человеческие слова «конгрегация», «служба», «Бог». Оно выливалось в формулировку, которую никто не воспринимал: ни Джабл, ни Махмуд, ни Дигби — «Ты есть Бог»).

Теперь Майк глубже вникал в смысл этой английской фразы и видел, что в ней нет той неизбежности, категоричности, наконец, безысходности, которая присуща соответствующему марсианскому слову. Он произносил английскую фразу, а продумывал марсианское слово, и вникал все глубже…

Около полуночи Майк ускорил сердце и дыхание, развернул тело и сел на постели. От усталости не осталось и следа, голова была ясная, душа жаждала действия.

Его вдруг потянуло к людям так же неудержимо, как несколько часов назад захотелось от всех скрыться. Он вышел в гостиную и ужасно обрадовался, встретив брата.

— Привет!

— Привет, Майк! О, да у тебя уже бодрый вид!

— Я себя отлично чувствую. А где все?

— Спят. Бен с Вонючкой уехали, и остальные пошли спать.

— Жаль. — Майку очень хотелось сообщить

Махмуду о своем открытии.

— И я уже собралась ложиться, но захотелось перекусить. Ты хочешь есть?

— Конечно, хочу.

— Пойдем на кухню, там есть холодная курица.

Они спустились в кухню и нагрузили полный поднос.

— Выйдем на улицу, здесь жарко.

— Отличная мысль, — согласился Майк.

— Еще совсем тепло, можно купаться. Настоящее бабье лето. Стой, надо включить свет.

— Не надо. Я сам понесу поднос.

Майк мог видеть в почти полной темноте. Джабл объяснял это тем, что он вырос в полумраке, но сам Майк считал, что он своей способностью в большей степени обязан урокам приемных родителей. Что же до погоды, то Смит мог бы спокойно сидеть нагишом на Эвересте, и сейчас ему было все равно, тепло на улице или нет. Он уже ждал зимы, чтобы выпал снег и можно было бы походить по нему босиком.

Тем не менее теплая погода была ему приятна, а еще приятнее — общество брата.

— Держи. Я все-таки включу подводный свет, чтобы не пронести мимо рта.

— Отлично, — Майку нравилось смотреть на подсвеченную воду.

Они поели у бассейна, потом легли на траву и стали смотреть на звезды.

— Майк, смотри, вот Марс. Или это Антарес?

— Марс.

— А что там происходит?

Майк помолчал. Даже для английского языка это был слишком общий вопрос.

— В южном полушарии сейчас весна, братья учат растения расти.

— Учат растения расти?

— Ларри тоже учит растения расти. Я помогал ему. Но мой народ, то есть марсиане (теперь вы мой народ), учат растения по-другому. В северном полушарии холодает, и куколки, оставшиеся в живых, переходят жить в гнезда. Люди, оставшиеся жить на экваторе, грустят: один из них дематериализовался.

— Да, по стереовидению передавали…

Майк пропустил эту передачу. Он ничего не знал о смерти колониста, пока его не спросили, что делается на Марсе.

— Они зря грустят. Мистеру Букеру Т. В. Джонсу, технологу первого класса по приготовлению пищи, теперь хорошо. Старшие Братья вылечили

его душу.

— Ты его знал?

— Да. У него было собственное лицо, черное и красивое. Но он тосковал по дому.

— Бедняжка… Майк, а ты тосковал по дому? По Марсу?

— Сначала да, — ответил Майк. — Мне все время было одиноко, а теперь нет. — Он перекатился по траве и обнял ее. — И больше никогда не будет одиноко.

— Майк, мой милый…

Они поцеловались.

Потом брат сказал:

— Сегодня, как в первый раз…

— Тебе хорошо, брат?

— Да. Очень. Поцелуй меня еще.

Прошла вечность.

— Майк, ты понимаешь, что делаешь?

— Понимаю. Это сближение. Мы сейчас сблизимся. — Я… мы… давно этого ждем… Повернись, я помогу.

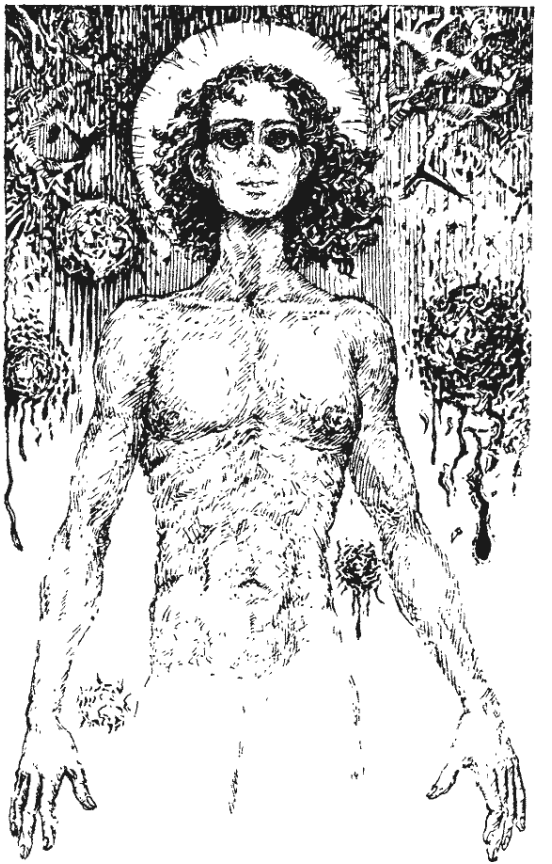
Когда они слились, познавая друг друга, Майк сказал нежно и торжествующе:

— Ты есть Бог!

Она ответила молча. А потом, когда они совсем сблизились, и Майку показалось, что он сейчас

дематериализуется, она отозвалась:

— Да… Ты есть Бог. Мы вникаем в Бога.



Глава 25

На Марсе люди возводили дома для новых колонистов. Строительство шло быстрее, чем намечалось: помогали марсиане. Сэкономленное время пустили на разработку плана по высвобождению кислорода из песка.

Старшие Братья в это не вмешивались: еще не пришло время действовать. Они обдумывали решение, от которого зависела дальнейшая судьбы марсианского искусства. На Земле тем временем проходили выборы; какой-то поэт-авангардист опубликовал сборник стихотворений, состоящих исключительно из знаков препинания и пробелов. Журнал «Тайм» в критической статье заметил, что язык сборника скорее подходит для правительственных известий.

Открылась колоссальная кампания по продаже органов размножения растений. Газеты цитировали миссис Джозеф Дуглас:

> «Я скорее сяду обедать без салфетки, чем без цветов».

Тибетский лекарь из Палермо (Сицилия) рекламировал вновь открытый метод дыхания, который, привлекая энергию космоса, способствует взаимному притяжению полов. Гуру потребовал от учеников надеть домотканые одежды, принять позу матсиендра и слушать, как он будет читать Веды. В это время ассистент гуру проверял кошельки учеников. Ничего украдено не было: йоги имели далеко идущие планы.

Президент Соединенных Штатов Америки объявил первое воскресенье ноября Национальным Днем Бабушек и призвал Америку встретить праздник цветами.

Фостеритские епископы собрали тайный конклав, после которого объявили о чуде: Верховный епископ Дигби был во плоти призван на небеса и произведен в чин Архангела. Оставалось дождаться только божественного подтверждения назначению нового Верховного епископа. Кандидатом на этот пост после двукратной жеребьевки стал Хью Шорт, соперник Буна.

«Унита» выступила с разоблачительной статьей, «Оссерваторе Романо» и «Крисчен Сайенс Монитор» проигнорировали событие, а «Манчестер Гардиан» — промолчала: в Англии фостеритов насчитывалось немного, но они были очень

воинственно настроены.

Сам Дигби не обрадовался повышению. Человек с Марса не дал довести ему дело до конца, а этот идиот Шорт все испортит.

— Успокойся, — сказал ему Фостер. — Ты теперь ангел, тебя не должна волновать мышиная возня. Ты тоже не был очень умным, пока не отравил меня. А потом стал прямо-таки мудрецом. Шорт станет Верховным, и у него все получится как надо. Немало понтификов вышло из привратников…

Дигби успокоился, но попросил Фостера об одолжении.

— Нет, — покачал нимбом Фостер, — не трогай его, не нужно. Ты, конечно, можешь подать наверх требование на еще одно чудо, если хочешь выставить себя дураком, но его все равно не удовлетворят. Я давно здесь живу и знаю систему. У марсиан свои законы, этот парень им еще нужен, и они не позволят его трогать. В каждом монастыре свой устав. Вселенная бесконечно разнообразна, а вы, линейные работники, забываете об этом.

— Вы хотите сказать, что я должен терпеть с его стороны такое непочтение?

— Должен. Я же от тебя стерпел, а сейчас вот

помогаю. Хватит капризничать, у нас работы невпроворот. Хочешь отдохнуть — возьми выходной, слетай в мусульманский рай. А нет — расправь нимб и крылья, и за работу! Хочешь быть ангелом — будь им. Будь счастлив, юниор!

Дигби вдохнул небесный эфир:

— О'кей, Архангел, я счастлив. Каковы мои обязанности?

Джабл не сразу узнал об исчезновении Дигби, а когда узнал, не слишком переживал. Если Майк и приложил к этому руку, то с поличным его не поймали, а что было — быльем поросло. Судьбы Верховных епископов Харшоу не волновали.

Гораздо больше его беспокоил разлад в собственном доме. Джабл понял, что произошло, но не понял, кто виновница. Спрашивать он не хотел: и Майк, и все девушки были совершеннолетними. По поведению девушек ничего понять было нельзя: то А, В и С ссорились с Д, то В, С и Д ссорились с А, то А и В с С и Д, то А и Д с С и В. Почти всю неделю Майк пролежал в таком глубоком трансе, что можно было подумать, будто он умер. Джабл не возражал — пусть себе лежит. Если бы только девчонки каждые пятнадцать минут не срывались поглядеть, как он там! Им было не до кухни и не до стенографии. Даже Энн,

непоколебимая Энн!.. Она вела себя хуже всех. То задумается, то заплачет. А ведь Джабл готов был дать руку на отсечение, что, доведись ей присутствовать при втором пришествии, она, глазом не моргнув, запомнит дату, время, ход событий, всех участников и атмосферное давление.

В четверг вечером Майк вернулся к жизни, и девушки тотчас же переключили внимание на свои прямые обязанности. Джабл с облегчением вздохнул. Обед снова поспевал вовремя и был отменного качества; девушка, являвшаяся на зов «Ближняя!», была бодрой и расторопной. Раз так — зачем задаваться вопросом, кто с кем спит?

Любопытная перемена произошла с Майком. До посещения церкви он был таким покладистым, что Джабл считал это ненормальным. Теперь он преисполнился уверенности в себе, которую, если бы не его вежливость и рассудительность, можно было бы назвать нахальством. Майк стал казаться старше своих лет, голос его огрубел, женское внимание он принимал как должное. «Майк стал человеком, — решил Джабл, — можно вычеркнуть его из списка пациентов. Впрочем, нет: он еще не смеется». Майк улыбался шуткам и не каждый раз просил разъяснений. Он был постоянно весел, но ни разу не засмеялся.

В конце концов, это неважно. Майк в добром здравии, ясном рассудке и ведет себя, как человек.

С самого начала Джабл втолковывал Майку, что он желанный гость, но со временем должен выйти в мир и жить самостоятельно. Когда же Смит в один прекрасный день объявил, что уходит, Джабл удивился и огорчился. Они завтракали; Джабл попытался скрыть замешательство, принявшись вертеть салфетку.

— Да? Когда же?

— Мы едем сегодня.

— Мы? Ты хочешь сказать, что мы с Ларри и Дюком будем сами готовить себе обед?

— Я об этом подумал, — ответил Майк. — Мне нужен товарищ. Я еще не все знаю и часто делаю ошибки. Лучше всего отпусти со мной Джилл: она хочет дальше изучать марсианский язык. Если ты не можешь обойтись без женщин, отпусти Ларри или Дюка.

— Я еще имею право выбирать?

— Конечно. Решение за тобой.

(«Вот ты и лгать выучился, сынок. Ведь для себя ты уже все решил, и мое слово ничего не изменит»).

— Пусть с тобой едет Джилл. И помните: мой

дом — ваш дом.

— Мы знаем это и вернемся. И вновь разделим воду.

— Возвращайся, сынок.

— Хорошо, отец.

— Как ты сказал?

— Джабл, у марсиан нет слова «отец». Но я недавно понял, что ты — мой отец. И отец Джилл.

Джабл покосился на Джилл:

— М-м-м… Берегите себя, дети.

— Обязательно. Пойдем, Джилл.

Глава 26

Лекция по половому вопросу свелась к критике дарвинизма. Потом прошел парад красавиц, одетых в угоду цензуре, потом Бесстрашный Фентом прыгал с вышки, затем выступали маг, бородатая дама, глотатель огня и татуированная заклинательница змей. Она вышла под конец программы

> «совершенно голая, одетая лишь в экзотические рисунки. Кто найдет на ее теле ниже шеи хоть один квадратный дюйм

свободного места, получит двадцать долларов».

Приз не достался никому. Миссис Пайвонски стояла совершенно голая на табурете, вокруг ножек которого ползало полтора десятка кобр. То, на что смотреть считалось непристойным, закрывал своим телом боа констриктор. Освещение было слабое.

Однако миссис Пайвонски вела честную игру. Ее покойный муж, большой мастер татуировки, держал в Сан-Педро ателье. Когда не было клиентов, супруги упражнялись друг на друге. В конце концов на теле Патриции Пайвонски не осталось ни кусочка белой кожи (исключение составляли только шея и лицо). Она гордилась тем, что была самой разукрашенной женщиной в мире, и считала мужа великим мастером своего дела.

Патриции Пайвонски удавалось общаться с жуликами и другими грешниками, и при этом хранить душевную чистоту. Ее и мужа принимал в лоно церкви сам Фостер; где бы она ни оказалась, везде считала своим долгом посетить местную церковь Нового Откровения. Сейчас она с большим удовольствием выступила бы без боа и при ярком освещении, потому что ее кожа

была выдающимся произведением религиозного искусства. Когда они с Джорджем увидели свет веры, на теле Патриции оставалось около трех квадратных футов свободного места. На этой площади Джордж запечатлел славную жизнь отца Фостера. К сожалению, цензура требовала прикрывать места, на которых размещались священные картины. Она демонстрировала их в церквях на службах Счастья. Патриция не умела проповедовать или петь, но делала для утверждения веры все, что могла.

Выход Патриции был предпоследним в программе. Она собрала вещи и выглянула на арену из-за кулис. Там выступал маг, доктор Аполло. Он держал в руках несколько стальных колец и приглашал зрителей убедиться в том, что кольца сплошные. Потом попросил добровольцев держать кольца так, чтобы они перекрывали друг друга. Доктор притронулся волшебной палочкой к местам соприкосновения колец, и они срослись в крепкую цепь.

Ассистентка принесла ему целую кастрюлю с яйцами. Доктор Аполло принялся ими жонглировать. На него мало кто смотрел: всеобщее внимание привлекла помощница. Почти никто не заметил, что яйца по одному стали пропадать.

Когда осталось последнее, доктор Аполло сказал:

— Куры нынче перестали нестись, — и бросил яйцо в толпу. Никто так и не понял, что оно не долетело.

Доктор Аполло вызвал на сцену мальчика.

— Я знаю, что ты обо мне думаешь, сынок. Ты считаешь, что я не настоящий волшебник. Вот тебе доллар за это. — Он вручил мальчику долларовую бумажку; которая тут же исчезла.

— Вот незадача! Держи еще один. И беги скорей домой, спать пора.

Мальчик убежал, зажав в кулаке доллар.

Маг нахмурился:

— Что будем делать дальше, мадам Мерлин?

Ассистентка что-то шепнула ему на ухо. Он покачал головой.

— Не при всех же!

Она шепнула что-то еще. Он вздохнул:

— Друзья, мадам Мерлин желает лечь в постель. Помогите ей, джентльмены!

Добровольцев оказалось более чем достаточно.

— Нет, нет, не все! Только те, кто служил в армии.

И таких было немало. Доктор Аполло выбрал из них двоих и послал под сцену за складной армейской кроватью.

— Смотрите на меня, мадам Мерлин. — Доктор начал делать пассы. — Спать, спать… вы засыпаете. Друзья, она впадает в транс… Джентльмены, кровать готова? Положите мадам в постель.

Прямую, как в столбняке, девушку опустили на кровать.

— Спасибо, джентльмены. — Маг взял волшебную палочку, висевшую все время в воздухе и указал ею на стол. С четырех шестов поднялась простыня и полетела к нему.

— Накройте мадам с головой. Нехорошо смотреть на человека, когда он спит. Спасибо, вы свободны. Мадам Мерлин, вы слышите меня?

— Да, доктор Аполло.

— Сон тянул вас к земле. Теперь вы становитесь легче. Вы спите на облаках. Вы плывете по воздуху. — Накрытое простыней тело поднялось над кроватью на фут. — Эй! Куда? Такой легкой становиться не надо!

В толпе кто-то громким шепотом объяснял:

— Когда ее накрыли простыней, она через потайной ход спустилась под сцену. А это — проволочный каркас. Он сейчас снимет простыню, и каркас сложится. Кто угодно так может.

Доктор Аполло проигнорировал реплику.

— Выше, мадам Мерлин, выше. Хватит.

Тело висело в шести футах над ареной.

— Каркас поднимается на стальном шесте, — продолжал тот же голос. — Они его прикрывают углом простыни.

Доктор Аполло пригласил желающих убрать шест.

— Ей не нужны шесты, она спит на облаках. — Он обернулся к мадам и сделал вид, что прислушивается. — Громче, пожалуйста. О! Она говорит, что ей не нужна простыня.

— Сейчас каркас упадет.

Маг сдернул с мадам простыню, простыня исчезла, но этого никто не заметил: все смотрели на мадам Мерлин, спящую на облаках.

Зритель спросил у всезнайки:

— Где же шест?

— Ты не туда смотришь, — ответил тот, — они направляют свет так, что глаза слепит, и ты поневоле отворачиваешься.

— Довольно, моя фея, — сказал доктор Аполло. — Дайте вашу руку. Проснитесь. — Он поставил ее вертикально и опустил на арену.

— Видишь, куда она поставила ногу? Оттуда шел шест. Обыкновенный трюк.

Маг продолжал:

— А теперь, друзья, позвольте ученому лектору

— профессору Тимошенко сказать вам несколько слов!

— Не расходитесь, — заторопился лектор. — Последним номером программы мы предлагаем совершенно бесплатно двадцатидолларовый билет! — И бросил банкноту в толпу.

Началась свалка.

«Профессор» ушел вглубь сцены.

— Смитти, не уходи. — Он вручил магу конверт и продолжал: — Мне очень жаль, но я не смогу взять вас в Подьюку.

— Я знаю.

— Против тебя я ничего не имею, но нужно думать о репертуаре. Мне тут предложили чтение мыслей и френологию… я ведь не договаривался с тобой на весь сезон.

— Я знаю, — повторил маг, — и не обижаюсь, Тим.

— Спасибо. — Тим замялся. — Смитти, можно я дам тебе совет?

— Конечно, я с радостью его приму, — сказал волшебник.

— О'кей. Смитти, у тебя хорошие трюки. Но не только трюки делают волшебника. Ты не гимнаст и не эквилибрист, ты должен вкладывать душу в свой номер и чувствовать, чего хочет публика.

Такой левитации, как у тебя, я ни у кого не видел, но их это не греет. Им нравится, когда волшебник вынимает из рукава монеты. Волшебнику нужно знать психологию. Волшебник, пастор и политик должны уметь производить впечатление. Если ты поймешь, чего ждет толпа, то добьешься успеха и более дешевыми трюками.

— Ты прав, Тим.

— Сам знаю, что прав. Толпе нужны секс, кровь и деньги. Кровь мы не показываем, но мы оставляем надежду, что глотатель огня или метатель ножей ошибется. Мы не даем денег, но мы не много берем и потворствуем скупости. Нет у нас и секса как такового, зато есть парад красавиц. И зритель уходит счастливым. Что еще любит толпа? Тайну. Всем хочется думать, что они живут в сказке. Твоя задача — уверить их в этом. А у тебя не получается. Публика знает, что твои трюки — жульничество, но ты должен их убедить, что это неправда.

— Как же это сделать, Тим?

— Не знаю, сам думай. Вот ты просил писать в афишах, что ты Человек с Марса. Нельзя предлагать публике то, что она не в силах проглотить. Они видели Человека с Марса на фотографиях и по стерео. Ты на него похож, но даже если бы ты

был его двойником, зритель все равно не поверил бы. Это то же самое, что объявить глотателя шпаг Президентом Соединенных Штатов. Публика хочет верить, но не позволяет себя дурачить. Даже у дураков есть какие-то мозги.

— Я учту.

— Что-то я стал болтлив. Амплуа не отпускает. Не сердитесь на меня. Если у вас нет денег, я одолжу.

— Спасибо. Мы не обижаемся.

— Ну ладно. Берегите себя. Пока, Джилл.

Из-за кулис вышла одетая Патриция Пайвонски.

— Ребята, Тим разорвал контракт?

— Мы и сами скоро ушли бы.

— Вот свинья! Я откажусь выступать!

— Не надо, Пэт, он прав. Я не артист.

— Я буду скучать без вас. Пойдем ко мне, посидим.

— Лучше пойдем с нами, Пэтти, — сказала Джилл.

— Подождите, я за бутылкой сбегаю.

— Не надо, — остановил ее Майк. — Я знаю, что ты пьешь, у нас это есть.

— Вы остановились в «Империале»? Я приеду через полчасика, только уложу спать моих ма-

лышек.

Они сели в такси, Майк занял место за пультом управления. Город был маленький, роботов в такси не было. Майк вел машину на предельной скорости, ловко лавируя между другими машинами. Он делал это без видимых усилий. Джилл так еще не могла. Майк растягивал ощущение времени (то есть замедлял события), поэтому свободно жонглировал яйцами и несся по перегруженной дороге. А ведь несколько месяцев назад он не мог завязать шнурки…

Ехали молча: трудно разговаривать, когда ощущаешь время не так, как собеседник. Джилл стала вспоминать месяцы, проведенные в цирке. Всю жизнь, пока не встретила Майка, Джилл жила по расписанию. Школа, колледж, больница — везде царствовали часы. В цирке было по-другому. Несколько раз в день принарядиться и выйти на сцену — вот и вся работа. Майку было безразлично, один раз в день поесть или шесть. У него не было особых претензий на домашний уют. В цирковом автобусе им отводилась своя каморка; они редко выходили за пределы циркового городка. Цирк был уютным гнездом, отгороженным от мира.

В первые дни самостоятельной жизни им при-

ходилось туго. Их узнавали журналисты и просто прохожие, от которых Майк и Джилл спасались бегством. Майк внушил себе другую, более солидную внешность, они перестали бывать в тех местах, где можно было ожидать появления Человека с Марса, и их в конце концов оставили в покое. Однажды, когда Джилл звонила домой, чтобы сообщить новый адрес для писем, Джабл предложил другое прикрытие. Через несколько дней Джилл прочла в газете, что Человек с Марса удалился в один из тибетских монастырей.

На самом деле они удалились в гриль-бар какого-то захолустного городка: Джилл — официанткой, а Майк — посудомойкой. Когда хозяин не видел, Майк применял весьма оригинальный способ мытья посуды. Через неделю Майк и Джилл переехали. Они кочевали по стране, подрабатывая, когда заканчивались деньги. С тех пор, как Майк обнаружил, что существуют публичные библиотеки, они стали ходить в библиотеку чуть ли не каждый день. Майк сделал это открытие в Акроне — раньше он думал, что в библиотеке Харшоу есть все книги мира — и они пробыли в этом городе месяц. Джилл ходила по магазинам и хлопотала по хозяйству: Майк с книгой в руках забывал обо всем на свете.

Потом они прибились к цирку. Золотое было время! Джилл вспомнила, как однажды арестовали парад красавиц. Власти поступили нечестно; менеджер всегда заранее договаривался, как проводить парад: в бюстгальтерах или без, при приглушенном свете или при ярком — и никогда не нарушал уговора. Тем не менее красавиц вызвали в суд и, кажется, собирались посадить. На заседание пришел весь цирк и толпа зрителей, любопытствующих взглянуть на «бесстыжих женщин». Майк и Джилл пристроились в уголке.

Джилл уговаривала Майка не устраивать фокусов, но он уже принял решение. Шериф с наслаждением клеймил «публичное распутство», как вдруг и он, и судья оказались совершенно голыми. Поднялась суматоха; все цирковые сбежали из зала суда. В тот же день цирк уехал в другой город. Майка в чуде никто не заподозрил. Джилл навсегда запомнила, какое лицо было у шерифа. Она мысленно обратилась к Майку, призывая посмеяться над шерифом; марсианин не мог понять, что такое «смешной», а объяснить Джилл не смогла. (В последнее время они стали обмениваться мыслями на марсианском языке).

Они подъехали к отелю. Майк припарковал машину и вернулся к нормальному течению

времени. Джилл предпочитала жить в цирковом городке, и чаще всего они так и делали. Лишь иногда Джилл останавливалась в отеле ради того, чтобы посидеть в ванне. Майк не разделял ее непримиримости к грязи, он был не так воспитан, но содержал себя в чистоте, потому что Джилл так хотела. Ему не нужно было ни мыться, на стричься: в требуемое состояние он приводил себя силой внушения.

Погружение в ванну он воспринимал как священнодействие.

«Империал» был старым ветхим отелем, но ванна в их номере оказалась превосходной. Джилл, как только пришла, стала набирать туда воду. Она не удивилась, когда увидела, что уже раздета. Майк знал, что она любит новые вещи, и поощрял ее к их приобретению, выбрасывая старые, надоевшие. Он делал бы так каждый день, если бы Джилл не запретила, сказав, что люди заметят и насторожатся.

— Спасибо, милый! Иди купаться.

Майк был уже голым; Джилл выразила надежду, что он не отправил вещи в перпендикулярное пространство, а разделся по-человечески: ее спутник равнодушно относился к покупке новой одежды. Он считал одежду средством защиты от

окружающей среды, причем сам в такой защите необходимости не испытывал.

Они влезли в ванну. Джилл зачерпнула воду рукой, коснулась ее губами и предложила Майку. Это было не обязательно, просто Джилл приятно было напомнить о том, о чем Майк и без того помнил каждую секунду.

— Когда мы ехали в такси, я вспомнила, как ты раздел шерифа. Какой он был смешной!

— Смешной?

— Конечно.

— Где тут шутка? Объясни.

— Это не шутка… и я не могу объяснить.

— Я не увидел ничего смешного, — сказал Майк, — наоборот, от них исходило зло. И от шерифа, и от судьи. Я бы их самих отправил прочь, если бы не знал, что ты рассердишься.

— Майк, хороший мой, — она погладила его по щеке, — лучше было сделать так, как ты и сделал. Они это запомнят на всю жизнь. В их городе по крайней мере пятьдесят лет никого не будут судить за публичный показ обнаженного тела. Ладно, давай поговорим о чем-нибудь другом. Мне жаль, что наш номер провалился. Я столько сил вложила в сценарий… а я ведь не сценарист.

— Во всем виноват я, Джилл. Тим сказал правду:

я не вник, чего хотят болваны. Но скоро вникну, потому что многому научился у цирковых.

— Мы уже не цирковые, не нужно больше называть людей болванами и даже публикой. Люди — это люди.

— Я вникаю, что они болваны.

— Ты прав, милый, но это невежливо.

— Ладно, буду называть их людьми.

— Ты придумал, что делать дальше?

— Нет еще. Придет время, я буду знать.

Джилл могла не беспокоиться: так оно и будет. Сделав первый самостоятельный выбор, Майк становился все увереннее и сильнее. Мальчик, которому было трудно удержать в руке пепельницу, превратился в мужчину, который одновременно держит на весу и ее, Джилл, и разные предметы. Джилл вспомнила, как однажды их грузовик завяз в грязи. Двадцать мужчин безуспешно пытались его вытащить. Подошел Майк, подтолкнул плечом (сделал вид), и колесо освободилось. Он был уже не так прост, чтобы демонстрировать свои чудеса открыто.

Смит наконец понял, что неодушевленному предмету — например, платью — не нужно быть «недобрым», чтобы его можно было отправить в никуда. Для этого может существовать и другая

причина, которую взрослый человек, а не птенец, определяет сам.

Каков будет следующий этап роста? Джилл было просто любопытно, она не беспокоилась: Майк такой положительный и благоразумный.

— Вот было бы здорово, если бы с нами сейчас оказались Энн, Доркас, Мириам! И Джабл с ребятами!

— Нужна большая ванна…

— И в этой поместились бы. Майк, когда мы поедем домой?

— Я вникаю, что скоро.

— По-марсиански или по-нашему «скоро»? Не сердись, понимаю — поедем, когда придет время. Кстати, тетя Пэтти обещала приехать «скоро». Нука, намыль меня поживее. — Джилл встала, мыло выскочило из мыльницы, поерзало по ее телу и улеглось на место. Сама собой образовалась пена. — Ой! Щекотно!

— Тебя облить?

— Нет, я окунусь.

Джилл присела, встряхнулась и выскочила из ванны.

И вовремя: в дверь постучали.

— Вы готовы?

— Минутку, Пэт! — крикнула Джилл. — Майк,

высуши, пожалуйста.

На Джилл не осталось ни капельки воды.

— Не забудь одеться: Пэтти у нас — леди, не то, что я.

— Не забуду.

Глава 27

Джилл накинула пеньюар и вышла в гостиную.

— Заходи, дорогая. Мы купались, Майк сейчас выйдет. Хочешь принять ванну?

— Можно, хотя я уже приняла душ. И потом, я не купаться к вам приехала. Мне жаль с вами расставаться.

— Мы еще вернемся, — Джилл готовила напитки. — Тим прав: нам с Майклом нужно доработать номер.

— У вас отличный номер. Ну разве что пару шуточек добавить… Привет, Смитти. — Она протянула ему руку в перчатке.

За пределами циркового городка миссис Пайвонски всегда ходила в перчатках и чулках. Она выглядела (да и была) респектабельной вдовой средних лет с хорошо сохранившейся фигурой.

— Я как раз говорила Джилл, что у вас хороший

номер.

Майк улыбнулся:

— Оставь, Пэт. Номер безобразный.

— Что ты, милый. В нем нет изюминки, это правда. Добавьте две-три шутки, подберите Джилл более открытый наряд. У тебя превосходная фигура, милочка.

— Дело не в фигуре, — покачала головой Джилл.

— Я знала одного волшебника, который наряжал свою ассистентку в костюм конца девятнадцатого века. Даже туфель не было видно. А потом постепенно ее раздевал. Болванам очень нравилось. Не пойми меня превратно, все было очень пристойно. Когда номер заканчивался, на ней было столько же, сколько на тебе сейчас.

— Пэтти, я бы выступала голой, если бы за это не привлекли к ответственности.

— Ни в коем случае! Болваны устроили бы бунт. Но если у тебя есть фигура, ею нужно пользоваться. Чего бы стоила моя татуировка, если бы я не снимала с себя все, что можно?

— Кстати, об одежде, — вмешался Майк. — Кондиционер не работает, и тебе, наверное, жарко, Пэт? Если хочешь, можешь раздеться, мы здесь одни.

На Майке был махровый халат; среди цирковых не считалось дурным тоном принимать гостей в таком виде. От жары он почти не страдал.

— Правда, Пэтти, — поддержала его Джилл, — я даже могу дать тебе халат. Не церемонься с друзьями.

— Не беспокойся, мне и так хорошо, — миссис Пайвонски продолжала рассказывать, думая, как бы подобраться к делу, то есть к религии. Ребята хорошие, почти созрели для обращения, которое она наметила на конец сезона. — Все дело в том, Смитти, что нужно понимать болванов. Если бы ты был настоящим волшебником — я не хочу сказать, что ты новичок, у тебя блестящая техника… — Джилл принесла тапочки, Патриция сняла чулки и засунула их в туфли. — Но болваны знают, что это не потому, что ты продал душу дьяволу. Техникой их не возьмешь. Ты когда-нибудь видел, чтобы глотатель огня выступал с хорошенькой девушкой? Нет, потому что она только испортила бы все. Болваны ведь ждут, когда он загорится.

Тут она сняла платье. Джилл расцеловала ее.

— Вот теперь ты выглядишь естественно, тетушка Пэтти. Пей, я налью еще.

— Минутку, дорогая, — («Укрепи меня, Господи!

Мои картины будут говорить сами за себя, именно для этого Джордж их делал»). — Вот видите, что у меня есть для болванов? Вы когда-нибудь толком меня рассматривали?

— Нет, — сказала Джилл, — мы ведь не болваны, чтобы глазеть.

— Так посмотрите, дорогие! Не зря же Джордж, — упокой, Господи, его душу, — трудился! Смотрите, и изучайте. Вот здесь, в центре, изображено рождение нашего пророка, святого Архангела Фостера. Он тут невинный младенец, не ведающий, что ему уготовано Небесами. А вокруг парят ангелы, которые всё знали заранее. Здесь Джордж запечатлел первое чудо, совершенное пророком. Когда пророк был еще мальчиком, он застрелил из рогатки птичку, потом устыдился, поднял ее, погладил; она ожила и улетела. Сейчас я повернусь спиной. — Миссис Пайвонски вкратце объяснила, что, когда Джордж начинал богоугодную работу, ее тело уже не было чистым холстом. Поэтому Джорджу пришлось превратить «Нападение на Пирл-Харбор» в «Армагеддон», а «Небоскребы Нью-Йорка» в «Священный город». — К сожалению, Джорджу удалось изобразить не все, а лишь основные вехи жизни пророка. Вот Фостер проповедует на ступенях отвергшей

его духовной семинарии. С тех пор его начали преследовать. А вот он громит идолопоклоннический храм… А вот он в тюрьме, и от него исходит священный свет. Его освободили из тюрьмы приверженцы веры. (Преподобный Фостер понимал, что кастет и дубинка сослужат вере лучшую службу, чем проповедь непротивления злу. Ему казалось мало «ока за око и зуба за зуб». Но он был стратегом и воевал только тогда, когда в распоряжении Господа имелась тяжелая артиллерия). — А судью, который посадил его в тюрьму, вымазали дегтем и обваляли в перьях. А здесь — вам не видно, лифчик закрывает. Безобразие…

— («Майк, чего она хочет?»)

— («Ты сама знаешь»)

— Тетушка Пэтти, — сказала Джилл мягко, — ты хочешь, чтобы мы увидели все картины?

— Да, как говорит Тим, Джордж использовал эти места, чтобы не оставить рассказ незаконченным.

— Если Джордж трудился над картиной, надо думать, он рассчитывал, что на нее будут смотреть. Сними трико. Я говорила, что могла бы работать голой, а здесь даже не работа, а встреча друзей… на которую ты пришла со святой целью.

— Ну, если вы так хотите.

Она торжествовала. Аллилуйя! С помощью Фостера и Джорджа она обратит ребят!..

— Помочь тебе расстегнуться?

— («Джилл!»)

— («Майк, что ты задумал?»)

— («Подожди, увидишь».)

Миссис Пайвонски с удивлением обнаружила, что ее разукрашенное блестками трико пропало. Джилл не удивилась, когда заодно исчез ее пеньюар и халат Майка: Майк всегда выступал за равенство. Миссис Пайвонски ахнула. Джилл обняла ее и стала утешать:

— Пэтти, не волнуйся, все в порядке. Майк, объясни...

— Сейчас, Пэт...

— Да, Смитти?

— Ты не верила, что я продал душу дьяволу. Ты хотела снять костюм — я помог.

— Как ты это сделал? И где он?

— Там же, где наши халаты.

— И где он?

— Пэтти, не волнуйся, мы заплатим, — вмешалась Джилл. — Не стоило этого делать.

— Извини, Джилл. Я думал, ничего страшного.

— Пожалуй, что ничего.

Цирковая гордость не позволяла тетушке Пэтти

признаться, что она испугалась.

Костюма ей было не жаль, наготы она не смущалась. Миссис Пайвонски была озабочена теологической стороной происшествия.

— Смитти, это было настоящее чудо?

— Можно сказать, да.

— Я бы сказала, что это колдовство.

— Как хочешь.

— Смитти. — Патриция смело глядела ему в глаза. Она ничего не боялась, с нею была вера. — Ты не продал душу дьяволу?

— Нет, Пэт.

— Кажется, ты говоришь правду. — Она не отводила взгляда.

— Он не умеет лгать, тетушка Пэтти.

— Значит, это чудо. Смитти, ты святой человек.

— Не знаю…

— Архангел Фостер до двадцати лет тоже не знал, хотя уже творил чудеса. Ты святой человек, я чувствую. Все время чувствовала.

— Не знаю, Пэт.

— Ты почти права, Пэтти, — сказала Джилл, — но он этого в самом деле не знает. Майк, придется раскрыться до конца.

— Майк? — воскликнула Пэтти. — Да это же

Архангел Михаил, посланный к нам в человеческом обличье!

— Пэтти, не надо! Если он и ангел, то об этом не догадывается.

— Ему не обязательно знать. Бог творит чудеса, ни перед кем не отчитываясь.

— Тетушка Пэтти, послушай меня, пожалуйста!

Миссис Пайвонски узнала, что Майк — Человек с Марса. Она согласилась признать его человеком, но сохранила на сей счет собственное мнение. Фостер тоже был человеком, что не мешало ему одновременно быть и архангелом. Если Джилл и Майк отказываются от спасения души — пусть отказываются, она не станет настаивать. Пути господни неисповедимы.

В следующем чуде приняла участие и Патриция. Все сели на ковер, Джилл мысленно предложила Майку проект чуда. Миссис Пайвонски увидела, что Джилл поднимается в воздух.

— Пэт, — сказал Смит, — ляг на спину.

Она подчинилась с такой готовностью, будто перед ней был сам Фостер. Джилл оглянулась на Майка.

— Может, меня опустишь?

— Нет, я выдержу.

Миссис Пайвонски ощутила, что отрывается от пола. Она не испугалась, а почувствовала религиозный экстаз: из чресел к сердцу поднялось тепло, из глаз полились слезы. Такого сильного чувства она не испытывала с тех пор, как ее коснулся сам Святой Фостер. Майк подвинул Патрицию к Джилл, женщины обнялись. Он опустил их на ковер и обнаружил, что не устал. Майк забыл, когда в последний раз уставал.

Джилл сказала:

— Майк… нужна вода.

— («???»)

— («Да», — мысленно ответила Джилл)

— («Обязательно?»)

— («Конечно. Ты думаешь, зачем она пришла?»)

— («Я-то знаю. Но не был уверен, что ты знаешь и хочешь»).

Майк отправил стакан в ванную, налил в него воды. Стакан вернулся в руки к Джилл. Патриция наблюдала с интересом. Удивляться она уже перестала. Джилл обратилась к ней:

— Тетушка Пэтти, это как крещение или венчание. Марсианский обычай. Это значит, что ты веришь нам, а мы верим тебе, и можем рассказать тебе любой секрет, как и ты нам. Нарушать

эту клятву нельзя. Если ты ее нарушишь, мы умрем, даже если наши души будут спасены. Если… впрочем, но мы не нарушим… Если ты не хочешь породниться с нами — можешь не пить воду, останемся друзьями. Я не заставляю тебя поступать вопреки вере, если вера запрещает родство с нами.

— Джилл говорит правильно, — подтвердил Майк. — Пэт, если бы ты понимала по-марсиански, мы бы лучше объяснили тебе смысл обряда. Это даже больше, чем венчание. Мы предлагаем воду от чистого сердца, и если в твоей душе или религии что-то противится, лучше не пей.

Патриция Пайвонски глубоко вздохнула. Она уже приняла решение. Джордж не должен ее осудить. Кто она такая, чтобы отказывать святому человеку и его избраннице?

— Я согласна, — решительно сказала она.

Джилл сделала глоток.

— Мы стали еще ближе. — И передала стакан Майку.

— Спасибо за воду, брат. — Майк отпил. — Пэт, я даю тебе влагу жизни. Пусть твоя вода всегда будет глубокой.

Патриция приняла стакан.

— Спасибо, дорогие. Я люблю вас обоих! — И

выпила до дна.

— («Джилл?»)

— («Давай!»)

Валентайн Майкл Смит вник, что физическая человеческая любовь — сугубо физическая и сугубо человеческая — это не просто ускорение процесса размножения и не просто ритуал, символизирующий сближение. Это сущность сближения. Теперь он пользовался каждой возможностью, чтобы познать всю полноту любви. Ему больше не было неловко от того, что он испытал экстаз, неведомый даже Старшим Братьям. И он погружался в души своих земных братьев, не испытывая ни перед кем вины и ни к кому неприязни. Братья, обучившие его любви, не оскорбили его невинности.

Он поднял нового брата в воздух и перенес на кровать. Джилл не удивилась, что Патриция приняла как должное и то, что за старинным марсианским ритуалом разделения воды следует старинный человеческий ритуал разделения любви. Она удивилась позже, когда Пэт спокойно отнеслась к чудесам, которые Майк творил в любви. Джилл не знала, что Патриции уже приходилось встречаться со святым человеком и от святого Пэт ожидала даже большего. Джилл была

рада, что Пэт избрала правильное действие в критический момент, и счастлива, когда пришла ее очередь сближаться с Майком.

Потом они все отправились в ванну. Джилл попросила Майка намылить Патрицию способом телекинеза. Та визжала и хохотала. В первый раз Майк проделал это ради шутки, потом это стало семейной традицией, которая — Джилл знала — понравится Пэт. Джилл с любопытством наблюдала за выражением лица Пэтти, когда ту скребли неведомые руки и сушила неведомая сила.

— После всего, что было, я без выпивки не обойдусь, — сказала Патриция.

— Конечно, дорогая.

— Кроме того, вы не досмотрели мои картины.

Они вернулись в гостиную, и Пэтти стала на ковер.

— Сначала посмотрите на меня. Что вы видите?

Майк мысленно снял с Пэт татуировки и стал смотреть, каков его новый брат без украшений. Татуировки ему нравились: они выделяли Пэт из общей массы и делали ее чем-то похожей на марсианина. Она была лишена человеческой безликости. Майк подумал, что обязательно

украсит и себя картинами, как только решит, что изображать. Можно изобразить его отца, Джабла. Может, и Джилл захочет сделать себе татуировку? Какие картины подойдут ей? Нужно будет подумать.

Без татуировок Пэт меньше нравилась Майку: женщина как женщина. Майк до сих пор не понял, зачем Дюку коллекция женщин. Он и без того знал, что у женщин разные формы, размеры, цвет кожи и любовные ухищрения.

Приемные родители научили Майка замечать мельчайшие детали, но они также научили его не преувеличивать их значение. Нельзя сказать, чтобы женщины не возбуждали в нем желания. Они его возбуждали, но не видом своего тела. Запах и прикосновение значили для Майкла больше: именно так возбуждался аналогичный марсианский рефлекс.

Когда на Патриции не осталось картин, Майк обратил внимание на ее лицо. Это было красивое лицо, над которым уже поработала жизнь. Это было более «личное» лицо, чем у Джилл. И чувство к Пэт, которое Майк еще не называл любовью, стало сильнее.

У нее был собственный запах и собственный голос. Майку нравилось слушать ее сипловатую

речь и вдыхать мускусный аромат, которого она набиралась от змей. Майк любил змей и умел обращаться с ними. Дело было не только в том, что он успевал уклоняться от их укусов. Они вникали друг в друга. Майк упивался их невинной беспощадностью; змеи напоминали ему о доме. Боа-констриктор кроме Патриции признавал только Майка.

Майк вернул образу Патриции татуировки.

А Джилл удивлялась — зачем тетушке Пэтти татуировки? Она была бы очень милой, если бы не превратила себя в страницу комикса. Но Джилл любила Пэтти, что бы на ней ни было нарисовано, тем более, что она этим зарабатывает… пока. Как постареет, никому ее картины станут не нужны, хоть бы их создавал сам Рембрандт! Наверное, Пэтти откладывает на черный день. Впрочем, она теперь брат Майка и одна из наследниц его состояния. Джилл стало тепло от этой мысли.

— Ну? Что вы видите? — повторила миссис Пайвонски. — Майк, сколько мне лет?

— Не знаю, Пэт.

— Угадай.

— Не могу.

— Давай, давай!

— Пэтти, — вступилась за него Джилл, — Майк

правда не может определять возраст. Он совсем недавно прилетел на Землю и считает по-марсиански. Если приходится иметь дело с цифрами, я ему помогаю.

— Хорошо, тогда ты угадай. Говори правду.

Джилл оглядела Патрицию: тело, руки, шею, глаза; вопреки просьбе, сбросила пять лет и сказала:

— Тридцать лет, год туда, год сюда…

Миссис Пайвонски усмехнулась.

— Вот плоды Истинной Веры, дорогие мои! Джилл, мне скоро пятьдесят.

— Не может быть!

— Вот что дает человеку Счастье, моя милая. После первых родов я располнела. Живот был, как на шестом месяце, грудь отвисла… Пластическую операцию я делать не могла: погибли бы мои картины. Тогда я увидела Свет! Нет, я не голодала и не изнуряла себя упражнениями и до сих пор ем, как лошадь. Я познала Счастье, счастье в Боге через благостного Фостера.

— Потрясающе! — сказала Джилл. Сколько она знала тетушку Пэтти, та никогда не делала упражнений и не ограничивала себя в еде. Пластические операции и их результаты Джилл всегда видела; Пэтти не лгала, утверждая, что не

делала операций.

Майк решил, что Пэт внушила себе такое тело, какое ей было нужно, а Фостер тут ни при чем. Майк учил Джилл такому внушению, но пока ничего не получалось. Он, как обычно, не спешил. Всему свое время.

Пэт продолжала:

— Я хочу, чтобы вы знали, что может Вера. Но это еще не все: главная перемена внутри. Я счастлива. Я не мастер говорить, но постараюсь. Сначала вы должны понять, что все другие церкви — это вертепы дьявола. Наш дорогой Иисус проповедовал Истинную Веру, и Фостер сказал «я верую». Но во времена тьмы его слова были искажены, и Иисус не узнал их. И Фостер пошел проповедовать Новое Откровение и разъяснять его.

Патриция Пайвонски подняла палец и превратилась в проповедницу, облеченную святостью и тайной:

— Бог хочет, чтобы мы были счастливы. Он наполнил мир вещами, приносящими счастье. Разве Бог позволил бы виноградному соку превращаться в вино, если бы не хотел, чтобы мы пили и радовались? Он мог бы оставить сок соком или сделать из него уксус, и никому не досталось

бы и капельки счастья. Конечно, Он против того, чтобы мы напивались, как свиньи и буянили, забывая о наших детях. Он подарил нам блага жизни, чтобы мы их употребляли, но не злоупотребляли. Если тебе хочется выпить или заняться любовью с приятелями, которые, как и ты, видят Свет, и ты танцуешь и благодаришь Бога за то, что Он это позволил — что тут плохого?! Бог создал вино, Бог создал твои ноги, которые могут танцевать, — танцуй и будь счастлив!

Пэт облизала пересохшие губы.

— Налей еще, дорогая. До чего тяжелая работа — проповедь! Так вот, если бы Бог не хотел, чтобы на женщин смотрели, Он сделала бы их уродливыми. По-моему, логично. Бог хочет, чтобы мы были счастливы, и Он указывает нам путь к счастью. Он говорит: «Любите друг друга! Возлюбите змею, если она нуждается в любви. Отказывайте в любви лишь прислужникам Сатаны, которые хотят вас столкнуть с пути к Счастью». И под любовью он имеет в виду не вздохи старой девы, которая боится оторвать глаза от молитвенника, чтобы не поддаться соблазну плоти. Если бы Бог не любил плотских радостей, зачем бы Он создал их так много? Неужели Бог, который сотворил Гранд Каньон, кометы, циклоны, землетрясения,

испугается, если девчонка нагнется, а парень заглянет ей в вырез и увидит грудь? Когда Бог велел нам любить, Он не лицемерил, Он действительно хотел, чтобы мы любили. Да ты сама это знаешь! Женщина любит младенца, а потом любит мужчину, чтобы появился еще один младенец, которого можно любить. Но это не значит, что, имея бутылку, ты должна нализаться, выскочить на улицу и трахаться с кем попало. Нельзя продать любовь и купить счастье — ни то, ни другое не имеет цены. А если ты определила цену любви — перед тобой врата ада. Но если ты с чистым сердцем и помыслами берешь и даешь то, что дает тебе Бог, грех не коснется тебя. Что деньги? Ты стала бы пить с кем-нибудь воду за деньги, за миллион? За десять миллионов без налога?

— Нет, конечно. («Майк, ты вникаешь?»)

— («Почти полностью. Ожидание еще длится»).

— Ты понимаешь меня, дорогая? Я знала, что в вашей воде — любовь. Вы очень близки к Свету. Я стала вашей сестрой, и потому скажу вам то, что нельзя говорить тем, кто еще не увидел Свет.

Преподобный Фостер, посвященный в сан Богом или сам себя посвятивший, чувствовал пульс времени лучше, чем любой цирковой чувствует публику. В душе Америки царил полный хаос.

Пуританские законы и раблезианские обычаи. Аполлоновские религии и дионисийские секты. Ни в одной стране мира в двадцатом веке (земной христианской эры) секс не подавлялся так яростно, как в Америке, и нигде им так сильно не интересовались люди.

У Фостера было два качества, необходимых для религиозного лидера: личный магнетизм и сексуальные способности выше средних. Религиозный лидер должен быть либо аскетом, либо развратником. Фостера нельзя было назвать аскетом. Его жены и последовательницы придерживались тех же правил. Обряд принятия в лоно церкви Нового Откровения весьма располагал к сближению.

Такие обряды практиковались во многих культах, но в Америке до Фостера распространения не получили. Фостера неоднократно изгоняли из разных городов, пока он не усовершенствовал сей обряд настолько, что тот привился в Америке. Святой без зазрения совести воровал идеи у масонов, католиков, коммунистов точно так же, как обворовывал все священные писания, сочиняя Новое Откровение.

Фостер учредил «внешнюю» церковь, которую мог посетить каждый. Существовала еще «средняя» церковь, которая для непосвященных и

была собственно «Церковью Нового Откровения». Те, кто уже спас свою душу, наслаждались бесконечным карнавалом счастья, Счастья, СЧАСТЬЯ! Им простили прошлые прегрешения, а новых они совершить не могли, если не отказывались от дарованного им Счастья и добросовестно осуждали грешников. Новое Откровение не поощряло разврат откровенно, но придерживалось оригинальных воззрений по некоторым половым вопросам. «Средняя церковь» формировала боевые отряды. Эту идею Фостер позаимствовал у профсоюза «Индустриальные рабочие мира», существовавшего в начале двадцатого столетия. Если фостеритов начинали притеснять, они громили во всей округе тюрьмы и ломали ребра полицейским. Если начинались судебные преследования, Фостер следил за тем, чтобы ни один фостерит не был осужден как фостерит.

И наконец была еще «внутренняя» церковь, к которой принадлежали немногие полностью посвященные, апостолы новой веры. Фостер отбирал их тщательно, поначалу даже лично. Он искал мужчин, таких, как он сам, и женщин, таких, как его подруги: решительных, убежденных, упорных, свободных (или способных освободиться) от чувства ревности — потенциальных

сатиров и нимф, потому что «внутренняя» церковь исповедовала тот самый дионисийский культ, которого так недоставало Америке.

Супругов брали в апостолы только парами. Неженатые или незамужние кандидаты должны были быть внешне привлекательными и сексуально агрессивными. Число мужчин должно было превышать число женщин. Неизвестно, знал ли Фостер о том, что подобные культы ранее уже зарождались в Америке. Если не знал, то он инстинктивно угадал, что они были уничтожены ревностью. Фостер никогда не жалел своих женщин для других мужчин.

Кроме того, он не стремился увеличивать число апостолов. Для удовлетворения страстей толпы существовала «средняя» церковь. Если приход давал одну-две супружеских пары, годных в апостолы, Фостер был более, чем доволен. Если нет, он бросал в почву новые семена и ждал, когда они прорастут.

Испытывать кандидатов ему помогала какая-нибудь из подруг. После беседы с четой кандидатов Фостер посылал ее в атаку на супруга.

В ту пору Патриция Пайвонски была молодой, красивой и счастливой. Она жила с ребенком и любимым мужем, который был намного ее

старше. Джордж Пайвонски был человек великодушный и добрый, но имел одну слабость, которая не позволяла ему часто снисходить к жене после рабочего дня. Пэтти считала себя счастливой женщиной; подумаешь, ну нравится Джорджу клиентка, ну выпьет он с ней, ну и что? Пэтти проявляла терпимость; у нее тоже были клиенты, с которыми можно было выпить и не только…

У Патриции были свои слабости. Все началось с того, что клиент подарил ей змею. Пэтти и Джордж поселили ее у себя в витрине под вывеской «Не наступай!», и очень скоро такая татуировка стала популярной. Патриция не боялась змей и развела в доме целый серпентарий.

Родители Патриции принадлежали к разным верам, поэтому у нее не было никакой. К тому времени, как Фостер пришел с проповедями в Сан-Педро, она уже искала спасения в церкви Нового Откровения. Она и мужа несколько раз сводила в церковь, но он не увидел свет веры. Свет принес Фостер, к которому они пришли исповедоваться. Он вернулся в Сан-Педро через полгода и, увидев их ревностное служение вере, обратил на супругов более пристальное внимание.

— С того момента, когда Джордж увидел свет,

я горя не знала, — говорила Патриция Майклу и Джилл. — Он по-прежнему пил, но немного и только в церкви. Когда наш святой вождь вернулся в Сан-Педро, Джордж уже работал над своими шедеврами. Мы решили показать их Фостеру, — миссис Пайвонски запнулась. — Этого нельзя рассказывать.

— Значит, не рассказывай, — горячо сказала Джилл. — Пэтти, милая, мы не заставляем тебя делать то, что тебе в тягость. Братство по воде не должно быть обременительным.

— Но я хочу вам рассказать! Помните, это тайна целой церкви, вы никому не должна рассказывать то, что услышите. А я никому не скажу о вас. Так вот, вы знаете, что фостериты носят татуировки? Я имею в виду посвященных в тайну «внутренней» церкви. Конечно, они не сплошь ими покрыты, но видите это? На сердце? Это святой поцелуй Фостера. Джордж искусно вписал его в картину, так что никто не догадывается. Но это настоящий поцелуй Фостера, он сам запечатлел его на мне. — У Пэт был гордый вид.

— И то правда, — сказала Джилл, разглядывая указанное место. — Будто кто-то поцеловал и осталась помада. А я думала, что это кусочек заката.

— Правильно, Джордж специально так сделал. Потому что нельзя показывать поцелуй Фостера тому, на ком его нет. И я до сих пор не показывала. Я верю, что когда-нибудь и вы удостоитесь святого поцелуя, тогда я сделаю вам татуировки.

Джилл удивилась.

— Как Фостер может нас поцеловать, Пэтти? Он же на небесах, — удивилась Джилл.

— Правильно. Поцелуем Фостера вас может наградить любой посвященный во «внутреннюю церковь». Поцелуй значит, что Бог внутри нас. Он навсегда в вашем сердце.

Майк вдруг напрягся.

— Ты есть Бог.

— Как ты сказал, Майк? В такой форме я этого еще не слышала, но это верно. Бог в тебе, он с тобой, и ты недоступен дьяволу.

— Да, — согласился Майк, — ты вникаешь в Бога.

Впервые он слышал такое точное выражение марсианской формулы на английском языке.

— Смешное слово — «вникать», но точное. Бог вникает в тебя, и ты по Святой любви обручаешься с его церковью для Вечного Счастья. Тебя целует кто-нибудь из посвященных, и поцелуй запечатлевается навсегда с помощью татуиров-

ки. Татуировка не обязательно должна быть большой — у меня она сделана по размеру благословенных губ Преподобного, — и наносится она на любое скрытое от взглядов место. Показывать ее нужно, входя на Собрания Счастья, которые устраивают посвященные.

— Я слышала об этих собраниях, — заметила Джилл, — но не знаю, на что они похожи.

— Собрание собранию рознь, — наставительно продолжала миссис Пайвонски. — Собрания простых верующих — это просто вечеринки с молитвами и, может быть, намеком на любовь. Там следует быть очень осторожным и разборчивым, чтобы не посеять раздор между братьями. Церковь очень строго следит, чтобы все было к месту и вовремя. Собрание посвященных — другое дело, там можно забыть об осторожности, потому что среди посвященных невозможны грех и раздор. Если ты хочешь напиться и отрубиться — пожалуйста, все знают, что это по воле Бога, иначе бы ты не захотел. Ты хочешь помолиться или запеть, или разорвать на себе одежду — пожалуйста: это тоже воля Бога. Никто ни в чем не усмотрит ничего дурного.

— Похоже на обычную дружескую вечеринку.

— Точно. И все преисполнены божественной

благодати. Если ты просыпаешься утром с одним из посвященных братьев, ты знаешь: Бог захотел, чтобы вы с ним были счастливы. Все, кого целовал Фостер, могут принадлежать тебе, и ты — им всем. — Она задумалась. — Ого, как ваше разделение воды. Ты понимаешь, Майк?

— Вникаю, — согласился Майк.

— («Майк???»)

— («Подожди, Джилл. Подожди, и ты поймешь»).

— Одной татуировки мало, чтобы попасть на Собрание, особенно в чужую церковь, — продолжала Патриция. — Я, узнав маршрут цирка, рассылаю по церквям тех городов, где буду выступать, свои отпечатки пальцев. Их должны опознать по картотеке посвященных. Я лучше пропущу день у Тима, но обязательно пойду на Собрание Счастья или на воскресную службу. Очень часто я просто стою на собрании, а все рассматривают мои священные и непревзойденные картины. Каждая секунда такого выступления — блаженство. Иногда мы с боа разыгрываем Деву и Змия, тогда приходится маскировать татуировку. Кто-нибудь из братьев играет Адама, нас изгоняют из рая, и проповедник объясняет, что это значит на самом деле, а не врет, как это делают

католики. И мы у всех на глазах вновь обретаем невинность, и все следуют нашему примеру. Всем нравится мой поцелуй Фостера, потому что меня поцеловал именно Фостер, который вот уже двадцать лет на небесах. Подлинность моего поцелуя тоже засвидетельствована. Иногда я рассказываю, как это было.

Миссис Пайвонски после недолгого колебания начала рассказывать, и весьма подробно, историю поцелуя. Джилл поймала себя на том, что разучилась краснеть. Потом она вникла, что Пэтти похожа на Майка, они оба невинны, в их деяниях просто не может быть греха. Ей вдруг захотелось, ради счастья Пэтти, чтобы Фостер на самом деле оказался святым, который навеки спас душу Пэтти от греха.

А Фостер-то! Боже правый!

Джилл вспомнила комнату со стеклянной стеной и мертвые глаза Фостера, казавшиеся живыми. Она подумала, что вряд ли захотела бы принять его поцелуй, и даже вздрогнула. Джилл поскорей прогнала воспоминание, но Майк его перехватил. Она почувствовала, что он улыбается.

Джилл поднялась.

— Пэтти, к которому часу тебе нужно быть в

цирке?

— Да уж пора.

— Уже? Отправление в девять тридцать.

— Малыши скучают. Ревнуют к обществу.

— Сказала бы им, что идешь на Собрание Счастья.

Патриция рассмеялась и обняла Джилл.

— Я ложусь спать, — улыбнулась Джилл в ответ. — Когда тебя завтра будить?

— Если я приезжаю к восьми, я успеваю проверить, как погрузили малышей. Буди в семь.

— Завтракать будешь?

— Нет, а то в дороге нечего будет делать. Кофе выпью с удовольствием.

— Я сварю. Ладно, воркуйте. Майк по ночам не спит.

— Совсем?

— Совсем. Он думает.

— Вот тебе еще один знак. Я знаю, что Майк святой, и он сам это скоро узнает. Твое время еще придет, Майк.

— Может быть, — сказала Джилл. — Майк, я засыпаю на ходу. Отнеси меня, пожалуйста, в постель.

Джилл поднялась в воздух и поплыла в спальню. Постель раскрылась, Джилл опустилась на

нее и сразу же заснула.

В семь часов она проснулась и заглянула в соседнюю комнату. Свет был погашен, шторы опущены, но Майк и Пэт не спали. Джилл услышала, как Майк произнес с нежной уверенностью:

— Ты есть Бог.

— Ты есть Бог, — откликнулась Патриция странным голосом, как в трансе.

— Джилл есть Бог.

— Да, Майк. Джилл есть Бог.

— И ты есть Бог.

— Ты есть Бог. Ну, Майк, ну!

Джилл тихонько прошла в ванную и принялась чистить зубы.

Умывшись, она сообщила Майку, что уже не спит. Он принял сообщение. Когда Джилл вернулась в гостиную, шторы были подняты и в окна светило солнце. Джилл расцеловала друзей.

— Ты есть Бог, — сказала Пэтти.

— Да, Пэтти. И ты есть Бог. Бог во всех нас.

Джилл посмотрела на Пэтти и даже в ярком утреннем свете не обнаружила на ее лице следов усталости. Она знала, что это такое. Если Майку ночью нужно было общество Джилл, он помогал ей бодрствовать всю ночь. У Джилл возникло подозрение, что ее вчерашняя сонливость была

делом рук Майка. Майк мысленно подтвердил.

— Кофе готов, дорогие мои. Есть еще банка апельсинового сока.

Счастливые, все уселись за стол. Патриция задумалась.

— Что с тобой?

— Ребята, что вы собираетесь есть дальше? У тетушки Пэтти тугой кошелек, и я подумала…

Джилл засмеялась.

— Извини, дорогая, это невежливо с моей стороны. Разве ты не знаешь, что Человек с Марса — богатый человек?

Миссис Пайвонски смутилась.

— Я слышала по стерео, но разве можно верить новостям?

— Пэтти, ты просто прелесть! Мне можешь поверить: мы братья по воде. Общее гнездо — не просто поэзия. Если тебе будут нужны деньги, говори. Любая сумма. В любое время. Пиши, звони. Лучше мне: Майк с деньгами обращаться не умеет. У меня на счету есть пара тысяч. Тебе не нужно?

— Что ты! — испугалась миссис Пайвонски. — Мне не нужны деньги.

— Будут нужны — не стесняйся. Майк тебе что хочешь подарит, даже яхту.

Миссис Пайвонски покачала головой.

— Все, что мне от вас нужно, дорогая, — это любовь.

— Это у тебя есть.

— Я не вникаю, что такое «любовь», но Джилл всегда говорит правильно, — сказал Майк. — Если у нас есть любовь, она твоя.

— А еще я хочу, чтобы вы спасли свои души. Но об этом я не беспокоюсь. Майк сказал мне, что вы в состоянии ожидания, и объяснил, почему. Ты меня понимаешь, Джилл?

— Вникаю. Я уже забыла, что такое нетерпение.

— У меня есть кое-что для вас. — Дама в татуировке открыла сумочку и достала оттуда книгу. — Дорогие мои, этот экземпляр Нового Откровения подарил мне Фостер в ту самую ночь, когда поцеловал меня. Пусть он останется у вас.

На глазах Джилл показались слезы.

— Тетушка Пэтти, Пэтти, брат! Мы не можем принять такой подарок. Мы купим новую книгу.

— Нет. Это вода, которую я предлагаю вам во имя нашего братства.

— О, спасибо! — Джилл поцеловала ее.

— Отойди, жадина: моя очередь. — Майк отодвинул Джилл.

Сперва Человек с Марса поцеловал нового брата в губы, затем в то место, что и некогда — Фостер. Потом подумал, по земным меркам совсем недолго, и поцеловал в то же место на другой стороне. При этом он замедлил время, чтобы успеть захватить капилляры врасплох. Казалось, он просто коснулся губами кожи, но Джилл почувствовала его усилие.

— Пэтти, смотри!

Миссис Пайвонски опустила глаза. На коже ярко-красным пятном отпечатались губы Майка. Патриция чуть не упала в обморок, но ее поддержала вера.

— О, Майк!

Вскоре дама в татуировке вновь стала чинной домохозяйкой в платье с высоким воротом, длинными рукавами и в перчатках.

— Я не буду плакать и прощаться. В вечности не существует «до свидания». Я буду ждать. — Она поцеловала Майка и Джилл и ушла, не оглядываясь.

Глава 28

— Богохульство какое!

— Что случилось, юниор!

— Вы только посмотрите, это невероятно! Нужно поставить этого мистера зазнайку на место! Взгляните во Всевидящее Око!

— Мальчик мой! Ты не представляешь, чему я могу поверить. — Тем не менее патрон Дигби переключил часть своего ангельского внимания на происшествие, так возмутившее бывшего Верховного Епископа.

Простые смертные — две женщины и мужчина — говорили о вечном. Ничего особенного.

— Ну и что?

— Вы слышали, что она сказала? «Архангел Михаил»!

— Ну и что?

— Господи! Как это «ну и что»?

— Очень может быть, что она права.

— Фостер, вы плохо смотрели, — от возмущения у Дигби дрожал нимб. — Она имела в виду этого инфантильного развратника, который меня сюда зашвырнул. Посмотрите внимательнее.

Фостер посмотрел внимательнее, увидел, что практикант говорит правильно, увидел кое-что еще и улыбнулся ангельской улыбкой.

— Послушай, юниор, а откуда ты знаешь, что он не Архангел Михаил?

— Что???

— Недавно Майк пропал из клуба, и его вычеркнули из списка участников турнира солипсистов. Значит, он в длительной командировке, иначе без него не обошлось бы.

— Какое непотребство!

— Ты удивишься, если узнаешь, сколько идей босса считается непотребством. То есть, наоборот, ты не должен удивляться, проработав столько лет на линии. «Непотребство» — это нулевое понятие, оно не имеет теологического смысла. Для чистых все чисто.

— Но…

— Не перебивай. Кроме того, что наш брат Михаил в данное мгновение вечности отсутствует, эта татуированная дама, произнесшая пророческие слова, не должна ошибаться. Она из очень святых смертных.

— Кто это сказал?

— Я. Я ее знаю. — Фостер вновь улыбнулся. («Патриция, малышка! Немного сдала, но по-прежнему привлекательна. Так и светится изнутри добротой»). С мирским чувством гордости Фостер заметил, что Джордж завершил свою работу. Картина вознесения на небеса очень недурна!

(«Нужно разыскать Джорджа, поблагодарить его и сказать, что видел Патрицию… А где его

искать? В файле художников? А ну его, поищу в основном: тысяча лет туда, тысяча — сюда… Ах, Патриция! Какая она была аппетитная! Побольше бы ей уверенности и поменьше покладистости, можно было бы сделать из нее Пастыря. Но Патриция понимала Бога по-своему… Что-то она сейчас делает?») Фостер хотел посмотреть, но воздержался: работы много.

— Отключи Всевидящее Око, юниор. Я хочу с тобой поговорить.

Дигби повиновался.

Фостер потеребил краешек нимба — в последнее время у него завелась дурная привычка — и сказал:

— Ты ведешь себя как-то не по-ангельски.

— Прошу прощения.

— Брось свои земные замашки. Ты слишком много внимания уделяешь молодому человеку, который может оказаться (или не оказаться) нашим братом Михаилом. Кроме того, ты не вправе судить Инструмент, с помощью которого Господь призвал тебя. И к тому же дело не в нем а в брюнетке-секретарше, от которой тебя оторвали, и которая заслужила мой поцелуй еще до того, как тебя призвали. Я не ошибся?

— Я не успел ее испытать.

— В таком случае, ты будешь рад узнать, что Верховный епископ Шорт довел начатое тобою дело до конца. Он испытал ее весьма квалифицированно во всех отношениях — я тебе говорил, что из него выйдет толк, — и теперь она наслаждается Счастьем, которое заслужила. Пастырь должен черпать наслаждение из своей работы, и повышение по службе также должно доставлять ему наслаждение. У нас открывается новый участок, которому нужен смотритель. Эта должность, правда, ниже твоего звания, зато позволяет приобрести практический опыт ангельской работы. Вверяемая тебе планета — будем считать ее планетой — населена трехполым народом. Я имею информацию от Самого, что даже Дон Жуан не смог бы почувствовать интереса ни к одному из этих трех полов. Впрочем, Жуан пожил там немного, а потом стал плакать и проситься в свой персональный ад.

— Хотите послать меня в Зазеркалье, чтобы я ничего не понимал и ни во что не мог вмешаться?

— Чур тебя! Ты и так не имеешь права никуда вмешиваться, я тебе это с самого начала сказал. Все! Лети прочь, не мешай работать!

Фостер углубился в дела. На чем он остановил-

ся? Ах да, на бедной душе, временно носящей имя Агнесс Дуглас. Трудно быть стимулом, но она с честью выполняла свое предназначение. И выполнила, а теперь достойна отдыха. Правда, сначала из нее следует изгнать беса, который должен был помогать ей в работе. Она будет метаться, кричать и извергать эктоплазму из всех отверстий… Да, Агнесс Дуглас была исключительно надежным линейным работником, бралась за любое поручение, даже не слишком благородное, и выполняла его на высоком профессиональном уровне. Фостер не удержался и еще раз украдкой покосился на миссис Пайвонски. Ах, Патриция, душечка! Какой верный соратник и лакомый кусочек!..

Глава 29

Когда за Патрицией закрылась дверь, Джилл спросила:

— Что теперь, Майк?

— Едем, Джилл. Ты читала что-нибудь по патопсихологии?

— Да, но гораздо меньше, чем ты.

— Ты знаешь, что означает любовь к змеям и татуировкам?

— Конечно. По Пэтти все видно с первого взгляда.

— А я это понял только тогда, когда мы стали братьями. Физическая близость помогает глубже понять человека, правда, лишь в тех случаях, когда она — результат близости духовной. Мне кажется, что если бы мы сблизились физически, не сблизившись душой, то… нет, я бы так не смог.

— Вот именно. За это я тебя и люблю.

— Я еще не вник, что такое «любовь». И что такое «люди». Но я не хочу, чтобы Пэт ушла.

— Догони ее и задержи.

— («Еще не кончилось ожидание, Джилл»).

— («Я чувствую»).

— Я не уверен, что мы сможем дать ей все, что необходимо. Она должна постоянно отдавать себя все новым людям. Ей мало Собраний Счастья, змей и зрителей, она готова положить себя на алтарь ради счастья всех живущих. Другие люди понимают Новое Откровение иначе, а Пэт — именно так.

— Ты прав, Майк. Я тебя люблю.

— Пора в путь, возьми деньги и выбери себе платье. Я выброшу все лишнее.

Джилл задумалась, что же надеть. Майкл брал в дорогу только те вещи, которые были на них.

Джилл это вполне устраивало.

— Вот это, голубое.

Платье взлетело, Джилл подняла руки, и оно само на нее наделось. Опять же сама собой застегнулась молния, к ногам подбежали туфли.

— Я готова.

Майк перехватил ее мысль, которую понял не до конца: уж очень она немарсианская.

— Джилл, может, нам стоит пожениться?

— Сегодня мэрия не работает.

— Значит, завтра. Мне кажется, ты этого хочешь.

— Нет, Майк.

— Почему?

— Мы уже не можем стать ближе, ведь у нас общая вода. Это верно и по-английски и по-марсиански.

— Это правда.

— И я не хочу, чтобы Доркас, Мириам, Энн и Пэтти думали, что я отбираю тебя у них.

— Они так не подумают.

— Все равно, это не нужно. Ведь мы с тобой поженились вечность тому назад в больничной палате… — Она задумалась. — Но кое-что ты еще можешь для меня сделать.

— Что, Джилл?

— Ты можешь давать мне ласковые имена, как я тебе.

— Хорошо. Какие?

— Майк, ты самый милый и самый несносный человек на двух планетах! Называй меня иногда маленьким братцем. Мне это очень приятно, даже сердце замирает.

— Хорошо, маленький братец.

— Ох, давай двигаться, пока я не затащила тебя снова в постель. Встретимся внизу: я пойду оплачивать счет.

Они сели в первый попавшийся автобус. Через неделю были дома, посидели там несколько дней, и, не прощаясь, уехали. (Майк прощался только с чужими людьми: этот земной обычай ему претил).

Вскоре они остановились в Лас-Вегасе. Майк пробовал играть, а Джилл убивала время, работая манекенщицей. Она не умела ни петь, ни танцевать. В этом Вавилоне Запада для нее была одна подходящая работа: вышагивать в неправдоподобно высокой шляпе. Если Майк работал, Джилл предпочитала не сидеть дома, а тоже чем-то заниматься.

Казино были открыты круглые сутки, поэтому Майк был занят почти все время. Он играл осто-

рожно, не выигрывая слишком много. Раскрутив каждое казино на пару тысяч, Майк считал своим долгом что-нибудь и проиграть. Вскоре он устроился крупье. Шарик бежал по кругу, а Майк всматривался в лица, стараясь вникнуть, почему люди играют. Мотив их поведения показался ему сексуальным, но нечистым.

Ресторанная публика, перед которой выступала Джилл, состояла из таких же болванов, как и цирковая. Но удивительно: несмотря на презрение к публике, Джилл с удовольствием выходила к ней и демонстрировала себя. Майк уже передал ей толику марсианской честности, и она попыталась проанализировать это чувство. Ей и раньше нравилось, когда на нее с восхищением смотрел мужчина, которого она считала достойным себя. Ее самолюбие было немного уязвлено тем, что вид ее тела ничего не значит для Майка, хотя она знала, что Майк предан ей настолько, насколько это возможно только в мечтах (если он чем-нибудь не занят). Но и тогда он был великодушен: по ее зову выходил из транса и уделял ей необходимое внимание.

Такая у него была странность, и не единственная. Он по-прежнему не умел смеяться.

Джилл решила, что ей нравится демонстри-

ровать свое тело мужчинам только потому, что Майк им не восхищался. Но чем больше об этом думала, тем честнее становилась перед собой, и, наконец, отказалась от первоначального предположения. Мужчины, перед которыми она выступала, в основном были слишком старыми, жирными и лысыми, чтобы она могла считать их привлекательными. Джилл не презирала стариков — Джабл мог смотреть на нее, говорить соленые словечки, но у нее не возникало чувства, что он хочет зажать ее в уголке. Джилл презирала «старых похотливых кобелей», как сама их называла. И вот она обнаружила, что «старые похотливые кобели» ее больше не раздражают. Наоборот, их восторженные и томные взгляды доставляли ей тайное удовольствие. Раньше она осуждала эксгибиционизм. Теперь, обнаружив у себя его признаки, решила, что либо эта форма нарциссизма не является патологией, либо у нее патология психики. Однако она не чувствовала себя ненормальной — наоборот никогда она еще не была такой нормальной. Да и кто взял бы ее в медсестры, если бы она не была и физически и психически абсолютно здорова?

Что же, если здоровой женщине нравится, когда на нее смотрят мужчины, то здоровые мужчины

должны получать удовольствие, глядя на женщин! Джилл поняла, зачем Дюку его коллекция.

Джилл завела об этом разговор с Майком, но он не мог понять, почему ее вообще волнуют чьи-то взгляды. Другое дело — прикосновения. Майк не любил, чтобы к нему прикасались чужие люди (он старался даже не здороваться за руку), и мог понять, что этого не любят другие. Прикосновения он терпел только от братьев. Джилл боялась, что это может привести к гомосексуальным связям. Она объяснила Майку, что такое гомосексуализм, (Майк читал, но не понял) и как от него уберечься. Майк был «красавчик», и к нему вполне могли пристать. По совету Джилл он придал своим чертам больше мужественности, но она не была уверена, что Майк отверг бы домогательства, скажем, Дюка, если бы тот имел слабость к мужчинам. К счастью, все мужчины-братья Майка были вполне мужчинами, а женщины — вполне женщинами. Джилл подозревала, что Майк усмотрел бы «зло» в человеке с гомосексуальными наклонностями, и не предложил бы ему (или ей) воду.

Майк не мог понять, почему Джилл нравится, когда на нее смотрят. Их мнения на этот счет совпадали в тот недолгий период, когда они ра-

ботали в цирке, и Джилл стала равнодушной к взглядам. Джилл поняла, что в цирке зародилось ее теперешнее самосознание: уже тогда она была не совсем равнодушна к мужским взглядам. Под влиянием Человека с Марса она утратила остаток ханжества, который из нее не вытравила профессия медицинской сестры. И только до конца утратив ханжество, Джилл поняла, что оно у нее было. Она, наконец, смогла признать, что так же бесстыдна, как кошка на солнцепеке, и попыталась объяснить это Майку, используя понятия нарциссизма и визионизма.

— Понимаешь, Майк, я балдею, когда на меня смотрят мужчины… хоть один, хоть много. Я вникла, зачем Дюку сексуальные картинки. Это не значит, что я хочу лечь в постель с моими зрителями, или что Дюк ляжет в постель со своими фотографиями. Но когда на меня смотрят и говорят (или думают), что я желанна, мне становится как-то тепло. — Она нахмурилась. — Надо сфотографироваться понеприличнее и отослать фотографию Дюку, чтобы он понял — я уже не считаю его увлечение постыдной слабостью.

— Хорошо, поищем фотографа.

— Нет, — покачала головой Джилл, — лучше не надо. Я просто извинюсь перед Дюком. Он ни-

когда не имел на меня видов, и я не хочу, чтобы меня неправильно поняли.

— Как? Ты не хочешь Дюка?

Джилл забыла, что Дюк ей брат по воде.

— Гм... Я об этом как-то не думала. По старой привычке боялась тебе изменить. Нет, я не отвергну Дюка, если что... и мне будет хорошо с ним. Что ты на это скажешь?

— Это правильно, — серьезно сказал марсианин.

— Мой галантный марсианин, земные женщины любят, чтобы их хоть чуточку ревновали, но я боюсь, что ты никогда не вникнешь в ревность. Милый, а что будет, если кто-то из зрителей начнет ко мне приставать?

— Боюсь, что его не досчитаются.

— С одной стороны это правильно. Но с другой, ты обещал мне не делать подобных штучек без крайней нужды. Если ты услышишь, что я кричу или почувствуешь, что я боюсь, тогда действуй. Но я строила мужчинам глазки еще тогда, когда ты был на Марсе, и могу тебя уверить, что в девяти случаях из десяти, если женщину изнасиловали, в этом большая часть ее вины. Поэтому не торопись.

— Я запомню это. А фотографию Дюку все-таки

стоит отослать.

— Зачем, милый? Если я захочу пристать к Дюку — тем более, что ты разрешаешь, — я просто обниму его за плечи и скажу: «Дюк, ты не против?». Мне бы не хотелось поступать, как те глупые женщины, которые тебе писали. Но если ты хочешь, я сфотографируюсь и отошлю карточку Дюку.

Майк нахмурился.

— Если ты хочешь отослать Дюку неприличную фотографию, отсылай. Не хочешь — не отсылай, я не могу тебя принуждать. Я просто хотел посмотреть, как делают неприличные фотографии. И что такое неприличная фотография?

Майка смущала как сама коллекция Дюка, так и перемена отношения к ней Джилл. Бледное марсианское подобие бурной человеческой сексуальности не давало ему возможности вникнуть в нарциссизм и визионизм, в скромность и бесстыдство.

— Неприличная или приличная — зависит от того, кто на эту фотографию смотрит. Если я преодолела предрассудок, мне это уже не кажется неприличным. Трудно объяснить словами, что это такое. Я лучше покажу. Закрой, пожалуйста, окна.

Шторы опустились.

— Отлично. Вот такая поза немножко неприлична, и не всякая девушка так станет. Эта — чуть более неприличная, и на нее решатся единицы. Эта — уже наверняка неприличная… эта — еще хуже… а эта — уж такая неприличная, что я не согласилась бы так позировать с открытым лицом, разве только по твоей просьбе.

— Зачем смотреть, если закрыто лицо?

— Спроси у Дюка, он объяснит.

— Я не вижу здесь ни хорошего, ни плохого, — он добавил марсианское слово, обозначающее нулевое состояние.

Поскольку Майку не все было понятно, разговор пришлось продолжить по-марсиански. Где это было возможно, Джилл и Майк пользовались марсианским языком, в котором очень тонко определены и разграничены эмоции. Вечером Майк пошел смотреть выступление Джилл. Она вышла на сцену, улыбаясь всему залу, и особо — Майку. Джилл обнаружила, что присутствие Майка в зале усиливает радостное чувство: ей казалось, что она светится в темноте.

Когда девушки образовали на сцене живую картину, Джилл оказывалась в нескольких шагах от Майка. (Уже на четвертый день директор сделал

ее примадонной, сказав: «Я не знаю в чем тут дело, малышка. У нас есть девушки и пофигуристей, но в тебе есть нечто, на что клюют посетители»).

Джилл медленно обратилась к Майку:

— («Что-нибудь чувствуешь?»)

— («Вникаю, но не во всей полноте»).

— («Посмотри туда, куда смотрю я. На того коротышку. Он дрожит, он жаждет меня»).

— («Я вникаю в его жажду»).

— («Ты его видишь?»)

Джилл уставилась посетителю в глаза, чтобы одновременно усилить его интерес и позволить Майку видеть ее глазами. Джилл уже неплохо думала по-марсиански, и они с Майком стали настолько близки, что могли одалживать друг другу глаза, как это заведено на Марсе. Майк свободно пользовался глазами Джилл, она же могла смотреть его глазами только с его помощью.

— («Мы вместе вникаем в него. Великая жажда по маленькому братцу»).

— («!!!»)

— («Да. Прекрасная агония»).

Музыка переменилась. Джилл пошла по сцене, двигаясь плавно и томно. Она чувствовала, как в ней в ответ на жажду Майка и посетителя разгорается желание. Обходя сцену, Джилл

приближалась к маленькому посетителю и не отрывала от него взгляда.

Происходило что-то необъяснимое (Майк не говорил, что такое возможно): она воспринимала чувства другого человека, дразня его глазами и телом, и передавала эти чувства Майку. Вдруг она увидела себя глазами посетителя и ощутила всю силу примитивного звериного желания, которое тот испытывал к ней.

Джилл споткнулась и чуть не упала: но Майк поддерживал и вел ее, пока она до конца не овладела собой.

За сценой девушка, шедшая сзади, спросила:

— Что случилось, Джилл?

— Зацепилась каблуком.

— Как ты удержалась, ума не приложу! Как будто кто-то тебя на веревочках вел.

— («Так оно и было!»)

— Попрошу ответственного за сцену проверить это место. Там, наверно, доска отстала.

Весь вечер Майк показывал Джилл, как она выглядит в глазах того или иного посетителя, стараясь не пугать ее. Джилл удивилась: все воспринимали ее по-разному. Один смотрел на ноги, другой был очарован покачиванием торса, третий замечал лишь величественный бюст.

Майк показал ей и других девушек. Джилл с облегчением отметила, что он воспринимает их также, как и она, только острее; и с удивлением — ее возбуждение росло, когда она видела других девушек глазами Майкла.

Майк ушел, не дождавшись конца шоу. Джилл не рассчитывала застать его дома, потому что знала: он отпросился с работы, чтобы посмотреть шоу. Но, еще не входя в свой номер, она почувствовала его. Дверь открылась перед ней и закрылась, впустив ее.

— Здравствуй, дорогой! Как хорошо, что ты дома!

Он улыбнулся.

— Я понял, что такое неприличные позы. — Одежда Джилл исчезла. — Ну-ка встань в неприличную позу!

— Пожалуйста, — Джилл проделала все сценические ухищрения.

Майк показывал ей, как она выглядит в его глазах. Она смотрела, вникала в его чувства, и в ней поднималась ответная волна. Наконец, она приняла самую неприличную позу, на которую была способна.

— Неприличные позы — это хорошо, — сказал Майк очень серьезно.

— Правда? Чего же мы ждем?

Они бросили работу и стали посещать сеансы стриптиза. Джилл поняла, что вникнуть в неприличные позы она может, если посмотрит на женщин мужскими глазами. Когда Майк смотрел на сцену, ей передавались его ощущения; если же его внимание отвлекалось, то модель превращалась в обычную женщину. Слава Богу, решила она, не хватало еще стать лесбиянкой.

Тем не менее ей было забавно смотреть на девушек его глазами и знать, что так же он смотрит на нее.

Джилл с Майком переехали в Пало-Альто, где Майк попытался проглотить библиотеку Гувера, но не справился. Он понял, что поглощает информацию быстрее, чем может ее переработать, даже если думает без перерыва все те часы, в которые библиотека закрыта.

Облегченно вздохнув, Джилл предложила поехать в Сан-Франциско.

Там Майк начал читать организованно.

Однажды Джилл вернулась домой и увидела, что Майк сидит, обложившись книгами, и ничего не делает. Книг было много: Талмуд, Кама-Сутра, разные версии Библии, Книга Мертвых, Книга Мормонов, Новое Откровение (подаренное

Патрицией), Коран и священные писания еще десятка религий.

— Какие проблемы, милый?

— Джилл, я не вникаю…

— («Подожди, Майк; понимание приходит после ожидания»).

— Боюсь, что ожидание ничего не даст. Я знаю, в чем дело: я марсианин, вставленный в тело неправильной формы.

— Дорогой, для меня ты человек, и мне очень нравится форма твоего тела.

— Джилл, ты знаешь, о чем я говорю. Я не вникаю в людей. Я не понимаю, зачем им так много религий. У моего народа…

— У твоего народа?

— Прости, Джилл. Я хотел сказать, у марсиан только одна религия. Ты ее знаешь. «Ты есть Бог».

— Да… Но по-английски эта фраза звучит странно. Я не знаю, почему.

— На Марсе, когда мы хотели что-нибудь узнать, мы спрашивали у Старших Братьев, и они всегда давали правильный ответ. Джилл, неужели у нас, у людей, нет Старших Братьев, нет души? Когда мы умираем, неужели ничего не остается? Может быть, мы потому и живем в таком невежестве,

что наша жизнь занимает лишь краткий миг? Скажи, Джилл! Ты ведь человек.

— Майк, — улыбнулась Джилл, — ты сам научил меня видеть вечность. И уже не отнимешь ее у меня. Ты не можешь умереть, ты можешь только дематериализоваться. — Она обеими руками указала на себя. — Это тело, которое ты любишь, которое я вижу твоими глазами, умрет. А я не умру. Я есть то, что я есть. Ты есть Бог, я есть Бог, мы все — Бог, и так будет вечно. Я не знаю, где я буду и буду ли помнить, что когда-то я была миссис Джиллиан Бордмэн, которая радостно меняла простыни под больными и так же радостно выступала полуголая перед толпой мужчин. Мне нравится это тело…

С непривычным нетерпением на лице Майк сбросил с нее одежду.

— Спасибо, милый. Так вот, это тело нравится нам обоим, но когда я с ним расстанусь, то не буду о нем скучать. Надеюсь, что ты съешь его, когда я дематериализуюсь.

— Конечно же, съем, если не дематериализуюсь раньше.

— Вряд ли. Ты так хорошо контролируешь свое тело, что должен прожить лет двести-триста, если сам не захочешь дематериализоваться раньше.

— Может быть, но не сейчас. Джилл, в каких церквях мы побывали?

— В Сан-Франциско обошли все. Даже у фостеритов были.

— Это исключительно для Пэт. Я бы туда не пошел, если бы не знал, что она обидится.

— Нужно было сходить. Я не могу врать тетушке Пэтти, а ты не знаешь, что нужно врать.

— Фостериты наворовали идей у всех остальных и перевернули все с ног на голову. Они такие же дилетанты, каким был я в цирке. Они никогда не исправят свои ошибки, и это — книга Пэтти поднялась в воздух — в основном мусор.

— Это правда, но Пэтти этого не понимает. Она — чистая душа. Она есть Бог и ведет себя соответственно. Правда, Пэт сама не понимает, что она такое.

— Да уж, — согласился Майк, — она понимает немногое, да и то, когда я ей это говорю с соответствующей интонацией. Джилл, в мире есть три источника знаний. Первый — наука. Но я еще птенцом знал об устройстве Вселенной больше, чем знают ваши ученые сейчас. С ними нельзя поговорить даже о такой элементарной вещи, как левитация. Я не принижаю их достоинства, а просто констатирую факты. Они ищут не то, что

я: пустыню не познаешь, пересчитывая песчинки… Второй путь — философия. Предполагается, что она объясняет все. Так ли это? Все философы приходят к тому, с чего начинают. Кроме шарлатанов, которые занимаются самообманом и доказывают свои собственные предположения своими же собственными доказательствами. Как Кант и другие любители гоняться за собственным хвостом… Значит, ответ должен быть здесь, — он указал на груду книг. — Но его и здесь нет. Попадаются правильные кусочки, но нет системы. А если и есть, то от тебя требуют большую ее часть принять на веру. «Вера!» Какое грязное слово! Почему ты не научила меня ему, когда учила другим словам, которые нельзя говорить в приличном обществе?

— Майк, а ты научился шутить, — улыбнулась Джилл.

— Я не собирался шутить. То, что я сказал, не смешно… Я не умею, и не учусь смеяться. Вместо этого ты разучиваешься смеяться. Не я становлюсь человеком — ты становишься марсианкой.

— Что ты, милый! Ты просто не замечаешь, когда я смеюсь.

— Я все время старался это заметить и хотел вникнуть. Я думал: научусь смеяться — и пойму

людей. Смогу помочь кому-нибудь вроде Пэт…

— А почему бы нам с ней не встретиться? Цирковой сезон кончился, она должна быть дома. Захватим ее и поедем на юг. Там тепло, а я всю жизнь мечтала посмотреть на Байя Калифорниа.

— О'кей!

— Позволь мне одеться. — Джилл поднялась. — Тебе нужны эти книги? Их можно отправить Джаблу.

Майк щелкнул пальцами, и все книги, кроме подарка Пэт, исчезли.

— Эту мы возьмем с собой, чтобы Пэт не обижалась. Джилл, я хочу сходить в зоопарк.

— Сходим.

— Я плюну в верблюда и спрошу его, почему он такой сердитый. Может быть, верблюды — Старшие Братья на этой планете, и отсюда все ее беды?

— Вторая шутка за сегодняшний день.

— Почему-то никто не смеется. Даже верблюд. Возможно, он знает, почему. Тебя устроит это платье? Чулки наденешь?

— Да, пожалуйста. Уже холодно.

— Поехали. — Он приподнял ее над полом. — Чулки… пояс… трусики… туфли… Теперь — вниз и подними руки. Лифчик?.. Нет, он тебе не нужен.

Платье… Вполне прилично. И очень недурно. Если из меня больше ничего не выйдет, стану камеристкой. Ванна, массаж, прическа, макияж, одевание. Я умею даже маникюр делать. Что вам угодно, мадам?

— Ты великолепная камеристка, дорогой.

— Без лишней скромности скажу, что да. Мне так нравится моя работа, что я, пожалуй, все с тебя сниму и сделаю тебе массаж. Сближающий.

— Давай!

— А я-то думал, что ты уже научилась ждать, как марсианка. Сначала ты сводишь меня в зоопарк и купишь мне арахиса.

— Хорошо, Майк.

На улице было холодно, но Майк умел, а Джилл почти научилась не мерзнуть. Тем не менее ей было приятно отдохнуть в теплом обезьяньем доме. Сами обезьяны ей не понравились — уж очень они были похожи на людей. У Джилл не осталось ханжества, она научилась находить прекрасное в самых прозаических вещах. Ее не смущало, что обезьяны спариваются и испражняются у всех на глазах. Они не виноваты: их выставили на всеобщее обозрение. Дело в другом: каждое движение, каждая ужимка, каждый испуганный и озабоченный взгляд напоминали ей о том, чего

она не любила в своем племени.

В львятнике было гораздо лучше. Воинственные львы, вальяжные львицы, царственные бенгальские тигры, молниеносные леопарды, мускусный запах, с которым не справлялся кондиционер. Майк разделял симпатии и антипатии Джилл; они, бывало, часами простаивали в львятнике или серпентарии, а иногда наблюдали за тюленями. Однажды Майк сказал, что на этой планете лучше всего быть морским львом.

Впервые увидев зоопарк, Майк расстроился. Джилл велела ему ждать, пока придет понимание, и запретила уничтожать клетки. Вскоре он согласился, что на том месте, где он собирался освободить зверей, животные не смогут жить. Зоопарк был своего рода гнездом. Майк пришел к этому после долгих раздумий и больше не грозился снять стены и решетки. Он объяснил Джилл, что решетки служат скорее для того, чтобы защищать животных от людей, а не наоборот. С тех пор Майк не пропускал ни одного зоопарка.

В тот день даже мизантропы-верблюды не развлекли Майка. Не помогли и обезьяны. Майк и Джилл стояли у клетки с капуцинами. Те ели, спали, нянчили детей, флиртовали, бесцельно метались туда-сюда. Джилл бросила им орехов.

Ближе всех был молодой самец, но ему не досталось ни одного орешка: все забрал себе большой самец, да еще и побил маленького. Тот не стал преследовать обидчика, а в бессильной ярости застучал кулаками по полу. Майк молча наблюдал.

Тут обиженная обезьяна метнулась в другой угол клетки, схватила меньшую обезьяну и задала ей трепку похлеще, чем получила сама. Скуля, третий капуцин отполз в сторону. Остальные не обращали внимания.

Майк запрокинул голову и засмеялся. Он смеялся и никак не мог остановиться. Ему не хватало воздуха, он стал оседать на пол и все смеялся.

— Майк, перестань!

Майк хохотал. Подбежал служитель.

— Нужна помощь?

— Вызовите, пожалуйста, такси. Наземное, воздушное — любое. Нужно его скорее увезти. Ему плохо.

— Может, скорую? У него, кажется, припадок.

— Что угодно.

Через несколько минут они сели в пилотируемое воздушное такси.

Джилл дала водителю адрес и занялась Майком.

— Майк, успокойся! Ты слышишь меня?

Майк перестал хохотать, но продолжал хихикать: из глаз у него текли слезы, и Джилл всю дорогу их вытирала.

Дома она заставила его лечь в постель.

— Если хочешь, можешь отключиться, милый.

— Не хочу, мне хорошо.

— Как ты меня напугал!

— Прости, маленький братец. Я тоже испугался, когда в первый раз услышал смех.

— Что произошло, Майк?

— Джилл, я вник в людей…

— ("???»)

— («Я говорю правильно, маленький братец. Я вник»). Я понял, что такое люди, Джилл, маленький братец, моя дорогая… мой ласковый распутный чертенок с шустрыми ножками и резвой попкой, с нежным голоском и мягкими ладошками, моя малышка.

— Что ты такое говоришь, Майк?

— Я знал слова, но не знал, когда их говорить. Я люблю тебя, дорогая, и знаю теперь, что это такое.

— Ты и раньше это знал. Я тоже тебя люблю, обезьяна этакая.

— Точно: обезьяна. Иди ко мне, положи мне голову на плечо и расскажи мне анекдот.

— Анекдот?

— Ну да! Такой, которого я не знаю. И посмотришь, рассмеюсь ли я в нужном месте. Вот увидишь — засмеюсь. И объясню почему: Джилл, я вник, что такое люди.

— Как это у тебя получилось, милый? Расскажи. Здесь нужен марсианский язык или обмен мыслями?

— Ничего не нужно. Я вник в людей. Я сам человек и все могу объяснить по-человечески. Я понял, почему люди смеются. Они смеются, когда больно, и чтобы было не так больно.

— Если так, то я не человек, — Джилл удивилась. — Я тебя не понимаю.

— Правильно, для тебя это само собой разумеется; ты никогда об этом не задумывалась. Ты выросла среди людей. А я рос, как комнатная собачка, которая не может стать такой, как ее хозяйка, но уже перестала быть собакой. Мне нужно было учиться быть человеком. Меня учил брат Махмуд, брат Джабл, многие другие… ты — больше всех. Сегодня я сдал экзамен — засмеялся. Эти капуцины…

— Что ты нашел в них смешного? Злые твари.

— Джилл, дорогая, не будь такой марсианкой. Да, конечно, происшествие в клетке было не

смешным, а трагичным. Именно поэтому нужно было смеяться. Я посмотрел на толпу обезьян, на их подлые, жестокие и нелогичные поступки, и вспомнил, что мои марсианские учителя говорили: так живут люди. И тут мне стало так больно, что я засмеялся.

— Майк, дорогой, смеяться нужно тогда, когда хорошо, а не больно!

— Разве? Вспомни Лас-Вегас: смеялся кто-нибудь, когда ты выходила на сцену?

— Н-нет…

— А ведь людям приятно было смотреть на тебя и других девушек. Если бы они смеялись, вам было бы больно. Но они смеялись, когда клоун спотыкался и падал, или когда случалось еще что-то нехорошее.

— Не все над этим смеются.

— Не все? Наверно, я еще не полностью вник… Ладно, расскажи мне что-нибудь смешное: анекдот, случай из жизни, над которым ты хохотала, а не просто улыбалась. Мы поищем в нем грустное и посмотрим, над чем ты больше смеешься: над веселым или над грустным. Мне кажется, когда обезьяны научатся смеяться, они станут людьми.

— Возможно. — Джилл стала добросовестно копаться в памяти, отыскивая анекдоты, над

которыми когда-то смеялась.

Нет, анекдоты — это враки. Джилл принялась вспоминать смешные случаи из жизни и обнаружила, что Майк прав: они не смешные, а грустные. А уж как шутят врачи… — их надо в клетки посадить за такие шутки… У Эльзы Мэй когда-то пропали трусики… Эльзе тогда было совсем не смешно.

Джилл угрюмо проговорила:

— Ты прав. Человек смеется, когда его ближний спотыкается и расквашивает нос. Чувство юмора не украшает человеческое племя.

— Напротив!

— ?!

— Я думаю, то есть, мне говорили, что смешное — это хорошее. Это не так. Человеку, с которым случается «смешное», не смешно. Голый шериф не смеялся. Хорошее — это сам смех. Я вникаю, что смех — это мужество, это помощь в борьбе с болью, стыдом и неудачами.

— Но, Майк, смеяться над теми, кому больно, нехорошо!

— Конечно. Я тоже смеялся не над маленькой побитой обезьянкой, а над нами — людьми. И когда я понял, что смеюсь, что я сам человек, то уже не мог остановиться. — Он помолчал. — Это

трудно объяснить: ты не жила на Марсе. Там не над чем смеяться. На Марсе запрещено или вообще невозможно то, над чем смеются люди. На Марсе нет того, что ты называешь свободой, там все распланировано Старшими Братьями. На Марсе есть вещи, над которыми люди смеялись бы, но марсиане над ними не смеются. Это, например, смерть.

— Смерть — это не смешно.

— Почему же о ней так много анекдотов? Для нас, людей, смерть так страшна, что мы должны над ней смеяться. Религии противоречат друг другу по всем вопросам, кроме одного: они пытаются помочь человеку не бояться смерти и не смеяться над нею.

Майк замолчал, и Джилл почувствовала, что он на грани транса.

— Джилл, может быть, я неправильно к ним подходил? Может быть, все религии правы?

— Это невозможно. Если права какая-то одна, все остальные неправы.

— А покажи мне кратчайший путь вокруг Вселенной! Куда бы ты не показала — всегда покажешь кратчайший путь, и всегда покажешь на себя.

— Майк, ты мне ничего не докажешь. Ты уже

дал мне ответ на все вопросы. Ты есть Бог.

— И ты есть Бог, моя дорогая. Все религии с этим согласны, значит, все они правы.

— Если они все правы, то почему бы не воздать почести, например, Шиве? Прямо сейчас?

— Язычница! Тебя выгонят из Сан-Франциско.

— А мы и так едем в Лос-Анжелес, там на это не обращают внимание. Ты есть Шива!

— Танцуй, Кали[7], танцуй!

Ночью Джилл проснулась и увидела, что Майк стоит у окна и смотрит на город.

— («Что случилось, Брат?»)

Он обернулся.

— Им нет нужды быть такими несчастными!

— Поедем домой, милый. Тебе вредно жить в большом городе.

— Я и дома буду их чувствовать. Боль, голод и вражда — зачем им такая жизнь? Это ведь глупо, как драка обезьян в клетке.

— Милый, но ты в этом не виноват.

— Виноват!

— Майк! Так живут пять миллиардов людей. Ты не сможешь всем помочь!

---

[7] Примечания: 7

Кали — в брахманизме и индуизме — одна из ипостасей Деви — жены бога Шивы, — разрушительницы супруга.

— Не знаю. Надо подумать.

Он отошел от окна и сел рядом с ней.

— Я понял их и могу с ними говорить на их языке. Мы сделаем номер, над которым болваны будут смеяться, не переставая. Я уверен.

— И правда, давай сделаем; Пэтти будет рада. И я. Мне очень нравилось в цирке, а теперь, когда Пэтти наш брат, мы будем там, как дома.

Майк не отвечал. Джилл настроилась на него и почувствовала, что он что-то обдумывает. Она ждала.

— Джилл, что нужно сделать для обращения в веру?

Часть IV
ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА
Глава 30

На Марс прибыла первая смешанная группа колонистов. Оставшиеся в живых шестеро из двадцати трех первопроходцев отправились домой. Вновь прибывшие проходили специальную подготовку на высокогорной базе в Перу. Президент Аргентины, захватив два чемодана, бежал в Монтевидео. Новый президент обратился в Верховный Суд с просьбой вернуть если не предшественника, то хотя бы унесенные им чемоданы. Состоялись похороны Агнесс Дуглас. Средства массовой информации отмечали твердость, с которой Генеральный Секретарь перенес постигшую его утрату. Лошадь по кличке Инфляция выиграла дерби в Кентукки при ставке пятьдесят четыре к одному. Двое постояльцев «Колони Эротель» дематериализовались: один добровольно, другой — вследствие сердечного приступа.

В Соединенных Штатах вышло подпольное издание книги «Дьявол и Преподобный Фостер». Все обнаруженные властями экземпляры были

сожжены, а набор уничтожен. Ходили слухи (ложные), что один экземпляр первого издания имеется в Британском музее, а второй (что соответствовало действительности) — в Ватикане, но выдается лишь ученым-богословам.

В Теннеси выдвинули законопроект, в котором предлагалось число «пи» считать равным трем. Автором законопроекта являлся Комитет народного образования. Нижняя палата Сената приняла его без возражений, Верхняя — замяла. В Арканзасе межцерковная фундаменталистская группа открыла офис и стала собирать пожертвования для отправки миссионеров на Марс. Доктор Джабл Харшоу сделал пожертвование, но отправил его на имя и адрес редактора журнала «Новый Гуманист», который был его хорошим знакомым и закоренелым атеистом.

Больше Джаблу развлечься было нечем: разговоров о Майке было много, а сам он дома не появлялся. Джабл радовался, когда Джилл и Майк приезжали, живо интересовался делами Майка, но такая возможность выпадала ему редко.

Джабл не огорчился, когда разъяренные богословы изгнали Майка из Теологической Семинарии: одни — потому что верили в Бога, другие — потому что не верили. В следующий раз будет

знать, что с теологами лучше не связываться, особенно если ты — марсианин.

Не волновался Харшоу и тогда, когда Майк под вымышленным именем нанялся на службу в Вооруженные Силы Федерации. Он знал, что ни один сержант не успеет Майку сильно надоесть, а о судьбе Вооруженных Сил Федерации и вовсе не беспокоился. Джабл был консерватором, и когда Вооруженные силы Соединенных Штатов прекратили свое существование, сжег свой мундир.

Майк прослужил целых три недели и — удивительно — не наделал большого шума. Он всего лишь стал проповедовать отказ от силы. В самом деле, зачем оружие, если избыток населения можно ликвидировать с помощью каннибализма? Он предложил себя в качестве мишени для любого оружия и пообещал доказать, что оружие бессильно против личности, организованной должным образом.

Силу личности Майка никто испытывать на стал. Его просто выгнали.

Дуглас позволил Харшоу познакомиться со сверхсекретными документами, фиксирующими обстоятельства прохождения рядовым Джонсом (Человек с Марса) воинской службы. Документы содержали весьма противоречивые отчеты о по-

ведении рядового Джонса на стрельбище. Джабл удивился — некоторые свидетели имели мужество заявить, что оружие на их глазах исчезало.

Заключение гласило:

> «Рядовой Джонс является прирожденным гипнотизером и может быть полезным разведке. Использование в ином роде войск не рекомендуется. Однако низкий коэффициент умственного развития и склонность к паранойе делают невозможным привлечение Джонса к дальнейшей воинской службе».

А Майк сумел получить удовольствие и здесь. Во время парада, состоявшегося в день окончания службы, командующий со свитой оказались по колено в продукте человеческой жизнедеятельности, пресловутом у солдат, но не частом на парадах. Через несколько секунд остался лишь запах и неприятные воспоминания о массовой галлюцинации. Джабл подумал, что у Майка, пожалуй, грубоватый юмор, но потом вспомнил молодость, медицинский факультет и признал, что сам он не лучше.

Бесславная карьера Майка даже доставила Джаблу радость: Джилл три недели сидела до-

ма. Майк и вовсе не смутился: вернувшись из армии, он хвастал, что добросовестно выполнял наказ Джилл, и не отправил в перпендикулярное пространство ни одного человека, а только пару мертвых вещей. А у него ведь была возможность сделать Землю более уютной для жизни; и он бы сделал это, если бы не странное желание Джилл. Харшоу не спорил: у него самого был длинный список людей, без которых ему на Земле стало бы уютнее.

Джаблу казались странными религиозные увлечения Майка. «Преподобный доктор В. М. Смит, бакалавр искусств, доктор философии, основатель и пастор Вселенской Церкви!» Чушь собачья! Настоящий джентльмен должен уважать чужую личность и не имеет права лезть человеку в душу.

Хуже всего было, когда Майк заявил, что идею Вселенской Церкви подсказал ему Джабл. Харшоу допускал, что мог сказать нечто подобное, но не помнил, когда и что именно он говорил.

От печальных размышлений его оторвала Мириам.

— Босс! Гости пришли.

Джабл увидел заходящую на посадку машину.

— Ларри, неси ружье! Я поклялся застрелить

всякого, кто посмеет приземлиться на мои розы.

— Он садится на вашу траву.

— Ладно, в следующий раз сядет на розы, тогда и застрелим.

— Это, кажется, Бен Кэкстон.

— Не кажется, а точно. Что будешь пить, Бен?

— Ничего, я приехал поговорить.

— Мы уже говорим. Доркас, принеси Бену стакан молока, он сегодня нездоров.

— Нальешь молоко из бутылки с тремя звездочками, — уточнил Бен. — Джабл, у меня к тебе деликатный разговор.

— Ну что ж, если ты считаешь, что нам поможет уединение в моем кабинете, милости прошу.

Бен поприветствовал всех домочадцев и вместе с Харшоу отправился наверх.

— Каков расклад? Я проиграл?

— Ты еще не видел новых комнат. Мы построили две спальни, одну ванную и галерею.

— О, да тут статуй хватит на целое кладбище!

— Бен, я уже объяснял, что «статуи» — это памятники усопшим вождям, а у меня — «скульптуры». Будь добр, говори о них уважительно, не то я рассержусь. Здесь собраны копии лучших скульптур, созданных в этом подлом мире.

— Эту гадость я уже видел, а когда ты успел

собрать остальной хлам?

Джабл обратился к прекрасной Ольмиер.

— Не слушай его, моя дорогая! Он варвар, ничего не смыслящий в красоте. — Харшоу погладил ее по морщинистой щеке и нежно коснулся ее усохшей груди. — Нам с тобой недолго осталось, потерпи. А ты, Бен, будешь наказан. Ты оскорбил женщину, я этого не потерплю.

— Да брось ты! Сам оскорбляешь женщин по десять раз на дню.

— Энн! Надевай плащ — и ко мне! — закричал Джабл.

— Я бы не стал оскорблять живую женщину, которая позировала скульптору. Я только не могу понять, зачем он заставил чью-то бабушку нагишом позировать, и зачем тебе на нее смотреть.

Явилась Энн, в белом плаще.

— Энн, — обратился к ней Харшоу, — скажи, я тебя когда-нибудь оскорбил? Оскорблял ли я других женщин?

— Я не имею права высказывать свое мнение.

— Энн, не в суде же мы в конце-концов.

— Нет, Джабл, вы никого из нас не оскорбляли.

— И еще одно мнение, пожалуйста. Что ты думаешь об этой скульптуре?

Энн посмотрела на шедевр Родена и медленно

произнесла:

— Когда я увидела ее впервые, она показалась мне отвратительной. Позже я пришла к выводу, что это чуть ли не самая красивая вещь, которую мне приходилось видеть.

— Спасибо, ты свободна. — Энн ушла. — Ну что, будешь еще спорить?

— Спорить не буду — кто же спорит с Беспристрастным Свидетелем! — но согласиться с тобой не могу.

— Слушай меня внимательно. Красивую девушку заметит каждый. Художник посмотрит на красивую девушку и увидит, какой она станет в старости. Хороший художник посмотрит на старуху и увидит, какой она была красивой в молодости. Великий художник сделает портрет старухи и заставит зрителя увидеть, какой красивой она была в молодости. Более того, она заставит зрителя поверить, что эта прекрасная девушка еще жива, но только заточена, как в темнице, в теле старухи. Он заставит зрителя понять, что женщина — какой бы старой и безобразной они ни была — в глубине души считает себя восемнадцатилетней красавицей и хочет, чтобы все так думали. Это для нас с тобой старость — не трагедия. Посмотри на нее, Бен!

Бен посмотрел. Через минуту Харшоу сказал:

— Ладно, можешь высморкаться. Приступаем к делу.

— Погоди. Расскажи мне о другой. Это девушка, я вижу. Но зачем ее свернули, как крендель?

Харшоу обернулся к «Упавшей кариатиде».

— Если бы на тебя упала такая глыба, из тебя бы вышла котлета. Неужели ты не понимаешь, что дело не в кренделе, а в том, что он символизирует? Ты когда-нибудь видел распятие?

— Я не хожу в церковь.

— Все равно ты должен знать, что в большинстве церквей распятия весьма ремесленные. Кровь похожа на кетчуп, а сам Христос — на голубого. А он был нормальным мужчиной, с сильными мускулами и добрым сердцем. Но люди смотрят на эту пошлость, как на высокохудожественное произведение. Они не замечают недостатков, они видят символ, который будит в них сильнейшие чувства; они вспоминают, какую жертву Он принес ради них.

— Джабл, я и не подозревал, что ты такой ревностный христианин.

— Для того, чтобы разбираться в человеческой психологии, не обязательно быть христианином! Я просто знаю, что даже самое топорное гипсовое

распятие вызывает в душе человека бурю чувств. И этому человеку нет дела до художественных достоинств скульптуры, потому что перед ним — символ. А перед нами — тоже символ, да еще и высокохудожественный. В течение трех тысячелетий архитекторы строили дома, делая колонны в виде женских фигур. Роден первый понял, что поддерживать дом — не женское дело. Но он не вышел на площадь и не закричал: «Эй! Дурачье! Балконы должны держать мужики!» Он показал это. Бедняжка кариатида упала под тяжестью своей ноши. Посмотри ей в лицо — какая славная девочка! Она огорчена неудачей, и, ни на кого не сетуя, старается встать, чтобы дальше выполнять свою работу.

Это не просто произведение искусства, развенчивающее плохие произведения искусства. Это символ женщины, взвалившей на свои плечи непосильный груз. Да и не только женщины, а любого человека, который без слез и жалоб борется с судьбой. Это символ всепобеждающего мужества…

— Побеждающего?

— Нет ничего выше, чем победа в поражении. Посмотри, Бен, она не сдается, она пытается поднять камень, который ее раздавил. Она — отец

семейства, которого пожирает рак, а он все работает, чтобы принести в дом хотя бы еще одну зарплату. Она — двенадцатилетняя девочка, заменившая мать своим братишкам и сестренкам. Она — пожарный, гибнущий в огне. Она — любой безымянный герой, погибший, но не сдавшийся. Ты должен обнажить перед ней голову. — Бен так и сделал. — Пойдем, посмотришь еще «Русалочку». Вот она, я ее сам купил и Майку не показывал.

— Здесь все понятно. Это вещь красивая.

— Не только. Бабочки и котята тоже красивы. В ней есть кое-что еще. Она не совсем русалка, но и не человек. Она сидит на берегу, где решила остаться, и смотрит на море, с которым рассталась, но по которому всегда будет тосковать. Ты знаешь эту сказку?

— Ганс Христиан Андерсен.

— Точно. Так вот, «Русалочка» — это символ человека, сделавшего выбор. Она не раскаивается, она лишь сознает, что ей придется платить: за каждый выбор приходится платить. Она заплатит не только бесконечной тоской по дому. Она никогда не станет человеком. Каждый шаг по земле так дорого купленными ногами будет для нее, как шаг по осколкам стекла. Не говори

Майку, но мне кажется, что он тоже ходит по битому стеклу.

— Не скажу. Я лучше посмотрю на «Русалочку» и подумаю о чем-нибудь более приятном, чем битое стекло.

— Хорошенькая девочка, правда? Неплохо бы затащить такую в постель. Небось, верткая, как угорь.

— Старый развратник!

— Увы, и с каждым годом становлюсь все старше… Ну ладно, на сегодня хватит. Я не позволяю себе больше одной красавицы в день.

— Согласен. Но почему таких вещей нет там, где их могли бы видеть люди?

— Потому что мир сошел с ума, а искусство должно отражать дух времени. Роден умер в самом начале всеобщего помешательства. Последователи маэстро заметили его оригинальную манеру обращения со светом, тенью, объемом и композицией и кое-что взяли на вооружение. Но при этом они упустили главное: каждая работа мастера — это притча. Сейчас не признают произведений искусства, в которых содержатся притчи. Все ударились в абстракции, а старых мастеров обзывают буквалистами.

Джабл пожал плечами.

— Абстрактный рисунок хорош на обоях или линолеуме. А искусство должно пробуждать в душе ужас и сострадание. Современное искусство — это псевдоинтеллектуальная мастурбация. Настоящее искусство — это общение, в результате которого художник передает зрителю свое настроение. Тот, кто считает это ниже своего достоинства или не может этого сделать, теряет зрителей. Человек не купит произведение искусства, которое не затрагивает душу. Такое искусство оплачивается принудительно — из налогов.

— А я-то удивлялся, почему ни черта не смыслю в современном искусстве? Думал, может, у меня чего-то не хватает.

— Человек должен учиться понимать искусство. А художник должен делать свое искусство понятным людям. Современные художники от слова «худо» не хотят говорить с нами на понятном языке. Они с бóльшим удовольствием посмеются над нами, простофилями, которые не понимают, что они имеют в виду. Двусмысленность — отличная маска для некомпетентности. Бен, ты мог бы назвать меня художником?

— Н-не знаю. Ты неплохо пишешь, захватывающе.

— Спасибо. Я избегаю называться художником по той же причине, по которой стараюсь не называться доктором. Но я действительно художник. То, что я пишу, можно раз прочесть и забыть. Человек, который знает, что я могу сказать, должен мою писанину и вовсе не читать. Но я честный художник. Я стараюсь пробиться к сердцу читателя и поселить в нем ужас и сострадание… по крайней мере, развлечь, когда ему скучно. Но я никогда не прячусь от людей за вычурными словесами, не стремлюсь похвастаться перед другими писателями «техникой письма». Мне нужна другая оценка — деньги, которые люди отдают за мои книги; платят, потому что им приятно меня читать. Фонд помощи деятелям искусства?! Маразм! Деятели искусства, живущие на подачки таких фондов — неумелые проститутки!.. Ты наступил на мою любимую мозоль. Налей себе еще и выкладывай зачем пришел.

— Джабл, у меня неприятности.

— Это не новость.

— У меня полно новых неприятностей. Даже не знаю, стоит ли об этом говорить.

— Ну, тогда поговори о моих.

— Как! У тебя тоже неприятности? Я считал тебя человеком, у которого всегда все в порядке.

— Как-нибудь я тебе расскажу о своей супружеской жизни… Да и сейчас не все хорошо. Дюк ушел, ты слышал?

— Да, знаю.

— Ларри хороший садовник, но техника у него в руках ломается. Хороший механик сейчас редкость. А таких, как мне нужно, и вообще нет. Вызываю разных, когда что-нибудь не в порядке, так они отвертку в руках удержать не могут и по глазам видно, что воры.

— Я тебе сочувствую, Джабл.

— Садовники и механики — это роскошь, а секретарши — необходимость. Из моих секретарей две беременны, а одна выходит замуж.

У Бена отвисла челюсть.

— Сейчас они дуются, что я утащил тебя в дом и не дал им возможность похвастаться. Поэтому, если они начнут хвастаться, сделай вид, что удивился.

— Кто выходит замуж?

— Ты не понял? Тогда я скажу, кто женится: сладкоголосый сын пустыни, наш брат, Вонючка Махмуд. Я сказал ему, что если он не собирается уезжать из Штатов, пусть живет у меня. Он заржал и заметил, что уже давно имеет на это право. Жили бы они здесь, невеста продолжала

бы работать.

— Да, она не умеет сидеть без дела. А две другие беременны?

— Уж дальше некуда! Говорят, что будут рожать дома. Любопытно, в каком режиме придется работать, когда они родят? Кстати, почему ты решил, что невеста не беременна?

— Мне казалось, что Вонючка придерживается на этот счет традиционного мнения…

— От Вонючки ничего не зависит. За свою долгую жизнь я не раз убеждался, что все решает женщина, а мужчине остается лишь мириться с неизбежным.

— Ну, хорошо, кто остается без мужа и без живота? Мириам? Энн?

— Погоди, я же не сказал, что невеста беременна и ее зовут Доркас. Арабский язык у нас изучает Мириам.

— Как?! Ну и осел же я!

— Очевидно.

— Но Мириам всегда нападала на Вонючку.

— И после этого тебе доверили целую колонку? Ты видел, как ведут себя школьники?

— Да, а Доркас к нему ластилась, как кошка, разве что о ноги не терлась.

— Это ее обычная манера поведения. Так вот,

когда Мириам покажет тебе кольцо — кстати, камень редчайшей красоты и величины, — сделай круглые глаза. Я не собираюсь вычислять, кто из них ждет ребенка. Главное не это, а то, что они не считают себя обманутыми и несчастными. Не вздумай им сочувствовать, наоборот, поздравляй изо всех сил. — Харшоу вздохнул. — Я уже слишком стар, чтобы наслаждаться топотом детских ножек, но и не хочу лишаться квалифицированных секретарей. М-м-да, с тех пор, как Джилл сделала Майка мужчиной, все пошло кувырком. Но я ее не осуждаю и надеюсь, что ты тоже.

— Безусловно, но почему ты думаешь, что это она?

— А кто? — удивился Джабл.

— Не знаю, но Джилл сказала, что это не она. Майка соблазнила та, которая первая попалась ему на глаза, когда он решил соблазниться.

— Возможно.

— Так сказала Джилл. Зная ее логику, из этого можно сделать какие-то выводы.

— Я и своей-то толком не знаю. А что до логики Джилл, то она не должна проповедовать даже в самом влюбленном состоянии, поэтому я о ней не имею ни малейшего представления.

— Оставим логику и обратимся к фактам. Что

можно выяснить по календарю?

— Что?

— Не кажется ли тебе, что это сделал Майк в один из наездов?

— Я тебе не давал повода так думать.

— Еще как давал! Ты сказал, девчонки довольны. А я знаю, как женщины относятся к этому чертову супермену!

— Как можно, Бен! Он наш брат.

— Знаю, знаю, — Бен заговорил спокойнее, — и тоже люблю его. Тем лучше понимаю, почему они довольны.

Джабл разглядывал стакан.

— Бен, мне кажется, ты виноват тут не меньше, чем Майк, а может и больше.

— Ты с ума сошел!

— Тем не менее мне трудно поверить, что человек с нормальным зрением и слухом может не совать нос в чужие дела. Я, конечно, старый и глухой, но если по моей гостиной пройдется военный оркестр, я услышу. Ты ночевал в этом доме десятки раз. Ты хоть раз спал один?

— Негодяй! В ночь своего приезда я спал один.

— За ту ночь ты не можешь ручаться, я накормил тебя снотворным. Что еще скажешь в свое оправдание?

— Не собираюсь ничего говорить.

— То-то и оно. Кстати, новые спальни я велел сделать как можно дальше от моей. Звукоизоляция всегда что-нибудь да пропускает.

— Джабл, а твоей вины тут нет?

— Что-о?!

— О Дюке и Ларри я уже не говорю. Ходят сплетни, что ты держишь гарем, лучший со времен турецких султанов. Люди думают, что ты старый развратник, и завидуют тебе.

Джабл побарабанил пальцами по ручке кресла.

— Бен, не в моих правилах кичиться возрастом, но в данном случае я требую почтения к детям.

— Прошу прощения, — сухо сказал Бен, — я думал, мы равноправны и твоя личная жизнь может обсуждаться так же свободно, как моя.

— Бен, ты не понял! Я требую почтения к женщинам.

— А-а-а…

— Ты верно подметил, что я немолод. Более того, я стар. Но я до сих пор развратник, и мне это приятно. Однако я не позволю похоти возобладать надо мной и предпочитаю свое достоинство удовольствиям, которыми уже успел пресытиться. Кроме того, человек моего возраста, лысый

и жирный, может уложить женщину в постель только за деньги или завещание. Ты можешь себе представить, чтобы мои девочки легли с кем-нибудь в постель за деньги?

— Нет.

— Спасибо, сэр. Я общаюсь исключительно с порядочными женщинами и рад, что вы это понимаете. Правда, иногда случается так, что молодая хорошенькая женщина ложится со стариком потому, что она его уважает, жалеет и хочет сделать ему приятное. Как ты думаешь, мои девочки на такое способны?

— Думаю, да.

— Я тоже так думаю. Но сам на это не способен. У меня есть гордость. Поэтому, сэр, вычеркните меня из списка подозреваемых.

Кэкстон усмехнулся.

— А ты мужчина с характером. Я в твоем возрасте вряд ли буду таким стойким.

— Лучше сопротивляться соблазну, — улыбнулся Харшоу, — чем поддаться ему, а потом разочаровываться. Теперь о Дюке и Ларри: я не знаю, кто из них виноват, если виноват вообще, а доискиваться не хочу. Когда в мой дом приходит новый человек, я ему объясняю, что у меня не тюрьма и не дом терпимости, а семья. И, как во

всякой нормальной семье, в моей сочетаются тирания и анархия при полном отсутствии демократии. То есть если я ничего не поручаю, каждый делает, что хочет; если же я отдаю приказ, он не обсуждается. На личную жизнь моя власть не распространяется. Ребята всегда держали свою личную жизнь про себя… по крайней мере, до тех пор, пока не расширилось марсианское влияние. Я не видел, чтобы Ларри и Дюк таскали девушек в кусты. И визга не слышал.

— И ты решил, что это Майк.

Джабл нахмурился.

— Да… Девчонки счастливы, и я за них не волнуюсь. Майк меня беспокоит больше.

— Мне тоже за него неспокойно.

— И с Джилл что-то еще будет?

— С Джилл ничего страшного не случится. А вот Майк…

— Черт, дались ему эти проповеди! Чем дома плохо?

— Джабл, он не только проповедует. Я как раз оттуда.

— Что же ты сразу не сказал?!

— Сначала мы говорили об искусстве, — вздохнул Бен, — потом занялись сплетнями.

— Предоставляю тебе слово.

— Я заехал к ним в гости по дороге из Кейптауна. Мне очень не понравилось, то, что я увидел. Джабл, ты не можешь переговорить с Дугласом, чтобы он прекратил это дело?

— Майк вправе решать сам, как ему жить, — покачал головой Харшоу.

— Если бы ты видел это своими глазами, ты бы так не говорил.

— Я ничего не могу сделать, и Дуглас тоже.

— Джабл, Майк согласится с любым твоим распоряжением насчет его денег. Он ничего в этом не понимает!

— Очень даже понимает. Он недавно написал завещание и прислал его мне для замечаний. Это хитрейший документ. Майк знает, что у него больше денег, чем могут потратить его наследники. Поэтому одну часть наследства он использовал на то, чтобы оградить от посягательств другую. Он сделал так, что до денег не доберутся ни родственники его матери, ни родственники законного и фактического отцов — он, оказывается, узнал, что он незаконнорожденный, — ни родственники астронавтов с «Посланца». Чтобы отсудить себе наследство, им придется чуть ли не свергать правительство. Я не нашел, к чему придраться. Поэтому, поверь, его деньгами

не так просто завладеть.

— Жаль.

— Это не помогло бы. Вот уже год, как Майк не снимает со своего счета ни цента. Дуглас звонил мне и сказал, что Майк не отвечает на его письма.

— Вот как! Но он много тратит.

— Значит, хорошо получает от своих теологов.

— От них много не получишь!..

— Тогда откуда?

— В основном от курсов марсианского языка.

— Что ты сказал?

— Он открыл курсы марсианского языка.

— Зачем же называть это церковью?

— Почему нет? По определению это подходит.

— Ну, знаешь! И каток можно назвать церковью, если какая-нибудь секта объявит катание на коньках священным ритуалом. Если в честь Бога можно петь, почему нельзя в его же честь кататься на коньках? В Малайе есть храмы, в которых живут змеи. Наш Верховный Суд решил считать их церквями.

— Кстати, Майк дрессирует змей. Так что все в порядке.

— Он не делает ничего такого, за что его можно посадить?

— Кажется, нет.

— У фостеритов он научился выходить сухим из воды.

— Майк уже во многом опередил фостеритов. Это меня и тревожит.

— Ну-ка, ну-ка…

— Я говорил тебе, что Майк разводит змей. Это можно понимать и буквально, и фигурально. У Майка в храме очень нездоровая атмосфера. Храм — это огромное здание, в котором есть большой зал для публичных собраний, комнаты поменьше для собраний частного характера и жилые помещения. Джилл объяснила мне, куда ехать, поэтому я с черного хода прошел прямо в жилые помещения. Они приспособлены для жизни так же, как перекресток в большом городе.

— Согласен: шумные соседи — это нехорошо, даже если ты живешь вполне законно.

— Мне показалось, что в дверях был установлен аппарат для обыска, как на таможне. Я прошел три двери и вошел в лифт. Лифт управляется не служащим, и даже не пассажиром, а кем-то невидимым.

— Я современными лифтами вообще не езжу.

— Этот был очень удобный. Тебе бы понравилось.

— Терпеть не могу техники… А у Майка мать была гениальным инженером, а отец (настоящий) — просто хорошим инженером. Вполне возможно, что Майк усовершенствовал конструкцию современного лифта, так что этой машиной можно пользоваться без ущерба здоровью.

— Может быть. Так вот, я доехал до верха и приземлился без происшествий. Потом прошел еще несколько автоматических дверей и попал в большую комнату, обставленную необычно и даже аскетически. Джабл, люди говорят, что ты ведешь хозяйство весьма странно.

— Чепуха! Я стремлюсь к простоте и удобству.

— Так вот, твои странности по сравнению с Майковыми — детский лепет. Вхожу я в комнату и глазам своим не верю. Навстречу мне выходит девица, совершенно голая и с головы до ног в татуировках. Фантастика!

— Бен, ты городской сноб. Когда-то я был знаком с дамой в татуировках. Очень милая была девочка.

— Эта девочка тоже милая, — согласился Бен, — если привыкнуть к ее раскраске и к тому, что она постоянно таскает с собой змею.

— Любопытно, не об одной и той же женщине мы говорим? Дамы, с головы до ног прикрытые

татуировками, не так уж часто встречаются. Та дама, с которой я был знаком, испытывала от вида змеи пошлейший страх. А я люблю змей… Познакомишь меня с ней?

— Поедешь к Майку — сам познакомишься. Она у него вроде домоправительницы. Патриция, или тетушка Пэтти.

— Джилл о ней много рассказывала и очень хорошо отзывалась. Хотя промолчала о татуировках.

— И по возрасту она тебе подойдет. Когда я сказал «девица», я передавал первое впечатление. На вид ей под тридцать, а на самом деле ее детям скоро тридцать. Так вот, она улыбается, подбегает ко мне, обнимает, целует и кричит: «Ты Бен! Здравствуй, брат! Выпьем воды!» Джабл, уж на моей-то работе я повидал всякого! Но ни разу меня не целовали девицы, одетые в татуировки. Я смутился.

— Бедняжка…

— На моем месте ты бы тоже не чувствовал себя героем!

— Я бы принял все как должное. Мне приходилось общаться с дамой в татуировках вместо одежды. Правда, она была японка, а японцы более равнодушны к телу, чем мы.

— Пэтти к своему телу не равнодушна. Она хочет, чтобы после ее смерти из нее сделали чучело и поставили на пьедестал, как памятник Джорджу.

— Джорджу?

— Это ее муж. Давно уже на небесах, но она говорит о нем так, как будто он полчаса назад выскочил в пивную. В остальном Патриция настоящая леди. Она не позволила мне долго смущаться…

Глава 31

Патриция Пайвонски по-братски поцеловала Бена, не подозревая, что его что-то может смущать. Потом почувствовала его смятение и удивилась. Ведь Бен — брат Майкла, из самых близких, а Джилл близка с Беном почти так же, как с Майклом. Странно.

Главным в характере Патриции было бесконечное желание сделать всех людей счастливыми; она ослабила натиск. Для начала Пэт предложила Бену просто разуться: в Гнезде мягко и чисто, сам Майкл следит за чистотой. Потом показала, куда можно повесить одежду и пошла за выпивкой. От Джилл Патриция знала, что любит Бен, и решила

сделать двойной мартини. Вернувшись, она увидела, что Бен разулся и снял пиджак.

— Брат, пусть тебе никогда не придется испытать жажду!

— Разделим же воду, — согласился Бен, — то небольшое количество, которое здесь есть.

— Этого хватит, — улыбнулась она. — Майк говорит, что пить можно даже мысленно, главное — согласие пить. Я вникаю, что это правильно.

— Верно. Это как раз то, что мне нужно. Спасибо, Пэтти.

— Все наше — твое, и ты — наш. Мы рады, что ты дома. Все остальные сейчас на службе или на уроках. Придут, когда исполнится ожидание. Хочешь осмотреть Гнездо?

Бен согласился. Патриция повела его в кухню, огромную, с баром в углу; в библиотеку, в которой было больше книг, даже чем у Харшоу; показала ванные комнаты и спальни (Патриция называла их Гнездышками, а Бен сам решил, что это спальни, потому что пол был в них мягче, чем везде).

— А вот мое Гнездышко.

Часть комнаты занимали змеи. Бен терпел, пока Патриция не подвела его к кобрам.

— Не бойся, — заверила Пэт, — они не тронут. Сначала мы держали их за стеклом, а потом Майк

научил их сидеть за чертой.

— Я бы предпочел держать их за стеклом.

— О'кей, Бен. — Она опустила стеклянную загородку.

Бену стало легче, и он даже погладил боа-констриктора, когда Патриция ему это предложила. Потом они прошли в другую комнату, большую, круглую, с очень мягким полом и бассейном посередине.

— Это Внутренний Храм, — пояснила Пэт. — Здесь мы принимаем в Гнездо новых братьев.

Она поболтала в воде ногой и спросила:

— Хочешь разделить воду и сблизиться? Или просто поплавать?

— Нет, не сейчас.

— Пусть исполнится ожидание, — согласилась она.

Они вернулись в огромную гостиную, и Патриция налила Бену еще мартини. Бен устроился на кушетке, но вскоре поднялся. В комнате было жарко, от выпивки он вспотел, а кушетка приспосабливалась к форме тела и тоже пригревала. Бен решил, что глупо сидеть здесь в костюме, когда на Пэтти надета только змея.

Он остался в плавках, а все остальное повесил в прихожей. На входной двери красовалась

табличка «Ты не забыл одеться?» Бен подумал, что в этом доме подобное напоминание совсем не лишнее. Внимание его привлекла еще одна деталь, которую он пропустил вначале: по обе стороны стояли урны с деньгами. Урны были переполнены, и деньги валялись на полу.

Пришла Патриция.

— Вот твой стакан, брат Бен. Сблизимся и пребудем счастливы!

— Спасибо. — Бен не мог оторвать глаз от денег.

Патриция проследила его взгляд.

— Я неряшливая хозяйка, Бен. Майк одним взглядом наводит порядок, поэтому я совсем распустилась и каждый раз что-нибудь забываю.

Она подобрала рассыпавшиеся деньги и затолкала в урну.

— Почему вы держите их здесь?

— А где же? Эта дверь ведет на улицу. Каждый из нас, выходя за покупками или еще куда-нибудь, берет себе, сколько нужно. Держим на виду, чтобы не забывать.

— Просто так, схватил горсть и пошел?

— Ну да. Ах, я понимаю! Здесь не бывает чужих. Если к нам приходят знакомые, мы принимаем их в других помещениях и не держим денег там,

где они могут соблазнить слабого человека.

— А я слабый человек.

Пэтти хихикнула.

— Для тебя не может быть соблазна: они твои.

— А грабители? — Бен пытался прикинуть, сколько в этих урнах денег. Банкнот с однозначными числами почти не было. На полу осталась пропущенная Пэтти бумажка с тремя нулями.

— На прошлой неделе один залез.

— Сколько он забрал?

— Он не успел: Майк отослал его прочь.

— Вызвал полицию?

— Зачем? Майк никого не выдает полиции. — Патриция пожала плечами. — Он просто сделал так, что грабитель исчез. И разрешил Дюку открыть потолок в садовой комнате. Я тебе ее не показала? Там на полу растет трава. Джилл говорила мне, что у тебя дома тоже растет трава.

— Да, в гостиной.

— Если я буду в Вашингтоне, ты позволишь мне походить по твоей траве? И полежать на ней?

— Конечно, Пэтти. Мой дом — твой дом.

— Я знаю, дорогой, но мне приятно услышать это от тебя. Я лягу на траву в твоем Гнездышке и буду счастлива.

— Буду рад принять тебя, Пэтти. — Бен надеял-

ся, что она приедет без змей. — Когда ты будешь в Вашингтоне?

— Не знаю. Ожидание еще не окончилось. Майк должен знать.

— Ладно, соберешься приехать, предупреди, чтобы я не уехал. А впрочем, это не обязательно: Джилл знает код моей двери. Пэтти, вы считаете свои деньги?

— Зачем?

— Обычно люди считают.

— Мы не считаем. Берем, сколько возьмется, потом, если осталось, кладем обратно. Когда в урне становится мало денег, я беру у Майкла еще.

Как, оказывается, все просто! Бен знал, что на Марсе общество устроено по модели, близкой к безнадежному коммунизму. Майк перенес это общественное устройство в свой храм, внешне приспособив к местным условиям. Интересно, знает ли Пэтти, что деньги фальшивые?

— Пэтти, сколько вас здесь, в Гнезде? — Бен сначала встревожился, но потом отогнал тревожные мысли: за его счет у них жить не получится, потому что у него дома не пещера Али-Бабы.

— Сейчас скажу… около двадцати, включая новых братьев, которые еще не умеют думать по-марсиански и не посвящены.

— А ты посвящена, Пэтти?

— О, уже давно! Я преподаю марсианский начинающим и помогаю новым братьям. Мы с Дон (Дон и Джилл — верховные жрицы) — известные фостеритки и показываем другим фостеритам, что Вселенская Церковь не вступает в конфликт с Верой точно так же, как членство в баптистской секте не мешает стать масоном. — Пэт показала поцелуй Фостера, рассказала его историю, а также историю симметричного поцелуя Майкла.

— Я рассказываю ученикам, как трудно заслужить поцелуй Фостера, и говорю, что так же трудно добиться права вступить в наше братство, в наш Внутренний Храм. Многие готовы посвятить этому всю жизнь.

— Это так трудно?

— Конечно. Нам с тобой, Джилл и некоторым другим повезло: Майк сразу назвал нас братьями, а остальных он сначала обучает. Он учит их не слепо верить, а сначала понимать, во что они верят. Для этого нужно научить людей думать по-марсиански. Это нелегко, я сама еще не научилась как следует. Но ты знаешь, учиться и работать — такое счастье! Ты спрашивал, кто у нас в Гнезде. Дюк, Майк, Джилл, два фостерита — Дон и я, один обрезанный еврей, его жена и

четверо детей…

— Даже дети?

— О, у нас много детей. Мы устроили для них отдельное детское Гнездо. Иначе было бы невозможно работать. Хочешь посмотреть?

— Как-нибудь потом.

— Католическая семья — три человека, мормонская семья — еще трое, остальные протестанты. Да, еще один атеист — он считал себя атеистом до тех пор, пока Майк не открыл ему глаза. Он пришел, чтобы посмеяться над нами, но остался учиться и скоро сам станет пастором. Нас девятнадцать человек, но мы редко сходимся все вместе — только на особые службы во Внутреннем Храме. Гнездо рассчитано на восемьсот одно место — три в дважды второй степени (так считают на Марсе). Майкл говорит, что нам еще не скоро понадобится большее. Бен, хочешь посмотреть, как Майкл проповедует?

— Мы не помешаем службе?

— Нет. Подожди, я оденусь.

Она вышла в одеянии, похожем на свидетельскую форму Энн, только рукава были в виде ангельских крыльев, а на сердце — символ Вселенской Церкви — девять концентрических окружностей со стилизованным Солнцем в цен-

тре. Это оказалось ритуальным облачением: на Джилл и других были такие же одежды, только у Пэтти был высокий ворот, под которым она скрывала татуировку. На ноги она одела носки и сандалии.

— Джабл, она сразу стала величественной и показалась старше. Правда, пятидесяти я бы ей все равно не дал. А какая у нее кожа, разве можно такую кожу портить татуировкой!

Я тоже оделся; она просила пока не надевать туфли. Мы вышли в коридор, там я обулся, мы сели в лифт и спустились на несколько этажей. Потом очутились в галерее, над залом для общих собраний. Там был Майк с какой-то жрицей. Издали я принял ее за Джилл, но затем разглядел, что это другая жрица — Дон Ардент.

— Как ты сказал?

— Дон Ардент, урожденная Хиггинс.

— Мы с ней встречались.

— Я знаю. Она без ума от тебя, а ты тут скромничал.

Джабл покачал головой.

— Я говорю о той Дон Ардент, с которой я встретился мельком два года назад. Она меня, наверное, забыла.

— Она тебя отлично помнит. Собирает все твои

сочинения, выслеживает их под любым псевдонимом, записывает на пленку и слушает на сон грядущий. Говорит, что ночью ей снятся сказочные сны. Тебя там все знают. Повесили в гостиной портрет — цветную голографию в натуральную величину. Впечатление такое, что тебе отрубили голову и прибили к стене. Это тебя Дюк заснял.

— Вот негодяй!

— Его Джилл попросила.

— Вдвойне негодяйка!

— Ее подбил Майк. Джабл, ты должен гордиться: ты — святой Великой Церкви.

— Как они посмели! — не переставал ужасаться Джабл.

— Очень просто. Майк говорит, что все началось тогда, когда ты объяснил ему природу человеческой веры в Бога и он понял, как научить людей марсианской вере.

Харшоу застонал. Бен продолжал:

— Кроме всего прочего, Дон считает тебя красавцем-мужчиной. Если не принимать во внимание этого ее заблуждения, она умница и очаровательная женщина… Я отвлекаюсь… Майк увидел нас, крикнул: «Привет, Бен! Я скоро!» и вернулся к службе. Джабл, эту службу надо видеть! Майк совсем не похож на проповедника: светский ко-

стюм (правда, белый), приятные простые манеры. Прямо-таки торговый агент. Рассказывал побасенки и шуточки с пантеистическим смыслом. Одна притча была про червя, который рыл-рыл землю и встретил другого червя. И говорит ему: «Какой ты красивый! Давай поженимся!» А тот отвечает: «Ты что, дурак? Я твой второй конец!» Ты такое слышал когда-нибудь?

— Нет, я это написал.

— Вот не думал, что у этого анекдота такая борода! Майк его здорово использовал. Он имел в виду, что если ты встретишь разумное существо: мужчину, женщину, бродячую кошку, — значит, встречаешь свою вторую половину. Мы запутались во Вселенной, как в сети, давайте с этим согласимся и будем из этого исходить.

— Солипсизм плюс пантеизм, — грустно сказал Харшоу, — равняется нулю. Они отметают неудобные факты, примиряют самые противоречивые теории и ничего не объясняют. Как рассказ, который кончается словами: «Мальчик упал с кровати и проснулся».

— Зачем нападать на меня? Ты это Майку скажи! Поверь мне, он убеждает людей. Один раз он прервался и спросил: «Вы, наверное, устали от моей болтовни?». Но все завопили: «Не-ет!». Тогда он

сказал, что сам устал, что пора уже переходить к чудесам, и стал демонстрировать фокусы. Ты ведь знаешь, он работал в цирке иллюзионистом.

— Знаю. У него что-то произошло, он бросил цирк и не объяснил, почему.

— Странно. Чудеса были первосортные. Мог бы так не стараться, они и без чудес выбросили белый флаг. В конце Майк провозгласил: «От Человека с Марса ожидают чудес, поэтому я показываю парочку чудес на каждом собрании. Я уже перестаю быть Человеком с Марса. Я показал вам только цветочки. Хотите ягодок — вступайте в наши ряды. Кто хочет быть с нами, приходите учиться. Вам раздадут приглашения».

Пэтти объяснила: «Эти люди — просто зрители. Они пришли из любопытства или по совету друзей, уже вступивших в какой-либо из внутренних кругов». Кругов у них, оказывается, девять, и человеку, допущенному в круг, не говорят, что есть еще более тайные круги, пока он не «созреет». А как они собирают пожертвования! Майк «прощупывает» публику, выясняет, кто даст, а кто нет. И сообщает Дюку, который сидит за сценой. Тот составляет схему и передает ее Дон, а та выходит в зал… Майк безошибочно чует, кто даст. Пэтти говорит, что он ясновидящий. Майк же утвержда-

ет, что церковь может обойтись без задушевной музыки и благообразных привратников, но если не собирать пожертвований, то никто не поверит, что это церковь… В зал выносят корзины, полные денег, и Майк объявляет, что это сбор с предыдущей службы, и если кому надо, пусть возьмет, сколько хочет, а если кто хочет дать, мы с благодарностью примем. Неплохой способ избавляться от лишних денег.

— Великолепный способ заработать еще больше. Мне кажется, что после такого жеста люди больше дадут, чем возьмут.

— Не знаю, не видел. Пэтти увела меня в аудиторию, где проводятся службы для седьмого круга посвященных, то есть для людей, проучившихся несколько месяцев и сделавших успехи, если это можно назвать успехами.

Перемена была разительной. Если служба в общей аудитории напоминала выступление юмориста, то здесь я увидел чистой воды шаманство. Майк надел облачение, был напряжен, глаза блестели, он даже казался выше. Было темно, звучала странная музыка, под которую хотелось танцевать. Мы с Пэтти присели на что-то, похожее на кровать. Я ничего не понял: Майк пел по-марсиански. Иногда они говорили: «Ты

есть Бог» и потом опять по-марсиански. Слушай, Джабл, такое я и не выговорю.

Джабл издал какие-то каркающие звуки.

— Так?

— Да, похоже… Ты что, тоже? И водишь меня за нос?

— Нет, этому меня научил Вонючка. Сказал, что это жуткая ересь. На английский переводится как «Это есть Бог». Махмуд говорит, что сделал весьма приблизительный перевод. Это слово означает заявление Вселенной о том, что она осознает себя. Это «грешен» без тени раскаяния. Вонючка говорит, что он сам до конца не понимает смысла этого слова, но знает, что это плохое слово, скорее проклятие, чем благословение… Что ты еще видел, кроме кучки фанатиков, визжавших по-марсиански?

— Они не визжали и не были похожи на фанатиков, а в основном шептали; потом говорили в обычном тоне, размеренно, ритмично, как пели. Они производили впечатление не хора, а одного существа, которое напевает то, что чувствует и видит. Ты видел, как возбуждаются фостериты на своих службах?

— Лучше бы не видел.

— Эти тоже были в трансе, но в каком-то мягком

и спокойном, как сон. Напряжение все нарастало, но непонятно от чего. Тебе доводилось бывать на спиритических сеансах?

— Конечно. Легче сказать, где мне не доводилось бывать.

— Значит, ты знаешь, что все могут молчать и сидеть неподвижно, а напряжение будет расти. Там была такая же атмосфера: внешне спокойная, но чреватая бурей.

— Образованные люди говорят «аполлоновская».

— Как?

— В противоположность дионисийской. В быту это упрощают и говорят «спокойный» и «буйный», что абсолютно неверно. Аполлоновские настроения и дионисийские — две стороны одной медали. Монашка, стоящая в келье на коленях, может испытывать гораздо более сильный экстаз, чем скачущие жрецы Пана. Экстаз — это состояния психики, а не мускулов. Еще одна ошибка — ассоциировать слова «аполлоновский» и «хороший». Респектабельность еще не означает доброты. Продолжай.

— Служба проходила не так спокойно, как молитва монашки. Участники ходили, менялись местами, целовались и, кажется, все. Точно не

скажу: было темно. Одна девушка подошла к нам, Пэтти что-то сказала ей, та поцеловала нас и ушла. — Бен ухмыльнулся. — По-настоящему поцеловала. Я был одет не так, как другие, она должна была бы это заметить, но не заметила.

Действие было вроде бы импровизированным, но в тоже время хорошо скоординированным, как танец балерины. Майк то руководил, то сливался с общей массой. Он подошел к нам, взял меня за плечо и поцеловал Пэтти — спокойно, но быстро, — ничего при этом не сказав. В углу стояла какая-то штуковина, похожая на аппарат стереовидения, которую Майк использовал для демонстрации чудес. Само слово «чудеса» он не произносил, по крайней мере, по-английски. Все церкви обещают чудеса, но ни одна их не дает.

— Неправда. Очень многие совершают чудеса. Возьми католиков или «христианскую науку».

— Католиков?

— Я имею в виду Чудо Пресуществования.

— Это слабенькое чудо. А что до «христианской науки», то если я сломаю ногу — предпочту медицинскую науку.

— Значит, смотри под ноги и отстань от меня!

— Но Майк не сращивал переломы, а показывал фокусы. Он либо классный иллюзионист, либо

гипнотизер.

— Либо и то, и другое.

— Или у него классный аппарат стереовидения, в котором изображение почти не отличимо от действительности.

— Бен, как ты отличаешь настоящие чудеса от поддельных?

— Не знаю. К тому, что показывал Майк, придраться было нельзя, но этого не могло быть на самом деле. Например, зажегся свет и в ящике оказался лев, а вокруг него — ягнята. Лев заморгал и зевнул. Голливуду ничего не стоит нашлепать тысячу таких картинок, но… пахло львом. Хотя и запаху можно напустить.

— Почему ты считаешь, что это обязательно подделка?

— Я пытаюсь быть объективным.

— Тогда не уподобься ортодоксам. Бери пример с Энн.

— Я не Энн. Я обалдел во время службы. Какая уж там объективность! Майк долго показывал всякие штуки: левитацию и еще что-то в том же духе. Пэтти велела мне сидеть на месте, а сама ушла. Она сказала, что Майк объявил, чтобы все, кто не чувствует себя готовыми вступить в следующий круг, ушли. Я сказал: «Может, мне лучше

уйти? — «Нет, что ты! Ты уже в Девятом Круге. Сиди, я скоро приду».

Кажется, никто не вышел. Это была группа намеченных к повышению. Зажегся свет, и рядом с Майком появилась Джилл. Она была настоящая. Она увидела меня и улыбнулась… Когда актер смотрит прямо в камеру, зрителю кажется, что, где бы он ни сидел, актер смотрит ему прямо в глаза. Если Майк отладил все до таких мелочей, то он не промах… Джилл была одета в диковинный костюм. Майк начал говорить, кое-что по-английски. Что-то о Матери всего сущего… и стал называть Джилл разными именами, и с каждым новым именем ее костюм менялся.

Бен встрепенулся, увидев Джилл. Ни освещение, ни расстояние не могли его обмануть: это была именно Джилл. Она посмотрела на него и улыбнулась. Он вполуха слушал, что говорил Майк, а сам думал, что же представляет собой пространство, которое он все время принимал за аппарат стереовидения. У него возникло желание подняться на сцену и дотронуться до Джилл рукой, но он не решился сорвать Майку сеанс. И вдруг:

— Кибела!

Костюм Джилл изменился.

— Изида!

Снова изменение костюма.

— Фриг!.. Ге!.. Дьявол!.. Иштар!.. Марьям!.. Праматерь Ева!.. Матерь Божья!.. Любящая и Любимая, Вечная Жизнь!

Кэкстон дальше не слушал. Джилл превратилась в Праматерь Еву, облаченную лишь в свое величие. Вот она стоит у древа, а по нему ползет змий.

Джилл улыбнулась, погладила змия по голове, обернулась к зрителям и раскрыла объятия. И зрители устремились в сад Эдема.

Вернулась Пэтти и тронула Бена за плечо.

— Пойдем, милый.

Кэкстону хотелось остаться, насладиться видением Джилл-Евы, войти вместе со всеми в сад Эдема, но он встал и вышел. Оглянувшись, Бен увидел, как Майк обнимает подошедшую к нему зрительницу, и повернулся к Патриции, чтобы не отстать от нее. Поэтому он уже не видел, как одежда кандидатки исчезла, а Майк поцеловал женщину; не видел он и того, как Джилл поцеловала кандидата, одежда которого тоже исчезла.

— Мы прогуляемся, чтобы они успели вернуться в Храм, — объяснила Пэтти. — Можно было, конечно, поговорить с Майком и в аудитории, но

лучше не мешать ему работать.

— Куда мы идем?

— На сцену, за боа, а потом в Гнездо. Я думаю, тебе не стоит смотреть на посвящение. Марсианского ты не знаешь и ничего не поймешь.

— Я хочу поговорить с Джилл.

— Она обещала заглянуть в Гнездо после службы. Пойдем.

Патриция открыла какую-то дверь, и Бен оказался в райском саду. Навстречу им поднял голову змий.

— Радость моя! — сказала Патриция. — Вот и я, твоя мамочка. — Она сняла боа с дерева и уложила в корзину. — Дюк принес его сюда, а я устроила на дереве и рассказала, как себя вести. Тебе повезло, Бен: посвящение в Восьмой Круг не часто случается.

Бен взял в руки боа и обнаружил, что четырнадцатифутовая змея — тяжелая штука. Корзина была сшита стальными скобами.

— Поставь ее на пол, — сказала Патриция на верхнем этаже.

Она разделась и повесила на себя змею.

— Девочка любит обниматься с мамой, а сегодня она это заслужила. У меня скоро урок, но минут пять можно побаловаться. Змей нельзя

разочаровывать, они обижаются, как дети.

Они подошли ко входу в Гнездо. Бен снял туфли и помог Патриции разуться. В гнезде Бен разделся до плавок и подумывал о том, чтобы снять и их. Он начал понимать, что ходить в Гнезде одетым так же неудобно и неприлично, как явиться в бутсах на танцы. Окон нет, на двери висит памятка, в комнатах тепло, как в живых внутренностях, да и Патриция приглашала раздеться. То, что она сама ходит голая, Бен отнес на счет возможных странностей в поведении татуированных женщин, но, войдя в гостиную, он увидел мужчину, на котором было на одну змею и на много картин меньше, чем на Патриции. «Ты есть Бог», — приветствовал их мужчина и пошел в сторону «Гнездышек» и ванных комнат. На кушетке осталась лежать голая женщина.

Кэкстон знал, что во многих семьях заведено ходить по дому нагишом. А здесь и была семья — все друг другу братья. Но он никак не решался снять фиговый листок: если войдет кто-то одетый, ему будет стыдно. Надо же: еще не разучился краснеть!

— Что бы ты сделал на моем месте, Джабл?

Харшоу поднял брови:

— Чего ты хочешь? Майк волен организовы-

вать свой семейный быт на нудистский манер. Человеческое тело бывает красивым и отвратительным, но это ничего не значит.

— Черт возьми, как приятно судить обо всем с высоты Олимпа! Что-то я не разу не видел, как ты бегаешь в компании без штанов.

— Ты тоже ходишь в штанах, но я уверен, что не из скромности. Просто-напросто боишься показаться смешным! Это древний невроз с длинным псевдогреческим названием.

— Неправда! Я просто не знал, как лучше поступить!

— Вот именно, сэр, неправда. Вы знали, как следует поступить. Но вы боялись при этом выглядеть глупо или подозревали, что сработает мужской рефлекс. Мне кажется, что у Майка есть причины именно таким образом устраивать свой быт. Он ничего не делает просто так.

— Это правда. Джилл мне объяснила.

Бен стоял в прихожей, держась за плавки и все еще не решаясь их снять. Вдруг кто-то обнял его за талию.

— Бен, милый! Как здорово!

Джилл бросилась в его объятия, прижалась жадным теплым ртом к его губам, и Бен не пожалел, что разделся. Джилл уже не была Пра-

матерью Евой, на ней был наряд жрицы, но Бен радостно сознавал, что держит в руках живую, теплую женщину.

— Господи, — сказала она, отрываясь от его губ, — как я по тебе скучала! Ты есть Бог!

— Ты есть Бог, — уступил он. — Джилл, ты еще никогда не была такой красивой!

— Положение обязывает, — согласилась она. — Знаешь, как было приятно, когда ты смотрел на меня в финале!

— В финале?

— Джилл имеет в виду конец службы, — вмешалась Пэтти, — когда она изображала Мать всего сущего. Это цирковой термин. Ну, пока, я побежала.

— Пэтти, ты забыла, что мы не спешим?

— Я не спешу, а бегу. Сейчас уложу мою девочку спать — и в класс. Поцелуемся на прощание?

Бен поймал себя на том, что целует Патрицию. На змей он старался не обращать внимания. Потом Патриция поцеловала Джилл.

— Пока! — И неторопливо удалилась.

— Она прелесть, правда, Бен?

— Правда, хотя вначале она меня смутила.

— Понимаю. Пэтти всех ошеломляет, потому что никогда не сомневается, а сразу делает то,

что считает правильным. Этим она похожа на Майка. Она лучше нас всех постигла его науку, ей бы быть верховной жрицей, но татуировки мешают выполнению некоторых обязанностей. Отвлекают. А она не хочет их снимать.

— Снять столько татуировок? Она может умереть!..

— Нет, милый. Майк способен сделать это без ножа и без боли. Но она считает их частью себя. Садись. Дон принесет ужин. Мне нужно поесть, пока ты здесь, а то после не успею. Тебе понравилось у нас? Дон говорит, ты был на общей службе.

— Был.

— Ну как?

— Майк сумел бы продать змеям ботинки.

— Бен, тебя что-то беспокоит?

— Нет.

— Ладно, поговорим об этом через недельку-другую.

— Я к тому времени уеду.

— У тебя уже не осталось материала?

— Есть на три дня. Но мне все равно нужно ехать.

— А я думала, ты погостишь. Ну, ладно, позвонишь, когда захочешь приехать.

— Не думаю, чтобы мне захотелось.

— Захочется, вот увидишь. У нас не совсем церковь.

— Да, Пэтти что-то такое говорила.

— По внешним признакам наша организация — церковь. Но мы не стараемся показать людям путь к Богу. Мы не пытаемся спасать души: душу нельзя спасти, потому что нельзя погубить. Мы не стараемся обратить людей в нашу веру: то, что мы им предлагаем — не вера, а правда, и это можно проверить. Мы даем им правду, насущную, как хлеб. Мы показываем им способ жизни, при котором война, голод, насилие становятся такими же бессмысленными, как одежда в нашем Гнезде. Но для этого они должны выучить марсианский. Мы ищем людей, способных верить тому, что они видят, готовых упорно работать: ведь изучение языка — это серьезная работа. Нашу правду нельзя выразить английскими словами, как Бетховеновскую Пятую. — Она улыбнулась. — Майк не спешит. Перед ним проходят тысячи людей, а он отбирает единицы. Некоторые остаются в Гнезде, и он учит их дальше. Когда-нибудь мы выучимся настолько, что сможем организовать собственные Гнезда… Но это еще впереди, мы ведь только учимся. Правда, дорогая?

Бен поднял глаза и увидел вторую верховную жрицу — Дон, с подносом в руках. Она была одета, как Патриция, только без татуировок.

— Угощайся, брат Бен. Ты есть Бог, — улыбнулась Дон.

— Ты есть Бог. Спасибо.

Она поцеловала его, расставила тарелки и принялась за еду. Бен пожалел, что она села рядом: ему хотелось полюбоваться ее божественными формами со стороны.

— Еще рано, Джилл, — говорила тем временем Дон, — но ожидание скоро исполнится.

— Видишь, Бен, — заговорила Джилл, — я сделала перерыв, чтобы поесть, а Майк уже три дня не ест и не сядет есть, пока не освободится. Потом наестся на неделю вперед и снова будет работать. В отличие от нас он не устает.

— Я тоже не устала, Джилл. Хочешь, я заменю тебя, а ты посидишь с Беном? Давай сюда форму.

— Сумасшедшая! Сколько ты не отдыхала? Кстати, надо сказать Пэтти, пусть закажет еще двенадцать дюжин облачений. Майк почти все израсходовал.

— Уже заказали.

— Почему мне не сказали? Мое уже тесновато, — она повела плечами, и у Бена захватило дух.

— Поправляемся…

— Есть немножко.

— Это хорошо. Мы были суховаты. Смотри, Бен, у нас с Дон одинаковые фигуры: рост, объем груди, талии, бедер. И цвет кожи. Мы были с самого начала похожи, а Майк сделал нас почти близнецами. Дорогая, встань, пусть Бен посмотрит.

Дон отставила тарелку и приняла позу, в которой Джилл представляла Праматерь Еву. Джилл сказала с полным ртом:

— Видишь, Бен, это я.

— Не совсем, — улыбнулась Дон.

— Да, я почти жалею, что у нас не одинаковые лица. Хотя лица становятся похожими, потому что мы делаем одинаковую работу. Знаешь, как удобно иметь близнеца? Дон может купить платье, а оно и мне подойдет…

— Я думал, что тебе уже не нужны платья, — медленно сказал Бен.

— Что ты! Не ходить же нам на танцы в этом, — удивилась Джилл.

— Мы ходим танцевать, чтобы не засыпать… Садись, доедай, Бен уже насмотрелся. Бен, в той группе, которую ты видел, есть замечательный танцор, а в городе полно ночных клубов. Мы с Дон одно время не давали ему спать по ночам, и

бедняга едва не засыпал на уроках. Но теперь ему и не нужно спать: он в Восьмом Круге. А почему ты решил, что нам не нужны платья?

— Потому, — Бен поведал ей о своих мучениях.

Джилл сделала круглые глаза, засмеялась, но одернула себя.

— Понимаю. Милый, я осталась в облачении, потому что мне сейчас снова выступать. Если бы я догадалась, что это тебя смущает, то, конечно, сняла бы. Мы уже привыкли друг к другу и не смущаемся; одеваемся и раздеваемся по необходимости. Если не хочешь, можешь не снимать плавки или наоборот, сними, если хочешь.

— Гм…

— Только не сердись, — Джилл улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки. — Я вспоминаю, как Майк пошел на пляж. Помнишь, Дон?

— До конца жизни не забуду!

— Бен, ты же знаешь, что такое Майк. Мне приходилось его всему учить. Он никак не мог понять, зачем людям одежда, пока не обнаружил, что мы страдаем от холода, сырости и жары. На Марсе не стыдятся наготы. Только недавно он стал воспринимать одежду как украшение — когда мы стали проводить костюмированные представления. Раньше Майк делал все, что я

велю, не задумываясь. Теперь он хочет все понимать. Мы учимся быть людьми с самого детства, а он не имел такой возможности. До сих пор в его воспитании есть пробелы. Он часто поступает так, как у людей не принято. Мы все его учим; все, кроме Пэтти, которая считает, что Майк во всем прав. Он так до конца не вник, что такое одежда. Он считает ее помехой в сближении людей, барьером на пути любви. Майк лишь недавно понял, что барьер иногда нужен — с чужими. А до тех пор он одевался только тогда, когда я его об этом просила. Однажды у меня не получилось. Мы тогда приехали в Байя Калифорниа и встретили — уже во второй раз — Дон. Мы с Майком остановились в отеле, и ему так хотелось вникнуть в океан, что утром, когда я еще спала, он встал и отправился к морю. Бедный Майк! На берегу он разделся и пошел в воду. Поднялся скандал, мне пришлось выручать его из полиции.

На лице Джилл вдруг появилось отсутствующее выражение.

— Майк зовет. Поцелуй меня на прощание, Бен. Утром увидимся.

— Ты уходишь на всю ночь?

— Наверное. Попалась большая группа. — Джилл приподнялась, потянула к себе Бена и

оказалась в его объятиях.

— А ты кое-чему научился, — пробормотала она.

— Что ты! Я был верен тебе, по-своему.

— Ну, да. По-своему и я была тебе верна. Я не упрекаю, а констатирую, что Доркас наконец-то научила тебя целоваться.

— Ох, эти женщины…

— Поцелуй меня еще, урок подождет. Я постараюсь быть Доркас.

— Оставайся лучше сама собой.

— Конечно, останусь, но Майк говорит, что Доркас целуется лучше всех — глубоко вникает в поцелуй.

— Довольно болтать.

Джилл умолкла, а потом вздохнула:

— Ну, мне пора. Дон, позаботься о нем.

— Обязательно.

— Как следует позаботься!

— Конечно.

— Бен, будь умницей и делай, что скажет Дон. — Джилл не спеша ушла.

Дон протянула к Бену руки.

Джабл хитро прищурил один глаз.

— Как ты поступил, скромник?

— У меня не было выбора, и я смирился с неиз-

бежным.

Глава 32

— Джабл, я бы не рассказывал, что было у нас с Дон, но я хочу объяснить причину своей тревоги. Дюк, Джилл, Дон и другие стали жертвами Майка, его очарования. Он нахал, трюкач, но он неотразим. Дон тоже по-своему неотразима: к утру она убедила меня, что все так и надо.

Бен Кэкстон проснулся и не сразу сообразил, где находится. Было темно, он лежал на чем-то мягком, но не на кровати. Бен стал перебирать события прошедшей ночи. Последнее, что он вспомнил: лежит на мягком полу самого Внутреннего Храма и шепчется с Дон. Она привела его туда, они вошли в бассейн, в общую воду, и сблизились.

Бен пошарил вокруг: пусто.

— Дон!

— Я здесь.

— Я подумал, ты ушла.

— Не хотела тебя будить. — Она была уже одета в форму жрицы. — Джилл еще не вернулась: группа попалась большая.

Эти слова напомнили Бену то, что он слышал вчера и что ему очень не понравилось, но с чем он согласился, уступив ее ласкам. Он ничего не понимал, кроме того, что Джилл занята: выполняет обязанности верховной жрицы, священный долг, который Дон вчера хотела взять на себя. Бену следовало бы огорчиться, что Джилл на это не согласилась, но он не чувствовал огорчения.

— Дон, не уходи. — Он вскочил на ноги и обнял ее.

— Я иду работать, — она прижалась к нему.

— Что, сию минуту?

— О, так сильно мы никогда не спешим.

Между ними уже не было одежды. Бен оказался не в силах любопытствовать, куда она делась.

Время летело незаметно…

…Он окончательно проснулся, встал на ноги; в «Гнездышке» зажегся свет. Самочувствие было отличное. Бен потянулся и принялся искать плавки. Затем попытался вспомнить, где их оставил, но не помнил даже, как снимал. Когда он входил в бассейн, их уже не было. Наверное, остались у бассейна…

Бен отправился в ванную, умылся, побрился и пошел во Внутренний Храм. Плавок там тоже не оказалось, и он отправился в прихожую, ре-

шив, что кто-то отнес их туда и повесил вместе с остальной одеждой. Но на полпути плюнул и решил, что здесь они ему нужны не больше, чем собаке пятая нога.

Вчера они с Дон пили, но сегодня этого не чувствовалось. Да и вчера алкоголь не оказывал обычного действия. Наверное, поэтому Бен и перебрал. Что за женщина эта Дон! Даже не обиделась, когда он назвал ее Джилл, а наоборот, ей стало приятно.

Гостиная пустовала, и не у кого было спросить, который час. Бен никуда не торопился, но ему хотелось есть. Он пошел в кухню. Там сидел мужчина.

— Привет, Бен!

— Дюк? Привет!

— Рад тебя видеть. — Дюк сжал Бена в медвежьих объятиях. — Ты есть Бог. На яичницу согласен?

— Ты есть Бог. За повара здесь?

— Бывает. Когда больше не на кого свалить. Готовят все понемножку, главный — Тони. Майк иногда пытается, но все портит. — Дюк уже разбивал яйца.

— Давай я. — Бен пристроился рядом. — А ты следи за кофе и тостами. У вас есть соевая при-

права?

— Да, Пэтти специально для тебя купила.

— Дюк, чем ты здесь занимаешься?

— Изучаю марсианский, когда-нибудь начну преподавать… За техникой слежу.

— Тут, наверное, целая бригада техников нужна?

— Как ни странно, не нужна. Когда забилась канализация, Майк только глянул, и все прошло. Кроме сантехники, мы пользуемся кухонными приспособлениями, но они не такие сложные, как были у Джабла.

— А освещение?

— Тоже ничего особенного. А по моей главной должности и вообще делать нечего. Я — пожарный инспектор. Ну, еще санитарный инспектор и сторож. Мы не пропускаем чужих в Гнездо. На общую службу — пожалуйста, а сюда — ни-ни, разве что с личного разрешения Майка.

Они выложили еду на тарелки и сели к столу.

— Останешься у нас, Бен?

— Нет, не могу.

— Да ладно… Я тоже сначала приехал в гости, а потом месяц мучился, пока решился сказать Джаблу, что ухожу. Ты тоже вернешься. Знаешь что? Не принимай никаких решений до вечера.

— А что вечером?

— Дон тебе не говорила?

— По-моему, нет.

— Об этом только и разговоры. Вечером мы проведем в твою честь церемонию разделения воды. Ты ведь из первозванных, то есть из тех, кто стал Майку братом, не зная марсианского языка. Сейчас люди не допускаются к церемонии с водой, пока не вступят в Восьмой Круг. К тому времени они начинают думать по-марсиански, а некоторые знают марсианский лучше, чем я сейчас. Не то чтобы было запрещено пить воду с тем, кто ниже Восьмого… у нас нет запретов. Я могу пойти в бар, пристать к девочке, выпить с ней воды, переспать и привести в Храм, но я этого не сделаю. Мне не захочется. Бен, можно нескромный вопрос? Ты спал со случайными женщинами?

— Бывало…

— С сегодняшнего дня ты не должен спать с той, кто не приходится тебе братом по воде.

— Гм!

— Через год отчитаешься… Иногда Майк допускает к воде людей из нижних кругов, если считает, что они готовы. Одну пару он взял из Третьего Круга. Сэма и Рут.

— Я их не знаю.

— Еще познакомишься. Майк единственный, кто может безошибочно узнать брата. Иногда Дон и Пэт замечают кого-нибудь — но, конечно, не в Третьем Круге! — И всегда советуются с Майком. В Восьмом Круге можно пить воду и сближаться. Из Восьмого люди переходят в Девятый Круг, а оттуда — к нам, в Гнездо. Когда в Гнезде принимают нового человека, происходит торжественная церемония приобщения к воде. Собирается все Гнездо. Ты автоматически считаешься членом Гнезда, но официально тебя еще не принимали. Сегодня вечером состоится церемония приема. Мне устроили такую же. Бен, ты бы знал, как это здорово!

— Я не представляю, что это такое.

— Ты когда-нибудь был на попойке, куда в конце концов приходится вызывать полицию, а потом кто-нибудь из участников обязательно разводится?

— Ну, был.

— По сравнению с нашей церемонией это — воскресная школа. Ты был женат?

— Нет.

— После церемонии можешь считать, что был. — Дюк задумался. — Я был женат. Сначала мне

нравилось, потом стало тошно. А здесь мне приятно. Не просто физически приятно тискаться с девками — я их люблю, они мои братья. Взять Пэтти: она нам, как мать. Человек никогда не вырастает из того возраста, в котором ему нужна мать. Пэт напоминает мне Джабла. Кстати, его здесь не хватает…

— Кто кого хватает? — спросил низкий женский голос.

— Тебя еще никто не хватает, левантинская блудница, — обернулся на голос Дюк. — Иди сюда и поцелуй нашего брата Бена.

— Я стала праведницей еще до того, как меня успели уличить в распутстве, — сказала женщина, неторопливо приближаясь.

Она с большим знанием дела поцеловала Бена.

— Ты есть Бог, брат.

— Ты есть Бог. У нас общая вода.

— Глубокой тебе воды.

Дюка она целовала долго, а он тем временем похлопывал ее по основательному фундаменту. Она была маленького роста, полная, смуглая, с тяжелой гривой иссиня-черных волос.

— Дюк, ты видел последний номер «Журнала для женщин»? — Она завладела его вилкой и подцепила кусок яичницы. — Вкусная, небось, не

ты готовил?

— Бен. А зачем мне «Журнал для женщин»?

— Бен, зажарь еще штук шесть. Там есть статья, которую нужно показать Пэтти.

— Сейчас, — сказал Бен.

— Не увлекайся! Оставь мне хоть кусочек, иначе я не смогу выполнять мужскую работу.

— Тихо, тихо, Дюк! Вода разделенная есть вода преумноженная. Не обращай на него внимания, Бен, он всегда ворчит, если ему не дать тройную порцию еды и двойную порцию женщин. — Она сунула Дюку в рот кусок яичницы. — Ну, не плачь, я приготовлю тебе второй завтрак. Или уже третий?

— Ты и первый-то у меня отняла! Рут, я как раз рассказывал Бену, как вы с Сэмом прыгнули в Девятый. Он стесняется быть героем вечернего праздника.

Рут подобрала последний кусочек с тарелки Дюка, слезла с его колен и отошла к плите.

— Не переживай, Дюк, сейчас мы что-нибудь для тебя сообразим. А пока держи свой кофе. Бен, не волнуйся. Я тоже волновалась, но теперь вижу, что зря. Майкл никогда не ошибается. Ты наш, иначе тебя бы здесь не было. Ты останешься с нами?

— Сразу не могу. Сковорода нагрелась?

— Да, выливай. Вернешься потом и останешься навсегда. А мы с Сэмом и правда прыгнули. У меня, примерной жены, сначала даже закружилась голова. В моем возрасте тяжело менять привычки.

— В каком таком возрасте?

— Бен, дисциплина хороша тем, что подтягивая душу, она подтягивает и тело. В этом мы сходимся с «христианской наукой». Видел в ванной хоть одну склянку с лекарством?

— Н-нет.

— То-то. Сколько человек тебя поцеловали?

— Несколько.

— А я во время службы целую больше, чем несколько, но не принесла в Гнездо даже насморка. А раньше я то и дело болела и жаловалась. Здесь, в Гнезде, я помолодела лет на тридцать, похудела на двадцать фунтов, мне больше не на что жаловаться. Проповедуя, я сижу в позе лотоса, но я помню время, когда мне трудно было наклониться.

Все произошло совершенно случайно. Сэм по профессии — преподаватель восточных языков. Ему захотелось выучить марсианский, и он стал ходить сюда. Сэм интересовался только языком,

ни на что больше не обращая внимания. Я ходила с ним, чтобы не отпускать его от себя: ревновала. Сэм учился легко, а я зубрила изо всех сил, чтобы не отстать. Так мы добрались до Третьего Круга, и тут — бах! — произошло чудо: мы начали думать по-марсиански. Совсем чуть-чуть, но Майк почувствовал и однажды попросил нас остаться после урока и вместе с Джиллиан приобщил нас к воде. Там я обнаружила, что представляю собой то, что презирала в других женщинах: я стала ненавидеть мужа за то, что он это позволил сделать со мной и сделал сам. Все это я думала по-английски, а самые ужасные мысли по-еврейски. Я плакала, пилила Сэма и… не могла дождаться нового сближения.

Потом стало легче, но нельзя сказать, что совсем легко. Нас как можно быстрее провели по всем кругам. Майк знал, что нам нужна помощь, и хотел поскорее взять под защиту Гнезда. Когда пришло время посвящения в Гнездо, я все еще не могла себя полностью контролировать. Мне хотелось в Гнездо, но я не была уверена, что смогу слиться с семью чужими людьми. Мне было страшно, я умоляла Сэма вернуться домой и больше не ходить к Майку…

И вот мы вошли во Внутренний Храм, в лицо

мне ударил прожектор, наша одежда исчезла. Братья сидели в бассейне и звали нас по-марсиански. Я пошла на их зов, шагнула в воду, и до сих пор из нее не вышла. И не собираюсь. Не волнуйся, Бен: ты научишься и языку, и дисциплине, любящие братья помогут тебе во всем. Прыгай в воду, не колеблясь: я первая тебе подставлю руки. Передай это Дюку и скажи ему, что он обжора. А это — тебе. Влезет, еще как влезет! Поцелуй меня, и я пойду. У Рут еще много работы.

Бен выполнил все распоряжения и отправился искать Джилл. Она спала в гостиной на кушетке. Бен сел рядом и, глядя на нее, наслаждался. Ему пришло в голову, что Джилл и Дон даже больше похожи одна на другую, чем это кажется им самим. Пропорции, цвет кожи — все совпадало точь-в-точь.

Бен отвлекся, чтобы отрезать кусок яичницы, а когда снова посмотрел на Джилл, она уже проснулась и улыбалась.

— Ты есть Бог, милый. Как вкусно пахнет!

— Ты очень красивая. Прости, не хотел тебя будить. — Бен пересел и следующий кусок яичницы отдал Джилл. — Мы вместе с Рут готовили.

— Хорошо получилось. Ты меня не разбудил: я на минутку прилегла, пока ты выйдешь. Всю

ночь не спала.

— Совсем?

— Совсем. И не капельки не хочу. А поесть не отказалась бы. Понял намек?

Бен Понял и стал кормить ее, как ребенка.

— А ты спал?

— Да.

— А Дон?

— Два часа.

— Ей больше и не нужно. Два часа нам теперь дают столько же, сколько раньше — восемь. Я знала, что вам будет хорошо вдвоем, но боялась, что она не выспится.

— Мы действительно чудесно провели время, но я был несколько удивлен, когда ты мне ее подсунула.

— Ты хотел сказать «шокирован». Я ведь знаю тебя, Бен. Я сама хотела провести с тобой эту ночь, но твоя ревность… Надеюсь, Дон вылечила тебя?

— Пожалуй.

— Ты есть Бог. Я тоже чудесно провела время: не волновалась, знала, что ты в надежных руках, еще более надежных, чем мои.

— Что ты, Джилл!

— Нет, не вся ревность улетучилась. Ничего, мы ей поможем. — Джилл села, погладила Бена по

щеке и сказала: — Я ведь больше всех заинтересована в том, чтобы ты на церемонии посвящения вел себя достойно.

Бен попытался что-то возразить, но Джилл не дала.

— Еще не кончилось ожидание, — сказала она и протянула руку.

Бену показалось, что в руку ей вскочила пачка сигарет.

— И ты научилась фокусам?

— Самым простым, — Джилл улыбнулась. — Как говорил учитель, я всего лишь яйцо.

— Как ты это сделала?

— Я позвала ее по-марсиански. Сначала ты вникаешь в предмет, потом вникаешь в то, что ты от него хочешь. Майк! — Она помахала рукой. — Мы здесь.

— Иду! — Человек с Марса подошел к Бену и поднял его на ноги. — Дай посмотреть на тебя! Как я рад тебя видеть!

— Я тоже рад тебя повидать.

— Говорят, ты уезжаешь на три дня?

— У меня работа, Майк.

— Ладно, там видно будет…

— Майк, — сказала Джилл, — ты можешь отдохнуть. Пэтти пошла на урок, а Сэм, Рут и Дон

займутся подготовкой праздника.

— Отлично. — Майк сел, одной рукой обнял Джилл, другой Бена и вздохнул. — Бен, не вздумай стать проповедником. Я целые сутки прыгал из одной аудитории в другую, втолковывая людям, почему нельзя торопиться. А тебе я стольким обязан… и не мог найти времени пожать руку. Как дела? Выглядишь неплохо. Дон говорит, у тебя все в порядке.

— Да, вроде, — покраснел Бен.

— Вот и хорошо. Тебе предстоит оргия плоти, но не бойся, я поддержу. В конце ты станешь сильнее, чем был вначале. Правда, маленький братец?

— Правда, — подтвердила Джилл, — Майк может передать тебе часть своей физической силы, а не только оказать моральную поддержку. Я тоже учусь это делать.

— Да, у тебя уже неплохо выходит, — Майк погладил Джилл по голове. — Маленький братец у нас — кладезь силы. Сегодня ночью всех держала. Он улыбнулся и пропел:

Такую девушку, как Джилл, не найдешь.
Приходите поскорей, если невтерпеж.
Всех желанных девушек

Джиллиан желаннее.

— Правда, маленький братец?

— Вот еще! — сказала Джилл, довольная. — Дон тоже желанна не меньше моего.

— Дон занята: собирает пожертвования. Поэтому она желанна в меньшей степени. Правда, Бен?

— Наверное, — Бену было неловко: уж слишком фривольно они себя ведут. Под каким бы предлогом бы уйти?

Майк одной рукой держал Бена за талию, а другой ласкал Джилл; та не противилась. Майк с серьезным видом обратился к Кэкстону:

— После такой ночи, как сегодня (я помогал людям совершить скачок в Восьмой Круг), обычно долго не могу успокоиться. Можно, я прочту тебе маленькую проповедь, которую читаю в Шестом Круге? У нас, людей, есть кое-что, о чем мой прежний народ и не мечтает. Это — величайшая ценность (я это хорошо понимаю, потому что раньше этого у меня не было), это — благодать быть мужчиной или женщиной — самое необычайное чудо, созданное Тем-Кто-Есть-Бог, правда, Джилл?

— Ты совершенно прав, Майк. Бен, тут нечего возразить. Но, милый, давай споем песенку и

о Дон.

— О’кей!

Ну и страсть у нашей Дон!
Бен понял это сразу.
На ней сто платьев видел он,
А трусиков — ни разу.

— Слушай, в кухне кто-нибудь есть? Я сейчас вспомнил, что не ел уже несколько дней. Или даже лет.

— Кажется, там Рут, — сказал Бен и попытался встать.

Майк не пустил его.

— Эй, Дюк! Найди кого-нибудь, кто нажарит мне гору оладьев и нальет галлон кленового сиропа.

— Зачем искать? Я сам все сделаю, — отозвался Дюк.

— Постараюсь не умереть с голоду, пока ты сходишь за Тони или Рут.

Майк привлек к себе Бена и спросил:

— Ты, кажется, не вполне счастлив?

— Нет, что ты, все в порядке.

— Хорошо бы, если бы ты знал марсианский. — Майк заглянул Бену в глаза. — Я чувствую, что

тебе плохо, но не могу прочесть твоих мыслей.

— Майк, — позвала Джилл.

Человек с Марса взглянул на нее, потом опять на Бена и протянул:

— Джилл объяснила мне, в чем дело. То чувство, которое ты сейчас испытываешь, всегда было мне недоступно, — он замялся, как в те времена, когда только начинал говорить по-английски, — но мне понятно, что сегодня мы не можем принять тебя в Гнездо. Еще длится ожидание. Прости. Когда-нибудь оно кончится.

Джилл вскочила.

— Майк! Так нельзя! Нельзя отвергать Бена!

— Я не вникаю, маленький братец. — Настала нехорошая тишина. — Ты уверена, что говоришь правильно?

— Сейчас увидишь! — Джилл подсела к Бену, обняла его. — Поцелуй меня, Бен, и успокойся.

Она первая поцеловала его, и Бен успокоился. Сладостное тепло вытеснило из его тела все другие ощущения. Майк крепче обнял Бена и сказал:

— Мы сближаемся. Может, сейчас?

— Да! Сейчас, здесь. У нас общая вода, дорогие мои.

Бен глянул на Майка, и эйфория прошла: Чело-

век с Марса был совершенно голый.

Глава 33

— Ну, — нетерпеливо сказал Джабл, — ты принял приглашение?

— Как бы не так! Я унес ноги от греха подальше. Схватил в охапку шмотки, выскочил в коридор и одевался уже внизу.

— На месте Джилл я бы обиделся.

Кэкстон покраснел.

— А что мне было делать?

— Ну ладно. Что дальше?

— Я оделся, увидел, что забыл наверху сумку, но возвращаться не стал. Кстати, я чуть не убился. Ты же знаешь, как работает новая модель?

— Не знаю.

— Если ты даешь команду на подъем, начинается постепенный спуск. А я вскочил туда с разбегу и начал падать — с шестого этажа. Еще чуть-чуть, и от меня осталась бы лепешка, но падение вдруг прекратилось. Как будто удержало какое-то поле.

— Не увлекайся модной техникой. Ходи по лестнице, в крайнем случае пользуйся лифтом старой конструкции.

— У них хорошая техника, только за ней никто не следит. Никто не занимается делом, все ходят под гипнозом Майка и смотрят ему в рот. Мне страшно за них, Джабл. Нужно что-то делать.

Джабл поджал губы.

— Что именно тебя пугает?

— Абсолютно все.

— Правда? Мне показалось, что тебе понравилось.

— Ну да. Майк и меня загипнотизировал. — У Кэкстона был недоуменный вид. — Я бы и не вышел из гипноза, если бы он вдруг не оказался голым. Понимаешь, он сидел в костюме и обнимал меня за пояс — как он мог раздеться?

Джабл пожал плечами.

— Ты был занят и мог не заметить землетрясения.

— Брось! Я не школьница, и целуюсь с открытыми глазами. Скажи, как он мог раздеться?

— Какое это имеет значение? Может, тебя смутила именно нагота?

— Конечно.

— Ты и сам был без штанов! Стыдитесь, сэр!

— Перестань меня грызть. У меня нет привычки к групповой любви. Меня чуть не стошнило. — Бен скривился. — Каково было бы тебе, если бы

посреди твоей гостиной люди стали спариваться, как обезьяны?

— Вот оно, Бен: гостиная была не твоя. Ты пришел к человеку в дом, будь любезен принять правила, действующие там. Цивилизованный человек должен поступать именно так.

— А если тебя шокирует подобное поведение?

— Это уже другой вопрос. Я всегда находил и нахожу публичные проявления похоти отвратительными, но достаточно большая часть человечества не разделяет моих вкусов. Оргии имеют многовековую историю и не оскорбляют ничьего достоинства, поэтому нельзя говорить, что они «шокируют».

— Ты хочешь сказать, что это не более, чем дело вкуса?

— Вот именно. И мои вкусы не более святы, чем вкусы Неро, а даже менее: Неро — бог, а я — нет.

— Черт меня возьми!

— Вряд ли у него это получится. Дальше: Майк не устраивает публичных оргий.

— То есть как?

— Ты говорил, что у него в доме что-то вроде группового брака, выражаясь научно — групповая теогамия. Поэтому все, что там происходит или планируется, является семейным делом, а не

публичной оргией. Кругом все боги, и нет больше никого — кто же может обидеться?

— Я обиделся.

— Сам виноват. Ты ввел их в заблуждение и спровоцировал на «оргию».

— Что ты, Джабл! Я ничего не делал.

— Ах, Господи! Как только ты вошел, ты понял, что у них сложился чуждый тебе уклад. Тем не менее не ушел. Ты повел себя, как бог, встретившийся с богиней. Ты отдавал себе отчет в том, что делал, и они это понимали. Их ошибка в том, что они приняли твое притворство за чистую монету. Нет, Бен, Джилл и Майк вели себя вежливо, и не тебе следует обижаться на них, а им на тебя.

— Ты умеешь все перевернуть с ног на голову. Меня завлекли чуть не силой. Если бы я не убежал, меня стошнило бы.

— Теперь ты хочешь свалить вину на рефлекс. Дорогой мой, воспитанный мальчик тринадцати лет на твоем месте сжал бы зубы, пошел в ванную, посидел бы там с четверть часа, потом пришел бы и извинился. Рефлекс тут ни при чем. Рефлекс может вывернуть желудок, но не может приказать ногам бежать к двери, рукам — хватать одежду, глазам — искать выход. Это был страх. Чего ты испугался, Бен?

Кэкстон долго молчал, потом вздохнул и выдавил.

— Сдаюсь, я — ханжа.

— Ханжа считает свои моральные установки законом природы, — покачал головой Джабл. — Ты не такой. Ты подлаживался под людей, поведение которых не соответствовало твоим правилам, а настоящий ханжа еще с порога обозвал бы даму в татуировке неприличным словом, повернулся бы и ушел. Копай глубже.

— Я ничего не соображаю. Мне плохо.

— Вижу и сочувствую. Давай подойдем к делу с другой стороны. Ты упомянул женщину по имени Рут. Давай предположим, что на кушетке с тобой сидели Майк и Рут, а не Джиллиан. Допустим, они предположили бы то же самое сближение. Был бы ты так же «шокирован»?

— Да, меня шокировала сама ситуация, хотя ты говоришь, что это дело вкуса.

— В какой степени? Что бы сделал?

Кэкстон смутился.

— Черт бы побрал тебя, Джабл! Я нашел бы предлог выйти на кухню.

— Отлично, Бен. Я понял, в чем дело.

— В чем же?

— Какой элемент мы изменили?

Кэкстон помрачнел и надолго умолк. Наконец сказал:

— Ты прав, Джабл: все дело в Джилл, в том, что я люблю ее.

— Близко к истине, но не точно.

— Что?

— Чувство, которое заставило тебя бежать, не называется «любовь». Ты знаешь, что такое любовь?

— Надоело! На этот вопрос не могли ответить ни Шекспир, ни Фрейд. Мне плохо, и все.

Джабл покачал головой.

— Я дам точное определение. Любовь — это состояние, в котором счастье другого является непременным условием твоего счастья.

— Верно, — медленно произнес Бен, — именно это я испытываю по отношению к Джилл.

— Хорошо. И ты говоришь, что тебя стошнило и ты убежал при необходимости сделать Джилл счастливой.

— Подожди! Я не говорил…

— Может быть, тут присутствовало еще какое-то чувство?

— Я говорил… — Кэкстон запнулся. — Хорошо, можешь считать, что я ревновал. Но я могу поклясться, что не ревновал. Я давно уже со всем

смирился и не держал на Майка зла. Я понимаю, что ревность бессмысленна.

— Милый мой, любовь — нормальное состояние, ревность — патологическое. Нередко незрелый ум принимает одно за другое или ставит ревность в прямую зависимость от любви. На самом деле это несовместимые вещи: ревность не оставляет места любви, и наоборот. Но и то, и другое способно произвести бурю в душе. Хочешь знать, в чем дело? Твоя ревность глянула тебе в глаза, ты не выдержал ее взгляда и сбежал.

— Все дело в обстановке, Джабл. Меня добил этот гарем. Не пойми превратно меня; я любил бы Джилл, даже если бы она была грошовой шлюхой, которой, слава Богу, не является. По ее меркам, она даже высокоморальна.

Джабл кивнул.

— Я знаю. Джилл несет в себе чистоту, которая никогда не позволит ей стать аморальной. А у нас с тобой, — Харшоу нахмурился, — нет такой ангельской чистоты, которая дала бы нам возможность жить по моральным нормам Майка и Джилл.

Бен вздрогнул.

— Разве это мораль? Я хотел сказать: Джилл не знает, что она поступает плохо, ее околдовал

Майк. Майк тоже не знает, что это плохо: он Человек с Марса, его не так воспитали.

— А мне кажется, — нахмурился Джабл, — что эти люди — все Гнездо, не только наши — живут правильно. Я не знаю подробностей, но в целом с ними согласен: с анархией, вакханалией, коммунальным бытом и групповой любовью.

— Джабл, ты меня удивляешь! Если ты с ними во всем согласен, почему бы тебе к ним не присоединиться? Они будут рады. Дон ждет не дождется момента, когда ей можно будет поцеловать твои ноги и услужить тебе, как ты только пожелаешь. Я не преувеличиваю.

— Поздно, — вздохнул Джабл. — Каких-нибудь пятьдесят лет назад это было бы возможно. А сейчас я не способен на такую невинность. Я так долго жил среди зла и безнадежности, что никакая их вода меня не отмоет. А если и отмоет, то все, что останется, вряд ли станет невинным.

— Майк считает тебя в достаточной степени невинным, хотя он не употребляет этого слова. Дон говорила мне.

— Не хочу его разочаровывать. Он видит во мне свое отражение. Моя профессия — зеркало.

— Ты трус.

— Совершенно верно, сэр! Но меня пугают не

их нравы, а опасность, грозящая им извне.

— О, в этом смысле они в полной безопасности.

— Ты, уверен? Выкрась обезьяну в белый цвет и посади ее в клетку к рыжим соплеменникам. Они разорвут ее на куски. Гнездо — это школа мучеников.

— До сих пор я не замечал за тобой склонности к мелодраматическим переживаниям.

— Это не делает мои слова вескими! — взорвался Джабл. — Муки Христа ты называешь мелодрамой?

— Не сердись, я не хотел тебя обидеть. Мне кажется, что им не угрожает такая опасность. Со времен Христа прошло две тысячи лет.

— И все эти годы, да и раньше, люди реагировали на белую ворону одинаково. Возьми Онейду — она просуществовала совсем недолго, да и то в деревне, вдали от людских глаз. Возьми первых христиан — та же анархия, тот же коммунизм, групповые браки, братские поцелуи… Впрочем не то же: у христиан целовались и мужчина с мужчиной.

— В Гнезде мужчины тоже целуют друг друга — без малейшего голубого оттенка. Я забыл сказать.

— У первых христиан поцелуй между мужчи-

нами не был гомосексуальным флиртом. Ишь, обмануть меня решил, думал, я — дурак.

— Что ты!

— Спасибо. Так вот, в наше время не стоит предлагать священнику братский поцелуй: изначальных идей христианства уже никто не исповедует. Их приверженцы были физически истреблены за то, что стремились к полному единению и совершенной любви. Раньше я боялся только за Майка, теперь боюсь за всех.

— Я с тобой не согласен. Я тоже боюсь, но именно потому, что они живут неправильно.

— Согласиться тебе мешает ревность.

— Не только.

— В основном. Бен, этика секса — сложная проблема.

Все понимают, что общепринятые моральные нормы здесь не действуют, и каждый старается выработать свой собственный кодекс. Но, живя по собственному кодексу и нарушая общепринятые нормы, мы испытываем чувство вины. Ты не исключение. Ты вообразил себя свободным и поступил вопреки морали. Но, столкнувшись с незнакомым явлением, пытаешься его оценивать, исходя из отвергнутых тобой иудейско-христианских моральных догм. Естественно,

желудок не справляется. А ты думаешь — это оттого, что прав ты, а они — нет. Брось, тебя тошнит потому, что ты привык заглатывать предрассудки задолго до того, как научился соображать.

— А что тебе говорит твой желудок?

— Мой тоже дурак, но я не позволю ему командовать мозгами. Я одобряю попытку Майка разработать идеальную этику и готов ему аплодировать. Может быть, он станет родоначальником новой морали? У большинства философов не хватало на это мужества. Они принимали без изменений принципы: моногамию, семью, воздержание — и смаковали детали, например, пристойна ли женская грудь.

А больше всего сил они затратили, чтобы придумать, как заставить подчиняться этой морали, игнорируя тот факт, что большинство человеческих трагедий происходит не от неумения соблюдать нормы морали, а от порочности самих норм.

И вот прилегает Человек с Марса, смотрит на нашу мораль свежим взглядом и отвергает ее. Я не знаком с его моральным кодексом, но мне понятно, что тот противоречит законам всех земных наций, постулатам всех религий и убеждениям большинства агностиков и атеистов.

Бедный мальчик!

— Он не мальчик, а взрослый мужчина!

— Какой мужчина! Марсианин-недоросль, утверждающий, что секс — это путь к счастью. Да, секс должен приносить счастье. Самое ужасное, что люди используют секс не для того, чтобы доставлять друг другу удовольствие и приносить счастье; для нас секс — это средство порабощения и унижения друг друга.

Наша мораль требует: «Не пожелай жены ближнего своего». В результате: лицемерное целомудрие, измены, ревность, страдания, побои, убийства, разводы, несчастные дети. Кто выполняет это требование? Если человек клянется на Библии, что не пожелает жены ближнего своего потому, что так велит мораль, он либо лжет, либо страдает импотенцией. Каждый мужчина, способный зачать ребенка, в течение жизни не раз желает жену ближнего своего.

И вот приходит Майк и говорит: «Зачем желать мою жену? Любите ее! Ее любви к вам нет предела. Полюбив мою жену, вы ничего не потеряете, кроме страха, вины, ненависти и ревности, а приобретете весь мир». Этому трудно поверить. Такую наивность позволяли себе только первобытные эскимосы, но они были почти так же

изолированы от остального человечества, как марсиане. Современные эскимосы переняли наши добродетели, теперь у них тоже есть верность и измена. А что им это дало?

— Не знаю, я не эскимос.

— Я тоже. Не люблю рыбу.

— Все-таки они получили какие-то блага цивилизации. Мыло, например.

— Мыло, безусловно, благо. Я это хорошо понимаю, потому что провел детство в доме, где не было канализации, как в иглу. Но, еще не зная мыла, эскимосы были счастливейшими людьми на земле. Они свободно менялись женами и не знали слова «ревность». Посмотри, как живем мы, какой мерзкий у нас мир. Посмотри на учеников Майка и скажи: кто счастливее — мы или они?

— Я не успел поговорить со всеми. Но те, кого я видел, как-то неправдоподобно счастливы. Я все время искал подвоха.

— Может, ты сам был этим подвохом?

— Как это?

— Жаль, что у тебя в юном возрасте сформировались настолько непробиваемые убеждения. Три дня счастья, которые тебе предлагали, могли бы согревать и поддерживать тебя всю жизнь. А ты, молодой дурак, позволил ревности прогнать

тебя оттуда. Будь я моложе, я без колебаний согласился бы на три дня побыть эскимосом. Я на тебя сердит и могу лишь утешить предсказанием, что ты еще пожалеешь о своем поступке. Старость не приносит мудрости, она лишь позволяет видеть дальше: как вперед, так и назад. И очень грустно бывает оглядываться на искушения, которым вовремя не поддался. Ох, как пожалеешь!

— Хватит, надоело!

— Да что ты за человек? Вместо того, чтобы лететь в Гнездо, как весенний голубь, сидишь и плачешься мне, старику. Да будь я на двадцать лет моложе, присоединился бы к Майку.

— Слушай, Джабл, давай отвлечемся от эмоций. Что ты на самом деле думаешь о церкви Майка?

— Кажется, ты говорил, что это не церковь, а что-то вроде клуба.

— И да, и нет. Майк провозглашает свое учение Правдой с большой буквы, которую ему передали Старшие Братья.

— Старшие Братья? Бабушкины сказки.

— Майк в них верит.

— У меня был знакомый, который верил в дух Александра Гамильтона. Это же не значит, что он действительно с ним общался. Какой ты несносный!

— Чем ты недоволен?

— Понимаешь, Бен, самый большой грешник тот, кто делает религию профессией. Отдадим же должное дьяволу. Майк верит в свою правду и преподносит ее людям так, как сам ее видит. Что до его Старших Братьев, не могу утверждать, что их не существует; я говорю, что мне трудно в них поверить. Девиз «Ты есть Бог» не более и не менее правдоподобен, чем другие религиозные девизы. Придет Судный день, и может оказаться, что нашим Хозяином все время был какой-нибудь конголезский Мумбо-Юмбо.

— Джабл, ради Бога, не кощунствуй.

— Бен, человек устроен так, что ему трудно представить собственную смерть. Это привело к возникновению множества религий. Люди так и не пришли к бессмертию, но поставили уйму важнейших вопросов; как возникает жизнь, как «я» вселяется в тело, что такое это «я» и почему оно кажется себе центром Вселенной и венцом жизни. Наука не может ответить на эти вопросы, какое же право имею я порицать или осмеивать религии за попытки — пусть неубедительные — ответить на них? Старик Мумбо, в честь которого не построили ни одного храма, имеет такое же право на существование, как и наши

цивилизованные боги; он имеет такое же право съесть меня за непочтение. Точно так же нельзя сбрасывать со счетов наивного мальчика, отправляющего сексуальный культ на темном чердаке: он может быть новым и настоящим Мессией. Все религии правы в одном: самосознание — это не просто смесь аминокислот.

— Джабл, в тебе умер проповедник!

— Человечеству повезло. Если Майк укажет нам лучший способ жизни, не стоит придираться к его интимным привычкам. Гении всегда презирают мнение толпы, особенно в отношении любви, и живут по собственным законам. Майк — гений, и поступает по-своему. С теологической точки зрения, поведение Майка банально и даже ортодоксально. Он говорит, что все живые существа вкупе являются Богом, из чего следует, что Майк и его ученики — пока единственные сознательные боги на этой планете. Земные религии позволяют богам устраивать сексуальную жизнь по собственному усмотрению. Нужны доказательства? Пожалуйста: Леда и Лебедь, Европа и Бык, Осирис, Изида и Гор. Я уже не говорю о восточных религиях: тамошние боги вытворяют такое, что и подумать страшно. И наша троица, если и поразмыслить, не так уж и свята. Как же

примирить поведение богов с моралью, диктуемой людям религиями? Остается признать, что боги размножаются по иным законам, чем люди. Об этом, к сожалению, никто не задумывается. На всем, что связано с богами, стоит гриф: «Свято, критике не подлежит». Я считаю, что Майку можно позволить то, что позволено другим богам. Какие-то боги размножаются делением: не только Иегова, у него есть последователи. Другие боги размножаются, как кролики, посредством промискуитета[8], и плевать им на человеческие законы! Если Майк вышел в разряд богов, оргии становятся для него обязательными, как для солнца — восход, и судить его следует по законам Олимпа. Чтобы понять это, Бен, нужно прежде всего уступить их искренности.

— Я уступил, только…

— Ой ли? Ты начал с того, что заранее объявил все их поступки дурными, осудив с точки зрения морали, которую сам отвергаешь. Давай мыслить логически. Где есть полигамия, нет места моногамии. Если полигамия является основой их убеждений, зачем ее скрывать? Скрывают то, чего стыдятся; а наши-то боги гордятся собой.

---

[8] Примечания: 8

Промискуитет — предполагаемая стадия неупорядоченных половых отношений в первобытном обществе.

Прятаться по углам — значит признать правоту морали, против которой они выступали, или дать тебе понять, что ты чужак, которого они не хотят допускать в свое Гнездо.

— Может, меня и не нужно было допускать.

— Разумеется. Майк и не хотел, но Джилл настояла.

— Это еще хуже.

— Почему? Она хотела сделать тебя богом. Она тебя любит — и не ревнует. А ты ревнуешь и, хотя говоришь, что любишь, ничего не делаешь, чтобы это доказать.

— Я ее на самом деле люблю, черт возьми!

— Значит, ты просто не понял, какой чести тебя удостоили.

— Наверное, — угрюмо согласился Бен.

— Могу предложить тебе выход из положения. Тебе было любопытно, как Майк избавился от одежды? Сказать?

— Скажи.

— Это было чудо.

— Ты смеешься надо мной?

— Ничуть. Поспорим на тысячу долларов. Пойди спроси у Майка. Попроси продемонстрировать еще раз. И не забудь принести мне деньги.

— Джабл, мне не нужна твоя тысяча.

— Ты ее и не получишь. Спорим?

— Джабл, ну как я могу туда явиться? Сам понимаешь…

— Тебя встретят с распростертыми объятиями и не потребуют ни словечка объяснений. На это можно поставить еще тысячу. Бен, ты не пробыл там и суток. Ты уверен, что понял, что они собой представляют? Разве хватит суток на сбор материала, когда ты решил кого-нибудь ославить в газете?

— Но…

— Хватит?

— Нет, но…

— И после этого ты утверждаешь, что любишь Джилл! Ты не хочешь подарить ей даже десятую долю внимания, которое уделяешь грязным политиканам. А она столько сил приложила, чтобы тебе помочь. Где бы ты был сейчас, если бы она действовала так же решительно, как ты? Скорее всего, жарился бы в аду. Тебя волнует их дружеский блуд? Знай: это не самое опасное.

— Есть что-нибудь опаснее?

— Христа распяли за то, что он проповедовал, не испросив на это разрешения властей.

Кэкстон молчал, грыз ногти, потом поднялся.

— Я пойду.

— Поешь сначала.

— Нет, мне пора.

Через двадцать четыре часа Кэкстон перевел Харшоу две тысячи долларов. Целую неделю от него не было известий. Джабл отправил ему письмо:

«Какого дьявола ты делаешь?».

И получил ответ:

«Изучаю марсианский. Твой брат Бен».

Часть V
СЧАСТЛИВЫЙ УДЕЛ
Глава 34

Фостер оторвался от работы:

— Юниор!

— Да, сэр?

— Ты интересовался каким-то молодым человеком? Можешь им заняться: марсиане сняли с него наблюдение.

Дигби удивился.

— Простите, я не помню, чтобы у меня были какие-то обязанности по отношению к некоему молодому человеку.

Фостер улыбнулся ангельской улыбкой. Чудеса ни к чему, псевдопонятие «чудо» несет в себе противоречие. Но молодежи этого не объяснишь. Нужно, чтобы она сама все постигла.

— Ладно, это пустячное мученичество. Я сам за ним прослежу.

— Что мне делать, сэр?

— Называй меня просто Фос. Церемонии хороши на линии, а здесь в штабе они излишни. И следи, чтобы я не называл тебя юниором: ты отлично справился с испытательным задани-

ем. Какое имя хочешь взять для дальнейшей работы?

— Я могу взять другое имя?

— Хоть десяток. Что тебе нравится?

— Не знаю…

— Хочешь называться «Дигби»?

— Да, очень красивое имя. Спасибо.

— Не благодари: ты его заслужил, — Архангел Фостер вернулся к работе, не забыв о только что взятом на себя деле. Он подумал, как бы пронести чашу сию мимо малышки Патриции, но одернул себя. Милосердие не к лицу ангелу.

Марсианские Старшие Братья наконец выработали единое мнение по поводу поэмы о Пятой планете и закрыли проблему. К тому времени птенец-чужак, водворенный на родину, передал им всю необходимую информацию о Земле, и Старшие Братья, за ненужностью, выпустили его из поля зрения. Они занялись обсуждением полученной информации с целью принятия решения об эстетической целесообразности уничтожения Земли.

На Японию обрушился цунами, возникший в результате сейсмического процесса с эпицентром в 280 километрах от острова Хонсю. Волна унесла 1300 человеческих жизней, а одного младенца

мужского пола забросила на статую Будды, где его нашли ламы. После бедствия, не причинившего дитяти никакого вреда, кроме пожизненной икоты, младенец прожил девяносто семь земных лет.

Синтия Дачесс с помпой постриглась в монахини и через три дня тихо скончалась. Экс-Генеральный Секретарь Дуглас перенес инсульт, в результате которого потерял способность двигать левой рукой. На его способности управлять вверенным ему имуществом болезнь не отразилась. На Плутоне совершил посадку исследовательский корабль «Мэри Джейн Смит». Во Фрэзере, штат Колорадо, был зарегистрирован самый холодный февраль за всю историю штата.

Епископ Окстонг выступил в соборе Нью Гранд Авеню Темпл с проповедью на тему: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24; 24). Он дал понять, что сия диатриба[9] не относится к мормонам, «христианской науке» и фостеритам, а направлена на выскочек, отвращающих истинно верующих от веры их отцов.

---

[9] Примечания: 9

Диатриба — резкая, желчная речь с нападками личного характера.

В одном из курортных городов той же страны трое обратились в суд с жалобой на пастора, предавшегося публичному разврату. Пастора и его пособников обвиняли также в растлении малолетних и в аморальном поведении в семье. Прокурор не хотел рассматривать жалобу: у него накопилось их более десятка, а жалобщики не являлись для подтверждения. Но последние жалобщики оказались настырными и обещали явиться, чтобы прижать антихриста, которым уже недоволен сам Верховный епископ Шорт.

Прокурору не было дела до антихристов, но он помнил, что близятся выборы:

— Поймите, без поддержки я ничего не смогу сделать!

— О, за поддержкой дело не станет.

Доктор Джабл Харшоу не был осведомлен об этом происшествии, но ему было известно много аналогичных. Он тревожился и вновь позволил себе слабость следить за новостями. Пока Харшоу просматривал газеты, отыскивая в заголовках слова: «Человек с Марса», «В. М. Смит» и «Бен Кэкстон», ему уже не раз хотелось позвать Ларри и попросить включить стереовизор. Неужели трудно черкнуть пару слов, чтобы он не волновался?

— Ближняя?

Вошла Энн, но Харшоу все смотрел на пустой бассейн, в который падал снег.

— Энн, арендуй для нас какой-нибудь тропический атолл и дай объявление о продаже этого дома.

— Хорошо, босс!

— Только постарайся оформить аренду раньше, чем сюда въедут индейцы. Я не люблю жить в отеле. Когда вы получили последнюю зарплату?

— Сорок три дня назад.

— Так вам и надо. Пиши — «Прощальная».

Мне хорошо бы умереть
Под тихий звон бокала,
Но, может быть, другая смерть
С петлей меня алкала?

Иль, может быть, немой палач
С заóстренной секирой
Под звон церквей и тихий плач
Сведет меня в могилу?

Или зайдя к святым отцам,
Где тлеют свечи рядом,
Я отравлюсь уж до конца

Их смертоносным ядом?

Или избавлюсь от страстей,
Долгов и от налогов
Я с помощью других смертей,
Дарованных мне Богом?

Мне хорошо бы с высоты
Свалиться для начала…
Но лучше смерть подай мне ты
На донышке бокала![10]

— Конец. Подпиши: Луиза М. Элкотт и отправь в журнал «Вместе».

— Мне казалось, вы собирались диктовать платежную ведомость.

— Творческая работа — самая неблагодарная: ее по достоинству оценивают только после смерти автора, когда ему уже нельзя заплатить. Положи это в архив, пусть войдет в мое литературное наследие. Что такое писательство? Дерьмо! Постоянные подачки человеческим слабостям.

— Бедный Джабл: пока сам себя не пожалеет, никто его не пожалеет!

— Опять сарказм. А работа стоит.

---

[10] Примечания: 10
Перевод Л. Чернышенко.

— Никакого сарказма. А работа стоит не по моей вине.

— Прошу прошения. Составляем платежную ведомость. Название: «Предсмертная песнь».

В моем сердце ледяная пустыня зимы,
И осколки разбитых надежд ранят душу.
Нас разделяет угасшая любовь, и мы
Ее, как северный ветер, слушаем…

Мое тело в шрамах, в мертвых сучках,
Как дерево с обмороженными почками,
И от треска мутится в глазах,
Но это не больно — больней одиночество.

В лихорадочном бреду силюсь тебя узнать,
В прорванные барабанные перепонки
Твой голос врывается гимном.
Я не боюсь смерти, боюсь, что она
Тебя у меня отнимет [11]

---

[11] Примечания: 11
Перевод Л. Чернышенко.

— Джабл, — встревожилась Энн, — у вас живот болит?

— Он у меня всегда болит.

— Это тоже в архив?

— Нет, в «Нью-Йоркер».

— Там не примут.

— Примут, еще как! Они любят чернуху.

— Здесь не выдержан размер.

— Иначе нельзя. Нужно дать редактору возможность что-то поправить, он обидится, если не дать. А исправив пару ошибочек, он сроднится с произведением и примет. Я научился жульничать, когда тебя еще на свете не было, а ты лезешь меня воспитывать. Я же не учу тебя нянчить Аби! Кстати, ее пора кормить. Ты освобождаешься от обязанностей Ближней. Ближняя! Доркас!

— Аби подождет. Доркас нездорова. Утренняя слабость.

— Чепуха. Я определяю беременность за две недели до начала — у Доркас ничего нет.

— Но ей хочется! Ей завидно, что она отстает. Пусть потешится надеждой.

— Бог с ней, не буду ее трогать. А почему бы тебе не принести малышку сюда?

— Потому что вы говорите гадости…

— И развращаю младенцев!

— Нет, конечно. Она еще маленькая и ничего не поняла бы, но вы станете с ней играть, и я потеряю всякую надежду добиться от вас платежной ведомости.

— А как скрасить однообразное существование?

— Джабл, мне приятно слышать, что вам нравится моя дочка. Она и мне нравится, но в последнее время вы забросили дела и либо играете с ней, либо хандрите. Если вы регулярно не пишете рассказов, у вас начинается духовный запор. Дошло до того, что мы с Доркас и Ларри сидим и ждем, когда вы позовете. Вы кричите «Ближняя», мы с облегчением вздыхаем, но тревога всякий раз оказывается ложной.

— Пока что у нас есть деньги, чтобы платить по счетам — и волноваться не о чем.

— Так о чем же вы волнуетесь?

Джабл задумался. Сказать ей? Он уже не сомневался в том, кто отец Абигайль: это явствовало из ее имени. Энн колебалась между Абигайль и Зиновией и в конце концов наградила девочку обоими именами. Энн не объяснила, что означают имена — наверное, думала, что никто не догадается.

— Вы никого не обманете, Джабл. Мы все уве-

рены, что Майк в силах за себя постоять, а вы сходите с ума.

— Я схожу с ума?!

— Ларри поставил у себя в комнате стереовизор, и мы регулярно смотрим новости. Не потому, что беспокоимся, а потому, что беспокоитесь вы. И если будут передавать что-нибудь о Майке, мы узнаем это раньше, чем вы прочитаете в газетах. Так что бросьте их читать.

— Откуда ты знаешь, что я что-то читаю? Я старался прятаться.

— Мы иногда выносим мусор, а читать, слава Богу, умеем.

— Ах да! Проклятый мусоропровод не работает, с тех пор как ушел Дюк. И все остальное тоже испортилось к чертям.

— Надо сказать Майку. Он пришлет Дюка.

— Я этого не могу сделать. — Харшоу задевало, что она говорит правду.

В душе у него зародилось подозрение:

— Энн, почему ты до сих пор здесь живешь? Уж не Майк ли тебе велел?

— Я здесь живу потому, что мне так хочется, — ответила она, не задумываясь.

— Это мало что объясняет.

— Джабл, иногда мне хочется, чтобы вы были

ребенком и вас можно было бы отшлепать. Вы дадите мне договорить?

— Говори, говори, — («Может, и Ларри с Доркас сидят здесь тоже по приказу Майка? Может быть, и Мириам не вышла бы за Вонючку и не уехала с ним в Бейрут, если бы Майк не одобрил? Имя Фатима Мишель должно означать принятие ею новой веры и одновременно комплимент ближайшему другу мужа… А может, оно имеет тот же смысл, что имя крошки Аби? Неужели Вонючка не знает, что он рогоносец? Или он этим гордится, как Иосиф? Махмуд должен был бы знать все секреты своей гурии как брат по воде…»)

— Вы не слушаете?

— Прости, задумался… («А, собственно, какое мне дело до имен, которые матери дают детям! Так недолго удариться в магические числа и астрологию, а потом — в спиритизм. Так и до маразма недалеко. Только бы не сойти с ума, чтобы не забыть дорогу к шкафчику, на одном из ящиков которого написано «Лета»…).

— В газетах нет необходимости, мы следим за событиями, а Бен поклялся на воде сразу сообщить все новости. Майк неуязвим. Если бы вы, босс, побывали в Гнезде, то сами бы это поняли.

— Меня не приглашали.

— Нас тоже не приглашали, но мы съездили. В собственный дом никого не приглашают. Вы просто ищете предлог отказаться, хотя вас уговаривали Бен, Дон и Дюк.

— Майк меня не звал.

— Босс, Гнездо принадлежит мне и вам в той же степени, в какой она принадлежит Майку. Майк там первый среди равных, как вы здесь. Можно ведь сказать, что этот дом принадлежит Аби?

— Да, после моей смерти право собственности переходит к ней, — Джабл переписал завещание, после того как Майк позаботился о своих братьях по воде.

Не будучи уверенным в «водном» статусе птенца (хотя Аби почти всегда мокрая), Джабл завещал свое имущество Аби и ее потомкам.

— Я не хотел, тебе это говорить, но вот вырвалось.

— Я так растрогана, что сейчас заплачу. Даже забыла, что говорила. Вот: Майк не зовет вас, потому что не хочет торопить. Он знает, что должно исполниться ожидание. И вы это знаете.

— Ты права.

— Сегодня у вас особенно плохое настроение — наверное, потому, что Майка опять арестовали. Но это случалось уже не раз…

— Арестовали? Я этого не знал! Проклятье!

— Джабл, ничего страшного не случилось. Майк не раз сидел: когда работал в цирке, когда служил, и после, когда стал проповедником. Он никогда не сопротивляется при аресте, обвинить его не в чем, и его вскоре выпускают.

— В чем его обвинили на этот раз?

— Как всегда: в публичном разврате, растлении малолетних, вымогательстве, пособничестве в уклонении от школьных занятий.

— А это откуда взялось?!

— У них была приходская школа, ее запретили, а ребятишки не вернулись в обычную школу. То немногое, в чем они виноваты, — недоказуемо. Если бы вы видели Гнездо, босс, то знали бы, что ни одна шайка там ничего не вынюхает. Поэтому успокойтесь. Будет газетная шумиха, потом обвинения снимут, и все пойдет своим чередом. Только последователей у Майка прибавится.

— Хм… Не сам ли Майк организует преследования?

— Мне это не приходило в голову, Джабл, — удивилась Энн, — Майк никогда не обманывает.

— Здесь нет обмана. Он сам мог распустить о себе слухи, верные, но недоказуемые.

— Вы думаете, он на это способен?

— Не знаю. Я знаю только, что строгая дозировка правды — это самая изощренная ложь. Если начнется процесс, он будет не первым на Земле процессом, преследующим скрытые цели. Ладно, забудем это до тех пор, пока Майк в силах справиться с обстоятельствами. Ты согласна быть Ближней?

— Если вы обещаете не щекотать Аби под подбородком и не говорить «Идет коза рогатая» и прочие неделовые слова, я принесу ее сюда и буду Ближней. Если нет — подниму Доркас.

— Неси сюда Аби. Я сделаю над собой усилие и постараюсь произносить исключительно деловые слова. У меня родился оригинальнейший сюжет — парень встречает девушку.

— Великолепный сюжет, босс! Как это до него никто раньше не додумался? Секундочку.

Она выбежала.

Джабл проявил сдержанность, позволив себе лишь минуточку некоммерческой деятельности, направленной на то, чтобы вызвать ангельскую улыбку Абигайль.

— Название, — начал он, — «Девочки и мальчики». Начи… Что такое?!

— Босс! — В кабинет вбежал Ларри.

— Выйди и закрой дверь!

— Босс, Гнездо сожгли!

Все бросились в комнату Ларри; Джабл отставал от Ларри на полкорпуса, Энн — с ребенком — бежала последней. На шум вышла Доркас и понеслась следом за всеми.

— …вчера в полночь. Вы видите все, что осталось от главного входа в культовое сооружение после взрыва. Вы слушали выпуск новостей компании «Нью Уорд Нетворкс». Оставайтесь на нашей волне, будем держать вас в курсе событий. А сейчас слово спонсору. — На экране появилась миловидная женщина.

— Ларри, пока идет реклама, выключи ящик и перетащи его в кабинет. Энн, — нет, Доркас, звони Бену.

— В Гнезде нет телефона, Бену нельзя позвонить, — сказала Энн.

— Надо смотаться туда. Нет, там никого нет. Вызвать сюда шерифа! Нет, прокурора! По последним сведениям, Майк в тюрьме?

— Да.

— Остальные, пожалуй, тоже…

— Наверное. Доркас, возьми Аби, я позвоню.

Когда они вернулись в кабинет, телефон разрывался. Вызов был секретный. Джабл ответил. Звонил Кэкстон.

— Привет, Джабл!

— Бен, на каком вы свете?

— Я вижу, вы в курсе дела. Не волнуйтесь. Ситуация контролируется.

— При пожаре никто не пострадал?

— Нет. Майк просил передать…

— Я видел руины…

— Джабл, пожалуйста, не мешай. Мне еще многим нужно позвонить. Ты не единственный, кого надо успокоить. Майк приказал позвонить тебе первому.

— Хорошо, сэр.

— Все живы, никто не получил даже ожогов. Сгорело имущество, миллиона на два. Дом переполнен мнениями и событиями, Майк собирается оттуда уходить. Да, там была мощная противопожарная защита, но против бензина с динамитом ничего не попишешь.

— Вы еще и поджигатели?

— Джабл, я тебя прошу. Нас восьмерых арестовали, но Майк добился, чтобы всех выпустили под залог, а сам остался.

— Я сейчас же к нему поеду.

— Успокойся. Конечно, если хочешь, езжай, но это не обязательно. Это мнение Майка и мое. Так вот, после того, как нас арестовали, все службы

были отменены и, когда начался пожар, в Храме никого, кроме нас, не было. Мы проводили церемонию разделения воды в честь Майка и вдруг услышали взрыв. Пришлось перенести церемонию в убежище.

— А потом спокойно ушли?

— Нет. Мы погибли.

— Что?

— Нас считают погибшими или пропавшими без вести. После того как начался пожар, из здания никто не выходил… известным человечеству способом.

— У вас был подземный ход?

— Джабл, Майк совершил очередное чудо. Мне не хотелось бы обсуждать его по телефону.

— Ты говорил, что он в тюрьме?

— И продолжаю говорить.

— Но…

— Хватит. Если приедешь, в Храм не ходи, ему капут. Я не хочу говорить, где мы, и звоню не оттуда. Если приедешь — хотя я не вижу в этом смысла, ты ничем не поможешь, — не ищи нас, мы сами тебя найдем.

— Но…

— Все. До свидания. Энн, Доркас, Ларри, ты, Джабл, и малышка — у нас общая вода. Ты есть

Бог. — Изображение пропало.

Джабл выругался.

— Так я и знал! Вот что получается, когда дети затевают игры в религию. Доркас, вызови такси. Энн..., нет покорми сначала ребенка. Ларри, собери чемодан. Я заберу все наличные деньги. Ларри, завтра придется идти в банк.

— Босс, — запротестовал Ларри, — мы все поедем.

— Конечно, поедем, — подхватила Энн.

— Энн, остынь. Доркас, закрой рот. Наступает время, когда женщины лишаются права голоса. Там война, и может случиться все, что угодно. Ларри, ты останешься здесь и будешь защищать женщин и девочку. В банк не ходи: деньги вам не понадобятся, раз вы остаетесь дома. Будь начеку: наш дом был связан со сгоревшей церковью, могут напасть и на него. Ларри, пропусти по забору ток, ночью освещай двор и не стесняйся стрелять. Наверное, вам стоит перебраться в подвал. По крайней мере, перенесите туда кроватку Аби. Так, брысь отсюда! Мне нужно переодеться.

Через полчаса Ларри позвал:

— Босс! Такси прибыло.

— Иду, Джабл оглянулся на «Упавшую кариатиду». Глаза его наполнились слезами. — Ты

старалась, девочка, я понимаю. Но камень попался слишком тяжелый.

Он сжал ее руку, повернулся и вышел.

Глава 35

Джабл не зря не доверял технике: такси сломалось и полетело на ближайшую базу. Харшоу очутился в Нью-Йорке, еще дальше от цели, чем раньше. Он обнаружил, что общественным транспортом доберется до места назначения быстрее, и стал ждать ближайшего рейса у стереовизора.

Верховный епископ Шорт объявил священную войну антихристу, то есть Майку, потом показали разоренное Гнездо. Джабл не мог понять, как кто-нибудь мог выйти оттуда живым. Обозреватель Огатес Гривс взволнованным голосом сказал, что междуусобная ссора всегда вспыхивает по вине одного из соседей и сейчас, как это ни прискорбно, виноват так называемый Человек с Марса.

Наконец Харшоу добрался. Он был в зимней одежде и непрерывно потел. Пальмы напоминали ощипанные плюмажи, море было как огромная лужа, в которой плавали апельсиновые корки и человеческие экскременты.

Подошел человек в форменной фуражке.

— Такси, сэр?

— Да, пожалуйста.

Нужно остановиться в отеле, созвать прессу и дать интервью; тогда в газетах появится его адрес.

— Сюда, сэр, — таксист указал на старенькую машину.

Укладывая чемодан Харшоу, он сказал:

— У нас общая вода.

— А? Глубокой воды.

— Ты есть Бог, — пилот закрыл дверь и сел в свой отсек.

Машина приземлилась на крыше одного из прибрежных отелей, на маленькой частной площадке, рассчитанной на четыре машины. Общая площадка располагалась на крыше соседнего корпуса. Пилот отправил пустое такси на вокзал, взял чемодан Харшоу и стал показывать Джаблу дорогу.

— Вы бы не прошли через холл: там полно кобр. И если нужно будет выйти, попросите, чтобы вас проводили. Найдите меня: я — Тим. Или кого-нибудь другого.

— Я Джабл Харшоу.

— Знаю, брат Джабл. Сюда. Осторожно.

Они вошли в роскошный, просторный номер.

Тим отнес чемодан в одну из спален с отдельной ванной и сказал:

— Это твоя.

На столе стоял графин с водой, стаканы, кубики льда и бутылка бренди. Харшоу наскоро приготовил смесь, отхлебнул и стал раздеваться.

Вошла женщина с подносом сэндвичей. На ней был не купальник, не сарафан, не другой какой-нибудь курортный наряд, а платье, и Джабл решил, что это горничная в рабочей форме. Она поставила поднос на стол, улыбнулась и сказала:

— Пей, брат, и никогда не испытывай жажды.

Она заглянула в ванную, открыла воду и вернулась.

— Тебе что-нибудь нужно, брат Джабл?

— Мне? Да нет, ничего, все есть. Бен Кэкстон здесь?

— Да. Он сказал, чтобы мы дали тебе возможность принять ванну и отдохнуть с дороги. Если что-то понадобится, ты только скажи. Или позови меня. Я — Пэтти.

— Биография Архангела Фостера?

Она улыбнулась и стала выглядеть моложе тридцати, которые он ей вначале дал.

— Да.

— Можно на нее взглянуть? Я интересуюсь

религиозным искусством.

— Сейчас? Я думаю, тебе лучше сначала принять ванну. Помощь не нужна?

Джабл вспомнил, что его знакомая, носившая татуировку, не раз делала ему подобные предложения. Однако сейчас ему хотелось только смыть с себя грязь и переодеться.

— Нет, Пэтти, спасибо. Но я обязательно посмотрю твои картины, когда тебе это будет удобно.

— О, в любое время! Мы никуда не спешим. — Она ушла легко, но неторопливо.

Джабл не стал долго нежиться в ванне. Он принялся разбирать уложенный Ларри чемодан. Бестолковый Ларри! Из легкой одежды Харшоу нашел лишь шорты, сандалии и яркую рубашку. Он оделся и стал похож на страуса эму с тонкими волосатыми ногами. Правда, на такие мелочи Джабл не обращал внимания уже несколько десятков лет. Сойдет, если в суде не запрещается присутствовать в таком виде. Интересно, здешняя коллегия адвокатов связана с пенсильванской?

Харшоу вышел в гостиную, обставленную поотельному безлико. Несколько человек сидели у огромного стереовизора. Один обернулся, сказал:

— Привет, Джабл! — и встал навстречу Харшоу.

— Привет, Бен! Как дела? Майк еще в тюрьме?

— Нет, он вышел вскоре после того, как я тебе звонил.

— Срок слушания уже назначен?

— Ты не понял, Джабл, — улыбнулся Бен. — Майк не был освобожден, он бежал.

Джабл поморщился:

— Какая глупость! Это только усложнит дело.

— Джабл, я сказал: не волнуйся. Мы погибли, Майк бежал. Страсти скоро улягутся, и мы обоснуемся в другом городе.

— Его выдадут местным властям.

— Не бойся, не выдадут.

— Ладно, где он?

— Здесь, в одной из комнат, но ушел в размышления. Просил передать, чтобы ты ничего не предпринимал. Если хочешь, Джилл его вызовет. Но я не советую. Куда спешить?

Джаблу ужасно хотелось поговорить с Майком и отругать его за то, что он заварил такую кашу, но он знал, что вызывать Майка из транса — все равно, что помешать ему самому диктовать рассказ, и даже хуже. Майк сам выйдет из транса, когда полностью вникнет в происходящее или поймет что не может вникнуть и нужно продолжить наблюдение.

— Хорошо, я подожду. Как только он очнется, зови меня.

— Будет сделано. Садись, отдыхай. — Бен подтолкнул его к стереовизору.

Энн оторвала взгляд от экрана и сказала:

— Здравствуйте, босс. Садитесь, — она подвинулась.

Харшоу сел рядом.

— Позволь полюбопытствовать, какой черт тебя сюда принес?

— Тот же, который принес вас. Джабл, пожалуйста, не командуйте. Мы имеем такое же право находиться здесь как и вы. Вы уезжали в таком настроении, что спорить с вами было бесполезно. Послушайте лучше, что говорят. Шериф только что объявил, что выгонит из города всех шлюх, — она улыбнулась. — Меня еще ни разу не выгоняли. Интересно, меня понесут или заставят идти пешком?

— Думаю, на сей счет единых правил не существует. Вы все здесь?

— Да, босс, не сердитесь. Мы оставили дом на Мак-Клинтоков, еще в прошлом году с ними договорились. Они знают, как работает печь и где выключатели.

— Мне начинает казаться, что я в собственном

дом не больше, чем пансионер.

— Вы сами сняли с себя все хозяйственные обязанности. Кстати, с вами, наверное, что-то приключилось в дороге: мы приехали раньше.

— Приключилось. До конца жизни я не выйду за порог своего дома, отправлю на свалку телефон и разобью молотком стереовизор. Дайте только вернуться.

— Ваше право, босс.

— Я говорю серьезно! — Он взглянул в стереовизор. — Когда кончится эта реклама? И где моя водяная внучка? Надеюсь, вы не оставили ее на идиотов Мак-Клинтоков?

— Нет, конечно. Она здесь. Ей даже нашли няню.

— Я хочу ее видеть.

— Пэтти вас проводит, а я на нее уже смотреть не мог она меня в дороге извела. Пэтти, дорогая, Джабл хочет видеть Аби.

— Пойдем, Джабл, — сказала дама в татуировке. — Малыши живут у меня, за ними присматривает моя девочка.

«Девочка» оказалась огромным боа-констриктором. Она лежала на кровати так, что ее тело образовывало два гнезда, в которых почивали младенцы.

Пресмыкающаяся нянька вопросительно подняла голову навстречу вошедшим. Пэтти погладила ее и сказала:

— Все в порядке, дорогая. Папа Джабл хочет поиграть с Аби. Джабл, ты поговори с ней, дай ей в тебя вникнуть, и в следующий раз она тебя узнает.

Джабл поворковал со своей любимицей и стал знакомиться со змеей. Такой красивой особи он еще не встречал. В неволе боа-констрикторы никогда не достигают таких размеров. Классически четкие поперечные полосы, яркий хвост. Джабл позавидовал Пэтти. Жаль, не будет времени подружиться с боа поближе.

Змея потерлась о его руку головой, как кошка. Пэтти взяла Аби на руки и обратилась к боа:

— Милочка, что же ты молчишь? Она мне сразу говорит, если что случилось, сама-то она с ними не справится, разве что затолкает обратно, если они выползут из гнезда. Но вот никак не вникнет, что мокрого ребенка нужно перепеленать. Не находит, как и Аби, в подмоченном состоянии ничего дурного.

— Знаю. Она инстинктивно разделяет наши убеждения. А кто вторая?

— Фатима Мишель. Я думала, ты знаешь.

— И они здесь? Я считал, что они в Бейруте.

— Вчера приехали. Мириам говорила, откуда, да я не запомнила. Всю жизнь живу в Америке, и заграничные названия мне ничего не говорят. Я вникаю, что все места хороши, и люди тоже. Хочешь подержать Абигайль, пока я разберусь с Фатимой?

Джабл взял Аби на руки и сказал ей, что она самая красивая девочка на свете, потом то же самое сказал Фатиме. Он говорил искренне, и обе девочки ему поверили. За свою долгую жизнь Харшоу говорил эти слова бесчетное количество раз, каждый раз искренне, и каждый раз ему верили.

Уходя, он сказал то же самое боа-констриктору.

В коридоре они встретили мать Фатимы.

— Босс, милый! — она поцеловала Харшоу и похлопала по животу. — Я вижу, вас голодом не морили.

— Пожаловаться не могу. Видел твою дочурку, Мириам: не ребенок, а ангел.

— Хорошенькая, правда? Продадим ее в Рио.

— Разве в Йемене спрос не больше?

— Вонючка говорит, что нет. — Мириам положила ладонь Харшоу себе на живот. — Слышите? Мы с Вонючкой сделали мальчика — с девчонкой

некогда было возиться.

— Мириам, — наставительно сказала Патриция, — так нельзя говорить.

— Прости, Пэтти. О твоем ребенке я так не буду говорить. Тетушка Пэтти у нас благородная леди, а я — нет.

— Точно: ты хулиганка. Если будешь продавать Фатиму, я куплю ее за двойную цену.

— Все предложения тетушке Пэтти: я ничего не решаю, меня иногда пускают посмотреть.

— Я бы на твоем месте ее не продавал — вдруг самой пригодится. Ну-ка, дай взглянуть тебе в глаза… похоже.

— Не похоже, а точно. И Майк говорит, что у нас мальчик.

— Откуда он знает? Я еще не уверен, что ты беременна.

— Она беременна, Джабл, — вступилась Патриция.

— Вы все такой же скептик, босс, — благодушно заявила Мириам. — Мы еще сами не подозревали, что сделали мальчика, а Майк вник и позвонил. Вонючка взял отпуск в университете. И вот мы здесь.

— Чем занимаетесь?

— Работаем, как лошади. С моим мужем дурака

не поваляешь, как с вами: он просто рабовладелец.

— Что же вы делаете?

— Составляют словарь марсианского языка, — сообщила Патриция.

— Марсианско-английский? Это нелегко.

— Что вы! — Мириам почти испугалась. — Это просто невозможно! Мы составляем марсианско-марсианский словарь. Такого словаря не существует: марсианам он не нужен. Я выполняю черную работу — печатаю. Майк с Вонючкой — в основном Вонючка — разработали алфавит из восьмидесяти одной буквы. Мы адаптировали айби-эм-овскую клавиатуру, заняли оба регистра. Босс, я уже не гожусь вам в секретари: разучилась печатать по-английски. Но я вас все равно люблю. Если вы позовете Ближнюю, надеюсь вам пригодиться. Я по-прежнему готовлю и, говорят, у меня есть и другие таланты…

— Я буду диктовать по-марсиански.

— А что, у вас получится. Возьмите пару уроков у Майка — и вперед. Правда, Пэтти?

— Верно, брат мой, — подтвердила Патриция.

В гостиной к ним подошел Кэкстон и отвел Харшоу в сторону.

— Вы, видимо, занимаете большую часть эта-

жа? — спросил Харшоу.

— Да, весь этаж, включая холл, где ходить небезопасно. Тебя предупредили?

— Обязательно.

— Пока нам больше не нужно, но, возможно, скоро станет тесно: народу прибавляется.

— Бен, вы слишком явно скрываетесь. Вас выдаст прислуга отеля.

— Она сюда не заходит. Отель — наша собственность.

— Тем хуже.

— Пока мистер Дуглас не получает зарплату у шефа местной полиции, нам ничего не грозит. Майк владеет отелем через целую цепочку подставных лиц. Дуглас в его дела особенно не суется, а когда я передал колонку Осу Килгаллену, он даже ко мне подобрел. Владельцем числится один из наших людей. Он снял этаж на сезон. Управляющий ничего не спрашивает, ему дорога работа. Так что вполне тихое место. А Майк скоро решит, куда нам направиться.

— Похоже, он предвидел такой поворот событий.

— Несомненно. Две недели назад он распустил гнездо с птенцами. Разослал семьи с детьми в другие города, где намеревается основать новые

Гнезда. Оставил только Мириам, потому что она ему нужна. Когда пришли по наши души, нас было не более десятка.

— Но вы чудом остались в живых и потеряли все имущество.

— Самое важное мы сохранили. Материалы для словаря целы. Майк еще захватил кое-какие тряпки и деньги.

— Как ему это удалось? Мне казалось, он сидел в тюрьме.

— Тело сидело, вернее, лежало в трансе, а дух был с нами.

— Не вникаю.

— Это невозможно объяснить: нужно видеть самому. Майк вселился в тело Джилл, хотя мы все были вместе. Когда произошел взрыв, Майк перенес нас сюда, потом вернулся и подобрал кое-какие вещи.

Джабл нахмурился. Кэкстон с досадой спросил:

— Ты не знаешь, что такое телепортация? Что тебя смущает? Не ты ли открывал мне глаза на чудо? Но это не чудо, как не чудо — радио, телефон или компьютер.

— Ты вникаешь, как работает компьютер?

— Нет, конечно.

— Я тоже. Но я бы вник, если бы изучил электро-

нику. Это сложно, но ничего сверхъестественного здесь нет.

— В телепортации нет ничего ни сверхъестественного, ни сверхсложного. Сложно только ей научиться.

— Бен, ты умеешь телепортировать вещи?

— Меня этому в детском саду не учили. Меня взяли в Гнездо из уважения: я ведь первозванный. А по квалификации — на уровне Четвертого Круга. Едва могу контролировать свое собственное тело. Только Пэтти практикует телепортацию, и то я не уверен, что она делает это без помощи Майка. Майк говорит, что она может обойтись без него, но Пэтти излишне скромна и не способна освободиться от зависимости. Знаешь, Джабл, я недавно вник: нам не нужен именно Майк. Ты мог бы быть Человеком с Марса. Или я. Майк — человек, первым научившийся разжигать огонь. Когда он показал остальным, как это делается, каждый — у кого хватило ума не обжечься, стал пользоваться огнем. Ты понимаешь меня?

— Да, вникаю.

— Майк — наш Прометей, не больше. Он постоянно это подчеркивает. Твердит всем вокруг: «Ты есть Бог». Всякое мыслящее существо — Бог. А Майк — человек. Он, безусловно, во многом выше

остальных: мелкий человечишко, обучившись марсианским штучкам, объявил бы себя богом всех богов. Майк выше этого искушения: Прометей и только.

Джабл медленно произнес:

— Прометей дорого заплатил за то, что принес людям огонь.

— Майк тоже дорого платит. Он работает по двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, пытаясь научить нас играть с огнем и не обжигаться. Джилл и Пэтти, как могут, стараются его разгрузить, дать ему отдохнуть хотя бы одну ночь в неделю. — Бен улыбнулся. — Но Майка нельзя остановить. В таком городе полно игорных заведений, чуть ли не подпольных, потому что законы в этом отношении здесь суровые. Майк стал проводить свободную ночь в игорных домах, непременно выигрывая. Его пытались обжулить, побить, убить — в результате он приобрел репутацию самого везучего человека в городе, и люди стали толпами валить в Храм. Его пытались не пускать в заведения — и раскаялись. Рулетки не крутились, кости не катились. В конце концов они смирились и вежливо приглашали Майка приходить еще. Так что не только фостериты нас не любят. Городская мафия с ними заодно. Думаю,

поджог — ее рук дело. Фостериты не сработали бы так профессионально.

Тем временем в комнату входили люди, подходили друг к другу, здоровались, беседовали. Джабл заметил, что все настроены одинаково: спокойны, расслаблены, но в то же время собраны и сосредоточены. Никто ничем не озабочен, никто не торопится, но все действия целенаправлены и целесообразны. Джаблу даже показалось, что их движения до мелочей продуманы квалифицированным хореографом.

Это напряжение, спокойное, здоровое и непрерывно нарастающее, вдруг что-то напомнило Харшоу. Хирургическая операция, которую проводит мастер? Нет, не то… Вот оно: запуск космической ракеты. В молодости Харшоу пришлось наблюдать космодром в последние минуты перед стартом — те же приглушенные голоса, внешне разобщенная, но тем не менее хорошо скоординированная деятельность, то же ожидание события. Эти люди ждут, пока исполнится ожидание. Но что дальше? Отчего они так счастливы? Все, что они с таким трудом создавали, уничтожено, а они радуются, как дети перед Рождеством.

Харшоу заметил, что нагота, так покоробившая Бена во время его первого визита в Гнездо, здесь

не практикуется, хотя обстановка достаточно интимная. И когда появился обнаженный человек, Джабл не сразу обратил на него внимание: он проникся семейной атмосферой, в которой безразлично — кто одет, а кто раздет. Поначалу Харшоу обратил внимание даже не на голое тело, а на густую черную гриву. Ее обладательница с кем-то поговорила, послав Бену воздушный поцелуй, одарила Харшоу взглядом царицы и вышла. Только тогда Джабл понял, что она была одета лишь в королевское величие… и что она далеко не оригинальна в выборе наряда.

Бен проследил за его взглядом.

— Это Рут. Они с мужем были в Новом Свете, подготавливали почву для нового Гнезда. Хорошо, что вернулись. Теперь вся семья в сборе.

— Какая шевелюра! Жаль, что она так быстро ушла.

— Что же ты ее не задержал? Она заглянула специально, чтобы посмотреть на тебя. Ты не заметил, что тебя не особенно беспокоят?

— В самом деле, — Харшоу вдруг стало ясно, что его принимают радушно, но скорее с кошачьей вежливостью, чем с собачьим дружелюбием.

— Все ужасно рады, что ты приехал, но они тебя боятся.

— Боятся?

— Я тебе это еще в прошлом году говорил. Майк сделал из тебя живую легенду. Он сказал, что ты единственный человек, способный «вникнуть полностью» в Истину, не зная марсианского. Все думают, что ты читаешь мысли не хуже Майка.

— Какая ерунда! Надеюсь, ты их разубедил?

— Вправе ли я развеять легенду? И в силах ли? Они едва ли не думают, что на завтрак ты ешь младенцев, а когда рычишь, земля дрожит. Любой из них был бы в восторге, если бы ты заговорил с ним. Навязываться же не решаются. Знают, что даже Майк встает по стойке «смирно», когда ты говоришь.

Джабл заклеймил столь позорное заблуждение коротким словом.

— Безусловно, — согласился Бен. — Но Майк тоже человек, а человеку свойственно заблуждаться. Тебе придется смириться с чином святого.

— Ага, старая знакомая! Джилл! Джилл, иди сюда, дорогая!

— Меня зовут Дон, — женщина нерешительно приблизилась. — но все равно спасибо.

Она подошла еще ближе, и Харшоу показалось, что она собирается его поцеловать. Но она опустилась на колено, и приложила губы к его руке.

— Мы приветствуем тебя, отец Джабл, и рады разделить с тобой воду.

Харшоу отдернул руку.

— Ради Бога, деточка, встань с колен и сядь рядом со мной.

— Хорошо, отец.

— Называй меня просто Джабл и скажи всем, что я не люблю, когда со мной обращаются, как с прокаженным. Хотелось бы думать, что я попал в лоно своей семьи.

— Так оно и есть… Джабл.

— Значит, называйте меня по имени и считайте братом: ни больше, ни меньше. Первый же, кто обратится ко мне почтительно, останется после уроков без обеда. Вникла?

— Хорошо, Джабл, — согласилась она. — я уже всем сказала.

— Дон, очевидно, сообщила Пэтти, — пояснил Бен, — а Пэтти передает другим, тем, кому можно передать мысли, а они расскажут двоечникам, вроде меня, словами.

— Почти угадал, — подтвердила Дон, — только я говорила с Джилл, а не с Пэтти: Пэтти вышла куда-то по поручению Майка. Джабл, ты смотрел стерео? Передавали интересные новости.

— Не смотрел.

— Ты имеешь в виду побег из тюрьмы, Дон?

— Да, Бен.

— Джабл об этом не знает. Майк не просто разобрал свою камеру и ушел. Он разнес в щепки все тюрьмы в округе и разоружил всю полицию. С одной стороны, для того, чтобы они недельку-другую поработали, а с другой — потому что не любит, когда человека сажают под замок. Он считает это величайшим злом.

— Майк деликатный человек, — согласился Харшоу. — Он никого не стал бы запирать.

Бен покачал головой.

— Майка можно обвинить в чем угодно, кроме деликатности. Он может убить человека без тени сомнения. Но он крайний анархист и считает, что запирать человека нельзя. Его кредо: полная свобода и полная ответственность за свои поступки. Ты есть Бог.

— В чем же вы усмотрели противоречие, сэр? Иногда бывает действительно необходимо убить человека. А запереть его — значит, совершить преступление против его суверенитета, а также, и своей личности.

— Майк прав. Ты действительно вникаешь в жизнь по-марсиански. Я так не могу. Я только учусь. Ну, и что они делают, Дон?

— Носятся, как ошпаренные. Мэр попросил помощи у Президента и у Федерации — обещали оказать и не обманули. Прилетели машины с войсками. Солдаты выходят из машин и вдруг оказываются голые, а машины исчезают.

— Теперь понятно, почему он так долго не возвращается. Ему нужно было сосредоточить все внимание, чтобы уследить за таким множеством объектов. Если войска не перестанут прибывать, боюсь, Майк навечно останется в трансе.

Дон с сомнением проговорила:

— Мне так не кажется, Бен. Я бы с таким количеством объектов никогда не справилась, а Майк справится и при этом еще сумеет ехать на велосипеде вниз головой.

— Н-не знаю. Мне иногда становится страшно с вами, чудотворцами. Пойду посмотрю стерео. А ты развлеки папу Джабла, он любит маленьких девочек.

Кэкстон пошел прочь, за ним полетела пачка сигарет и вскочила в карман.

— Это Бен сделал или ты? — спросил Джабл.

— Бен. Он все время забывает сигареты, и они гоняются за ним по всему Гнезду.

— Ишь ты, а скромничал!

— Бен постигает истину гораздо быстрее, чем

ему кажется. Он святой человек.

— Хм… Дон, ты не та ли Дон Ардент, которую я видел у фостеритов?

— О, ты не забыл? — у нее был такой вид, будто Джабл угостил ее конфетой.

— Конечно, нет. Но ты переменилась. Стала гораздо красивее.

— Действительно, стала. Ты даже принял меня за Джиллиан, которая, кстати, еще красивее.

— Где она? Я думал, она первая выбежит меня встречать.

— Она работает, — Дон помолчала. — Я позвала ее, она скоро придет, а я сменю ее, если ты позволишь.

— Беги, девочка.

Не успела она выйти, как к Джаблу подсел доктор Махмуд.

— Как тебе не стыдно! — напустился на него Харшоу. — Не предупредил, что приезжаешь, и внучку мне представляла змея!

— Джабл, вы непростительно торопитесь!

— Сэр, когда человек… — тут кто-то, подойдя сзади, закрыл Харшоу ладонями глаза.

— Угадай, кто, — прозвучал голос.

— Вельзевул!

— Холодно!

— Леди Макбет.

— Теплее. Даю третью, последнюю попытку.

— Джиллиан, перестань шалить и сядь рядом со мной.

— Слушаюсь, отец.

— А отцом меня можно называть только дома, в По-коносе. Так вот, сэр, я остановился на том, что когда человек доживает до моих лет, он неминуемо начинает торопиться. Для него каждый рассвет — подарок судьбы, ведь за ним может не последовать закат.

— Джабл, вы, кажется, думаете, что если вы перестанете поставлять миру рассказы, земля перестанет вращаться?

— Разумеется, сэр.

Подошла Мириам, втиснулась между мужем и Харшоу.

— Я ведь мог умереть и больше не увидеть твоей гадкой физиономии, а также более приемлемого лица моей бывшей секретарши…

— Босс, не напрашивайтесь на шлепок! — прошептала Мириам ему на ухо. — Я исключительно красива и имею этому божественное подтверждение.

— Более того, из-за вашего нежелания отправить мне открытку я мог бы не увидеть мою водяную внучку. В этом случае мой призрак преследовал бы вас всю жизнь.

— Вот и посмотрели бы на Мики, как она втирает себе в волосы тертую морковь. Отвратительное зрелище.

— Я говорил образно.

— А я буквально. Мики настоящий поросенок.

— Кстати, босс, — вмешалась Джилл, — почему вы считаете, что говорили образно?

— Потому что «призрак» — это понятие, которое я использую исключительно в качестве метафоры.

— Это реальность, — настаивала Джилл.

— Возможно, но я предпочитаю во плоти наслаждаться видом маленьких девочек.

— Джабл, вам еще не пора умирать, — сказал Махмуд, — Майк вник в вас и предсказал вам долгую жизнь.

— Я уже положил себе предел из трех цифр.

— А что это за цифры? — с невинным видом поинтересовалась Мириам. — Уж не Мафусаиловы ли годы?

— Бесстыдница!

— Мой муж говорит, что все женщины бесстыд-

ницы, поэтому их вообще не стоит слушать.

— Он правильно говорит. Как только мои часы покажут три цифры, я дематериализуюсь: по-марсиански или по-земному — как получится. Этого вы у меня не отнимете. Восхождение на небеса — величайшее событие в жизни человека.

— Насчет этого вы правы, босс, — медленно сказала Джилл, — но не ждите свершения события скоро. Ваше ожидание еще не исполнилось. Элли на прошлой неделе составляла для вас гороскоп.

— Гороскоп? Какой кошмар! Кто такая Элли? Как она посмела? Подать ее сюда, я отправлю ее в бюро по найму, путь дадут ей работу, если ей делать нечего.

— Боюсь, что из этого ничего не выйдет, Джабл, — вступил Махмуд, — она работает над нашим словарем. А зовут ее мадам Александра Везан.

— Бекки? — обрадовался Джабл. — И она с нами?

— Да, только мы называем ее Элли, потому что у нас есть еще одна Бекки. Не смейтесь над ее гороскопами, Джабл: ей дано видеть.

— Чепуха! Ты сам знаешь, Вонючка, что астрология — ерунда на постном масле.

— Разумеется. Сама Элли это тоже признает. Большинство астрологов — шарлатаны. Но Элли

занимается гороскопами еще активнее, чем раньше, с применением марсианской астрономии. Таким образом она вникает в жизнь. Все равно куда смотреть — в воду, в хрустальный шар или в куриные внутренности. Главное — видеть. А она видит.

— Что это значит?

— Это значит, что она может осмыслить не только то, что ее окружает непосредственно, а охватить гораздо большую область Вселенной. Майка этому научили марсиане, Элли — талантливая самоучка. Ей можно простить глупое орудие труда — астрологию. Четки тоже глупая вещь, но иногда помогает, — он достал из кармана четки и принялся перебирать. — Если человек переворачивает кепку козырьком назад и выигрывает в покер — пусть переворачивает, лишь бы деньги шли.

Харшоу поглядел на четки и спросил:

— Ты до сих пор правоверный? Или примкнул к церкви Майка!

— И то, и другое, — сказал Махмуд, отложив четки.

— Вонючка, это несовместимые мировоззрения.

— Это верно лишь на первый взгляд. Можно ска-

зать, что я принял религию Марьям, а она — мою. Но, Джабл, брат мой, я остался рабом Божиим, подвластным его воле, и вместе с тем говорю: «Ты есть Бог. Все, что мыслит и чувствует, есть Бог». Пророк никогда не утверждал, что он последний из пророков, и сказал все, что только можно было. Покоряться воле Бога — не значит быть роботом, неспособным сделать выбор, а, значит, и согрешить. Покорность может подразумевать — непременно подразумевает — ответственность за то, что ты несешь в мир. Мы можем превратить мир в райский сад, но можем и разрушить, — он улыбнулся. — Бог может все, кроме одного: он не может уйти от себя, отказаться от своей тотальной ответственности и должен вечно покоряться своей воле. И моей, и вашей, и Майка…

Джабл вздохнул:

— Утомила меня твоя теология. Где Бекки? Двадцать лет ее не видел, соскучился…

— Еще увидите, но чуть позже. Она занята: диктует. Я сейчас объясню. Каждый день я вхожу в мысленный контакт с Майком. Это занимает несколько секунд, но по насыщенности информацией равно восьмичасовому рабочему дню. Все, что я узнаю от него, я диктую на магнитофон. Потом люди, обученные марсианской фонетике,

транскриббируют это. Затем Марьям печатает, а мы с Майком, (чаще я, Майку некогда) проверяем. Майк знает, что мы с Марьям собираемся домой. Он готовит нам домашнее задание на несколько лет вперед. Уже готовы ленты с лекциями, которые мы перенесем на бумагу, когда закончим словарь. Очевидно, нам с Марьям скоро захочется домой, потому что Майк стал передавать словарь ускоренным методом. В восьми комнатах стоят магнитофоны и работают одновременно и почти беспрерывно. Майк вводит Джилл, меня, Марьям, Элли, некоторых других по очереди в транс, передает часть словаря, а мы сразу же надиктовываем на магнитофон. Кому попало эту работу поручить нельзя. Нужно, чтобы человек имел хорошее произношение, великолепную память и способность входить в контакт. У Сэма есть все, кроме произношения. Он умудряется говорить по-марсиански с еврейским акцентом. Так вот, Элли сейчас диктует. Для того, чтобы ничего не забыть, она должна находиться в состоянии, близком к трансу. Если ее прервать, она выйдет из этого состояния и все забудет.

— Я понял, — кивнул Джабл, — хотя мне трудновато представить Бекки в роли адепта марсианской веры. Правда, когда-то она была отличной

ясновидящей. Такие мысли читала — зрители только ахали! Вонючка, если для работы нужны покой и уединение, почему бы тебе не приехать ко мне? Я пристроил новое крыло, места хватит.

— Может быть, приедем. Мы еще в ожидании.

— Милый, — оживилась Мириам, — я с удовольствием поеду, если Майк выставит нас из Гнезда.

— Ты хочешь сказать, что когда мы вникнем, придет пора оставить Гнездо?

— Это одно и то же.

— Ты говоришь правильно, моя дорогая… А когда нам дадут поесть? Я испытываю в этом до смешного немарсианскую потребность. Что-то Пэтти запаздывает…

— Ты от нее слишком многого хочешь; она не может одновременно работать над словарем, быть всем нянькой, бегать по поручениям Майка и подавать тебе еду, как только ты проголодаешься. Джабл, Вонючка никогда не станет проповедником: он раб своего желудка.

— Я от него мало отличаюсь.

— А вы, женщины, могли бы Пэтти помочь, — сказал Махмуд.

— Это запрещенный прием. Ты отлично знаешь, что мы стараемся помогать, но нам ничего не дают делать. Тони в кухню вообще никого не

пускает. — Мириам встала. — Джабл, пойдем, разведаем, что там на обед. Тони будет польщен вашим визитом.

Харшоу последовал за ней. Тони сначала скривился, но, увидев, кого привела Мириам, радушно заулыбался и стал показывать свою лабораторию, предавая анафеме негодяев, уничтоживших вместе с гнездом его кухню. Тем временем ложка, без видимой посторонней помощи, размешивала соус.

Сесть во главе стола Харшоу отказался. Почетное место осталось свободным. Джабл никак не мог отделаться от чувства, что туда сел Майк, и все его видят, а он Харшоу, нет. Напротив Джабла оказался доктор Нельсон. Джабл удивился бы больше, если бы Нельсона здесь не было.

— Привет, Джабл! У нас общая вода.

— Глубокой воды! За доктора здесь?

Нельсон покачал головой:

— За студента.

— Что выучил?

— Что медицина никому не нужна.

— Я мог вам это сказать еще двадцать лет назад, если бы вы спросили. Вана видели?

— Он должен быть сегодня ночью или завтра утром. Только прилетел.

— Он здесь часто бывает? — спросил Джабл.

— Не очень, ему некогда. Учится заочно.

— Рад буду его повидать, больше года не встречались.

Нельсон переключил свое внимание на Доркас, сидевшую справа от него, Харшоу тоже заговорил с соседом справа. В воздухе висело еще более плотное ожидание, чем раньше. Внешне же все было было совершенно спокойно — обычный семейный обед.

Пошел по кругу стакан воды. Когда дошла очередь до Харшоу, он сделал глоток и передал стакан соседке слева, от благоговения потерявшей дар речи.

— Прими от меня воду!

Она еле вымолвила:

— Спасибо, оте… Джабл.

Больше он ничего от нее не добился.

Стакан, завершая круг, оказался на свободном месте во главе стола. В нем оставалось еще немного воды. Стакан поднялся, опрокинулся, вода исчезла, а стакан опустился на скатерть. Джабл решил, что стакан был выпит в его честь. Почему же церемония не сопровождалась приличествующей случаю вакханалией? Из-за осадного положения или из-за почтения к нему, Харшоу?

Джабл склонился в пользу второго предположения и почувствовал досаду. С одной стороны, он был рад, что ему не пришлось отказываться от приглашения, которое в его годы он был не в силах принять, а с другой… Ребята, сегодня на каток не пойдем, развлечем бабушку, поиграем с ней в домино… Нет, лучше на каток, и переломать ноги, чем признать, что годен только для домино.

От этих размышлений Харшоу отвлек сосед справа, которого звали Сэм.

— Мы потерпели лишь кажущееся поражение, — говорил он. — На самом деле мы продвигаемся вперед. Конечно, у нас будут неприятности: никакое общество никому не позволит безнаказанно подрывать его устои. А мы отвергаем все его институты — от собственности до брака.

— Вы отвергаете собственность?

— Да, в том виде, в котором она существует. В настоящий момент Майкл бросил вызов лишь кучке жуликов. А что будет, когда в стране появятся тысячи, десятки и сотни тысяч людей, которых не смогут остановить замки́ и стены, которым только самодисциплина сможет приказать не брать чужого? Поверьте, наша самодисциплина будет сильнее всяких законов. Но никакой банкир этого не поймет, пока не повторит наш

тернистый путь… и не перестанет быть банкиром. Что станет с рынком, когда всем будет заранее известно, как станут двигаться товары?

— Сами вы это знаете?

— Мне это безразлично. Но мой двоюродный брат Саул — вон тот, здоровенный — вместе с Элли пытается в это вникнуть. Майк призывает их к осторожности, не позволяет кого-либо сильно разорять, советует хранить деньги на нескольких счетах… Человек, владеющий нашей дисциплиной, сделает деньги на чем угодно и гораздо успешнее, чем непосвященный. Деньги и собственность не исчезнут, Майк говорит, что это полезные вещи, но они будут действовать по новым правилам. Тот, кто не приспособится к этим правилам — разорится. Что станет с «Лунар Энтерпрайзез», когда люди смогут добираться до Луны способом телепортации?

— Мне продавать акции или покупать?

— Спросите Саула. Он может разорить корпорацию, а может не трогать еще лет двести. А как учителя станут справляться с детьми, которые будут знать больше, чем они? Что делать врачам, если люди перестанут болеть? Что станет с текстильной и швейной промышленностью, когда люди перестанут одеваться? А во что превратится

сельское хозяйство, когда мы сможем приказать сорнякам не расти, а урожай будет убираться сам собой? Все изменится до неузнаваемости. Теперь о семье. Вы знаете, сколько денег наша страна тратит ежегодно на противозачаточные средства?

— Знаю. Только на таблетки больше миллиарда.

— Ах да, вы врач…

— Любитель.

— Представляете, что станет с промышленностью, выпускающей контрацептивы, а заодно и с моралистами, когда зачатие будет происходить лишь по желанию женщины, когда она будет защищена от венерических заболеваний, когда она сможет искать любви с откровенностью, о которой не мечтала и Клеопатра? Когда мужчина, намерившийся ее изнасиловать, исчезнет с лица земли в мгновение ока? Женщина освободится от вины и страха, но станет неуязвимой. Не только на фармацевтической промышленности, еще на очень многом будет поставлен крест.

— Я это не совсем понимаю. Меня подобные проблемы мало волнуют.

— Не отомрет лишь институт семьи.

— В самом деле?

— Да. Он укрепится, оздоровится. Семья станет источником наслаждения и потому будет нерушимой. Видите вон ту брюнетку?

— Да, я уже имел возможность ею восхититься.

— Она знает, что красива и обязана своей красотой новой жизни. Это моя жена. Еще год назад мы с ней грызлись, как собаки. Она была ревнива, а я невнимателен. Семья держалась только на детях и на ее сильном характере. Я знал, что по-хорошему она меня не отпустит, и считал себя уже слишком старым для того, чтобы заводить новую семью. Я погуливал — у преподавателей много соблазнов и есть кое-какие возможности, — а Рут молча страдала. Иногда и не молча… А потом мы соединились, — Сэм просиял. — Я влюбился в свою жену! Она теперь для меня женщина номер один.

Сэм говорил негромко, и слова тонули в общем гуле. Его жена сидела далеко. Однако в ответ на последнюю фразу мужа она повернула голову и сказала:

— Он преувеличивает, Джабл. Я где-то на шестом месте.

— Не подслушивай, моя красавица, — нежно одернул ее Сэм, — у нас мужской разговор. Переключи внимание на Ларри! — И запустил в нее

булочкой.

Она остановила булочку в верхней точке траектории и вернула назад.

— Так и быть, займусь Ларри. Этот грубиян никогда не дает договорить. Я довольна шестым местом. Ведь раньше я не попадала и в первую двадцатку.

— Дело в том, что мы стали единомышленниками, — продолжал Сэм. — Мы сблизились друг с другом, сближаясь с другими. Теперь мы все друг другу партнеры. И обмен партнерами перестал быть болезненным. Каждый понимает, что он не теряет ничего, а обретает все. Отношения «разошедшихся» супругов могут стать еще теплее, чем были в супружестве. Больше того, партнеры — не обязательно мужчина и женщина. Взять хотя бы Джилл и Дон: работают, как дуэт акробатов.

— Я думал, что они — жены Майка.

— Не более, чем другие женщины, и не более, чем жены других мужчин. С большим правом женой Майка можно назвать лишь Пэтти, хотя и она, и Майк так заняты, что не успевают вступить в физический контакт, а ограничиваются лишь духовным.

— Зря ты так думаешь, Сэм, — сказала Пэтти, сидевшая еще дальше, чем Рут.

— Единственным недостатком наших отношений является то, что человеку не дают спокойно посплетничать, — посетовал Сэм.

Тут в него полетели разные предметы. Сэм, не делая ни одного движения, отбил все, кроме тарелки спагетти, которая шлепнулась ему прямо в лицо. Джабл заметил, что ее метнула Доркас.

Несколько секунд Сэм был похож на жертву кораблекрушения, потом все следы катастрофы исчезли, даже капля соуса, упавшая на рубашку Харшоу.

— Тони, не давай ей больше. Пусть ходит голодная, в следующий раз не будет расшвыривать.

— Ладно, не последние, — ответил Тони. — А тебе к лицу спагетти, Сэм. Как соус?

Тарелка Доркас отправилась на кухню и вернулась уже наполненной.

— Вкусный, — признался Сэм. — Я съел то, что попало в рот. Что ты туда добавил?

— Кровь полисмена, — ответил Тони.

Никто не засмеялся. Сначала Харшоу подумал, что шутка получилась неудачной, но потом вспомнил, что его братья часто улыбаются, но редко смеются, а полисмен, по марсианским понятиям, ничем не хуже другой еды. И все-таки это была шутка: у соуса был не свиной привкус,

а говяжий.

Харшоу решил сменить тему.

— Больше всего в нашей религии мне нравится…

— В религии? — удивился Сэм.

— Назовем это церковью, если хотите.

— Да, — согласился Сэм, — наше гнездо выполняет все функции церкви, а наши убеждения совпадают с положениями многих религий. Я перебиваю, потому что хочу полной ясности. Раньше я был убежденный атеист, теперь проповедник, но не могу однозначно сказать, кто я по убеждениям.

— Вы говорили, что вы иудей.

— Да, из древнего левитского рода; решил для разнообразия стать атеистом. А Саул и Рут — истинно верующие евреи, можете поговорить с Саулом и убедиться в непоколебимости его веры. Рут также осталась приверженцем иудаизма. Здесь она активистка, потому что думает, в отличие от меня, не головой, а чревом.

— Мне нравится ваша дисциплина, — продолжил Джабл. — Вера, в которой я был воспитан, не требовала от человека каких-либо знаний. Веруй, исповедуйся, и будешь спасен. Можешь оставаться последним дураком, не способным сосчитать

собственных овец, но будешь избранником Божиим с полной гарантией вечного блаженства только потому, что обращен в веру. Можешь даже не читать Библию, хватит того, что ты обращен. У вас же мне нравится то, что вы не признаете такого обращения.

— Верно.

— Вы принимаете лишь тех, кто хочет постичь вашу дисциплину и готов для этого работать.

— Иначе нельзя, — пояснил Сэм. — Нашу Истину нельзя познать, не думая по-марсиански и не соблюдая марсианскую дисциплину. Думая и поступая по-земному, не сможешь жить без войны, не ублажишь как следует жену — и не поймешь себя самого. Счастье живет по тем же законам, что и человек. Этого не объяснишь по-английски. Наши слова либо двусмысленны, либо пусты. Марсианские слова — четкие инструкции всему живому. Я не говорил, что у меня был рак, когда я пришел сюда?

— Нет.

— Я этого сам не знал. Майк обнаружил и послал меня на рентген. Его диагноз подтвердился, и мы приступили к лечению верой. Произошло чудо, которое медицина называет «спонтанной ремиссией». А по-марсиански это слышится как

«мне хорошо».

Джабл кивнул.

— Бывает, что рак проходит, а врачи не знают, почему.

— Я знаю, почему прошел мой. К тому времени я уже мог потихоньку управлять своим организмом. С помощью Майка я изгнал свой рак. Теперь я смог бы сделать это самостоятельно. Хотите, остановлю сердце?

— Спасибо, не нужно. Я видел, как это делает Майк. Мой уважаемый коллега Нельсон не сидел бы с вами за одним столом, если бы то, о чем вы говорите, было результатом веры. Это волевое управление. Я вникаю.

— Простите… Майк предупреждал.

— Ну, он несколько преувеличил.

Сэм покачал головой.

— Я беседовал с вами специально, чтобы проверить его оценку, и вижу, что она верна. Вы действительно во все вникаете. Я представляю, в какие глубины Истины вы проникли бы, если бы знали язык.

— Я ничего не достиг бы: я старый человек, израсходовавший все свои возможности.

— Позвольте с вами не согласиться. Всем первозванным, чтобы чего-то добиться, пришлось

изучать язык. Тех, кто оставался с нами, мы обучали интенсивным методом, вводя в транс и накачивая информацией. А вам это не нужно. Разве что вы захотите убрать с лица спагетти, не пользуясь полотенцем, но я вникаю, что вас такие детали не интересуют.

— Почему? Можно было бы попробовать, чтобы знать, каково это.

Тем временем почти все вышли из-за стола. За спиной Сэма встала Рут.

— Вы собираетесь сидеть здесь до утра? Может, вас убрать вместе с объедками?

— Пора подниматься, Джабл. Я послушный муж. — Сэм поцеловал жену.

Они задержались у стереовизора.

— Что нового? — поинтересовался Сэм.

— Прокурор округа сказал, что все бедствия — наших рук дело, но признался, что не знает, как мы это делаем.

— Бедняга! Укусил палку, которой его ударили, а теперь у него болят зубы.

Сэм и Джабл отыскали пустую комнату.

— Я говорил, — Сэм вернулся к прерванной беседе, — что мы неминуемо столкнемся с более серьезными неприятностями, чем те, которые мы уже пережили. Нам предстоит немало порабо-

тать, чтобы общественное мнение примирилось с нами. Но Майк не торопится. Мы основали Вселенскую церковь — ее закрыли. Мы переберемся в другое место и организуем Церковь Единой веры. Закроют — опять переберемся и откроем Церковь Великой Пирамиды. Сразу же прибегут жирные разряженные дамы. Многие из них вскоре похудеют и сбросят наряды. Когда мы увидим, что местная адвокатская коллегия, медицинское общество или полиция собираются схватить нас за хвост и там — поедем куда-нибудь еще и организуем Общество Братьев-баптистов. Везде будут оставаться наши последователи. Майк начинал два года назад с тремя помощницами. Теперь у нас большое Гнездо и еще больше сочувствующих, которых мы сможем привлечь в нужный момент. Когда-нибудь мы станем настолько сильными, что нас перестанут преследовать.

— Да, Иисус начинал с двенадцатью учениками, и в конце концов его учение победило.

— О, это наш мальчик, — Сэм расцвел. — Спасибо, что вспомнили его: он украшение нашей нации. Мы все этим гордимся, хотя не все об этом говорим. Он, между прочим, тоже не рассчитывал закончить дело за три дня. Он создал организацию и расширял ее. И Майк проявляет терпение

— это органическая часть нашей дисциплины, мы уже не воспринимаем терпение как смирение. Просто мы никуда не торопимся.

— Весьма разумная позиция.

— Это не позиция. Это почти рефлекс… Джабл, вы, кажется, устали. Может, сбросите усталость или приляжете отдохнуть? Если не уснете, вас всю ночь будут развлекать разговорами. Мы почти не спим.

Джабл зевнул.

— Нет, я лучше посижу в ванне и завалюсь спать. А с братьями поговорю завтра и в другие дни.

— Действительно, куда спешить? — согласился Сэм.

Джабл нашел свою комнату, там тотчас же очутилась Пэтти. Она включила в ванной воду, раскрыла постель, не касаясь ее руками, поставила на столик напитки, приготовила один коктейль и отнесла его в ванну. Джабл не просил ее уйти, и вскоре она вошла в ванну, готовая к демонстрации картин. Джабл знал, что заставляет людей полностью покрывать свое тело татуировкой, и сейчас чувствовал: если не рассмотреть картины, Пэтти обидится.

Харшоу не испытывал раздражения, которое

ощутил Бен, впервые увидав Пэтти; он разделся и с гордостью обнаружил, что не стесняется, хотя уже давно ни перед кем не обнажался. Пэтти тоже не смутилась, подошла к ванне и проверила, достаточно ли воды и не холодная ли она.

Затем принялась рассказывать, в какой последовательности следует рассматривать картины и что означает каждая из них. Джабл произносил слова, которые полагается произносить искусствоведу во время знакомства с произведением искусства. Татуировка была шикарная! Его приятельница-японка рядом с Пэтти показалась бы дешевой куклой.

— Рисунки немного сместились, — посетовала Пэтти. — Вот, взгляни на сцену рождения. Задняя стена прогнулась, а кровать стала похожа на хирургический стол. С тех пор, как Джордж покинул этот мир, меня не касалась ничья игла. Значит, Джордж сам пожелал изменить картину.

Джабл подумал, что Пэтти, хоть и не совсем нормальная, но очень милая. Ему даже больше нравились ненормальные люди, чем люди с абсолютно здоровой психикой. А Пэтти достаточно здорова для того, чтобы вести хозяйство: вот, не забыла же отправить в шкаф брошенную им одежду. Неплохая штука эта марсианская

дисциплина, если не обязательно быть совсем нормальной, чтоб ею овладеть.

Он почувствовал момент, когда ей надоело показывать картины, и попросил передать от него привет внучкам и боа-констриктору.

— Я бы и сам пожелал им спокойной ночи, да что-то устал.

— А мне уже скоро пора приниматься за словарь, — Пэтти поцеловала его. — Передам девочкам.

— Всем троим!

— Конечно. А моей девочке ты понравился. Она вникла, что ты любишь змей.

— Спокойной ночи. У нас общая вода.

— Ты есть Бог, Джабл.

Она вышла.

Джабл погрузился в ванну и с удивлением обнаружил, что усталость прошла, ломота в костях исчезла. Пэтти подействовала, как лекарство. Она — воплощение Счастья. Затем Харшоу подумал, что ему лень меняться, легче закончить жизнь таким, как он есть: старым, вредным и капризным.

Он намылился, смыл мыло и решил побриться, чтобы не делать этого утром. Потом запер дверь, выключил верхний свет и улегся. Поискал какую-

нибудь книгу, ничего не нашел, обругал себя за пристрастие к чтению, глотнул коктейль, выключил нижний свет и отвернулся к стене. Общение с Пэтти вдохнуло в него силы и бодрость. Он еще не спал, когда пришла Дон.

— Кто здесь? — окликнул Харшоу.

— Это я, Дон.

— Как ты вошла, я ведь запер дверь? Марш отсюда. Эй! Вылезай из моей кровати! Брысь!

— Сейчас уйду, но сначала я тебе что-то скажу.

— Ну-ну.

— Я уже давно тебя люблю. Почти так же давно, как Джилл.

— Перестань городить чепуху и убирайся отсюда.

— Сию минуту, — согласилась Дон, — я только расскажу тебе одну вещь о женщинах.

— Завтра я тебя с удовольствием выслушаю.

— Нет, сейчас!

— Ладно, говори, только не подвигайся ближе.

— Джабл, мой любимый брат! Мужчины обращают большое внимание на то, как выглядят женщины. Поэтому женщины изо всех сил стараются быть красивыми, и в этом всеобщее счастье. Когда-то я зарабатывала стриптизом. Я видела, что мужчины радуются, глядя на меня,

и сама радовалась своей возможности дать им то, что нужно. Но женщины — не мужчины, им все равно, как мужчина выглядит; их больше волнует, что у него внутри. Женщину интересует не богатство мужчины, а будет ли он добр к ее детям или добр ли он сам по себе? Так вот, я ищу в тебе не ту красоту, которую ты ищешь во мне. Ты прекрасен, Джабл!

— Ради Бога!

— Ты прав. Ты есть Бог, и я есть Бог. Ты нужен мне. Я предлагаю тебе воду. Давай разделим ее и сблизимся!

— Слушай, девочка, если я правильно тебя понял…

— Ты правильно понял: давай разделим все, что у нас есть — наши тела и души.

— Дорогая, у тебя есть, чем делиться, а я свое давно раздал и не помню когда. Мне очень жаль, поверь. Пожалуйста, оставь старика в покое и дай ему поспать.

— Ты заснешь, когда этому придет время. Я могу поделиться с тобой силой, но я вижу, что в этом нет необходимости.

— («Черт возьми, и в самом деле нет!») Нет, дорогая. Спасибо.

Она встала на колени и склонилась к нему.

— Джилл сказала, что если ты станешь упираться, я должна заплакать. Я сейчас заплачу, и ты волей-неволей разделишь со мной воду.

— Ох, уж эта Джилл! Бить ее некому!

— Начинаю плакать.

Она не произнесла ни звука, но на грудь Харшоу вдруг шлепнулась одна теплая капля, вторая, и еще, и еще…

Джабл выругался, обнял ее и смирился с неизбежным.

Глава 36

Харшоу проснулся в отличном настроении и обнаружил, что давно не чувствовал себя так хорошо. Уже много лет по утрам он уговаривал себя, что завтра будет легче.

Он поймал себя на том, что насвистывает песенку, одернул себя, потом забылся и опять засвистел. Подошел к зеркалу, скорчил гримасу.

— У-у, старый козел, вот сейчас за тобой пришлют скорую!

Заметил на груди седой волосок, вырвал. Остальные, такие же седые, вырывать не стал и пошел одеваться.

За дверью своей комнаты Харшоу увидел

Джилл.

Ждет, негодница, в этом доме никто нигде не оказывается случайно, здесь все закономерно…

Джилл бросилась ему на шею.

— Джабл, мы тебя так любим! Ты есть Бог!

Он поцеловал ее так же тепло, как и она его, понимая, что поступить иначе было бы лицемерием, и заметил, что поцелуй Джилл чем-то неуловимо отличается от поцелуя Дон.

— Ах ты, Мессалина, — сказал он наконец, отстраняя Джилл, — как подставила меня!

— Джабл, дорогой, ты был просто великолепен!

— Гм… откуда ты знала, что я могу?

Она посмотрела на него невинными глазами.

— Я это знала еще тогда, когда мы с Майком жили в Поконосе. Он, находясь в трансе, иногда заглядывал к тебе спросить о чем-нибудь…

— Но я всегда спал один!

— Я не отрицаю, но Майк потом задавал мне вопросы…

— Хватит! Все равно, нечестно было меня подставлять!

— Не притворяйся, тебе понравилось. Нужно же было нам сблизиться с тобой и принять тебя в гнездо. Мы любим тебя и хотим, чтобы ты был

с нами. А ты такой скромный, мы и решили тебя не обижать. И ты, кажется, не обиделся.

— Что значит это «мы»?

— Ты не понял? Это была церемония посвящения. Мы все, все Гнездо, вникли в тебя через Дон. Майк ради этого вышел из транса.

— Ага, Майк проснулся, — Джабл поскорее сменил тему. — Вот почему ты так сияешь!

— Не только. Мы действительно радуемся, когда Майк возвращается, но он никогда не уходит совсем. Джабл, ты, видно, не полностью вник в наш способ разделения воды. Но ожидание исполнится, и ты поймешь. Майк тоже не сразу понял, зачем люди сближаются. Он решил: чтобы ускорить процесс размножения, как это делается на Марсе.

— Ну да, дети — главная цель сближения. Что делает мое поведение, по меньшей мере, глупым, потому что мне в моем возрасте дети ни к чему.

— Дети — одна из задач, но не главная. Дети придают смысл будущему. Но ребенок зарождается в женщине три, четыре, ну, десять раз за всю жизнь — за те тысячи раз, когда она делится собой. Поделиться собой — вот главная цель того, что мы делаем так часто, но делали бы редко, если бы главной целью было размножение. Майк

понял это, потому что на Марсе сближение и размножение — совершенно отдельные процессы. Как я счастлива, что я не марсианка, а человек и женщина!

Харшоу пристально посмотрел на нее.

— Девочка, ты беременна?

— Да, Джабл. Я вникла, что ожидание окончилось и я могу родить ребенка. Большинству женщин в Гнезде не нужно было ждать, а мы с Дон были заняты. Когда же сожгли храм, я поняла, что предстоит долгое ожидание, прежде чем Майк построит новый, и я решила, что в этом промежутке могу, не торопясь, построить ребенка.

Из всей этой болтовни Джабл вычленил центральный факт. Вернее, не факт, а предположение, которое выглядело вполне вероятным.

У Джилл была масса возможностей. Вырастет живот — надо будет забрать ее к себе. Дисциплина — хорошо, а медицина лучше. Он скорее перессорится со всем Гнездом, чем позволит, чтобы с Джилл случилась эклампсия или еще что-нибудь. Тут он подумал, что у Дон тоже было много возможностей, но решил об этом не говорить.

— А где Дон? Где Майк? Почему так тихо и пусто?

Было на самом деле тихо и пусто, но счастливое

ожидание продолжало витать в воздухе, все усиливаясь. Казалось, после церемонии посвящения атмосфера должна разрядиться, но не тут-то было. Ему вдруг вспомнилось, что что-то подобное произошло с ним в детстве, в цирке. Кто-то крикнул: «Слоны!». Все встали, а он был маленьким, и ничего не видел, пока все не успокоились и не сели. И сейчас ему казалось: будь он чуть-чуть выше, можно было бы глянуть поверх голов и увидеть слона… но вокруг не было толпы.

— Дон велела мне поцеловать тебя от ее имени. Она занята в ближайшие три часа. Майк тоже ушел в транс.

— Жаль.

— Не огорчайся, он скоро вернется. Он старается поскорее закончить работу и устроить в честь твоего приезда праздник. Дюк вчера мотался по городу, искал скоростные магнитофоны, а сегодня мы засадили всех говорящих за словарь, так что скоро Майк освободится для светской жизни. Я как раз закончила очередной сеанс и заглянула к тебе пожелать доброго утра, а Дон заступила на смену. Первый поцелуй был от меня, а этот — от Дон, — она обвила его шею руками и жадно приникла к его губам. — Боже! Как мы долго ждали! Ну, пока!

В столовой Харшоу встретил Дюка. Тот оторвался от еды, чтобы приветствовать Джабла, и вновь принялся жевать. Было похоже, что он ночь не спал; и в самом деле — он не спал не ночь, а две. На звук его голоса оглянулась Бекки Вези.

— Привет, старый сатир! — она схватила Харшоу за ухо, усадила и прошептала: — Я все знаю, но почему ты не пришел меня утешить, когда Профессор умер?

Громко она добавила:

— Сейчас мы сообразим тебе чего-нибудь поесть, а ты тем временем расскажешь, что задумал.

— Минутку, Бекки! — Джабл обошел стол. — Привет, капитан. Хорошо слетали?

— Нормально. Вы, кажется, не знакомы с миссис ван Тромп? Дорогая, это основатель церкви, неповторимый и единственный доктор Джабл Харшоу. Двое таких, как он — это уже слишком.

Жена капитана была высокой женщиной с некрасивым лицом и спокойными, привыкшими к ожиданию глазами. Она поднялась с места и поцеловала Харшоу.

— Ты есть Бог!

— Уф-ф! — Харшоу едва отдышался. — Ты есть Бог!

Да, у этой женщины даже Джилл может поучиться. Как это Энн сказала? «Вкладывает душу в поцелуй».

— Ван, я знал, что встречу вас здесь.

— Должен же человек, который по три раза в год летает на Марс, знать язык местного населения?

— Чтобы спросить, который час и как пройти в аптеку?

— Не только, — ван Тромп протянул руку, на ладонь вспорхнул тост. — Приятного аппетита!

— Спасибо.

— Джабл, суп готов! — позвала мадам Александра Везан.

Харшоу сел на свое место, Бекки подвинула к нему тарелку, примостилась рядом и похлопала его по колену.

— Ты вчера неплохо поработал, дружище!

— Ступай к своим гороскопам, женщина!

— Кстати, о гороскопах. Мне нужна точная дата твоего рождения.

— Я ее не знаю. Меня рожали три дня: вытаскивали частями.

Бекки сказала грубое слово.

— Подумаешь, сама выясню.

— Не выйдет: мэрия со всеми документами сгорела, когда мне было три года.

— Спорим, выясню?

— Не дразни: рассержусь и отшлепаю. Благо, ты еще не старая.

— Правда? Хорошо выгляжу?

— Немного раздобрела, но вполне прилично. Волосы подкрасила?

— Нет, почти год не крашусь. Оставайся с нами, и твоя лысина зарастет.

— Бекки, я не хочу молодеть. Так трудно было заработать старость, что жаль с нею расставаться. Не отвлекай меня всякими глупостями, дай поесть.

— Слушаюсь, сэр. Старый сатир!

Выходя из кухни, Джабл столкнулся с Человеком с Марса.

— Отец! Джабл! — Майк обнял его и поцеловал.

Джабл осторожно высвободился.

— Будь мужчиной, сынок. Садись завтракать, а я с тобой посижу.

— Я пришел не за завтраком, а за тобой. Нужно поговорить.

— Пойдем.

Они отправились в гостиную; Майк, как ребенок, тащил Джабла за руку. Он поставил Харшоу стул, а сам расположился рядом на кушетке. Окна

гостиной выходили на посадочную площадку, на которую Тим вчера привез Харшоу. Джаблу мешал свет, и он решил отвернуться от окна. Стул повернулся сам. Какая экономия труда и денег, подумал Харшоу. И все же он не привык, чтобы дистанционное управление предметами осуществлялось без посредства проводов или радиоволн, и ему было немного не по себе, как во времена его детства добропорядочным лошадям становилось не по себе при виде автомобиля.

Дюк принес бренди.

— Спасибо, Каннибал, — сказал Майк. — Ты наш новый дворецкий?

— Приходится, Монстр. Ты сам засадил всех за микрофоны.

— Ничего, скоро все освободятся, будешь опять бездельничать. Работа закончена. Шабаш.

— Как? Ты выдал весь язык? Дай посмотрю, сколько у тебя конденсаторов перегорело?

— Что! Конечно, не весь: только то, что я знал. Через сто-двести лет какой-нибудь дотошный Вонючка полетит на Марс за добавкой. Но я неплохо поработал — в какие-нибудь четыре-пять часов уложил шесть недель. Хорошо, — Майк зевнул и потянулся. — Когда заканчиваешь работу, всегда хорошо. Можно немножко побездельничать.

— Да ты через полчаса опять во что-нибудь впряжешься. Босс, это марсианское чудовище не может ни минуты посидеть без дела. Он впервые за два месяца отдыхает. Приезжайте чаще, вы на него хорошо влияете.

— Никогда в жизни ни на кого не влиял и влиять не собираюсь.

— Перестань врать, Каннибал, и уходи.

— Ничего себе врать! Я стал таким честным, что друзья не узнают.

Дюк ушел. Майк поднял стакан.

— У нас общая вода, отец.

— Глубокой воды тебе, сын.

— Ты есть Бог.

— Майк, от других я это еще так-сяк выслушиваю. Но ты-то можешь не обзывать меня богом. Я ведь знал тебя, когда ты был еще яйцом.

— О'кей, Джабл.

— Так-то лучше. А с каких пор ты стал пить натощак? Испортишь желудок и никогда не станешь таким счастливым старым пьяницей, как я.

— Я пью ради соблюдения ритуала. Спиртное не оказывает действия, если только я ему не позволю. Однажды напился допьяна. Странное состояние. Нехорошее. Временная дематериали-

зация. Я могу с меньшими потерями добиться того же результата, если уйду в транс.

— Вполне разумно.

— Мы очень мало расходуем на спиртное, да и на все остальное. Гнездо обходилось нам гораздо дешевле, чем тебе твой дом. Мы тратили деньги только на строительство, а потом не знали, куда их девать. Нам очень немногое нужно.

— Зачем же вы собирали пожертвования?

— О, толпа не доверяет бесплатным мероприятиям.

— Я это давно знаю, а ты как додумался?

— Научился на собственных ошибках. Сначала я проповедовал бесплатно. Не сработало. Человек может принять и оценить подарок, только когда он находится на определенной стадии развития. Я ничего не дарю тем, кто ниже Шестого круга. В Шестом они уже могут принимать. Ты знаешь, что дарить легче, чем принимать.

— Хм… сынок, тебе стоит написать книгу по психологии.

— Я написал, только по-марсиански. У Вонючки есть записи, — Майк сибаритски медленно тянул из стакана. — Иногда мы выпиваем: Саул, Свен, я и еще кое-кто. Если не пить много, получается очень приятно, — он отхлебнул еще.

— Ради твоего приезда я позволил себе чуть-чуть расслабиться.

Джабл пристально посмотрел на него.

— Сынок, ты что-то задумал?

— Да.

— Хочешь обсудить?

— Да. Ты единственный, кто меня полностью понимает. Кто во все вникает и ничему не удивляется. Джилл… Она тоже во все вникает, но когда мне больно, ей еще больнее. То же самое — Дон. Пэтти… она всегда меня утешит, но принимает мою боль на себя. Я не вправе высказывать им то, что меня мучит: это причиняет им страдание. Человеку, тем не менее, нужна исповедь. Католики это хорошо понимали и организовали целую армию сильных мужчин для выслушивания исповедей. Фостериты практиковали групповые исповеди, там чувства смешиваются, растворяются друг в друге и ослабевают. Мне тоже стоит ввести исповедь в нижних кругах. В Гнезде мы все рассказываем друг другу, но нам это не так нужно. Для того, чтобы слушать исповеди, необходимы сильные мужчины. Грех — это чаще всего не абсолютное зло; это то, что сам «грешник» ощущает как зло. Когда ты вместе с ним вникаешь в его грех, может стать больно. Я знаю.

Одного добра недостаточно, к нему нужна мудрость. На Марсе добро и мудрость едины. На Земле — нет. Я не сразу это понял — вот моя первая ошибка. Возьмем Джилл. Когда мы встретились, в ее душе было добро… и беспорядок. Потом мы выровнялись, нас спасло ее бесконечное терпение — редкое качество на этой планете.

Так вот, одного добра недостаточно. Чтобы добро творило добро, им должна руководить хладнокровная твердая мудрость. Добро без мудрости всегда творит зло. Поэтому и потому, что я тебя люблю — ты нужен мне, отец. Мне нужна твоя мудрость и твоя сила. Я хочу тебе исповедоваться.

Джабл поморщился.

— Ради Бога, Майк, не устраивай спектакль. Выкладывай, в чем дело. Вместе что-нибудь придумаем.

— Да-да, сейчас, — сказал Майк и надолго замолчал.

Харшоу, не выдержав, спросил:

— Ты расстроен тем, что сожгли Храм? Но вам ничего не стоит отстроить его заново.

— Дело не в этом. Храм был законченным произведением. Нельзя дважды заполнить страницы одного и того же дневника — мы собирались

оставить этот Храм и построить новый. Огонь уничтожил стены, но он не в силах уничтожить жизнь, которая проходила в этих стенах. Кроме того, преследования и мученичество на руку любой церкви: это лучшая реклама. И, честно признаться, мы устали от службы и проповедей, так что последние события внесли в жизнь разнообразие. Дело в другом, — выражение его лица переменилось. — Я шпион.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Старшие Братья послали меня лазутчиком к моему народу.

Джабл задумался.

— Майк, ты очень умный человек, — сказал он наконец, — ты обладаешь способностями, которых я не видел ни у кого. Но даже гении ошибаются.

— Знаю. Я сейчас выскажу тебе свои доводы и увидишь, что я не ошибаюсь. Ты представляешь, как работают разведывательные спутники службы безопасности?

— Нет.

— Я не имею в виду знакомство с техническим устройством, я понимаю, что ты не Дюк. Я имею в виду сам ход работы. Они вращаются вокруг Земли, постепенно накапливая информацию.

Через определенные промежутки времени их опрашивает наземная служба, и они выдают все, что записали. Я был таким спутником. Ты знаешь, что в Гнезде практикуется телепатия?

— Мне пришлось в это поверить.

— Наш разговор сугубо конфиденциален. Никто не посмеет читать твои мысли, и вряд ли у кого-то это получится. Ночью мы держали связь через Дон.

— Слава Богу!

— В искусстве телепатии я всего лишь яйцо, Старшие Братья — мастера. Они забросили меня сюда, на некоторое время предоставили самому себе, позволив набраться опыта, а потом вступили со мной в телепатический контакт и выкачали из меня все, что я видел, слышал, чувствовал. Они не лишили меня приобретенных знаний, а просто скопировали, и сразу же отключились. Я даже не успел возразить.

— Ты считаешь, тебя попросту использовали?

— Да. Самое ужасное то, что два с половиной года назад я бы не возражал. Я даже был бы рад пошпионить, но меня не предупредили: не хотели, чтобы я вникал предвзято.

— Ты сможешь в будущем оградить себя от их вторжения?

— Поздно. Вот послушай, — и Майк рассказал Харшоу об уничтожении Пятой планеты. — Ну, что скажешь?

— Похоже на миф о Всемирном потопе.

— Никем не доказано, что потоп не случился на самом деле. Скажи, известно ли, что Помпея и Геркуланум погибли именно при извержении Везувия?

— Да, это исторический факт.

— В таком случае уничтожение Пятой планеты — такой же исторический факт, как извержение Везувия.

— Докажи. Мне кажется, ты боишься, что Старшие Братья подобным образом обойдутся и с нашей планетой? Прости, но мне трудно это представить.

— Джабл, Старшим Братьям уничтожить планету так же легко, как мне остановить свое сердце. Нужно просто вникнуть в предмет, понять его строение и представить, что ты от него хочешь. Давай, к примеру, вырежем кусочек земной мантии миль эдак сто в диаметре. Для этого нужно всего лишь определить его местонахождение, размер, вникнуть в строение… — лицо Майка утратило выражение, глаза стали закатываться.

— Стой, стой, не надо! — запротестовал Харшоу.

— Я не знаю, что там у тебя получится, но лучше не надо.

— Что ты, Джабл, я никогда этого не сделаю. Я — Чужак. По моим понятиям это зло.

— А по понятиям марсиан?

— Нормальное явление, даже, пожалуй, положительное. Не знаю. Я могу разрушить планету, но не испытываю такой потребности. Джилл способна разрушить планету — она знает, как это делается — но у нее никогда не возникнет такого желания. Она тоже человек, и это ее планета. Основа нашей дисциплины — самосознание и самоконтроль. К тому времени, как человек развивает в себе способность разрушить планету — не грубой кобальтовой бомбой, а силой знания, — дисциплина уничтожает в нем потребность разрушать. Он дематериализуется, и угроза исчезает. Наши Старшие Братья…

— Да, что такое ваши Старшие Братья? Как они выглядят?

— Как и все остальные марсиане.

— Как же вы отличаете их от остальных? Они умеют проходить сквозь стены или что-нибудь в этом же роде?

— Все марсиане умеют проходить сквозь стены. Я вчера проходил.

— Может, от них исходит сияние?

— Нет. Их можно слышать, видеть, ощущать. Их как будто бы показывают по стереовидению, по только у тебя в мозгу. На Марсе это все само собой разумеется и не нуждается в комментариях. Здесь, я вижу, другое дело. Представь, что ты присутствовал при дематериализации своего друга — при его смерти, — потом вместе с другими съел его тело, а потом увидел бы его, мог с ним поговорить, потрогать его.

— Я бы решил, что спятил.

— Правильно, потому что человеческие души не разгуливают по земле после смерти. Если кто-то видит образ умершего — считается, что он галлюцинирует. На Марсе либо все галлюцинируют, либо души умерших живут рядом с живыми. В детстве меня учили придерживаться второй версии, и весь мой марсианский опыт доказывает, что она верна, потому что эти самые души составляют самую многочисленную и привилегированную часть марсианского населения. Живые, материальные марсиане — это дровосеки, водоносы и другая прислуга.

Джабл кивнул.

— Понятно. И ты боишься, что они разрушат Землю?

— Не обязательно, — покачал головой Майк. — Они могут попытаться переделать нас по своему образу и подобию.

— А ты как, не возражаешь, чтобы нас взорвали?

— Я понимаю, что это зло. Но, по марсианским понятиям, мы сами зло. Мы не способны понять друг друга, мы причиняем друг другу несчастья, мы воюем, болеем, голодаем. Мы — безумцы. И Старшие Братья милостиво убьют нас, чтобы мы не мучились. Я не знаю наверняка, примут ли они такое решение; я не Старший Брат. Если и примут, то пройдет, — он задумался, — минимум пятьсот лет, прежде чем они начнут действовать.

— Да-а, наши судьи не думают над приговорами так долго.

— В том-то и состоит разница между марсианами и людьми, что люди всегда спешат, а марсиане — никогда. Если Старшие Братья в чем-то усомнятся, они отложат вынесение приговора на сто, двести, пятьсот лет.

— В таком случае, сынок, тебе не о чем беспокоиться. Думаю, в ближайшие пятьсот-тысячу лет люди научатся договариваться с соседями.

— Возможно. Хуже будет, если Старшие Братья решат не убить нас, а перевоспитать. Тогда они

тоже убьют нас, но отнюдь не безболезненно. В этом я вижу еще большее зло.

Джабл ответил не сразу.

— Не этим ли ты сам занимаешься, сынок?

— Я с этого начинал, — с огорченным видом признал Майк, — а теперь хочу исправить. Я знаю, отец, что ты разочаровался во мне, когда я вступил на этот путь.

— Всякий волен жить по своему усмотрению.

— Да, каждый должен приходить к пониманию самостоятельно. Ты есть Бог.

— Я не могу принять этой должности.

— Ты не можешь от нее отказаться. Ты есть Бог, я есть Бог, все живое есть Бог. Поэтому я есть все, что я видел, слышал, пережил. Я все, во что я вник. Отец, я видел, как ужасна жизнь на этой планете, и думал, что в силах ее изменить. Людей не учат в школе тому, чему я хотел научить, и я решил преподнести им это в форме религии, сыграв на любопытстве. Кое-что мне удалось. Марсианская дисциплина оказалась не слишком трудной для усвоения. Видишь, сколько нас, как мы едины? Это уже большая победа. Нам даровано величайшее счастье: мы делимся на мужчин и женщин. Вполне возможно, что романтика физической любви присутствует лишь на нашей

планете. Если так, то я сочувствую остальной Вселенной. И хочу, чтобы мы, Боги, сохранили и распространили это драгоценное свойство по всей Вселенной. Что может сравниться с единением тел и душ, с радостью дарения себя и получения ответного дара? На Марсе ни я, ни кто-либо другой не испытывал ничего подобного. Мне кажется, именно любовь делает нашу планету такой богатой и прекрасной. Если человек соединяется с другим человеком лишь телом, но не душой, он остается по-прежнему девственным и одиноким, как будто не соединялся вовсе. С тобой такое бывало, я это понял по тому, как ты боишься рисковать. Ты вник в это раньше меня и без помощи марсианского языка. Дон сказала, что не только ваши тела, а и души были вместе.

— Эта леди несколько преувеличивает.

— Дон никогда не ошибается, если речь идет о любви, а кроме того, прости, мы были с нею — в ее душе, — и сливались с твоей.

Джабл почему-то воздержался от признания, что у него иногда, а именно в моменты единения тел и душ, просыпались телепатические способности. Правда, он читал не мысли, а эмоции. Он пожалел, что ему так много лет. Будь он хотя бы на пятьдесят лет моложе, Дон не пришлось

бы ставить слово «мисс» перед фамилией: он решился бы на новый брак, несмотря на прежние неудачи. А прошедшую ночь он не променял бы на еще сто лет жизни. В сущности, Майк прав.

— Я слушаю вас, сэр.

— Соединение мужчины и женщины не должно происходить без любви, но тем не менее очень часто происходит. Происходит насилие или совращение — игра, подобная рулетке, только еще более бесчестная. А потом — проституция, одиночество — добровольное и вынужденное, — страх, вина, ненависть; дети, вырастающие в убеждении, что секс — это что-то плохое, постыдное, животное. Величайшая ценность, которой обладает человечество, искажена, извращена и представлена как величайшее зло. Всему причиной — ревность. Я долго не мог этому поверить. Джабл, я до сих пор до конца не понимаю ревности, она кажется мне безумием. Когда я впервые испытал любовный экстаз, моим первым порывом было желание разделить его сразу со всеми братьями: с женщинами непосредственно, а с мужчинами — через женщин. Я пришел бы в ужас, если бы мне предложили забрать все счастье себе. Вместе с тем мне не приходило в голову испытать эту радость с тем, с кем я еще

не сроднился. Я физически неспособен любить женщину, с которой не разделил воду. Не один я: никто в Гнезде не испытывает физической любви, если не испытывает духовной.

Джабл мрачно подумал, что по такой идеальной схеме могут жить разве что ангелы. Краем глаза он заметил машину, садящуюся на площадку. Не успев приземлиться, машина исчезла.

— Что случилось?

— Они начинают подозревать, что мы здесь. Вернее, я: остальные считаются погибшими.

— Не пора ли перебраться в более безопасное место?

— Не волнуйся, Джабл. Те, кто сидел в машине, не успели ничего никому сообщить. А Джилл уже преодолела предрассудок против дематериализации нехороших людей. Раньше мне приходилось выдумывать всякие ухищрения, чтобы защищаться, теперь я действую проще. Джилл доверяет мне, она знает, что дисциплина не позволяет мне убивать людей без крайней необходимости, — Человек с Марса усмехнулся. — Вчера даже помогала, и не в первый раз.

— Что вы делали?

— Заканчивали то, что я начал в тюрьме. Когда я уничтожил тюрьму, пришлось уничтожить и

некоторых заключенных. Их нельзя было освободить: они злые люди. Но я целый год вникал в этот город. Я знал, что еще десятки таких же злодеев ходят на свободе. Я ждал, вникал в каждый отдельный случай и, наконец, принял решение. Они дематериализованы, а их души получили возможность начать новую жизнь. Джилл поняла, что человека невозможно убить, что я всего лишь удаляю с поля грубых игроков.

— Тебе не страшно играть в Бога, дружок?

— А я и есть Бог, — открыто улыбнулся Майк. — И ты есть Бог. И те, которых я убрал, тоже Боги. Сказано, что Бог видит всякую тварь. Так оно и есть: всякая тварь есть Бог. И если кошка съедает мышку, то и та, и другая выполняют свое божественное предназначение.

Приземлилась и исчезла еще одна машина.

— Сколько игроков вы вчера удалили за грубую игру?

— Четыреста или пятьсот, не помню точно: город-то большой. И некоторое время будет очень спокойным. Правда, с течением времени преступность возобновится: на Земле так не хватает дисциплины! Именно об этом я и хотел поговорить с тобой, отец. Я боюсь, что ввел братьев в заблуждение.

— Почему?

— Они слишком оптимистичны. Они смотрят друг на друга и видят любовь, здоровье, согласие и счастье. И думают, что переход всего человечества к нашему образу жизни — лишь вопрос времени. Они, конечно, понимают, что это случится не завтра, но две тысячи лет — лишь мгновение. Однако они уверены, что когда-нибудь это случится.

Поначалу я сам был в этом уверен и передал свою уверенность братьям. Я упустил главное: люди — не марсиане. Я не раз ловил себя на этой ошибке, поправлял и снова ошибался. Что верно для марсиан, не всегда годится для людей. Логика инвариантна, но на Земле и на Марсе оперирует различными данными. Поэтому и результаты оказываются другими. Я не понимал, почему никто из людей добровольно не отдает себя на съедение голодным собратьям. На Марсе это считается честью. Я не понимал, почему здесь так берегут детей. На Марсе таких девочек, как наши, выбрасывают на улицу — в зубы естественному отбору, и девять из десяти погибают в первое же лето. Логика одна, а объекты разные: здесь состязаются взрослые, а на Марсе — дети. Но так или иначе, состязание имеет место, иначе

начинается вырождение. Не знаю, был ли я прав в попытке исключить состязание, но понял, что человечество не позволит мне этого.

В комнату заглянул Дюк.

— Майк! Ты видел, вокруг отеля собирается толпа?

— Видел, — ответил Майк, — скажи всем, что еще не окончилось ожидание.

Дюк вышел, а Майк обратился к Джаблу:

— Ты есть Бог! Мои слова — не позывные счастья, а напоминание об ответственности. Это вызов, брошенный миру. — Он был печален. — Я редко об этом говорю. Очень немногие понимают глубинный смысл этих слов и готовы разделить со мной не только радость, но и горечь. А остальные — сотни и тысячи — воспринимают их как трофей, доставшийся без боя или не понимают вовсе. Что бы я ни говорил, они продолжают считать, что Бог — это кто-то другой, добренький, который прижмет обманутого дурачка к груди и погладит по головке. Они не хотят признать, что во всех своих бедах виноваты сами, и что счастье не дается им без труда.

Человек с Марса покачал головой.

— У меня накопилось гораздо больше неудач, чем побед, и боюсь, что ожидание исполнится, и

я пойму, что был неправ. Что этот народ не может жить иначе, что он должен быть разобщенным, несчастным, должен ненавидеть, драться… только для того, чтобы не выродиться. Скажи, отец, это так?

— Почему, черт возьми, ты решил, что я могу ответить на этот вопрос?

— Может быть, и не можешь. Но до сих пор, когда мне нужно было что-нибудь выяснить, ты всегда помогал. И когда кончалось ожидание, я убеждался, что ты говорил правильно.

— Ты меня переоцениваешь. Все, что я могу тебе сказать: ты спешишь. Хотя всю дорогу толковал, что спешить нельзя. Два с половиной года — не время даже по земным меркам. Ты еще не начал ждать, а уже сдался. Ты провел эксперимент на малой группе людей. Эксперимент удался. Я никогда не видел таких здоровых, бодрых и счастливых людей. Тебе этого мало? Воспитай еще десять тысяч таких же работящих, счастливых, неревнивых, потом и поговорим. Идет?

— Ты говоришь правильно, отец.

— Я еще не все сказал. Из того факта, что тебе не удалось перевоспитать девяносто девять из ста, ты делаешь вывод, что человечество не проживет без своих грехов, которые нужны ему

для «прополки». Как ты не понимаешь, что сам проводишь прополку, вернее, твои неудачи делают ее за тебя! Ты планировал уничтожение собственности и денег?

— Нет, что ты? В Гнезде они не нужны, но…

— Правильно, в любой здоровой семье они не нужны, но необходимы для сношений с внешним миром. Сэм сказал мне, что братья, постигшие дисциплину, стали умнее в обращении с деньгами, хотя можно было бы ожидать обратного.

— О, делать деньги очень просто, если знаешь как.

— Ты только что сформулировал новую заповедь: блаженны богатые духом, потому что они знают, как делать деньги. А каковы успехи братьев в других областях? Ниже или выше среднего?

— Конечно, выше. Наша дисциплина — не вера, а метод эффективной работы во всех областях.

— Ты сам ответил на свой вопрос, сынок. Если все сказанное верно (я не сужу, а только спрашиваю, ты же отвечаешь), то ты не исключаешь, а ужесточаешь соревнование. Если одна десятая процента населения способна воспринимать твою дисциплину — преподавай ее, и через десяток поколений дураки вымрут, а твои ученики

унаследуют Землю. Тогда нужно будет думать, как подстегнуть их к дальнейшему развитию. Не стоит отчаиваться из-за того, что за два с половиной года не все превратились в ангелов. Я ни от одного человека этого не ожидал. Думал — ну и дурак же ты, что полез в проповедники!..

Майк вздохнул и улыбнулся.

— Я и сам начал так думать. Ну и дурак же я, как подвел братьев!

— Назовем эту болезнь космической отрыжкой и будем считать, что вылечили. Если у тебя есть, что сказать людям — говори.

Майк не отвечал. Он лежал без движения, с закрытыми глазами и безжизненным лицом. Джабл уже пожалел, что говорил так резко и довел парня до транса. Тут Майк открыл глаза и весело улыбнулся.

— Ты все объяснил, отец! Мне есть, что сказать и показать людям. — Человек с Марса встал. — Ожидание исполнилось!

Глава 37

Джабл и Человек с Марса вышли к стереовизору. Около него уже собралось все Гнездо. На экране волновалась толпа, которую с трудом

сдерживала полиция. Майк взглянул на экран, и на лице его появилась счастливая уверенность.

— Пришли? Отлично. Начинаем.

Чувство радостного ожидания, все время преследовавшее Харшоу, распирало стены.

— Давно у нас не было столько зрителей, — сказала Джилл.

— Пожалуй, стоит одеться ради такого случая. Пэтти! Найди мне что-нибудь, — попросил Майк.

— Сию минуту, Майкл.

— Сынок, — забеспокоился Джабл, — не нравится мне эта толпа. Может, не стоит тебе выходить?

— Стоит: они пришли ко мне, и я должен их встретить, — он замолчал, так как лицо на несколько секунд оказалось закрыто одеждой. Женщины наперебой помогали ему одеваться — каждая вещь словно знала, куда и как лечь.

— Положение обязывает. Если публика ждет, звезда должна явиться.

— Майк знает, что делает, босс, — успокоил Дюк.

— Н-не знаю… Я не доверяю толпе.

— Тут собрались в основном зеваки. Есть парочка фостеритов и других злопыхателей, но Майк справится с любой толпой. Правда, Майк?

— Точно, Каннибал. Где моя шляпа? Солнце уже высоко.

Откуда ни возьмись появилась дорогая панама с яркой лентой и уселась ему на голову. Майк кокетливо сдвинул ее набекрень.

— Ну как? — спросил он.

На нем был, как всегда на проповедях, белый деловой костюм, крахмальная рубашка и дорогой яркий галстук.

Бен сказал:

— Атташе-кейса не хватает.

— Правда? Ты считаешь, не хватает? Пэтти, у нас есть атташе-кейс?

Джилл подошла к Майку.

— Бен шутит, милый. Ты отлично выглядишь. Иди, — она поправила Майклу галстук и поцеловала. Харшоу показалось, что она поцеловала и его.

— Да, пора. Энн, Дюк, готовы?

— Готовы, — Энн надела свидетельский плащ, а Дюк вооружился всевозможной съемочной аппаратурой и карточкой «Пресса».

Они пошли к выходу, Джабл двинулся за ними, а все остальное Гнездо — тридцать с лишним человек — осталось у стереовизора. У двери Майк задержался. Там стоял столик, а на нем — графин

с водой, ваза с фруктами, стакан и ножи.

— Дальше не ходи, — предупредил Джабла Майк, — иначе Пэтти придется отбивать тебя у кобр.

Майк налил в стакан воды, отпил.

— От проповедей пересыхает в горле, — и передал стакан Энн. Потом взял нож для фруктов и отрезал кусок яблока. Харшоу показалось, что Майк отрезал себе палец, но тут Дюк протянул ему стакан. Крови не было, а к фокусам Харшоу уже начал привыкать. Он взял стакан и с удовольствием сделал глоток: во рту почему-то было сухо.

Майк сжал его руку и улыбнулся.

— Не волнуйся, отец. Мы скоро вернемся. Не позже, чем через полчаса.

Они вышли к кобрам и закрыли за собой дверь. Джабл со стаканом в руках вернулся ко всем. Кто-то забрал у него стакан, он не заметил этого, полностью уйдя в экран.

Толпа стала гуще и агрессивнее, полицейские работали дубинками.

— Где они, Пэтти? — спросил кто-то.

— Спускаются в лифте, входят в вестибюль. Их заметили, начали фотографировать.

На экране появилось лицо корреспондента

«Нью Уорлд Нетворкс». Он затараторил:

— Передвижная съемочная группа компании «Нью Уорлд Нетворкс» ведет репортаж из горячей точки. Мы только что узнали, что самозваный мессия, известный как Человек с Марса, наконец выполз из своего укрытия. Очевидно, Смит хочет сдаться властям. Вчера он бежал из тюрьмы, воспользовавшись взрывчатыми веществами, которые, по всей видимости, передали ему сообщники. Но у него не хватило сил пройти через кордоны, выставленные вокруг города. Трудно предсказать, что сейчас случится. Не отходите от экранов! Следите за нашими новостями и рекламой! — Джек Моррис принялся расхваливать свой аттракцион «Елисейские поля».

— Они вышли на улицу, — сказала Пэтти, — толпа еще не видит их.

— Мы находимся у парадного подъезда отеля «Сан-Суси», жемчужины побережья. Не будем обвинять служащих отеля в пособничестве преступнику: они сообщили о нем властям, поэтому мы здесь. Пока не начались события, посмотрите, как Смит превратился в чудовище!

Показали запуск «Посланца», отлет «Чемпиона», Марс, марсиан, первое сфабрикованное интервью с Человеком с Марса: «Тебе нравятся

наши девушки?» — «Еще как!», переговоры во Дворце Министров, защиту диссертации.

— Что там, Пэтти?

— Майкл стоит на ступенях, толпа на расстоянии ста ярдов. Дюк кое-что заснял и меняет линзы. Все в порядке.

Стереовизор дал крупным планом толпу.

— Надеюсь, вы понимаете, друзья, что эти люди не намерены шутить. Сейчас можно ожидать чего угодно, — диктор чуть не захлебнулся… — Он выходит, он идет к людям!

Камера повернулась к Человеку с Марса, он шел прямо на нее. Энн и Дюк шли на некотором расстоянии позади. Вот уже стереовизор показал Майка в натуральную величину, как будто он вернулся в комнату к братьям. Он остановился на газоне в нескольких шагах от толпы.

— Вы звали меня?

Ответом был рев.

В разрыве туч показалось солнце, и на Майка упал столб света.

Одежда его исчезла, он предстал перед толпой нагой и прекрасный — модель для самого Микеланджело. У Харшоу сжалось сердце.

— Посмотрите на меня! Я сын человеческий!

Включили рекламу. Стайка девушек, задирая

ноги выше головы, воспевала какое-то особое туалетное мыло. Экран заполнился мыльными пузырями.

Возобновился репортаж. Кусок кирпича ударил Майка по ребрам.

— Будь ты проклят!

Майк обернулся к обидчику.

— Ты проклял сам себя! До конца жизни тебе не смыть этого проклятия.

— Богохульник! — Камень попал Майку в левый глаз, брызнула кровь.

— Ты ударил себя, — спокойно сказал Майк, — потому что Ты есть Бог, и Я есть Бог, и все живое есть Бог.

В него полетели камни.

— Слушайте Истину: вам не нужно ненавидеть, бояться, убивать! Я принес вам воду жизни! — в руке Майка появился стакан с водой. — Выпейте ее, и вы познаете любовь и счастье!

Кто-то бросил камень, и стакан разбился. Следующий булыжник попал Майку в рот.

Он улыбнулся разбитыми губами и с выражением любви и нежности глянул в камеру. В затылок ему светило солнце, и, казалось, голова сияет золотом.

— Братья! Я люблю вас. Глубокой вам воды. Ты

есть Бог.

— Ты есть Бог, — прошептал в ответ Харшоу.

Снова включили рекламу.

— Пещера Кахуэнга! В этом ночном клубе вы вдохнете настоящий Лос-Анджелесский смог! Его привозят к нам каждый вечер! Вас встретят шесть прекрасных танцовщиц!

— Линчевать его! Повяжем сукину сыну негритянский галстук!

Раздался выстрел, и Майку по локоть оторвало правую руку. Она упала на траву открытой ладонью вверх.

Толпа загоготала и зааплодировала.

— Давай еще, Шорти! Только лучше цельсь!

Снова полетели камни.

— Истина проста, но стать Человеком непросто. Научитесь управлять собой, а все остальное придет само. Благословен тот, кто познал себя, весь мир принадлежит ему, Любовь и Счастье следуют за ним повсюду.

Прозвучали еще три выстрела.

Один раздробил Майку шестое ребро, два других пришлись в левую ногу ниже колена. Показался осколок кости.

Майк пошатнулся, засмеялся и продолжал говорить.

— Ты есть Бог. Пойми это, и станешь Человеком!

— Черт возьми, когда прекратится это богохульство! Мужики, кончаем его!

Его били камнями и кулаками, а когда он упал — ногами. Ему ломали ребра, наступали на лицо, оторвали ухо, а он все говорил.

Наконец они устали и кто-то сказал:

— Отойдите, ребята, я полью его бензином!

Толпа отступила, на экране стереовизора показалось лицо Майка.

Он взглянул на братьев в последний раз и четко произнес:

— Я люблю вас.

Неосторожный кузнечик сел на траву перед его носом.

— Ты есть Бог, — приветствовал его Майк и дематериализовался.

Глава 38

Экран наполнился дымом.

— Вот это номер! — восхищенно произнесла Пэтти.

— Да, — согласилась Бекки, — даже Профессор не был на такое способен.

— Как всегда, с характером, — подытожил ван Тромп.

Джабл с ужасом озирался вокруг. Неужели никто ничего не чувствует? Джилл и Дон сидят обнявшись, но они всегда так сидят. У Доркас совершенно сухие глаза.

Экран заполнило улыбающееся лицо диктора. Пэтти выключила стереовизор.

— Энн с Дюком возвращаются, — сказала она. — Проведу их через холл со змеями и будем завтракать.

Джабл не дал ей дойти до двери.

— Пэтти! Ты знала, что будет с Майком?

Она удивилась.

— Нет, конечно. И никто не знал. Для нас еще не кончилось ожидание, — она обошла Харшоу и удалилась в холл.

— Джабл, — сказала Джилл, — мой любимый отец, успокойся и вникни: Майк не умер. Человека невозможно убить. Он всегда будет с нами, ведь мы вникли в него. Ты есть Бог.

— Ты есть Бог, — потерянно повторил Харшоу.

— Вот так. Сядь между нами.

— Нет, нет, я хочу побыть один.

Харшоу, натыкаясь на стены, добрел до своей комнаты, заперся там и упал на кровать. О, сын

мой, сын мой! Если бы я мог умереть вместо тебя! Тебе бы еще жить да жить, а я, старый дурак, которого ты непонятно за что уважал, убил в тебе сомнения и послал на бесполезные муки. Ты понес им Истину! А кому нужна истина? Это ведь не стриптиз и не рулетка. Харшоу засмеялся сквозь слезы.

Он подавил рыдания и смех, и пошарил в чемодане: вот оно.

Харшоу носил его с собой его с тех пор, как с Джо Дугласом случился удар, в очередной раз напомнивший Харшоу, что все живое смертно. Харшоу прописал себе для верности три таблетки, выпил и лег в постель. Вскоре боль прошла. Издалека донесся голос:

— Джабл!

— Я отдыхаю! Не мешайте!

— Джабл, отец! Я прошу.

— Да, Майк, что такое?

— Проснись! Еще не время. Позволь, я помогу.

— Спасибо, Майк, — вздохнул Харшоу.

Он позволил отвести себя в ванную и проделать с собой необходимые манипуляции.

— Ну как?

— Все хорошо, сын. Спасибо.

— Тогда я пойду, у меня дела. Я люблю тебя,

отец. Ты есть Бог.

— Я люблю тебя, Майк. Ты есть Бог.

Джабл переоделся, привел себя в приличный вид, хлебнул бренди, чтобы заглушить горечь во рту, и вышел в гостиную.

Там сидела Пэтти.

— Есть хочешь?

— Хочу.

— Вот и хорошо. Все уже поели и разбежались. Но велели мне тебя поцеловать.

Она поцеловала его, вложив в поцелуй любовь всего Гнезда.

Джабл почувствовал, что боль отступает и возвращаются силы.

— Пойдем на кухню. Тони ушел, можно свободно хозяйничать, — она остановилась на пороге и выгнулась, пытаясь заглянуть себе за спину. — Ты не находишь, что финальная сцена меняется? Мне кажется, там появился дым.

Джабл подтвердил, что дым на самом деле появился. Конечно, никакого дыма на картине не было, но зачем спорить?

— Я так и знала. Я многое вижу, но спину без зеркала пока не могу увидеть. Майк говорит, что скоро у меня это получится.

В кухне находилось человек десять. Дюк поме-

шивал что-то в кастрюле.

— Привет, босс! Я заказал автобус на двадцать мест, наша площадка не примет больший. А для барахла и Пэттиных питомцев понадобится еще один.

— О'кей!

— Спален не хватит, придется кого-то поместить в гостиной, кого-то потеснить.

Его, скорее всего, тоже потеснят. Харшоу решил не противиться. В конце концов, приятно, когда рядом лежит кто-то живой и теплый, не обязательно же…

— С нами поедут не все. Тим только отвезет нас, а сам отправится в Техас. Капитан, Беатрис и Свен собираются в Нью-Джерси.

— Мы с Рут едем к детям, Саул с нами, — сказал Сэм.

— Хоть денек посидите дома!

— Я посоветуюсь с Рут.

— Босс, когда можно будет наполнить бассейн?

— Обычно мы делали это не раньше апреля, но если включить подогрев, то в любое время. Только зачем: еще не сошел снег.

— Босс, ради того чтобы поплавать, мы согласны пройтись босиком по снегу. Кроме того, к чему тратить электроэнергию на подогрев? У нас вода

и так не замерзнет.

— Джабл!

— Да, Рут?

— Мы останемся у тебя на пару дней. Дети по мне не особенно скучают, да и я побаиваюсь идти к ним без Пэтти. Ты ведь еще не видел, как моя грива плывет по воде?

— Отлично. А где Нельсон и капитан? Куда они так спешат? Беатрис не разу не была у нас дома — нехорошо!

— Я скажу им, босс.

— Пэтти, твои змеи согласны пожить денек-другой в чистом и теплом подвале? Потом мы что-нибудь для них придумаем. О твоей девочке я не говорю: она почти человек, а кобр не стоит распускать по дому.

— Конечно, Джабл.

— Хм… Дон, ты умеешь стенографировать?

— Ей это не нужно, — сказала Энн, — как, впрочем, и мне.

— А печатать на машинке?

— Если ты захочешь, я научусь, — ответила Дон.

— Считай себя принятой на работу — до тех пор, пока где-нибудь не откроется вакансия верховной жрицы. Джилл, мы никого не забыли?

— Нет, босс, кроме всех остальных, которые всегда будут в нашем доме желанными гостями.

— О, разумеется! — Харшоу подошел к Дюку и глянул в кастрюлю, над которой тот колдовал. Там было немного бульона.

— Это… Майк?

— Да, — Дюк зачерпнул, попробовал. — Нужно подсолить.

— Да, Майка всегда следовало чуть-чуть подправлять, — Джабл попробовал бульон. Вкус был сладковатый. — Впрочем, не нужно. Пусть останется таким, каким был при жизни. Кто разделит со мной его тело?

— Оно предназначено только вам, босс. Тони велел мне ждать вас, помешивать и доливать воду, чтобы не пригорело.

— Доставай чашки, я хочу разделить его с тобой.

— Слушаюсь, босс.

Из буфета выплыли две чашки и приземлились на стол.

— Не повезло Майку. Он собирался пережить меня и съесть на День Благодарения. А может, это мне не повезло: выиграл пари и не с кого получить деньги.

Дюк налил бульон в чашки. Джабл поднял свою

чашку.

— Выпьем и станем еще ближе!

С удивлением Джабл обнаружил, что ему больше не хочется плакать. Напротив, его переполняло счастье. Его сын, который был поначалу слабым и наивным, вырос мудрым и сильным, не утратив ангельской чистоты. Я понял тебя, сын, ты прав, я продолжу твое дело.

Пэтти подала ему еду. Харшоу набросился на нее, как будто не ел несколько дней. Сэм говорил:

— Я сказал Саулу, что не вижу необходимости менять планы. Будем вести дело разумно, оно процветает и после смерти основателя.

— Разве я возражаю? — сказал Саул. — Вы с Рут организуете один храм, я — другой, но сначала нужно накопить капитал. Это вам не магазин и не кинотеатр. Нужна масса оборудования, нужно оплатить Махмуду и Мириам поездку на Марс — это все деньги!

— Кто спорит? Исполнится ожидание — и все станет ясно.

Харшоу неожиданно сказал:

— Деньги — не проблема.

— Ну-ка, ну-ка!

— Как юрист, я не должен был этого говорить,

но я — ваш брат и поступаю, как подсказывает мне сердце. Энн!

— Да, босс!

— Купи это место. Купи участок радиусом в сто футов вокруг места, где растоптали Майка.

— Босс, это территория муниципалитета.

— Не спорь.

— Я не спорю, а излагаю факты.

— Прости, не понял. Если нажать, нам эту землю не только продадут, но и подарят. Давить будем через Джо Дугласа. Попросим Джо вызволить из морга то, что еще осталось от Майка, и похороним его здесь, скажем, через год. Весь город будет плакать, а полицейские, которые его сегодня не защитили, будут стоять навытяжку. Памятником поставим «Упавшую Кариатиду». Нет, Майк был в силах нести свой камень. Лучше «Русалочку». Нет, никто не поймет. Поставим статую Майка. Изобразим его таким, каким он был, когда говорил «Посмотрите на меня, я сын человеческий!» Если Дюк его в тот момент не заснял, то «Нью Уорлд» — наверняка. Найдем брата, который вылепит Майка не хуже Родена. Похороним Майка без гроба, пусть черви и дождь вникают в него. Думаю, он не стал бы возражать. Энн, как только приедем домой, напомни мне позвонить Джо

Дугласу. Это первое. Второе, — и Харшоу рассказал о завещании Майка… — Так что каждый из вас по крайней мере миллионер. Даже с вычетом налогов. Никаких предписаний. Можете строить храмы или покупать яхты. Управляющим остается Джо Дуглас, с той же зарплатой. Но Джо долго не протянет, после чего управляющим становится Бен Кэкстон. Слышишь, Бен?

— Я найму вместо себя настоящего бизнесмена, например, Саула.

— Отлично. Скоро завещание вступит в силу. Оспаривать его никто не решится, а если решится, то ничего не получит: Майк над ним хорошо поработал. Когда мы едем? Где счет?

— Джабл, — сказал Бен, — это наш отель.

Вскоре они были в воздухе. Никто их не задерживал: город успокоился так же быстро, как и воспламенился. Джабл сидел рядом с Махмудом и говорил с ним о предстоящей поездке на Марс. Харшоу не чувствовал ни горя, ни усталости…

— Придется выучить ваш марсианский, — ворчал он, — надо же понимать, о чем вы болтаете…

— Как пожелаешь, брат.

— Учти, я не буду сидеть на уроках и зубрить правила. Я буду работать в удобном режиме.

Махмуд помолчал.

— Уроки и твердое расписание, — наконец сказал он, — нужны для работы в группах. С некоторыми людьми мы занимаемся индивидуально.

— Осмелюсь просить у вас этой привилегии.

— Энн, например, достигла невиданных успехов. У нее отличная память, и она изучала язык путем прямого контакта с Майком.

— У меня плохая память, да и Майка нет.

— Зато есть Энн. И как бы ты не упрямился, Дон введет тебя в контакт с Энн. Для второго урока Дон уже не понадобится, Энн справится сама. Ты научишься думать по-марсиански за считанные дни. Мне кажется, процесс обучения должен тебе понравиться.

— Ты подлый и похотливый араб! — набросился Харшоу на Махмуда. — Ты украл у меня лучшую секретаршу!

— За которую большое тебе спасибо. Ты потерял ее навеки: она тоже будет давать тебе уроки.

— Пересядь куда-нибудь: я хочу подумать!

Через какое-то время Харшоу крикнул:

— Ближняя!

Подбежала Доркас, уселась рядом, приготовилась стенографировать.

Харшоу смотрел на нее и удивлялся.

— Девочка, что с тобой? Ты вся сияешь!

Доркас произнесла мечтательно:

— Я назову его Деннис.

— Неплохо, очень неплохо, — кивнул Харшоу. Вполне подходящее имя, подумал он, даже если неизвестно, кто отец. — Ты можешь работать?

— Конечно! Я себя отлично чувствую.

— Начинай. Сценарий для стереовидения. Рабочее название: «Марсианин по имени Смит». Картина первая: Марс (документальные кадры), приземление «Посланца». Корабль в глубине кадра. Вокруг ходят марсиане (мультипликация или монтаж). Крупным планом — каюта корабля. На операционном столе лежит женщина…

Глава 39

Старшие Братья не долго думали, что делать с Третьей планетой. Они не владели Абсолютной Истиной и были по-своему ортодоксальны. Поэтому, измерив Третью Планету своей провинциальной меркой, Старшие Братья решили искоренить порождаемое ею зло.

Но придя к такому решению, они потеряли физическую возможность его осуществить. Риск быть наказанной марсианами оказался для

Третьей планеты так ничтожен, что те, чьему попечению она была вверена, ничуть не волновались.

В частности, Фостер остался абсолютно спокойным.

— Дигби! — позвал он.

— Да, Фостер, — отозвался подручный.

— Мне пришла пора отлучиться по спецпоручению. Познакомься со своим новым шефом. Майк, это Архангел Дигби, твой помощник. Он знает, где что лежит, и отлично справляется со вторыми ролями.

— И мы непременно поладим, — уверил Фостера Архангел Михаил. Затем обратился к Дигби. — Мы не встречались раньше?

— Вполне возможно, что встречались, — пожал плечами Дигби, — но я не помню.

— Неважно. Ты есть Бог.

Фостер сказал:

— Оставьте лишние формальности. У вас гора работы, и вам не хватит на нее всей вечности. «Ты есть Бог» — тоже мне новость! Удивил! Кто из нас не Бог?

Фостер ушел, а Майк сдвинул нимб на затылок и принялся за работу. На Земле еще столько нужно изменить!

Перевод с английского
А. В. Агранович, В. Н. Чернышенко.

Дверь в лето

ДВЕРЬ В ЛЕТО

Глава первая

Незадолго до Шестинедельной войны мы с Петронием Арбитром[12] — это мой кот — зимовали на старой ферме в Коннектикуте. Сомневаюсь, чтобы мне снова захотелось провести там зиму. Все время со стороны Манхэттена дул порывистый ветер, а дом был сборный, из тех, что и в безветренную погоду горят, не хуже оберточной бумаги. Если эта ферма сохранилась по сей день, она наверняка так заражена радиоактивными осадками, что ее не займет даже нищий, но в то время нам с Питом нравилось это место. Водопровода там не было, и поэтому арендная плата была вполне приемлемой. Кроме того, окна в столовой выходили на север, а при таком освещении удобно чертить.

К минусам этого дома следует отнести обилие дверей: их было одиннадцать, даже двенадцать, если считать персональную дверь Пита. Эта дверь, собственно говоря, была дырой в окне нежилой спальни. Я вырезал ее по габариту пито-

[12] Примечания: 12

Ган (или Тит) Петроний Арбитр — римский литератор I в. н. э., автор «Сатирикона», состоял в ближайшем окружении императора Нерона.

вых усов и прикрыл дощечкой. Надо сказать, что изрядную часть своей жизни я провел, открывая различным котам различные двери. Однажды я прикинул, что за свою историю человечество употребило на это занятие ни много, ни мало, как девятьсот семьдесят восемь человеко-часов. Могу показать вам расчеты.

Обычно Пит пользовался своей дверью, но бывали случаи, когда он заставлял меня открывать ему человеческую дверь, особенно, если на дворе выпадал снег. Еще будучи пушистым котенком, Пит выработал для себя простую философию, согласно которой я отвечал за жилье, еду и погоду, а он — за все остальное. За погоду он взыскивал с меня особенно строго, а зимы в Коннектикуте хороши только на рождественских открытках. Этой зимой Пит регулярно инспектировал свою дверь, но не выходил через нее — ему не нравилось белое вещество, покрывающее землю, и он начинал приставать ко мне, требуя открыть ему большую дверь.

Он был твердо убежден, что за одной из дверей обязательно должно быть лето. Это значило, что каждый раз я должен был обходить все одиннадцать дверей и держать каждую из них открытой до тех пор, пока он не убеждался, что за ней все та

же зима, и не разочаровывался в своих поисках.

Пит оставался в доме до тех пор, пока неумолимая гидравлика естества не выгоняла его на улицу. Когда он возвращался, на его лапах постукивали ледышки, словно башмачки на деревянной подошве. Он свирепо пялился на меня и отказывался мурлыкать до тех пор, пока не слизывал их… а потом прощал меня до следующего раза.

Но он никогда не переставал искать дверь в Лето.

* * *

Третьего декабря 1970 года я тоже искал ее.

И преуспел в этом более, чем Пит.

Снега в Южной Калифорнии едва хватало для лыжников, а в деловой части Лос-Анжелеса его и вовсе не было — снегу оказалось не под силу пробиться сквозь смог.

Но в сердце моем царила зима.

Я был здоров (если не считать могучего похмелья). Мне не хватало нескольких дней до тридцати лет — я был в самом соку. Ни полиция, ни спецслужбы, ни разгневанные мужья за мной не гонялись. Единственное, что меня беспокоило, так это неизлечимая забывчивость. Но в сердце

моем была зима, и я искал дверь в Лето.

Потом я узнал, что большинство дверей были вертушками, вроде той, перед которой я тогда остановился. Вывеска гласила:

«Сан-Суси Гриль-Бар».

Я вошел, выбрал место неподалеку от двери, осторожно поставил на пол саквояж и сел, поджидая официанта.

— Уар-р-р? — спросил саквояж.

— Потерпи, Пит, — ответил я.

— Мяу!

— Чепуха. И заткнись — официант на подходе.

Пит заткнулся. Когда я поднял взгляд, официант уже застыл перед моим столиком.

— Двойной скотч, стакан воды и бутылку имбирного эля.

— Имбирного эля, сэр? С виски? — удивился он.

— Есть он у вас или нет?

— Почему же нет? Есть, конечно. Но…

— Тогда тащите. Я не пить его собираюсь, а нюхать. И принесите блюдце.

— Как Вам будет угодно, сэр, — он вытер столик. — Что Вы скажете насчет кусочка мяса, а? Сегодня хорошие эскалопы.

— Послушайте, приятель, я заплачу за эскалоп,

если вы обещаете не приносить его. Я заказал все, что мне нужно, и не забудьте о блюдце.

Он заткнулся и ушел. Я объяснил Питу, что мы пришвартовались, и велел ему сидеть тихо.

Вернулся официант. Бутылку с элем он поставил на блюдце, должно быть, для самоутверждения. Пока он откупоривал эль, я смешал скотч с водой.

— Не угодно ли стакан для эля, сэр?

— Как всякий истинный ковбой, я пью его из горлышка.

Он молча позволил мне расплатиться, не забыв поставить в счет эскалоп. Когда он отошел, я налил в блюдце эль и шлепнул по саквояжу.

— Ужинать, Пит.

Саквояж был открыт: я не застегивал молнию, когда ходил с Питом. Он высунул голову, осмотрелся, прыгнул мне на колени и добрался до блюдца. Я поднял стакан и посмотрел на Пита.

— За здоровье женского племени, Пит. Чтобы легко их находить и легко забывать.

Пит только кивнул. Это было выше его понимания. Он приник к блюдцу и начал быстро лакать эль.

— Если это вообще возможно, — добавил я и отхлебнул виски. Пит мяукнул. Ему было плевать

на женский пол, он числился завзятым холостяком.

За окном полыхала реклама. Сперва загорелась надпись:

«РАБОТАЙТЕ, ПОКА СПИТЕ».

Потом:

«ЗАБУДЬТЕ ВАШИ ЗАБОТЫ».

И, наконец, буквами, которые были вдвое больше первых

«КОМПАНИЯ
ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ».

Я машинально прочел все это. Об анабиозе я знал столько же, сколько все прочие — и много, и мало. Прочел популярную статейку и раза два или три находил в утренней почте рекламные проспекты страховых компаний. Обычно я выбрасывал их, не читая. Они трогали меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, мне было нечем заплатить за анабиоз, а стоит он недешево. Во-вторых, чего ради человеку, увлеченному своей работой, умею-

щему делать деньги и решившему наделать их побольше, влюбленному, почти уже женатому, идти на полусамоубийство?

Анабиоз был хорош для больных и умирающих. Если клиент мог заплатить, он засыпал в надежде, что медики следующего поколения вылечат его. Он спал, а доктора тем временем пытались одолеть его болезнь. Анабиоз был нужен и тем, кому во что бы то ни стало нужно было слетать на Марс. Человек спал, а его счет обрастал процентами. Он просыпался и покупал билет. Можно было понять и молодоженов, которые прямо из-под венца отправлялись в сонное царство страховой компании Запада и не велели будить себя до тех пор, пока счет не позволит им провести медовый месяц в межпланетном лайнере… Хотя, честно говоря, я подозревал, что это — рекламный трюк, и что молодые парочки выходили через черный ход офиса с новыми паспортами. Что за удовольствие провести первую брачную ночь наподобие мороженой макрели?!

И конечно же, как все страховщики, Компания апеллировала к кошельку: «Работайте, пока спите». Она бралась из любой суммы сделать состояние. Предположим, вам пятьдесят пять лет, и ваш доход — двести монет в месяц. Почему бы вам

не заснуть на несколько лет и, проснувшись в том же возрасте, получать в месяц уже тысячу монет? Они не пишут ни слова о блистательном мире будущего, они обещают больше — сохранение вашего возраста и тысячу в месяц. Естественно, каждая Компания доказывала потенциальным клиентам, что именно она поместит их капитал наилучшим образом. «Работайте, пока спите».

Все это меня не касалось. Мне еще не стукнуло пятьдесят пять, и я не видел в 1970 году ничего слишком плохого.

До сих пор, следует добавить.

Сейчас я был в глухом ауте, нравилось мне это или нет (а мне это не нравилось). Вместо медового месяца я торчал во второразрядном баре и глушил скотч, чтобы забыться. Вместо жены со мной был возбужденный от эля кот, и я был не прочь заказать еще бутылочку.

Но сломлен я не был.

Я слазил в карман пальто и достал конверт. В нем лежали две бумажки. Одна — чек на сумму, которой у меня сроду не было, вторая — сертификат моего пая в «Горничные, Инкорпорейтед». Обе они были слегка помяты: я все время таскал их с собой.

Почему бы и нет?

Почему бы и мне не заспать все мои беды? Это лучше, чем завербоваться в Иностранный Легион; лучше, чем наложить на себя руки; это позволит мне забыть тех людей и те обстоятельства, из-за которых я сейчас напивался. Так почему бы и нет?

Я не рвался к богатству. Конечно, я прочитал «Когда спящий проснется» Г. Дж. Уэллса, причем, еще до того, как страховые компании стали бесплатно раздавать эту книгу, — просто как один из классических романов. Я допускал, что такой способ обогащения может заинтересовать многих. Но я не знал, хватит ли моих денег на анабиоз, не говоря уже о том, чтобы отдавать их в рост. Гораздо больше меня занимало другое — проснуться в другом мире. Может быть, в лучшем, если верить рекламе… а может быть — в худшем. Но несомненно — в другом.

Одно можно сказать наверняка: в том мире не будет ни Беллы Даркин, ни Майлза Джентри. А главное — не будет Беллы. Если бы она умерла, я мог бы вычеркнуть из памяти и ее, и все, что она сделала со мной вместо того, чтобы мучиться, зная, что она всего в нескольких милях от меня.

Прикинем, сколько нужно спать для этого. Сейчас, по ее словам, ей двадцать три года, хотя

однажды она проболталась, что помнит президентство Рузвельта. (Ну ладно, пусть будет двадцать с хвостиком). Значит, если проспать лет семьдесят, она уже будет в лучшем мире. Для верности лет семьдесят пять. Правда, геронтология тоже не стоит на месте. О ста двадцати годах уже поговаривают, как о «естественной и вполне достижимой» продолжительности жизни. Значит, спать нужно лет сто, а я не знал, возможно ли это.

Была у меня одна дьявольская задумка, подогреваемая скотчем. Нет нужды дожидаться смерти Белл, достаточно остаться молодым, когда она будет старухой. Чудесная месть любой женщине. Чтобы утереть ей нос, хватит и тридцати лег.

Я почувствовал легкое, как пушинка, касание.

— Мур-р-р! — возвестил Пит.

— Пей, — ответил я, доливая в блюдце эль.

Он вежливо подождал, потом принялся лакать, не подозревая, что отвлек меня от грязных планов мести. Как, черт возьми, поступить с Питом?

Конечно, кошки не так преданны человеку, как, например, собаки, и быстро забывают своих хозяев. Иногда они сами уходят из дома. Но Пит не таков — я был его единственной опорой в этом изменчивом мире с тех пор, как взял его от кошки

девять лет тому назад… Даже в армии я умудрился держать его при себе, хотя это и требовало дьявольской изворотливости.

Он был еще вполне крепок, хотя шрамов на его теле хватало. При хорошем уходе он еще лет пять мог драть всех своих соперников и делать котят.

Конечно я мог оплатить его содержание до тех пор, пока он не умрет (невообразимо!) или усыпить его (еще более невообразимо!), или просто бросить. С котами так: либо вы выполняете все свои обязательства по отношению к ним, либо бросаете беднягу на произвол судьбы, обрекаете его на одичание и навсегда разрушаете его веру в справедливость.

Как, например, Белла бросила меня.

Дэнни-бой, нечего и думать об этом! Ты можешь засохнуть, как ботва осенью, но кот тут ни при чем, он верит в тебя.

В то мгновение, когда меня осенила эта истина, Пит чихнул — эль попал ему в нос.

— Будь здоров, — сказал я, — и не спеши напиваться.

Пит проигнорировал мой совет. Он был воспитан лучше, чем я, и хорошо знал это. Наш официант стоял у кассы и трепался с кассиром. Делать им было нечего — народу в баре было

всего ничего. Похоже, официант услышал нас и кивнул в нашу сторону. Оба они вдоволь попялились на нас, потом кассир вышел из-за стойки и направился в нашу сторону.

— Линяй, Пит, — тихо сказал я.

Пит оглянулся и быстро нырнул в саквояж, а я немедленно задернул «молнию». Кассир подошел к нам и оперся на столик, раскорячившись, словно над унитазом,

— Извини, приятель, — заявил он категоричным тоном, — но кота тебе придется унести.

— Какого кота?

— Того самого, который пил из этого блюдца.

— Я не видел никакого кота.

Он нагнулся, посмотрел под столиком.

— Ты спрятал его в саквояж, — обвинил он меня.

— В саквояж? Кота? — удивился я. — Это какая-то метафора, друг мой?

— Что? Я и слова такого не знаю. У тебя в саквояже кот. Открой-ка «молнию».

— У вас есть ордер на обыск?

— Откуда? Брось дурачиться.

— Это вы валяете дурака: хотите осмотреть мой саквояж без ордера на обыск. Четвертую поправку еще никто не отменял. Мы заплатили, и, будьте

любезны, передайте официанту, чтобы он принес еще раз то же самое, или принесите сами.

Он помялся.

— Браток, не подумай, что я имею что-то против тебя, и поэтому пристаю. «Ни кошек, ни собак» — так сказано в инструкции, что висит у кассы. Мы стараемся не ссориться с санитарным управлением.

— Тогда плохо ваше дело, — я поднял свой стакан. — Видите, след губной помады. Вам следует лучше следить за посудой и беречь здоровье посетителей.

— Я не вижу никакой помады.

— Большая часть ее уже стерлась. Но его можно отправить в санитарное управление, пусть посчитают там микробов.

— Вы инспектор? — со вздохом спросил кассир.

— Нет.

— Тогда мы сможем поладить. Я не буду соваться в ваш саквояж, а вы не станете жаловаться в управление. Идет? Если вы хотите выпить еще, то подойдите к стойке и возьмите все, что угодно… с собой. А здесь — нельзя.

Он повернулся и пошел к своей кассе.

— А мы как раз и собирались уходить, — бросил я, проходя мимо него.

— Надеюсь, я не особенно огорчил вас?

— Ничуть. Но я хотел как-нибудь выпить здесь со своим конем. Теперь я передумал.

— Как угодно. О конях в инструкции ничего не сказано. А скажите, ваш кот действительно пьет имбирный эль?

— Четвертая поправка, не забыли?

— Да я не хочу его видеть, просто мне интересно…

— Ну, ладно, — сдался я. — Он любит эль с перцем, но если нет перца, пьет и так.

— Это испортит ему почки. А теперь посмотрите-ка сюда.

— На что?

— Нагнитесь ко мне. Взгляните под потолок. Видите зеркала? Я знал, что с вами кот, потому что видел его.

Я, нагнулся и посмотрел на потолок. Тут и там среди декора блестели зеркала. Таким образом, кассир, не сходя со своего места видел весь зал.

— Нам приходится поступать так, — сказал кассир, словно извиняясь, — люди могут натворить здесь черт знает что… если за ними все время не присматривать. Это очень скверный мир.

— Аминь, брат мой, — ответил я и вышел.

* * *

На улице я открыл саквояж и поманил Пита. Он охотно высунулся.

— Ты слышал, Пит, что сказал этот человек? Это скверный мир. Хуже нету, если два друга не могут выпить без того, чтобы их не выследили. Давай-ка покинем его.

— Сейчас?[13] — спросил Пит.

— Ты настаиваешь?.. Но если мы решимся, назад пути не будет.

— Сейчас!

— Принято единогласно. Осталось только перейти улицу.

* * *

Регистраторша Компании Взаимного Страхования была отличным образцом функционального дизайна. Помимо обтекаемых форм, она могла похвастаться буферами, величиной с радарную антенну каждый. При ней было и все прочее, что нужно для ее основного предназначения. Тут я напомнил себе, что она будет уже бабушкой, когда я проснусь. И объявил, что желаю видеть

---

[13] Примечания: 13

«Сейчас» по-английски — «нау». Похоже на кошачье «мяу».

сейлзмена[14].

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она. — Я посмотрю, кто из наших служащих сейчас свободен…

Прежде, чем я успел присесть, она добавила:

— Наш мистер Пауэлл готов принять вас; пройдите, пожалуйста, сюда…

Кабинет «нашего мистера Пауэлла» внушал уверенность, что дела Компании идут как нельзя лучше. Мистер Пауэлл пожал мне руку, усадил в кресло, предложил сигару и попытался освободить меня от бремени саквояжа. Саквояж я ему не отдал.

— Итак, сэр, чем мы можем быть вам полезны?

— Мне нужен анабиоз.

Его брови взлетели вверх. Жесты стали еще более предупредительными. Такому человеку можно было доверить все свое состояние.

— Очень мудрое решение, — почтительно произнес он. — Я сам не прочь улечься в анабиоз, но… семейные обязанности…

Он подобрался.

— Наши клиенты, как правило, спешат. Если позволите, я не стану занимать ваше время ре-

---

[14] Примечания: 14

Сейлзмен — служащий, непосредственно работающий с посетителями и навязывающий им товары или услуги своей фирмы.

кламной болтовней… и провожу вас прямо на медицинский осмотр.

— Минуту…

— Да?

— Один вопрос. Можете ли вы погрузить в анабиоз кота?

Он удивился, потом огорчился.

— Вы насмехаетесь над нами.

Я открыл саквояж, и Пит высунул голову.

— Моя половина, прошу любить и жаловать. Итак что вы ответите? Если «нет», то я обращусь в «Миссисипи». Их контора находится в этом же здании, не так ли?

Он пришел в ужас.

— Мистер… О, простите, как ваше имя?

— Дэн Девис.

— Мистер Девис, когда человек обращается к нам, мы берем на себя все его заботы. Я не могу вам позволить идти в «Миссисипи».

— Каким же образом вы мне помешаете? Дзюдо?

— Ну, пожалуйста, не надо! — он выглядел ужасно огорченным. — У нас порядочная фирма.

— Вы имеете в виду, что «Миссисипи» непорядочна?

— Я этого не говорил, мистер Девис. Позвольте

вам объяснить…

— Попробуйте.

— …разницу. Возьмите и сравните образцы договоров — наш и «Миссисипи». Обратитесь к адвокату, а еще лучше — к семантику. Вы узнаете, что предлагаем и исполняем мы, и что обещают они, — он быстро оглянулся. — Я не хотел говорить… Надеюсь, Вы не будете ссылаться на меня… Они используют свои собственные формулировки вместо общепринятых.

— Может они оставляют клиенту хоть какую-то лазейку?

— Что? Дорогой мистер Девис, мы вкладываем средства клиентов в верные предприятия. Этого требует наш устав… А «Миссисипи» образует из них свой акционный капитал.

— Может быть, я и куплю их акции… Вам не кажется, мистер Пауэлл, что мы даром теряем время? Примет ваша Компания моего друга или нет? Если нет, то я и так у вас слишком засиделся.

— Вы желаете, чтобы мы сохранили это существо живым при помощи гипотермии? И согласны заплатить за это?

— Я хочу, чтобы вы погрузили в анабиоз нас обоих. И не называйте его «этим существом». Его имя — Петроний.

— Простите. Я перефразирую свой вопрос. Вы готовы заплатить два взноса и вверить нам себя и э-э… Петрония?

— Да, но не два взноса, конечно. Сколько-то я доплачу, но ведь можно же запихать нас в один «гроб». Разве честно брать с кота, как с человека?

— Все это так необычно…

— Да, конечно. Но мы еще поговорим о цене позднее… или я пойду в «Миссисипи». А сейчас я хочу узнать, сможете вы сделать так или нет.

Он побарабанил пальцами по столу.

— Минуточку… — он взял телефонную трубку. — Опал, соедините меня с доктором Берквистом.

Больше я ничего не услышал — он врубил защитную систему. Минуту спустя он положил телефонную трубку и улыбнулся так, словно у него умер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр! Я вовремя вспомнил, что первые успешные опыты анабиоза делались именно на котах. Техника и методика этой операции хорошо отработана. Вашего кота можно поместить в Морскую исследовательскую лабораторию в Анаполисе. Некоторые животные уже двадцать лет лежат в гипотермическом сне и ничего, живы.

— А я думал, что МИЛ уничтожили, когда бом-

били Вашингтон.

— Только наземные сооружения, сэр, но не подземные этажи. Совершеннейшая техника сохраняет животных долгие годы. Они живы, не изменились и не состарились. Вы уже надумали, сэр, в какой эпохе вам угодно проснуться? — вдруг перебил он сам себя.

— Хорошо, давайте обговорим и это…

Вопросов было всего четыре: во-первых, сумма взноса; во-вторых, когда меня разбудить; в-третьих, куда вложить мои деньги и в-четвертых — что с ними делать, если я не проснусь.

Я выбрал 2000 год — приятная круглая дата, до которой оставалось всего тридцать лет. Я боялся утратить чувство времени, если просплю дольше. За те тридцать лет, что я прожил, событий хватало: две большие войны и дюжина малых, падение тоталитаризма, Великая Паника, искусственные спутники, переход на атомную энергию. Однако, чем бы меня ни встретил двухтысячный год, я знал, что проспи я меньше, у Беллы не будет времени обзавестись шикарным набором морщин.

Потом мы обсудили, куда лучше вложить мои деньги. Мне не хотелось вкладывать их в государственные облигации, инфляция могла превратить их в ничто.

Я решил оставить свой пай в «Горничных Инкорпорейтед», а наличные поместить в перспективные отрасли. Одной из них я считал автоматику. Кроме того, часть денег я вложил в акции некоей фирмы из Сан-Франциско, производящей удобрения. Они экспериментировали с дрожжевыми культурами и съедобными водорослями. С каждым годом все больше людей покупают такую пищу, а мясо, похоже, дешеветь не собиралось. Остальные деньги я вложил в фонд Компании Взаимного Страхования.

Теперь оставалось решить, что делать с деньгами, если я умру во сне. Компания уверяла, что мои шансы семь к десяти и была готова заключить пари на благополучный исход. Шансы были неравны, и мне, конечно, не хотелось выигрывать. Риск — элемент любого честного бизнеса (только шулера говорят о равных шансах), а страхование — риск узаконенный. Даже Ллойд — фирма старейшая и известнейшая — готова заключить любое крупное пари. Но не надейтесь на выигрыш — кто-то ведь должен платить портному «нашего мистера Пауэлла».

Я распорядился, чтобы в случае моей смерти все до последнего цента отошло в фонд Компании. За это мистер Пауэлл чуть меня не расцеловал

и рассыпался в уверениях, что семь из десяти — чудный процент. Вложив деньги в Компанию, я автоматически стал сонаследником (если выживу). Это было что-то вроде «русской» рулетки, с которой Компания, естественно, стригла купоны. Кроме того, это позволяло мне остаться при своих, если прогорят все остальные вложения. Мистер Пауэлл любил меня, как крупье любит чудаков, ставящих на зеро. Приведя в порядок мои дела, мы занялись Питом и сошлись на пятнадцати процентах обычного взноса. Для Пита составили отдельный контракт.

Оставалось получить разрешение суда и пройти медицинское обследование. За свое здоровье я не беспокоился — теперь Компания будет спасать меня даже на последней стадии чумы, а вот судейские могли тянуть и тянуть.

Но беспокоился я напрасно. У мистера Пауэлла наготове были все документы, общим числом девятнадцать штук. Я подписывал их, пока не свело пальцы, потом посыльный забрал бумаги и куда-то унес, а я отправился на обследование. Судью я так и не увидел.

Обследование было самым обычным, если не считать того, что под конец доктор посмотрел мне в глаза и спросил:

— Сынок, давно у тебя запой?

— Запой? Отчего вы так думаете, доктор? Я не пьянее вас. — И в доказательство я довольно четко отмолотил скороговорку.

— Брось придуриваться и отвечай прямо.

— Ну, пожалуй, недели две. Или чуть дольше.

— И, конечно, в силу особых причин? А раньше это часто с тобой бывало?

— Честно говоря, ни разу. Видите ли… — и я стал рассказывать, что сделали со мной Белла и Майлз, и почему я решился на анабиоз.

Он положил мне руку на плечо.

— Ради бога, не надо. Я не психиатр. И у меня тоже хватает проблем. Меня интересует одно: станет твое сердце, когда тебя охладят до четырех градусов, или нет. Вот и все. И мне наплевать, из-за чего ты ложишься в анабиоз. Одним дураком меньше, если хочешь знать мое мнение. Но остатки профессиональной чести мешают мне санкционировать анабиоз человека, одурманенного алкоголем. Повернись кругом.

— Что?

— Повернись кругом. Я кольну тебя в левую ягодицу.

Я повернулся — он кольнул. Пока я растирал место укола, он продолжил:

— Теперь выпей вот это. Через двадцать минут у тебя в первый раз за весь месяц будет ясная голова… Итак, если у тебя есть хоть капля разума, в чем я сильно сомневаюсь, ты сможешь подумать и решить, что лучше: бежать от неприятностей или встретить их, как подобает настоящему мужчине.

Я выпил лекарство.

— Вот и все. Можешь одеваться. Документы твои я подпишу, но помни — я могу наложить запрет даже в последнюю минуту. Ни капли алкоголя, легкий ужин и никакого завтрака. Завтра в полдень я вновь осмотрю тебя.

Он отвернулся, не попрощавшись. Я повернулся и вышел. Внутри все болело, как огромный нарыв. Мистер Пауэлл уже подготовил мои документы. Когда я взял его, он сказал:

— Можете оставить его у нас и взять завтра в полдень. Этот комплект отправится с вами в будущее.

— А другие?

— Один мы оставим себе, другой направим в суд, третий, после того, как вы заснете, в пещеры Карлсбадского архива. Кстати, доктор сказал вам о диете?

— Конечно, — сердито ответил я, перебирая

документы.

Пауэлл потянулся за бумагами:

— Я положу их в сейф.

— Нет, я возьму их с собой, на случай, если захочу, что-нибудь изменить.

— Вам не кажется, дорогой мистер Девис, что вносить изменения уже поздно?

— Не давите мне на психику. Я успею внести любые поправки, если приду пораньше.

Я открыл саквояж и засунул документы в боковое отделение рядом с Питом. Я часто хранил там важные бумаги. Конечно, это не Карлсбадский архив, но тоже надежное место. Всякого, кто сунется туда, Пит встретит зубами и когтями.

Глава вторая

Машина дожидалась меня там, где я ее оставил: на стоянке на углу Першинг-сквер. Я бросил в счетчик несколько монет, выпустил Пита на сиденье, вывел машину через западный проезд и расслабился.

Вернее, попытался расслабиться. Для ручного управления движение в Лос-Анжелесе слишком интенсивно, а автоматическому я не доверял. Мне давно уже хотелось перебрать машину по винтику, сделать ее по-настоящему безопасной. Проехав Уэстерн авеню, я перешел на ручное управление. Я был раздражен и хотел по этому поводу выпить.

— Вижу оазис, Пит.

— Блур-р-р?

— Полный вперед!

Лос-Анжелесу не грозит интервенция — захватчики просто не найдут здесь места для стоянки. Высматривая, где бы поставить машину, я вспомнил, что доктор не велел мне больше пить.

Я заочно объяснил ему, что он может сделать со своими советами.

Было бы удивительно, если бы он почти через

сутки смог определить, пил я или нет. Конечно, я мог бы обмануть его дюжиной способов, но это было не в моих правилах.

А ведь он был совершенно прав, черт побери, когда не захотел подписывать мои бумаги. Похоже, я только и жду случая, чтобы сыграть втемную.

— Пора нам складывать пожитки.

— Сейчас? — спросил Пит.

— Чуть позже. Сперва зайдем перекусим.

И тут я осознал, что пить мне не хочется, мне хочется поесть и выспаться. Док не обманул — я был абсолютно трезв и чувствовал себя лучше, чем когда-либо раньше. Наверное, подействовало лекарство. Мы зашли в ресторан. Себе я заказал цыпленка, а Питу — полфунта ветчины и немного молока, после чего выпустил его поразмяться. Здесь нам было хорошо, и Питу не надо было прятаться.

Через полчаса я забрался в машину, почесал Питу шею под подбородком и закурил, предоставив автомобилю самому выбираться со стоянки.

«Друг мой Дэн, — подумал я, — а ведь док был совершенно прав. Ты пытался утонуть в бутылке, и что же вышло? Голова в горлышко пролезла, а вот плечи застряли. Сейчас ты сыт, спокоен. Тебе

хорошо, в первый раз за всю неделю. Чего ж тебе еще? А, может быть, док прав и насчет анабиоза? Ты что — дитя малое? Разве у тебя не хватает мужества пережить все неприятности? Зачем ты идешь на это? Только ради новых впечатлений? Или ты просто бежишь от себя самого, ползешь назад в лоно матери?»

«Но я на самом деле хочу туда, — возразил я самому себе, — в двухтысячный год. Только подумай, парень, двухтысячный год!»

«Ладно, как хочешь. Но стоит ли уходить из этого мира, не расплатившись по счетам?»

«Ну хорошо! А как ты будешь расплачиваться? Белла после всего этого тебе не нужна. Что еще ты можешь сделать? Подашь на них в суд? Глупо. Если кто и выиграет от этого процесса, так это только адвокат».

— Ну? — напомнил о себе Пит.

Я посмотрел на его покрытую шрамами морду. Он-то не станет подавать в суд. Если ему не понравится фасон усов другого кота, Пит пригласит его выйти и разберется с ним, как мужчина с мужчиной.

Похоже ты прав, Пит. Я как раз собирался навестить Майлза, оторвать ему руку и бить ею по голове, пока он не заговорит. Анабиоз подождет.

Зато мы будем точно знать, кто придумал эту пакость.

Неподалеку стояла телефонная будка. Я дозвонился до Майлза и попросил его никуда не отлучаться.

* * *

Отец дал мне имя Даниэль Бун Девис[15]. Так он еще раз продемонстрировал свое свободолюбие. Я родился в 1940 году. Тогда все в один голос говорили, что времена индивидуалистов прошли, и будущее принадлежит массам. Отец не верил этому, и мое имя стало для него одним из символов независимости. Он умер, когда корейцы промывали ему мозги, и до конца остался верен своим убеждениям.

Во время Шестинедельной войны я обзавелся степенью магистра, специальностью инженера-механика и армейской робой. Я не гонялся за чинами: кроме имени, отец наделил меня непреодолимым отвращением ко всякого рода приказам, муштре и дисциплине. Я хотел просто

[15] Примечания: 15

Даниэль Бун (1734-1820) — один из первых поселенцев в Кентукки, входил в число инициаторов захвата индийских земель. Стал персонажем фольклора. В широком смысле — фронтирер, т. е. человек, который на «ты» с дикой природой, сам себе хозяин.

отслужить свой срок и убраться из армии. Во времена холодной войны я служил неподалеку от Нью-Мехико в звании техника-сержанта арсенала, набивал атом в бомбы, а между делом размышлял, чем бы мне заняться на гражданке. Потом меня передели в Оклахома-Сити, в службу снабжения, где я добывал свежие продукты для наших «джи-ай».

Пит странствовал со мной. У меня был приятель Майлз Джентри, призванный из резерва. Незадолго до призыва у него умерла жена, оставив ему Фредерику, свою дочь от первого брака. Они жили неподалеку, в Эльбукерке, и маленькая Рикки (мы никогда не называли ее полным именем) с удовольствием заботилась о Пите. Благодарение кошачей богине Бубастис[16], Майлз и Рикки возились с Питом все уикенды, и я был совершенно свободен семьдесят два часа в неделю.

Первые сообщения об анабиозе поразили меня, равно как и всех прочих. Оказалось, что за полминуты человеческое тело можно охладить почти до нуля. Правда, перед Шестинедельной войной это казалось лишь лабораторным трюком. Зани-

[16] Примечания: 16

Автор, наверное, имеет в виду древнеегипетскую богиню радости и веселья Баст, чьим священным животным была кошка. Бубастис — город, центр культуры богини Баст.

мались этим военные, а у них всегда хватает и людей, и денег для исследований. Напечатайте миллиард долларов, наймите тысячу ученых и инженеров, позвольте им ставить любые эксперименты, и они выдадут все, что вам будет угодно, даже невозможное. С помощью анабиоза (или, если угодно, стасиса, гибернации, замедления метаболизма) можно было складывать людей хоть в штабеля, а потом размораживать их по мере надобности. Человеку дают легкий наркотик, гипнотизируют, и охлаждают до четырех градусов Цельсия. Главное при этом — избежать образования в крови ледяных кристаллов. Когда человека нужно разбудить, температуру поднимают, и через десять минут он встает, как поднятый по тревоге, разве что немного обалдевший. Правда, при быстром размораживании можно повредить нервные клетки. Поэтому оптимальное время для пробуждения — около двух часов, а ускоренное размораживание — это, как говорят в армии, «запланированный риск».

Вся штука заключалась в том, что планировать приходилось свой риск, а не риск противника — тот расчету не поддавался. Так же и с анабиозом. Но война закончилась, и я, вместо того, чтобы погибнуть или попасть в плен, был демобилизован

из армии и занялся коммерцией на пару с Майлзом. Где-то в это же время страховые компании стали предлагать анабиоз всем желающим.

Мы с Майлзом завели небольшую фабрику на краю пустыни Мохоуве (раньше это здание принадлежало BBC) и начали делать «Горничных». Я ведал техникой, Майлз — деловыми вопросами. Да-да, это я изобрел «Горничную» и всех ее родичей: «Оконного Вилли» и прочих, хотя на их ярлыках и нет моего имени. Служа в армии, я часто задумывался, что может сделать один инженер? Работать на «Стандард Ойл» или на Дюпона, или на «Дженерал Моторс»? И тридцать лет выслуживать пенсию? Вы проглотите кучу деликатесов на званых обедах, вдосталь налетаетесь на самолетах, но никогда не будете хозяином самому себе. Есть еще государственная служба — там прилично платят, там нет никаких тревог, там хорошие пенсии, ежегодные отпуска. Что до меня, то я хотел отдохнуть от всех обязанностей, тем более, что после армии мне полагается оплачиваемый отпуск.

Чем бы таким заняться, что не требует шести миллионов человеко-часов до выпуска на рынок первой модели? Все в один голос говорили, что времена велосипедных мастерских, времена Ген-

ри Форда и братьев Райт безвозвратно прошли, — но я не верил этому.

К тому времени автоматика применялась уже достаточно широко. Сложные химические реакторы обслуживались всего двумя операторами. Машина могла выдавать билет в одном городе, а в шести других знали, что это место занято. Стальные кроты грызли уголь, а горнякам оставалось лишь присматривать за ними издали. Именно поэтому я долбил электронику, кибернетику и прочее все время, пока числился в платежной ведомости Дяди Сэма.

Вопрос: какова конечная цель бытовой автоматизации? Ответ: максимально облегчить домашнюю работу. Я и не пытался рассчитать ее «научную организацию». Женщинам нужно совсем другое — хорошо обставленная удобная пещера. Существующее положение домохозяек не устраивало. И в самом деле, домашнее хозяйство велось самым допотопным образом. Только раз я встретил хозяйку, обходившуюся совсем без прислуги, все прочие нанимали дюжих деревенских девиц, и они четырнадцать часов в сутки драили полы, питались объедками с хозяйского стола, получали плату, которую презрел бы даже помощник ассенизатора, да еще и радовались,

что нашли «хорошее место».

Именно поэтому мы назвали наше чудище «Горничной», как бы напоминая об этих полурабынях, дочках иммигрантов, которыми бабки пугают внучат. Основой конструкции был пылесос, а продавать наших «Горничных» мы собирались по цене, позволяющей им конкурировать с обыкновенной метлой.

Наша «Горничная» (первая модель, а не полуразумный робот, которого я сконструировал потом) должна была драить полы весь день напролет и без всякого надзора.

Они мыли, терли, всасывали пыль, полировали — словом, делали все, что было заложено в их убогую память. Они драили полы — и только. Более сложные действия были выше их сил. Весь день они ползали, отыскивая пыль и грязь, кружили по чистым полам в поисках пятен. Как хорошо вышколенная прислуга, они не совались в те комнаты, где были люди — уезжали в другие, пустые, разве что хозяин догонит ее и выключит, чтобы похвалиться перед гостями. Временами она уползала в свое стойло — подзарядить аккумуляторы. Потом мы стали встраивать «вечные» силовые агрегаты.

Короче говоря, различие между первой мо-

делью «Горничной» и пылесосом было минимальным, но она работала без надзора, и это обеспечивало сбыт.

Основные узлы схемы я содрал с «электрических черепах», о которых в конце сороковых писали в «Сайентифик Американ»; цепи электронной памяти позаимствовал из «мозга» управляемой ракеты (здесь мне крупно повезло: из-за строжайшей секретности их даже не запатентовали); рабочие узлы — из дюжины разных механизмов, включая полотер, каким пользуются в казармах, аптечный миксер и манипуляторы, которыми на атомных заводах берут все «горячее». Таким образом, ничего принципиально нового в ее конструкции не было: я просто собрал вместе уже известные узлы и детали. Такое «изобретательство» должно опираться на юриста, хорошо знающего патентное дело и умеющего находить всяческие лазейки в патентном праве.

Настоящая изобретательность требовалась при налаживании производства: мы собирали «Горничных» из частей, которые заказывали по каталогу. Исключение составляли только несколько эксцентриков и одна печатная плата. Плату нам поставляли по контракту, а эксцентрики я делал сам из отходов военной автоматики,

брошенных в сарае, который мы гордо именовали фабрикой. Поначалу мы с Майлзом подбирали все, что могло нам сгодиться: запчасти, инструменты, краски. Нынешняя модель с мозгом стоит 4317 долларов девять центов, а первые «Горничные» обходились нам всего лишь в тридцать девять долларов. Товар мы отправляли перекупщику в Лос-Анджелес по шестьдесят долларов за штуку, а он продавал их уже по восемьдесят пять. Мы шли на это, чтобы обеспечить сбыт до той поры, пока не сможем торговать сами. Надо сказать, нам не всегда хватало денег даже на еду, а прибыль, естественно, начала поступать не сразу. Вскоре «Лайф» поместил о «Горничных» целый разворот… и здорово помог сбыту нашего чудища.

Белла Даркин появилась, когда нам с Майлзом надоело печатать письма на «Ундервуде» выпуска 1908 года. Мы зачислили ее письмоводителем, машинисткой и библиотекарем, взяли напрокат электрическую пишущую машинку, накупили ленты и копирки, а я разработал эскизы бланков. Пока наше дело налаживалось, мы с Питом ночевали прямо в мастерской, а Майлз и Рикки ютились в соседней хибарке. Мы объединились, чтобы выжить. Потом Белла получила долю в

нашем деле и должность секретаря-казначея. Майлз был президентом и генеральным менеджером Компании, а я — главным инженером и председателем технического совета… с правом на пятьдесят один процент прибыли.

Честно скажу, почему я сохранил контроль над делом. Я не акула, просто мне хотелось остаться хозяином самому себе. Майлз был моим управляющим, и я ему вполне доверял. Но более шестидесяти процентов начального капитала и все сто процентов изобретательства и инженерной смекалки принадлежало мне. Майлз бы не смог построить «Горничную», а я смог. Но я не смог превратить ее в деньги. Я и сам со временем надеялся стать деловым человеком, а пока ограничился тем, что сохранил контрольный пакет акций и предоставил Майлзу полную свободу во всем, что касается бизнеса… как потом выяснилось, слишком уж полную.

«Горничную», модель №1 раскупали, как пиво на стадионе, а я тем временем улучшал конструкцию, совершенствовал узлы и донимал поставщиков. Потом мне пришло в голову выпускать и другие машины, все для той же работы по дому. Вам известно, что домашний труд составляет, по меньшей мере, половину всей работы

в мире. Правда, женские журналы все время писали то о «научной организации домашней работы», то о «функциональных кухнях», но это был сплошной детский лепет, а иллюстрации показывали вещи, лишь немного улучшенные со времен Шекспира. Революция, заменившая карету самолетом, почти не затронула домашнего хозяйства.

Я всегда был уверен, что домохозяйки — самая реакционная публика. Фактически они представляют из себя живые механизмы для стряпни, стирки, чистки, мойки и ухода за детьми.

Однажды я подумал, сколько трудов надо положить, чтобы вымыть грязные окна или кафель. Оказалось, что простое электростатическое приспособление отлично очищает любую гладкую силикатную поверхность — оконные стекла, кафель, умывальники, унитазы и прочее. Так родился «Оконный Билли». Просто чудо, что никто не придумал его раньше меня. Я придерживал его, пока не сделал настолько дешевым, что не купить его было бы просто глупостью, учитывая почасовую плату мойщикам окон.

Майлз требовал пустить «Вилли» в производство и продажу, но я придерживал его и по другой причине — он должен был легко ремонтиро-

ваться. Генеральный недостаток всех бытовых приборов — и старых и современных — то, что они ломаются именно тогда, когда больше всего нужны. И это не говоря уже о том, что потом приходится платить ремонтнику по пять долларов за каждый час возни с прибором. А на следующей неделе сломается мойка, а следом за ней морозной субботней ночью — обогреватель.

Мне хотелось, чтобы мои приборы работали без перебоев, чтобы хозяйкам не надо было мучаться с ними.

Но все приборы с подвижными частями, даже мои, рано или поздно ломаются, а если у вас их полон дом, то один или два из них наверняка сломаны.

Военные уже давно решили эту проблему. Нельзя же проигрывать битву или всю войну, терять миллионы жизней только потому, что полетела какая-то деталька с палец величиной. Они придумали кучу уловок — контроль надежности, тройные цепи и все такое прочее. В нашем случае годилась только одна из них — принцип блоков.

Сама идея проста до идиотизма: не ремонтировать, а менять. Мне хотелось, чтобы каждую деталь «Вилли» можно было легко заменить. Для этого прилагался комплект запчастей. Одни

детали будут выбрасывать, другие — отсылать в ремонт, но сам «Вилли» не простоит ни минуты сверх того времени, которое потребуется на замену детали.

Тут мы впервые поссорились с Майлзом. Если бы я не держал контрольный пакетик, «Вилли» так и остался бы обычным электрическим недоноском, подверженным регулярным поломкам, словно человек — приступам острого аппендицита. Майлз утверждал, что «Вилли» вполне созрел для продажи.

Помирила нас Белла Даркин. Уступив ей, я позволил Майлзу пустить «Вилли» в продажу, хотя он еще был далек от совершенства. Должен признаться — Белла вертела мною, как хотела, а я, дурак, подчинялся ей.

Она была не только безупречным секретарем и делопроизводителем. Ее формы могли бы вдохновить Праксителя, а ее духи действовали на меня, как валерьянка на Пита. Хорошие машинистки — большая редкость, и когда одна из лучших соглашается на мизерный оклад в заштатной фирме, невольно возникает вопрос: почему? Но мы даже не спросили, где она работала раньше. Мы были рады случаю избавиться от кучи бумаг, связанных со сбытом наших «Горничных».

Я с негодованием отвергал все, что не нравилось Белле. Очертания ее бюста совершенно подавили мой разум. Она милостиво выслушала, как одинока была моя жизнь до нее, и нежно ответила, что и сама хотела бы узнать меня поближе, ибо испытывала ко мне схожие чувства.

Вскоре после примирения с Майлзом я сделал ей предложение, и она согласилась разделить мою судьбу.

— Дэн, милый, у тебя есть все задатки великого человека… и мне кажется, что я смогу помочь тебе развить их.

— Ну конечно!

— Тише, дорогой. Но я не собираюсь замуж. Ты сейчас на взлете, и мне не хочется обременять тебя детьми и надоедать тебе. Я намерена работать с тобой, помогать тебе налаживать твое дело. А потом мы поженимся.

Я горячо возражал, но она оставалась непреклонной.

— Нет, дорогой, перед нами — долгий путь. Вскоре «Горничные, Инкорпорейтед» станет такой же великой, как «Дженерал Электрик». Когда мы поженимся, я хочу забыть о бизнесе и целиком посвятить себя твоему счастью. Но сначала я должна поработать для твоего благополучия, для

твоего будущего. Верь мне, дорогой.

Что я и сделал. По случаю помолвки я хотел подарить ей шикарное обручальное кольцо — она не позволила. Тогда я передал ей часть моих акций. После долгих уговоров она согласилась принять их. Теперь я не уверен, что это была моя идея.

После этого я начал работать еще усерднее, непрестанно думая о механизации мусорных ведер и посудных моек. И все были счастливы… все, кроме Пита и Рикки. Питу было просто наплевать на Беллу, как и на все, что он не одобрял, но изменить не мог, а вот Рикки была по-настоящему несчастна.

Моя вина. Лет с шести она была «моей девушкой», со встрепанными волосами и огромными серьезными глазами. А я собирался «жениться на ней, когда она вырастет, чтобы вместе заботиться о Пите». Я полагал, что это всего лишь игра, что мы оба понимаем это, что я нужен маленькой Рикки только для того, чтобы Питу было хорошо. Но кто может понять детскую душу?

Что касается детей, я не сентиментален. Большинство из них — маленькие чудовища, не поддающиеся цивилизации, пока не вырастут. Но маленькая Фредерика напоминала мне мою

сестру, не говоря уже о том, что она любила Пита и заботилась о нем. Мне кажется, она любила меня за то, что я на нее никогда не кричал (в те времена я сам еще обижался, как ребенок) и совершенно серьезно принимал все ее фантазии. Рикки была прелесть. У нее было спокойное достоинство, начисто исключавшее визг, хныкание, лазание по коленям. Мы дружили и вместе заботились о Пите. Ей, кажется, нравилось быть «моей девушкой», и она хорошо вела свою партию в нашей игре.

Сам я не играл так увлеченно с тех пор, как мама и сестренка погибли под бомбежкой. Но одного я не учел — я всегда был серьезен, и Рикки это знала. Когда появилась Белла, ей было десять лет, а когда я сделал Белл предложение — почти одиннадцать. Наверное, я один знал, как она ненавидела свою соперницу. Внешне это почти не проявлялось: Рикки просто не хотела с ней разговаривать. Белла называла это «застенчивостью», и Майлз, как мне казалось, тоже так считал.

Но я-то знал, в чем дело, и несколько раз пытался объясниться с Рикки. Вы когда-нибудь пробовали обсуждать с подростком тему, на которую он не желает говорить? Честное слово, вы

будете надрывать глотку в Эхо-Каньоне, но и в этом будет больше смысла. Наконец, я уверил себя, что все это пройдет, как только Рикки узнает, какая Белла милая и хорошая.

Пит был другого мнения и, если бы не любовное ослепление, я заметил бы этот ясный признак того, что мы с Беллой никогда не поймем друг друга. Она «любила» Пита — конечно же, конечно же! Она обожала котов, любила тонзуру, проклюнувшуюся на моем темени, восхищалась моими заказами в ресторане, словом, обожала все, что относилось ко мне.

Но любить котов трудно, ибо при этом нужно угождать им. На свете есть коты и есть все прочие, причем большинство из прочих терпеть не могут котов. Если они и говорят, из вежливости или по какой-то другой причине, что любят котов, то все равно не умеют с ними обращаться, а ведь кошачий протокол гораздо строже дипломатического.

Он основывается на чувстве собственного достоинства и взаимном уважении — равно как и гонор латиноамериканцев, на который можно покуситься, только рискуя жизнью.

Коты не принимают шуток, они ужасно эгоистичны и очень обидчивы. Если кто-нибудь спросит меня, за что я люблю котов, я, скорее

всего, не смогу вразумительно ответить. Это все равно, что объяснять человеку, не любящему острых сыров, почему он должен любить лимбургер. И все-таки я могу понять китайского мандарина, который отрезал рукав халата, покрытого бесценной вышивкой, только потому, что на нем спал котенок.

Однажды Белл попыталась доказать, как она любит Пита. Она играла с ним, словно с левреткой… и он оцарапал ее. Затем, как и всякий благоразумный кот на его месте, он поспешил слинять — и правильно сделал, ибо иначе я был бы вынужден отшлепать его, а он никогда не знал от меня такого обращения. Бить кота — хуже, чем бесполезно. Его можно воспитать только терпением, но никак не побоями.

Я смазал царапины йодом и попытался объяснить Белл, в чем ее ошибка:

— Мне очень жаль, что так случилось, ужасно жаль! Но если ты будешь продолжать в том же духе, приготовься к новым царапинам.

— Но я просто играла!

— Да… но поставь себя на его место. Играть с ним нельзя, он не собачонка. И похлопывать нельзя, только гладить. Нельзя делать резких движений в пределах досягаемости его лап. Даже

когда ты его гладишь, он должен тебя видеть… а ты должна гладить, чтобы ему при этом было приятно… Если он не пожелает, чтобы его ласкали, он все-таки потерпит немного из вежливости (коты очень вежливы), но лучше оставить его в покое, прежде чем его терпение иссякнет, — я немного помедлил. — Ты ведь не любишь кошек?

— Что?! Фу, какие глупости! Конечно же, люблю. Правда, мне редко приходилось общаться с ними. Она у тебя обидчивая?

— Он. Пит — «он», кот-самец. Нет, он не обидчив, с ним всегда хорошо обращались. Но ты должна научиться вести себя с ним. И никогда не надо над ним смеяться.

— Никогда? Почему?

— Потому что в котах нет ничего смешного, хотя порой они бывают довольно комичны. Они не понимают юмора, и смех обижает их. Он не станет тебя царапать за это — просто спрячется, причем в самое неподходящее место. Но со временем обида проходит. Очень важно знать, как начать знакомство с котом. Когда Пит вернется, я научу тебя этому.

Но в тот день мне не пришлось учить ее. Пит так и не вернулся. Больше Белла ни разу не прикоснулась к нему. Она говорила с ним и вообще

вела себя так, будто любила его, но держалась поодаль. Пит тоже соблюдал дистанцию. Я не придавал этому особого значения — не мог же я из-за такой чепухи сомневаться в женщине, которую любил больше жизни.

Проблема Пита снова встала, когда мы с Беллой стали обсуждать, где мы будем жить. Она еще не назвала дня нашей свадьбы, но мы, тем не менее, тратили массу времени, обсуждая всяческие детали. Я хотел завести небольшое ранчо неподалеку от нашей фабрики, а Белла предпочитала квартиру, пока мы не сможем купить виллу в Бель-Эр.

— Дорогая, это непрактично, — уверял я. — Мне хотелось бы жить рядом с фабрикой. Кроме того, где в городской квартире держать кота?

— Да-да, хорошо, что ты вспомнил об этом. Насколько я разбираюсь в котах, мы сумеем его перевоспитать, и он будет вполне счастлив в нашей квартире.

Я уставился на нее, не веря своим ушам. Перевоспитать моего старого драчуна? Превратить его в придаток мебели?

— Белла, ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Мамочке лучше знать, — промурлыкала она и выложила обычный набор доводов, которые

приводят люди, видящие в котах лишь деталь интерьера. Это, мол, для его же блага. Это ничуть ему не повредит. Она знает, как я люблю Пита, и никогда не решилась бы посягать на него. Она хочет только одного — чтобы всем было хорошо…

— «Хорошо» по-твóему, или как? — перебил я ее.

— Что ты имеешь в виду, дорогой?

— Может быть, тебе заодно хочется перевоспитать и меня? Чтобы я был послушен, ночевал дома, никогда с тобой не спорил. Мне это не повредит, я стану даже немного счастливее.

— Ты порешь чепуху, — краснея, сказала она и отвернулась.

— Равно, как и ты!

Больше она об этом не вспоминала. У Беллы была привычка доказывать свою правоту красноречивым молчанием. Чем-то ее манеры напоминали кошачьи… может быть, поэтому она была для меня столь неотразима.

Я был рад случаю замять этот вопрос. У меня родилась идея «Умницы Фрэнка»; «Вилли» с «Горничной» уже начали давать кое-какую прибыль, но мне приспичило полностью автоматизировать домашнее хозяйство, набить дом электрической прислугой. Конечно, это можно

назвать и роботизацией, хотя здесь это определение будет неточным — ведь я не собирался строить механического человека.

Мне хотелось создать машину, которая могла бы делать по дому абсолютно все: чистить, готовить, а также более сложные вещи — менять подгузники или заправлять бумагу в пишущую машинку. Вместо «Горничных», «Оконных Вилли», «Нянек Пэпси», «Гарри-на-побегушках» и «Огородных Гансов», дающих, правда, стабильный доход, я хотел осчастливить мир машиной, которая, как слуги-китайцы, известные моему поколению лишь понаслышке, могли бы делать все, хотя и стоили бы чуть меньше хорошего автомобиля.

Такая машина ознаменовала бы Второй Освободительный Манифест, полное освобождение женщины от векового домашнего рабства. Мне хотелось опровергнуть старинное суждение насчет того, что домашнюю работу вовек не переделаешь. Нудная, механическая, эта работа оскорбляла меня как инженера.

И вот, призвав на помощь всю мою фантазию, я спроектировал «Умницу Фрэнка». Он вобрал в себя все лучшее из прежних моих разработок и не требовал ни одной нестандартной детали. Ко-

нечно, такая работа — не для одного человека и, если бы не опыт «Горничной», «Вилли» и прочих, я бы с ней никогда не справился.

Опыта у меня, к счастью, хватало, о качестве пока заботиться не приходилось. Правда, агрегаты нужно было скомпоновать очень плотно, совсем как в управляемой ракете.

Что же входило в обязанности «Умницы Фрэнка»? Любая домашняя работа, обычно выполняемая людьми. Он не умел играть в карты, заниматься любовью, есть или спать, но должен был прибирать за картежниками, застилать постели, следить за детьми (по крайней мере, за их температурой и дыханием) и звать кого-нибудь, если они нездоровы. Не было нужды «учить» «Фрэнка» отвечать на телефонные звонки — такой прибор уже был в продаже — и открывать входные двери — ибо они, как правило, оснащались фотоэлементами и Ответчиками.

Чтобы «Фрэнк» мог хорошо выполнять свои обязанности, ему нужны были глаза, уши, руки и мозг… достаточно большой мозг.

«Руки» можно было взять от «Горничной», то есть заказать компании, снабжающей атомщиков. Правда, мне хотелось бы сделать их лучше — снабдить обратной связью со множеством

степеней свободы, увеличить чувствительность. «Глаза» можно было заказать там же, но их следовало изменить, чтобы «Фрэнк» не двигался на ощупь и не таранил все стенки.

В качестве «ушей» я планировал использовать дистанционное управление телевизором. Мне хотелось, чтобы «Фрэнк» управлялся не только кнопками, но и голосом.

Просто удивительно, сколько транзисторов и печатных плат можно впихнуть в столь ограниченный объем.

«Фрэнку» нужна была законченная форма, и я дал ему страусиную шею, а руки сделал длинными, как кузнечные щипцы. Еще мне хотелось научить его ходить по ступенькам лестницы.

Необходимый для этого узел имелся в инвалидных креслах — следовало только проследить, чтобы вес «Фрэнка» не превышал веса среднего паралитика, и чтобы его габариты не слишком выпирали за пределы колесной базы. Управлять этим узлом должен был сам «Фрэнк».

А вот с мозгом было сложнее. Можно изготовить сочленения наподобие человеческих суставов или даже лучше. Можно создать тонкую координационную систему — и механические руки смогут делать маникюр, скрести полы, разбивать

яйца, или, наоборот, брать их, не разбивая. Но механизм — не человек, его мозг не засунешь промеж ушей.

К счастью, Фрэнку не нужен был мозг человеческого уровня. Я создал послушного робота, годного только для нудной домашней работы.

Здесь пригодились лампы Фрезена, «лампы памяти», как их иногда называли. Они применялись в межконтинентальных ракетах и системах регулирования уличного движения, как например, в Лос-Анжелесе. Объяснять их устройство нет нужды: наверное, даже в лабораториях «Белл Корпорейшн» не все разбираются в этом. Коротко, суть их действия сводится к тому, что вы можете вмонтировать лампу в тот или иной механизм, «показать» ему какое-то действие, а лампа «запомнит» его и в дальнейшем сможет управлять этой операцией уже без участия человека. Лампы Фрезена годились и для станков, и для управляемых снарядов, и для «Умницы Фрэнка». Нужно только вмонтировать в него некоторые вторичные цепи и его «здравый смысл». Конечно, это не тот здравый смысл, каким обладаем мы с вами (по-моему, у машины вообще не может быть ничего подобного). Ото просто регулирующая цепь, «говорящая» машине: «Следи за этим в таких-то

пределах, когда увидишь это — делай по инструкции». А инструкцию можно усложнить до предела — лампы Фрезена и цепи «здравого смысла» справятся с любым действием — лишь бы не было взаимоисключающих пунктов. Словом, как у имбецила, делающего на заводе картонные коробки.

Итак, надо лишь научить «Фрэнка» мыть посуду и вытирать со стола. Дальше он сам справится с этим так, чтобы не бить тарелки.

Рядом с первой лампой можно воткнуть вторую — и он сможет пеленать младенца, причем никогда не сунет ребенка в мойку.

Квадратная голова «Фрэнка» легко вмещала сотню ламп Фрезена, и каждая из них ведала какой-то одной хозяйственной операцией. Следовало подстраховать цепи «здравого смысла» общей предохранительной цепью — это на тот случай, если «Фрэнк» столкнется с чем-нибудь экстраординарным. Но и тогда ребенок и посуда будут в полной безопасности.

Оставалось взгромоздить «Фрэнка» на каретку инвалидного кресла — и он был готов. Он походил на помесь осьминога с вешалкой для шляп… но, боже мой, как он полировал столовое серебро!

* * *

Увидев первого «Фрэнка», Майлз для начала велел смешать ему мартини, посмотрел, как «Фрэнк» расправляется с грязной посудой (не прикасаясь к чистой), открывает и закрывает окно, сметает пыль с книжных полок.

— Многовато вермута, — сказал Майлз, пробуя мартини.

— Именно так, как я люблю. Можно научить его мешать коктейли по-твоему, а можно и так, и эдак. Мозги у него еще чистые. Он «Умница».

Майлз отпил еще глоток.

— А когда его можно будет пустить на конвейер?

— Лет десять повозимся, — ответил я и, прежде, чем он застонал, добавил:

— Упрощенную модель можно подготовить за пять лет.

— Вздор! Ты получишь все, что нужно, но через полгода модель должна быть на конвейере.

— Черта с два! Это моя модель, и она не пойдет в продажу недоработанной. Она должна стать шедевром, должна делать все, что способны вместить лампы Фрезена, а не только прибирать за кошками и умывать детей. «Фрэнк» сможет даже

играть в пинг-понг, если захочет покупатель, и если он сможет заплатить за расширенную программу.

Я посмотрел на «Фрэнка». Он методично вытирал пыль со стола, причем каждую бумагу он возвращал именно туда, откуда брал.

— Правда, играть с ним будет неинтересно — он никогда не промахивается. Хотя мы можем научить его слегка мазать — введем в мозги специальную цепь. Ммм… да, именно так. Покупателям это понравится.

— Год. Один год, Дэн, и ни дня сверх этого. Я найду кого-нибудь, чтобы он помогал тебе.

— Майлз, — сказал я, — когда ты поймешь, что всеми конструкциями в нашем деле заправляю я? Когда «Фрэнк» будет готов, наступит твой черед… но ни секундой раньше.

— И все-таки вермута многовато, — ответил Майлз.

* * *

Я дорабатывал «Фрэнка», стараясь, чтобы он возможно меньше походил на разбитый мотороллер, и хозяйка могла бы похвастаться им перед соседями. Между делом я совершенствовал схему и даже выучил «Фрэнка» почесывать

Пита под челюстью и поглаживать его так, как коту это нравилось. Честное слово, для этого потребовалась схема потоньше, чем у атомщиков. Майлз не подгонял меня, хотя и заходил иногда посмотреть, как движутся дела. Работал я, как правило, по ночам, после неизменного ужина с Беллой. Спал до полудня, потом ехал на фабрику, подписывал накопившиеся бумаги, посещал мастерскую. Потом снова подходило время вести Беллу в ресторан. Из кожи я не лез, помня о том, что творческая работа и так кого хочешь превратит во вьючную лошадь. К утру от меня так и несло потом, даже Пит не мог этого вынести.

Однажды, после ужина, Белла спросила:

— Ты сейчас пойдешь в свою лабораторию?

— Конечно. Почему бы и нет?

— Это хорошо. Там нас должен ждать Майлз.

— Да?

— Он хочет провести собрание всех акционеров.

— Собрание всех акционеров? Зачем ему это?

— Это ненадолго. В самом деле, дорогой, последнее время ты совсем не в курсе дел фирмы. Майлз собирается подвести итоги и обговорить наш образ действий на будущее.

— Да, я занят только проектированием. А что

еще я могу сделать для фирмы?

— Ничего, дорогой. Майлз говорит, что это не займет много времени.

— А в чем дело? Он что, сам не может решить?

— Майлз не говорил мне, зачем. Пожалуйста, дорогой, давай, допивай свой кофе — и пойдем.

Майлз уже и в самом деле ждал нас. Он торжественно пожал мне руку, словно мы месяц не виделись.

— В чем дело? — спросил я.

Вместо ответа он повернулся к Белл.

— Вы подготовили повестку дня?

Одно это должно было насторожить меня, ведь, по ее словам, она не знала, о чем собирался говорить Майлз. Но это меня не насторожило. Я верил ей, черт меня побери! Она подошла к сейфу, набрала шифр и открыла дверцу.

— Кстати, дорогая, — сказал я, — прошлой ночью я не смог его открыть. Ты что, изменила шифр?

Она перебирала бумаги.

— Разве я тебе не говорила? — спросила она, не оборачиваясь. — На прошлой неделе кто-то пытался взломать его, и полиция посоветовала сменить шифр.

— Ясно. Тогда сообщи мне новый, если не хо-

чешь, чтобы я тебе названивал среди ночи.

— Конечно.

Она закрыла дверцу сейфа и положила на стол досье.

— Давайте начнем, — предложил Майлз, прочистив горло.

— Хорошо, — ответил я. — Дорогая, наши… впрочем, ты знаешь все эти формальности лучше меня… Среда, 18 ноября 1970 года, девять часов двадцать минут пополудни. Присутствуют все акционеры — следуют имена — Д. Б. Девис, председатель технического совета и главный инженер. Что осталось нерешенным от прошлого совещания?

Ничего такого не было.

— Чудесно. А теперь, Майлз, выкладывай, в чем дело.

Майлз снова прокашлялся.

— Я хочу проанализировать торговую политику фирмы и предложить программу развития. Кроме того, нужно обсудить наше финансовое положение.

— Финансовое положение? Не мели чепухи. Оно превосходно и с каждым месяцем становится все лучше. В чем дело, Майлз? Ты что, не готов к докладу? Выкладывай все как есть простыми

словами.

— Наша новая программа требует расширения основного капитала фирмы.

— Какая еще новая программа?

— Постой, Дэн, сейчас ты все узнаешь. Пусть Белла прочитает ее нам.

— Ну… ладно. Пусть.

Короче говоря, Майлз, как и все юристы, обожал длинные обороты. Он хотел:

> а) изъять «Фрэнка» из моего ведения, передать его на конвейер и без задержки пустить в продажу…

— Нет! — остановил я Беллу, прежде чем она дошла до пункта «б».

— Подожди минутку, Дэн. Как представитель правления и главный управляющий, я имею право высказываться до конца. Повремени со своими замечаниями и позволь Белле дочитать.

— Хорошо… Но учти, с первым пунктом я не согласен.

Из пункта «б» вытекало, что нам не следует разбрасываться. Мы взялись выпускать вещи не менее перспективные, чем автомобили, но то, что мы уже сделали — только начало. Нам следовало увеличить акционерный капитал и

соответственно расширить производство, чтобы выйти на общенациональный, а затем и на мировой рынок.

Я забарабанил пальцами по столу. Мне до смерти не хотелось становиться главным инженером большой фирмы. Тогда у меня, чего доброго, отнимут чертежную доску, а если я закуплю усовершенствованные паяльники, профсоюзы объявят забастовку. Уж лучше было оставаться в армии и дослуживаться до генерала. Но возражать я не стал.

Пункт «ц» пояснил, что для этого требуются отнюдь не гроши, а миллионы. Предполагалось стать дочерней корпорацией при «Мэнникс Энтерпразез» — передать им наши акции, активы и «Умницу Фрэнка». И хотя мы оставались при своих прежних должностях (Майлз — главным управляющим, а я — главным инженером) и приобретали акции «Мэнникс Энт.», нашей свободе приходил конец: оба мы снова должны были работать на кого-то, в данном случае — на акционеров.

— Это все? — спросил я.

— Ммм… да. Бери слово и высказывайся.

— Значит, нам предоставляется право сидеть за рулем и распевать спиричуэл.

— Не надо шутить, Дэн. Все идет так, как должно идти.

— А я и не шучу. Эти должности и привилегии — побрякушки для невольника, чтобы он не проклинал свою судьбу. Ну, ладно, а что буду делать я?

— Руководить.

Я выдвинул контрпредложение: все мы устраняемся от производства. Джек Шмидт, продававший нашу продукцию, был хорошим человеком и принимал наш заказ без единой рекламации: мне самому надо было копаться в схемах, совершенствовать их, находить неисправности. Без этого я чувствовал себя вялым, и жизнь мне была не мила. Потому-то я и работал по ночам. И от всего этого придется отказаться, наступить себе на горло ради того, чтобы стать в один ряд с «Дженерал Моторс» и «Консолидейтед». Ведь я не смог бы разорваться: изобретать и в то же время руководить производством.

Мое предложение сводилось к тому, что нам следует не разрастаться, а сократиться. Мы продадим кому-нибудь лицензии на «Горничных» и «Оконного Билли», а сами будем отгребать процент с продажи. Когда «Фрэнк» будет готов, мы и его продадим таким же образом. Если «Мэнникс

Энтерпрайзез» купит наши лицензии и таким образом захватит рынок — Бог им в помощь! Тем временем, мы изменим свое название и станем «Исследовательской Корпорацией Девиса и Джентри». Работать будем, как и прежде, втроем, разве что я найму себе одного-двух механиков, а Майлз и Белла будут подсчитывать прибыли.

— Нет, Дэн, — Майлз покачал головой. — Допустим, лицензии дадут нам некоторую прибыль. Но мы получим гораздо больше, если будем производить товар сами.

— Черт побери, Майлз, мы не будем производить товар сами, и все тут! Ты хочешь продать наши души «Мэнникс Энт.», а чего ради? Только из-за денег? Но ведь человеку нужна только одна яхта, только один бассейн, да и то не каждый день, а время от времени… Не пройдет и года, как все это у тебя будет, раз уж тебе так хочется.

— Мне не хочется.

— Так что же тебе нужно?

Он посмотрел мне в глаза.

— Дэн, ты хочешь изобретать. Мой план обеспечит тебе все возможности для этого — людей, приборы, деньги — словом, все, о чем мечтает любой изобретатель. А я хочу вести большое дело. БОЛЬШОЕ дело. У меня такое призвание, — он

быстро взглянул на Беллу. — Я не хочу до самой смерти торчать здесь, посреди пустыни Мохоуве. Не хочу быть управляющим при изобретателе-одиночке.

Я вытаращился на него.

— Раньше ты говорил по-другому. Хочешь выйти из дела, старик? Ну, что ж… Мы с Беллой не будем тебе мешать. Я могу наскрести денег и выкупить твою долю. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь чувствовал себя прикованным к тачке.

Досадно, конечно, но если Майлз хотел уйти, у меня не было права его удерживать.

— Нет, из дела я выходить не хочу. Ты слышал, что я предлагаю. Это для нашей же пользы. Пойми меня.

Наверное, вид у меня был озадаченный.

— Значит, ты настаиваешь на своем? Хорошо, Белла, запиши, что я голосую против. Может быть потом мы вернемся к этому вопросу. Желаю счастья, Майлз.

— Давайте проголосуем, как положено, — ответил он упрямо. — Записывайте, Белла.

— Хорошо, сэр. Итак, Майлз Джентри голосует пакетом акций… — она зачитывает номера серий, — и подает свои голос за…

— За.

Белла что-то пометила в своей книге.

— Даниэль Б. Девис голосует пакетом акций… — опять цифры, словно она читала телефонный справочник, — и подает свой голос…

— Против, и это решает дело. Мне очень жаль, Майлз.

— Белл С. Даркин голосует пакетом акций… — снова цифры. — И я голосую за.

У меня отвисла челюсть.

— Но, детка, ты не можешь так поступить, — наконец, выдавил я. — Конечно, это твои акции, но ты понимаешь, что…

— Подведем итог, — пробурчал Майлз. — Большинство высказалось «за». Предложение принято. Запишите это.

— Да, сэр.

Несколько минут я молчал, не зная, что сказать. Потом кричал на нее, убеждал, говорил, что она поступила нечестно — ведь я подарил ей эти акции, вовсе не намереваясь упустить контроль над нашим делом. Это был просто подарок от чистого сердца. Если она способна на такой фокус, тогда пусть объяснит, как быть с нашим браком…

Она посмотрела мне в глаза. Лицо было совершенно чужим.

— Дэн Девис, если после того, что вы здесь наговорили, вы еще думаете, что между нами возможны какие-то отношения, то вы еще больший болван, чем я предполагала. — Она повернулась к Джентри. — Подвезешь меня домой, Майлз?

— Конечно, дорогая.

Я начал было что-то говорить, потом замолчал, повернулся и вышел, позабыв свою шляпу. Давно было пора уйти. А может быть, следовало убить Майлза, раз уж я не мог пальцем тронуть Беллу…

Естественно, мне было не до сна. В четыре часа утра я встал с кровати, позвонил в бюро перевозок, согласился заплатить сверх тарифа, и в пять часов тридцать минут был у ворот фабрики вместе с грузовиком. Я хотел подвезти его к главному входу, чтобы погрузить «Фрэнка» тельфером — ведь в нем было добрых четыреста фунтов.

На воротах висел замок.

Обдираясь о колючую проволоку, я перелез через забор. Запертые ворота меня не беспокоили — в мастерской была сотня инструментов, и каждым из них я мог отпереть ворота. Но и на двери мастерской был новый замок.

Я огляделся, прикидывая, сломать ли мне его или просто снять дверь с петель, и тут мне крикнули:

— Эй, ты! Руки вверх!

Рук я не поднял, но обернулся.

Средних лет мужчина нацелил на меня шпалер преизрядного калибра.

— Кто ты такой, черт побери?

— А вы?

— Я — Дэн Девис, главный инженер этого бардака.

— А… — он немного обмяк, но гаубицы своей не отвел. — Да, вы соответствуете описанию. Но если у вас есть какой-нибудь документ, покажите его мне.

— Какого черта? Кто ты такой?

— Я? Вы меня не знаете. Я — Джо Тодд из Мохоувской Компании Охраны и Защиты. Работаем по частной лицензии. Ну вы-то должны знать нашу контору: ваша фирма — наш постоянный клиент. А я дежурю этой ночью.

— Вы? Тогда у вас, наверное, есть ключ от этого замка. Отоприте его. Я хочу войти. И спрячьте вашу мортиру.

Он и не подумал сделать ни того, ни другого.

— Я не имею права, мистер Девис. Во-первых, у меня нет ключа. Во-вторых, насчет вас мне даны инструкции. Вам не разрешается находится на территории фабрики. Я должен выставить вас

за ворота.

— Не хотите открывать — не надо. Я все равно войду, — ответил я, озираясь в поисках камня, годного для того, чтобы высадить окно мастерской.

— Послушайте, мистер Девис…

— Да?

— Мне не велели вас пускать, и я вас не пущу. Допустим, я не буду стрелять вам в живот, как это мне положено по инструкции, я буду целиться вам по ногам. Но ведь и ноги у вас не железные, а пули у меня разрывные.

Это предупреждение заставило меня пересмотреть свой план, тем более, что взглянув в окно, я обнаружил, что «Фрэнка» нет на месте.

Выпроводив меня за ворота, Тодд протянул мне конверт.

— Они велели передать вам это, если вы придете.

Письмо я прочитал уже в кабине грузовика. Вот что там было:

> «16 ноября 1970 года
>
> Дорогой мистер Девис!
>
> На состоявшемся сегодня совещании дирекции было решено ограничить Ваши связи (кроме финансовых) с нашей

Корпорацией. В соответствии с п.3 Вашего Контракта, Вы больше не являетесь нашим служащим. Все ваши личные вещи и бумаги будут высланы вам незамедлительно. Правление надеется, что Вас не огорчит эта вынужденная мера, продиктованная нашими разногласиями относительно дальнейшей судьбы фирмы.

Искренне Ваши

Председатель Правления и Главный Управляющий Майлз Дженгри и Б. С. Даркин, секретарь-казначей.

Я дважды перечитал письмо, прежде чем до меня дошло, что никакого контракта с фирмой у меня никогда не было, и что я, хоть убей, представления не имею о третьем или любом другом его параграфе.

На следующий день посыльный принес «мои личные вещи и бумаги» прямо в мотель, где я ночевал в те времена. В посылке я обнаружил свою шляпу, письменный прибор, планшетку, кучу разных книг, мою личную переписку и несколько документов. Ни чертежей «Фрэнка», ни записей о его создании и изготовлении там не было.

Среди документов попадались довольно любопытные. Мой «контракт», например. Его третий параграф позволял нанимателям выставить меня без предупреждения и даже без обычного выходного пособия. Еще интереснее был седьмой параграф. Он был воплощением свинства и являл собой крайнюю форму порабощения человека. В течении пяти лет мне запрещалось работать по специальности, которую я имел, ибо фирма сохраняла за собой право на мои услуги и в любой момент могла призвать меня обратно на службу. Таким образом, мне оставалось только с опрокинутой шляпой в протянутой руке идти упрашивать Майлза и Беллу дать мне работу. Наверное, для этого мне и вернули шляпу.

Пять долгих лет я не имел права заниматься бытовыми приборами без их личного разрешения. Я предпочел бы перерезать себе горло.

В пачке были и копии всех моих патентов, которые я, оказывается, передал фирме: все, относящиеся к «Горничной», «Оконному Вилли» и кое-чему помельче. («Фрэнк», естественно, там не фигурировал — я его еще не патентовал. Позже я узнал, что с ним стало.)

Но я никогда не передавал фирме никаких патентов, не давал даже формального разрешения

на использование моих изобретений. Зачем? Фирма была моим детищем, и в каких-либо патентных отношениях между мной и ею просто не было нужды.

Три последних документа относились к моим акциям (к тем, которые я еще не успел передать Белле). Еще там был чек, а при нем — счет: мне выплачивали жалование за все время работы и за три месяца вперед, меня премировали тысячей долларов «за особые заслуги, оказанные фирме». Последний пункт, наверное, им особенно нравился.

Перебирая эту удивительную коллекцию, я мало-помалу осознавал, как было глупо не глядя подписывать все то, что подсовывала мне Белла. Подлинность моих подписей не вызывала никаких сомнений.

На следующий день я немного оклемался и решил посоветоваться с адвокатом, достаточно ловким и жадным до денег, чтобы взяться за такое дело. Сначала он не хотел со мной связываться, но потом, рассмотрев документы и выслушав детали, уселся поудобнее, заложил пальцы за жилетку и принял обычный для их братии кислый вид.

— Дэн, — сказал он, — я дам вам бесплатный

совет.

— Слушаю.

— Не затевайте ничего. Вам не за что зацепиться.

— Но вы же говорили…

— Я помню, что я говорил. Да, они обманули вас. Но как вы это докажете? Они могли выманить все ваши акции, выставить вас без цента за душой, и все было бы шито-крыто. А вместо этого они выплатили вам жалование, да еще положили тысячу долларов сверху, чтобы не к чему было придраться. И уволены вы под вполне благовидным предлогом — несогласие с политикой, которую проводит ваша фирма.

— Но у меня никогда не было никакого контракта! Я сроду никому не продавал свои патенты!

— Но вот же документы. И вы согласны, что эти подписи — ваши. Кто может свидетельствовать в вашу пользу?

Я призадумался. Пожалуй, никто, кроме меня самого. Даже Джек Шмидт не знал, что творится за забором фабрики. Об этом знал только я… да еще, конечно, Белл и Майлз Джентри.

— Теперь о ваших акциях, — продолжил адвокат. — Здесь, пожалуй, мы найдем зацепку. Если вы…

— Во всей этой истории это — единственная честная операция. Я действительно передал ей эти акции.

— Да, но почему? Вы сказали, что это был подарок по случаю помолвки, в ожидании свадьбы. И она, принимая его, знала об этом. Вы можете заставить ее или вступить с вами в брак, или вернуть акции. Прецедент мы встречаем в деле Мак-Калти против Родис. Тогда вы вернете себе контроль над фирмой и вышвырнете их за ворота. Можете вы все это доказать?

— Черт побери, не хочу я на ней жениться! Она мне больше не нужна.

— Дело ваше. Но это — единственная зацепка. Есть у вас свидетели или доказательства (письма и все такое) того, что, принимая ваши акции, она знала о том, что они дарятся ей, как вашей будущей жене?

Я начал вспоминать. Конечно, свидетели у меня были… все та же пара: Майлз Джентри и Белла Даркин.

— Теперь вам понятно? Ваше слово против их слова, а на их стороне еще и куча бумаг. Это значит, что вы не только ничего не получите, но к тому же рискуете угодить в психбольницу с диагнозом: «навязчивая идея». Мой вам совет

— попытайтесь оспорить некоторые параграфы вашего контракта, рад вам сообщить, что он составлен не безупречно, или начинайте работать в другой области. Но не пробуйте обвинять их в заговоре. Они выиграют дело, да еще и отберут у вас остальные акции за судебные издержки.

Я так и сделал. В подвале дома, где размещалась адвокатская контора, я отыскал бар. Я уселся там за столик и заказал кучу выпивки.

* * *

Мне хватило времени припомнить все это, пока я добирался к Майлзу. Когда фирма начала приносить прибыль, он арендовал в Сан-Фернандо чудесный коттеджик и перебрался туда вместе с Рикки, предпочитая каждый день ездить на фабрику через пустыню, неужели все время изнывать от убийственной мохоувской жары. Я с удовольствием вспомнил, что Рикки сейчас далеко, в скаутском лагере на Большом Медвежьем озере. Мне бы не хотелось, чтобы она видела, как я начну сейчас разбираться с ее отчимом.

Проезжая через туннель, я задумался. Что делать с сертификатом? Наконец я решил оставить его где-нибудь, а уж потом встретиться с Майлзом. Не то, чтобы я ожидал драки или чего-нибудь

в этом роде (если конечно, сам не начну ее), но мысль была хорошей. Я теперь был словно кот, которому однажды прищемили хвост в дверях — то есть все время был настороже.

Оставить документы в машине? Но уж если мне самому может грозить насилие, то машину и подавно ничего не стоит угнать, хотя бы на буксире.

Можно было послать их по почте на свое имя. Корреспонденцию я получал на Главном Почтамте, ибо менял гостиницу всякий раз, когда обнаруживали, что со мной живет Пит.

Мне подумалось, что можно послать мои документы кому-нибудь из людей, которым я доверял.

Но таких было немного.

Наконец, я вспомнил, кому можно было верить.

Рикки.

Казалось бы, глупо доверяться женщине после того, как Белла обманула меня. Но Рикки — это же совсем другое дело. Я знал ее полжизни (ее жизни, конечно), и если только человеческое существо может быть абсолютно честным, то это именно Рикки… и Пит был того же мнения. Кроме того, Рикки была физически неспособна

превратно истолковать мужской здравый смысл. Она была девчонкой только в том, что касалось ее лица, но даже не фигурой.

Выехав из туннеля, я свернул к аптеке, где разжился марками, двумя конвертами, большим и маленьким, и парой листов почтовой бумаги. Я написал:

> «Дорогая Рикки-Тикки-Тави!
> Я надеюсь вскоре увидеть тебя, но, тем не менее прошу: сохрани для меня то, что лежит в маленьком конверте.
> Пусть это будет нашей тайной…»

Тут я задумался. Черт возьми, если со мной что-то случится… автокатастрофа или еще что нибудь в этом роде… Рикки, получив это, будет винить во всем Майлза и Беллу. Ну и пусть. Вдруг я понял, что уже принял решение не ложиться в анабиоз. Лекция, которую прочел мне док, и несколько часов трезвых размышлений — вот и все, что мне было нужно. Я решил остаться и бороться, а сертификат станет моим главным оружием. Он позволял мне реализовать все документы фирмы, давал мне право совать нос во все ее дела. Если они снова попытаются не пускать меня на фабрику, я вернусь с адвокатом, помощником

шерифа и постановлением суда.

За одно это я могу потащить их в суд. Возможно, я проиграю процесс, но во́ни будет вполне достаточно, чтобы «Мэнникс» отступился от фирмы.

А может, не стоит отсылать сертификат Рикки?

Нет, пусть на всякий случай он будет у нее. Рикки да Пит — вот и вся моя «семья». И я продолжил писать:

> «Если через год от меня не будет никаких вестей, или если ты узнаешь, что со мной что-то случилось, позаботься о Пите, если отыщешь его, и, не говоря никому ни слова, бери маленький конверт, который я вкладываю в большой, и неси его в ближайшее отделение Американского Национального Банка, а там уже вели кому-нибудь из служащих вскрыть его.
>
> Люблю, целую.
>
> ***Дядя Дэнни».***

На другом листке я написал:

> «3 декабря 1970 г.
> Лос-Анжелес, Калифорния.

Все свои наличные деньги, имеющиеся у меня, до последнего доллара, и прочие сбережения, включая акции (тут я перечислил их номера) перевожу в Американский Национальный Банк с тем, чтобы они были сохранены и переданы Фредерике Вирджинии Джентри в день ее совершеннолетия.

Даниэль Бун Девис».

Все это я написал прямо на прилавке аптеки, при этом в ухо мне орал динамик. Но получилось четко и недвусмысленно. Я мог быть уверен, что Рикки получит все мои деньги, если со мной что-нибудь случится, и что ни Майлз, ни Белла не смогут их отнять.

Если же все обойдется, я при первой же встрече попрошу вернуть мне конверт. Я не стал делать на сертификате передаточную надпись, мое «завещание» и без того было достаточно ясным. И сертификат, и «завещание» я вложил в маленький конверт, а его вместе с письмом для Рикки засунул в большой. Потом написал на нем адрес лагеря, наклеил марку и бросил в ящик у входа в аптеку. Все это заняло у меня минут сорок. Забравшись в машину, я заметно повеселел, мое

настроение улучшилось… не только от того, что я обезопасил свои сбережения, но и потому, что наконец разобрался во всех своих проблемах.

Не то, чтобы разобрался совсем, но, по крайней мере, решил смотреть им в лицо, а не убегать и не играть в Рипа ван Винкля…[17] надеясь, что все утрясется само собой. Конечно же, я хотел увидеть двухтысячный год и обязательно увижу его… когда мне будет лет шестьдесят. Надеюсь, я и тогда еще буду свистеть вслед каждой красотке. Не стоит торопиться, перескакивая в следующее поколение в анабиозной камере. Это ненормально — увидеть результат, не увидев самого действия. До тех пор у меня было целых тридцать лет, и я наделся прожить все их так, чтобы в двухтысячном году можно было с удовлетворением оглянуться назад.

Сначала я намеревался дать бой Майлзу и Белле. Может, я проиграю, но неприятностей им понаделаю. Так мой Пит, приходя домой изодранный в клочья, все же торжествующе выл, словно говоря:

— Посмотрели бы вы на моего врага!

От встречи с Майлзом я не ждал особых ре-

[17] Примечания: 17

Рип ван Винкль — персонаж романа Вашингтона Ирвинга, двадцать лет проспавший на попоне эльфов.

зультатов. Это будет, так сказать, официальным объявлением войны. Во всяком случае, сегодня спать Майлзу не придется… а он может, если захочет, разбудить и Беллу.

Глава третья

Подъезжая к дому Майлза, я уже весело насвистывал. Меня больше не беспокоила драгоценная парочка — мои бывшие компаньоны. Кроме того, на последних пятнадцати милях я придумал два новых прибора, и каждый из них мог меня озолотить. Во-первых, чертежная машина, наподобие пишущей. Несомненно, ей будет рад каждый из пятидесяти тысяч инженеров, живущих в Соединенных Штатах. Дни и ночи они горбятся над ненавистными чертежами. От этого у них портятся характер и зрение. И не то, чтобы они не любили проектировать — просто эта работа нудна и трудна чисто физически.

Моя штуковина позволит им восседать в удобном мягком кресле, перебирая клавиши — а уж машина сработает чертеж на кульмане. Нажимаете клавишу — и на ватмане появляется горизонтальная линия, нажимаете другую — и связываете ее с вертикальной, нажимаете несколько раз — и перед вами частокол линий или чего угодно.

Нет невозможного в том, чтобы за отдельную плату добавить еще один кульман — это позво-

лит архитектору проектировать в изометрии (единственно путный способ проектирования) или в перспективе, даже не глядя на чертеж. А почему бы не заставить машину снимать планы этажей и разрезы прямо в изометрии?

Главная прелесть такого прибора в том, что его можно почти целиком собрать из стандартных деталей, которых полно в универмагах и магазинах радиотоваров. Исключая панель управления, конечно, хотя я был уверен, что вместо нее можно приспособить обыкновенную пишущую машинку, заменив литеры и обозначения на клавишах. На создание простейшей модели хватило бы и месяца. И еще полтора, чтобы довести модель до кондиции.

Попутно с этим меня осенила восхитительная идея. А именно — как угробить бедного старого «Фрэнка». Я знал это, как никто другой, даже если бы этот другой изучал его целый год. Он был задуман как помощник по хозяйству, и все думали о нем только в этом качестве. У него были ограничения, были недочеты, не отраженные в моих записях. Для новой задумки мне снова нужны были лампы Фрезена, и здесь Майлз не мог мне помешать. Их свободно продавали всем желающим.

Чертежная машина подождет, мне захотелось создать автомат с неограниченными возможностями, который делал бы абсолютно все, что делает человек.

Нет, я все-таки сначала построю чертежную машину, а уж потом, с ее помощью, начну проектировать «Пита-Протея».

— Как тебе это понравится, Пит? Твоим именем я хочу назвать первого настоящего робота!

— Мррр?

— Не волнуйся, это большая честь.

Имея за плечами опыт создания «Фрэнка», я мог спроектировать Пита быстро и, если использовать чертежную машину, чисто. Он будет убийцей, демоном-пожирателем. Он вышибет «Фрэнка» с рынка, прежде чем тот поступит в продажу. Он разорит Майлза и Беллу, и они приползут ко мне на коленях, умоляя вернуться. Кто же режет гусыню, несущую золотые яйца?

В окнах у Майлза горел свет. Неподалеку стоял автомобиль. Я поставил свою машину впереди него и сказал Питу:

— Тебе лучше остаться здесь. Если кто-нибудь попытается угнать машину, стреляй после третьего предупреждения.

— Нооооу!

— Если хочешь идти со мной, полезай в саквояж.

Пит прыгнул в саквояж.

Майлз впустил меня в дом. От рукопожатий мы воздержались. Он провел меня в одну из комнат и предложил стул.

Белла была тут как тут. Хотя я и не ожидал ее увидеть, однако ничуть не удивился. Я смотрел на нее и усмехался.

— Какая чудесная встреча? Неужели ты приехала из Мохоува только для того, чтобы поболтать

со старым Дэном?

Я бываю ужасно галантным, когда захочу.

Белла нахмурилась.

— Не паясничай, Дэн. Говори, с чем пришел, если у тебя есть, что сказать, и проваливай.

— Не торопи меня. Я пришел поговорить с моим бывшим компаньоном… и моей бывшей невестой. Насчет моего бывшего бизнеса.

— Постой, Дэн, — примирительно сказал Майлз. — Не становись в позу. Мы это сделали для твоей же пользы… и ты, если захочешь, можешь вернуться в любой момент. Я буду рад заполучить тебя обратно в нашу фирму.

— Для моей же пользы, вот как? Что-то в этом роде говорят конокраду перед тем, как повесить его. А что скажет Белла? Могу я вернуться?

Она закусила губу, потом ответила:

— Конечно, если так говорит Майлз.

— Как это мило. Совсем недавно ты пела по-другому: «Конечно, если так говорит Дэн». Но все меняется. Такова жизнь. Не вернусь я к вам, не бойся. Слово чести. Я пришел к вам, чтобы узнать кое-что.

Майлз и Белла переглянулись.

— Что? — спросила она.

— Ну, для начала, кто из вас придумал это мо-

шенничество? Или вы думали вместе, на пару?

— Это нехорошее слово, Дэн, — медленно проговорил Майлз. — Оно мне совсем не нравится.

— О, простите, но я предпочитаю быть искренним. Если уж слово нехорошее, то действие в десять раз хуже. Я имею в виду подделку контракта и фальсификацию передаточных надписей на патентах — это серьезные преступления, Майлз, они подлежат юрисдикции Федерального Суда. Думаю, скоро ты увидишь небо в крупную клетку. Вот только не знаю, надолго ли. Ну, ничего, в ФБР меня просветят на этот счет. Завтра, — добавил я, заметив их испуг.

— Дэн, неужели ты настолько глуп, чтобы поднимать бучу вокруг этого?

— Бучу?! Да я ударю по вам со всех сторон, по всем статьям, гражданским и уголовным. Вам придется ох как несладко… если вы не согласитесь сделать кое-что. Я ведь еще не сказал о третьем вашем преступлении — краже моих записей и чертежей «Фрэнка»… а также действующей модели… Или вы готовы уплатить мне за детали, если я представлю вам опись?

— Кража? Какой вздор! — огрызнулась Белла. — Ты работал на фирму.

— Ну да? Я делал его по ночам. И я никогда

не был служащим фирмы, вы оба это отлично знаете. Я выписывал детали, покрывая издержки за счет причитающихся мне дивидендов. А что скажет «Мэнникс», когда я обвиню вас перед судом в преступном сговоре? Неужели они купят «Горничную», «Вилли» и «Фрэнка», если узнают, что они никогда не принадлежали фирме, а были украдены у меня?

— Чепуха, — зловеще повторила Белла. — Ты работал на нашу фирму. У тебя с нами был заключен контракт.

Я откинулся на спинку кресла и громко рассмеялся.

— Слушайте, ребятки, придержите-ка вы этот треп до суда. Здесь же нет никого кроме нас, цыпляточки. Единственное, что я хочу знать — кто все это придумал? Я знаю, как это делалось. Белла приносила мне на подпись бумаги и, если нужно было подписать больше одной копии, она подкладывала их под первую. Ради моего удобства, разумеется, ты же всегда была образцовой секретаршей. Таким образом, я видел только то место, где должна была быть моя подпись. Теперь я понял, что ты подкладывала мне под первый экземпляр другие документы. Итак, я знаю, что ты единственная, кто мог провернуть эту аферу.

Майлз не мог — он даже не умеет прилично печатать на машинке. Но кто сочинил все эти бумаги? Ты? Не думаю… для этого надо быть юристом, а ты никогда не говорила нам о своем юридическом образовании. Могла ли простая секретарша так ловко составить контракт? Или это был адвокат? Я имею в виду тебя, Майлз.

У Майлза погасла сигарета. Он достал ее изо рта, осмотрел и только тогда осторожно ответил:

— Дэн, дружище, если ты думаешь, что сможешь заставить нас признать все это, то ты просто сумасшедший.

— А, бросьте, мы здесь одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Хотел бы я думать, что ты решилась на это в мгновение временного помрачения ума. Но я знаю, что это не так. Если у Беллы нет диплома юриста, то налицо преступный сговор между вами. Это значит, что ты, Майлз, написал эти документы, а она перепечатала их и отдала мне на подпись. Так?

— Не отвечай ему, Майлз.

— Конечно не буду, — согласился он.— У него в саквояже может быть магнитофон.

— Хорошо бы, — согласился я. — Но сейчас у меня его нет.

Я расстегнул саквояж. Пит высунул голову

наружу.

— Ты все запомнил, Пит? Припомните-ка, что вы тут наговорили, ребята? У Пита память, как у слона. Нет, я не записывал ваш разговор. Я все тот же старый добрый Д. Б. Девис, крепкий задним умом. Действую прямо, доверяю друзьям… и вам двоим тоже. Так как насчет Беллы? Она юрист? Или вы вступили в злонамеренный заговор и теперь обворовываете меня, стараясь чтобы все это выглядело законно?

— Майлз, — прервала меня Белл, — с его талантами ничего не стоит сделать магнитофон величиной с сигаретную пачку. Он может быть не в саквояже, а в кармане или еще где-нибудь.

— Чудесная идея, Белла. В следующий раз я так и сделаю.

— Я учел это, дорогая, — ответил Майлз, — а вот ты говоришь слишком рисковано. Следи за своим язычком.

Белл что-то буркнула ему в ответ.

— Что, уже сердитесь? — я поднял брови. — Верно, что-то не поделили?

Майлз явно начинал поддаваться, и мне это нравилось.

— Выбирай выражения, Дэн, — ответил Майлз, — если тебе дорого твое здоровье.

— Тише-тише! Я моложе тебя и совсем недавно прошел переподготовку по дзюдо. Ты ведь не привык драться. Скорее уж подсунешь мне очередную фальшивку. Я сказал «воры» — и именно это я имел в виду. Вы оба — воры и лжецы, — тут я повернулся к Белле. — Отец учил меня никогда не называть леди лгуньей, но ведь ты не леди. Ты лгунья… и воровка… и побродяжка.

Белла покраснела. Красавица исчезла, осталась лишь хищная тварь.

— Майлз! — рявкнула она. — Если ты собираешься спокойно сидеть и позволять ему оскорблять…

— Успокойся, — приказал Майлз. — Он нарочно хамит. Думает, что мы в запальчивости наболтаем лишнего. И, судя по тебе, это ему удается. Сиди и помалкивай.

Белла заткнулась, лицо ее окаменело.

Майлз повернулся ко мне.

— Дэн, я человек практичный. Надеюсь, ты с этим согласен. Я пытался объяснить тебе наши резоны, прежде чем ты покинул фирму. Я хотел, чтобы ты понял неизбежность этого и спокойно принял ее.

— Спокойно позволить себя изнасиловать, ты это имеешь в виду?

— Называй это, как хочешь. Я хочу решить дело миром. Как юрист, я знаю, что любое дело лучше решить без суда, если это возможно. Ты сказал, что согласишься на это при определенных условиях. Назови эти условия, и мы, возможно, договоримся.

— Так-то лучше. К этому я и веду. Сам ты их выполнить не сможешь, но помочь уладить дело тебе вполне по силам. Это просто. Заставь Беллу вернуть мне акции, которые я ей подарил в день помолвки.

— Нет!

— Помалкивай, говорю тебе, — прикрикнул на нее Майлз.

— Почему же нет, моя бывшая дорогая? — обратился я к Белле. — Я посоветовался по этому поводу с адвокатом. Ты не только морально, но и юридически обязана вернуть их мне, ибо они были даны тебе в ожидании определенных событий, а именно — женитьбы. Это был не «бескорыстный дар», как я предполагал, а «передача ценностей в ожидании договоренного события», какового не произошло. Так как ты не соизволила выйти за меня. Итак, ты отказываешься вернуть мне акции? Может, ты передумала и собираешься выйти за меня замуж?

Она ответила, где и в каком виде наблюдала нашу свадьбу.

— Белл, — произнес Майлз скучным голосом, — ты делаешь все еще хуже. Как ты не поймешь, что он старается вывести нас из себя? — Он повернулся ко мне. — Дэн, если ты приехал сюда только ради этого, можешь отчаливать. Я допускаю, что если бы обстоятельства, на которые ты голословно ссылаешься, имели место в действительности, ты мог бы начать процесс. Но их не было. Ты просто передал акции Белле в погашение задолженности по зарплате.

— Вот как? Что же это за задолженность? И где счет?

— В нем не было нужды. Она получила акции за сверхурочную работу для фирмы.

— Вот это мило! Майлз, старина, если все было именно так, если она работала на фирму, а не на меня лично, то и ты должен был уплатить ей столько же. Ведь доходы-то мы делили пополам, несмотря на то, что у меня был контрольный пакет акций… как мне думалось. Или ты скажешь, что передал ей акции на такую же сумму?

Они быстро переглянулись, и у меня зародилось дикое подозрение.

— Может быть, ты так и сделал!? Держу пари,

она сама подкинула тебе эту идею. Ведь так? Но если даже ты сделал это, даты покажут, что я передал ей акции в тот день, когда в «Дезерт Геральд» появилось сообщение о нашей помолвке… А ты — когда она обманывала меня, когда вы на пару вставляли мне палки в колеса. Ведь такие даты регистрируются у нотариуса. Может быть, судья поверит мне, а не вам? Как вы думаете?

Наконец-то, наконец-то я их прижал! Тут мне на ум пришло одно обстоятельство, которое они наверняка не могли объяснить, да и я тоже… и тут меня осенила еще одна дикая мысль. Дикая? Нет, скорее логичная.

— А, может быть, ты просто был обязан передать акции Белле? Сколько всего у нее акций? Может быть, ты дал ей больше… и больше получил? — тут я запнулся. — Странно, что Белла приехала сюда раньше меня… а ведь она терпеть не может ездить через пустыню. Неужели она приехала только ради разговора со мной? А, может быть, она и не уезжала отсюда? Так вы любовники?! Или я должен сказать — близки? Или… вы уже женаты. — Я помолчал. — Держу пари, что так оно и есть. Ты же деловой человек, Майлз, не то что я. Ставлю свою одежду — ты ни за что не отдал бы ей ни цента за одно обещание выйти

за тебя замуж. Но ты мог передать ей акции в качестве свадебного подарка, и таким образом вы вдвоем получили контрольный пакет акций. Не торопитесь отвечать. Завтра же я начну искать факты против вас и до всего дознаюсь.

Они снова переглянулись.

— Не трать зря время, — усмехнулся Майлз. — Знакомься, миссис Джентри.

— Вот как? Поздравляю вас обоих. Вы сто́ите друг друга. Но вернемся к моим акциям. Поскольку миссис Джентри не может выйти за меня…

— Не глупи, Дэн. Я уже разбил эту твою смехотворную версию. Я перевел часть своих акций на ее имя сразу же вслед за тобой. И по той же причине — за услуги, оказанные фирме. «Все зарегистрировано», как ты сам выразился. Мы с Беллой поженились неделю назад, а передача совершилась значительно раньше, можешь мне поверить. Тебе не удастся связать эти факты. Она получила акции от нас обоих за важные услуги, оказанные фирме. А после того, как ты ее обманул, после того, как ты покинул фирму, мы поженились.

Это меня осадило. Я никогда не умел лгать так непринужденно, как Майлз. Но была здесь какая-то зацепка, я чувствовал — им есть, что

скрывать.

— Когда и где вы поженились?

— В Санта Барбаре, в прошлый четверг, хотя это совсем не твое дело.

— Может быть, и мое. А когда были переданы акции?

— Точно не помню. Полюбопытствуй, если хочешь.

Черт подери, вполне возможно, что здесь все чисто. Майлз не любил оставлять следов.

— Кое-что меня озадачивает, Майлз. Если бы я писал детективы, то поручился бы, что вы поженились гораздо раньше. Может быть, в Юме? Или в Лас-Вегасе? Или в Рено, когда ездили туда по поводу рекламаций? А что получится, если сопоставить даты вашей свадьбы, передачи твоих акций и передачи моих патентов, а?

Майлз был невозмутим. На Белл он даже не смотрел. А посмотреть стоило: она выглядела так, словно ее только что стукнули мешком из-за угла в темноте. Мне показалось, что я на верном пути, и я решил продолжать в том же духе.

— Дэн, — спокойно сказал Майлз, — я долго терпел, стараясь уладить все миром. Ты достаточно оскорблял меня. По-моему, тебе самое время уйти. А не то я взбешусь и вышвырну тебя отсюда

вместе с твоим блохастым котом!

— Ого! Наконец-то ты заговорил, как настоящий мужчина. Только не называй Пита блохастым. Он не хуже нас понимает английский и вполне способен выцарапать тебе глаза. Ладно, дорогой друг, я уйду… но сначала произнесу заключительную речь, очень короткую. Вероятно, это будет последнее, что я скажу. Идет?

Майлз жестом успокоил Беллу, не глядя на нее.

— Валяй. Только короче.

— Майлз, мне надо поговорить с тобой, — встряла Белл.

— Подожди. И сиди тихо.

Я повернулся к Белле.

— Ты, наверное, не захочешь слушать. Я думаю, тебе лучше уйти.

Разумеется, она не сдвинулась с места. Этого мне и надо было. Я повернулся к Майлзу.

— Майлз, я уже не сержусь на тебя. Мужчина ради женщины, даже ради воровки, идет на все. Если уж ни Самсон, ни Марк Антоний не устояли, то чего уж требовать от тебя, — тут я взглянул на Беллу. — Ты взял ее себе, вот и разбирайся с ней сам. Эта история обошлась мне в некоторую сумму, не считая полпинты испорченной крови. А во что она обойдется тебе? Сейчас она обману-

ла меня. Она даже вышла за тебя замуж, чтобы обмануть меня, старый друг… но далек ли тот день, когда она в своей обычной ласковой манере начнет и тебя обманывать? Через месяц? Или она потерпит целый год? Рано или поздно она сделает это. Как собака возвращается к своей кости…

— Майлз! — взвизгнула Белла.

— Уходи! — с угрозой в голосе произнес Майлз, и я понял, что он не шутит.

Я поднялся.

— Я как раз собрался уходить. Мне жаль тебя, старина. Мы оба в самом начале сделали одну ошибку, и ты виноват не более, чем я. Но расплачиваться придется тебе одному. И это тем более обидно, что мы…

Им овладело любопытство.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам с тобой следовало бы удивиться, чего это ради такая изящная, такая красивая и умелая, такая со всех сторон прелестная женщина согласилась на мизерное жалованье секретаря-машинистки. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев, как это принято в больших фирмах, мы бы ее не приняли… и до сих пор были бы компаньонами.

Наконец-то! Майлз подозрительно взглянул на

свою жену. Нельзя сказать, что она выглядела, как крыса, загнанная в угол — крысы не бывают такими красивыми. Но этого мне было мало, я решил развить успех.

— Ну что, Белла? — сказал я, подходя к столику. — Если я возьму твой стакан и попрошу проверить твои пальчики, что всплывет? Фотографии во всех отделениях? Шантаж? Или двоемужество? Или брачные аферы с корыстными целями? Действителен ли твой брак с Майлзом?

Я нагнулся и взял стакан.

Белла вырвала его из моих рук.

Майлз окликнул меня.

И тут я понял свою ошибку. Глупо было идти в клетку к хищникам без оружия, но еще глупее было забыть основное правило дрессировки — никогда не поворачиваться к зверям спиной. Майлз крикнул, я повернулся к нему. Белла достала что-то из сумочки, быстрее, чем я достал бы сигарету…

Я почувствовал укол.

Колени мои ослабли, ковер стал надвигаться на меня. Я падал, удивляясь, что Белла способна на такое в отношении меня. Падая на пол, я все еще верил ей…

Глава четвертая

Сознания я не терял. Закружилась голова, все поплыло, как после укола морфия, только эта штука действовала куда быстрее. Майлз что-то крикнул Белле и обхватил меня поперек груди. Ноги мои были как ватные. Он подтащил меня к креслу и позволил моему телу грохнуться в него. Потом головокружение прошло.

Сознание мое было ясным, но тело словно онемело. Теперь я знаю, что она мне кольнула — наркотик «зомби». Дядя Сэм применяет его, когда промывает кому-нибудь мозги. Насколько я помню, официально он никогда не использовался для допросов, хотя ходили слухи, что кое-где его применяли, нелегально, но эффективно. Кажется, его применяли и психиатры, но только с санкции суда.

Бог знает, где Белла раздобыла его. И Бог знает, на ком еще она успела испробовать это зелье…

Правда, тогда я был не в силах удивляться. Я лежал в кресле, как баклажан на грядке, все слышал, но видел только то, что находилось прямо передо мной. Я не смог бы шевельнуться, даже если бы передо мной прогуливалась леди Годи-

ва[18] без коня.

Говорить я тоже не мог.

Тут из саквояжа высунулся Пит и подбежал ко мне, вопрошая, в чем дело. Я не отвечал, и он начал теребить мою штанину, требуя объяснений. Я продолжал молчать. Тогда Пит забрался ко мне на колени, положил передние лапы мне на грудь и заглянул в глаза, желая немедленно и без отговорок узнать, что со мной стряслось.

Я все молчал, и тогда он начал выть. Это заставило Майлза и Беллу обратить на него внимание.

— Что ты наделала? — зло сказал Майлз. — Ты в своем уме?

— Не нервничай, толстячок, — ответила Белла. — Мы рассчитались с ним раз и навсегда.

— Что?! Если ты думаешь, что я стану соучастником убийства…

— Успокойся! Его, конечно, следовало бы убить… но у тебя не хватит духа. К счастью, в этом нет нужды. Все сделает препарат.

— Что ты имеешь в виду?

— Он теперь наш, душой и телом. Он будет делать все, что я ему скажу. И не доставит нам

---

[18] Примечания: 18

Годива — жена Леофрика, графа Мерси, лорда Ковентри. Чтобы добиться от мужа отмены налогов, разорявших граждан Ковентри, она, по легенде, согласилась нагая проехать верхом через весь город.

никаких хлопот.

— Но… Белла, ты же не сможешь накачивать его этой дрянью вечно. Однажды он очнется и…

— Брось рассуждать, как адвокат. Я знаю, на что способен препарат. Очнувшись, он будет делать все, что я скажу. Я прикажу ему не возбуждать против нас дела. Велю не совать нос в наши дела, и он не станет этого делать. Велю уехать на Тимбукту — он так и сделает. Скажу, чтобы он забыл, что с ним здесь случилось — забудет… но сделает все, что я прикажу ему перед этим.

Я слушал все это так, словно разговор шел не обо мне. Если бы вдруг закричали, что дом горит, я бы и к этому отнесся так же.

— Я не верю, — сказал Майлз.

— Не веришь? — она странно взглянула на него. — А следовало бы.

— А? Что ты имеешь в виду?

— Не заводись. Препарат уже действует, толстячок. И первое, что мы должны сделать…

И тут Пит завыл. Такое услышишь не каждый день. Можно прожить всю жизнь и не услышать, как воет кот. Это совсем не тот вой, который кот издает перед дракой. Как бы ни был обижен кот, он никогда так не завоет. Этот вопль можно услышать только тогда, когда кот оценивает

обстановку, как совершенно невыносимую, но сделать ничего не может.

Такого воя никто не может вынести: он скребет по нервам, изнуряя своей непрерывностью.

— Чертов кот! — воскликнул Майлз. — Надо вышвырнуть его.

— Убей его! — велела Белла.

— Что? Ты слишком решительна, Белл. Дэн носится с этим никчемным животным, как Каин со своей печатью[19]. Давай сунем его обратно. — Он взял саквояж.

— Я убью его, — жестко сказала Белла. — Почти год я мечтала убить эту проклятую тварь.

Осмотревшись в поисках орудия убийства, она увидела каминную кочергу и схватила ее.

Майлз взял Пита и попытался засунуть в саквояж.

— Попробуем… — начал он.

Но Пит не терпел, когда его хватал кто-нибудь, кроме меня и Рикки. Даже я не посмел бы прикоснуться к нему, когда он вопил — лучше играть с гремучей змеей. Даже если бы он не был так возбужден, он никогда и никому не позволил бы

---

[19] Примечания: 19

Согласно библейскому преданию, на лоб Каина, убившего своего брата Авеля, Господом Богом был наложен знак, изобличавший его в совершенном грехе.

взять себя за загривок.

Он вцепился в руку Майлза зубами и когтями. Майлз завопил и выпустил его.

— Стой на месте, Майлз, — сказала Белл, пытаясь огреть Пита кочергой.

Ее намерения были достаточно ясны. На ее стороне была сила, и она была вооружена. Но оружием своим владела плохо, а Пит был весьма искушен в тактике. Увернувшись, он бросился на Белл и сильно оцарапал ее голые ноги.

Белл взвизгнула и бросила кочергу.

Я не видел всей картины боя, ибо мог смотреть только перед собой, и мне оставалось дожидаться, когда они окажутся в поле моего зрения. Но слышал я все. То они гонялись за котом, то кот за ними. Я слышал грохот стульев, ругательства и вопли.

Я знал, что Пит не позволит им захватить себя.

Самое худшее из случившегося со мной в ту ночь было, конечно, то, что я не мог ни видеть, ни оценить это величайшее сражение Пита и его величайшую победу. Правда, я все слышал и кое-что видел, но порадоваться его триумфу я был не в состоянии.

Сейчас, вспоминая все это, я чувствую волнение, но это — совсем не то. Я навсегда лишился

радости гораздо большей, чем медовый месяц.

Внезапно поток ругани и грохот прекратились. Майлз и Белла вернулись обратно, в гостиную.

— Кто оставил дверь открытой? — отдышавшись, осведомилась Белла.

— Ты сама. Заткнись. Теперь уж ничего не поделаешь.

Майлз раскраснелся. Он ощупал царапины на лице, и они ему явно не понравились. Потом он осмотрел свою одежду — пиджак был разорван по всей спине.

— Черта лысого я заткнусь. У тебя есть пистолет?

— Что?

— Я застрелю этого гнусного кота.

Ей досталось больше, чем Майлзу. Пит оцарапал все, что смог достать — ноги, голые руки, плечи. Ясно было, что она не скоро сможет носить открытые платья, да и на память кое-что останется. В общем, она выглядела, как дикая кошка после драки со своими соплеменниками.

— Сядь! — приказал ей Майлз.

Белла ответила ему кратко и, мягко выражаясь, отрицательно.

— Я все же убью эту тварь, — настаивала она.

— Ладно, не садись. Пойди умойся. Потом я пе-

ревяжу тебя, а ты меня. И наплюй на этого кота. Мы, наконец, избавились от него, и слава Богу.

Белла что-то пробормотала себе под нос, но Майлз ее понял.

— Ты тоже, — ответил он. — Не бесись и послушай меня. Предположим, у меня нашлась бы пушка — я не говорю, что она у меня есть. Что бы ты сделала? Вышла бы на улицу и подняла стрельбу? Не знаю, убьешь ты кота или нет, но вот полиция непременно будет здесь минут через десять, и нам придется отвечать на разные щекотливые вопросы. Что бы ты сказала насчет этого? — он ткнул пальцем в мою сторону. — А если ты высунешься на улицу без оружия, этот зверь вполне может убить тебя. — Он нахмурился. — Следовало бы издать закон, запрещающий держать таких тварей. Этот кот представляет общественную опасность. Ты только послушай.

Снаружи доносились вопли Пита. Он бегал вокруг дома и выл, призывая своих врагов выйти на честный бой.

Белла, вздрагивая, прислушивалась.

— Не бойся, сюда ему не забраться. Я исправил твой просчет и закрыл дверь.

— Это не я оставила ее открытой!

— Брось, это твоя привычка!

Майлз обошел все комнаты, проверяя, заперты ли окна, потом пропал куда-то, а следом за ним и Белл. Пит продолжал завывать, изредка замолкая. Я не знаю, долго ли они отсутствовали — время перестало существовать для меня.

Белл вернулась первой. Ее косметика и прическа были безупречны, она надела платье с высоким воротом и длинными рукавами, сменила порванные чулки. Кроме нескольких царапин на лице, ничто не напоминало о недавнем сражении. Грим сотворил чудо: при других обстоятельствах я бы влюбился в нее.

Она подошла ко мне и велела встать, что я и сделал. Быстро и умело она обыскала меня, не позабыв проверить карман рубашки и правый нагрудный карман пиджака, которого у большинства костюмов не бывает. Улов был небольшой: бумажник с незначительной суммой наличных, идентификационная карточка, водительские права, ключи, мелочь, носовой антисмоговый ингалятор, всякий мелкий хлам и конверт с чеком, который она же и отправила. Она повертела чек, прочла передаточную запись и озадаченно взглянула на меня.

— Что это такое, Дэн? Неужели ты застраховался?

— Нет.

Совсем не отвечать я не мог, и такой мой ответ был, пожалуй, самым лучшим.

Она нахмурилась и положила конверт в общую кучу. Потом посмотрела на саквояж Пита и, должно быть, вспомнила о клапане, который я использовал вместо портфеля. Она подняла саквояж и открыла клапан.

Там она, естественно, обнаружила комплект документов, выданный мне в Компании Взаимного Страхования. Присев, она начала их читать, а я, словно манекен, стоял там, где меня поставили.

Вскоре появился Майлз. На нем был халат, домашние шлепанцы и преизрядное количество марли и пластыря. Выглядел он, как провинциальный боксер среднего веса после состязаний с чемпионом-тяжеловесом. Лысину его украшало нечто вроде марлевого тюрбана, неприкрытой оставалась только макушка — ее Пит, очевидно, не смог достать.

Белла быстро взглянула на Майлза, приложила палец к губам и указала на кипу бумаг. Майлз присел и тоже начал их читать. Вскоре он догнал ее, и последнюю бумагу они читали вместе.

— Это меняет дело, — заключила Белла.

— Ничуть. Документы действительны на чет-

вертое декабря, то есть на завтра. Куда же мы его денем? Завтра утром его начнут разыскивать, — ответил Майлз, посмотрев на часы.

— Майлз, в критических ситуациях ты сущий цыпленок. Эта возможность, быть может, лучшая из всего, что мы могли придумать.

— Что ты имеешь в виду?

— Он же наркотизирован. Я вкатила ему лошадиную долю «зомби» и теперь он сделает все, что нам будет угодно. Пусть он делает, что намеревался, пусть себе ложится в анабиоз. А он так и сделает, если ему приказать это. Ты знаешь что-нибудь о гипнозе?

— Не так уж и много.

— А в чем ты вообще разбираешься, кроме законов, толстячок? Любознательности у тебя ни на грош. Есть такая штука — постгипнотическое внушение. Оно может быть противно всей его натуре, но сопротивляться ему он не сможет, если не попадет в руки психиатра. Хороший специалист, конечно, поймет, в чем тут дело. Тогда внушение будет снято, Дэн окажется независимым от моих команд и натворит кучу неприятностей для нас.

— Черт побери, ты же говорила, что препарат абсолютно надежен.

— Боже мой, Майлз, рискни хоть раз в жизни.

Мы можем выиграть. Дай мне подумать. — Она помолчала. — Проще и безопаснее было бы отпустить его на все четыре стороны. С этой дрянью в крови он сделает все, что мы скажем. Если он сломает себе шею — тут мы ни при чем, и риска никакого. Мы можем протрезвить его, и пусть себе ложится в анабиоз, — она повернулась ко мне. — Дэн, когда ты собираешься ложиться в анабиоз?

— Я не собираюсь.

— Как? А это что такое? — она показала на бумаги.

— Документы для анабиоза. Договор с Компанией Взаимного Страхования.

— Он бредит, — предположил Майлз.

— М-м... не совсем. Я забыла, что наркотизированные не могут размышлять. Они слышат, говорят, могут отвечать на заданные вопросы... важно лишь правильно ставить эти вопросы. А размышлять они не могут.

Она подошла ко мне и заглянула прямо в глаза.

— Дэн, я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом договоре. Начни с самого начала и расскажи все по порядку. Ты же только сегодня подписал эти документы, а теперь говоришь, что не собира-

ешься ложиться в анабиоз. Расскажи все мне, я хочу знать, почему ты решился на это и почему передумал.

Я рассказал ей все, ответил на все вопросы. Это заняло много времени, но зато я рассказал все по порядку и в деталях, что от меня и требовалось.

— Итак, ты сел в машину и раздумал ложиться в анабиоз? Вместо этого ты решил наделать нам неприятностей.

— Да.

Я собирался рассказать, как я сел в машину, что я сказал Питу, и что он мне ответил, как я остановился у аптеки и распорядился своими акциями, как подъехал к дому Майлза, и как Пит не захотел сидеть в машине… но она прервала меня.

— Ты снова изменил свое решение и снова собираешься лечь в анабиоз. Ни за какие блага мира ты теперь не откажешься от анабиоза. Понял? Что ты теперь собираешься делать?

— Я собираюсь лечь в анабиоз. И хочу этого.

Тут я прервался. Дело в том, что уже больше часа я стоял, как флагшток, не двигая ни одним мускулом — ведь никто не приказывал мне шевелиться. Я начал медленно, но верно валиться на Беллу.

— Сядь! — язвительно сказала она, отскакивая

в сторону. Я сел.

Белла повернулась к Майлзу.

— Вот видишь. Я еще поработаю над ним, пока не буду уверена до конца, что он полностью созрел.

— Он сказал, что тамошний доктор будет ждать его ровно в полдень, — сказал Майлз, взглянув на часы.

— Времени у нас вполне достаточно. А для верности мы сами отвезем его туда, как раз… О, черт!

— В чем дело?

— Времени у нас слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, хотела обезопасить его совсем. К полудню он будет в норме для кого угодно, но не для врача.

— Может быть, осмотр будет поверхностным. Ведь уже имеется протокол его обследования.

— Ты уже слышал, что док велел ему не пить. Он обязательно проверит рефлексы, осмотрит зрачки — словом, сделает все, что нас никоим образом не устраивает. Мы не сможем помешать ему; Майлз, этот номер у нас не пройдет.

— А, может быть, отвезти его туда на следующий день? Сошлемся на какую-нибудь непредвиденную задержку?..

— Замолчи, дай мне подумать.

Она снова взялась за бумаги, предоставив меня самому себе. Потом вышла в другую комнату, вернулась с лупой, какую применяют ювелиры, вставила ее в глаз наподобие монокля и продолжила изучение документов. Майлз спросил, что это она делает, но Белла только отмахнулась от него.

Вскоре она отложила свою лупу и облегченно вздохнула:

— Слава Богу, они пользуются стандартными бланками. Толстячок, дай-ка мне телефонную книгу.

— Зачем?

— Давай, давай. Меня интересует точное название этой фирмы. Я и так его знаю, но хочу быть полностью уверена.

Майлз, ворча, принес телефонный справочник. Белла полистала его.

— Точно. «Главная Страховая Компания Калифорнии». И места на бланке вполне достаточно. Это могла быть и «Главная», и «Моторс», и другие. В «Моторс» у меня связей нет, и я не уверена, что они занимаются анабиозом. Скорее всего, они страхуют только автомобили. — Она оторвалась от бумаг. — Собирайся, толстячок, и немедленно

поезжай прямо на фабрику.

— Что-о?

— Может быть, ты знаешь другой способ добыть среди ночи машинку с таким же шрифтом? Нет? Тогда собирайся и поезжай, а я тем временем кое-куда позвоню.

Майлз нахмурился.

— Белла, я кажется понял, что ты затеваешь. Но это безумие. Это же дьявольски опасно!

— Совершенно верно, — рассмеялась Белла. — Я же говорила тебе, что на прежней работе у меня остались кое-какие связи. Ты, наверное, думаешь, что «Мэнникс» — это только «Мэнникс» и ничего больше?

— Ну… я не знаю.

— А я знаю. Может быть, тебе известно, что «Главная Страховая Компания» принадлежит «Мэнниксу»?

— Нет, я этого не знал. А что это нам дает?

— Там у меня хорошие связи. Чтобы помочь «Мэнникс Энтерпрайзес» избежать слишком больших налогов, я часто проделывала один фокус… пока хозяин был в отъезде. Мы получим все, что нам нужно, а заодно избавимся от поползновений Дэна. О «Мэнниксе» я знаю все. А сейчас поторопись и привези машинку, тогда я покажу

тебе, что такое артистическая работа. А заодно пришиби этого мерзкого кота.

Майлз ушел, но вскоре вернулся.

— Белла, ты случайно не знаешь, где Дэн припарковал свою машину?

— Нет, а что?

— Перед домом ее нет, — сказал он с беспокойством в голосе.

— Ну, он ведь мог поставить ее за углом. Это неважно. Пойди и привези сюда машинку. Быстрее!

Он снова ушел. Конечно, я мог бы им сказать, где я припарковал свою машину, но они меня об этом не спрашивали, и я не думал об этом.

Белла куда-то ушла, и я надолго остался один. Ближе к рассвету вернулся Майлз. Он выглядел изможденным и волок на себе нашу тяжеленную машинку. Потом они снова куда-то сгинули.

Вскоре Белла вернулась и сказала мне:

— Дэн, согласно документам, ты поручил заботу об имеющихся у тебя акциях Страховой Компании. Теперь же ты передумал. Ты хочешь подарить их мне.

Я молчал. Она пристально посмотрела мне в глаза.

— Так и только так. Ты хочешь подарить свой

пай мне. Ты очень этого хочешь. Ведь правда?

— Да, я хочу подарить его тебе.

— Вот и хорошо. Ты хочешь подарить его мне. Ты не будешь счастлив до тех пор, пока не сделаешь этого. Где сейчас твой сертификат? В машине?

— Нет.

— А где же он?

— Я послал его по почте.

— Что?! — взвизгнула она. — Когда ты его отослал? Кому? Зачем ты проделал все это?

Если бы свой второй вопрос она задала бы последним, то я бы ответил на него, а так я обошелся ответом на ее последний вопрос.

— Я ассигновал его.

Тут вошел Майлз.

— Куда он дел его?

— Он говорит, что послал сертификат по почте… что ассигновал его. Найди его машину и обыщи — может быть все это ему только кажется. Когда он оформлял документы, сертификат был при нем.

— Ассигновал его? — повторил Майлз. — Но кому, о боже мой?

— Я спрошу его. Дэн, кому ты ассигновал сертификат?

— В Американский Национальный Банк.

Больше они меня ни о чем не спрашивали, а то я был бы вынужден рассказывать и о Рикки.

Плечи Беллы поникли, и она тяжело вздохнула.

— Гол в наши ворота, толстячок. Можешь забыть об этих акциях. Из банка нам их не выцарапать. — Вдруг она подобралась. — Если он только в самом деле отослал сертификат. Если нет, я счищу передаточную надпись так, что комар носа не подточит. А потом он снова ассигнует его… мне.

— Нам, — поправил Майлз.

— Это все детали. А теперь иди и найди его машину.

Майлз ушел, но вскоре вернулся и сообщил:

— Ее нигде нет. Я объехал все аллеи и улицы вокруг. Наверное, он приехал сюда на такси.

— Ты же сам говорил — он приехал на своей машине.

— Может быть, но ее нигде нет. Спроси его, когда и откуда он отправил свой сертификат.

Белла спросила — я ответил.

— Незадолго до того, как приехать сюда, я опустил его в почтовый ящик на углу Сепульведи и Бульвара Вэнгур.

— Ты уверена, что он не лжет?

— В таком состоянии он не может лгать. Забудь об этом, Майлз. Может быть, потом удастся доказать, что эта передача не имеет законной силы, потому что он передал нам свой пай задолго до этого… во всяком случае, я берусь доказать это, но сначала нужно получить его подпись на нескольких чистых бланках.

Она попыталась получить мою подпись, а я всячески старался ей помочь. Но в таком состоянии я не мог даже толком расписаться. Наконец, она вырвала у меня бумагу и сказала со злостью:

— Ты доведешь меня до припадка. Я и то могу подписаться за тебя лучше, чем ты. — Она склонилась ко мне и добавила, криво улыбнувшись: — Как бы я хотела пришибить твоего кота!

Некоторое время они не беспокоили меня, потом Белла, которая куда-то выходила появилась снова и сказала:

— Дэн, я сделаю тебе укол, и ты почувствуешь себя гораздо лучше. Ты сможешь вставать, ходить, словом, делать все, что ты делал раньше. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлзом. Мы — твои лучшие друзья. Ведь правда? Кто твои лучшие друзья?

— Ты. Ты и Майлз.

— Но я не только твой лучший друг, я еще и твоя сестра. Повтори.

— Ты — моя сестра.

— Вот и хорошо. Сейчас мы немного прогуляемся, а потом ты ляжешь в анабиоз. Ты утомлен, а когда проснешься, все будет хорошо. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Кто я?

— Ты — мой самый лучший друг. Ты — моя сестра.

— Умница. А теперь закатай рукав.

Укола я не ощутил, но сама инъекция была болезненной. Я поднялся и потряс головой.

— Слушай, сестренка, это не самая приятная процедура. Что это было?

— Кое-что, от чего тебе станет лучше. Ты сильно утомлен.

— Да, пожалуй это так. А где Майлз?

— Сейчас придет. Давай другую руку. Подними рукав.

— Зачем? — спросил я, но рукав все-таки поднял и позволил ей сделать укол, от которого чуть не подскочил.

— Ну-ну, — улыбнулась она. — Не так уж это и больно.

— Не так уж и больно! А зачем эти уколы?

— Ты немного посидишь в машине. Поспишь там. А когда мы приедем на место, я разбужу тебя.

— Хорошо, я хочу немного поспать. Скорее бы в анабиоз.

Я огляделся.

— А где Пит? Я собирался лечь в анабиоз вместе с ним.

— Пит? Ты что, не помнишь? Ты же отправил его к Рикки. Она сама позаботится о нем.

— Ах, да, — сказал я с облегчением.

Конечно же, я послал Пита к Рикки. Я даже вспомнил, как послал его. Рикки всегда любила Пита, она хорошо о нем позаботится, пока я буду спать.

Меня отвезли в Соутелл, в Объединенный Санктуарий. Им пользовались небольшие компании, те, что не имели собственных санктуариев. Всю дорогу я спал, но проснулся сразу же, как только Белла позвала меня. Майлз остался ждать в машине, а Белла повела меня в здание.

Девушка-регистратор поднялась на навстречу.

— Девис? — переспросила она.

— Да, — ответила Белла. — Я его сестра. Где я могу найти представителя «Главной Страховой

Компании»?

— Внизу, в девятой комнате. Они уже готовы и ждут вас. Документы можете отдать представителю компании, — она с интересом посмотрела на меня. — Он уже прошел медицинский осмотр?

— Конечно, — заверила ее Белла. — У него, знаете ли, рак, и я ввела ему успокоительное из-за болей.

— Да-да, — сочувственно заквохтала девушка. — В таком случае, поторопитесь. Через эту дверь, а там поверните налево.

В девятой комнате нас ждали трое: мужчина в костюме, другой — в стерильном халате и женщина в одежде медсестры. Они помогли мне раздеться, успокаивая, словно ребенка, а Белла тем временем объясняла, что она ввела мне и зачем. Меня положили на стол, и мужчина в халате начал массировать мой живот, проминая его чуть ли не до позвоночника.

— С этим хлопот не будет, — объявил он наконец. — Он совершенно пуст.

— Да, он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера, — согласилась Белла.

— Это хорошо. А то некоторые являются сюда нафаршированными, как рождественская индюшка. Не все так разумны.

— Да-да.

— О’кей, сынок, а теперь сожми эту штуку покрепче. Я введу тебе кое-что в вену.

После укола все вокруг меня начало заволакиваться туманом. Вдруг я вспомнил про Пита и попытался сесть.

— Где Пит? Я хочу видеть Пита.

Белла взяла в ладони мое лицо и поцеловала.

— Там, там, милый. Он не смог прийти, разве ты не помнишь? Он остался с Рикки.

Я затих, и она объяснила остальным:

— Пит — это наш брат. У него заболела дочь.

Я начал засыпать.

Вскоре я почувствовал сильный холод, но не мог шевельнуться, чтобы натянуть одеяло…

Глава пятая

Я пожаловался бармену на кондиционер — тот работал слишком хорошо, и все мы могли простудиться.

— Не имеет значения, — ответил он. — Вы не почувствуете холода, когда заснете. Спать. Спать… вечерняя дрема, чудесный сон.

У него было лицо Беллы.

— Хорошо бы выпить чего-нибудь горячего, вроде кофе с молоком, — сказал я. — И горячий блин с маслом.

— Сам ты блин! — ответил доктор. — Нечего ему валяться, поверните-ка его!

Я попытался зацепиться за бронзовую стойку табурета, но в этом баре не было бронзовых стоек, таких забавных, и я, плоский, очутился на спине, еще более забавный, и так лежал, пока меня обслуживала сиделка, натасканная на уход за безногими. У меня не было ног, иначе почему же я не зацепился за бронзовую стойку табурета? И рук тоже нет, обоих.

— Смотрите-ка, Мэй, у него нет рук!

Пит сидел у меня на груди и вопил.

Я снова был в армии, на учениях… в условиях,

максимально приближенных к боевым, в одном из тех лагерей, где вам сунут лед за пазуху, чтобы разбудить, и знают кучу других идиотских шуток. Я поднимался на чертову гору, самую большую во всем Колорадо, и повсюду был лед, а у меня не было ног. Тем не менее, я тащил огромный тюк, самый большой изо всех — они прикидывали, нельзя ли заменить мулов солдатами, и ставили на мне опыт. Я не смог бы сделать ни шагу, если бы сзади меня не подталкивала маленькая Рикки.

Старший сержант, с лицом, совсем как у Беллы в ярости, обернулся ко мне:

— Эй, ты, вперед! Я не могу опаздывать по твоей милости. Мне наплевать, сделаешь ты это или нет… но пока делаешь — не смей спать.

Мои ноги больше не держали меня, и я упал в обжигающий холодом снег и заснул, а маленькая Рикки причитала, умоляла меня не спать. Но я уже заснул.

Я проснулся в постели Беллы. Она трясла меня, приговаривая:

— Просыпайся, Дэн! Я не могу ждать тридцать лет. Каждая девушка должна думать о своем будущем!

Я попытался встать, чтобы отдать ей чемодан-

чик с золотом, который стоял под кроватью, но она ушла… а потом «Горничная» с ее лицом схватила чемоданчик, положила его себе на панцирь и заметалась по комнате. Я попытался догнать ее, но у меня не было ног и, как оказалось, не было тела вообще.

У меня нет тела, и никто обо мне не заботится…

Мир состоит из старших сержантов и работы… и какая разница, где работать и как? Я позволил им снова взнуздать меня и опять полез вверх по ледяной горе. Это было все, что мне оставалось — взбираться к цветущей вершине, где мне, наконец, дадут вожделенный отдых и позволят заснуть. Но я никогда не доберусь туда… не было ни рук, ни ног, ничего.

Лес, покрывающий склон горы, загорелся. Снег не таял, но я, держась из последних сил, чувствовал, как на меня волнами накатывает жара. Старший сержант говорил, склоняясь надо мною:

— Просыпайся… просыпайся… просыпайся…

* * *

От его бормотания я не проснулся — только сильнее захотелось спать. Все, что было после,

я помню довольно смутно: кажется, я лежал на столе, и он вибрировал подо мною, а вокруг были огни, какие-то штуки, здорово напоминающие питонов, и куча народу. А потом, уже на больничной койке, я проснулся. Чувствовал я себя довольно хорошо, если не считать какой-то расслабленности, словно после хорошей парной и массажа. У меня снова были руки и ноги. Никто со мной не заговаривал, а когда я сам попытался задать сиделке пару вопросов, она что-то сунула мне в рот. А потом меня снова начали массировать.

Наконец, в одно прекрасное утро, я проснулся настолько, что смог встать, совсем так же, как и обычно вставал, проснувшись. Накатило легкое головокружение, и ничего более. Я знал, что вся предыдущая бодяга мне просто приснилась.

Я знал, кто меня сюда поместил. Наркотизировав меня, Белла приказала мне забыть все ее свинство, но либо за тридцать лет анабиоза гипноз потерял силу, либо ее приказ не дошел до меня. Я немного путался в деталях, но основное помнил хорошо — они, как говорят моряки, опоили меня и пустили в плавание.

Я особо не злился на них. Ведь это случилось только «вчера», всего лишь один сон назад — но

этот сон длился тридцать лет. Я не могу точно описать это. Ощущение, оно слишком объективно. Память воспринимала это, как «вчера», а чувства — словно все это случилось давным-давно. Видели вы когда-нибудь, как телевизионщики одновременно показывают и туманный силуэт игрока, и общий вид стадиона? Вот и со мной происходило что-то в этом роде… сознательные воспоминания были в полной ясности, а вот эмоциональные реакции оказались неадекватны.

Я рад был пустить и Беллу, и Майлза на кошачьи консервы, но спешить с этим не хотелось. Это еще успеется — а сейчас мне не терпелось заглянуть в 2000 год.

Кстати о кошачьих консервах, а где Пит? Он должен быть где-то рядом, если старый бродяга перенес анабиоз. И тогда — только тогда — я вспомнил, что нас с Питом разлучили!

Я раздразнил Майлза и Беллу, и они приняли в отношении меня экстренные меры. Ведь они хотели убить моего кота, разве нет?

Похоже, они учинили кое-что похуже простого убийства. Они обрекли его на одиночество… на растрачивание дней своих на блуждание по глухим дворам и на стычки — и жизнь его кончилась под знаком голода и презрения ко всем

двуногим тварям.

Они позволили ему умирать — конечно, он не мог прожить так долго — в уверенности, что я бросил его.

Они заплатят за это… если только они еще живы. О, как я хотел застать их в живых — невыразимо хотел!

* * *

Тут я вспомнил, что стою у своей кровати, вцепившись в нее, дабы устоять на ногах, и что из одежды на мне только пижама. Я осмотрелся вокруг, раздумывая, как бы мне вызвать кого-нибудь. Больничные палаты за это время изменились мало. Окон не было, свет исходил бог весть откуда. Кровать была высокая и узкая — больничная койка; насколько я помню, они во все времена были такие. Но эта была предназначена не только для того, чтобы спать — там были разные хитрые приспособления, и «судно», похоже, составляло единое целое с кроватью. Все эти штуки меня не интересовали, я искал кнопку вызова сиделки. Я хотел получить свою одежду.

Ничего похожего здесь не было, но затем я обнаружил клавиши на тумбочке, которая оказалась совсем не тумбочкой. Я нажал на одну из них, и

на экране, расположенном рядом с изголовьем, появилась надпись:

«ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА».

Почти тотчас же она мигнула и сменилась другой:

«ПОЖАЛУЙСТА,
ПОДОЖДИТЕ НЕМНОГО».

Вскоре дверь палаты бесшумно скользнула в сторону, и появилась сиделка. Сиделки тоже не изменились. Эта была в меру привлекательна и обладала хорошими манерами вымуштрованного сержанта. Поверх ее короткой прически была наколка. Одета она была в белую униформу непривычного покроя — она прикрывала совсем не те места, что в 1970 году. Впрочем, это во все времена можно было сказать о женской одежде вообще — даже рабочей. Непререкаемый тон обличал немалый стаж.

— Вы должны вернуться в постель!

— Где моя одежда?

— Вернитесь в постель. Немедленно!

— Послушайте, сестра, — урезонил я ее, — я ведь свободный гражданин старше двадцати одного

года, не преступник. Я не хочу возвращаться в постель — и не вернусь. А теперь покажите мне, где моя одежда, или я сам, в чем есть, отправлюсь искать ее.

Она смерила меня взглядом, потом быстро повернулась и вышла. Дверь за ней закрылась.

Это меня не беспокоило. Я начал изучать устройство замка, совершенно уверенный в том, что если один инженер смог придумать некий механизм, то другой непременно сможет его разгадать.

Но тут дверь снова открылась, и на пороге появился мужчина.

— Доброе утро, — сказал он. — Я — доктор Альбрехт.

Одет он был, словно негритянский ряженый в сочельник, но непринужденные манеры и усталые глаза были столь убедительно профессиональны, что я сразу поверил ему.

— Доброе утро, доктор. Я хотел бы получить свою одежду.

Он вошел в палату, и дверь позади него закрылась. Потом он сунул руку в складки одежды, достал пачку сигарет, выщелкнул одну, помахал ею в воздухе, сунул в рот, затянулся, и она загорелась. Спохватившись он протянул пачку мне.

— Угощайтесь.

— Гм… нет, спасибо.

— Возьмите, одна сигарета вам не повредит. Говорю вам, как врач.

Я помотал головой. Раньше я не мог работать, если рядом не было полной сигаретницы; пепельницы, полные окурков, и подпалины на чертежной доске были непременным атрибутом творческого процесса. А теперь от одного вида дыма я ощутил дурноту и удивился: неужели анабиоз отучил меня от привычки к никотину?

— Нет, не хочу, спасибо.

— Как знаете… мистер Девис, я шесть лет работаю здесь. Моя специальность — гипикология, воскрешение и все такое прочее. За это время восемь тысяч семьдесят три пациента вернулись с моей помощью из гипотермии к нормальной жизни — стало быть, вы — восемь тысяч семьдесят четвертый. Все проснувшиеся ведут себя странно, я имею в виду — странно для постороннего человека, а не для меня. Некоторые из них желают не просыпаться и кричат на меня, когда я пытаюсь их разбудить. Часть из них и в самом деле снова ложится в анабиоз, но это уже не моя забота. Некоторые, осознав, что билет у них был только в один конец, что возврата назад

нет, начинают точить слезу. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и хотят, не медля не минуты, выйти на улицу.

— А почему бы и нет? Что я — заключенный?

— Вовсе нет. Правда, покрой вашей одежды устарел, но это уж ваше дело. А пока ее принесут, вы, может быть, расскажете, что это у вас за неотложное дело, которое не может подождать ни минуты… после того, как прошло тридцать лет? Именно столько вы были в гипотермии — тридцать лет. Это в самом деле так срочно? Или можно подождать до завтра? Или, хотя бы, до вечера?

Я начал было бормотать, что это крайне и чертовски срочно, но вскоре одумался и примолк.

— Возможно, что это не так уж и срочно.

— Тогда сделайте мне одолжение, возвращайтесь в постель. Позвольте мне осмотреть вас, съешьте завтрак и поговорите со мной, прежде чем рванете на все четыре стороны. Может, я смогу подсказать вам, в какую сторону лучше рвануть.

— Гм… ладно, доктор. Извините за беспокойство.

Я забрался в постель. Мне стало хорошо — оказалось, что я изрядно устал.

— Не спешите. Вы еще увидите, какими мы

стали. Здесь же, прямо на потолке.

Он поправил на мне одеяло, потом наклонился к тумбочке и сказал:

— Доктор Альбрехт в семнадцатой. Немедленно велите дежурному доставить сюда завтрак, гм… меню четыре-минус.

Потом он обернулся ко мне:

— Повернитесь-ка на живот и снимите пижаму. Я хочу пощупать ваши ребра. Пока я буду вас осматривать, можете задавать мне вопросы, если хотите.

Я попробовал размышлять, пока он тыкал мне в бока какой-то штукой, похожей на стетоскоп-недомерок. Если это был именно стетоскоп, то он был ничем не лучше прежних — такой же холодный и твердый.

О чем прикажете спрашивать, проснувшись после тридцатилетнего сна? Добрались ли они до звезд? Кто теперь делает политику? Научились ли выращивать детей в колбах?

— А что, док, в фойе кинотеатров все еще стоят машины для изготовления и продажи воздушной кукурузы?

— Вчера еще стояли. Но я давно ими не пользуюсь. Кстати, сейчас говорят не «кино», а «тактил».

— Вот как!? А почему?

— А вы попробуйте разок. Сами поймете. Только покрепче держитесь за подлокотники. С проблемой объяснения терминов мы встречаемся каждый день и давно к этому привыкли. С каждым годом наш словарь изрядно дополняется и в смысле истории, и в смысле культуры. Это совершенно необходимо, ибо дезориентация ведет к культурному шоку. Раньше этому не придавали значения.

— Гм… пожалуй, так.

— Точно так. Особенно, в вашем случае. Тридцать лет.

— А тридцать лет — это максимум?

— И да, и нет. Самый длительный срок — тридцать пять лет. Это один из первых пациентов — он был охлажден в декабре 1965 года. Среди тех, кого я оживил, вы — рекордсмен. Но сейчас у нас есть клиенты с договорным сроком на полтораста лет. В ваши времена о гипотермии знали довольно мало и, честно говоря, им не следовало договариваться с вами на тридцать лет. Им здорово повезло, что вы остались живы. Да и вам тоже.

— В самом деле?

— В самом деле. Перевернитесь на спину, — он снова начал тыкать и щупать меня, потом про-

должил: — Теперь мы знаем достаточно. Я берусь заморозить человека на тысячу лет, если бы кто-нибудь взялся финансировать такой опыт… продержать его год при температуре, в которой пребывали вы, а потом резко охладить градусов до двухсот ниже нуля. И он будет жить. Я уверен. А теперь давайте проверим ваши рефлексы.

Все, что сказал доктор, мало меня развеселило.

— Сядьте и положите ногу на ногу, — предложил он. — Современным языком вы овладеете без особых трудностей. Конечно, сейчас я говорю с вами на языке 1970 года. Я до некоторой степени горжусь тем, что могу разговаривать на языке любого года. Все это я изучил под гипнозом. Что до вас, то вы будете говорить по-современному самое большое через неделю. В сущности, вы лишь увеличите свой словарный запас.

Я подметил, что он четыре раза употребил слова, которых в 1970 году не знали или вкладывали в них другой смысл, но счел нетактичным говорить ему об этом.

— Вот и все на сегодня, — сказал док. — Кстати, вас хотела повидать миссис Шульц.

— Как?

— Разве вы не знаете? Миссис Шульц утверждает, что она — ваш старинный друг.

— Шульц… Когда-то я и знал нескольких женщин с такой фамилией, но сейчас помню только одну — мою учительницу в начальной школе. Но она, по-моему, давно умерла.

— Может быть, она легла в анабиоз? Ну, ладно, вы всегда сможете послать за ней, стоит вам только захотеть. Сейчас я прощаюсь с вами. Если почувствуете недомогание, я несколько дней полечу вас, а курс переориентации отложим. Я еще навещу вас попозже. А сейчас — двадцать три удачи, как говорили в ваши времена. Вот и дежурный принес ваш завтрак.

Я снова подумал, что в медицине он разбирается гораздо лучше, чем в лингвистике. Но тут я увидел дежурного, и мне стало не до доктора. Он вкатился, предупредительно объехав доктора Альбрехта, а тот, выходя из палаты, даже не посторонился.

Дежурный подъехал к кровати, установил прямо передо мной откидной столик и сервировал мне завтрак.

— Разрешите налить вам кофе?

— Да, пожалуйста, — ответил я.

Честно говоря, я люблю очень горячий кофе и предпочитаю, чтобы его наливали в конце завтрака, но мне хотелось посмотреть, как это

он сделает.

Я был восхищен и изумлен… ведь это был «Умница Фрэнк»! Конечно, не та модель, неуклюжая, собранная из чего попало, которую присвоили себе Майлз и Белла.

Он походил на первого «Фрэнка» не более, чем турбомобиль на первую безлошадную повозку. Но человек всегда узнает свою работу. Я создал базовую модель, и она неизбежно эволюционировала… это был правнук «Фрэнка», усовершенствованный, приглаженный — но одной с ним крови.

— А что дальше? — спросил я.

— Одну минуту.

Очевидно, я сказал что-то не то, ибо он полез внутрь своего туловища, достал листок прочного пластика и протянул его мне. От листка к его корпусу тянулась тонкая стальная цепочка.

Я взглянул на листок и прочел:

> «Работяга». Управляется голосом.
>
> Модель XVII-а.
>
> Внимание! Этот аппарат не понимает человеческую речь. Вообще не понимает, ибо он всего лишь машина. Для Вашего удобства у него предусмотрен блок ответа

на нижеперечисленные приказания. Он никак не реагирует на обычную речь или (если ваши слова ему «кажутся» знакомыми) предлагает Вам эту инструкцию. Пожалуйста, внимательно прочтите ее.

Спасибо за внимание.

Корпорация «Аладдин», производящая «Работягу», «Виллибэйба», «Чертежника Дэна», «Билла-строителя», «Зеленного хвата» и «Нэнси».

Проектирование и консультации по вопросам автоматики.

Всегда к вашим услугам!»

Фирменный знак изображал Аладдина с волшебной лампой и джинна.

Ниже был перечень простых приказаний — «Стой, иди, да, нет, медленнее, быстрее, подойди сюда, позови сиделку» и так далее. Еще там был небольшой список операций, которые выполняют специализированные модели для больниц, вроде растирания, причем о некоторых процедурах мне и слышать не приходилось. В конце списка было примечание: «Приказания на операции с номера 87 по 242 отдаются только работниками больницы и поэтому здесь не перечислены». Мой «Умница Фрэнк» управлялся

кнопками, а не голосом. Не то, чтобы я не додумался до этого, просто система анализа речи весила и стоила бы больше, чем весь остальной «Фрэнк». Стало ясно, что прежде, чем я смогу вернуться к работе, мне придется здорово подучить все, относящееся к миниатюризации и упрощению систем. Кое-что я мог уяснить прямо сейчас — под рукой был «Работяга». Мне предстояла самая интересная в жизни работа, открывалась куча новых возможностей. Техника — искусство практическое, оно зависит не от таланта того или иного инженера, а от общего технического уровня общества. Железные дороги появились лишь тогда, когда пришло их время, и ни годом раньше. Вспомните бедного профессора Лэнгли — все силы своей души он отдал машине, которая должна была летать; он показал себя подлинным гением, но техника того времени не могла воплотить его мечты. Или возьмите великого Леонардо да Винчи — наиболее блестящие его изобретения были в те времена совершенно неосуществимы.

Итак, я предвкушал множество удовольствий.

Я отдал роботу листок с инструкцией, поднялся с постели и посмотрел на его «выходные данные». Я почти не сомневался, что среди всего прочего будет надпись «Горничные, Инкорпорей-

тед»; может быть, «Аладдин» был преемником «Мэнникса». На пластинке было не так уж много данных: название модели, серийный номер, фабрика-изготовитель и прочее. Там же был список патентов, числом около сорока. Самый ранний — ого! — датировался 1970 годом… и почти наверняка был основан на моих чертежах и единственной модели.

Я отыскал в тумбочке карандаш с блокнотом и записал номер патента из чисто интеллектуального интереса. Даже если схема украдена у меня (а я был уверен, что это именно так), я ничего не мог бы сделать: патент был датирован 1997 годом, а срок давности в моем случае, если, конечно, патентное право не изменилось, истек в 1985 году. Я просто хотел знать правду.

У дежурного вспыхнула лампочка и он произнес:

— Меня вызывают. Могу я уйти?

— А? Ну, конечно. Двигай.

Он снова полез за инструкцией, и я поспешно поправился:

— Иди.

— Спасибо. До свидания, — сказал он, объезжая меня. — Тебе спасибо.

— Не за что.

Отвечал он приятным, располагающим баритоном.

Я вернулся в постель и доел свой завтрак — он к этому должен был совсем остыть, но почему-то не остыл. Порция была явно рассчитана на какую-то птицу средней величины. Удивительно, но ее хватило и для меня, хотя я был очень голоден. Итак, впервые за тридцать лет я поел — за это время на Земле сменилось поколение. Это косвенно подтверждало меню — то, что я принял за копченую грудинку, оказалось жареными дрожжевыми полосками — национальным блюдом.

Но, несмотря на тридцатилетний пост, еда мало занимала меня, ведь вместе с завтраком они прислали газету — лос-анжелесскую «Таймс» за среду, 14 декабря 2000 года.

Формат газеты не изменился, а вот бумага стала не шероховатая, а глянцевая; иллюстрации были или цветные, или черно-белые, но стереоскопические — убей меня бог, если я понимал, как они это делали. Стереоизображение получалось без очков и прочих приспособлений. Помнится, в детстве я был совершенно очарован стереооткрыткой, рекламирующей свежемороженые продукты. Но та состояла из множества крошечных призм на довольно толстой пластиковой

бумаге, а здесь не было ничего, кроме тонкой бумаги и удивительно глубокого изображения.

Я решил просмотреть газету до конца. «Работяга» положил ее так, чтобы мне было хорошо видно первую страницу. Но я никак не мог перевернуть эту страницу — все листы словно смерзлись.

Наконец, я случайно коснулся верхнего правого угла листа. Он свернулся и отлетел. Очевидно, в этом месте заключалась некая хитрость. И другие страницы открывались легко и даже изящно — стоило мне коснуться верхнего правого угла. Добрая половина заголовков напоминала мне старые времена, навевала ностальгическую грусть:

«Ваш гороскоп на сегодня»,
«Мэр на торжественном открытии нового бассейна»,
«Военные ущемляют свободу печати»,
«Гиганты» играют два матча подряд»,
«Внезапное потепление огорчает любителей зимнего спорта»,
«Пакистан предупреждает Индию» —

и так далее в том же духе. Точно, как в мои времена.

Другие заголовки были незнакомы, но сами

себя объясняли:

> «Лунный Челнок» столкнулся с Нилинидами — стационарная Суточная Станция пробита во многих местах, живых нет»,
>
> «В Кейптауне линчевали четырех белых — ООН требует санкций»,
>
> «Мамаши выступают за повышение гонораров — они требуют, чтобы «любительниц» объявили вне закона»,
>
> «Плантатора из штата Миссисипи обвиняют в нарушении закона о запрещении «Зомби» — защитник утверждает: «Его работники не были наркотизированы. Они тупы от рождения!»

Что касается «Зомби», то я хорошо знал, что это такое… по собственному опыту.

Некоторые слова мне были совершенно непонятны.

> «Продолжалось выпадение «вогли». Еще три французских города были эвакуированы. Король приказал засыпать пораженные площади».

Король? Ну ладно, французы сами себе хозяева, а вот что это за «санитарная пудра», которую они использовали против «вогли», что бы это значило? Может быть, что-то радиоактивное? Я надеялся, что они выбрали для расщепления безветренный день… лучше бы в третьей декаде февраля. Я уже подцепил однажды изрядную дозу — еще в армии, по милости одного инженера, болвана проклятого! До неукротимой рвоты не дошло, но пришлось посидеть на консервной диете, а это такое удовольствие — врагу не пожелаешь.

> «Прибрежное отделение полиции Лос-Анжелеса оснащено лейколасами. Начальник отделения предложил всем «сардинкам» убираться из города. «Моим людям приказано сначала стрелять, а уж потом устанавливать личность. Пора навести порядок».

Я дал себе слово держаться подальше от Побережья, пока не разберусь, что к чему. Мне не хотелось, чтобы в меня стреляли и устанавливали личность — тем более, «потом».

Ну, это так, к примеру. Я бегло просмотрел несколько статей, и только потом до меня начал

доходить их смысл.

На меня повеяло родными ветрами: я увидел знакомые заголовки. Это были старые добрые объявления о рождении, смертях, женитьбах и разводах, правда, сейчас там встречались слова «обязательства» и «возвраты». Были там всякого рода списки. Я заглянул в список «воскресших» и нашел там свою фамилию. Это было приятно, вызывало чувство причастности.

Интереснее всего были объявления. Одно из них мне запомнилось:

> «Молодая привлекательная вдова, одержимая страстью к путешествиям, желает познакомиться со зрелым мужчиной таких же наклонностей. Намерение: двухгодичный брачный контракт».

«Горничная», ее сестры, кузины и тетки были тут как тут, и товарный знак был тот же самый, который я некогда придумал для наших бланков — крепкая деваха с метлой. Я даже пожалел, что поспешил избавиться от своего пая в «Горничных, Инкорпорейтед». Похоже, что сейчас эти акции стоили бы больше, чем все мои активы… Нет, я правильно сделал. Если бы я оставил сертификат при себе, эта пара нечистых наверняка

бы переделала передаточную подпись в свою пользу. Как бы то ни было, его получила Рикки, и если она при этом разбогатела — дай ей Бог — я не мог избрать лучшего наследника. Я дал себе слово первым делом, не откладывая, выяснить, что стало с Рикки. Она была всем, что осталось у меня в мире, тем более сейчас. Дорогая маленькая Рикки! Будь она на десять лет постарше, я бы и не взглянул на Беллу… и не обжегся бы.

Сколько же ей сейчас? Сорок… Нет, сорок один. Трудно представить, что Рикки может быть сорок один. Впрочем, это не так уж много для женщины даже в мое время — а, тем более, сейчас. Хотя иной раз невозможно отличить сорокалетнюю от восьмидесятилетней.

Что ж, если она богата, я позволю ей заказать мне выпивку, и мы выпьем за упокой души нашего Пита, забавного маленького создания.

А если что-то сорвалось, и она бедна, несмотря на мои акции, тогда, черт возьми, я женюсь на ней! Именно так. Я не посмотрю на то, что она старше меня на десять лет с небольшим. Такому недотепе, как я, обязательно нужен человек, который бы присматривал за мной и вовремя останавливал — и никто не смог бы сделать этого лучше, чем Рикки. В неполных десять лет она уже

умела противостоять Майлзу и всему, что было связанно с ним, совершенно всерьез, с девичьей напористостью. И в сорок лет она должна быть такой же, только более зрелой.

Первый раз со времени моего пробуждения мне стало по-настоящему тепло в этой чужой стране. Рикки была ответом на все вопросы.

И тут внутренний голос сказал мне: «Послушай, болван, ты не сможешь жениться на Рикки — если она стала такой, какой обещала стать, то она уже лет двадцать, как замужем. У нее четверо детей… и старший выше тебя ростом… и конечно, муж, которого ты вряд ли очаруешь в роли старого доброго дяди Дэна».

Я слушал его с отвисшей челюстью. А потом слабо возразил: «Ну, ладно, ладно, я снова опоздал. Но я все равно найду ее. Не расстреляют же меня за это. В конце концов, только она — единственная из всех — понимала Пита».

Я «перевернул» страницу, помрачнев от мысли, что потерял обоих — и Рикки, и Пита. А потом задремал прямо над газетой и проспал до тех пор, пока мой «Работяга» или его двойник не принес мне ленч.

Мне приснилось, что Рикки держит мою голову в своих ладонях и говорит:

— Все хорошо, Дэнни. Я нашла Пита, и мы вдвоем пришли к тебе. Правда, Пит?

— Мяааау!

* * *

Добавочный запас слов оказался весьма кстати, когда я взялся читать исторические обзоры. За тридцать лет много всего может произойти, но чего ради приписывать все к истории — ведь каждый, кроме меня, и так хорошо знает об этом? Я почти не удивился, узнав, что Великая Азиатская Республика вытеснила нас с южноамериканских рынков — это было предопределено Тайваньским договором. Еще менее меня удивило превращение Индии в лоскутное одеяло, вроде Балкан. Известие о том, что Англия стала провинцией Канады, ненадолго заняло меня. Я не стал читать о биржевой панике 1987 года: я не мог считать трагедией то, что золото подешевело и больше не является эквивалентом денег, а сколько народу при этом разорилось, касалось меня еще меньше. Золото — замечательный технический металл, его можно применять, где угодно.

Прервав чтение, я начал размышлять, что можно сделать из дешевого золота при его высокой плотности, хорошей электропроводности, чу-

десной ковкости… и вскоре остановился, поняв, что сперва нужно прочитать техническую литературу. Во всяком случае, для атомщиков это было неоценимым даром. Да и для автоматики золото подходит лучше, чем любой другой металл — кстати, я был почти уверен, что «голова» у «Работяги» была битком набита золотом. Мне нужно было лишь найти себе работу и разузнать, что сделали в своих «конурках под лестницей» мои коллеги, пока меня не было.

Соутеллский Санктуарий не мог снабдить меня технической литературой, и я объявил доктору Альбрехту, что хочу поскорее выбраться в свет. Он пожал плечами, назвал меня идиотом и согласился. Я отказался даже переночевать, ибо совершенно устал от безделья и чтения книг с экрана.

На следующее утро, сразу после завтрака, мне принесли современную одежду… которую я не смог натянуть на себя без посторонней помощи. Сама по себе она была не столь уж необычна (хотя мне сроду не приходилось носить фиолетовых брюк с бляшками), но вот с застежками я не мог совладать без посторонней помощи. Уверен, что мой дедушка с непривычки точно также мучился бы с «молниями». Это был Стиктайтовский шов-

застежка. Я подумал, что надо бы кого-нибудь нанять помогать мне при раздевании, пока не понял, каким образом эта штука расстегивается. Застегивался он просто — достаточно было сжать края и они слипались, как разноименные полюса магнита.

Я попытался немного ослабить пояс, и он так перетянул меня, что захватило дух. Но никто надо мной не смеялся.

— Чем вы собираетесь заняться? — спросил доктор Альбрехт.

— Я? Сначала разживусь картой города. Потом найду себе ночлег. Потом буду читать книги по специальности… где-нибудь с год. Ведь я, док, — ископаемый инженер. И это меня совершенно не устраивает.

— Ммм… Ну что ж, желаю удачи. Гм… может мне не стоило говорить об этом, пока я не справлюсь в страховой компании о ваших доходах, но не стесняйтесь позвонить мне, если придется туго.

Я вздернул голову.

— Спасибо, док. Вы — молодец. Я хотел бы отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня больше, чем положено по службе. Вы меня понимаете?

Он кивнул.

— Спасибо. Но все мои расходы оплачивает санктуарий.

— Но…

— Нет. Я не могу принять это от вас и давайте не будем говорить об этом.

Он пожал мне руку и добавил:

— До свиданья. Эта дорожка доведет вас до конторы. — Он помедлил. — Если начнете уставать — возвращайтесь. Согласно контракту, вы можете оставаться у нас еще четыре дня без дополнительной оплаты. Советую воспользоваться этим. Возвращайтесь, когда захотите.

— Спасибо, док, — усмехнулся я. — Можете держать пари, что я не вернусь — разве что повидать вас.

В конторе я представился регистратору, и он вручил мне конверт. Там была записка с телефоном миссис Шульц. Я еще не разговаривал с нею — прежде всего, потому что не знал, кто она такая. Кроме того, в санктуарий к воскресшим никого не допускали, не разрешались и телефонные разговоры, кроме случаев, когда инициатива исходила от клиентов. Едва взглянув на записку, я сунул ее за пазуху, подумав при этом, что ошибся, сделав «Умницу Фрэнка» слишком умным.

Регистраторами должны быть хорошенькие девушки, а не машины.

— Пожалуйста, пройдите сюда, — сказал регистратор. — Наш казначей будет рад увидеть вас.

Что ж, я тоже хотел его увидеть и поэтому пошел, куда мне указывали. Меня интересовало, сколько денег я заработал, пока спал, и я поздравил себя с тем, что в свое время вложил средства в акции, а не отдал их на «сохранение». Конечно, во времена Паники 1987 года мои акции упали в цене, но сейчас они должны были здорово подорожать. По меньшей мере, два моих пакета стоили сейчас кучу денег — это я вычитал в финансовом разделе «Таймс». Газету я взял с собой: мне хотелось проверить и другие пакеты.

Казначей был человек из плоти и крови и видом вполне соответствовал своей должности. Мы обменялись быстрым рукопожатием.

— Здравствуйте, мистер Девис. Садитесь, пожалуйста

— Добрый день, мистер Доути, — ответил я. — Наверное, я не отниму у вас много времени. Просто скажите мне, есть ли в вашем заведении представитель моей страховой компании? Или я должен обратиться в их контору?

— Пожалуйста, сядьте. Я должен вам кое-что

объяснить.

Я уселся. Конторщик (снова старый добрый «Фрэнк») принес досье.

— Это подлинники ваших договоров. Желаете взглянуть?

Я очень желал взглянуть. Едва проснувшись, я скрестил на сердце пальцы — ведь Белле ничего не стоило подделать эти бумаги. Сертификаты подделать гораздо труднее чем обычный чек, но ведь и Белла была неглупа.

Я с облегчением обнаружил, что все передаточные записи в порядке. Не было только контракта и документов касающихся акций «Горничных». Скорее всего, Белла просто сожгла их, чтобы избежать щекотливых вопросов, придирчиво осмотрел дюжину строчек, где она изменила «Компанию Взаимного Страхования» на «Главную».

Нет слов, она была своего рода художником. Может быть эксперт-криминалист, вооруженный стереомикроскопом и химикалиями, смог бы установить подделку, но мне это было не под силу. Удивительно, что ей это удалось — ведь документы такого рода печатались на бумаге, исключающей возможность подделки. Похоже было, что она обошлась без ластика — что ж,

если один человек может схитрить, другой всегда может перехитрить его… а Белла была весьма ловка.

Мистер Доути покашлял. Я поднял глаза от бумаг.

— Можете вы сказать, сколько денег у меня на счету?

— Да.

— Тогда я спрошу одним словом: сколько?

— Мм… Мистер Девис, прежде чем мы займемся этим вопросом, я хотел бы обратить ваше внимание еще на один документ и одно обстоятельство. Вот контракт между нашим санктуарием и «Главной Страховой Компанией Калифорнии». Он касается вашего усыпления, сохранения и воскрешения.

Прошу вас заметить, что плата за все внесена вперед. Это сделано и в наших, и ваших интересах — такое положение вещей гарантирует вашу безопасность в то время, пока вы спите и совершенно беспомощны. А средства — все средства — находятся под наблюдением судебных исполнителей, причем четверть из них временно отчуждается, как залог.

— Ясно. Звучит хорошо.

— Так оно и есть. Это тоже защита интере-

сов беспомощного человека. Итак, вы должны понять, что санктуарий — организация, не зависящая от вашей страховой компании, и ее контракт с вами — совсем не то, что ваш договор о помещении капитала.

— Мистер Доути, что мне причитается?

— Есть у вас что-нибудь помимо того, что вы доверили Страховой Компании?

Я призадумался. Некогда у меня был автомобиль… но Бог знает, что с ним случилось. Из Мохоува я не взял ничего, так что в будущее я отправился, имея за душой тридцать долларов наличными. Правда, я был одурачен. Книги, одежда, различные мелочи — я старался не обрастать ими — могли находиться где угодно, хоть у черта на рогах.

— Не только вагона, но и маленькой тележки не наберется, мистер Доути.

— Тогда… мне очень неприятно говорить вам об этом, у вас нет ничего.

Голова у меня закружилась, я чуть не свалился со стула, но удержался.

— Как так? Ведь я вложил свои средства в чудесные предприятия. Они существуют и процветают. Вот здесь об этом прямо написано, — я достал утренний номер «Таймса». Он покачал головой.

— Сожалею, мистер Девис, но никаких вкладов у вас нет. «Главная Страховая Компания Калифорнии» разорилась.

Я почувствовал слабость и мысленно поблагодарил его за то, что он предложил мне сесть.

— Как это случилось? Во время Паники?

— Нет, нет. Это случилось во время краха группы «Мэнникс»... вы, конечно, не можете этого знать. Все произошло уже после Паники, но нельзя сказать, что Паника здесь ни при чем. «Главная Страховая Компания» устояла бы, но ее систематически обирали... грабили, грубо говоря. Если бы это было обычным хищением, можно было спасти хоть что-нибудь. А так — не осталось ничего, только пустая оболочка... и люди, которые сделали это. Им потом удалось скрыться в те страны, которые не выдают преступников. Гм... если это утешит вас хоть немного, скажу, что при нынешних законах ничего подобного случиться не может.

Это ничуть меня не утешило, кроме того, я этому не поверил. Мой старик говаривал, что чем больше законов, тем больше жуликов. А еще он говорил, что мудрый человек должен быть всегда готов бросить свой багаж. Со мной такое случалось на удивление часто, я заслужил, чтобы

меня называли мудрым.

— Гм… мистер Доути, а не знаете вы, что стало с Компанией Взаимного Страхования?

— Чудесная фирма. Им здорово досталось во время Паники, но они выстояли. А что, у вас с ними договор?

— Нет.

Я не стал ничего объяснять, это было ни к чему. Я никогда не был в Компании Взаимного Страхования, у меня никогда не было с нею договора. Я не мог подать в суд на «Главную»: что толку возбуждать дело против трупа?

Я мог возбудить дело против Беллы и Майлза — если они еще живы — но это было столь же глупо. У меня не было никаких доказательств.

Кроме того, я не хотел судиться с Беллой. С гораздо большим удовольствием я взял бы тупую иглу… и вытатуировал бы на видных местах ее тела «не имеет законной силы». Тут я вспомнил, что она сделала с Питом. Честное слово, любое наказание было для нее слишком мягким.

Вдруг я вспомнил, что Белла и Майлз собирались продать «Горничных» группе «Мэнникс». Из-за этого меня и увалили.

— Мистер Доути, а вы уверены, что от «Мэнникса» ничего не осталось? Разве им не принадлежа-

ли «Горничные»?

— «Горничные»? Вы имеете в виду фирму, производящую бытовые автоматы?

— Да, именно ее.

— Едва ли это возможно. Нет, этого не может быть, ведь «Мэнникса», как такового, больше не существует. Конечно, я не могу утверждать, что между «Мэнниксом» и «Горничными» не было никакой связи. Но я не верю, что между ними было что-то серьезное, иначе бы я знал об этом.

Я прекратил расспросы. Было бы хорошо, если бы Майлз и Белла потерпели крах вместе с «Мэнниксом». Но, с другой стороны, если «Мэнникс» владел «Горничными», это должно было ударить по Рикки, причем не менее сильно. Главное, чтобы Рикки было хорошо, а на все прочее можно наплевать.

Я поднялся.

— Что ж, спасибо за все, мистер Доути. Пойду восвояси.

— Не торопитесь, мистер Девис… наша организация чувствует ответственность не только за букву контракта, но и за клиента. Вы, конечно, понимаете, что ваш случай — не первый в нашей практике. Наш совет директоров предоставил в мое распоряжение некоторые средства, чтобы

клиенты на первых порах не испытывали нужды. Эти средства…

— Не надо благотворительности, мистер Доути. Но все равно, спасибо вам.

— Это не благотворительность. Заем. Своего рода заем. Поверьте мне, на таких займах мы почти ничего не теряем… и нам не хотелось бы, чтобы вы вышли отсюда с пустыми карманами.

Я обдумал это раз, другой. Я ведь даже не знал, сколько берут в парикмахерской за стрижку… а с другой стороны, занимать деньги — это все равно, что плавать с кирпичами в руках… и небольшой заем мне будет так же трудно вернуть, как миллион.

— Мистер Доути, — медленно проговорил я. — Доктор Альбрехт говорил, что я могу еще четыре дня валяться здесь в постели.

— Да, пожалуй, об этом написано в вашей карточке. Но мы не выбрасываем людей на улицу даже после истечения договорного срока, если они не подготовлены.

— Рад слышать. А сколько стоит палата, питание и обслуживание?

— Гм… Но ведь это не гостиница, и мы не сдаем номера. Но мы и не больница — просто мы помогаем нашим клиентам войти в форму.

— Да, конечно. Но вы можете назвать хотя бы примерную стоимость?

— Мм… и да, и нет. Здесь довольно сложная арифметика: нужно учесть обслуживающий персонал, наблюдение, диетпитание и так далее. Я могу составить смету…

— О, не беспокойтесь. Сколько стоит помещение и питание?

— Это не совсем в моей компетенции. Пожалуй, около ста долларов в сутки.

— Я ухожу на четыре дня раньше. Можете вы ссудить меня четырьмя сотнями?

Он не ответил, но продиктовал своему механическому помощнику несколько цифр, а потом отсчитал мне восемь пятидесятидолларовых бумажек.

— Спасибо, — искренне сказал я, забирая их. — Будь я проклят во веки веков, если задержусь с возвратом. Обычные шесть процентов? Или больше?

Он покачал головой.

— Это не заем. Поскольку вы так захотели, я погасил эту выдачу, поставив ее против неиспользованного вами срока до конца пребывания здесь.

— О, мистер Доути, я же не хотел принуждать

вас. Конечно, я готов…

— Не надо. Мой помощник уже зарегистрировал выдачу. Или вы хотите, чтобы у наших ревизоров заболела голова из-за каких-то четырех сотен долларов? Я приготовил для вас гораздо больше. Взаймы.

— Ну, ладно, — сдался я, — не буду спорить. Скажите, мистер Доути, а сколько стоят эта деньги? Какие сейчас цены?

— Мм… так сразу мне трудно ответить на это.

— Дайте мне хотя бы зацепку. Сколько стоит еда?

— Весьма немного. За десять долларов вам подадут весьма приличный обед, если вы позаботитесь выбрать ресторан средней руки.

Я поблагодарил его и ушел с действительно теплым чувством. Мистер Доути напомнил мне нашего армейского казначея; казначеи бывают двух сортов: одни показывают вам параграф инструкции, согласно которому вы не можете получить того, что вам причитается; другие мусолят инструкцию до тех пор, пока не найдут параграфа, по которому вам причитается даже несколько больше, чем вы ожидали.

Доути относился к этой второй разновидности.

Санктуарий находился на Уилширской Дороге.

Перед ним были разбиты клумбы, росли кусты, стояли скамеечки. Я присел на одну из них передохнуть и поразмыслить — куда мне пойти: на восток или на запад. Все-таки я был сильно потрясен, хотя и старался не обнаружить этого перед мистером Доути — денег в моем кармане должно было хватить на пропитание в течении недели.

Но солнце светило ярко, полосы Дороги приятно гудели, я был молод (по крайней мере, биологически), у меня были мои руки и голова на плечах. Насвистывая «Алилуйя, я бездельник», я достал «Таймс» и просмотрел колонку найма.

Я подавил в себе порыв посмотреть раздел «Инженеры-профессионалы» и решил изучить спрос на неквалифицированную рабочую силу. Таких почти не требовалось. Я едва нашел этот раздел.

Глава шестая

Работу я нашел через день, в пятницу, пятнадцатого декабря. Кроме того, я получил представление о нынешних законах и совершенно запутался во всем, что касалось слов, действий и ощущений. Я открыл для себя, что «ориентироваться» по книгам ничуть не лучше, чем изучать по книгам секс — на деле все совершенно по-другому.

Уверен, что мне было бы гораздо легче, окажись я в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужом городе чужой страны я бы знал, что обычаи там совершенно другие, а в Большом Лос-Анжелесе я подсознательно считал, что ничего не изменилось, хотя и видел перемены. Конечно, тридцать лет — пустяки. За свою жизнь человек видит гораздо больше перемен. Но не все разом.

Одно слово я по-наивности использовал неправильно, и все присутствовавшие при сем леди оскорбились. Только то, что я был Спящим — я поспешил объяснить им это — удержало мужчин от решительных действий. Я использую здесь это слово не как непристойность — для этого я слишком хорошо воспитан — а для того чтобы

объяснить, что во времена моего детства никто не писал его, озираясь, на тротуарах. Посмотрите его значение в старом словаре.

Это слово — «кинк».[20]

Над некоторыми словечками стоило пару раз подумать, прежде чем произнести их. Не то, чтобы они были табу, просто изменилось их значение.

Например, слово «хозяин» означало человека, укравшего вашу одежду. Отчего и почему — неизвестно.

Похоже, я опять отвлекся. Так вот, моя работа состояла в том, что я превращал новехонькие лимузины в металлолом, который потом отправлялся в Питсбург. «Кадиллаки», «Крайслеры», «Линкольны» — самые шикарные, большие и мощные турбомобили всех сортов, не наездившие и километра. Их цеплял трейпферный захват, а потом — трах! бах! тарах! — и готово сырье для домен.

Поначалу меня это возмущало — сам я пользовался дорогами, денег на автомобиль у меня не было. Я громко объявил о своих мыслях и чувствах — и чуть было не лишился работы… Слава

---

[20] Примечания: 20

Словарь дает следующие значения: 1. Петля, узел, перегиб; 2. Судорога, приступ удушья.

Богу, начальник смены вовремя вспомнил, что я из Спящих и в самом деле ни черта не помню.

— Это азбука экономики, сынок. Государство оплатило производство этих автомобилей, чтобы как-то поддержать цены. Они выпущены два года назад и никогда не будут проданы… И вот теперь правительство решило от них избавиться и продать как металлолом. Домны не могут работать на одной руде. Ты должен был знать это, хотя ты из Спящих. Кроме того, высокосортной руды не хватает, и спрос на металлолом все время растет. Эти машины нужны металлургам.

— Но зачем их вообще тогда выпустили, если знали, что их никто и никогда не купит? Это же расточительство!

— Это только с виду расточительство. Ты хотел бы, чтобы люди остались без работы? Чтобы упал жизненный уровень?

— Ну ладно, а почему бы их не продавать за границу? Там бы за них наверняка дали больше, чем здесь, когда они идут на металлолом.

— Что? — изумился начальник. — И взорвать экспортный рынок?! Кроме того, если бы мы начали продавать их по бросовым ценам за границей, на нас бы окрысились все — Япония, Франция, Германия, Великая Азия, словом все. Представля-

ешь, что бы случилось? Началась бы война. — Он перевел дух и вернулся к своим отеческим интонациям. — Сходил бы ты в библиотеку, взял пару книжек. Ты ничего не знаешь, у тебя неверные представления о многих вещах.

Я заткнулся. Я не стал говорить ему ни о том, что все свободное время проводил в библиотеках, ни о том, что был в свое время инженером — это было все равно, что прийти к Дюпону и сказать: «Сэр, я алхимик. Вам не нужен специалист моего профиля?»

И все-таки я вернулся к этой теме. Я заметил, что лишь немногие из этих автомобилей были способны ездить. Сработаны они были неряшливо, не хватало основных приборов или кондиционеров. Однажды я заметил, что зубья дробилки размалывают пустой, без мотора, капот и сказал об этом начальнику смены.

— Великий Юпитер! — ответил он. — Неужели ты, сынок, думаешь, что с этими машинами будет кто-то работать? Они были обречены на слом еще задолго до того, как сошли с конвейера.

Я снова заткнулся, теперь уже надолго. В технике я разбирался хорошо, а вот экономика всегда была для меня наукой почти мистической.

Зато у меня была куча времени для размышле-

ний. Моя работа была совсем не тем, что я привык называть этим словом — все делал «Фрэнк» и его братья: обслуживали дробилку, двигали автомобили, взвешивали и убирали металлолом, вели учет. Мне же оставалось стоять на небольшой платформе (сидеть мне не дозволялось), держа руку на переключателе, который останавливал все и вся, если что-нибудь шло наперекосяк. Ничего такого ни разу не случалось, и я вскоре сообразил, что лишь дублирую одну из цепей — она тоже могла остановить всю работу и вызвать ремонтников.

Ну, ладно, в конце концов, эта работа приносила мне двадцать один доллар в день, давала мне хлеб насущный. Лиха беда начало.

После вычетов на социальное страхование, в профсоюз, подоходного налога, в больничную кассу и фонд взаимопомощи мне оставалось долларов шестнадцать. Мистер Доути явно перехватил, говоря, что обед стоит десять долларов. Этих денег хватало на три приличных обеда, если, конечно, вам не приспичит откушать настоящего мяса. Что до меня, то я вовсе не считал, будто выращенный в колбе бифштекс хуже гулявшего по пастбищу. Насчет настоящего мяса поговаривали, что оно радиоактивное, так что я

был вполне счастлив, потребляя суррогат.

С жильем дело обстояло похуже. Шестинедельная война обошла Лос-Анжелес стороной, и в него хлынула уйма беженцев (фактически, я тоже был одним из них, хотя в те времена себя таковым не считал), и никто из них, похоже, не собирался возвращаться к родным пенатам. Когда я заснул, население в городе, мягко говоря, было многочисленно, а уж теперь он был набит, словно дамская сумочка. Может быть, не стоило избавляться от смога — в шестидесятые годы не было лучше средства, чтобы выкурить людей из больших городов. А сейчас бежать стало не от чего.

В тот день, когда я вышел из Санктуария, у меня в мозгу сформировался список основных дел. Я должен был:

1) найти работу,

2) найти жилье,

3) обновить свои знания по специальности,

4) найти Рикки,

5) снова стать инженером, если это не выше человеческих сил,

6) найти Беллу и Майлза и решить, как с ними расправиться, не попадая при этом в тюрьму и

7) прочие дела помельче: отыскать исходный патент на «Работягу» и проверить, действительно

ли в его основу был положен «Умница Фрэнк» (не то, чтобы это было самым основным, просто для примера), разузнать историю «Горничных, Инкорпорейтед» и так далее, и тому подобное.

Я выстроил все свои дела по пунктам вовсе не потому, что собирался жестко придерживаться очередности, просто давным-давно, еще будучи инженером-первогодком, я понял, насколько это удобно. Естественно, исполнение одного пункта не мешало претворению в жизнь другого. К примеру, я надеялся отыскать Рикки, может быть, «Беллу и К°», и в то же время превзойти современную инженерию. Но есть вещи более важные и менее важные: сперва следовало найти работу, а уж потом охотиться, ибо доллары и в двухтысячном году оставались ключом ко всем дверям… и это становилось особенно ясно, когда их не было.

Когда в шести местах мне отказали, я счел за благо убраться в район Сан-Бернардино и попытать счастья там, благо ходу туда было всего десять минут. Еще мне надо было где-то переночевать, чтобы утром встать как можно раньше и быть первым в очереди на бирже труда.

Я занес свое имя в список ожидающих и пошел в парк. Что я еще мог сделать? Почти до полуночи я прогуливался по парку, чтобы согреться, а

потом сдался — зимы в Лос-Анжелесе не субтропические. Я приютился на станции Уилширской дороги… и часа в два ночи меня замели вместе с прочими бродягами.

Тюрьмы изменились в лучшую сторону. Там было тепло, и тараканов, похоже, всех вывели.

Вскоре нас всех вызвали из камеры. Судья оказался молодым парнем. Он даже глаз не поднял от газеты, объявляя:

— Все по первому разу?

— Да, ваша честь.

— Тридцать суток или освобождение под залог. Следующих.

Нас начали выталкивать, но я не двинулся с места.

— Одну минутку, судья…

— Что? Вы чем-то недовольны? Виновны вы или не виновны?

— Гм… я, право, не знаю, ибо мне неведомо что я такого сделал. Видите ли…

— Вы хотите обратиться к адвокату? Я помогу вам связаться с ним, и он может опротестовать мое решение. Срок апелляции — шесть дней с момента вынесения приговора, это ваше право.

— Гм… не знаю. Может быть, я выберу освобождение под залог, хотя не уверен, что мне этого

хочется. Чего я на самом деле хочу, так это получить от вас совет, если вы будете так добры.

Судья сказал приставу:

— Выводите остальных, — потом повернулся ко мне. — Бросьте. Мой совет вам наверняка не понравится. Я довольно давно на этой должности и до тошноты наслушался слезливых историй.

— Честное слово, сэр, от моей вас не стошнит. Видите ли, я только вчера вышел из Санктуария…

Он оглядел меня с искренним отвращением.

— А, так вы один из этих… Хотел бы я знать, о чем думали наши деды, сбрасывая своих подонков на наши головы. Они, наверное, считали, что нам будет недоставать людей… особенно тех, кто и в свое время немного стоил. Хотел бы я отправить вас обратно в ваш затертый год, чтобы вы объявили там всем и каждому, что будущее отнюдь не усеяно золотом, — он вздохнул. — Хотя, я уверен, что толку от этого было бы мало. Ну ладно, что вы от меня хотите? Дать вам еще шанс? Но ведь не пройдет и недели, как вы снова очутитесь здесь.

— Не думаю, судья. У меня достаточно денег, потом я найду работу и…

— Вот как? Так почему же, если у вас есть день-

ги, вы бродяжничаете?

— Мне даже слово-то это незнакомо!

Я пустился в объяснения. Когда я упомянул о том, что меня обчистила «Главная» он резко переменил свое отношение ко мне.

— Свиньи этакие! Они и мою мать обманули, а ведь она платила взносы почти двадцать лет. Что же вы раньше об этом не сказали?

Он достал карточку, что-то написал на ней и сказал:

— Отнесите это в контору по использованию трудовых ресурсов. Если они не найдут для вас работы, приходите ко мне после полудня. Только не бродяжничайте больше. Это не только порочно и преступно, но и опасно: можно нарваться на зомби-вербовщика.

Вот так я сподобился крушить новенькие автомобили. Я не ошибся, поставив поиски работы на первое место. Человеку со счетом в банке везде рады — даже полицейские его не трогают.

Кроме того, в западной части Лос-Анжелеса, которую еще не затронула Большая Стройка, я нашел приличную и недорогую комнату. Похоже, что раньше она называлась встроенным шкафом.

Мне не хотелось бы, чтобы вам показалось,

будто двухтысячный год нравился мне меньше, чем 1970-й. Этот год мне нравился, равно как и 2001-й, наступивший через пару недель после моего пробуждения. Несмотря на приступы острой ностальгии, я считал, что Большой Лос-Анжелес начала третьего тысячелетия — самое замечательное место из всех, где мне довелось побывать. Весь он был крепкий, деятельный и очень чистый, хотя и был наводнен техникой… и разросся до титанических размеров. План Большой Стройки радовал сердце любого инженера. Если бы еще городские власти смогли лет на десять приостановить иммиграцию, они живо бы справились с жилищной проблемой. Но, поскольку такой возможности не было, им приходилось делать все возможное, мирясь с толпой, что валом валила со стороны Сьерры. Кстати, возможности их (то есть властей) были невероятно огромны, и даже неудачи — величественны.

Честное слово, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда люди победили простуду, и никто больше не маялся насморком. Мне это говорило больше, чем исследовательская колония на Венере.

Две перемены меня поразили больше всего — одна большая, даже великая, другая маленькая.

Великая — это, конечно, открытие антигравитации. Еще в 1970 году мне приходилось слышать об экспериментах с гравитацией в Бэбсоновском институте, но я не думал, что из этого чего-нибудь получится. Так оно и вышло — теоретическое обоснование антигравитации разработали в Эдинбургском университете. Еще в школе я привык думать, что с гравитацией ничего нельзя поделать, потому что она — свойство самого пространства. Так вот, они просто изменяли пространство. Локально и временно, как раз настолько, чтобы сдвинуть что-нибудь тяжелое. Пока это было возможно только на матушке-Земле, так что для космических полетов не было никакой пользы, но я готов был держать пари, что в 2001 году антигравитация выйдет в космос. Я узнал, что для подъема тела нужно приложить довольно много энергии, да и для спуска — тоже. Кроме того, часть энергии шла на поддержание тела в воздухе. А вот на движение в горизонтальной плоскости, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анжелес, энергии совсем не требовалось — груз скользил куда угодно, словно конькобежец на длинной дистанции.

Здорово!

Я попытался изучать теорию гравитации, но

продраться сквозь дебри математики оказалось выше моих сил. Собственно, инженер не обязан быть матфизиком, он должен знать предмет достаточно хорошо, но лишь настолько, насколько это касается практического использования — то есть, помнить рабочие характеристики. А на это моих способностей хватало.

«Маленькая перемена», о которой я заикнулся, касалась женской моды. Меня не шокировало, что на пляжах 1970 года люди загорали, в чем мать родила. Но от того, что нынешние дамы выделывали при помощи шва, у меня отвисала челюсть.

Мой дед родился в 1890 году, и я уверен, что некоторые фасоны 1970 года подействовали бы на него так же.

Но мне нравился этот крепкий новый мир, и я надеялся найти в нем счастье после стольких лет одиночества. Я был вне общества. Временами (обычно это случалось среди ночи) я был рад поменять все вокруг на моего дикого кота, на возможность повести маленькую Рикки в зоопарк, после обеда… или на дружбу Майлза, дружбу тех времен, когда мы вместе работали и вместе надеялись.

Но на дворе было начало 2001 года, и я не со-

бирался отступать — мне не терпелось бросить мою нынешнюю работу и вернуться к чертежной доске. Много, чертовски много вещей, считавшихся невероятными в 1970 году, стали вполне возможными, и я хотел заняться своим настоящим делом, спроектировав несколько дюжин новых приборов.

Например, я ожидал, что уже существуют автоматические секретари — я имею в виду машины, которым можно диктовать, а на выходе получать, скажем, деловое письмо с правильной орфографией и пунктуацией, и все это — без участия человека в промежуточных операциях. Но сейчас такого не было. Единственный аппарат такого рода был рассчитан на фонетический язык типа эсперанто, и уж конечно, не смог бы написать ни одного английского слова.

Трудно было ожидать, чтобы люди в угоду изобретателю изменили традициям родного языка. Придется Магомету идти к горе. Если уж девицы-старшеклассницы с трудом усваивают английскую орфографию, то что вы хотите от машины?

Проблема считалась неразрешимой. Нельзя было снабдить машину человеческим восприятием и здравым смыслом.

Но ведь патенты для того и существуют, чтобы их выдавали тем, кто решил «неразрешимую проблему».

Элементы памяти, современные возможности миниатюризации плюс дешевое золото, чудесный технический металл — и всю систему анализаторов звука можно поместить в кубическом футе… при этом машина сможет «запомнить» на слух весь словарь Уэбстера. Но этого и не требовалось; вполне хватило бы и десяти тысяч слов. Какая стенографистка знает слово «курбаш»[21] или «пирофилит»?[22] Такие слова придется диктовать по буквам. Значит, машина должна воспринимать и такой вид диктовки, если это потребуется. А еще нужен звуковой код для знаков препинания… для указания формата, шрифта, интервалов, количества копий… и нужен резерв памяти, по меньшей мере, на тысячу специальных терминов, чтобы покупатель мог сам разместить их там, дабы не произносить каждый раз по буквам.

Все было просто. Оставалось скомпоновать имеющиеся в продаже блоки и изготовить про-

---

[21] Примечания: 21
Курбаш — арабская ременная петля.

[22] Примечания: 22
Пирофилит — название минерала.

мышленный образец. Но главной проблемой оказались омонимы.

«Стенографистка Дейзи» не заржавеет, если придется напечатать скороговорку — ведь там все слова звучат по-разному. Но вот с омонимами ей придется туго.

Однако, в любой публичной библиотеке должен быть словарь английских омонимов. Да, он там был… и я взялся подсчитывать пары и ряды, пытаясь с помощью теории информации и статистики выделить только те, без которых нельзя обойтись. Нервы мои начали сдавать. Тридцать часов в неделю совершенно бесполезной работы тяготили меня, к тому же библиотека — не лучшее место для серьезной инженерной работы. Мне нужны были чертежное ателье, мастерская, чтобы испытывать образцы, каталоги деталей и узлов, имеющихся в продаже, специальные журналы, калькулятор и все такое прочее.

Я твердо решил поискать другую работу, пусть даже не по специальности, но хотя бы около нее. Я был не настолько глуп, чтобы думать, будто снова стал инженером — слишком многого я не знал. Можно было спроектировать новую машину, но с риском обнаружить потом, что десять-пятнадцать лет назад кто-то уже решил эту проблему,

причем изящнее, лучше и дешевле, чем я.

Мне нужно было поступить в какую-нибудь техническую контору, чтобы кожей впитывать новую информацию. Я считал, что вполне гожусь на должность младшего чертежника.

Я уже знал, что для черчения сейчас используют полуавтоматические устройства. Мне довелось видеть их чертежи. У меня было предчувствие, что при случае я минут за двадцать разберусь, как они работают. Они здорово напоминали разработку, пришедшую мне в голову тридцать лет назад, и мотивы изобретения наверняка были такими же: ненависть к старомодной доске с рейсшиной и надежда присобачить к ней пишущую машинку. Помнится, я хорошенько продумал, как, стуча по клавишам, наносить на чертеж любые линии и в любом месте.

Во всяком случае, я мог быть уверен, что этот прибор не украден у меня. Уверен в той же степени, как и в том, что «Фрэнк» у меня был бессовестно украден — ведь моя чертежная машина существовала только в виде отрывочных рассуждений. Кому-то пришла в голову та же идея, и он развил ее. Настало время чертежных автоматов — и они незамедлительно появились.

Конструкторы «Аладдина», той самой фирмы,

что выпускала «Работягу», создали «Чертежника Дэна», одну из лучших машин этого рода.

Я разорился на новый костюм и новый «кейс». Последний набил старыми газетами и явился в торговый салон «Аладдина», изображая потенциального покупателя. Я попросил продемонстрировать чертежный автомат в работе.

Увидев «Чертежника Дэна», я обмер. Психологи называют такое явление «deja vu» — «уже виденное». Чертов прибор был точно таким, каким его сделал бы я, если бы меня насильно не отправили спать!

Не спрашивайте отчего я так в этом уверен. Человек всегда узнает свой стиль работы. Искусствовед безошибочно определяет манеру письма Рубенса или Рембрандта по композиции, светотени и дюжине других признаков. Проектирование — тоже искусство: любую задачу можно решить разными способами. У каждого конструктора есть «своя манера», и он узнает ее так же уверенно, как живописец свою картину.

«Чертежник Дэн» был сделан настолько «по-моему», что я даже расстроился. Поневоле поверишь в телепатию.

Я пожелал узнать номер исходного патента и не удивился, когда мне сказали, что он был выдан

в 1970 году. Я решил разыскать изобретателя. Это мог быть кто-нибудь из моих учителей, от которых я, собственно, и усвоил свой стиль, или кто-то из инженеров, с которыми я вместе работал.

Изобретатель мог быть еще жив. Если так, то в один прекрасный день я разыщу его… и познакомлюсь с человеком, чей мозг работал синхронно с моим.

Я набрался наглости и позволил продавцу показать мне, как обращаться с машиной. Ему не пришлось долго объяснять — мы с «Чертежником Дэном» были созданы друг для друга. Минут через десять я управлял прибором лучше, чем любой из продавцов. Наконец, скрепя сердце, я оторвался от «Дэна» и, получив проспект с ценами, скидками и перечнем дополнительного оборудования, ушел, пообещав продавцу вскоре позвонить — в тот самый момент, когда он уже был готов получить от меня подписанный чек. Это был подлый обман, но, в конце концов, я отнял у него не более часа.

Из салона я отправился на головной завод «Горничных, Инкорпорейтед» — искать работу. Я уже знал, что ни Беллы, ни Майлза там больше нет. Все время, что у меня оставалось от работы и наверстывания того, что я проспал, я тратил

на поиски Беллы, Майлза и, особенно, Рикки. Никто из них не значился в числе абонентов телефонной сети ни в Большом Лос-Анжелесе, ни в Соединенных Штатах вообще — за эту информацию национальное бюро в Кливленде содрало с меня как за четверых, ведь Беллу разыскивал я под двумя фамилиями: Джентри и Даркин.

Список избирателей округа Лос-Анджелес тоже ничего не дал.

«Горничные, Инкорпорейтед» в письме, подписанном семнадцатым вице-президентом, в чьи обязанности, наверное, входило отвечать на дурацкие вопросы, осторожно сообщала, что служащие с такими фамилиями работали в корпорации тридцать лет назад, но сейчас корпорация не располагает никакими сведениями о них.

Розыск тридцать лет спустя — работа не для любителя, тем более, небогатого. Будь у меня дактилограммы, я бы мог обратиться в ФБР. У меня же не было ни одной зацепки. Моя Благословенная Отчизна еще не дошла до того, чтобы заводить досье на каждого своего гражданина. Но уж если бы такие досье и были, я наверняка не получил бы к ним доступа.

Сыскное агентство, субсидированное долж-

ным образом, наверняка смогло бы отыскать их след, опираясь на косвенные данные, газетные статьи и бог знает, что еще. Но я не мог никого субсидировать должным образом, а на то, чтобы заняться розысками самому, у меня не было ни способностей ни времени.

Наконец, я плюнул на Майлза и Белл, но пообещал себе с первых же больших денег нанять профессионалов и бросить их на поиски Рикки. Я решил не искать ее среди акционеров «Горничных Инкорпорейтед» и обратился в Американский банк с просьбой сообщить, открывали ли они счет на ее имя. В ответ я получил официальное письмо, в котором меня уведомляли, что сведения такого рода хранятся в секрете. Я написал им снова, сообщив, что был в анабиозе, и что она — единственная моя родственница. Вскоре пришло вежливое письмо, подписанное одним из иерархов банка: он сожалел, что не может сообщить сведения даже родственнику и даже в таких исключительных обстоятельствах; извинился, что вынужден дать мне отрицательный ответ, но сообщил, наконец, что ни одно отделение банка никогда не открывало счета на имя Фредерики Вирджинии Джентри.

Это могло означать только одно. Каким-то обра-

зом стервятники умудрились отнять у маленькой Рикки ее деньги. Деньги должны были пройти через Американский Национальный банк и дождаться там Рикки. Но что-то сорвалось! Бедная Рикки. Нас обоих обокрали!

Но кое-что я все-таки нашел. В архиве Департамента Просвещения была отмечена ученица по имени Фредерика Вирджиния Джентри. Но названную ученицу забрали из школы в Мохоуве в 1971 году. Куда — неизвестно.

Кто-то где-то подтверждал, что Рикки в принципе, существовала — меня и это утешило. Но она могла перевестись в любую из многих тысяч школ в Соединенных Штатах. Сколько времени понадобится, чтобы написать в каждую из них. Предположим, где-то найдутся сведения о Рикки, но знают ли школьные чиновники, где она, и имеют ли право сообщать эти сведения кому бы то ни было?

Маленькая девочка затеряется среди четверти миллиарда людей легче, чем камешек на дне океана.

Поиски мои провалились, зато, узнав, что Майлз и Белла не числятся в «Горничных, Инкорпорейтед», я решил сам устроиться туда. Я мог выбрать любую из сотен фирм, занимающихся

автоматикой, но «Горничные» и «Аладдин» занимали в своей области такое же положение, как «Форд» и «Дженерал Моторс» в своей области во времена расцвета автомобильного производства. Была и еще одна причина, чисто сентиментального свойства — мне хотелось посмотреть, что стало с моим старым детищем.

Пятого марта 2001 года, в понедельник, я пришел в бюро найма, встал в очередь к клерку, заполнил дюжину анкет, никак не связанных с инженерией и еще одну, связанную... и мне сказали: не звоните нам, мы сами вам позвоним.

Я не отступился и сподобился предстать перед очами заведующего бюро. Он неохотно просмотрел единственную путную анкету и объявил, что моя профессия ничего не значит, ибо с тех пор прошло тридцать лет.

Я объяснил, что пролежал все эти годы в анабиозе.

— Это еще хуже, — ответил он. — Мы не нанимаем людей старше сорока пяти лет.

— Но мне нет сорока пяти. Мне только тридцать.

— Извините, но вы родились в тысяча девятьсот сороковом году.

— А что же мне теперь делать? Пойти и застре-

литься?

Он пожал плечами.

— На вашем месте я попросил бы работу по возрасту.

Я поспешил выйти, прежде чем сформулировал достойный ответ. Затем прошел три четверти мили до главного входа и вошел. Генерального Директора звали Кертис. Я объявил, что желаю встретиться с ним.

Двух первых клерков я оставил позади, просто объяснив, что у меня есть дело к директору. «Горничные, Инкорпорейтед» не пользовались своими клерками-автоматами, здесь предпочитали плоть и кровь. Всеми правдами и неправдами я, наконец, пробился к двойным дверям, что вели, как мне казалось, в кабинет босса, и здесь натолкнулся на главную цербершу. Она пожелал узнать суть моего дела.

Я огляделся по сторонам. В большом зале было человек сорок живых людей и столько же машин.

— Ну? — резко спросила она. — Выкладывайте ваше дело, и я доложу о нем секретарю мистера Кертиса.

Громко, чтобы слышали все, я сказал:

— Мне хотелось бы знать его дальнейшие на-

мерения относительно моей жены!

Шестьдесят секунд спустя я был уже в кабинете босса. Он поднял глаза от бумаг.

— Ну? Какого черта вам нужно?

Понадобилось полчаса времени и кое-какие документы, дабы убедить его, что никакой жены у меня сроду не было и что я — основатель фирмы.

Тут появились сигареты, выпивка, разговор стал совершенно дружеским. Меня познакомили с коммерческим директором, главным инженером, начальниками отделов.

— Мы считали, что вы умерли, — признался Кертис. — Так говорится в официальной истории нашей компании.

— Это всего лишь слухи. Меня спутали с каким-то другим Д. Б. Девисом.

— Чем вы сейчас заняты, мистер Девис? — осведомился Джек Гэлви, коммерческий директор.

— Ничем особенным. Я занят… гм… в автомобильном бизнесе. Но собираюсь в отставку. А почему вы спрашиваете?

— Почему?! Разве это не очевидно? — он повернулся к главному инженеру, мистеру Мак-Би. — Слыхали, Мак? Все вы, инженеры, одним миром мазаны: не видите своей выгоды, даже когда она сама вешается вам на шею. ПОЧЕМУ? Потому

что вы — клад для нас! Вы — сюжет для романа «Основатель фирмы восстает из могилы к своему детищу! Изобретатель первого робота-слуги видит плоды своего гения!»

— Подождите минутку, — прервал его я. — Я же не рекламный манекен и не восходящая звезда. Я люблю уединение. Я не за этим шел сюда. Я пришел сюда работать… инженером.

Мистер Мак-Би поднял брови, но ничего не сказал.

Некоторое время мы спорили. Гэлви пытался доказать, что я обязан помочь фирме, которую основал. Мак-Би говорил мало, но было ясно, что он не считает меня подарком своему отделу. Между прочим, он спросил, что я знаю о проектировании стереоцепей, и мне пришлось признаться, что все мои познания почерпнуты из популярной литературы.

Наконец, мистер Кертис предложил компромисс:

— Послушайте, мистер Девис. Ваше положение совершенно особое. Одно можно сказать, вы основали не только эту фирму, а целую индустрию. Но, как верно намекнул мистер Мак-Би, с тех пор эта индустрия ушла далеко вперед. Считайте, что вы приняты в штат фирмы на должность… гм…

заслуженного инженера-исследователя.

— А что это будет означать? — заколебался я.

— Все, что захотите. Честно говоря, я надеюсь, что вы, кроме всего прочего, будете сотрудничать с мистером Гэлви. Мы не только производители, но и торговцы.

— Гм… а проектировать я смогу?

— Как пожелаете. У вас будет все, что нужно, и вы сможете делать все, что захотите.

— Все, что нужно?!

Кертис посмотрел на Мак-Би.

— Конечно, конечно… — поспешно подтвердил главный инженер. — Естественно, в разумных пределах…

Он говорил на шотландском диалекте, и я еле понимал его.

— Мы все устроим, — живо вмешался мистер Гэлви. — Простите, босс, можно я заберу мистера Девиса. Нужно щелкнуть его рядом с первой моделью «Горничной».

Что он и сделал. Я рад был увидеть ее… самую первую модель, в которую я вложил столько сил и души. Я хотел взглянуть, работает ли она, но мистер Мак-Би не позволил мне включать ее — похоже, он все еще не верил, что я умею с ней обращаться.

* * *

Март и апрель слились в один медовый месяц. У меня было все, что я хотел: инструменты, специальные журналы, торговые каталоги, библиотека, «Чертежник Дэн» («Горничные, Инкорпорейтед» предпочитали пользоваться моделью «Аладдина») и инженерная трепотня… музыка для моих ушей!

Ближе всех я сошелся с Чаком Фриденбергом, первым заместителем главного инженера. По-моему, Чак был единственным настоящим инженером. Все прочие были просто хорошо выдрессированные механики… в том числе и Мак-Би — для того, чтобы стать инженером нужно нечто большее, чем диплом и шотландский акцент. Позже, когда мы сошлись с Чаком еще ближе, он признался, что питает к главному инженеру те же чувства.

— Мак и правда боится всего нового. Будь его воля, он бы работал теми же методами, что и его дедушка в копях Клайда.

— Что же он делает на своей должности?!

Подробностей Фриденберг не знал. Кажется, раньше существовала фирма-производитель, которая брала на прокат патенты (мои патенты)

у «Горничных Инкорпорейтед». Лет двадцать назад фирмы слились, и новая приняла имя той, что я основал. Чак думал, что Мак-Би был нанят именно тогда.

— Для пущей важности, должно быть, — добавил он.

Мы с Чаком частенько просиживали вечерами за кружкой пива, обсуждая технические проблемы, дела фирмы и все такое прочее. Его особенно интересовало все, что относилось к Спящим. Этим интересовались многие, причем интерес был какой-то нездоровый (как если бы мы были уродами). Поэтому я предпочитал помалкивать об анабиозе. Чак — другое дело, он был очарован самой идеей прыжка во времени, тем, что есть люди, для которых то время, когда они родились, было «только вчера».

В награду он всегда был готов консультировать мои технические идеи и откровенно указывал мне (а это случалось частенько) на то, что устарело в 2001 году от Рождества Христова. Под его дружеским руководством я быстро наверстывал упущенное, становясь современным инженером.

Но когда я обрисовал ему в общих чертах идею автосекретаря, он озабоченно спросил:

— Дэн, ты занимался этим в рабочее время?

— Гм… нет, а что?

— Что написано в твоем контракте?

— Что? Но у меня нет контракта!

Кертис просто вставил меня в платежную ведомость, а Гэлви только и знал, что меня, фотографировать. Кроме того, он был штатной тенью писаки, который уже извел меня своими идиотскими вопросами, вот и все.

— Мм… На твоем месте, друг мой, я бы ничего не предпринимал, пока не достигну твердого положения в фирме. Твой прибор — и в самом деле новинка. И я думаю, ты сможешь сделать его.

— Целиком с тобой согласен.

— Отложи его на время. Ты же знаешь, чем занимается наша фирма. Она делает деньги и выпускает хороший товар. Но все новинки последних десяти лет мы выпускаем по лицензии. Я ничего не могу сделать минуя Мака. А ты можешь наплевать на него и рвануть прямо к боссу. Но если ты не хочешь продешевить, не отдавай это фирме… по крайней мере — сейчас.

Я внял его совету: продолжал проектировать автосекретаря, но сжигал все чертежи. Мне они были не нужны — я помнил их до последней черточки. Виноватым я себя не чувствовал: ведь меня наняли не как инженера, а как витринный

манекен для Гэлви. Когда он выжмет меня досуха, они заплатят мне за месяц вперед, скажут «спасибо!» и выставят за дверь.

К этому времени я должен стать настоящим инженером, чтобы открыть собственную контору. Если Чак захочет, я возьму и его.

Джек Гэлви не стал размениваться на газеты — он хотел пристроить мою историю в общенациональные журналы, вроде «Лайф», и увязать ее с успехами фирмы за прошедшие тридцать лет. «Лайф» наживку не взял, но Джек умудрился пристроить меня, вместе с рекламой, в другие журналы.

Я начал подумывать о том, чтобы отпустить бороду — тогда меня никто не узнает.

Я получал множество писем. Один из моих корреспондентов сообщал мне, что я буду вечно гореть в аду за то, что пошел против Божьего начертания. Я наплевал на это: если бы Бог имел относительно меня другие планы, он бы искоренил анабиоз в зародыше. Резоны такого рода меня мало трогали.

Во вторник, 3 мая 2001 года, мне позвонили.

— Вас спрашивает миссис Шульц. Вы будете говорить с ней?

Шульц? Дьявольщина! Я же обещал Доути, что

разберусь с ней. Я все время откладывал, будучи уверен, что она — одна из тех зараз, что пристают к бывшим Спящим и изводят их вопросами.

Доути сообщил, что в октябре она звонила несколько раз, пыталась узнать мой адрес, но неизменно получала отказ. — «Ладно, — подумал я. — Поговорю с ней, чтобы она не докучала Доути».

— Соедините, — сказал я вслух.

— Это Дэнни Девис? — раздалось из трубки. Экрана у моего телефона не было, так что видеть она меня не могла.

— Говорите. Ваша фамилия — Шульц?

— Ох, Дэнни, как я рада снова слышать твой голос!

Я молчал.

— Ты не узнаешь меня?

Я узнал ее. Это была Белла Джентри.

Глава седьмая

Мы договорились встретиться.

Первым моим порывом было послать ее ко всем чертям и бросить трубку. Но я не поддался ему: это была бы детская месть, и она не вернула бы мне Пита. Достойное же отмщение кончилось бы для меня тюрьмой. Я бросил искать Беллу и Майлза, но частенько о них думал.

А Белла почти наверняка знала, где сейчас Рикки. И я согласился встретиться с нею.

Она предложила вместе пообедать, но я отказался. Я не очень щепетилен, но всегда считал, что совместная еда — занятие для друзей. Я согласился встретиться с нею, но не есть и не пить. Я спросил у нее адрес и сказал, что буду к восьми часам вечера.

Она жила в одной из дешевых меблирашек, до которых еще не добралась Большая Стройка. Теперь я мог быть уверен, что она никуда от меня не денется.

Но стоило мне ее увидеть, и я понял, что любая моя месть опоздала: время и она сама справилась с этим лучше меня.

Ей было не меньше пятидесяти трех, если су-

дить по тому, что я помнил, а, скорее всего, около шестидесяти. Благодаря успехам геронтологии и эндокринологии, женщина, если она следила за собой, могла выглядеть на тридцать еще тридцать лет после тридцати. Некоторые актрисы выступали в амплуа молодых девушек и были при этом бабушками.

Белла за собой не следила.

Она была довольно толста, довольно оживлена, и было в ней что-то кошачье. Очевидно, она до сих пор считала свое тело основным капиталом и поэтому одевалась в сиктайтовское неглиже, которое открывало не только тело (слишком много), но и то, что она женского пола, млекопитающее, весьма упитанна и не годна к употреблению. Она не сознавала это. Свой некогда быстрый ум она порастеряла, и все, что в ней осталось от старых времен, так это тщеславие и непреодолимая самоуверенность. С радостным визгом она бросилась ко мне и чмокнула меня прежде, чем я успел уклониться.

Я отстранил ее.

— Спокойнее, Белла.

— Но, дорогой! Я же так рада видеть тебя! Так взволнована! Так возбуждена!

— Охотно верю.

Я пришел лишь затем, чтобы узнать кое-что и уйти, ничем не обнаружив своих чувств. Но это оказалось не так просто.

— Вспомни, как мы расстались. Вы накачали меня наркотиками, а потом запихнули в анабиоз.

— Дэн, любимый, мы сделали это для твоего же блага! Ты был так болен…

Похоже, она сама в это верила.

— Ладно, ладно. А где Майлз? Ты ведь теперь «миссис Шульц»?

Глаза ее округлились.

— Разве ты не знаешь?

— Что?

— Бедный Майлз… бедный дорогой Майлз. Он и двух лет не прожил после того, как ты оставил нас, Дэнни-бой.

Она вдруг разозлилась.

— Он обманул меня!

— Какой ужас!

Хотел бы я знать, как он умер? Сам, или ему помогли? Накормила супчиком с мышьяком? Однако, я решил до поры до времени держать подозрения при себе.

— А что стало с Рикки?

— Что за Рикки?

— Падчерица Майлза. Фредерика.

— А, это ужасное маленькое отродье! Откуда я знаю? Она уехала к своей бабке.

— Куда? И как фамилия ее бабушки?

— Куда? В Таксон… или в Юму… или еще в какую-нибудь дыру вроде этого. А может быть, куда-то в Индиану. Я не хочу говорить об этом невозможном ребенке… давай лучше поговорим о нас с тобой.

— Минутку. Как звали ее бабушку?

— Дэнни-бой, ты стал ужасным занудой. Чего ради я должна все это помнить?

— И все-таки?

— Господи, Ханелон… или Хейни… Хейнз… Хинкли! Не хмурься, милый, давай лучше выпьем. Выпьем за наше счастливое воссоединение!

Я покачал головой.

— Я не пью.

Это было почти правдой. Получив в свое время хороший урок, я знал, что алкоголь — плохой товарищ, и обычно ограничивался пивом с Чаком Фриденбергом.

— Очень жаль, дорогуша. Но ты не против, если я выпью?

И она устремилась к своему лучшему и единственному другу — бутылке с джином. Но прежде,

чем опрокинуть рюмочку, она достала пластиковый флакон и вытряхнула на ладонь две капсулы.

— Хочешь?

Я узнал полосатую этикетку. Это был эйфорион. Он считался нетоксичным и не наркотическим, хотя единого мнения на этот счет не было. Некоторые предлагали зачислить его в один ряд с морфином.

— Благодарю, мне и так хорошо.

— Рада за тебя.

Она проглотила обе капсулы и запила джином. Мне следовало поспешить, если я хотел что-то узнать. Скоро она будет способна только хихикать. Я взял ее за руку, усадил на диван, а сам сел напротив.

— Белла, расскажи мне о себе. Введи меня в курс дела. Чем кончились переговоры с «Мэнниксом»?

— Ничем… — тут ее словно кольнули. — И все из-за тебя!

— Из-за меня? Но меня же при этом не было!

— Конечно, из-за тебя. Ведь это ты сделал первую модель той раскоряки на колесах от инвалидного кресла… а они только этого и ждали. А потом она пропала…

— Пропала? Как это случилось?

Белл взглянула на меня с холодной подозрительностью.

— Тебе лучше знать. Ведь это ты ее взял.

— Я?! Белла, ты в своем уме? Я ничего не мог взять! Я был намертво заморожен, лежал в анабиозе. Как это случилось? И когда?

Все это совпадало с моими собственными домыслами насчет того, что кто-то увел «Умницу Фрэнка» у Майлза и Беллы, коль скоро они не разбогатели на нем. Но из миллиардов людей, живущих на земном шаре, у меня было самое железное алиби. Я не видел «Умницу Фрэнка» с той самой горестной ночи, когда они нокаутировали меня.

— Расскажите мне об этом, Белла. Как это случилось? И почему вы думаете, что это моя работа?

— А чья же еще? Никто другой не знал, насколько он важен. Эта куча дерьма! Говорила я Майлзу, что нельзя держать его в гараже.

— Но если кто-то и увел его, то что из этого? Ведь у вас остались все записи, инструкции и чертежи.

— Ничего не осталось! Этот идиот Майлз засунул все бумаги и чертежи в саму машину. Ночью мы хотели увезти ее от греха подальше.

Меня даже не покоробило это «от греха подальше». Я уже был готов сказать, что запихнуть бумаги во «Фрэнка» невозможно — он и без того был набит деталями, словно гусь яблоками, но вовремя вспомнил, что сам приспособил между колесами ящик для инструментов, чтобы не бегать за каждым пустяком.

Ну, ладно. Как бы то ни было, этому преступлению, или преступлениям, уже тридцать лет. Мне было гораздо интереснее узнать, как уплыла от них «Горничные, Инкорпорейтед».

— А что вы сделали с компанией после того, как сорвалась сделка с «Мэнниксом»?

— Мы продолжали работать. Потом Джек порвал с нами, и Майлз сказал, что пора свертывать дела. Майлз всегда был тряпкой… а этого Джека Шмидта я с самого начала терпеть не могла! Он все допытывался, почему ты нас оставил… будто мы могли остановить тебя. Я предлагала нанять хорошего инженера и продолжать производство, развивать фирму, но Майлз настоял на своем.

— А что было потом?

— Потом мы продали лицензию «Механизмам». Ты знаешь эту фирму, ты же сам в ней работаешь.

Эту фирму я знал. Полное ее название было

«Узлы «Горничных» и производство механизмов, Инкорпорейтед», хотя на вывеске фигурировали только «Горничные». Похоже было, что эта старая калоша готова выложить все, что меня интересовало.

И я продолжал любопытствовать.

— А когда вы сбыли свои акции — до или после того, как продали лицензию «Механизмам»?

— Как? Что за глупости ты выдумал?

Тут она начала рыдать. Слабой рукой она взяла носовой платок, потом отбросила его — лейтесь слезы!

— Он обманул меня! Обманул! Этот грязный подлец обманул меня… обвел вокруг пальца, — она шмыгнула носом и уже задумчиво добавила, — вы все меня обманывали… а больше всех ты — Дэнни-бой. И это после всего того хорошего, что было между нами!

Она снова разрыдалась.

Я решил, что эйфорион не оправдывает своей цены. Хотя, может быть, рыдания доставляли ей удовольствие.

— Как он обманул вас, Белла?

— Как? А вот как! Он все завещал этому гнусному отродью… после того, как обещал оставить все свое состояние мне… после того, как я ухаживала

за ним, пока он болел. Ведь она ему даже не родная дочь! Это все знают.

Это была первая добрая весть за весь вечер. Значит, Рикки все же получила приличное состояние, даже если мои деньги не попали к ней. И я вновь задал свой главный вопрос:

— Как звали бабушку Рикки? И где они жили?

— Кто жил?

— Бабушка Рикки.

— Какой Рикки?

— Дочери Майлза. Напряги мозги, Белл. Это очень важно.

Она подскочила, как ужаленная, ткнула в меня пальцем и завопила:

— Я знаю! Ты был ее любовником! Да-да! Эта гнусная маленькая ябеда… и этот ужасный кот!

Я еле сдержался при упоминании о Пите. Но все-таки сдержался. Я взял ее за плечи и чуточку встряхнул.

— Взбодрись, Белл. Я хочу знать только одно — где они жили? Куда Майлз адресовал письма, когда писал им?

Она топнула на меня ногой.

— Я ничего, тебе не скажу! Весь вечер ты допрашиваешь меня, словно сыщик, — и тут же, словно мгновенно протрезвев, спокойно ответила: — Я

не знаю. Бабку звали Хэнекер или что-то вроде этого. Я ее видела только один раз, в суде: они улаживали формальности с завещанием.

— Когда это было?

— Естественно, сразу после смерти Майлза.

— А когда умер Майлз?

Она снова переключилась.

— Много хочешь знать! Ты, как дрянной шериф… вопросы, вопросы, вопросы…

Потом она посмотрела мне в глаза и выдала с мольбой в голосе:

— Давай забудем обо всем и будем просто сами собой. Сейчас есть только ты и я, дорогой… и у нас впереди вся жизнь. В тридцать девять лет женщина еще молода. Шульц, этот старый козел, говорил, что я моложе всех на свете. Мы можем быть так счастливы, дорогой! Мы…

«Хватит разыгрывать детектива», — подумал я и поднялся.

— Мне пора идти, Белла.

— Куда, милый? Зачем, ведь еще рано… у нас еще целая ночь впереди. Я думала…

— Мне все равно, что ты думала… Я должен идти.

— Ах, дорогой, какая жалость! Когда мы снова увидимся? Завтра? Я сейчас ужасно занята, но я

отложу все дела и…

— Я не желаю больше тебя видеть, Белла.

И я ушел.

И никогда больше не видел ее.

Добравшись до дома, я сразу же нырнул в горячую ванну и растерся до красноты. Потом сел к столу и попытался привести в порядок все, что мне удалось узнать. Белле казалось, что фамилия бабушки Рикки начинается с буквы «Х» — если ее бормотание вообще что-то значило, а это весьма сомнительно — и что они жили в одном из городков Аризоны или, может быть, Калифорнии. Ладно, возможно, что сыщик-профессионал извлечет из этого пользу.

Во всяком случае, это должно быть нелегко и дорого. Я решил подождать, пока разбогатею.

Что я еще узнал?

Майлз (по словам Беллы) умер году в семьдесят втором. Если он умер в этом округе, я за пару часов смогу узнать дату смерти и, возможно, узнаю что-нибудь о завещании… если, конечно, все было так, как говорила Белла. Таким образом, можно было установить, где в те времена жила Рикки. Если в суде сохранились записи (могли и не сохраниться). Таким образом, я получил бы местонахождение Рикки, правда, без поправки

на двадцать восемь прошедших с тех пор лет и достаточно реальную возможность разыскать ее теперь.

Но если мы встретимся, то как прикажете женщине сорока одного года, почти наверняка замужней, матери семейства, смотреть на меня? Превращение Беллы Даркин в развалину отрезвило меня. Теперь я понимал, что значат тридцать лет. Конечно, я не сомневался, что Рикки, даже взрослая, осталась средоточием обаяния и доброты — но вот помнит ли она меня? То есть, помнить-то, конечно, помнит, но, вернее всего, как некую обезличенную фигуру, как человека, которого она звала «Дядя Дэн», и у которого был очень славный кот.

Неужели я, вслед за Беллой, питаюсь воспоминаниями о днях давно минувших?

Ну, ладно, если я ее найду, это никому не повредит. Будем, в конце концов, раз в год посылать друг другу открытки к Рождеству. Не думаю, что ее супруг станет возражать против этого.

Глава восьмая

На следующий день, в пятницу, четвертого мая, вместо того, чтобы идти в отдел, я отправился в Окружной Архив.

Там все были очень заняты — двигали все, что двигалось — и попросили зайти через месяц. Я пошел в архив «Таймса» — портить глаза и свертывать шею за окулярами микроскопа. Я знал, что Майлз умер не ранее, чем через двенадцать и не позднее, чем через тридцать шесть месяцев после того, как меня заморозили. Но, похоже, он умер не в округе Лос-Анджелес — иначе в газете было бы извещение о его смерти.

Естественно, никто не обязывал его умирать именно здесь.

Может быть, его смерть была зарегистрирована в архиве штата Сакраменто. Я решил как-нибудь наведаться туда, а пока поблагодарил библиотекаря, позавтракал и явился в «Горничные, Инкорпорейтед».

Оказалось, мне дважды звонили; кроме того, меня ждала записка. Всем этим я был обязан Белле. Записка начиналась словами: «Дорогой Дэн...» Я порвал ее и объявил секретарше на коммута-

торе, что не желаю отвечать на звонки миссис Шульц. Потом я зашел к главному бухгалтеру и спросил, может ли он проследить судьбу некоего пакета акций. Он обещал попробовать, и я назвал ему номера акций «Горничных Инкорпорейтед», тех самых, что некогда были моими. Мне не было нужды напрягать память — мы тогда выпустили ровно тысячу акций, и я оставил за собой первые пятьсот десять. «Подарок по случаю помолвки» состоял из акций под первыми номерами.

Вернувшись в свой закуток, я застал там Мак-Би.

— Где вы были? — осведомился он.

— Везде понемногу. А в чем дело?

— В том что мистер Гэлви сегодня уже дважды заходил за вами. И я вынужден был признать, что не знаю, где вас носит.

— О боже! Да если я всерьез понадоблюсь Гэлви, он меня из-под земли достанет. Если бы вместо того, чтобы измышлять рекламные трюки, он хотя бы половину своего времени посвятил коммерции, фирма бы только выиграла!

Галлуэй начал мне надоедать. Он считался коммерческим директором, а на самом деле возился с рекламой. Может быть, я сужу предвзято — ведь меня интересует только техника, а все остальное

может гореть синим пламенем.

Я знал, зачем нужен Гэлви. Честно говоря, именно поэтому я и старался не попадаться ему на глаза. Он хотел сфотографировать меня в костюме, сшитом по моде 1900 года. Я объявил, что достаточно позировал в одеждах 1970 года, и что 1900 год наступил за двенадцать лет до того, как родился мой отец. Он сказал, что никто не заметит разницы, а я сказал, что не все такие болваны, как он думает. Тогда он объявил, что я неправ.

Люди этого типа врут настолько беззастенчиво, будто полагают, что никто, кроме них, не умеет ни читать, ни писать.

— Вы неправы, мистер Девис, — подтвердил и Мак-Би.

— Вот как? Очень жаль!

— Ваша должность — синекура. Хоть вы и числитесь за моим отделом, я не возражаю, когда вас забирает коммерческий директор. Мне кажется, там от вас больше пользы, чем где бы то ни было… но неплохо было бы, если бы вы отпрашивались у меня, когда вам снова приспичит уйти куда-то в рабочее время. Пожалуйста, учтите это.

Я медленно досчитал в уме до десяти в двоичной системе.

— Мак, а вы сами отмечаетесь на табельных

часах? — спросил я наконец.

— Что? Конечно, нет. Я же главный инженер.

— Вот именно. И поэтому ходите куда и когда вам угодно. А теперь послушайте вот что, Мак: я был главным инженером этого заведения, когда вы еще и бриться-то не начали. Вы что, всерьез полагаете, что я буду отмечаться на табельных часах?

Он побагровел.

— Ладно. Тогда я вам вот что скажу: не исключено, что у вас и не будет такой возможности.

— Не вы меня нанимали, не вам и увольнять.

— Мм… посмотрим. В конце концов, я могу спихнуть вас в отдел рекламы, к которому вы фактически относитесь. Если вы вообще куда-либо относитесь. — Он взглянул на мой чертежный автомат. — От вас здесь никакого толку, только портите дорогое оборудование. Будьте здоровы.

Я посмотрел ему вслед. В этот момент в комнату вкатился посыльный и положил на мой стол конверт. Но я был слишком взвинчен, чтобы читать что-либо.

Я отправился вниз, в кафетерий. Как и все прочие службисты, Мак полагал, что результат работы зависит от количества затраченных человеко-часов. Немудрено, что фирма годами не

выпускала ничего нового.

Ладно, черт с ним. Как бы то ни было, я и сам не собираюсь застревать в «Горничных» до конца дней своих.

Через час или около того я вернулся за свой стол и на глаза мне попался еще один конверт — с эмблемой нашей фирмы. Я распечатал его, искренне полагая, что это Мак решил не откладывать дела в долгий ящик.

Но письмо было из бухгалтерии. Вот что оно содержало:

> «Дорогой мистер Девис!
>
> Относительно интересующих Вас акций могу сообщить следующее:
>
> Дивиденды по ним выплачивались с первого квартала 1971 года по второй квартал 1980 года держателю по фамилии Хайнке. В 1980 году произошла реорганизация фирмы, и дальнейшая судьба этого пакета неясна. Кажется, аналогичный по номерам пакет купила (после реорганизации) Международная Страховая Компания, по крайней мере, дивиденды выплачиваются именно ей. Некоторая часть названных Вами акций числилась

до 1972 года (как Вы и предполагали) за Беллой Д. Джентри, после чего была передана Акционерной Корпорации Сьерры, которая пустила их в свободную продажу. Если Вам угодно, мы можем проследить судьбу каждой акции до и после реорганизации фирмы, но это требует определенного времени.

Если Вас интересуют эти дополнительные сведения, не стесняйтесь обращаться к нам.

И. Е. Риютер, гл. бухгалтер».

Я позвонил Риютеру, поблагодарил его и сказал, что дополнительные сведения мне не нужны. Теперь я знал, что мои акции не дошли до Рикки. Операция с передачей акций была явно жульнической — очередная штучка Беллы. Что до основного пакета, то и это, скорее всего, был ее трюк: дивиденды шли на вымышленное имя. Похоже, таким образом она хотела обмануть Майлза. Наверное, после смерти Майлза ей не хватило наличных, вот она и продала какую-то часть акций. Но теперь это меня не трогало, так или иначе все акции уплыли из рук Беллы. Я совсем забыл попросить Риютера проследить

судьбу акций Майлза… ведь он мог завещать их Рикки, и тогда дивиденды шли бы на ее новую фамилию. Но рабочий день подходил к концу, и я решил выяснить это в понедельник. А пока взял толстый пакет и прочитал обратный адрес.

В начале марта я написал в патентное бюро, попросил исходные данные на «Работягу» и «Чертежника Дэна»: если существовал человек, сделавший «Дэна» таким, как я сам его задумал, то он с таким же успехом мог изобрести и двойника «Умницы Фрэнка». Тем более, оба патента были выданы в один год, и оба принадлежали одной компании — «Аладдину» (а тот, возможно, придерживал их до лучших времен).

Но я должен был знать все точно. Если этот изобретатель еще жив, стоило повидаться с ним. Он мог обучить меня кое-чему.

Сначала я написал в патентное ведомство, но мое письмо вернулось с уведомлением, что срок патентов истек, и вся документация находится в Карлсбадских пещерах. Тогда я написал в архив, и мне прислали прейскуранты платных услуг. Я написал в третий раз, присовокупив к письму поручительство (чеков они не принимали) и заказал копии обоих патентов — описания, заявки, чертежи и так далее.

Толстый конверт выглядел так, будто в нем было все, что я запрашивал.

Первый патент фигурировал под номером 4307909 и был выдан на «Работягу». Я пролистал заявку с описанием и сразу обратился к чертежам. От заявки мало толку, разве что в суде. Ее пишут для того, чтобы объявить всему миру о великих возможностях изобретения, кои возможности патентоведы сведут потом на нет. Поэтому и говорят, что адвокатом по патентным делам надо родиться. Описание, наоборот, должно быть полным и обстоятельным. Что до меня, то чертежи говорят мне гораздо больше, чем описания.

Я вынужден был признать, что схема «Работяги» отличается от схемы «Фрэнка». Он мог делать гораздо больше, а некоторые его узлы были проще. Но основная идея была та же — и другой быть не могло: «Работяга», как и «Фрэнк», управлялся лампами Фрезена или их прямыми потомками; он был построен на тех же принципах, что и «Фрэнк».

Тогда я решил обратиться к описанию в заявке, найти имя изобретателя.

Оно было мне хорошо знакомо. Это был… Д. Б. Девис.

Я долго смотрел на эту строчку, насвистывая

в замедленном темпе «Время в моих ладонях». Итак, Белла снова солгала. Естественно, ведь она была патологической лгуньей, хотя я когда-то читал, что патологические лгуны, прежде чем воспарить в сферы безудержной фантазии, отталкиваются от правды. Совершенно очевидно, что мою первую модель «Фрэнка» никто никогда не крал, ее доработал другой инженер, после чего ее запатентовали от моего имени.

«Мэнникс» был ни при чем — это единственное, что я точно знал из документов компании. А Белла говорила, будто бы «Мэнникс» изгадил им идею с производством «Фрэнка» по лицензии.

Может быть, Майлз прибрал «Фрэнка», а Беллу оставил в убеждении, что его украли. Или точнее, переукрали.

Но в таком случае… Тут я прервал свое безнадежное дознание. Более безнадежное, чем поиски Рикки. Конечно, можно было задать работу ребятам из «Аладдина» и узнать, как к ним попал базовый патент и кто на этом погрел руки. Патентный срок истек, и эти сведения, наверное, уже не были тайной. Но Майлз умер, а Белл, если даже и загребла на этом деньги, давным-давно их промотала. Я узнал самое важное — изобрел «Работягу» все-таки я. Таким образом, моя про-

фессиональная гордость была ублажена, а что до денег, то кому они нужны, если и без них трехразовое питание обеспечено? Только не мне.

Я обратился к номеру 4307910, к базовому патенту на «Чертежника Дэна».

Чертежи были — загляденье. Я сам не смог бы скомпоновать прибор лучше, чем этот парень. Я любовался, как экономно использовались цепи, и как ловко он обошелся минимумом движущихся частей. Эти детали, словно аппендикс, чреваты всяческими неприятностями, поэтому их следует удалять при первой же возможности.

Вместо клавиатуры использовалась электрическая машинка фирмы «IBM». Это было и красиво, и технологично: нет нужды изобретать то, что можно купить в любом магазине.

Полистав бумаги, я узнал имя этого башковитого парня. Это был Д. Б. Девис.

* * *

Спустя пару часов, я позвонил доктору Альбрехту. Его быстро разыскали и, поскольку мой телефон не был оборудован экраном, я представился ему.

— Я узнал тебя по голосу, сынок, — ответил он. — Рассказывай, как твои успехи на новой

работе?

— Более-менее. Отдельного кабинета еще не предоставили.

— Дайте им время. А все остальное? Назад не тянет?

— Ни в коем случае! Если бы я знал, что здесь так здорово, я бы улегся в анабиоз гораздо раньше. Ни за какие коврижки я не вернусь в семидесятый!

— Не скажите! Я хорошо помню этот год. Я тогда был еще мальчишкой, жил на ферме в штате Небраска, охотился и удил рыбу. Это было здорово. И я был гораздо счастливее, чем сейчас.

— Что ж, каждому свое. А мне нравится здесь. Но вот какое дело, док, я позвонил не ради приятных воспоминаний. У меня появилась маленькая проблема.

— Чудесно, давайте ее сюда. Заодно и отдохну, а то ведь у большинства людей проблемы большие и неотложные.

— Послушайте, док, может анабиоз вызвать амнезию?

Он ответил не сразу.

— В принципе, это возможно. Не скажу, что сам наблюдал что-то подобное, но допускаю, если учесть дополнительные факторы, вызывающие амнезию.

— А что это за факторы?

— Да что угодно. Чаще всего встречается так называемая функциональная амнезия, когда пациент забывает или перетасовывает неприятные для него факты. Или — старый добрый удар по черепу — и, как следствие, — травматическая амнезия. Еще бывает амнезия… внушенная при помощи наркотика или гипноза. А в чем дело, сынок? Забыл, куда сунул чековую книжку?

— Таковой нет в природе. Я великолепно себя чувствую, но вот какое дело — не могу вспомнить некоторые события, происшедшие перед тем, как я улегся в анабиоз… и это меня беспокоит.

— Мм… Тогда возможна любая из перечисленных причин.

— Да, — проговорил я. — Пожалуй, даже все разом. Кроме удара по черепу. Хотя меня могли треснуть, когда я был пьян.

— Я забыл упомянуть, — заметил он, — тривиальную временную амнезию с похмелья. Послушай, сынок, почему бы тебе не приехать ко мне — мы бы все подробно обсудили. Конечно, ничего определенного я не скажу — я ведь не психиатр, как ты знаешь. Но я могу показать вас настоящему специалисту. Он обшелушит твою память, как луковицу, и скажет, отчего ты опоз-

дал в школу четвертого февраля, когда учился во втором классе. Правда, он дорого берет, и поэтому лучше сперва показаться мне.

Я ответил:

— Господи Иисусе, док, как я могу отнимать у вас время, заранее зная, что вы не возьмете с меня ни гроша! Я и так вам уже надоел.

— Сынок, мне не безразлично, как себя чувствуют мои пациенты. Они для меня вроде семьи.

Я отключился, пообещав позвонить в начале следующей недели, если почувствую себя плохо, и при этом не кривил душой.

Почти по всему зданию уже погасили свет. В мою комнату ткнулась «Горничная», но поняла, что здесь кто-то есть, и покатилась прочь. А я остался сидеть.

Потом в дверь заглянул Чак Фриденберг и сказал:

— Я думал, ты уже смылся. Поднимайся и иди досыпай дома.

Я посмотрел на него.

— Чак, у меня появилась чудесная идея. Что, если нам купить бочку пива и две соломинки?

Он взвесил мое предложение.

— Так, нынче пятница… ясная голова нужна мне в понедельник, чтобы не спутать дни неде-

ли.

— Собирайся, и да будет так. Подожди минутку, я суну кое-что в портфель.

Мы выпили пива, потом поели, потом еще выпили пива в заведении с хорошей музыкой, потом еще — в заведении, где музыки не было, а столики стояли как попало, а клиенты сидели, сколько им вздумается. Мы болтали. Я показал ему копии патентов.

Чак оценил прототип «Работяги».

— Это по-настоящему здорово, Дэн. Горжусь тобой, парень. Как насчет автографа?

— Взгляни еще вот на это, — я подсунул ему патент на чертежную машину.

— Это, пожалуй, даже получше первой, Дэн. Ты сам-то понимаешь, что сделал? Пожалуй, побольше, чем Эдисон в свое время. До тебя это доходит, парень?

— Брось, Чак, я серьезно, — я хлопнул по пачке патентов. — Дело в том, что я изобрел только одну машину. Во втором случае я ни при чем. Я не делал ничего такого… если только не перепутал все, что было до анабиоза. Может быть, у меня амнезия.

— Ты уже говорил об этом двадцать минут назад. Но ты не похож на человека, у которого

в мозгах произошло замыкание. Ты безумен не более, чем это нужно для инженера.

Я треснул по столу так, что кружка подпрыгнула.

— Но мне нужно *знать!*

— Остынь! Что ты собираешься предпринять?

— А? — я помешкал. — Собираюсь обратиться к психоаналитику, пусть выкопает это из меня.

Он вздохнул.

— Я так и думал. Слушай, Дэн, предположим, ты заплатишь этому слесарю-мозговеду, и он объявит, что все в порядке, что память твоя — в прекрасном состоянии, и все реле у тебя в голове замкнуты. Что тогда?

— Но это невозможно.

— То же самое говорили Колумбу. Тебе даже не пришло в голову наиболее вероятное объяснение.

Не дожидаясь ответа, он позвал официанта и попросил принести телефонную книгу.

— В чем дело? — спросил я. — Собираешься вызвать мне карету скорой помощи?

— Нет пока.

Он полистал толстенную книгу, потом сказал:

— Смотри сюда, Дэн.

Я посмотрел. На развороте столбцами выстро-

ились Девисы. А на том месте, куда он указал, расположилась дюжина Д. Б. Девисов — от Дабни до Дункана.

Там было три Даниэля Б. Девиса. Одним из них был я.

— Это из неполных семи миллионов человек, — заметил он. — А что ты скажешь насчет двухсот пятидесяти миллионов?

— Это ничего не доказывает, — попытался возразить я.

— Не доказывает, — согласился он. — Должно быть чудовищно редкое совпадение, чтобы два инженера, одинаково талантливые, работали в одной отрасли в одно время, и чтобы у них были одинаковые инициалы и фамилии. Можно даже высчитать эту вероятность. Но все, и в первую очередь те, которым помнить это положено по должности, вроде тебя, забывают, что любое маловероятное событие рано или поздно случается. Этот вывод нравится мне гораздо больше, чем версия, будто мой собутыльник спятил и почем зря молотит кулачищами куда попало. Хорошего собутыльника не сразу найдешь.

— И что, по-твоему, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатра, пока не отработаешь «во-вторых». А

«во-вторых» состоит в том, чтобы узнать полное имя этого Д. Б. Девиса. Это нетрудно. Скорее всего, ты обнаружишь Декстера. Или даже Дороти. Или это окажется Дэниэл, но не падай при этом в обморок, ибо среднее имя может быть, к примеру, «Берзвоски». Для удобства, чтобы не спутали с тобой. А, в-третьих, и, по сути дела, во-первых, ты должен наплевать на все это и заказать еще пива.

Что я и сделал. Потом мы говорили, что называется обо всем, а особенно — о женщинах. У Чака была теория, будто бы женщины сродни механизмам — и те, и другие одинаково не владеют логикой. Свои тезисы он подтвердил графиками, рисуя их прямо на столе. Я слушал его, слушал, а потом вдруг выдал:

— Если бы это было настоящее путешествие во времени, я бы знал, что делать.

— Что? О чем ты?

— Да все о том же. Слушай, Чак, я прибыл сюда — я хочу сказать в «сейчас» — довольно допотопным способом. Вся штука в том, что назад пути нет. Все мои беды случились тридцать лет назад. Чтобы докопаться до истины, мне следовало бы вернуться туда… если бы способ путешествовать во времени существовал на самом деле.

Он посмотрел на меня.

— Он *существует*.

— Что?

Чак мгновенно протрезвел.

— Я не должен был говорить этого.

— Может быть, — кивнул я, — но ты уже сказал. А теперь — выкладывай все как есть, пока я не опорожнил кружку тебе на голову.

— Забудь это, Дэн. Я сболтнул лишнего.

— Говори!

— Я не имею права, — он быстро огляделся. Рядом никого не было. — Это засекречено.

— Путешествие во времени засекречено? Но почему, боже мой?

— Ты что, парень, не был на государственной службе? Да они и секс засекретят, если смогут. И безо всякой причины. Просто они так привыкли. Засекречено — и все тут. Уволь.

— Чак, брось хамить. Это важно для меня. Ужасно важно.

Он молча глядел в стол.

— Мне ты можешь рассказать. У меня неограниченный допуск. И его никто не отменял, хотя я давно уже не состою на государственной службе…

— Что такое «неограниченный допуск»?

Я объяснил — он покивал.

— Ты имеешь в виду статус «Альфа». Ты молодец, парень, я дополз только до «Беты».

— Тогда почему ты не можешь мне рассказать?

— Хм… Сам знаешь. Несмотря на твой высокий статус, у тебя нет тематического допуска.

— Какого еще допуска, к черту?

— Тематического. Того, что был у меня.

Он не собирался раскалываться, и я заявил:

— Не думаю, чтобы это было так важно. По-моему, ты просто трусишь.

Пару минут он пялился на меня.

— Дэнни… — выдавил он наконец.

— Что?

— Я расскажу тебе все. Только помни, парень, о своем статусе «Альфа». Я расскажу тебе об этом потому, что это никому не повредит. Правда, и тебе не поможет. Да, это самое настоящее путешествие во времени, но толку от этого никакого. Ты не сможешь им воспользоваться.

— Почему?

— Ты дашь мне сказать? Никто не знает, как это происходит — даже теоретически это невозможно. Это не представляет даже научной ценности. Перемещение во времени — просто побочный продукт исследования нуль-гравитации. Потому

оно и засекречено.

— Черт возьми, но ведь нуль-гравитацию рассекретили!

— Ну и что из этого? Если бы перемещению во времени нашлось коммерческое применение, его бы тоже рассекретили. А теперь — заткнись.

Не то, чтобы я его послушался. Однако, перескажу все без моих реплик.

Когда Чак учился на последнем курсе Колорадского Университета, он подрабатывал на должности лаборанта. Сначала он работал в лаборатории, занимавшейся низкими температурами, но потом Университет занялся разработкой выводов Эдинбургской теории поля и выстроил в горах большую физическую лабораторию. Шефом Чака был профессор Твишелл, доктор Хьюберт Твишелл. Он упустил Нобелевскую премию и поэтому остервенел.

— Твиш решил посмотреть, что будет, если попробовать поляризовать гравитационное поле. Ничего особенного не случилось. Насмотревшись вдоволь, он отошел к компьютеру обработать результаты опыта. Компьютер выдал такое, от чего у Твиша вылезли глаза на лоб. Мне он, естественно, ничего не показывал. Потом он положил в камеру два серебряных доллара, — тогда они

были еще в ходу — и велел мне пометить их. Затем нажал кнопку, и доллары исчезли.

— Конечно, это было свинство с его стороны, — продолжал Чак, — выкидывать подобные фокусы на глазах у парнишки, которому деньги доставались с таким трудом. Но он казался довольным, я, впрочем, тоже — ведь мне платили повременно.

Спустя неделю одно из колесиков прикатилось назад. Только одно. Но еще раньше случилось вот что. Шеф ушел домой, а я прибирался в лаборатории и вдруг обнаружил в испытательной камере морскую свинку. Ни у нас в лаборатории, ни поблизости никакой живности не водилось. Я взял ее и понес к биологам. Они пересчитали свой зверинец, но дефицита не обнаружили. Я взял зверушку домой, и вскоре мы очень подружились.

После того, как доллар вернулся к Твишеллу, он начал работать так, что забывал бриться. Однажды он затребовал у биологов двух морских свинок Одна из них показалась мне ужасно знакомой, но разглядеть ее как следует я не успел — Твиш нажал кнопку, и обе исчезли.

Через десять дней одна из них — та, что не походила на мою — вернулась, к вящей радости Твиша. Потом из департамента безопасности

явился один хмырь, типичный полковник, хотя и называл себя профессором ботаники. Военный до мозга костей… и Твиш ничего не смог с ним поделать. Так вот, этот полковник живо посадил нас под колпак — установил режим секретности, дал всем по статусу, взял подписку о лояльности. Похоже, он возомнил, будто напал на величайшее стратегическое открытие со времен Цезаря. Он думал, что с помощью установки Твиша можно будет выигрывать проигранные сражения, побеждать врага за день до битвы. А противник так и не поймет, в чем дело. Конечно, он был псих, с головы до ног… и светилом стратегии он не стал, как ни пытался. А секретность, насколько я знаю, так и осталась. По крайней мере, открытых материалов я не видел.

— Мне кажется, — перебил я его, — это могло дать некоторые военные выгоды. Можно взять напрокат у времени целую дивизию. Хотя, постой, здесь есть одно «но». Вы посылали во времени парные предметы. Значит, нужны две дивизии: одна идет в будущее, другая — в прошлое. Таким образом, одна дивизия теряется полностью… и я уверен, что есть более дешевые способы выиграть сражение.

— Ты прав, хотя кое в чем ошибаешься. Вовсе не

обязательно брать пару дивизий, пару морских свинок или пару чего бы то ни было. Оперировать нужно с массами. Можно взять дивизию солдат и груду валунов того же веса. Действие равно противодействию, как гласит третий закон Ньютона.

Он снова начал чертить на столе.

— Произведение массы на скорость равно произведению скорости на массу… На этом принципе основан полет ракеты. Формула путешествия во времени выглядит похоже: произведение массы на время равно произведению времени на массу.

— Так в чем дело? Валуны подорожали?

— Пораскинь мозгами, Дэнни. Ракета движется в одну сторону, газы — в другую, а в какой стороне лежит прошлая неделя? Покажи пальцем. Попробуй. И как ты узнаешь, которая из масс отправится в будущее, а которая — в прошлое? Такое оборудование практически невозможно отладить, правильно его сориентировать.

Я замолчал. В хорошеньком же положении окажется генерал, получив вместо дивизии кучу гравия! Неудивительно, что экс-профессор так и не стал бригадным генералом.

Чак продолжал:

— Эти две массы можно представить в виде

пластин конденсатора, несущего определенный заряд времени. Сближаем их… Чвак! — и одна из них оказывается в прошлом. Но мы никогда не узнаем, какая из них где. И что хуже всего — ты не сможешь вернуться.

— Что? Да кто же захочет возвращаться в прошлое?

— Тогда какой же из всего этого толк? Для коммерции? Для науки? Где бы ты ни оказался, от твоих денег мало проку, если ты не можешь вернуться в свое время. Кроме того, оборудование и энергия тоже стоят денег. Мы пользовались атомным реактором. Дороговато… но это к делу не относится.

— Назад вернуться можно, — изрек я. — С помощью анабиоза.

— Что? Это если ты попадешь в прошлое. А можешь угодить и в будущее, пятьдесят на пятьдесят. И если в этом прошлом знают, что такое анабиоз… а его открыли только после войны. Но какой в этом толк? Если тебя интересует, что произошло, скажем, в 1930 году, полистай старые газеты. Кстати, вот чудесный способ сфотографировать распятие Христа… хотя нет. Это невозможно. На всей Земле не хватит энергии. Вот тебе еще одно препятствие.

— Но ведь должен же кто-нибудь попробовать. Неужели не нашлось таких?

Чак снова огляделся.

— Я и так сказал тебе слишком много.

— Так скажи еще, хуже не будет.

— Мне кажется, их было трое. Мне кажется. Первым был один из преподавателей. Я был в лаборатории, когда Твиш привел этого типа, Лео Винсента. Твиш сказал, что я могу быть свободен. Домой я не пошел; шлялся вокруг лаборатории. Немного погодя Твиш вышел из лаборатории без Винсента. Насколько я знаю, он остался там. И больше не преподавал.

— А еще двое?

— Студенты. Они зашли в лабораторию втроем, а потом Твиш вышел — один. На другой день я встретил одного студента на лекции, а другой пропадал целую неделю. Сам раскумекай, что это значит.

— А сам ты не соблазнился?

— Я? Что я, по-твоему — псих? Правда, Твиш полагал, что это чуть ли не мой прямой долг. В интересах науки. «Спасибо, — сказал я, — но я лучше пойду выпью пива». Еще я сказал ему, что с радостью щелкну тумблером, когда он сам соберется в путешествие во времени. Но он не

доставил мне этого удовольствия.

— Вот она — возможность. Я узнаю все, что мне нужно, а потом лягу в анабиоз и вернусь сюда. Дело того стоит.

Чак глубоко вздохнул.

— Не пей больше пива, дорогой мой. Ты уже пьян. И совсем меня не слушал. Во-первых, — тут он начертил палочку на столике, — ты не можешь быть уверен, что попадешь в прошлое. А с таким же успехом можешь оказаться в будущем.

— Я рискну. Сейчас мне лучше, чем тридцать лет назад, и тридцать лет спустя будет не хуже.

— Ну тогда лучше снова улечься в анабиоз — это безопаснее. Или просто сидеть и ждать, пока пройдут эти годы. Сам я именно так и делаю. Не перебивай меня. Во-вторых, ты запросто можешь промазать и не попасть в 1970-ый, даже если ты и попадешь в прошлое. Насколько мне известно, Твиш работает наугад, аппаратура у него не отрегулирована. Правда, я был всего лишь лаборантом. В-третьих, лабораторию построили в 1980 году, раньше на этом месте была сосновая роща. Хорошо тебе будет очутиться десятью годами раньше внутри дерева? То-то шарахнет — не хуже кобальтовой бомбы. Как ты полагаешь? Тебе представится случай узнать это наверняка.

— Но… я не понимаю, отчего я должен очутиться на месте лаборатории. Почему бы мне не оказаться где-нибудь на открытом месте, а не там, где будет стоять лаборатория: я имею в виду, где она стояла… или точнее…

— Ничего не выйдет. Ты окажешься на том же самом месте — и по широте, и по долготе, как та морская свинка, помнишь? А если ты окажешься там прежде, чем была построена лаборатория — ты, скорее всего, окажешься в дереве. В-четвертых, даже если все пройдет хорошо, как ты собираешься лечь в анабиоз?

— Так же как и в первый раз.

— Ясно. А где ты возьмешь деньги?

Я открыл рот и тут же захлопнул его, чувствуя себя дурак дураком. Когда-то у меня были деньги, но лишь однажды. То, что я скопил (чертовски мало), я не мог взять с собой. Дьявол, даже если бы я ограбил банк (а я не представлял, с какой стороны к этому подступиться) и зацепил миллион, я все равно не смог бы перевезти эту сумму в 1970 год. С нынешними деньгами меня ждала прямая дорога в тюрьму за сбыт фальшивых купюр. Изменилось все — размер, цвет, рисунок, система нумерации.

— Я могу скопить нужную сумму.

— Умная головка. А пока ты ее скопишь, ты и так окажешься здесь и теперь… правда за вычетом зубов и волос.

— Ладно, ладно. Давай вернемся к твоему третьему пункту. Скажи, были на том месте, где сейчас стоит лаборатория, следы взрыва?

— Нет, ничего такого не было.

— В таком случае, я не вмажусь в дерево, потому что не вмазывал раньше. Дошло?

— И снова ты на лопатках. Ты пытаешься поймать меня на парадоксе, но не тут-то было. В теории времени я смыслю, пожалуй побольше тебя. Давай посмотрим с другого конца. Взрыва не было, и ты не вмазался в дерево… потому что ты так и не решился на прыжок во времени. До тебя дошло?

— Почему ты так в этом уверен?

— Уверен. Потому что есть еще и «в-пятых», а этот козырь тебе крыть нечем. Ты даже близко не подойдешь к установке, тебя к ней не подпустят. Там все засекречено, и этот орешек тебе не по зубам. Так что, Дэнни, забудем об этом. Мы с тобой очень интересно и умно побеседовали, а утром меня могут разбудить ребята из ФБР. Но если меня до понедельника не посадят, я позвоню главному инженеру «Аладдина» и разузнаю, кто

такой этот Д. Б. Девис. Может, он у них работает, тогда мы пригласим его пообедать и поболтаем всласть. А еще я хочу свести тебя со Шпрингером, генеральным директором «Аладдина». Он хороший мужик. А про эту чушь с путешествием во времени — забудь. Там все наглухо засекречено. Я тебе ничего не говорил… а если ты станешь утверждать обратное, я сделаю большие глаза и скажу, что ты клевещешь. Мой статус мне еще пригодится.

И мы заказали еще пива.

Потом, уже дома, приняв душ и выведя из организма излишки пива, я понял, что он прав. Путешествие во времени помогло бы мне не больше, чем гильотина от головной боли. Чак здорово придумал свести меня со Шпрингером. Это и проще, и дешевле, и безопаснее. Двухтысячный год мне снова нравился.

Бухнувшись в постель, я решил просмотреть газету. Как и всем путным людям, мне каждое утро по пневмопочте приходила «Таймс». Читал я ее от случая к случаю, газетная болтовня меня мало трогала. Кроме того, у меня хватало своих проблем, преимущественно инженерных, чтобы забивать голову всякой, в лучшем случае, скучной писаниной.

Как бы то ни было, я никогда не выбрасывал газеты, не просмотрев заголовки и колонку частных сообщений. В ней меня интересовали не рождения, смерти и свадьбы — только «беженцы», пробудившиеся после анабиоза. Я надеялся когда-нибудь встретить там знакомое имя, созвониться с кем-то, пригласить к себе, может быть — помочь. Конечно, шансов на это почти не было, но все-таки читал эту колонку, причем с немалым удовольствием.

Наверное, я подсознательно ощущал всех Спящих своими родственниками, чувствовал себя одной «крови» с ними. Кроме того, надо же было доказать себе, что я не так уж и пьян.

В газетах не было ничего интересного, если не считать сообщений с корабля, летевшего к Марсу без особых происшествий. Среди проснувшихся Спящих не было ни одного знакомого. Я уткнулся носом в подушку и заснул.

* * *

Часа в три ночи я вдруг проснулся, словно меня кольнули. Свет ослепил меня, и я долго моргал. Мне приснился странный сон, не кошмар, но вроде того — будто просматривая газеты, я пропустил имя маленькой Рикки.

Этого не могло быть, но все же я с облегчением вздохнул, увидев, что не выкинул газеты в мусоропровод, как частенько делал до этого.

Я сгреб их на кровать и снова стал просматривать. На этот раз я читал все разделы частной хроники: рождения, смерти, свадьбы, разводы, усыновления и удочерения, смену имен и фамилий, аресты, воскрешения Спящих. Я был уверен, что даже не зная новой фамилии Рикки, ни за что не пропущу ее. Все колонки я просматривал снизу доверху — ведь Рикки могла выйти замуж, или у нее мог родиться ребенок…

От этого занятия у меня начали слипаться глаза, и я чуть было не пропустил главное. «Таймс» за вторник, 2 мая 2001 года. В колонке «воскресших» она сообщала:

> «Риверсайдский Санктуарий… Ф. В. Хайнке».

Ф. В. Хайнке!!

Фамилия бабушки Рикки была Хайнке… Я знал это. Я был уверен в этом! Не спрашивайте меня, почему, я не смогу объяснить. Но эта фамилия вдруг вспыхнула в моем мозгу, стоило мне ее прочесть. Может быть, я когда-нибудь слышал ее от Рикки или Майлза, возможно даже, что я

мельком видел эту почтенную даму. Как бы то ни было, строчка из «Таймса» пробудила забытое и теперь я знал.

Но нужны доказательства. Я хотел убедиться, что «Ф. В. Хайнке» означает «Фредерика Вирджиния Хайнке».

Меня всего трясло — от возбуждения, ожидания и страха. Надевая костюм, я так и не смог застегнуть швы и выглядел, наверное, последним оборванцем. Через несколько минут я уже был в вестибюле нашего дома — там стояла телефонная кабинка. В моей квартире телефона еще не было: я только-только встал на очередь.

А потом мне снова пришлось подниматься к себе за кредитной карточкой. Судите сами, в каком я был состоянии.

Руки у меня дрожали, и я никак не мог засунуть карточку в щель. Наконец, я с ней справился и вызвал станцию.

— Что вам угодно?

— Соедините меня с Ривсрсайдским Санктуарием. Это в районе Риверсайд.

— Минутку… Линия свободна. Соединяю вас.

Наконец, экран вспыхнул и я увидел мужчину с сердитым взглядом.

— Вы, наверное, не туда попали? — сказал он. — Здесь Санктуарий. И мы уже закрылись на ночь.

— Ради Бога, не отключайтесь. Если это Ривердсайский Санктуарий, то именно вы мне и нужны.

— Чего вы хотите? В такое время? Сейчас слишком поздно.

— У вас есть клиент Ф. В. Хайнке. Из «воскресших». Я хотел бы узнать…

Он покачал головой.

— Мы не сообщаем сведений о наших клиентах по телефону. Тем более — среди ночи. Позвоните утром, после десяти. А еще лучше — приезжайте сами.

— Ладно, хорошо. Но я хочу узнать совсем немного. Что означают инициалы «Ф. В.»?

— Я же сказал вам, что…

— Но, Бога ради, послушайте! Я же интересуюсь не просто так. Я сам был Спящим. Проснулся я совсем недавно. Я все знаю насчет «професси-

ональной тайны» и так далее. Вы публикуете имена клиентов в газете. Мы оба знаем, что Санктуарий сообщает редакциям полные имена своих клиентов… а газеты, чтобы сэкономить место на полосе, печатают инициалы. Разве не так?

Он поразмыслил над этим.

— Может быть.

— Так значит, не случится ничего страшного, если вы сейчас скажете мне, что означают инициалы «Ф. В.».

— Пожалуй, в самом деле ничего не случится, если это все, что вы хотите, — сказал он, поборов свои сомнения. — Но больше я вам ничего не скажу. Ждите.

Он исчез с экрана, как мне показалось, почти на целый час, и, наконец, вернулся с карточкой в руке.

— Здесь немного темновато, — пожаловался он, разглядывая карточку. — Фрэнсис… Подождите, нет, Фредерика. Фредерика Вирджиния.

Я чуть не грохнулся в обморок, глаза у меня закатились.

— Слава Богу!

— Вы здоровы?

— Да. Большое вам спасибо. Спасибо от всего сердца! Теперь со мной все в полном порядке.

— Гм… Тогда, наверное, вам не повредит, если я сообщу еще кое-что. Чтобы вам не приезжать понапрасну. Она уже выписалась от нас.

Глава девятая

До Риверсайда быстрее всего можно было добраться на джампере, но я еще хотел успеть получить в банке наличные. Я жил в Голливуд-Вэст, а ближайший банк с круглосуточным обслуживанием находился на Большой Кольцевой Дороге, в деловой части города. Так что сначала я поехал в банк, где в полной мере смог оценить полезное усовершенствование — систему универсальных чеков. Несложный компьютер, заменивший банковскую палату, проверил радиоактивную метку на моем чеке, связался с компьютером моего банка, что находился напротив здания «Горничных, Инкорпорейтед», и тут же отсчитал мне деньги.

Я вскочил на экспресс-полосу Риверсайдской дороги. Однако, до Санктуария добрался лишь на рассвете.

Там не было никого, кроме дежурного, с которым я говорил по телефону, и ночной сестры, его жены. Боюсь, что выглядел я не лучшим образом: вчерашняя щетина, дикие глаза плюс пивной перегар. Ко всему прочему, я еще не придумал, что буду врать.

Как бы то ни было, миссис Ларригэн, ночная

сестра, приняла меня радушно и сочувственно.

Она достала из досье фотографию и спросила:

— Это ваша кузина, мистер Девис?

Это была Рикки. Вне всякого сомнения, это была Рикки! Конечно, не та Рикки, которую я знал, не маленькая девочка, но вполне развитая молодая женщина лет двадцати или чуть постарше со взрослой прической, с прекрасной внешностью. И она улыбалась.

Взгляд ее остался прежним и неподвластным годам, очарование маленького эльфа — тоже. Это была она, повзрослевшая, похорошевшая, но, конечно же, она.

Лицо ее подернулось дымкой — это слезы навернулись мне на глаза.

— Да, — сказал я через силу. — Да, это Рикки.

— Нэнси, тебе не следовало показывать эту фотографию, — заметил мистер Ларригэн.

— Ну тебя, Хэнк. Что от этого — земля треснет?

— Ты же знаешь правила, — он повернулся ко мне. — Мистер, я уже говорил вам по телефону, что мы не даем сведения о наших клиентах. В десять часов откроется контора, вот тогда и заходите.

— А еще лучше, подходите к восьми, — добавила его жена. — Как раз прийдет доктор Бернстейн.

— Ты бы помолчала, Нэнси. Если ему нужны сведения, он должен выйти на директора. У Бернстейна нет времени отвечать на вопросы. К тому же, курировал ее не он.

— Хэнк, не петушись. Наши правила — это еще не заповеди Христовы. Если он торопится ее увидеть, в десять часов он должен быть уже в Браули. Возвращайтесь в восемь, это вернее всего. Мы с мужем и в самом деле ничего путного не знаем.

— А что вы говорили насчет Браули? Она что, поехала в Браули?

Если бы рядом не было ее мужа, она, похоже, сказала бы больше. Она замялась, он строго посмотрел на нее, и она ответила только:

— Вам нужно увидеться с доктором Бернстейном. Вы завтракали? Здесь поблизости есть поистине чудесное местечко.

Я нашел это «поистине чудесное местечко», поел, умылся, купил в одном из автоматов тюбик с депиллятором для бороды, а в другом свежую рубашку, сняв и выбросив старую. К назначенному часу я выглядел вполне респектабельно.

Похоже, Ларригэн уже напел про меня доктору Бернстейну. Доктор был из молодых, да ранних, и говорил со мной весьма жестко.

— Мистер Девис, вы утверждаете, что сами бы-

ли Спящим. В таком случае, вы, конечно, должны знать, что есть преступники, которые используют в своих целях только что проснувшихся Спящих, доверчивых и плохо ориентирующихся в современном мире. Большинство Спящих располагает значительными средствами, и все они, что называется, не от мира сего. Им еще предстоит найти себя, они одиноки, ранимы и, как никто другой, нуждаются в защите.

— Но ведь я только хочу знать, куда она направилась! Я ее кузен, но я лег в анабиоз задолго до нее и даже не знал, что она последовала моему примеру.

— Вот и преступники, как правило, называются родственниками, — он пристально посмотрел на меня. — Мы раньше не встречались?

— Сомневаюсь. Разве что на улице. Всем почему-то кажется, что они уже когда-то видели меня. Лицо у меня самое стандартное. Десятицентовая монета в куче ей подобных даст мне сто очков вперед по части внешней выразительности. Доктор, почему бы вам не позвонить доктору Альбрехту в Соутелл насчет меня?

Он холодно глянул мне в лицо.

— Возвращайтесь к десяти часам и обращайтесь к директору. Он свяжется с Соутеллским Санкту-

арием… или с полицией, если сочтет нужным.

Я ушел ни с чем. И тут же крупно сглупил. Мне бы повидаться с директором — он вполне мог (после консультации с Альбрехтом) дать нужные сведения, а я вместо этого схватил первый попавшийся джампер и помчался в Браули.

Там я за три дня напал на след Рикки. Да, она жила здесь вместе с бабушкой, это я выяснил быстро. Но бабушка умерла за двадцать лет до того, как Рикки легла в анабиоз. Браули со своим стотысячным населением — совсем не то, что семимиллионный Большой Лос-Анжелес, и разобраться в записях двадцатилетней давности не составило труда. Но одна бумажка, которой и недели-то не исполнилось, меня обеспокоила.

Дело в том, что Рикки путешествовала не одна, с нею был какой-то мужчина. Мне тут же вспомнилась ужасная история о хищных жуликах, которую поведал Бернстейн.

Некий ложный след привел меня в Колэксико, потом я вернулся в Браули, снова покопался в архиве и нашел ниточку, которая тянулась к Юму.

В Юме я узнал, что Рикки вышла замуж. Когда я увидел эту запись, меня словно громом поразило. Я бросил все на свете и рванул в Денвер, задержавшись лишь затем, чтобы послать Чаку

открытку. Я попросил его выгрести все из моего стола и отослать мне на квартиру.

* * *

В Денвере я задержался — зашел в зубопротезную лабораторию. Последний раз я был в Денвере после Шестинедельной войны. Он тогда только начал превращаться в настоящий город. Помнится, мы с Майлзом проезжали его по пути в Калифорнию. Теперь город поразил меня. Господи, я даже Коулфлэкс-авеню сразу не смог отыскать. Ясно, что все более или менее важные объекты правительство запрятало под землю. Но и неважных было ужасно много — казалось, народу здесь больше, чем в Лос-Анжелесе.

В зубопротезной лаборатории я купил десять килограммов золотой проволоки, изотоп 197. Пришлось выложить восемьдесят долларов десять центов за килограмм. Дороговато, если учесть, что килограмм технического золота стоил долларов семьдесят. Эта коммерция нанесла смертельный удар моему тысячедолларовому бюджету. Но дело того стоило: для моих целей нужно было натуральное, добытое из руды золото, а в техническом было слишком много всяческих добавок, иначе оно не было бы техни-

ческим. Изотопы 196 и 198 мне не годились — не хватало еще, чтобы мое же золото поджарило меня. В армии я уже набрался рентгенов и хорошо знал, что это такое.

Я обмотал проволоку вокруг талии и отправился в Боулдер. Десять килограммов — вес хорошо набитого чемодана, но по объему это сокровище не должно было превышать кварту молока. Однако, проволока — совсем не то, что целый слиток, посему не рекомендую вам носить такой пояс. Правда, со слитками было бы много возни, а так мое золото всегда было при мне.

Доктор Твишелл жил все там же, хотя и бросил свою работу. Он был, что называется, профессор в отставке и большую часть своего времени проводил в баре при факультетском клубе. Чужаков туда не пускали, и я потерял четыре дня, пока не подловил его в другом баре. С первого же взгляда мне стало ясно, что подпоить его будет трудно.

Это был трагический персонаж в классическом древнегреческом смысле, великий человек, даже более, чем просто великий — и он был на пути к гибели. Он мог бы по праву стоять в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном. Немногие специалисты по общей теории поля могли постичь всю значительность его открытия. А теперь этот

блистательный разум был отравлен горечью разочарования, подточен возрастом и пропитан алкоголем. Я словно посетил развалины некогда величественного замка — крыша обрушилась внутрь, половина колонн повалена, и над всем этим царствуют развалины и заросли дикого винограда.

Но и в этом состоянии он был гораздо умнее, чем я в свои лучшие времена. Я впервые в жизни встретил настоящего гения и смотрел на него с болью, представляя, чем он был раньше.

Когда я подошел к нему, он поднял голову, посмотрел мне прямо в лицо и сказал:

— Опять вы.

— Сэр?

— Разве вы не учились у меня?

— К сожалению, нет, сэр. Я не имел этой чести, — как и всем, ему казалось, что он уже видел меня когда-то. Теперь я решил в меру сил сыграть на этом. — Может быть, вы имеете в виду моего кузена, профессор? Он поступил в 1985 году и одно время учился у вас.

— Наверное. Как его успехи?

— Ему пришлось уйти из университета, сэр, диплома он так и не получил. Но о вас у него остались самые теплые воспоминания. Он всем и

каждому хвастался, что учился у вас.

Если хотите понравиться мамаше, говорите, что ее ребенок — чудо. Доктор Твишелл пригласил меня сесть и великодушно разрешил заказать для него выпивку. Его ахиллесовой пятой было тщеславие. Те четыре дня не пропали для меня даром: я собрал о нем кое-какие сведения, выяснил, какие газеты он выписывал, каких степеней и научных званий удостоен, какие книги написал. Одну из них я попытался прочесть, но увяз на девятой странице. Зато нахватался кое-каких словечек.

Я представился ему писателем-популяризатором, сказал, будто собираю материал для книги «Непризнанные гении».

— И о чем она будет?

Я смущенно признался, что книга еще в стадии замысла, но мне хотелось бы начать ее с популярного рассказа о его жизни и работе… если, конечно, он поступится своей широко известной скромностью. Конечно, я бы хотел получить материал из первых рук.

Это была грубая лесть, и он, конечно, на нее не клюнул. Но я напомнил ему о долге перед будущими поколениями, и он согласился подумать. К следующему дню он надумал, что я собира-

юсь посвятить ему не главу, а всю книгу, проще говоря — написать его биографию. Поэтому он говорил и говорил, а я записывал… по-настоящему записывал. Блефовать было нельзя — время от времени он прерывался и просил прочесть ему мои заметки.

Но о путешествии во времени он помалкивал.

Наконец, я не выдержал:

— Доктор, правду ли говорят, что какой-то полковник буквально выбил у вас из рук Нобелевскую премию?

Три минуты подряд он витиевато ругался.

— Кто вам сказал об этом?

— Доктор, мне по роду занятий приходится консультироваться в Управлении Безопасности… разве я не говорил вам об этом?

— Нет.

— Так вот, там один молодой доктор философии рассказал мне всю эту историю и совершенно искренне заявил, что ваше имя гремело бы в современной физике… если бы вы решили опубликовать свое открытие.

— Чертовски верно!

— И еще я узнал, что открытие засекречено… по приказу этого полковника… Плашботтома, кажется.

— Трэшботтом, Трэшботтом, сэр. Жирный, тупой, надутый болван из тех, кто готов прибить гвоздем фуражку к своей голове, лишь бы не потерять ее. Фуражку, разумеется. Голова-то ему ни к чему. Надеюсь, когда-нибудь он так и сделает!

— Очень жаль.

— О чем вы жалеете, сэр? О том, что Трэшботтом — дурак? Так в этом виновата природа, а не я.

— Жалко, что мир не узнает этой истории. Я понимаю, вам запретили говорить о ней.

— Кто это мне запретил? Что захочу, то и расскажу!

— Я могу вас понять, сэр… я знаю от своих знакомых из Управления Безопасности…

— Хррм!

Больше в тот вечер я из него ничего не выбил. Только через неделю он решился показать мне свою лабораторию.

Все прочие лаборатории давно были отданы другим исследователям, но лаборатория Твишелла все еще числилась за ним. Ссылаясь на режим секретности, он запретил кому бы то ни было заходить туда, пока вся аппаратура не рассыплется в прах. Когда мы вошли, воздух там был, как в забытом склепе.

Он еще не напился до такой стадии, когда на

все наплевать, да и на ногах держался твердо. Крепкий был орешек. Он развил передо мной математическое обоснование теории времени и темпоральных перемещений (ни разу не назвав их путешествиями во времени), но записывать его рассказ запретил. То и дело он говорил: «Ну, это очевидно…» и рассказывал дальше, хотя очевидным это было только для него да еще, может быть, для Господа Бога.

Когда он закончил, я спросил:

— Мои знакомые говорили, что вы так и не смогли отрегулировать аппаратуру. Не снижает ли это значение открытия?

— Что? Чепуха! Если что-нибудь нельзя измерить, молодой человек, то это уже не наука, — он немного поклокотал, словно чайник на конфорке. — Я покажу вам!

Он отошел и занялся подготовкой опыта. Свою кухню он называл «фазовой темпоральной точкой». Для человека непосвященного это была низкая платформа с решеткой вокруг нее, плюс приборная доска — не сложнее, чем у парового котла низкого давления. Уверен, что останься я один, я вскоре разобрался бы в управлении, но мне было строго-настрого приказано стоять на месте и не к чему не притрагиваться. Я опознал

восьмипозиционный самописец Брауна, несколько мощных соленоидных переключателей, еще с дюжину более или менее знакомых деталей, но без принципиальной схемы я не мог связать их воедино.

Он обернулся ко мне и спросил:

— Есть у вас мелочь?

Я выгреб все и протянул ему. Он взял две пятидолларовые монеты — изящные зеленые шестиугольники из пластмассы, их выпустили только в этом году. Учитывая состояние моего бюджета, я был бы рад, если бы он выбрал монеты помельче.

— Ножик у вас есть?

— Да, сэр.

— Выцарапайте на них свои инициалы.

Я послушался. Потом он велел их положить рядом на площадку.

— Засеките время. Я перемещу их точно на неделю, плюс-минус шесть секунд.

Я уставился на часы. Твишелл начал отсчет:

— Пять… четыре… три… два… один… ноль!

Я поднял глаза от часов. Монеты исчезли. Не скажу, чтобы глаза мои вылезли на лоб — ведь Чак уже рассказывал мне об этом опыте, но все-таки совсем другое дело — увидеть это своими

собственными глазами.

— Через неделю мы зайдем сюда и увидим, как одна из них вернется, — оживленно сказал доктор Твишелл. — Что касается другой… вы ведь видели обе монеты на площадке? Вы сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где был я?

— У пульта управления.

Он в самом деле все время стоял в добрых пятнадцати фунтах от решетки и ближе не подходил.

— Чудесно. А теперь идите сюда, — он полез в карман. — Вот одна ваша монета. А вторую получите через неделю.

И он сунул мне в руку пятидолларовую монету с моими инициалами.

Я ничего не сказал по этому поводу, потому что у меня отвисла челюсть. А он продолжал:

— На прошлой неделе вы меня сильно раззадорили. В среду я пришел сюда, в первый раз… да, за целый год. На площадке я нашел эту монету и понял, что произошло… то, что произойдет… Поэтому я и решил показать вам этот опыт.

Я вертел монету, разглядывал ее со всех сторон.

— Она была у вас в кармане, когда мы пришли

сюда?

— Конечно.

— А как она могла быть одновременно и в вашем кармане, и в моем кармане?

— Господи, боже мой, есть ли у вас глаза, чтобы видеть? И мозги, чтобы понимать? Вы что, не можете принять очевидный факт оттого, что он выходит за рамки тупой обыденности? Вы принесли ее сюда сегодня — и мы ее отправили в прошлую неделю. Это мы видели. Несколько дней назад я нашел ее здесь. Эту же денежку… или, точнее, более поздний сегмент пространственно-временной структуры — она на неделю старше, немного более потертая. Сказать, что она «та же», нельзя, как нельзя говорить, что взрослый человек — то же самое, что и ребенок, из которого он вырос. Он старше.

Я снова взглянул на монету.

— Доктор… отправьте меня на неделю назад.

— Об этом не может быть и речи, — сердито ответил он.

— Почему? Ваша машина не может работать с людьми?

— Что? Конечно же, она может работать и с людьми.

— Тогда почему бы не попробовать? Я не бо-

юсь. Только подумайте, как чудесно будет, если я опишу в книге… собственные впечатления. Тогда я смогу ручаться собственным опытом, что машина Твишелла работает.

— Вы уже можете ручаться. Вы видели ее в работе.

— Да, — нехотя согласился я. — Но мне не поверят. Этот опыт с монетами… я его видел и верю в него. Но кто-нибудь из моих читателей сможет сказать, что вы — просто ловкий шарлатан и мистифицировали меня.

— Черт побери, сэр!

— Так могут сказать они. Их невозможно будет убедить, что я сам видел все то, о чем написал. А вот если вы отправите меня на неделю назад и я смогу описать свои ощущения…

— Садитесь и слушайте, — он уселся, но для меня стула не нашлось, хотя он не обратил на это никакого внимания.

— Когда-то я уже экспериментировал с людьми. Именно поэтому я никогда не пойду на это снова.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не говорите чепухи, — он быстро глянул на меня и добавил, — только в книге об этом не должно быть ни слова.

— Как скажете, сэр.

— Серия предварительных опытов показала, что живые существа переносят темпоральные перемещения без малейшего вреда для организма. Я по секрету рассказал об этом моему приятелю, молодому парню, который преподавал рисование и все такое прочее в Архитектурном Колледже. Конечно, больше бы подошел инженер или ученый, но я выбрал его: у него был живой ум. Этот парень — его звали Леонард Винсент — решил рискнуть… причем всерьез. Он потребовал, чтобы я переместил его не менее, чем на пятьсот лет. Я не устоял перед этим искушением.

— И что было с ним потом?

— Откуда я знаю? Пятьсот лет! Я просто не доживу до тех лет.

— Так вы думаете, что его занесло в будущее?

— Или в прошлое. Он вполне мог оказаться в пятнадцатом веке. Или в двадцать пятом. Шансы совершенно равные. Здесь неопределенность — симметричные уравнения. Иногда я думаю… хотя, конечно, нет — …просто имена похожи…

Я не стал спрашивать, что он имел в виду, мне внезапно пришла в голову та же мысль, и волосы у меня встали дыбом. Но у меня хватало своих проблем, и я не стал развивать эту идею. Тем

более, что в пятнадцатом веке человек никак не мог попасть в Италию из Колорадо.

— …И я решил прекратить опыты. Это уже не наука, когда не видишь результатов эксперимента. Хорошо, если он попал в будущее, а если в прошлое… это значило бы, что я своими руками отправил друга на расправу дикарям. Или на съедение диким зверям.

Я подумал, что с тем же успехом он мог стать Великим Белым Богом[23], но придержал эту мысль при себе.

— Но меня-то не нужно посылать так далеко.

— Если вы не возражаете, сэр, не будем больше об этом.

— Как хотите, профессор, — сказал я, не собираясь сдаваться. — Позвольте подбросить вам идею.

— Валяйте.

— Мы можем повторить опыт, точнее, устроить генеральную репетицию.

— Что вы имеете в виду?

— Нужно подготовить аппаратуру к перемещению живого существа — я, так и быть, отка-

---

[23] Примечания: 23

Автор, вероятно, в первом случае намекает на Леонардо да Винчи, а во втором — на Кетцалькоатля (Великий Белый Бог) — одно из божеств древних майя.

зываюсь от этой чести. Мы все сделаем так, как будто вы собрались переместить меня, вплоть до момента нажатия кнопки. Тогда я смогу описать опыт… в меру своих сил, конечно.

Он поворчал немного, но было видно, что ему не терпится показать свою игрушку во всей красе. Он взвесил меня, потом подобрал несколько железных чушек по моему весу — сто пятьдесят футов.

— На этих же весах я взвешивал бедного Винсента.

Мы перенесли чушки на площадку.

— И какое же время мы выберем? Назначайте.

— Вы говорили, что аппаратура у вас точная?

— Да, говорил. А вы что, сомневаетесь в этом?

— Нет, нет! Ну, давайте, прикинем: сегодня двадцать четвертое мая… что, если будет тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут и двадцать пять секунд?

— Что за чушь, сэр! Когда я говорю «точность», я имею в виду стотысячные доли, а со стомиллионными мне некогда было возиться.

— Ясно. Но вы понимаете, что для меня важны подробности, а я так мало понимаю, так мало разбираюсь во всем этом. Не трудно будет настроиться на тридцать один год и три недели?

— Не трудно. Максимальное значение ошибки составит не более двух часов, — он поколдовал над приборами. — Можете забираться на платформу.

— И это все?

— Да. Остается подключить энергию. Напряжение, которое я использовал в опыте с монетами, здесь не годится. Но это не имеет значения, ведь мы не будем ничего перемещать.

Я был разочарован и постарался состроить соответствующую мину.

— Так вы и не собирались доводить дело до конца? Вы просто делали все теоретически?!

— Черт подери, сэр, вовсе нет!

— Но если вам не дают энергию…

— Найдется и энергия, если вам так хочется. Подождите.

Он отошел в угол, к телефону. Похоже, он висел здесь еще со времени основания лаборатории. В 2001 году мне еще не встречался такой раритет. Разговаривая с ночным диспетчером университетской подстанции, доктор Твишелл не опускался до спора с представителем невежественной толпы. Он был, как и подобает истинному гению, резок, краток и категоричен:

— …а мне наплевать на то, что вы думаете! Пе-

речитайте инструкцию. Я имею право получить все, что мне захочется. Ну что, нашли параграф? Или вы хотите, чтобы завтра утром я сам нашел его вам, но уже в присутствии ректора? Что? Вы хоть читать-то умеете? Удивительные способности! А писать? Тогда напишите: через восемь минут дать полное напряжение на аппаратуру Торнтоновской Мемориальной Лаборатории ввиду экстренной необходимости. Прочтите, что вы записали. — Он повесил трубку. — Ну, и народец! Он подошел к пульту, повертел ручки и замер в ожидании. Даже со своей платформы я видел, как прыгнули стрелки на приборах. На пульте загорелся красный глазок.

— Есть энергия, — констатировал доктор Твишелл.

— И что дальше?

— Ничего.

— Так я и думал.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал. Дальше — ничего.

— Боюсь, что не понял вас. Я думал, вы сообразите. Ничего не произойдет, пока я не замкну пусковой контакт, и тогда вы переместитесь на тридцать один год и три недели.

— А я вам говорю — ничего у вас не получится.

Он помрачнел.

— Мне кажется, сэр, вы слишком много себе позволяете.

— Называйте это как хотите. Я пришел сюда, доктор, чтобы узнать, насколько правдивы слухи о вашем открытии. И узнал. Я видел пульт с разноцветными кнопочками, такими же, как в дешевом фильме про ученого-безумца. Еще я видел этот балаганный фокус с двумя монетами. Не слишком убедительный — ведь вы сами выбрали монеты и сами сказали, как их следует поместить на платформе — у ярмарочных магов это получается лучше. Я слышал кучу горячих слов, но эти слова ничего не стоят. Все разговоры о вашем великом открытии — это просто блеф. Кстати, в Управлении Безопасности тоже так думают. Ваш отчет даже засекречивать толком не стали, просто подшили в общую папку вместе с другими малозначительными бумагами. Время от времени его достают и перечитывают смеха ради.

Бедный старикан. Мне показалось, что его вот-вот хватит апоплексический удар. Задел-таки я его слабую струнку, сыграл-таки на его тщеславии.

— Вылезайте оттуда, сэр. Подойдите сюда. Я вас сейчас проучу. Голыми руками всю душу

вытрясу!

Он разъярился и вполне мог избить меня, несмотря на разницу в возрасте, весовой категории и состоянии здоровья.

— Я не боюсь вас, папаша, — ответил я. — И этой дурацкой кнопки тоже не боюсь. Ну-ка, нажмите ее.

Он глянул на меня, глянул на кнопку, но не нажал.

Я заржал и сказал:

— Дохлый номер, как говорят мальчишки. Твиш, вы просто старый надутый шарлатан, чучело гороховое. Правду говорил полковник Трэшботтом…

И тут — свершилось!!!

Глава десятая

Когда он треснул по кнопке, я крикнул, пытаясь остановить его. Но было поздно: меня уже несло куда-то. Я успел подумать, что не стоило доводить дело до такого конца. Я лишился всего и чуть не довел до инфаркта бедного старика, который не сделал мне ничего плохого. Я не знал, куда меня несет. И что хуже всего, не знал, доберусь ли я туда.

И тут я прибыл. Падать было невысоко, фута четыре, но я не был готов к этому и плюхнулся, как мешок.

— Откуда вы взялись, черт побери? — сказали надо мной.

Рядом стоял, руки в бока, лысый поджарый мужчина лет сорока. Взгляд у него был проницательный, лицо — умное и приятное, если не считать того, что он явно на меня сердился.

Я сел и обнаружил под собой гравий пополам с сосновыми иголками. Рядом с мужчиной стояла красивая женщина, гораздо моложе его. Она удивленно смотрела на меня, но ничего не говорила.

— Где я? — глупо спросил я.

Мне следовало бы спросить «Когда я?», но это

прозвучало бы уж совсем по-дурацки и, кроме того, не имело смысла. Стоило на них взглянуть, чтобы сразу понять, что это не 1970 год.

Но это был и не 2001; в 2001 здесь стояла лаборатория. Итак, я попал не туда.

Из одежды на них был только густой загар. Меньше, чем стиктейтовский костюм. Но держались они непринужденно и ничуть не смущались своей наготы.

— Долго же до вас доходит. Я спросил, как вы здесь оказались? — он огляделся. — Что-то на деревьях не видно вашего парашюта. Что вы здесь делаете? Эта территория — частная собственность. Ваше вторжение незаконно. И где вы разжились этой шутовской одеждой?

Я не усматривал ничего непристойного в моем костюме, особенно, по сравнению с их «одеждой», но промолчал. Другие времена, другие обычаи. И я с моим костюмом вполне мог нажить себе неприятностей.

Женщина взяла его за руку.

— Оставь его, Джон, — мягко проговорила она, — похоже, он болен.

Мужчина взглянул на нее, потом снова уставился на меня.

— Вы больны?

Я кое-как поднялся на ноги.

— Пожалуй, нет. Разве что несколько синяков. А какое сегодня число?

— Что?! С утра было третье мая, первое майское воскресенье. Верно, Дженни?

— Да, дорогой.

— Послушайте, — настаивал я, — у меня была контузия, здорово треснули по голове. Назовите, пожалуйста, дату. Полную, понимаете?

— Как так — полную?

Мне не следовало спрашивать об этом, нужно было раздобыть газету или календарь, но я не мог ждать.

— Какой сейчас год?

— Ну ты даешь, братец! Конечно, 1970, — ответил он, пристально разглядывая мою одежду.

Я чуть не упал от радости. Все-таки свершилось! Получилось, черт побери! Мне снова повезло.

— Спасибо, — широко улыбнулся я. — Вы и представить себе не можете, как я вам благодарен. — Он смотрел на меня, как на буйного, и я поспешил добавить: — У меня бывают приступы амнезии. Однажды я потерял целых пять лет.

— Да, вам не позавидуешь, — медленно произнес он. — Но сейчас вы достаточно здоровы, чтобы ответить на мои вопросы?

— Не приставай к нему, милый, — вмешалась женщина. — Похоже, он славный парень. А сюда забрел просто по ошибке.

— Посмотрим. Ну?

— Да, я здоров… уже целую минуту. Повторите, пожалуйста, вопрос.

— Ладно. Как вы сюда попали? И зачем так вырядились?

— Честно говоря, не знаю, как я здесь очутился. Я даже не знаю, где я сейчас. Приступ накатил совершенно внезапно. А что до одежды… ну, назовите это просто причудой. Вы ведь тоже… необычно одеты. Вернее, не одеты вовсе.

Он глянул вниз, на самого себя, и усмехнулся.

— Я вам объясню… почему мы с женой так одеты… точнее, не одеты. Хотя мы должны были бы не объяснять, а выставить вас отсюда. Вы же чужак, это видно по вашей одежде. Эта земля принадлежит Денверскому Солнечному Клубу.

Джон и Дженни Саттон оказались умными, дружелюбными и, что называется, без лишних предрассудков людьми. Они были из тех людей, что готовы и действующий вулкан пригласить на чашку чая. Джона явно не устроили мои объяснения, и он все порывался продолжить дознание, но Дженни сдерживала его. Я твердо держался своей

версии насчет «внезапных приступов амнезии» и, однако, «припомнил», что вчера вечером был в Денвере, в Нью-Браун Пэлис.

Наконец, он сказал:

— Ну, ладно, все это занятно, даже немного волнует. Я спрошу, кто из наших едет в Браули, а оттуда на автобусе можно добраться до Денвера, — он снова осмотрел меня с ног до головы. — Но в клуб я вас пригласить не могу — наши друзья не поймут меня.

Я тоже осмотрел себя. Странно, но я начал стесняться своей одежды и того, что был одет.

— Джон… а может, мне просто снять все это?

Такая перспектива меня не шокировала. Хотя я никогда раньше не бывал в лагере нудистов, у меня был кое-какой опыт, когда мы с Чаком загорали нагишом в Санта-Барбара и Лагуна-Бич.

Он кивнул:

— Да, пожалуй, так будет лучше.

— Дорогой, — сказала Дженни, — он вполне сойдет за нашего гостя.

— Мм… верно. Ты, моя дражайшая и единственная, неси свои прелести в клуб и постарайся всем раззвонить, что мы ожидаем гостя из… откуда вам угодно быть, Дэнни?

— Из Лос-Анжелеса, штат Калифорния. Я и в

самом деле оттуда.

Я чуть не ляпнул «из Большого Лос-Анджелеса». Не дай бог сказать теперь «тактил» вместо «кино».

— …из Лос-Анжелеса. Этого, вкупе с «Дэнни» вполне достаточно. В неофициальной обстановке мы не пользуемся фамилиями. Итак, милая, говори об этом, как будто все решено загодя. А где-нибудь через часик жди нас у ворот. Но сначала зайди сюда и принеси мой чемоданчик.

— А зачем, дорогой?

— Мы спрячем туда этот маскарадный костюм. Уж больно он бросается в глаза… даже, если считать его причудой, как рекомендовал Дэнни.

Как только Дженни Саттон ушла, я забрался в кусты и разделся. Прятался я не из стыдливости — вокруг талии я носил золото. По ценам 1970 года (шестьдесят долларов за унцию) моя проволока стоила двадцать тысяч. То есть, уже не совсем проволока: я сплел из нее ремень. Поначалу я долго возился, сматывая ее, чтобы помыться, теперь же достаточно было расстегнуть застежку.

Я завернул золото в одежду и прикинулся, будто она ничего не весит. Джон Саттон глядел на мой узелок, но ничего не говорил. Он угостил меня сигаретой — их он носил за ремешком на

лодыжке. Не думал я, что снова увижу сигареты, которые нужно прикуривать.

По привычке я помахал ею, но она не зажглась. Джон дал мне огня.

— Ну, а теперь, — сказал он, — пока мы одни, вы ничего не хотите добавить? Поскольку мы с Дженни вводим вас в свой клуб, я должен быть совершенно уверен, что не будет никаких неприятностей.

Я затянулся. В горле у меня запершило.

— Ничего такого не будет, Джон. Гарантирую.

— Ммм… а как же ваши «приступы амнезии»?

Я задумался. Положение было дурацкое. Он имел право знать все. Но скажи я правду, он, конечно, не поверит, зато хоть у меня будет совесть чиста. Хуже, если он поверит — дело может получить огласку, а мне это было ни к чему. Добро бы я был настоящим, честным, легальным путешественником во времени, да еще прибывшим сюда с научными целями. Тогда гласность мне была бы только на руку: я бы встретился с учеными, явил бы им неопровержимые доказательства…

Но я был частным лицом, причем довольно подозрительным. И явился я сюда по частному делу, которому лишняя огласка только повредит. Я просто искал Дверь в Лето, стараясь сделать это

незаметно.

— Джон, вы не поверите мне.

— Ммм… возможно. Послушайте, я видел, как с ясного неба упал человек… и при этом не разбился. Он был странно одет, не знал, куда он попал, и какой сегодня день. Я, конечно, читал Чарльза Форта, но воочию ничего такого увидеть не надеялся. Но если уж видел, то наскоро придуманными отговорками меня не проведешь. Ну?

— Джон, вы говорите, как… ну… судя по вашей манере строить фразы, вы, наверное, были юристом.

— Я и сейчас юрист, а что?

— Могу я рассчитывать на сохранение профессиональной тайны с вашей стороны?

— Ммм… вы хотите стать моим клиентом?

— Если вы так ставите вопрос, то да. Пожалуй, мне понадобятся ваши советы.

— Валяйте. Я сохраню все в тайне.

— Чудесно. Я — из будущего. Путешествую во времени.

Несколько минут он молчал. Мы лежали, растянувшись на солнышке, и загорали. Я поеживался: май в штате Колорадо солнечный, но прохладный. Но Джон Саттон, похоже, привык к этому и спокойно грыз сосновую иголку.

— Вы правы, — ответил он наконец. — Я не верю этому. Давайте лучше сойдемся на приступах амнезии.

— Я же говорил, что вы не поверите.

— Скажем так: я не хочу верить в это, — подчеркнул он. — Я не хочу верить в духов, равно, как и в перерождения, или фокусы с экстрасенсорикой. Мне нравятся простые, доступные моему пониманию вещи. И всем прочим тоже. Итак, вот вам мой первый совет: пусть это останется между нами. Об этом не стоить трезвонить.

— Это мне подходит.

Он перевернулся.

— Мне кажется, ваш костюм стоит сжечь. Я найду вам какую-нибудь одежду. Она горит?

— Скорее плавится.

— И ботинки тоже стоит сжечь. У нас разрешается носить обувь, но эта не подойдет. Кто-нибудь обязательно спросит, где вы купили такие. Давайте их сюда.

— Извольте.

— Вот и хорошо, — и прежде, чем я успел его остановить, он взял мой узел. — Что за чертовщина?!

Отнимать было уже поздно. Я позволил ему развязать узел.

— Дэнни, — сказал он странным голосом, — эта штука в самом деле то, чем она кажется?

— А чем она кажется?

— Золотом.

— Да, это золото.

— И где вы его взяли?

— Купил.

Он тронул мой пояс, любуясь мертвым блеском металла, потом взвесил его на руке.

— С ума сойти! Дэнни… слушайте меня внимательно. Сейчас я задам вопрос, и очень многое будет зависеть от того, как вы на него ответите. Мне не нужны клиенты, которые лгут. С такими я не связываюсь. И уж совсем не хочу быть соучастником уголовного преступления. Это золото попало к вам законным путем?

— Да.

— Вам известен закон 1968 года о золотом запасе?

— Известен. Я добыл это золото вполне законно и собираюсь продать его казне.

— У вас есть патент ювелира?

— Нет. Джон, я сказал вам сущую правду. Хотите — верьте, хотите — нет. Я купил его, а это легально, как дыхание. Теперь я хочу как можно скорее превратить его в доллары. Я знаю, что хра-

нить его не совсем законно. Что со мной сделают, если я приду в Монетную Палату Денвера, брякну его на прилавок и попрошу взвесить?

— Ничего особенного… если поверят в вашу «амнезию». Но до этого вам изрядно попортят кровь. Мне кажется, вам лучше схитрить.

— Закопать его?

— Ну, не так радикально. Скажем так: вы нашли его в горах. Где еще в наше время можно найти золото?

— Ладно… вам ведь виднее. Я не против маленькой невинной лжи.

— Причем тут ложь? Когда вы впервые увидели это золото? Какого числа вы вступили во владение им?

Я попытался припомнить. Это было в тот день, когда я приехал в Денвер из Юмы, где-то в мае 2001 года. Примерно, две недели назад…

— Быть посему, Джон. Итак, впервые я увидел это золото… сегодня, третьего мая 1970 года.

— В горах, — уточнил он.

* * *

Саттоны остались в клубе до утра понедельника, и я вместе с ними. Все прочие клубмены были вполне дружелюбны, и им было у в высшей сте-

пени наплевать на мои обстоятельства. Позднее я узнал, что именно это и считалось хорошим тоном в клубах такого рода. Мне подумалось, что таких разумных и вежливых людей не часто встретишь.

У Джона и Дженни в клубе была собственная комната, меня же поместили в общей спальне, где я изрядно промерз. Наутро Джон выдал мне рубашку и джинсы. Золото мы снова завернули в мой костюм и положили в багажник машины — Саттоны держали «ягуар-Император», из чего следовало, что Джон — не какой-нибудь затертый адвокатик. Впрочем, я и без того знал это.

Ночь я провел у них, и уже во вторник у меня были кое-какие деньги. Золота своего я больше не видел, но через пару недель Джон вручил мне пачку чеков. Это был денежный эквивалент моего сокровища, за вычетом обычного налога на сделки с золотом. Я узнал, что он не стал связываться с Монетной Палатой — вместе с чеками я получил расписки от покупателей. Себе за хлопоты он не взял ни цента. В детали этих сделок я не вникал, да и Джон помалкивал.

Итак, у меня снова были деньги, и я занялся делами. Уже во вторник, пятого мая, я не без помощи Дженни арендовал маленькую мансарду

в старом коммерческом квартале. Я обзавелся чертежным столом, стулом, раскладушкой и кое-какой мелочью. Конечно, там было электричество, газ, водопровод и туалет. Большего я и не хотел. К тому же приходилось экономить каждый дайм[24].

Проектировать с циркулем и линейкой было скучно и непроизводительно. У меня не было ни одной свободной минуты, и поэтому, прежде чем взяться за воссоздание «Фрэнка», я занялся «Чертежником Дэном». Только теперь «Умница Фрэнк» становился «Питом Протеем», универсальным автоматом, и мог делать все, что делает человек. Я знал, что «Пит Протей» недолго останется универсалом. Его потомки будут узкоспециализированы, но мне важно было запатентовать все, что возможно.

Для патентной заявки не требовалась рабочая модель, хватило бы чертежей и описаний. Модель нужна была мне самому, при этом она должна была отлично знать свое дело, чтобы ее не стыдно было показать кому угодно. Она должна была продавать саму себя, наглядно демонстрируя всем и каждому свою полезность и выгодность.

---

[24] Примечания: 24
Дайм — монета в десять центов.

Автоматы должны были быть не только работоспособны, но и оправданы экономически, ведь патентные бюро завалены изобретениями, которые хоть и работают, но в коммерческом отношении являют собой сущий «пшик».

Работы шли и быстро, и медленно: быстро потому, что я точно знал свою цель, медленно — оттого, что не было приличной мастерской и помощников. Скрепя сердцем, я раскошелился, взял напрокат кое-какое оборудование, и дела пошли лучше. Я работал дни напролет, семь дней в неделю, питался кое-как и лишь раз в месяц позволял себе провести уик-энд с Джоном и Дженни в их клубе близ Боулдера. В первых числах сентября два робота были готовы. На фабрике я заказал для них корпуса с добротной отделкой и хромированным покрытием движущихся внешних частей — единственная работа, которую я сделал не сам. Стоило это недешево, но я нутром чувствовал, что без этого не обойтись. Мне снова здорово помог каталог стандартных деталей. Конечно, все они стоили денег, но тут уж деваться было некуда. А вот тратиться на украшение было жалко.

Я был так занят, что забыл об осторожности. Однажды я вышел купить сервомотор и напоролся

на знакомого из Калифорнии. Он окликнул меня, и я с дуру отозвался.

— Эгей! Дэн! Дэнни Девис! Ты откуда здесь взялся? Я-то думал, что ты сейчас в Мохоуве!

Мы поздоровались за руку.

— Просто деловая поездка. Вернусь через пару дней.

— А я возвращаюсь нынче вечером, позвоню Майлзу и расскажу, что видел тебя.

Я увял.

— Ради бога, не надо.

— Почему? Вы же с Майлзом друзья — не разлей вода.

— Ну, видишь ли, Март, Майлз не знает, что я здесь. По идее, я должен был быть в Альбукерке по делам компании. А здесь у меня сугубо личное дело. Понимаешь? Никакого отношения к фирме оно не имеет. И мне не хотелось бы обсуждать это дело с Майлзом.

Он понимающе кивнул.

— Здесь замешана женщина?

— Хмм… да.

— Замужняя?

— Считай, что так.

Он подмигнул и ткнул меня пальцем в ребра.

— Понял. Майлз ведь известный святоша. О’кей,

я тебя покрою, а ты когда-нибудь выручишь меня. Она хоть хорошенькая?

«Покрыть бы тебя дерновым одеялом, чертов проныра», — подумал я про себя.

Март был второразрядным коммивояжером и большую часть рабочего времени обхаживал официанток вместо того, чтобы вербовать покупателей. Впрочем, дело неплохо шло и без него.

Я угостил его стаканчиком и баснями о «замужней бабе», он поведал мне о своих подвигах, наверняка вымышленных, и мы распрощались.

А однажды мне подвернулся случай угостить доктора Твишелла, правда, ничего из этого не вышло.

Случайно я уселся неподалеку от его столика в аптеке на Чайна-стрит и увидел его в зеркале. Первым моим побуждением было заползти под стойку и подольше оттуда не высовываться.

Потом я сообразил, что из всех живущих в 1970 году он для меня наиболее безопасен. Бояться было нечего, ведь между нами еще ничего не произошло… в смысле «ничего не произойдет». Не стоит и пытаться выразить это — когда складывалась английская грамматика (да и русская тоже), о путешествиях во времени и слыхом не слыхали. Придется, видно, вводить в английский

язык новые категории, вроде как во французском или в классической латыни.

Как бы то ни было, Твишеллу было не за что дуться на меня. Я мог смотреть ему в глаза с чистой совестью.

Сперва я подумал, что обознался. Но нет, у Твишелла было лицо не чета моему: четкое, самоуверенное, высокомерное и довольно красивое. Он чем-то напоминал Зевса. Я вспомнил, во что превратится это лицо и содрогнулся, вспомнив, как я обошелся со стариком. Я удивился — как я посмел.

Твишелл перехватил в зеркале мой взгляд и обернулся ко мне.

— В чем дело?

— Ммм… вы ведь доктор Твишелл? Из Университета?

— Да, из Денверского Университета. Я с вами где-то встречался?

Я чуть не сел в лужу, забыв, что в этом году он уже преподавал в городском университете. Трудно было вспомнить по двум направлениям сразу.

— Нет, доктор, но я слышал ваши лекции. Можете считать меня своим поклонником.

Он изобразил что-то вроде улыбки. В этом

возрасте человек еще не нуждается в лести. Достаточно того, что он сам знает свои возможности.

— Вы уверены, что не спутали меня с кинозвездой?

— О нет! Вы — доктор Хьюберт Твишелл, великий физик.

Он дернул щекой.

— Скажем, просто физик. А еще точнее — стараюсь им стать.

Мы поболтали кое о чем, и когда он расправился со своим бутербродом, я попытался поставить ему стаканчик. Я попросил оказать мне честь угостить его. Он помотал головой.

— Крепкое я пью только после захода солнца. Во всяком случае, спасибо. Приятно было посидеть и поговорить с вами. Будете проходить мимо Университета — загляните ко мне в лабораторию.

Я ответил, что не премину этого сделать.

Не так уж много я напортачил в 1970 году (не то, что в прошлый раз): я уже знал, что к чему. Помогло мне и то, что большинство моих знакомых жили в Калифорнии. На будущее я решил, что буду делать, если встречу знакомую физиономию — отделаюсь холодным кивком и побыстрее смоюсь от греха подальше.

Гораздо больше досаждали мелочи. К примеру, я так и не мог отвыкнуть от Стиктейтовского шва и снова привыкнуть к «молнии». Только через полгода я начал понимать все это как само собой разумеющееся. И бритье — я снова должен был бриться! Однажды я простыл — совершенно забыл, что одежда может промокнуть под дождем. Воистину, ужасны призраки прошлого! Хотел бы я видеть в своей шкуре всех этих тонких эстетов, что щерятся на прогресс и лепечут о неповторимых прелестях минувших времен. Нет ничего хорошего в том, что пища остывает, что рубашки надо стирать, что зеркало в ванной запотевает в самое неподходящее время, что из носа течет, что под ногами грязь и в легких тоже. Короче говоря, я знавал лучшие времена, и 1970 год ознаменовался для меня чередой мелких неприятностей.

Потом я привык ко всему этому, как собака — к своим блохам. В 1970 году Денвер еще оставался старомодным самобытным городком. Я почти полюбил его. Не было и намека на Великую Стройку, на все, что я видел (или увижу), приехав туда из Юмы. По улицам бегали автобусы, и все такое прочее. Население еще не перевалило за два миллиона и отыскать Колфакс-Авеню ничего не стоило.

Денвер в роли столицы штата был похож на мальчика, впервые надевшего вечерний костюм. Он все еще тяготел к сапогам с высокими каблуками, но влияние Дикого Запада понемногу сходило на нет, и вскоре этому городу предстояло вырасти в безликий метрополис с посольствами, шпионами и шикарными ресторанами. А пока его застраивали на скорую руку: надо же было где-то разместить бюрократов, парламентских лоббистов, посредников, секретарей-машинисток и блюдолизов. Здания возводили так быстро, что едва успевали сгонять коров с пастбищ, ставших стройплощадками. И все-таки, Денвер лишь на несколько миль приблизился к Аурор на востоке, к Гендерсону на севере и к Литтлтоку на юге. Между ними и Военно-воздушной Академией все еще были поля. Правда, на западе он забрался в горы, и федеральные учреждения стояли вплотную к голым скалам.

Мою нежность к Денверу не смог поколебать даже федеральный бум, настолько я был рад вернуться в свое собственное время.

Но проклятые мелочи не оставляли меня в покое. Поступив в штат «Горничные Инкорпорейтед», я вылечил себе зубы и думать о них забыл. Но в 1970 году не было антикариесных таблеток, в

зубе появилось дупло, и он начал донимать меня все сильнее. Я пошел к дантисту и совершенно забыл, что он увидит у меня во рту. Он моргал, совал свое зеркальце то туда, то сюда и, наконец, сказал:

— Иософат Великий! У кого вы лечили свои зубы?

— О-о-н-а?

Он вынул зеркальце из моего рта.

— Кто это сделал? И как?

— Что? Это вы про зубы? Мне их чинили в одной экспериментальной клинике… в Индии.

— Как им это удалось?

— Откуда я знаю?

— Ммм… подождите минутку. Я должен сделать несколько снимков, — и он начал возиться с рентгеновским аппаратом.

— Нет-нет, — запротестовал я, — просто вычистите эту дыру, закупорьте ее и отпустите меня.

— Но…

— Мне очень жаль, доктор, но сейчас я очень тороплюсь.

Он сделал, как я просил, хотя время от времени прерывался, снова и снова осматривая меня и мои зубы. Я заплатил наличными и исчез, не оставив следа. Уверен, что у него появились кое-какие

идеи. Пусть, ничего страшного. Люди должны сами доходить до всего, а не получать готовенькое. Поэтому я и не позволил сделать рентген.

Потея по шестнадцать часов в сутки над «Чертежником Дэном» и «Питом Протеем», я умудрялся левой задней делать еще кое-что. Анонимно, через адвокатскую контору Джона, я снесся с солидным сыскным агентством и заказал данные о прошлом Беллы. Я сообщил им адрес, личный номер и марку машины (на случай, если понадобятся отпечатки протекторов) и намекнул, что она, возможно, не раз была замужем, и что полиция, может быть, завела на нее дело. В целях экономии я старался максимально сузить для них круг поисков.

Если бы поиск занял дней десять, я бы распростился со всеми своими денежками. Но агентство работало быстро, и через пару дней на адрес конторы Джона пришел толстый пакет.

Белла оказалась деловой девушкой. Она была на шесть лет старше, чем сказала мне, и до восемнадцати лет успела дважды побывать замужем. Один из этих браков был незаконным — у парня уже имелась семья. Было неясно, удосужилась ли она развестись с ним. С восемнадцати лет она была замужем четырежды, хотя одно замужество

внушало сомнения. Не так уж сложно сделаться «солдатской вдовой», тем более, что «муж» погиб и протестовать не может. Однажды она была разведена (официально), и один из ее мужей умер своей смертью. Оставался, по крайней мере, один, с которым она продолжала «состоять в браке».

Ее полицейское досье было толстым и интересным, хотя в уголовном преступлении ее изобличили лишь однажды, в Небраске, но освободили под залог. Это установили по отпечаткам пальцев, потому что она, выйдя на свободу, сменила имя и получила новый личный номер. Агентство спрашивало, нужно ли уведомить власти штата Небраска.

Я ответил им, что не нужно: дело было девять лет назад, срок давности уже истек. Я надивиться не мог: каким же я был болваном! Воистину, рефлекторные реакции никого не доводят до добра.

К октябрю я понял, что безнадежно отстал от своего графика. Я еще не закончил описание, а без него чертежи стоили немного. К заявке я вовсе не притрагивался. С коммерсантами я еще не связывался — мне нечего было им показать — и это было хуже всего. Мне просто не хватало времени на все. Пожалуй, следовало бы мне

попросить доктора Твишелла переместить меня не на тридцать один, а на тридцать два года, да еще недельки три зарезервировать для отдыха. Похоже, что я тогда здорово переоценил свои возможности.

Саттонам я своих игрушек не показывал. Не то, чтобы я чего-то побаивался, просто не хотел разговоров и бесполезных советов, пока не закончу работу. В последнюю октябрьскую субботу я собирался к ним в клуб и поэтому работал до последней ночи, нагоняя график. Будильник задребезжал слишком рано — я сам его так поставил, чтобы успеть побриться. Бритва, будильник! Слава богу, что 2001 году нет таких садистских предметов. Побрившись, я собрался с духом и пошел в угловую аптеку позвонить и объявить своим друзьям, что не смогу с ними поехать.

К телефону подошла Дженни.

— Дэнни, ты слишком много работаешь. Уикэнд на природе пойдет тебе только на пользу.

— Ничего не поделаешь, Дженни. Я должен работать. Простите меня.

Джон взял вторую трубку.

— Что за вздор ты несешь, Дэн?

— Мне нужно работать, Джон. Времени не хватает. Передавай всем в клубе привет.

Я поднялся к себе, сжег пару гренок, завулканизировал несколько яиц и сел за чертежи.

Часом позже ко мне постучались Саттоны.

Отдыхать мы так и не поехали. Зато я показал им обе машины. «Чертежник Дэн» не особенно впечатлил Дженни (оно и понятно, если женщина не инженер), но от «Пита Протея» ее было не оторвать. Дома у нее была пятая модель «Горничной», и она живо поняла, что «Пит» может гораздо больше.

А вот Джон сразу оценил «Чертежника Дэна». Перебирая клавиши (кое-какая практика у меня была), я ловко изобразил свою подпись, неотличимую от настоящей. Он поднял бровь.

— Слушай, парень, так ты всех чертежников оставишь без работы.

— Не оставлю. Нашей стране не хватает инженеров, вот эта штука и восполнит их дефицит. Лет тридцать спустя такая машина будет у каждого инженера и архитектора. Без нее они просто загнутся, как современный механик без электрических инструментов.

— Ты говоришь обо всем этом так, как будто знаешь наверняка.

— Так оно и есть.

Он осмотрел «Пита Протея» — я приказал тому

навести порядок на моем рабочем столе — потом вернулся к «Чертежнику Дэну».

— Знаешь, Дэнни… иногда мне кажется, что ты тогда сказал правду… помнишь, когда мы встретились впервые.

Я пожал плечами.

— Назови это предвидением… но я точно знаю. Уверен, что так и будет. Разве важно — откуда?

— Пожалуй, нет. И что ты хочешь делать с этими штуками?

Я нахмурился.

— В том-то и вся загвоздка, Джон. Я — хороший инженер, вполне приличный механик, но делец из меня никакой. Это доказано. Ты разбираешься в патентных законах?

— Нет, я уже говорил тебе. Для этого нужен узкий специалист.

— Найди мне кого-нибудь почестнее. И чтобы его не нужно было подгонять. Мне нужен патентный адвокат. Я собираюсь основать фирму и управлять ею, но с финансами связываться не хочу. И у меня совсем нет времени.

— Почему?

— Я собираюсь вернуться туда, откуда явился.

Он уселся и долго молчал.

— Сколько у тебя времени? — спросил он на-

конец.

— Гм… недель девять, если считать со следующего вторника.

Он снова взглянул на машины.

— Я бы на твоем месте пересмотрел сроки. Девять месяцев, если все пойдет гладко. Только тогда их можно будет пустить в производство.

— Джон, это невозможно.

— То же самое говорю и я.

— Я имею в виду, что не смогу изменить срок. Это мне неподвластно… уже.

Я закрыл лицо руками. Я смертельно устал: в среднем, мне доводилось спать не более пяти часов в сутки. В конце концов, у бизнеса свои законы — с ними можно бороться, но победить их невозможно.

Я посмотрел ему в глаза.

— А ты мог бы управлять всем этим?

— Чем? И в какой степени?

— Целиком. Я уже сделал все, что мог и умел.

— Это большое дело, Дэн. Известно ли тебе, что я смогу тебя обкрадывать, как захочу? Этот бизнес может принести миллионы.

— Так оно и будет. Я точно знаю.

— Зачем же делиться со мной? Не лучше ли выплачивать мне гонорар?

Я честно попытался обдумать это, но голова адски болела. Однажды у меня уже был компаньон — но нельзя же, черт возьми, из-за одного мошенника не доверять всем и каждому. Так можно уподобиться одноглазому отшельнику в глухой пещере. Абсолютной безопасности не бывает. Если уж человек живет, он должен рисковать. И надо, в конце концов, доверять людям.

— Джон, ты знаешь мой ответ. Ты-то мне поверил. Сейчас мне снова нужна твоя помощь. Ты мне поможешь?

— Конечно, поможет, — мягко вставила Дженни. — Хотя, честно говоря, я не знаю, что вы обсуждаете. Слушай, Дэнни, эта штука может мыть посуду? У тебя нет ни единой чистой тарелки.

— Как ты сказала, Дженни? О, конечно, может.

— Тогда вели ему перемыть всю посуду. Смотреть тошно.

— Он еще не запрограммирован на мытье посуды. Но, если тебе угодно, я мигом сделаю. Это займет часа два. Зато он станет лучшей посудомойкой в мире. Но сначала надо… м-м, видишь ли, мытье посуды — работа тонкая, не то, что класть кирпичи, или водить трактор. Здесь слишком много вариантов, и поэтому надо работать

с умом.

— Великий боже! Наконец-то хоть один мужчина понял, что такое домашняя работа. Дорогой, ты слышал, что он сказал? Ну, ладно, возись дальше. Посуду я вымою сама, — она осмотрелась. — Дэн, у тебя, мягко выражаясь, не комната, а свинарник.

Святая правда, я даже не подумал, что «Пит Протей» может убирать у меня. Я старался, чтобы он мог делать все, что понадобиться покупателям, а сам тем временем заметал мусор в угол, да и то изредка. Я начал учить его всему, что умел «Умница Фрэнк», благо ламп Фрезена было в нем втрое больше, чем у «Фрэнка».

Теперь у меня было на это время. Все остальные дела взвалил на себя Джон.

Дженни отпечатала описания, а для оформления заявки Джон нанял патентного адвоката. Не знаю, заплатил ли ему Джон наличными или заинтересовал в прибылях. Я ни о чем не спрашивал, доверил Джону все дела, вплоть до определения дивидендов с будущих прибылей и был совершенно уверен, что он не пойдет по дорожке Майлза. Теперь я был свободен и смог всерьез заняться своей настоящей работой. Честное слово, до всего прочего мне не было дела. В конце концов, не в деньгах счастье. Я должен

был полностью доверять Джону, или подыскать пещеру и стать отшельником.

Но на двух пунктах я настоял.

— Джон, ты должен назвать свою фирму «Аладдин».

— У тебя богатая фантазия. Чем плохо «Девис и Саттон»?

— Так нужно, Джон, так должно быть.

— Почему? Опять твое предвидение?

— Может быть. На товарном ярлыке мы изобразим Аладдина с лампой и выходящего из нее джина. И еще одно: главная контора должна быть в Лос-Анжелесе.

— Что? Ты спятил, если думаешь сманить меня туда. Чем тебе не нравиться Денвер?

— Всем нравится. Денвер — красивый город, но строить здесь фабрику нельзя. Стоит только подобрать здесь приличное место, как окажется, что эта земля нужна какому-нибудь федеральному ведомству, и тебе снова придется искать. А время уходит. Кроме того, здесь не хватает рабочей силы, строительные материалы на вес золота, некоторые детали днем с огнем не найдешь. А в Лос-Анжелесе — неисчерпаемый рынок рабочей силы, Лос-Анжелес — морской порт, в Лос-Анжелесе — …

— А как насчет смога? Его-то к достоинствам не отнесешь.

— Смог скоро победят. Поверь мне. Кстати, разве ты не заметил, что и в Денвере взялись производить его?

— Подожди минутку, Дэн. Мне вполне ясно, что тебя не переспоришь — значит, это и в самом деле важно. Но у меня должна быть какая-то свобода.

— Естественно, Джон.

— Конечно, надо быть полным психом, чтобы переезжать в Калифорнию. Я бывал там во время войны, видел все. Спроси у Дженни, она коренная калифорнийка — это ее тайный грех. Ее туда багром не затащишь. А здесь — чудесные зимы, свежий горный воздух, великолепные…

— Я никогда не зарекалась вернуться в Калифорнию, — сказала Дженни, оторвавшись от вязания.

— Что такое, дорогая?

Дженни не любительница трепаться. Если уж она заговорила, значит ей есть что сказать.

Она отложила спицы — добрый знак.

— Дорогой, в Калифорнии мы могли бы вступить в клуб Дубовой Долины. Они там купаются круглый год. Когда мы в последний раз приезжали в Боулдер, весь бассейн был затянут льдом.

Наконец, наступил долгожданный день — 2 декабря 1970 года. Я тянул с отъездом до последней минуты. Из-за чудовищной дороговизны деталей я совсем издержался, и мне пришлось занять у Джона три тысячи в счет будущих прибылей. Он позволил мне написать расписку, потом порвал ее и бросил клочки в корзину.

— Расплатишься, когда станешь миллионером.

— Это будет лет через тридцать, Джон.

— Неужели так долго?

Я задумался. После нашей первой встречи он ни разу не попросил меня рассказать мою историю. Да и тогда он прямо заявил, что не верит ни одному моему слову — однако поручился за меня в клубе.

Пришло время рассказать ему все до конца, я так и сказал ему.

— Может, разбудить Дженни? Она тоже имеет право узнать обо всем.

— М-м… не стоит. Пусть себе спит, пока не придется прощаться. Дженни — цельная натура, Дэн. Уж если она любит человека, ей наплевать, кто он и откуда взялся. Если хочешь, я потом ей все перескажу.

— Как знаешь… — И я подробно рассказал ему все, изредка прикладываясь к стакану с прохлади-

тельным (у меня были причины не прикасаться к алкоголю) и кончил тем мгновением, когда мы встретились на горном склоне близ Боулдера.

— Вот и все, — сказал я. — Пожалуй, стоит сказать еще об одном. Мне пришлось падать, правда не высоко. Это значит, что для строительства лаборатории грунт насыпали. А если бы его срыли бульдозером, я бы оказался заживо погребенным под землей. Скорее всего, вы бы тоже погибли — такой взрыв может стереть в порошок весь округ, хотя никто не знает, что случается, когда две массы одновременно оказываются в одной и той же точке пространства.

Джон молчал, прикуривая.

— Дэн, ты много рассказывал мне о будущем Лос-Анжелеса — я имею в виду Большой Лос-Анжелес. Я дам тебе знать, когда сам проверю, насколько точен твой рассказ.

— Все точно. Разве что забылись кое-какие мелочи.

— М-м… все логично. Но пока позволь мне считать тебя самым приятным психом из всех, что я встречал. Это не помешает тебе как инженеру… и как другу тоже. Ты мне нравишься, парень. К Рождеству я подарю тебе новую смирительную рубашку.

— Что ж, думай, как хочешь.

— Да, именно так. Иначе я сам сойду с ума… а это может не понравиться Дженни, — он взглянул на часы. — Давай-ка разбудим ее. Если я позволю тебе уехать, не попрощавшись с нею, она меня оскальпирует.

— Давай.

Они отвезли меня в Денверский Международный аэропорт, и Дженни чмокнула меня на прощание. Одиннадцатичасовым рейсом я отправился в Лос-Анжелес.

Глава одиннадцатая

На следующий вечер, третьего декабря 1970 года, я взял такси и поспешил к дому Майлза. Я не знал в точности, в каком часу очутился там в тот раз, и поэтому решил приехать загодя. Отпустив такси за квартал до особняка Майлза, я подошел пешком. Было темно, у дома стояла только одна машина Майлза. Я отошел метров на сто и стал ждать.

Две сигареты спустя подъехала другая машина, остановилась. Фары погасли. Я подождал еще минуту, потом подошел к ней. Это была моя машина.

Ключа у меня не было, но это меня мало беспокоило: погруженный по самые уши в инженерные проблемы, я вечно забывал ключ в самых неожиданных местах, и поэтому давно выработал привычку держать в багажнике запасной. Я достал его и забрался в машину. Не зажигая фар, я снял машину с ручного тормоза и позволили ей катиться вниз по улице до угла, и только тогда запустил двигатель. На самых малых оборотах, без огней, я объехал квартал и остановился в переулке позади дома Майлза и как раз напротив

его гаража.

Гараж был заперт. Я заглянул внутрь сквозь грязное окошко и увидел какую-то темную массу. Вглядевшись попристальнее, я различил очертания моего старого друга, «Умницы Фрэнка».

В Южной Калифорнии того времени гаражи строились без расчета на взлом. С замком я справился за считанные секунды. Гораздо больше времени я потерял, разбирая «Фрэнка» на составные части и запихивая их в машину. Перво-наперво, я отыскал чертежи и записи — они оказались там, где я и ожидал их найти. Я отнес их в машину и бросил прямо на пол, а уж потом занялся самим «Фрэнком». Никто лучше меня не знал его соединений, к тому же, я не слишком церемонился — все это ускорило дело, но все равно, вкалывать пришлось целый час.

Я едва успел затолкать в багажник последний блок (это было шасси от инвалидного кресла) и черепашьим ходом отогнал машину подальше, как завыл Пит. Ругая себя за неуклюжесть и нерасторопность, я обежал гараж и задний двор. Представление началось.

Я твердо обещал себе, что уж на этот раз обязательно наслажусь зрелищем Питова триумфа, но Ничего не увидел. Хотя задняя дверь была откры-

та, проем оказался затянут сеткой, и ни один из бойцов так и не попал в поле моего зрения. Зато я слышал беготню, треск, леденящий кровь вой Пита, визг Беллы и прочее. Я подкрался к двери, надеясь увидеть хотя бы финал кровавой сцены.

Дьявол! Сама сетка была на крючке!

Этого я не учел. Я поспешно достал нож, сломал ноготь, открывая его, откинул крючок и вовремя отскочил. Пит ударил в сетку, словно киношный мотоциклист, таранящий забор.

Приземлился я прямо в розовый куст, выбрался на тротуар и отошел подальше от освещенной двери. Теперь надо было ждать, пока Пит затихнет. Я знаю котов. В таких случаях их лучше не трогать.

Но каждый раз, когда он проходил мимо меня, издавая свой боевой клич, я тихонько звал его.

— Пит, иди ко мне. Пит, успокойся, парень, все в порядке.

Он знал, что я близко, и даже видел, но все равно игнорировал. Ему нужно было сперва расправиться с врагами, а уж потом общаться со мной. Я знал, что он придет ко мне, когда немного успокоится.

Пока я ждал, сидя на корточках, в доме послышался шум воды — враги зализывали раны,

оставив меня в гостиной. Тут ко мне пришла ужасная мысль: а что, если подкрасться к моему бесчувственному телу и перерезать ему горло? Я подавил ее в зародыше: не настолько я любопытен, чтобы из чисто академического интереса идти на убийство, а тем более — на самоубийство.

К тому же, результата, скорее всего, так и не увидишь.

Кроме того, мне вообще не хотелось входить в этот дом. Конечно, я мог бы прирезать Майлза… но он и так скоро умрет.

Наконец, Пит остановился футах в трех от меня.

— Мрроурр? — сказал он, имея в виду: «Давайка вернемся и порвем их на куски. Ты сверху, а я снизу».

— Нет, парень, забава кончилась.

— Мяу!

— Пора идти домой, Пит. Иди к Дэну.

Он сел и начал умываться.

Когда он закончил, я вытянул руки, и он прыгнул ко мне.

— Мррр? («А где ты был, когда я дрался?»)

Я отнес его к машине и опустил на сиденье водителя — единственное свободное место. Он

обнюхал железки, громоздящиеся на его обычном месте и с упреком посмотрел на меня.

— Поедешь у меня на коленях, — сказал я. — Не суетись.

Мы выехали на улицу, и я включил фары. Я направился к Большому Медвежьему озеру, к лагерю девочек-скаутов. Через десять минут я вышвырнул вон расчлененного «Фрэнка» и освободил Питу его законное место — так было удобнее нам обоим. Проехав несколько миль, я снова остановился, выгреб с пола записи и чертежи и отдал их на волю ветра. Шасси от инвалидного кресла я приберег до той поры, пока не поднялся в горы — там я спихнул его в ущелье: что-то загрохотало.

К трем часам я подъехал к мотелю, что стоял неподалеку от лагеря, и снял комнату. Пришлось переплатить — Пит не вовремя высунулся и мяукнул.

— Когда приходит утренняя почта из Лос-Анжелеса? — осведомился я у хозяина.

— Вертолет прилетит точно в семь тридцать.

— Чудесно. Разбудите меня в семь. Ладно?

— Мне вас жаль, мистер, если вы надеетесь доспать здесь до семи. Я ни разу не смог. А теперь позвольте, я запишу вас.

К восьми часам мы с Питом позавтракали, я побрился и умылся. Потом я учинил Питу медосмотр и убедился, что из битвы он вышел невредимым, если не считать пары синяков.

Я выписался из мотеля и по частной дороге поехал к лагерю. Мне повезло — грузовичок с почтой только-только уехал оттуда.

Никогда в жизни я не видел столько девчонок сразу. Они веселились, как котята, а скаутская форма делала их совершенно одинаковыми. Всех их очень заинтересовал Пит, хотя большинство из них благоразумно поглядывали на него издали. Я направился к домику, на котором было написано: «ШТАБ». Там я встретил еще одну скаутку, но уже далеко не девчонку.

Ко мне она отнеслась с презрением: как еще прикажете относится к типу, который решил навестить маленьких девочек, которые только становятся девушками?

Я объяснил, что прихожусь дядей одной из девочек, что зовут меня Даниэль Б. Девис, и что я должен сообщить племяннице нечто важное, касающееся семейных дел. Она заявила, что к детям допускаются только родители, а все прочие — лишь в сопровождении родителей, да и то, после четырех часов пополудни.

— Мне не обязательно видеть Фредерику, я должен лишь сообщить ей кое-что. Это очень важно.

— В таком случае, напишите все, что нужно, я передам ей, как только закончатся гимнастические игры.

Я расстроился (и попытался показать ей это).

— Нет, так не пойдет. Такое нельзя сообщить письмом.

— У вас в семье кто-то умер?

— Нет. Скажем так: семейные неприятности. Простите, мэм, мне не хотелось бы говорить об этом с посторонними. Это касается ее матери.

Она смягчилась, но не до конца. Тут в дискуссию вступил Пит. Я не хотел оставлять его в машине, зная, что Рикки непременно захочет увидеть его. Он не любитель лежать на руках и как раз в этот момент ему это надоело.

— Уарр? — сказал он.

— Ой, какой хороший. У меня дома тоже есть кошка и, похоже, тех же кровей.

— Это кот Фредерики, — торжественно объяснил я. — Мне пришлось таскать его с собой, потому что… ну, некуда девать. О нем некому позаботиться.

— Ох, бедненький! — и она почесала его под

челюстью. Обычно Пит резко пресекает все поползновения незнакомых людей, но она, слава Богу, сделала все, как надо, и он разомлел до неприличия.

Наконец, блюстительница юных сердец велела мне подождать за столом, что стоял под деревьями, недалеко от штаба. Там можно было присматривать за мной, не нарушая приватности разговора. Я поблагодарил ее и стал ждать.

Я не заметил, как подошла Рикки.

— Дядя Дэнни! — услышал я. И тут же, стоило мне обернуться: — Ты и Пита привез! Как чудесно!

Пит мурлыкнул и перескочил к ней на руки. Она ловко поймала его, уложила, как он больше всего любил, и с полминуты они не обращали на меня внимания, исполняя тонкости кошачьего протокола. Потом она посмотрела на меня и совершенно спокойно сказала:

— Дядя Дэнни, я очень рада тебя видеть.

Я не стал целовать ее. Даже не прикоснулся к ней. Я с роду не любил тискать детей, да и Рикки с малых лет терпеть этого не могла. Наше своеобразное родство всегда держалось на принципах взаимного уважения личного достоинства.

Зато я пожирал ее глазами. Мускулистая, с

торчащими коленками, еще не сформировавшаяся, она уже была не такой миленькой, как маленькие девчонки. Шорты, рубашка навыпуск, шелушащийся загар, царапины, синяки и необходимое количество грязи тоже не добавляли ей женских чар. Это был набросок женщины, но вся ее угловатость с лихвой окупалась огромными сияющими глазами и неистребимым очарованием эльфа-замарашки.

Она была восхитительна.

— И я рад, Рикки, — ответил я.

Пытаясь совладать с Питом одной рукой, она порылась в набитом кармане шорт и достала смятый конверт.

— Удивительно. Я только что получила письмо от тебя, даже не успела распечатать. Ты писал, что собираешься приехать?

— Нет, Рикки. Я писал, что должен уехать. Но потом решил, что непременно должен попрощаться с тобой лично.

Она расстроилась.

— Ты уезжаешь?

— Да. Я все тебе объясню, Рикки, хотя это займет много времени. Садись, я тебя обо всем расскажу.

Итак, мы сидели за столом под кронами деревьев, а между нами, словно пресс-папье, лежал

Пит. Передние лапы он положил на смятое письмо и щурил глаза, мурлыкая на басах, словно пчелы жужжали в клевере.

Оказывается, она уже знала, что Майлз женился на Белле — и слава Богу. Мне не хотелось бы первым сообщить ей об этом событии.

— Я знаю, — сказала она невыразительно. — Папа написал мне.

— Да, да.

Тут она взглянула на меня совсем не по-детски.

— Я больше не вернусь туда, Дэнни. Никогда не вернусь.

— Но… Послушай, Рикки-Тикки-Тави, я знаю, что ты должна чувствовать. Конечно, тебе нечего там делать… я бы с радостью взял тебя с собой, если бы мог. Но тебе придется вернуться. Он твой отец, и тебе только одиннадцать лет.

— Не придется. Он же не настоящий мой отец. Приедет бабушка и заберет меня с собой.

— Что? А когда она приедет?

— Завтра. Она живет в Браули. Я написала ей обо всем и попросилась жить у нее. Я больше не хочу жить с папой и этой… — В простое местоимение она вложила столько презрения, сколько иной взрослый не выжмет и из ругательства. — Бабушка ответила, что если я не хочу жить там,

то и не должна. Он никогда не удочерял меня, а мой «официальный опекун» — бабушка, — она серьезно посмотрела мне в глаза. — Они ведь не могут силой забрать меня, правда?

Нет слов, чтобы описать мое облегчение. Все это время я думал, как уберечь Рикки от подчинения Белле и ее вредного влияния на протяжении… пары лет. Мне казалось, что после смерти Майлза Рикки придется жить бок о бок с Белл.

— Если он не удочерял тебя, то все права на стороне бабушки, и вы можете делать все, что задумали. — Я нахмурился и пожевал губу. — Но вам могут помешать. Тебя могут не отпустить к ней.

— А кто мне помешает? Я просто сяду в машину, и мы уедем.

— Не все так просто, Рикки. Здешнее начальство должно соблюдать правила. Твой отец — Майлз. Я имею в виду, что именно Майлз привез тебя сюда. Они отдадут тебя только ему, и никому больше.

Она выпятила нижнюю губу.

— Я не хочу к ней. Я хочу к бабушке.

— Да. И я помогу тебе — расскажу, как это лучше сделать. На твоем месте я не стал бы никому говорить, что собираюсь уезжать из лагеря насовсем. Скажи, что едешь с бабушкой на прогулку,

а потом — только тебя и видели.

Она повеселела.

— Верно!

— И не собирай чемодан, а то они догадаются. Оставайся в этой одежде, возьми с собой деньги и то, что в самом деле нельзя бросить, но чтобы все уложилось в карманы. Надеюсь, у тебя здесь немного такого, что жалко оставить.

— Немного, — согласилась она и тут же грустно добавила. — Только вот мой новый купальник…

Невозможно объяснить ребенку, что бывают случаи, когда нужно плюнуть на весь багаж. Дети бросятся в горящее здание — лишь бы спасти куклу или игрушечного слона.

— Ммм… Рикки, а что, если бабушка скажет, будто вы хотите искупаться в Эрроухед, а потом пообедать в гостинице и пообещает вернуться с тобой к отбою? Тогда ты сможешь взять с собой купальник и полотенце. Но больше ничего. Сможет бабушка солгать ради тебя?

— Думаю, сможет. Да, конечно. Она говорит, что не будь невинной лжи, люди давно бы перегрызлись между собой. Но ложь, говорит она, нельзя употреблять во зло.

— Твоя бабушка — очень умная женщина. Надеюсь, вы так и сделаете.

— Так и сделаем, Дэнни.

— Вот и хорошо, — я взял многострадальный конверт. — Рикки, я уже говорил тебе, что должен уехать. И очень надолго.

— На сколько?

— На тридцать лет.

Ее глаза распахнулись шире всех человеческих пределов. Когда тебе всего одиннадцать, тридцать лет — это не просто «надолго», это значит — навсегда.

— Прости, Рикки, — добавил я. — Но это необходимо.

— Почему?

Я не мог ответить. Правда была невероятна, а ложь — недопустима.

— Это очень трудно объяснить, Рикки. Я должен, и никуда от этого не денешься, — и поколебавшись, добавил, — я ложусь в анабиоз. Гипотермия — ты ведь знаешь, что это такое.

Она знала. Дети вообще усваивают новые понятия быстрее, чем взрослые. К тому же, анабиоз был любимой темой комиксов.

— Но ведь я тебя никогда больше не увижу, Дэнни! — воскликнула она с ужасом.

— Увидишь. Это долгий срок, но я еще увижу тебя. И Пит — тоже. Ведь Пит тоже ложится в

анабиоз.

Она удрученно посмотрела на Пита.

— Дэнни… а почему бы тебе с Питом не поехать в Браули и не жить с нами? Так же будет лучше. Бабушка будет любить Пита. И тебя она тоже полюбит — она говорила, что в доме должен быть мужчина.

— Рикки… дорогая моя Рикки… я должен. Не мучай меня.

Она сердито глянула на меня, подбородок ее задрожал. Я разорвал конверт.

— Я знаю, это все из-за нее!

— Что? Если ты говоришь о Белле, то она тут ни при чем. Совершенно ни при чем.

— Она не собирается в анабиоз вместе с тобой?

— Боже мой, конечно, нет! — меня даже передернуло. — Мы разошлись с ней на веки вечные.

Это мало успокоило Рикки.

— Я так обиделась на тебя из-за… этой. Ты ужасно меня обидел.

— Прости, Рикки. Мне, честное слово, очень жаль. Ты была права, а я — нет. Но она здесь не при чем. Я покончил с ней навсегда и вычеркнул ее из своего сердца. А теперь — смотри сюда, — я достал сертификат моих акций в «Горничных, Инкорпорейтед». — Ты знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил.

— Меня долго не будет, Рикки, и я хочу чтобы это было у тебя.

Тут я достал мое письмо с инструкциями, порвал его, а клочки засунул в карман. Нельзя было рисковать — Белл способна на любой подлог. Я прочел передаточную надпись на обороте сертификата, пытаясь сообразить, как сделать, чтобы в банке…

— Рикки, а как твое полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Джентри? Но ты же сказала, что Майлз не удочерял тебя?

— Ой! Меня так давно зовут Рикки Джентри, что я совсем забыла. Ты имеешь в виду мою настоящую фамилию? Хайнке, как у бабушки… и моего настоящего отца. Но меня никто так не зовет.

— Теперь будут.

Я надписал: «Фредерике Вирджинии Хайнке». Затем добавил: «Выплатить по достижении ею двадцати одного года». Теперь я сообразил, что мое первое поручение в любом случае не имело законной силы.

Тут я заметил, что наша церберша пристально

поглядывает на нас, и взглянул на часы — мы разговаривали уже целый час.

Но нужно было заверить передаточную надпись.

— Мэм?

— Да?

— Скажите, пожалуйста, где я могу поблизости заверить документ? Есть здесь нотариус?

— Я — нотариус. Что вы хотите заверить?

— Господи! Чудесно! И печать с вами?

— Всегда со мной.

В ее присутствии я подписал передаточную надпись, а она, даже погрешив против совести, избрала расширенную форму свидетельства: «…и лично известный мне под именем Даниэль Б. Девис…» (Ведь Рикки достаточно ясно показала, что знает меня, да и Пит красноречивым молчанием подтвердил, что я — полноценный член кошачьего братства). Потом она поверх моей подписи поставила печать, подписалась сама, и я с облегчением вздохнул. Пусть теперь Белла попробует смошенничать!

Она удивленно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Ваша неоценимая помощь предотвратила трагедию, — торжественно объявил я.

— Сами знаете — интересы детей прежде всего!

Она отвергла гонорар и удалилась в домик.

Я вернулся к Рикки и сказал:

— Отдай это своей бабушке. Скажи, пусть она отнесет это в местное отделение Американского Национального банка. Там сделают все, что нужно, — и положил сертификат перед ней.

Она даже не дотронулась до него.

— Это связано с деньгами, да?

— Да. Пока это немного стоит, но со временем…

— Я не возьму.

— Но я хочу, чтобы это было у тебя, Рикки.

— Я не возьму. Не хочу, — голос ее задрожал, на глаза навернулись слезы. — Ты уходишь навсегда… а меня бросаешь, — она всхлипнула. — Совсем, как тогда, когда ты был помолвлен с этой. Ты мог бы взять Пита и жить с бабушкой и со мной. Я не желаю твоих денег.

— Рикки, послушай меня. Уже поздно что-либо менять. Я ничего не могу сделать, даже если захочу. А этот сертификат — твой.

— А я не хочу с ним связываться, — она погладила Пита. — Я даже не успела хорошенько приласкать Пита. И Пит меня бросает… У меня не

будет даже Пита…

— Рикки. Рикки-Тикки-Тави, ты хочешь снова увидеть Пита… и меня?

— Конечно, — ответила она шепотом. — Но я не смогу.

— Сможешь.

— Да? Как? Ты же сказал, что ложишься в анабиоз на тридцать лет.

— Да. Я должен. А тебе я скажу, что надо сделать, чтобы мы встретились. Будь хорошей девочкой, слушай бабушку, ходи в школу — а деньги тем временем будут расти. Когда тебе исполнится двадцать один год, и если ты к тому времени не забудешь нас — ляг в анабиоз, денег на это у тебя хватит. Когда ты проснешься, мы будем ждать тебя. Мы с Питом обязательно дождемся. Торжественно обещаю.

Она немного успокоилась.

— А вы точно будете там? — спросила она после долго раздумья.

— Да. Мы даже можем договориться о точной дате. Если ты не раздумаешь, сделай точно, как я скажу. Обратись в страховую компанию «Космополитен» и распорядись, чтобы тебя положили в Риверсайдский Санктуарий, что в Риверсайде… а еще — вели, чтобы тебя разбудили первого

мая 2001 года. Я буду тебя дожидаться. Если ты захочешь, чтобы я был при твоем пробуждении — так и скажи им, если нет — я буду ждать тебя в вестибюле. Я знаю этот Санктуарий. Там тебе будет хорошо, — я достал еще один пакет, приготовленный в Денвере. — Тебе нет нужды запоминать все это: здесь все написано. Сохрани его до совершеннолетия, тогда и прочтешь. Но помни: что бы ты ни решила, мы с Питом все равно будем ждать тебя.

И я положил конверт поверх сертификата.

Мне казалось, что я смог убедить ее, но она и теперь не дотронулась до бумаг. Она лишь глянула на них, а затем тихо сказала:

— Дэнни…

— Что, Рикки?

Я едва слышал ее шепот.

— Если я сделаю все это… — проговорила она, глядя себе под ноги, — …ты женишься на мне?

Мне в голову ударила кровь, в глазах потемнело, но я ответил твердо и громко:

— Да, Рикки. Я только этого и хочу. Именно поэтому я и ложусь в анабиоз.

* * *

Я оставил ей еще один конверт, с надписью:

«Вскрыть в случае смерти Майлза Джентри».

Я не стал объяснять ей, что в нем, просто попросил сохранить. Там были сведения о похождениях Беллы. В руках адвокатов это обеспечит Рикки наследство Майлза, даже против его воли.

Потом я снял с пальца кольцо, полученное при выпуске из института (другого у меня не было) и отдал его Рикки. Так мы с ней обручились.

— Оно тебе великовато, но ты все равно храни его. Когда ты проснешься, я приготовлю тебе другое.

Она крепко зажала кольцо в своем кулаке.

— Не нужно мне никакого другого.

— Хорошо. А теперь — прощайся с Питом. Мне пора ехать. У меня больше нет ни минуты.

Она крепко обняла Пита, потом отдала его мне и твердо посмотрела мне в глаза. Две слезинки скатились по ее щекам, оставляя за собой чистые дорожки.

— Прощай, Дэнни.

— Не «прощай», Рикки, а до свидания. Мы будем ждать тебя.

* * *

В четверть десятого я вернулся к мотелю. Там я узнал, что рейсовый вертолет улетает через двадцать минут, живо отыскал торговца подержанными автомобилями и провернул рекордную по скорости сделку, спустив свою машину за полцены. Я умудрился контрабандой протащить Пита в вертолет (летчики недолюбливают котов) и в одиннадцать с минутами был уже в кабинете мистера Пауэлла.

Тот уже беспокоился, не передумал ли я, а потом вознамерился прочитать мне лекцию о том, как нехорошо терять документы.

— Это не по правилам. Что я скажу судье? Он может отказаться заверить контракт во второй раз.

Я достал наличные и помахал ими перед ним.

— Бросьте капать на мозги, уважаемый. Будете вы заниматься мною или нет? Если нет, так и скажите. Тогда я отнесу свои деньги в «Центральную». Я хочу заснуть именно сегодня.

Это подействовало, хотя он и продолжал ворчать. Он упомянул, что Компания не может гарантировать пробуждение в точно назначенный день.

— Обычно мы пишем в контракте: «Плюс-ми-

нус один месяц, на усмотрение администрации».

— Так не пойдет. Пишите — 27 апреля 2001 года. Я так хочу, и мне безразлично, кто это сделает — ваша Компания или «Центральная». Вы продаете, мистер Пауэлл, — я покупаю. Если вы не можете продать то, что мне нужно, я найду другое место.

Он переделал контракт, и мы подписались под ним.

Ровно в двенадцать я предстал перед врачом.

— Вы больше не пили? — спросил он.

— Трезв, как судья.

— Это не критерий. Посмотрим.

Осматривал он меня еще придирчивее, чем «вчера». Наконец, он отложил резиновый молоток и сказал:

— Удивительно. Вы же совершенно здоровы, не то что вчера. Просто невероятно.

— Бывает и хуже, док.

Я взял Пита на руки и гладил, пока ему делали успокаивающий укол. Потом я улегся на спину и позволил обработать себя. Честно говоря, я думал, что меня продержат день-другой, и был готов к этому. Главное — мне позарез нужно было вернуться в 2001 год.

Часам к четырем я счастливо заснул бок о бок с Питом.

Глава двенадцатая

На этот раз обошлось без кошмаров. Было только чувство неизбежного разочарования, а это не так уж и страшно. Во сне я шел и шел по бесконечным коридорам, толкаясь во все двери, уверенный, что одна из них — Дверь в Лето, и за нею меня ждет Рикки. А под ногами у меня путался Пит. У котов есть такая гадкая привычка, и свежему человеку трудно бороться с искушением дать пинка или просто наступить ногой.

Перед каждой новой дверью Пит проскакивал у меня меж ступней, первым заглядывал в дверь, видел все ту же картину и отскакивал назад, едва не сбивая меня с ног.

Но обоих нас не оставляла надежда, что следующая дверь обязательно окажется Дверью в Лето.

На этот раз я проснулся легко и просто и уже не пялился по сторонам. Доктор даже удивился: продрав глаза, я не задал вопроса, а сразу же потребовал завтрак и лос-анжелесскую «Таймс». Конечно я не стал объяснять, что мне не впервой выходить из анабиоза. Он бы все равно не поверил.

Оказалось, что с неделю назад на мое имя при-

шло письмо от Джона:

«Дорогой Дэн!

Все оказалось так, как ты и напророчил. Как тебе это удалось?

Прости, что не встретил тебя. Дженни очень хотела, но я с великим трудом объяснил ей, что по пробуждении ты будешь сильно занят. А пока она шлет тебе тысячу поцелуев и надеется, что ты вскоре покончишь с делами и двинешься к нам. У нас все хорошо, хотя я собираюсь отойти от дел. Дженни еще больше похорошела.

До встречи, друг мой.

Джон.

P.S. Если тебя не привязывают к койке, позвони, не стесняйся. Дела идут хорошо, по крайней мере, я так думаю».

Сперва я собрался, было, позвонить Джону, поздороваться и выложить очередную идею (во сне я придумал машину, которая превратит купание в ванне из тяжкой обязанности в утонченное удовольствие), но потом — раздумал, было другое, более срочное дело.

Я заново продумал, что буду делать, а потом заснул с Питом под мышкой. Придется отучать его от этой вредной привычки. Это, конечно, приятно, но неудобно.

В понедельник, тридцатого апреля, я вышел из Санктуария и отправился в Риверсайд. Я еле протащил Пита в гостиницу — автоматических регистраторов невозможно подкупить — доусовершенствовались, называется! Правда, дежурный администратор оказался не так суров. Он внял моим доводам — хрустящим и имеющим хождение на всей территории США. В эту ночь мне не спалось, я был слишком возбужден.

В десять утра я предстал перед директором Риверсайдского Санктуария.

— Доктор Рэмси, меня зовут Даниэль Бун Девис. У вас есть клиентка по имени Фредерика Хайнке?

— Есть у вас какие-нибудь документы?

Я показал ему водительские права, выданные в Денвере тридцать лет назад и свидетельство из моего Санктуария. Он внимательно прочел бумаги и вернул их мне.

— Мне думается, ее должны разбудить сегодня, — сказал я взволнованно. — Можно мне присутствовать при этом? Я не имею в виду сам процесс,

я говорю о той минуте, когда она откроет глаза.

— Мы не собирались будить ее сегодня, — ответил он, пожевав губу.

— Как?! — у меня упало сердце.

— Да, не собирались. Она не хотела, чтобы ее разбудили именно сегодня. Она вообще не велела себя будить, пока не появитесь вы, — он улыбнулся. — Должно быть, у вас золотое сердце. По виду этого не скажешь.

— Спасибо, доктор, — выдохнул я.

— Подождите в вестибюле или пойдите погуляйте. Через пару часов мы позовем вас.

Я вышел в вестибюль, и мы пошли гулять. Я купил для Пита новый саквояж, но он ему не понравился — запах, наверное, не тот, что у старого. Видимо, поэтому прошлую ночь он проспал на подоконнике.

Мы зашли в «воистину чудесное местечко», но мне ничего в рот не полезло. Пит съел мою яичницу, и я обтер желток с его морды. В одиннадцать тридцать я вернулся в Санктуарий. Наконец, меня провели к Рикки.

Я видел только ее лицо. Остальное было закрыто покрывалом. Это была моя Рикки, но уже зрелая женщина. Она была словно изящный ангел.

— Она под гипнозом, — тихо сказал доктор Рэмси. — Становитесь сюда, и я разбужу ее. А вот кота лучше убрать отсюда.

— Ни в коем случае, доктор!

Он пожал плечами, повернулся к Рикки и произнес:

— Просыпайтесь, Фредерика. Просыпайтесь. Вы должны проснуться.

Ее веки задрожали, и она открыла глаза. Посмотрела по сторонам, увидела нас и сонно улыбнулась.

— Дэнни… и Пит…

Она протянула нам руку — на левом пальце у нее было мое кольцо.

Пит мяукнул, прыгнул ей на плечи, и они, в восторге от встречи, забыли обо всем.

* * *

Доктор Рамси хотел оставить Рикки в палате до завтра, но она не согласилась. Я подогнал джампер прямо к двери Санктуария, и мы понеслись в Браули. Бабушка Рикки умерла в 1980 году, других родственников у нее не было, но остались кое-какие вещи — в основном, книги. Я распорядился отправить их в «Аладдин» на имя Джона Саттона.

Перемены в облике родного города настолько поразили Рикки, что она ни на миг не выпускала мою руку. Она не страдала приступами ностальгии, просто хотела уехать из Браули как можно быстрее.

Джампером мы добрались до Юмы. Аккуратно, как никогда раньше, я вывел в книге записей гражданских актов окружного суда свое полное имя: «Даниель Бун Девис», чтобы все видели — Д. Б. Девис подписал важнейший документ в своей жизни. Несколько минут спустя я держал Рикки за руку и повторял:

— Я, Даниэль, беру тебя, Фредерика… до той поры, пока смерть не разлучит нас.

Моим шафером был Пит. А свидетелей мы завербовали прямо в окружном суде.

* * *

Из Юмы мы направились на ранчо близ Таксона, сняли там домик на отшибе и объявили слуге, одному из «Работяг», что не желаем никого видеть. Пит выиграл титаническую битву с тамошним королем всех котов и кошек, и нам пришлось держать его при себе. Если не считать этого, никаких неприятностей не было. Итак, у меня была Рикки, а она получила мужа, наречен-

ного ей еще с детства.

Больше рассказывать почти не о чем. Рикки оказалась самым крупным держателем акций «Горничных», и я воспользовался этим, чтобы переместить Мак-Би на должность «заслуженного инженера-исследователя», а Чака — на пост главного инженера. Джон заправляет «Аладдином», но вскоре собирается на покой. Он выпустил привилегированный пакет акций и не стал распродавать его. Таким образом, мы с Саттонами можем контролировать корпорацию, не вникая в детали. И в «Горничных», и в «Аладдине» я отказался от места в правлении — они развиваются сами по себе и жестко конкурируют. Пусть себе — не напрасно же Дарвин придумал борьбу за выживание.

У меня теперь есть «исследовательская компания Девиса» — чертежное ателье, маленькая мастерская и старый механик. Он считает меня психом, но чудесным образом воплощает мои чертежи в металл и пластик. Когда у нас получается что-то путное, я продаю лицензию — и дело с концом.

Еще я вожусь с записями об открытии Твишелла. Я написал ему, сообщил, что опыт удался, что я вернулся с помощью анабиоза… и очень просил

прощения за свой розыгрыш. Я спрашивал, не желает ли он прочитать рукопись. Он не ответил: наверное, все еще злится на меня.

Но я все-таки напишу эту книгу, а когда закончу — разошлю во все библиотеки, даже если придется отпечатать ее на свои деньги. Я в долгу перед ним. Более того: именно ему я обязан тем, что у меня есть Рикки. И Пит. Книгу я назову «Невоспетый гений».

Дженни и Джон, по-моему, совсем не состарились. Этим они обязаны успехам геронтологии, свежему воздуху, солнцу, гимнастике и нерушимому оптимизму. Дженни еще больше похорошела в свои шестьдесят три! Джон до сих пор думает, что я «просто предвидел» все это и не желает верить очевидному. Что с ним поделаешь!? Я попытался объяснить все это Рикки еще во время нашего медового месяца. Я рассказал о лаборатории близ Боулдера, о том, что был с нею в скаутском лагере и одновременно лежал, накачанный наркотиками, в долине Сан-Фернандо.

Она посмотрела на меня, словно я сошел с ума. Тогда я сказал:

— Давай поставим мысленный эксперимент. Здесь все логически и математически обосновано. Берем морскую свинку — белую, с коричневыми

пятнами. Сажаем ее на темпоральную платформу и перемещаем на неделю назад. Но неделю назад мы уже нашли ее на платформе, и с тех пор она сидит у нас в клетке. Таким образом, у нас две морские свинки… хотя на самом деле это один и тот же зверек, только один из них — на неделю старше. Мы берем одного из них, посылаем на неделю и…

— Подожди минутку! Которого?

— Которого? Но он же один. Мы берем того, который моложе, конечно, потому что…

— Ты сказал, что у нас одна морская свинка. Потом ты сказал, что их две. Потом, что две и есть одна. Ты хочешь взять одну из них, хотя они и есть одна…

— Вот это я и пытаюсь объяснить — как две свинки могут быть одной. Если ты возьмешь ту, которая младше…

— А как ты думаешь, которая из них младше, если они выглядят совершенно одинаково?

— Ну, у той, которую мы посылаем на неделю назад, можно отрезать хвостик. И тогда она вернется…

— О, Дэнни, как это жестоко! И к тому же у морских свинок нет хвостов! — выдвинула она решающий довод.

Больше я не пытался объяснить ей все это.

Рикки просто не придавала этому большого значения. Увидев, как я поник, она тихо сказала:

— Иди ко мне, милый, — она взъерошила мне волосы и чмокнула меня. — Мне нужен один ты. С двумя бы я не справилась. Скажи мне вот что — тебе понравилось, какой я стала?

И я зарекся просвещать Рикки, кто я такой.

Но некоторых вещей я так и не могу объяснить даже самому себе. Словно я сидел на карусели, считал обороты и сбился со счета. Почему я не видел сообщения о моем пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение, в апреле 2001 года, а не первое в апреле 2000. Я же тогда подробно просматривал этот раздел. Меня разбудили (во второй раз) 27 апреля 2001 года, в пятницу, значит, сообщение об этом должно было быть в «Таймсе» на следующее утро. Но я не видел его.

Рассуждая логически, можно представить себе Вселенную, где нет Европейского континента. Неужели и впрямь существуют параллельные потоки времени или альтернативные Вселенные? Неужели я попал в другую Вселенную, когда вмешался в структуру мироздания? И нашел там Рикки и Пита? Может быть, где-то (или когда-то) есть такая вселенная, в которой Пит воет, брошен-

ный на произвол судьбы? Или такая, в которой Рикки не попала к бабушке, а вынуждена была терпеть мстительную ярость Беллы?

Но одна строчка мелким шрифтом ничего не доказывает. Той ночью я почти не спал, и мне вполне могло просто показаться, что я просмотрел все газеты. Я всегда был рассеян, особенно когда думаю о работе.

А что я стал бы делать, если бы увидел свое имя? Встретил бы самого себя и сошел с ума? Нет, ведь если бы я увидел свое имя, я не сделал бы того, что сделал потом. «Потом» — с моей точки зрения — и это имя просто не могло появиться в печати. Не оказалось бы причин, которые привели бы к этому. Здесь налицо была обратная отрицательная связь с «охранной цепью» — само существование этой строки было обусловлено тем, что я ее не увижу.

Сама возможность того, что я прочту свое имя, исключалось «невозможностями», заложенными в основе цикла.

«Есть божество, что лепит нашу волю; желанья наши — плод его трудов».[25] В одном изречении утверждается и предопределение, и свобода воли.

---

[25] Примечания: 25
Шекспир. «Тит Андроник».

Есть только один настоящий мир, с одним прошлым и одним будущим. «Каким был вначале, таков есть и таким пребудет мир бесконечный, аминь». Только один… но такой большой и славный, что в нем хватает места и для свободы воли, и для путешествий во времени, и для всего прочего, причем все это опутано связями — прямыми и обратными, есть даже «охранные цепи». В рамках его законов нам позволяется все, что угодно… Но потом все возвращается на круги своя.

Я не единственный, кто путешествовал во времени. И Форт, и Амброз Бирс[26] описали множество таких случаев, правда, относя их к области необъяснимого. Еще стоит вспомнить двух дам из парков Тринажена. Я подозреваю, что старый док Твишелл нажимал свою кнопку гораздо чаще, чем признается… при этом ничего не объясняя тем, кого посылал в прошлое или в будущее. Сомневаюсь, что это когда-нибудь всплывет. В моем случае об этом знали всего три человека, и двое из них не поверили мне. Не так уж много может быть путешественников во времени. Как говорил Форт, железные дороги появились только тогда, когда пришло их время.

---

[26] Примечания: 26

Амброз Бирс — американский писатель девятнадцатого века, много работал в жанре «фэнтэзи», неоднократно издавался на русском языке.

Но у меня не выходит из головы Леонардо Винсент. Неужели он стал Леонардо да Винчи? Неужели прошел через весь континент и встретил Колумба? В энциклопедии описана его жизнь — но ведь свою биографию он писал сам и мог написать все, что ему было угодно. Я-то знаю, как это бывает. Сам делал нечто подобное. В Италии пятнадцатого века не знали ни личных номеров, ни идентификационных карточек, ни дактилоскопии — тогда все было проще.

Представьте себе его, оторванного от всего привычного: он знает, что возможны полеты в воздухе, электричество, еще миллион всяких вещей — и пытается изобразить все это хотя бы в принципе, в рисунках. И представьте себе его тоску по своему времени — ведь ему ведомо, что пройдут столетия, прежде чем люди сумеют сделать все это. Прежде чем у них появятся возможности для этого.

Танталу было все-таки намного легче.

А еще я думал о том, как сделать путешествия во времени коммерчески выгодными, если, конечно, их когда-нибудь рассекретят. Можно совершать лишь короткие прыжки во времени, можно досконально разработать методику возвращения назад, усовершенствовать саму ма-

шину времени. Но однажды можно перескочить через все эти рамки и оказаться в таком времени, где и слыхом не слыхивали ни о каких темпоральных перемещениях. И еще. Представьте себе, что вы собрались в двадцать пятый век, а вместо этого попали ко двору короля Генриха Восьмого, совершенно не зная ни обычаев, ни нравов того времени. Право, лучше оказаться в лошадиной шкуре. Вот эта неопределенность и есть главное препятствие.

Пока не удастся избавиться от всех этих пороков, нечего и думать ни о каком коммерческом использовании перемещений во времени.

Не стоит обращать внимания на «парадоксы» и всяческие «анахронизмы» — где-нибудь в тридцатом веке машину времени, может быть, уже довели до полного совершенства и вовсю ею пользуются. Так оно и будет. Это предопределено планами Создателя.

Господь дал нам глаза, мозг и две руки. Все, что мы делаем с их помощью, просто не может быть парадоксом. Ему нет нужды следить за соблюдением всех законов. Они великолепно сами управляют собой. Чудес не бывает, слово «анахронизм» во веки веков так и останется просто словом.

Честно говоря, вся эта заумная философия трогает меня не больше, чем Пита.

Каким бы ни был этот мир, он все равно мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето и ни за что на свете не соглашусь ни на какое путешествие во времени — боюсь попасть не туда. Пусть мои дети попробуют, если захотят. Я бы посоветовал отправиться вперед, а не назад. Путешествие во времени «назад» — это что-то вроде запасного выхода. Будущее всегда лучше прошлого.

Назло всем нытикам, романтикам и мракобесам, наш мир развивается, ибо человеческий разум делает его все лучше и лучше… С помощью рук… с помощью инструментов… с помощью здравого смысла, науки и расчета.

А тех умников, которые не могут и гвоздь вбить без логарифмической линейки, следовало бы направлять к доктору Твишеллу — пусть он отошлет их в двенадцатый век — там их многому научат.

А мне и здесь нравится. Вот только Пит стареет, бедняга, он уже сторонится схваток с молодыми соплеменниками и скоро, наверное, заснет навсегда. Всем сердцем надеюсь, что его маленькая верная душа отыщет Дверь в Лето и попадет туда, где всем котам хватает места, где роботы ничего

не имеют против кошек, а люди ласковы, и никто не пинается.

Рикки заметно пополнела, правда, ненадолго, и мы счастливы. От этого она стала еще красивее. Она все такая же непоседа, я беспокоюсь за нее и конструирую разные приспособления ей в помощь. Оказывается, быть женщиной очень неудобно; кто-то должен им помочь — вот я и пытаюсь сделать это в меру сил. Так, например, узнав, что основная нагрузка у беременных приходится на поясницу, я сконструировал гидравлическую кровать и собираюсь взять патент на нее. Осталось только сделать так, чтобы в нее было удобно ложиться. Ну, это не так уж трудно.

Для старины Пита я построил «кошачью уборную» — полностью автоматизированную, гигиеническую и без запахов. Но Пит, как подобает настоящему коту, предпочитает, чтобы его выпускали на улицу. Мне снова приходится открывать все двери — Пит уверен, что одна из них непременно окажется Дверью в Лето.

И знаете, я думаю, он прав.

